

Леонид Кучма

УКРАИНА — НЕ РОССИЯ

Леонид Кучма

УКРАИНА — НЕ РОССИЯ

ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ СТРАНЫ

НАРОД В ПОИСКАХ ИМЕНИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УКРАИНСКОМ
И РУССКОМ ХАРАКТЕРАХ

О КОММУНИСТИЧЕСКОМ

ЭКСПЕРИМЕНТЕ И О КОММУНИСТАХ

ГОРДИТЬСЯ СОБОЙ ИЛИ СТЫДИТЬСЯ СЕБЯ

ТЯЖКИЙ ПУТЬ ОТ УССР К УКРАИНЕ

ОБ ОТНОШЕНИИ ДРУГ К ДРУГУ

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ГЕРОЯХ

УКРАИНА И РУССКИЙ ЯЗЫК

О КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

И КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ

О РАКЕТАХ «ЮЖАН»

И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ

ТАМ, ГДЕ СХОДЯТСЯ СЛАВЯНЕ

ПРОЩАНИЕ С СССР. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УКРАИНА
«ИСТОРИЧЕСКИМ ДОЛЖНИКОМ»

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Леонид
Кучма

Украина — не Россия

МОСКВА
2003

ББК 63.3+66.5

К88

Оформление и макет

Валерий Калныньш

Фотографии

Ю. Буслинский, В. Соловьев

Издательство «Мистецтво», Киев

Леонид Кучма

К88 Украина — не Россия. — М.: Время, 2003. — 560 с., ил.

ISBN 5-94117-075-0

Книга президента Украины об Украине может открыть много нового даже тем, кто знает эту страну. Сделана попытка нарушить «заговор молчания» вокруг самых сложных и болезненных тем в отношениях двух народов, связанных «одной цепью, но и одной лавровой ветвью». Автор делится своими взглядами на украинскую старину, на события XX века и последних лет, размышляет о том, можно ли считать Украину бывшей российской колонией, об украинском и русском национальных характерах, о проблемах общего культурно-исторического наследства и взаимных «долгов»: что можно и нужно окончательно «поделить», а чего — нельзя и не нужно. Книга написана на русском языке.

© Леонид Кучма, 2003.

© Валерий Калныньш, 2003.

© Издательский дом «Время», 2003.

ISBN 5-94117-075-0

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. **ПОЧЕМУ ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА**

МОИ АДРЕСАТЫ	9
СОЗДАТЬ УКРАИНЦА	17

ГЛАВА ПЕРВАЯ. **ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ СТРАНЫ**

ДВА ОБЪЕМА И ДВА МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ	30
ЧТО МЫ УНАСЛЕДОВАЛИ. ГЕОГРАФИЯ НЕОТДЕЛИМА ОТ ИСТОРИИ	37
СОБОРНАЯ ИЛИ ФЕДЕРАЛИСТСКАЯ	44
ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ЕВРОПА	56

ГЛАВА ВТОРАЯ. **НАРОД В ПОИСКАХ ИМЕНИ**

ОТ СЛОВА «РАЙ»	62
ПУТАНИЦА ИМЁН ПОСЛЕ 1654-ro	70
БЕЗ ПРИСМОТРА ООН	73
ОБРЕТЕНИЕ ИМЕНИ	77

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ХАРАКТЕРАХ**

НАМ АБЫ ГРОШИ	80
ПО КОНТРАСТУ	90

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ И О КОММУНИСТАХ**

МОЙ ФЕНОМЕН	104
НЕ ДЛЯ СДАЧИ ВНАЁМ...	114
ДОВЕРЧИВОСТЬ	124

ГЛАВА ПЯТАЯ. **ГОРДИТЬСЯ СОБОЙ ИЛИ СТЫДИТЬСЯ СЕБЯ**

ТОЛЬКО НЕ КОЛОНИЯ	139
БЕЗ РЮРИКОВИЧЕЙ	149

ГЛАВА ШЕСТАЯ. **ТЯЖКИЙ ПУТЬ ОТ УССР К УКРАИНЕ**

УКРАИНА И РОССИЯ: РАЗНЫЕ СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ	161
ЯМЫ И УХАБЫ	164
БРЕМЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ	180
НА КАКОМ МЫ МЕСТЕ	187

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. **ОБ ОТНОШЕНИИ ДРУГ К ДРУГУ**

ШУТОЧКИ	201
ЗУД БОРЬБЫ	211

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. **О НАЦИОНАЛЬНЫХ ГЕРОЯХ**

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ	222
ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ	226
БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ	230
ВЕРЕН ЛИ БЫЛ ВЫБОР БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО	243
ИВАН МАЗЕПА	256

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. **УКРАИНА И РУССКИЙ ЯЗЫК**

УКРАИНСКИЙ КАК УГРОЗА	266
БРОСОК	278
ПОНЕМНОГУ ВЗРОСЛЕЕМ	290

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. **О КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ**

НЕ В ЛУЧШЕМ ПОЛОЖЕНИИ	303
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ. НАШ ПАНТЕОН	313

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. **О РАКЕТАХ «ЮЖАН» И ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЯХ**

НИКТО НЕ ОТСТАЕТ НАВСЕГДА	325
УПУЩЕННАЯ ВЫГОДА	336
ТОЛЧЕЯ НА РЫНКЕ	346

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ТАМ, ГДЕ СХОДЯТСЯ СЛАВЯНЕ	
ЧАЙКИНО	360
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ВАВИЛОН	369
НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ И «ИСТОРИЯ РУСОВ»	379
О ПРЕКРАСНОМ И ГРУСТНОМ	385
ДНЕПРОПЕТРОВСК	393

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПРОЩАНИЕ С СССР. ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УКРАИНА «ИСТОРИЧЕСКИМ ДОЛЖНИКОМ»	
64 МЕСЯЦА	421
ЕЛЬЦИН	437
ВОКРУГ «НУЛЕВОГО ВАРИАНТА»	445

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. НОВЫЕ ВРЕМЕНА	
КРИЗИС КРИЗИСУ РОЗНЬ	456
КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ	467
УДАР СУДЬБЫ	478
КРЫМСКИЙ УЗЕЛ	492

ПОСЛЕСЛОВИЕ	506
ПРИМЕЧАНИЯ	514

Работа над книгой, которую вы раскрыли, требовала определенного углубления в источники. Естественно, я не мог этим заниматься один. Большинство исторических, литературных и иных справок выполнено помогавшими мне специалистами, за что им мое огромное спасибо, я считаю их своими полноправными соавторами. Но, понятное дело, всю ответственность за книгу несу сам.

предисловие

ПОЧЕМУ ПОЯВИЛАСЬ ЭТА КНИГА

МОИ АДРЕСАТЫ

Перед вами книга, которую от меня едва ли кто-нибудь ожидал. Пожалуй, только мои домашние да несколько друзей детства и юности воспримут ее выход без большого удивления. Остальные, боюсь, решат, что она совершенно не стыкуется с личностью автора — ракетчика, «технаря» и, в последние годы, государственного деятеля. Хотя я отдаю в этой книге должное и ракетам, и технологиям, и государственным проблемам, и экономике, все же едва ли не половина ее — о другом. Я пишу об исторических судьбах своей дорогой отчизны и о менталитете ее народа, пишу о национальных героях Украины и о наших запутанных отношениях с Россией. Это не означает, что я создавал книгу по образу лоскутного одеяла — читатели сами увидят, насколько ракеты связаны с историей, а экономика неотделима от менталитета.

Вообще-то у нас, в отличие от стран Запада, не считается за большое диво, когда люди техники и науки являются одновременно и любителями, если не знатоками, гуманитарной проблематики. Сам я тоже всегда был к ней неравнодушен. С того дня в детстве, когда меня поразила в самое сердце история Тараса Бульбы и его сынов, я решил, что нет ничего интереснее истории. Как-то все сошлось тогда: мое «историческое» любопытство очень поощрял наш сосед и мой школьный учитель Михаил Степанович Тимошенко, а в нашем сельском клубе оказался замечательный подбор литературы (это я сейчас понимаю, что он был замечательный, в юности же все воспринимаешь, как само собой разумеющееся). Вплоть до окончания школы я погрузился в книги по истории, причем не только Украины и России, но и самых разных стран. Мне были интересны все страны и народы. Наша память устроена так, что все прочитанное в начале жизни сохраняется пусть и в малоупорядоченном, но зато в почти неповрежденном виде. У меня, по крайней мере, это так.

Уже в седьмом классе я твердо решил, что выучусь на учителя, вернусь в родное Чайкино и буду преподавать в нашей школе литературу и историю. И еще, наверное, географию — во-первых, она мне тоже нравилась, а во-вторых, в сельских школах было нормой, когда один учитель преподавал несколько предметов. Именно с такими планами в голове я отправился в 1955 году поступать в Днепропетровский государственный университет имени 300-летия воссоединения Украины с Россией. Моя мечта не сбылась. По чистой случайности я стал не учителем, а ракетчиком.

Профессия, которую я себе избрал, почти не оставляла места для интересов за ее пределами. Оглядываясь назад, я поражаюсь, как это я умудрялся еще что-то урывками читать. О дальнейшем и, главное, систематическом усвоении гуманитарных знаний речь уже идти, конечно, не могла. Однако в марте 1990 года, когда ветер перемен стал превращаться в ураган, я сказал себе: ты не вправе участвовать в решении будущего Украины, не располагая ясной картиной ее прошлого. Я только что стал депутатом Верховного Совета, и уже было понятно, что он больше не будет марионеточным органом советского образца. Каким-то чудом выкраивая время, я начал, по выражению моей жены, обновлять свой «гуманитарный парк», хотя эти усилия долгое время почти не находили применения. Говорю «почти», потому что с удовольствием вспоминаю, как работал над текстами ряда своих выступлений — в связи с 80-летием провозглашения Западно-украинской республики, по случаю 400-летия со дня рождения Богдана Хмельницкого и еще нескольких. Я мог бы полностью положиться на референтов, но во мне уже проснулся гуманитарий, дремавший больше сорока лет.

Когда страна — неважно, древняя или молодая — начинает привлекать к себе внимание в мире, очень правильно, если ее руководитель напишет о ней книгу. Самый известный пример — книга Джавахарлала Неру «Открытие Индии». Я не отважился (пока) взяться за тему «Открытие Украины». Я поставил перед собой не столь широкую, хотя и достаточно важную задачу, и еще в период своего первого президентского срока начал большую статью под названием «Украина — не Россия». Это не название-вызов (оно даже не снабжено восклицательным знаком), это название-констатация. Писал я свою статью на русском языке, урывками, надолго забывая о ней, потом вспоминал и дописывал еще страницу-другую. С годами статья незаметно

превратилась в книгу, тоже на русском языке. Если говорить о ее жанре, это «книга-разъяснение».

Разумеется, разъяснения такого рода многократно давались и до меня, но, как все мы знаем, и в России, и, как ни странно, в Украине есть миллионы людей, по-прежнему не воспринимающих или, скажем мягче, до сих пор не воспринявших эту простую истину. Для них моя книга может оказаться нелишней.

Да и за границей наши граждане не раз сталкивались с тем же, с чем, по наблюдению Маяковского, сталкивались поляки в первые годы после восстановления польского государства. «На польский [паспорт] глядят, как в афишу коза <...> Откуда, мол, и что это за географические новости?». Украина — это где-то в России? Кажется, в Сибири?

Всем, кому это интересно, я попытаюсь объяснить, прежде всего, что распалась не Россия, а СССР, что русские и украинцы — две отдельные и во многом несхожие нации, каждая со своей культурой, говорящие хоть и на родственных, но отчетливо разных языках, что у Украины свое серьезное прошлое и, уверен, будущее. Свое собственное будущее. Я не собираюсь ничего упрощать, я покажу тесную переплетенность судеб Украины и России, покажу истоки многих недоразумений.

Но, конечно, главные адресаты моей книги — в Украине и России. В частности, я был бы рад, если бы мою книгу прочли некоторые российские политики. Пост президента позволил мне увидеть некоторые аспекты темы «Украина — не Россия» под углом зрения, который мало доступен другим наблюдателям. Например, я лучше кого-либо знаю, какие серьезные проблемы способны порождать непонимание этой истины отдельными российскими политиками, даже если оно не носит злонамеренного характера, будучи именно непониманием. Но ведь и так называемая доброкачественная опухоль порой становится опасной для жизни. К счастью, мне случалось наблюдать и то, как это непонимание проходило. Прошло оно пока не у всех, но ведь еще не конец истории. Или, как говорят в России, еще не вечер.

Вообще, российские адресаты моей книги — особая статья. Мне не раз приходил в голову вопрос, как могут некоторые видные россияне новой формации — хорошо образованные, нередко со знанием иностранных языков, с кругозором и, казалось бы, тонким пониманием многих мировых проблем, — как могут эти люди проявлять та-

кую неосведомленность, когда речь заходит об Украине? Среди людей, которых я имею в виду, есть и депутаты российской Думы, включая вполне заметных, и правительственные фигуры, и общественные деятели, и политологи, и влиятельные журналисты. Имена некоторых из них даже связывали с демократическим движением советского времени, да и сегодня в их числе попадаются люди с репутацией демократов и «европейцев». И это немного загадочно, потому что их взгляд на Украину мало чем отличается от представлений какого-нибудь бывшего функционера КПСС со Старой площади.

Этот взгляд, в сухом остатке, сводится к тому, что Украина — исторически неотъемлемая часть России, отколовшаяся по какому-то странному недоразумению или даже чудачеству, что она просто заблудшее дитя. Дитя скоро устанет блукать по буеракам и вернется к мамке, счастливое, что все позади.

Русские, о которых я говорю, видят в украинцах этакую сельскую родню — вполне симпатичную, певучую (это отмечается непременно), со своими гастрономическими пристрастиями, своеобразным юмором и забавным сельским говором. Но именно родню — то есть, с небольшими оговорками, тех же русских. А что до бросающихся в глаза различий, они представляют, согласно данной точке зрения, лишь этнографический интерес. И вот эта славная родня дала задумывать себе голову каким-то «бандеровцам»...

Еще раз повторю свой риторический вопрос: как получилось, что люди, разбирающиеся в экуменизме, кейнсианстве и других замысловатых вещах, оказались настолько вне украинской проблематики, хотя все это всегда было у них под боком, в пятистах верстах от Москвы, сразу за Брянском? Где же столько раз воспетая отзывчивость русского интеллигента на чужую боль, где его универсализм, откуда такое высокомерие? Насколько я могу судить, проблема не в высокомерии, а, скажем мягко, в пробелах информированности.

Дурная осведомленность в вопросе может сыграть злую шутку и в межгосударственных отношениях. Это хорошо видно на примере одного уже довольно давнего события, хочу его напомнить. 26 августа 1991 года, через два дня после принятия Акта о независимости Украины, последовало грозное заявление пресс-секретаря российского президента. В нем говорилось, что «в случае прекращения союзнических отношений [с республиками СССР], Российская Федерация оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ». С од-

ной стороны, пресс-секретарь всегда оглашает мнение президента, а не свое личное, но с другой — эти слова произнес все-таки не сам президент, и это не было случайностью. Президент России явно не хотел публично отречься от своего образа демократического политика. Незадолго до этого в обращении к Верховному Совету Украины Ельцин заявил, что Россия не собирается становиться центром новой империи и не ищет преимуществ перед другими республиками. Всего несколькими месяцами ранее, 19 ноября 1990 года, РСФСР и СССР подписали договор, закреплявший взаимное признание существующих границ — пусть и в составе СССР (иначе их не понадобилось бы потом повторно «взаимно признавать» в «Большом Договоре» 1997 года), но все же границ, считавшихся по советской конституции, как ни верти, государственными.

Было еще одно обстоятельство. Заявление пресс-секретаря, в теории, относилось ко всем республикам распадавшегося СССР, у которых была общая граница с Россией, но в первую очередь прилагалось, видимо, к Украине, хотя была и Эстония с проблемой Нарвы-Ивангорода, и Грузия с Абхазией, титульное население которой давно тянулось в состав России. Во всяком случае, все комментарии российских политиков после заявления Воцанова касались именно Украины и только ее. До сих пор помню, как по телевидению в августе, числа 29-го, выступал Г. Х. Попов, мэр Москвы и триумфатор обороны Белого Дома. На вопрос журналистки, какие же территории Украины Россия может сделать предметом своих претензий, он с несомненным украинским акцентом (он хоть и грек, но, по-моему, откуда-то с юга Украины) ответил примерно так: «Конечно, Крым в первую очередь. Но на Украине есть и другие русские земли! Скажем, этот... как его... Днепропетровск!» Подозреваю, что он имел в виду Донецк, но эйфория победителей путча давала тогда основания всерьез относиться даже к оговоркам такого типа.

Заявление пресс-секретаря могло представлять собой некий пробный шар, могло быть сделано с подачи группы советников Ельцина и помимо «хозяина» — всю правду мы узнаем не скоро.

В один миг разразился, что называется, международный скандал. В связи с этим уже 28 августа 1991 года в Киев прибыла российская государственная делегация во главе с вице-президентом РФ Александром Руцким. Точно помню, что в делегацию входили Анатолий Собчак и Сергей Станкевич (кажется, были еще Полторанин и Бурбу-

лис). Видимо, из-за того, что визит готовился в пожарном порядке, россияне импровизировали. Но, самое главное, они совершенно не понимали, что у нас произошло, и это было невыразимо странно. Ведь им не требовалось объяснять смысл событий, только что случившихся в Москве: во многом их же руками только что была сорвана попытка кремлевских заговорщиков спасти коммунистическую империю под названием СССР. Первый и последний президент СССР Горбачев вернулся из своего фюрорского плена, чтобы, по сути, председательствовать при упразднении этой империи.

Но у наших гостей все это как-то не переносилось на Украину, которая жила ощущением великого исторического поворота, начала новой судьбы. Воздух был наэлектризован надеждами, эйфория молодежи ощущалась прямо-таки физически. Помню, группа молодых активистов даже пыталась не пустить российских гостей в здание Верховного Совета Украины. Имелись, конечно, и противники независимости, но они были ошеломлены — сперва поражением московских путчистов, а затем и историческим событием 24 августа, они видели, что составляют меньшинство, и это позже подтвердил референдум.

Так с чем же в эту атмосферу приехали посланцы России — демократы, только что, повторяю, победившие у себя в Москве имперского дракона? Оказывается, они на полном серьезе надеялись уговорить украинских братьев остановиться на полдороге. Мол, называйтесь дважды суверенными и трижды независимыми, только из нового союзного договора не выходите, а уж Москва вас за это всячески приглубит. Они искренне надеялись (по крайней мере, было такое впечатление), что вот они уже объяснят киевским несмышленишам, что между русскими и украинцами нет никакой разницы, пообещают им несколько высших постов в Москве, и несмышлениши, почесав в затылке, скажут: «Тю! И то правда! Спасибо, хлопцы, что все так хорошо растолковали. Чуть нас бес не попутал». Надо ли говорить, что ни один из прибывших (очень в духе позднесоветского мышления) ничего не понимал в украинской проблематике?

Не уверен даже, было ли им известно, что они пытаются воспроизвести одно событие 74-летней давности. 23(10) июня 1917 года Центральная рада, после того, как Временное правительство отвергло все ее требования, издала свой первый Универсал. Заявив себя единственной властью в Украине и декларируя верховенство украин-

ских законов (будущих), Рада провозгласила: «од нині самі будемо творити наше життя». Это было, по сути, объявление независимости, хотя Универсал и содержал слова «не отделяясь от всей России, не порывая с российским государством». Вскоре в Киев из Петрограда прибыли три министра Временного правительства — Керенский, Терещенко и Церетели. Нельзя не признать, что они действовали умнее московских гостей 1991 года. Керенский и его коллеги не пытались просвещать собеседников в национальном вопросе. Вместо того чтобы без единого шанса на победу вступить в борьбу с неодолимой силой, они сделали шаг ей навстречу. Это открыло возможность для довольно остроумного компромисса: Рада образует (а Петроград утверждает) новый Генеральный секретариат, который признается полномочным органом Временного правительства в Украине и одновременно украинским правительством де-факто. Не отказываясь ни от одной из своих целей, Рада соглашается не вводить «самочинную» автономию до созыва Всероссийского учредительного собрания. Обе стороны остались недовольны достигнутым, но каждая добилась максимума возможного на тот момент. Не зря говорят: плохой договор — это когда одна сторона ликует, а другая плачет; хороший — тот, которым обе стороны недовольны, но все равно его подписывают. В данном случае по очкам победила все же украинская сторона — Временное правительство обещало дать официальное согласие на украинизацию воинских частей и сдержало слово: 15 (2) июля оно объявило об этом в «Декларации временного правительства к Украинской Раде».

Для московских визитеров 1991 года подобный уровень дипломатии был недостижимым высшим пилотажем. Среди них не было, как минимум, Терещенко (худо-бедно, киевлянина). Так и не втолковав непонятливым украинцам, что те сроду не подвергались в России дискриминации, а в каких-то сферах даже доминировали, так и не сблизив их столичными постами, но все же как-то сняв напряженность, Руцкой со товарищи скромно удалились. Заявление ельцинского пресс-секретаря было дезавуировано, а истинная позиция Ельцина на тот момент осталась неясной. В дальнейшем он показал себя государственным деятелем, уважающим нашу страну и ее независимость.

Конечно, изменить что-либо ни российская делегация, ни кто угодно другой были не в силах. И все же, окажись наши гости иску-

шенными переговорщиками, хорошо подкованными в украинских делах, кто знает: не втянули ли бы они Верховный Совет Украины, состоявший из таких же, по сути, советских людей, как и они сами, в какие-то мелкие ненужные сделки и временные уступки? Но все домашние заготовки приезжих, все их хитрости были именно такими, каких следовало ждать от людей, чье понимание национального застыло на самоуверенном советском уровне. Применительно к Украине этот уровень обычно определяется двумя фразами: «Киев — мать городов русских», «Древняя Русь — общая колыбель трех восточнославянских народов» и одним подразумеваемым выводом: «Вы — это мы, а мы — это вы». То есть, *вас — нет!* Со всей вашей якобы отдельной историей и ментальностью. Причем люди, которые так думают, не видят в этом ничего для нас оскорбительного, скорее, наоборот — они, по их мнению, оказывают нам большую услугу, поднимают нас до себя. У них и в мыслях нет нас обижать, они уверены, что раскрывают родственные объятия!

Вот и я, не желая никого обидеть, выражаю надежду, что подобные взгляды изменятся у тех, кто прочтет предлагаемую книгу.

Взгляды, о которых я говорю, имели для Украины отнюдь не теоретическое значение. Нашей молодежи, которая уже плохо представляет советские порядки, стоит кое-что объяснить. Для советского отдела кадров, хоть высшего, хоть низшего, и в самом деле не было разницы между русским, украинцем и белорусом. Еще до смерти Сталина постепенно сложилось негласное номенклатурное убеждение, что представители этих трех народов полностью «свои». Данное правило действовало не только при назначениях на высшие номенклатурные посты, оно соблюдалось и при выборе знаковых фигур вообще. Если бы не нелепая гибель во время последних тренировок, первым советским космонавтом стал бы, вполне возможно, наш Валентин Бондаренко.

Полная «политическая равноценность» украинцев и белорусов с русскими особенно заметна на примере вторых секретарей республиканских ЦК КПСС. Со времен Сталина это была, по сути, должность столичного наместника, и занимать ее полагалось русскому, но функции «русского» сплошь и рядом выполняли украинцы. Белорусы — реже, но лишь потому, что их меньше. Замечу в скобках: эту традицию начал ломать, как и многое другое, Горбачев. Многие причастные к секретам власти помнят то изумление, какое они испытали от назначения грузина Шеварднадзе министром иностранных дел. Уже

совсем на закате СССР Горбачев ввел в политбюро ЦК всех первых секретарей республиканских компартий и учредил должность заместителя генсека ЦК КПСС, причем этим заместителем стал украинец Владимир Антонович Ивашко.

Но вот что любопытно. Правило, о котором я говорю, действовало от Мурманска до Памира, но не касалось выходцев из наших западных областей. Вроде бы все мы были советские люди, но некоторые были чуть-чуть менее... Несомненно, практиковались тайные и, скорее всего, устные инструкции на этот счет. Львовское (или гродненское для белорусов) происхождение в каких-то карьерах становилось ощутимым минусом. Боюсь, что Леонид Макарович Кравчук, до пятилетнего возраста — польский гражданин (нынешняя Ровенская область, откуда он родом, входила до 1939 года в состав Польши), ни за что не мог бы стать в догорбачевское время членом политбюро ЦК КПСС. При Горбачеве уже мог бы, но не пожелал. Членом политбюро стал уроженец Донбасса Станислав Иванович Гуренко.

СОЗДАТЬ УКРАИНЦА

Надо отдавать себе отчет, что само словосочетание «советский человек» представляло собой типичный эвфемизм. Эвфемизм отчасти идеалистический (или соцреалистический?), отчасти лицемерный, но главное — не до конца ясный. Скажем, дореволюционное понимание «русского» хотя и было, с украинской точки зрения, неприемлемо расширительным, но зато неясностью не страдало. В старой России, чтобы быть русским, достаточно было иметь русское самосознание и быть православным. Подразумевалось, что великороссы, малороссы и белорусы в равной степени обладают таким самосознанием и потому являются русскими по определению. В империи жили также лютеране, в правах вполне уравненные с русскими, католики (уравненные, но не вполне), мусульмане (уравненные еще менее) и иудеи (уравненные менее всего). И, наконец, были народы «с низким уровнем гражданственности», которые пользовались даже некоторыми льготами — скажем, многие малые народы Российской империи были освобождены от воинской повинности, имели свой суд и самоуправление, не платили какие-то виды налогов. Империя не препятствовала им жить своей жизнью, но не допускала их во власть.

Система, короче говоря, была недемократическая, но ее никто за демократическую и не выдавал. Правила игры были всем понятны, они объявлялись прямо и твердо. В старой России русскими были и канцлер Безбородко (несомненный украинец), и «бархатный диктатор» Лорис-Меликов (которого в СССР записали бы армянином), и барон Врангель (в советское время получил бы паспорт с записью «немец»).

Излишне говорить, что в этой системе не было места для украинцев. Для малороссов было, а для украинцев — нет. Малороссы в старой России не притеснялись как малороссы, то есть как те же русские. Об этом не могло быть и речи. Но тем из них, кто настаивал, что украинцы — отдельный народ, подчеркивал свою украинскую самобытность, приходилось выслушивать обвинения в отступничестве и «мазепинстве» — считалось, что это страшно обидная кличка. Вплоть до 1905 года полноценная и открытая украинская культурная жизнь вне рамок «этнографии» была невозможна. Да и после этого признание украинцев оставалось половинчатым.

В советское время справедливость была вроде восстановлена, и украинцев признали отдельной нацией. Разумеется, это признание было предрешено: после событий 1917—1920 годов, после того как украинская государственность стала свершившимся фактом, никакое другое решение было бы невозможно. Теоретически уравниены в правах были вообще все народы СССР; в 1917 году было упразднено сословное неравенство, а «сталинская конституция» 1936 года формально отменила и такое понятие, как поражение в правах по признаку социального происхождения — хотя соответствующий вопрос в анкетах сохранялся, наверное, еще лет тридцать.

Думаю, никто не скажет, что уравниение людей в правах без различия их национальной или сословной принадлежности не было существеннейшим достижением. Достаточно вспомнить все прошлые века, практически всю историю человечества, чтобы ответить: конечно, было.

Не станем говорить сейчас о том, что в демократической Украине, о которой мечтал и которую начинал строить Михаил Сергеевич Грушевский, все эти вопросы были бы решены куда более честно и последовательно, а главное, бескровно. Не станем, потому что речь у нас сейчас не о том, что не сбылось, а о том, что было.

А было вот что. За советские десятилетия кремлевское отношение к Украине и украинцам на поверхности как бы не менялось, но на

скрытом уровне претерпело серию метаморфоз, которых я буду касаться в этой книге. Претерпело, чтобы, в конце концов, вернуться к вполне осознанному, хотя, естественно, и не объявляемому вслух, воспроизведению дореволюционного имперского идеала единого русского народа.

Чем объяснить такой возврат к прошлому? В Кремле прекрасно видели, что доля русских в населении СССР медленно, но неуклонно сокращается.¹ В Кремле и на Старой площади были вполне грамотные референты. Они наверняка напомнили руководителям СССР, что Российская империя распалась не в последнюю очередь потому, что доля великороссов в ее населении составляла только 48% — да и то без учета Царства Польского и Финляндии. Если же с учетом (а почему, собственно, следует исключать из учета какие-то части империи?), то выходит, что в Российской империи великороссов было всего 43%. Но так как «русских» получалось в общей сложности 67%, то в Петербурге сильно по этому поводу до последнего момента, возможно, и не горевали. Вера в то, что украинцы — те же русские, в Зимнем дворце была совершенно искренней. Не зря императорская гвардия, среди задач которой главная — охрана монарха и его семьи, как минимум наполовину состояла из украинцев, а матросу Деревенько император вверил самое для себя дорогое — жизнь больного сына и наследника Алексея.

Вероятно, вскоре после Великой Отечественной войны в Кремле задались вопросом: а сколько в СССР «русских» по старому имперскому счету? Около трех четвертей, отрапортовали референты. Скорее всего, именно тогда «узкий круг» решил: вот он, резерв! Не только «кадровый» («всесоюзный кадровый резерв» — так в московских номенклатурных кругах почти официально именовали Украину), но и биологический. Надежда на то, что демографическую ситуацию можно переломить, делая украинцев (в первую очередь украинцев!) русскими, явно просматривается за всей дальнейшей политикой Кремля в национальном вопросе.

На фоне красивых слов о «новой исторической общности — едином советском народе», состоящем все-таки, как ни крути, из отдельных наций и народностей, стали все чаще слышаться какие-то не слишком внятные рассуждения о неизбежности «постепенного слияния» этих самых наций и народностей. Шедевром по части напускания тумана стали рассуждения генсека ЦК КПСС Андропова в его ре-

чи на торжественном заседании в честь 60-летия СССР в декабре 1982 года.

Сроки и механизмы предстоящего слияния никогда, нигде и никем открыто не разъяснялись, но и без слов было понятно, что оно подразумевается не одномоментным, а должно пройти некие стадии. И не требовалось быть мудрецом, чтобы сообразить: в первую очередь имеется в виду «слияние» русских, украинцев и белорусов.

Были ли основания под подобными планами? Нельзя не признать, что были. Желавших «записаться в русские» было немало среди всех народов СССР, русскую нацию «подпитывали» таким способом все, но первое место в этом вольном и невольном донорстве принадлежит, бесспорно, моему народу.²

Большие надежды возлагались и на миграционные процессы. Расчет состоял в том, что украинцы, переселившиеся в Россию или даже в другие республики СССР, рано или поздно станут русскими. Не в первом поколении, так во втором, не все, так значительная часть. И тогда будет совсем неважно, какая национальность записана у этих людей в паспорте.³ Многие украинские интеллигенты уже с самого начала увидели в этой русификаторской политике угрозу самому нашему национальному бытию. И хотя они, как показали дальнейшие события, недооценили мощнейшее «сопротивление материала», недооценили внутренний стержень украинского народа (инженеру такие сравнения представляются достаточно наглядными), я склоняю голову перед отвагой и самоотверженностью этих людей, перед их решимостью идти до конца.

Руководство СССР очень долго надеялось выиграть гонку со временем. Констатируя впечатляющие успехи естественного (и противоестественного) обрусения ряда народов СССР, оно, вместе с тем, не могло не видеть, какую объективную опасность для централизованного государства таят в себе встречные процессы — медленно, но неуклонно набирающие силу процессы национального возрождения. Однако, похоже, ни один генсек не смог оценить эту опасность по достоинству. Процессы «слияния наций» выглядели в их глазах такими натуральными: ну отчего бы братским народам не перейти, в самом деле, на единый язык? Как удобно! Ведь вот говорят же все члены ЦК по-русски и не жалуется. И на вид никогда не скажешь, у кого из них фамилия на «-ов», у кого на «-ко». Вероятно, в Кремле сильно надеялись, что СССР со временем вновь станет (де-факто, не меня выведе-

ски) чем-то вроде унитарной Российской империи, причем уже в гораздо более устойчивом варианте.

Слать ли нам сегодня проклятия вдогонку этим людям за причиненное ими зло? Они были «солдаты партии», стоявшие «выше национальных предрассудков». Более того, они сами уже реально были теми самыми «советскими людьми», в которых надеялись превратить остальное население СССР. Они выполняли свой долг, как они его понимали, они стояли на страже ложного идеала и, слава Богу, не справились с поставленной задачей. На закате своего существования руководство СССР и КПСС обнаружило полное непонимание природы и внутренней мощи национальных процессов, и это даже удивительно. Ведь, подобно тому как русская литература вышла из гоголевской «Шинели», все эти люди вышли, в конечном счете, из шинели Сталина, неспроста занимавшего пост наркома по делам национальностей. Но и на старуху бывает проруха. К счастью для Украины, к счастью для остальных республик СССР — и к счастью для России! — Горбачев и его окружение до конца остались заложниками постулатов марксизма о верховенстве экономических и классовых начал над национальными.

А можно сказать и так: зрители плотины недооценили силу воды. Что ж, бывает. Поблагодарим их за это. Потому что, если бы оценили правильно, мы бы, чего доброго, и сегодня слышали в новостях про очередной пленум ЦК КПСС, избравший товарища Такого-то (возможно, украинца!) генеральным секретарем, продолжалась бы гонка вооружений, катили бы колбасные электрички, студентов посылали бы на картошку и в комсомольские стройотряды — поворачивать северные реки на юг, а весь советский народ, стоя в очереди за импортным дефицитом, гордо выглядывал бы из-за железного занавеса. А сфера бытования украинского языка сжалась бы на новые проценты.

Склонен ли я винить в бедах Украины Россию — как страну и как нацию? Нет, не склонен. Потому что вообще не считаю правильным обижаться на историю за то, что она пошла так, а не иначе. Если говорить о делах минувших дней, то давно уже нет ни той России, ни той Украины, успокоились в могилах и правые, и виноватые, нет больше ни царей, ни генсеков. Как бы ни были велики страдания, выпавшие на нашу долю в XX веке, все же главным его итогом для Украины стало обретение независимости, и эту независимость она обре-

ла при содействии России и ее первого президента, от которого в решающий момент зависело очень многое. В XX веке Украина впервые в истории собрала в национальных границах все свои земли, и тоже не без участия, скажем прямо, России (в обличье СССР).

Сегодня обе наши страны переживают процесс выздоровления, и оно будет долгим. Мы зализываем раны семидесяти лет коммунистического тоталитаризма. Но не будем забывать, что мы цивилизованно и мирно, без единого выстрела, упразднили СССР, и в этом я вижу заслугу, в первую очередь, России. Почти одновременно с СССР распадалась на части Югославия. Там мир был свидетелем совсем иного сценария развода, от которого Господь уберег нас (нас, но не армян с азербайджанцами, грузин с абхазами, русских с чеченцами...) Ну, а если какие-то российские политики или общественные деятели из тех, что видят в Украине заблудившееся дитя, ввязываются в политические перепалки со своими украинскими коллегами, либо, наоборот, свару начинают, от большого ума, наши хлопцы, я смотрю на подобные упражнения как на слабые выхлопы пара, опасный объем которого мы, Украина и Россия, успешно и вовремя стравили.

Да, было всякое. Мы помним постановление Верховного Совета РФ в июле 1993 года о российском статусе Севастополя, помним попытку красной Думы отменить Беловежское соглашение. Это была даже не попытка, а принятое решение, другое дело, что юридически ничтожное. Но помним мы и то, что президенты России и российский МИД не только дезавуировали все подобные демарши, но от Думы следующего созыва добились, пусть и не без труда, ратификации «Большого договора» с нами. Этим договором Россия четко и ясно перед всем миром признала существующие границы Украины. У нас нет друг к другу территориальных претензий.

Когда порой в российско-украинских отношениях что-то не ладится, я напоминаю себе, какой это, в сущности, пустяк по сравнению с тем, что нами достигнуто. Украина и Россия заключили «Большой договор», мы решили (пусть и с огромными мучениями — но ведь решили же!) проблему Черноморского флота, мы сотрудничаем в космосе, авиастроении, электроэнергетике, во всех видах транзита, Россия — наш главный торговый партнер.

Наши политики и журналисты, как украинские, так и российские, кроме самых молодых, формировались в условиях, когда важные решения не обсуждались обществом — решения принимали где-

то наверху и «спускали» вниз в готовом виде для исполнения. В те времена любое заявление в печати или эфире, от кого бы оно ни исходило, выражало официальную точку зрения. Кажется, пора бы уже об этом забыть. Но нет. Ни в Украине, ни в России пока так и не научились видеть разницу между позицией соседнего государства и заявлениями, пусть самыми громкими и как бы авторитетными, но эту позицию не отражающими. Отсюда вечные недоразумения, перехлесты в прессе и общественном сознании.

Нам еще долго сживаться с мыслью, что поиск межгосударственных компромиссов может быть и почти всегда бывает долгим и тяжким. Нас обучали науке побеждать, но не обучили науке компромисса — науке, которую другие страны развивали и оттачивали веками. Я не без удивления узнал, что спор за обладание Нормандскими островами, расположенными между Англией и Францией, был улажен этими странами не когда-то в Средневековье или во времена наполеоновских войн, а лишь в 1953 году. Мало того, в середине 70-х он на какое-то время вспыхивал снова. Отражают ли такие споры нестихающую враждебность двух стран? Нет, они отражают упорство в отстаивании своих интересов. И в поиске компромисса. Путь к пониманию того, что альтернативы компромиссу не существует, был в Европе очень долгим. К счастью, нам не надо проходить весь этот путь наново. И Украина, и Россия — похоже, способные ученики (или правильнее говорить: ученицы?).

Хочу ли я этим сказать, что на самом деле все прекрасно и не затруднительно? Нет, я хочу сказать другое. А именно, что главные наши сложности, связанные с Россией, лежат не там, где их обычно видят украинские СМИ.

Среди наших проблем есть одна, решаемая в достаточной мере мучительно. Прежде чем мои соотечественники смогут спокойно сказать себе, что она решена, пройдут десятилетия. Это не российско-украинская проблема, это украинская проблема, но она тесно связана с Россией.

Речь идет о нашей самоидентификации и нашей психологии. Политологи и социологи Украины согласны в том, что процессы консолидации украинской нации пока еще далеки от завершения. Мы до сих пор не до конца поняли, кто мы такие. Одна из важных составляющих украинской самоидентификации как раз и заключена в формуле «Украина — не Россия». Было бы совершенно излишне провоз-

глашать, например, что Украина — не Турция, это ясно и так. Но после того как мы с Россией треть тысячелетия прожили под одной государственной крышей — под российской крышей! — самоотождествление украинцев в возрождающейся независимой Украине просто невозможно без четкой инвентаризации в головах и душах: это — Украина, а это — Россия.

Среди моих соотечественников есть люди, для которых национальная самоидентификация Украины сводится к лозунгу: «чтобы все было не как у москалей». Это ложный и бесплодный путь. Носители таких идей не замечают, что ставят себя в психологическую зависимость как раз от тех, от кого так страстно мечтают отдалиться, ибо превращают «москалей» в свою главную точку отсчета. Я сознаю, что тоже рискую получить подобный упрек, тем решительнее подчеркиваю, что ратую за органичный путь Украины к себе. Моя книга — и об этих вещах тоже.

Вспомним: когда Россия стала империей? Русский царь объявил себя императором после успешного завершения Северной войны и Ништадтского мира 1721 года. Такое повышение статуса Российской державы принято связывать с тем, что она закрепилась на Балтийском море от Выборга до Риги. Но при этом забывают украинский фактор. Формально Левобережная Украина находилась «под высокой рукой» московского царя с 1654 года. Но на протяжении нескольких последующих десятилетий дальнейшая судьба этого протектората выглядела непрочной — достаточно вспомнить походы Дорошенко, события Руины, гетманств Выговского, Брюховецкого, Многогрешного и особенно Мазепы. Лишь после Полтавской битвы Левобережная Украина была достаточно прочно включена в состав России, и именно это обстоятельство, не менее чем триумф в Европе, позволило России ощутить себя империей.

Да-да, надо ясно понимать, что без украинского участия Россия не стала бы тем, чем она стала, это была бы другая страна. Без украинского участия другой была бы российская история и, что еще важнее, другой была бы русская культура. Во многом другим был бы даже русский язык.

Можно ставить вопрос шире — без украинского участия другой была бы вся современная «русская (российская) цивилизация». Мне близко знакома военная составляющая современной русской цивилизации. Так вот, эта часть определенно была бы другой без

воистину мощного украинского участия, впервые обозначившегося еще в конце XVII века. Точка отсчета — совместное взятие Азова в 1696 году. Вместе с Украиной Россия стала великой державой, и, как пишет канадско-украинский историк Орест Субтельный, «с этой державой отныне [начиная с 1654 года] во всем хорошем и во всем плохом будет неразрывно связана судьба Украины». На целую треть тысячелетия.

Могло ли все это иметь место, если бы Украина была российской колонией? Если бы украинцы осознавали свой статус как колониальный, а русские — как колонизаторский? Никогда в жизни! Ни матрос Кошка, герой обороны Севастополя, ни изобретатель Кондратюк, заложивший теоретические основы космических полетов, не считали, что служат иностранному государству.

«Украину нельзя назвать колонией России, разве что это выражение будет употребляться в каком-то поэтическом смысле слова», говорит наш знаменитый ученый Мирослав Попович (я восхищаюсь этим мудрым человеком давно, со времен его теледебатов с Л. М. Кравчуком в 1989 году), и я полностью согласен с этим утверждением.

СССР образовался в 1922 году при решающем участии большевистской Украины. Кто тогда вместе с РСФСР образовал Союз? Украина, Белоруссия и Закавказская Федерация (ЗСФСР). Белорусская ССР состояла на момент вхождения в СССР всего из шести уездов бывшей Минской губернии, и число жителей в ней было соответственным. Небольшой по численности населения была и ЗСФСР. Сегодня в одной нашей Донецкой области жителей столько же, сколько было в ЗСФСР 1922 года и гораздо больше, чем их было в тогдашней Белоруссии. Без участия Украины СССР выглядел бы в момент своего образования нелепо асимметричным, просто смешным. Да он бы и не возник в таком виде. Лишь Украина придала Союзу видимость логичного образования.

Украина сыграла решающую роль и в демонтаже СССР в 1991 году. Не прибалтийские республики дали сигнал к выходу из Союза для остальных — на «прибалтов» и без того смотрели как на отрезанный ломоть. Известные слова Горбачева: «Я не мыслю себе СССР без Украины» не были просто фразой. Он как в воду глядел: СССР доконал именно Акт провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 года. Уже на следующий день, 25 августа, по нашему, как гово-

рится, горячему следу провозгласила свою независимость Белоруссия, 27 августа — Молдавия, 30 августа — Азербайджан, 31 августа — Киргизия и Узбекистан.

На страницах этой книги вы найдете и возражения тем, для кого время пребывания Украины в составе Российской империи и СССР интересно только с точки зрения борьбы за национальное освобождение. Украина жила без перерывов. Если бы ее народ вел на своей земле такое унылое и безрадостное существование, каким его, бывает, описывают, если бы он только и делал, что страдал, он не создал бы тех песен, тех мелодий, той поэзии и тех жизнеутверждающих образцов юмора, которые нас так чаруют сегодня. Я считаю абсолютно неприемлемой саму мысль о том, что наше будущее может базироваться на полном разрыве с недавним прошлым. Новой Украине важен весь ее национальный опыт, без купюр.

Часть нашего национального наследия создана на русском языке, и это, конечно, бросает вызов нашему же национальному чувству. Понятно, что мы не можем отказаться от повестей и дневников Тараса Шевченко, от множества трудов наших выдающихся историков, этнографов, писателей, публицистов, политиков, мыслителей. Однако встает вопрос: где и как провести черту? И еще более сложный вопрос: по каким критериям выделить ту область культуры, которая представляет собой, образно говоря, кондоминиум, то есть находится в совместном русско-украинском владении? Я не могу обойти эту исключительно важную тему.

Как и положено цивилизованному государству, мы убрали из паспортов графу «национальность». Что это означает практически? То, что Украина взяла курс на формирование на своей национальной территории украинского народа как полиэтнической и полиязычной гражданской нации. Когда этническая принадлежность граждан больше не закрепляется казенным документом с фиолетовой печатью, самоотожествление каждого человека окончательно становится его личным, если угодно — интимным делом. Но при этом люди, живущие на грани двух культур, не всегда могут предвидеть этнический выбор даже собственных отпрысков. Великий ученый, основатель нашей Академии наук и киевлянин родом Владимир Иванович Вернадский дивился на своих детей: дочка — настоящая «щирая» (истовая, выраженная, подлинная) украинка, принимающая близко к сердцу украинскую боль, украинскую мечту и надежду; сын же — великоросс

до мозга костей, Украиной интересуется только и исключительно как историк.

Все мы знаем, на грани каких именно культур живет значительная часть граждан Украины. И в этих условиях отсутствие графы «национальность» тревожит некоторых граждан Украины. Но постепенно, я уверен, они поймут, что отсутствие обязательно привязанной к каждому человеку бирки «национальность» разумно и правильно. Особенно в отношении тех, кто иначе должен был бы всегда относить себя к «национальным меньшинствам» — даже если сердце и рассудок говорят такому человеку: «Я с Украиной! Я украинец». Не это ли предвидел Михаил Грушевский, подчеркнувший, говоря о национальных меньшинствах Украины, что национальный такт и понимание собственного интереса подскажут им, что они должны быть с Украиной?

Уверен, что так оно и будет, но хочу добавить: не только такт и интерес. Есть еще магическое обаяние Украины. Оно привязывает к моей родине людей, не связанных с ней происхождением, куда надежнее любых гербовых бумаг, ибо давно уже сказано: «чуден Днепр при тихой погоде», и нет реки, равной ему, в мире.

Но, естественно, демократическая Украина никого не будет стеснять в его культурном и этническом выборе, а тем более принуждать к таковому. Если человек лоялен государству, гражданином которого он является, государство не вправе требовать от него, чтобы он разделял всю гамму гражданственно-патриотических чувств, которую испытывают те его сограждане, для которых национальное стоит на первом месте. Не станет уже потому, что такие требования выходили бы за пределы законов и, прежде всего, за пределы основного закона, Конституции. Мы не можем и не собираемся требовать от граждан Украины, принадлежащих к русской культуре, чтобы они не соперничали России, не гордились ею, не болели за нее.

Вместе с тем давайте честно скажем себе: идея самоотождествления исключает раздвоение этнического сознания. Раздвоение сознания — вообще скверная вещь. Тяжелые случаи раздвоения называют шизофренией. И если моя книга поможет хотя бы одному человеку уйти от раздвоения, я буду считать, что трудился не зря.

За последнее время я не раз наткнулся в печати на одну и ту же цитату — на слова одного из «отцов» современной Италии графа Камилло Кавура. В 1861 году, после того как процесс объединения стра-

ны, дотоле много веков разделенной, был завершен, он сказал исторические слова: «Италию мы создали, теперь наша задача — создать итальянцев». Всякий афоризм сгущает краски, и все же нельзя не заметить, что перед сегодняшней Украиной стоит схожая, с поправкой на «сгущение», задача.

Когда-то в сборнике «Физики шутят» я прочел такую фразу: «Если вы объяснили свою идею предельно внятно и доступно, какая-то часть аудитории, возможно, уловит тему вашего выступления». Я много раз убеждался, что это не столько шутка, сколько вполне жизненное наблюдение. Его вовсе не следует понимать так, что люди глупы. Наоборот, большинство людей сегодня достаточно образованы и начитанны. И это замечательно. Из процитированной фразы следует скорее то, что ваша аудитория полна собственных идей и представлений, пусть не всегда упорядоченных, так что ваши ссылки на какие-то факты и истины могут просто плохо стыковаться с кругом понятий вашего слушателя или читателя.

Шутливое наблюдение неведомого физика затрагивает на самом деле одну очень важную проблему — проблему изложения материала. То, что самоочевидно для одного, может оказаться полной неожиданностью для другого. Он, возможно, и согласится с вами, но не раньше, чем вы все внятно объясните. Но вы не объясняете общеизвестные, с вашей точки зрения, вещи. К чему, скажем, напоминать, что Правобережная Украина на карте слева от Днепра, а Левобережная — справа, это и так все знают. А если не все?

Лучше раз и навсегда сказать себе: вещей самоочевидных для всех и каждого не существует, поэтому не стесняйся их объяснять. Особенно самые главные и самые важные для тебя идеи. Лучше повториться, чем породить недопонимание. Твой читатель или слушатель скорее простит тебе десять банальностей, чем одну глупость. А глупостью он посчитает (и поделом!) ту мысль, которую ты не смог ему внятно объяснить.

Именно поэтому я говорю в своей книге о вещах, которые многим покажутся общеизвестными. Считаю, что о них нужно сказать. Сегодня большинству из нас просто необходимо обозначить свое отношение ко многим простым темам и предметам. Или «позиционироваться», появилось такое слово. Пора, пора позиционироваться по отношению к вещам, одновременно простым и крайне важным. Такое время пришло для Украины, такое время пришло для меня лично.

Тема «Украина — не Россия» обязывала автора постоянно обращаться к российской тематике, к российским реалиям, говорить и рассуждать о России, так что книгу можно было назвать и несколько иначе: «Украина и Россия».

Эта книга написана украинцем и с украинской точки зрения, поэтому я не жду, что мои русские друзья во всем согласятся с ней. Однако тот, кто будет искать на ее страницах что-то антирусское, зря потратит время. Да, Украина — не Россия, но это совсем не повод плохо относиться к России. Для меня, во всяком случае.

ОЧЕНЬ РАЗНЫЕ СТРАНЫ

ДВА ОБЪЕМА И ДВА МЕСТОПОЛОЖЕНИЯ

Теперь, когда Украина и Россия разделились окончательно, наши различия стали куда более наглядными. Это, конечно, совсем не мешает нам оставаться во многом схожими, а в чем-то почти идентичными, но я сейчас говорю о различиях. В советское время, когда все республики помещали скопом на одну географическую карту, было не очень видно, где кончается Украина, где начинается Россия, и где Россия переходит в Казахстан, особенно если карта была физическая. Карта вполне отражала жизнь — перемещаясь «по просторам родины чудесной», не всегда можно было догадаться, что уже покинул одну республику и въехал в другую. Наши различия затушевывало единообразное хозяйство Союза, их скрадывали совершенно одинаковые памятники Ленину от тундры до субтропиков, совпадающие цены на все три сорта колбасы и еще тысячи черт и черточек советского образа жизни.

Поэтому была своя логика в том, что школьникам Украинской ССР, как и других ССР, объясняли, что «мы» граничим с Китаем и Норвегией, а Берингов пролив отделяет «нас» от США, что 9% «нашей» территории лежит за Полярным кругом, 14% составляют просторы тундры, а 31% занят вечной мерзлотой (засело в памяти со школьных дней!), но, несмотря на это, «мы» выращиваем хлопка больше, чем такие южные страны, как Египет и Пакистан.

Теперь в школах Украины учителя объясняют нашим детям другое — что у нас (уже без кавычек) нет ни тундры, ни вечной мерзлоты, что ни одна пядь нашей земли, плохо ли, хорошо ли, не лежит за Полярным кругом. Лишены мы и хотя бы завалыщенькой пустыни, несмотря на то, что песка в Украине — вдоль многочисленных лиманов на черноморских и азовских косах — сколько угодно. У нас уже не «двенадцать морей и три океана», как было раньше, а всего два моря, зато, несомненно, свои. Есть у нас и горы (Карпатские и Крымские), есть большие реки (пусть не Амур и не Енисей, но нам нравятся), есть привольные степи, лучшие в мире черноземы и великолепные леса.

Не граница, в отличие от России, с Северной Кореей и не выходя к полюсу, Украина занимает, тем не менее, совершенно исключительное место на карте мира. Ее положение доказывает, что важнейшая региональная держава (а Украина станет таковой, когда преодолит свои нынешние экономические трудности и болезни роста) совсем не обязательно должна быть огромной. Украина входит в Карпатский и Черноморский регионы, она — законная часть Восточной Европы, а своим морским фасадом обращена к Турции. Украина прилегает к Центральной Европе, к Балканскому и Северокавказскому регионам.

Кроме того, Украина стоит на устьевой части Дуная, а значит, является одной из дунайских стран — наряду с Румынией, Болгарией, странами бывшей Югославии, Венгрией, Словакией, Австрией и Германией. Не забудем, что сверхсовременный судоходный канал соединил Дунай с Рейном и Северным морем, так что мы теперь связаны и с этими бассейнами.

Наш Северский Донец впадает в Дон, а это значит, что через систему Волго-Донского канала Украина может быть подключена к водным магистралям всего Волжского бассейна, к Волго-Балту и к Каспийскому морю. Сегодня суда не в состоянии подняться от Дона до украинской территории, причем мешает всего-то пустяк: судоходный отрезок Северского Донца начинается сразу за нашей границей, от российского города Донецк Ростовский. Современным гидростроителям вполне по плечу исправить дело.

Не все воды с территории Украины стекают в Черное и Азовское моря: наш Буг (не путать с Южным Бугом, тоже нашим, кстати!) течет на север, чтобы влиться, уже в польских пределах, в Вислу, чей конечный пункт — Балтика. Другими словами, мы входим и в число стран Балтийского бассейна, правда, пока теоретически. Но полтора века назад Буг соединили системой каналов с Неманом и Днепром — и, как знать, может быть, эти каналы еще обретут вторую жизнь? ⁴

Украина принадлежит не только к православному, но и к католическому миру, визит Папы римского это мощно подтвердил, а один из коренных народов Украины, крымские татары, связывает ее с мусульманским миром. Украина входит в несколько важных исторических пространств, среди которых надо упомянуть поствизантийское, построссийско-имперское, пост-австро-венгерское, постсоветское и посткоммунистическое. Она законная наследница всех этих исчезнувших миров.

Не буду пытаться конкурировать с учебниками географии и с поэзией — только этим двум жанрам под силу воспеть достоинства украинской земли. Я лучше процитирую здесь Гоголя, в сотый раз пожалев, что он писал только по-русски. Говоря об Украине давно минувших веков, Николай Васильевич описывает «места, где разнovidная природа начинает становиться изобретательницею; где она раскинула степи прекрасные, вольные, с бесчисленным множеством трав почти гигантского роста, часто неожиданно среди них опрокинула косогор, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину всю в цветах и по всем вьющимся лентам рек разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днепр с ненасытными порогами, с величественными гористыми берегами и неизмеримыми лугами, и все это согрела умеренным дыханием юга...

Сверкает Черное море; вся чудесная неизмеримая степь от Тамана до Дуная — дикий океан цветов колышется одним налетом ветра; в беспредельной глубине неба тонут лебеди и журавли.

...Этим подтверждается правило, что только народ, сильный жизнью и характером, ищет мощных местоположений или что только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ.

...Эта земля, получившая после название Украины, простирающаяся на север не далее 50° широты, более ровна, нежели гориста. Северная ее часть перемежается лесами, содержащими прежде в себе целые шайки медведей и диких кабанов; южная вся открыта, вся из степей, кипевших плодородием, но только изредка засевавшихся хлебом...

Прежде воды в Днепре были выше, разливался он шире и далее потоплял луга свои. Когда воды начинают опадать, тогда вид поразителен: все возвышенности выходят и кажутся бесчисленными зелеными островами среди необозримого океана воды...

Везде равнина, со всех сторон открытое место. Будь хотя с одной стороны естественная граница из гор или моря — и народ, поселившийся здесь, удержал бы политическое бытие свое, составил бы отдельное государство. Но незащитная, открытая земля эта была землей опустошений и набегов, местом, где сшибались три враждующие нации, унавожена костями, утучнена кровью» (отрывки взяты из двух очерков: «Взгляд на составление Малороссии» и «О малороссийских песнях»).

С сегодняшней точки зрения Гоголь был не совсем точен. Наша земля простиралась на самом деле далее, севернее 50-й широты. Дело в том, что для Гоголя и его современников понятия «Украина» и «Малороссия» не совпадали, вторая была больше первой. Об этом у нас еще будет речь... «Народ, сильный жизнью и характером», «смелый, страстный». «Мощные местоположения», «смелые и поразительные местоположения» (а еще в одном месте — «пленительные и вместе дерзкие»). Только перо Гоголя могло найти такие одновременно необычные и верные слова. Правда, большинство «местоположений», так восхищавших Гоголя и его современников, увы, уже перестали существовать. Они ушли под воды «рукотворных морей» — Киевского, Каневского, Кременчугского, Днепродзержинского, Днепровского, Каховского. Но остались другие «местоположения» — ими можно бесконечно любоваться, например, с Кременецких гор или с надднепровских холмов у Канева.

Имеется и другое утешение: «народ, поселившийся здесь», наконец, обрел «политическое бытие свое» и теперь — полтора с лишним века спустя после того, как вышли в свет гоголевские «Арабески», — все-таки «составил отдельное государство». Может быть, этот народ со временем восстановит и свои когда-то знаменитые виды.

А вот какие слова Гоголь находит для северо-восточных окраин Руси XIII века, куда «испуганные жители» Киевской Руси устремились после батыева разгрома. «Множество бояр и князей выехало в северную Россию. Еще прежде народонаселение начало заметно уменьшаться в этой стороне. Киев давно уже не был столицею; значительные владения были гораздо севернее. Народ... оставлял эти места и столплялся в той части России, где местоположение, однообразно-гладкое и ровное, везде почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движения, но какое-то прозябание, поражающее душу мыслящего».

Знаток возразят против такого описания, скажут, что изображена скорее лесотундра. Но текст Гоголя — не диссертация на степень кандидата географических наук. Это живое потрясенное впечатление уроженца Миргородского уезда Полтавской губернии с его мельничными запрудами и греблями, ветлами и тополями, переселившегося под невеселые великорусские небеса. Про первое впечатление не зря говорят, что оно самое верное. Во всяком случае, оно не может быть полностью неверным. Хотя Гоголь больше всего на свете ненавидел

холод, никто не заподозрит его в неблагоприятном взгляде на Россию, которую он полюбил не меньше, чем родную Украину. Но ведь и в самом деле типично украинский и типично русский пейзажи различаются, как изба и хата.

Гоголь сетует на отсутствие у Украины естественных границ, способных стать щитом против врагов. О том же задумывался Евгений Гребёнка (Евген Гребинка, 1812—1848). Двухязычный, как многие наши писатели, он был автором самого знаменитого русского романа «Очи черные» и трогательным подражателем Гоголя. Ах, если бы, горевал Гребенка, окружить Украину широкими, глубокими морями и вокруг нее возвысить горы, тогда бы мы могли быть самостоятельными, но теперь она словно ива у дороги: ее не топчет лишь тот, кто не хочет.

Строго говоря, естественную настоящую границу имеет только островное государство. Подавляющее большинство современных стран обходятся без замкнутой естественной границы. Украина же, худо-бедно, ограничена морями на юге, какие-то куски ее западной границы приходится на Дунай, Днестр и Буг, другие представлены участками карпатских водоразделов. Что касается нашей северной границы, значительная часть ее прошла по болотистому Полесью на припятском правобережье (в слове «Припять» мне так и слышится корень «препятствие», «препон», хотя это, возможно, и не так), а роль еще одного участка выполняет Днепр. Многие страны не имеют и этого. С Россией у нас, что символично, естественной границы нет нигде — если не считать Керченского пролива, на другом берегу которого лежит Краснодарский край. Не исключено, что в будущем (правда, я не верю, что в скором будущем) через Керченский пролив будет перекинут мост, и тогда между нашими странами не останется ни одной материальной преграды, только нематериальные.

Украина удачно соединяет в себе черты стран умеренного и теплого поясов. Если в украинском Полесье (моих родных местах) растут клюква и брусника, то в Крыму и Карпатском регионе у нас в промышленных количествах выращивают виноград и табак. Виноград и грецкий орех можно видеть во дворах по всему нашему югу. У нас знаменитые сады, Мелитополь даже зовут черешневой столицей Украины, при хорошей постановке дела мы могли бы обеспечивать персиками и абрикосами сразу несколько менее счастливых в климати-

ческом отношении стран. Наряду с этим у нас прекрасно родятся такие не слишком южные культуры, как лен и картофель.

Одну седьмую часть нашей территории, а это совсем немало — больше, чем площадь целой Австрии, занимают леса, и не какие-то гнилые осинники. У нас есть настоящие дубовые рощи, прекрасные широколиственные леса из липы, клена, ясеня, бука, граба, есть сосновые боры. Изумительны Карпаты, которых не знал Гоголь. О наших черноземах наслышан весь мир.

Короче, в Украине есть все или почти все, что нужно, и ничего лишнего, причем второе не менее важно, чем первое.

Россия в 28 раз больше Украины — в этом состоит самое главное из наших различий. То, что Украина, будучи в 28 раз меньше России, остается очень большой, безо всяких натяжек очень большой, европейской страной (самой большой, если брать страны, целиком расположенные в Европе), особенно наглядно высвечивает безмерность России. Российские политологи и мыслители постоянно спорят о том, как следует относиться к этой неохватности. Одни делают вывод, что исполинские пространства России — это ее величайшее сокровище и историческая удача, другим кажется, что это никакая не удача, а обуза и проклятье, третьи высказываются более осторожно — дескать, все зависит от того, как Россия распорядится своей огромной территорией.

Я же думаю, что верно и то, и другое, и наверняка еще что-то третье, но все эти споры ни о чем. Поскольку Россию нельзя себе представить в принципиально ином объеме — такой, как Дания или Португалия, как Турция или Украина, дискуссия лишена смысла. Хорошо или плохо, что у жирафа длинная шея, не лучше ли бы он смотрелся с коротенькой? Россия в ином объеме была бы не Россией, а совсем другой страной. Размеры России, одиннадцать часовых поясов — это индивидуальная примета, это данность, из которой ей самой и всем остальным надо исходить.

Данность же Украины — ее оптимальные размеры. Проблемы путей сообщения или, скажем, железнодорожных тарифов для Украины никогда не будут проблемами того же уровня, как для России. Нам не надо строить свои аналоги Транссибов, Турксибов и БАМов или решать проблему первого в истории(!) соединения запада и востока страны автомобильной дорогой — проблему, которую, кажется, собралась наконец-то решить Россия. Тысячи шляхов — от каждого се-

ла к соседнему селу, а оттуда к соседнему городу — у нас проложены сотни лет назад. Их, конечно, требуется обновлять, доводить до современного уровня, с чем мы отставали и отстаем, но в целом можно утверждать: дорожная сеть в стране есть. При этом, повторяюсь, Украина совсем не мала. От Ужгорода до Краснодона 1700 километров, а если ехать из Керчи через Винницу и Луцк на Брест, то белорусскую границу вы пересечете примерно на 1800-м километре пути. Поезд, следующий из Чопа в Севастополь, пробегает, считай, ровно две тысячи километров. Протяженность наших сухопутных границ равна 4558 км, морских — 2782 км, а в сумме это составляет 7340 километров.

Надо помнить хотя бы эти цифры, чтобы не впасть в ошибку тех, кто, по контрасту с Россией и под впечатлением низких показателей нашего ВВП (а они не вечно будут такими), уже готов навеки записать Украину в число милых, но незначительных государств. У некоторых наших авторов эта готовность обусловлена желанием, чтобы их Родина стала во всех смыслах европейской страной под черепичными крышами и со множеством маленьких магазинчиков. Я бы хотел напомнить им слова украинского ученого Степана Рудницкого, сказанные почти 80 лет назад: «Не представляя себе размеров Украины и ее народа, не только наши серые интеллигенты, но и выдающиеся политические деятели сводят украинское дело к общему знаменателю с делами “иных малых народов”... Отсутствие географических познаний имеет просто фатальные последствия».⁵ К этому можно добавить, что география по сей день остается слабым местом интеллигенции, и не только «серой», как в Украине, так и в России.

По своим размерам Украина стоит на первом месте в Европе. Иногда говорят, мол, нет, на втором — после опять-таки России. Но сравнивать можно только сравнимое. Россия является евразийской страной, причем в известном смысле более азиатской, чем европейской. Среди европейских же стран Украина, занимающая 604 тысячи квадратных километров, самая крупная. Географический центр Европы находится на украинской территории, в Закарпатье. Мне это представляется очень символическим.

Размеры нашей страны не порождают клаустрофобию у ее жителей, им просторно и свободно у себя дома. Но так же — и к западу от дома. Разница между размерами Украины и основных европейских

стран не драматическая — Украина больше них, но соизмерима с ними.⁶ А вот с Россией все они несоизмеримы. В общем, у Украины европейский размер. Размер XXL.

ЧТО МЫ УНАСЛЕДОВАЛИ? ГЕОГРАФИЯ НЕОТДЕЛИМА ОТ ИСТОРИИ

Выше я назвал территорию Украины оптимальной. По цифрам получается вроде бы так. На один квадратный километр у нас приходится 81 житель, при том, что население распределено у нас относительно равномерно. В этой равномерности отразилось еще одно преимущество Украины: практически вся наша территория благоприятна для жизни и хозяйственной деятельности. В России с ее огромными пространствами тундры и вечной мерзлоты такая картина сложиться, конечно, не могла.

Страну, где 81 житель на квадратный километр, никак не назовешь перенаселенной. Для сравнения: в Бельгии показатель плотности населения составляет 339 чел., в Великобритании — 246 чел./кв. км. Правда, кое-где у нас имеет место «скрытое аграрное перенаселение», — это когда людей на селе нечем занять. Но это все же лучше, чем брошенные, обезлюдившие деревни и заросшие бурьяном поля.

Украину не назовешь и недостаточно населенной. Типичный случай недостаточно населенной страны — все та же Россия, где плотность населения равна 8,6 чел./кв. км. Но недостаточно населенные страны вполне могут быть процветающими, что доказывает пример Канады (3,4 чел./кв. км) или Австралии (2,5 чел./кв. км).

Говоря об «оптимальности», я имел в виду лишь то, что мы располагаем людскими ресурсами, более или менее соответствующими нашей территории и природным условиям. Мы можем прокормить себя (и не только себя), наши людские ресурсы позволяют эффективно использовать нашу национальную территорию, мы способны вести на ней интенсивное современное хозяйство. Американский штат Техас примерно равен по площади Украине (он даже чуть больше), но населен совсем не так густо — всего 28 человек на квадратный километр. Следует ли отсюда вывод, что техасцы не справляются со своей территорией, что она для них не оптимальна? Думаю, что нет. Они ра-

ботают с большей производительностью, чем мы, техасская экономика — пример более интенсивного хозяйствования, чем наше.

Как все мы знаем, есть нации интенсивного и экстенсивного развития. В незапамятные времена, когда тому или иному народу было некуда расширяться — не позволяли природные рубежи и (или) сильные соседи, он поневоле обращался к более интенсивному и менее расточительному способу ведения хозяйства. Это долгий и скучный путь — путь терпения, лишений, постоянного упорного труда и самоограничения. Этот путь приучает людей работать систематически и без рывков, стимулирует изобретение полезных навыков и технологий и обязательно приводит к изобилию. Это путь, который принято называть западноевропейским, он породил ментальность, присущую жителям Западной Европы. Переселяясь за моря, на новые земли, такие люди привозили с собой приемы и привычки интенсивного труда.

Вторая модель была очень хорошо выражена у восточных славян, заселивших привольный край без четко обозначенных рубежей. Почти везде здесь раскинулись нетронутые леса, лишь на юге таило угрозу Дикое Поле. Философ Г. П. Федотов, говоря о процессе расселения наших общих предков, выделяет главный фактор: их искушал постоянный соблазн углубляться все дальше и дальше на восток и северо-восток, селиться вдоль бесчисленных рек, где проще было выжечь и распахать кусок ничейного соседнего леса, чем удобрять истощившееся поле. На всяком новом месте за неделю ставилось деревянное жилище. При таком обилии леса кто бы стал тратить силы и время на жилище каменное, чтобы оно потом привязывало к месту, как якорь? Так жить, конечно, легче и выгоднее, но «культурные слои», оставляемые такой жизнью, тоньше и в прямом, и в переносном смысле. Если гипотеза Федотова верна, становится понятна экстенсивная психология не только людей, но и тех княжеств и государств, которые они стали создавать. Едва ли эта психология различалась у полян, древлян, полочан, кривичей и вятичей. Она формировалась, вероятно, в течение многих дописьменных веков, и избавиться от нее очень трудно, тысячи лет оказалось мало.

Сохрани Украина в XVII веке свою независимость, кто знает, может быть, она сегодня являла бы собой пример страны европейского тщания во всем. А может быть и нет. История распорядилась так, что мы этого никогда не узнаем. Хоть Украина и в 28 раз меньше России, наши размеры все равно не такие, чтобы автоматически обусловить

экономные, тщательные, экологичные, энергосберегающие, технологически выверенные (и так далее, и так далее) алгоритмы нашего хозяйственного поведения. Всему этому нам еще предстоит долго учиться. Энергоемкость внутреннего валового продукта у нас остается безобразно высокой (она даже выше, чем в России — примерно на 20%; еще больше энергии мы расходует в сравнении с Белоруссией), а это один из первейших признаков экстенсивного способа производства. К счастью, этот показатель стал улучшаться прямо у нас на глазах, как только пришлось повысить тарифы на электроэнергию.

То, что мы имеем сегодня — производное не столько нашей географии, наших больших размеров (а может быть кто-то находит, что Украина, наоборот, стиснута в пространстве?), сколько новейшей истории. Мы унаследовали промышленность, составлявшую часть промышленности СССР. Она участвовала во внутрисоюзном разделении труда и развивалась согласно директивам московского Госплана. Эффективность хозяйственной деятельности в разных концах СССР могла несколько различаться, но не могла различаться кардинально.

Однако дело не только в истории и не только в географии. Мы, украинцы, любим хвалить себя за то, что мы ужасно трудолюбивые, привержены ухоженности и порядку, не то что некоторые. Мы свободлюбивые индивидуалисты по натуре, и если уж дорвемся до настоящей работы — на себя, а не на дядю, нас не остановишь. У меня у самого такое впечатление — я сравнивал огороды и надворные постройки выходцев из Украины и их соседей, когда навещал сестру, переселившуюся в Кузбасс.

Вообще-то, хвалить себя (в пределах приличия) необходимо, поскольку самообличение способно вгонять целые страны и народы в уныние, оно убивает веру людей в себя, подрывает дух нации. И все-таки давайте подождем со слишком оптимистичными самохарактеристиками. Экстенсивный дух сидит и в нас. До сих пор мы имели алиби на все случаи жизни — все можно было сваливать на советскую власть. Мы очень скоро узнаем, годится ли это алиби. Наши качества как работников и хозяев проверит земельная реформа, идущая в Украине уже несколько лет. В сельском хозяйстве все выявляется быстрее и нагляднее, чем в промышленности. Горжусь тем, что я, крестьянский сын, не спасовал перед упрямством «красных» из нашей Верховной Рады и пошел на внедрение реформы с помощью указов, ибо потеря времени была смерти подобна. Особенно я горжусь тремя сво-

ими указами: «О неотложных мерах по ускорению земельной реформы» от 10 ноября 1994 года, «О порядке паевания земель» от 8 августа 1995 года и «О неотложных мерах по ускорению реформирования аграрного сектора экономики» от 3 декабря 1999 года. Это были новаторские указы. Мы первыми на постсоветском пространстве проложили путь трансформации государственной собственности на землю в частную. Указ о земельной реформе был принят уже в первые три месяца после моего избрания — это была часть моей программы. Я сдержал слово. Повторяю: горжусь этим. Земельный вопрос в мире всегда считался самым сложным.

Конечно, есть множество сложностей и подводных рифов, но главное состоит в том, что 6,4 миллиона крестьян получили сертификаты на земельные паи. Украина защитила права собственников сертификатов (об этом был отдельный указ), чтобы люди, не имеющие отношения к сельскому хозяйству, не могли скупать землю по заниженным ценам. У нас земля была распределена действительно по принципу: «землю тем, кто ее обрабатывает». В среднем на пай приходится больше четырех гектаров, а вместе эти паи составляют 27 млн га лучшей в мире земли или 45% территории Украины! Сбывается мечта наших дедов и прадедов (а также поколений украинских либералов). Монополия государственной собственности на землю бесповоротно преодолена, это историческое свершение.

С 1 января 2002 года начал действовать Земельный кодекс, который закрепляет на законодательном уровне введенную Конституцией 1996 года частную собственность на землю. Согласно этому кодексу, крестьяне в течение трех лет получают нотариальные акты о владении землей, а с 2005 года будут иметь возможность ее продавать и покупать. До 2010 года будет действовать ограничение на размеры собственности (не более 100 га на человека). Запреты и моратории являются временными. Три и даже восемь лет пролетят быстро, времени едва хватит для землемерной съемки и раздела земли на планах, для составления кадастровых книг, принятия закона об оценке земли, об ипотеке, множества подзаконных актов. Масштабы деятельности, принимая во внимание территорию Украины, огромны. Но еще важнее другое: за это время люди привыкнут к мысли, что земля может и должна находиться в чьей-то собственности, без этого отдачи от нее не будет.

В России с начала 90-х годов тоже идет земельная реформа. Было покончено с монополией государственной собственности на землю,

значительные площади (вдвое больше всей территории Украины) переданы в собственность — но, в основном, в собственность юридических лиц. Физическим лицам досталось много меньше, да и среди них преобладают владельцы приусадебных, дачных, садовых участков. Настоящие крестьяне владеют небольшой частью земли. Может быть, в этой подробности кроется ошибка российской реформы, не знаю. Во всяком случае, в начале 2000 года средние по России аукционные цены на государственные и муниципальные земли сельскохозяйственного назначения вне населенных пунктов составляли 300 рублей, или чуть больше 10 долларов, за гектар. На первом земельном аукционе, который устроил саратовский губернатор Аяцков, 20 гектаров сельхозугодий пошли за 600 рублей. Выходит, для покупки одного комбайна потребовалось бы заложить половину сельхозугодий Саратовской области — а мы-то знаем, какие там земли. При подобных ценах инвестиции в сельское хозяйство не придут и никакая ипотека невозможна.

На этом направлении мы, похоже, опережаем Россию. 6,4 миллиона наших крестьян, получивших земельные паи еще до принятия Земельного кодекса — это, в основном, главы крестьянских семейств. То есть собственниками в Украине становится почти все крестьянское население страны. У нас продали свои паи меньше одного процента их владельцев, и редко слышны разговоры о том, что крестьяне не хотят брать землю.

Думаю, что второе украинское чудо новейших времен (первым чудом стал Божий дар независимости) произойдет именно в сельском хозяйстве. Еще не в этом году и не в следующем, так быстро дела не делаются, но произойдет. Оно окажется как раз к сроку. Мировые часы грозно отсчитывают время. Ежегодный прирост населения Земли равен 80—90 миллионам, а потери пашни составляют 6—7 млн га в год. Дефицит продовольствия в мире растет, надежды на «зеленую революцию» оказались преувеличенными. Через 10—15 лет продовольственная проблема может обостриться до мирового кризиса. Чтобы такое не случилось, уже к 2010—2012 году производство продовольствия в мире должно быть почти удвоено. Главные экспортеры продовольствия окажутся в большом выигрыше. У Украины есть шанс оказаться среди них.

Но я отдаю себе отчет и в том, что иногда события поворачивают не туда, куда все ждут. Если такое, не дай Бог, случится с нашим сель-

ским хозяйством, причинами тому будут не отсутствие капиталовложений, не колхозное наследие или заградительные пошлины Евросоюза. Придется сказать себе: мы не прошли испытание работой. Но этого не случится. Я верю в Украину. Давайте еще немного подождем.

Близки между собой модели ведения хозяйства в Украине и России или не очень, но схемы путей сообщения в наших странах различаются вполне явственно — и тоже по историческим причинам. Сеть железных дорог основной, срединной части европейской России напоминает паутину, расходящуюся одиннадцатью радиальными нитями от «паука»-Москвы. На некотором расстоянии эти нити, в свою очередь, ветвятся, так что общее число линий, сходящихся к Москве, достигает, вероятно, двух десятков. Москва — главный российский пересадочный узел. В пути с одного московского вокзала на другой (а их ни много ни мало девять, и среди них есть Киевский) в каждый данный момент, кроме глубокой ночи, находятся десятки тысяч транзитных пассажиров. Так сложилось исторически. Не думаю, что это идеальное устройство путей сообщения, хотя благодаря ему за сто с лишним лет многие миллионы людей получили возможность хоть как-то увидеть главный город России, составить о нем первое впечатление (помню, у каждого вокзала приезжих всегда зазывают совершить трехчасовую экскурсию в Кремль и по Москве).

Подобное устройство транспортной сети — автодороги ведут себя почти так же — очень наглядно отражает не только географические и хозяйственные реалии России, но и извечно централизаторский характер русского государства. Железные дороги повторили направления государственных трактов былых времен. Московская паутина ткалась не менее пятисот лет, после чего (и попутно с ней) двести с лишним лет ткалась другая, с центром в Петербурге. Наконец, в XX веке снова утвердился «москвоцентризм» с соответствующими последствиями для транспортного строительства. Ныне «московские» и «петербургские» лучи оказались наложенными друг на друга. Будучи в течение трети тысячелетия частью государства с центром сперва в Москве, затем в Петербурге и, наконец, снова в Москве, Украина находилась, к счастью, на достаточном удалении от обеих столиц. Когда дороги-лучи (Петербург—Винница—Кишинев, Москва—Харьков—Крым, Москва—Луганск—Ростов—Кавказ и другие) достигали ее территории, они уже полностью утрачивали транзитное безразличие к пересекаемым пространствам. Их украинские отрезки

и сегодня, после развала «общесоюзного» хозяйства, полностью соответствуют нашей экономике, не став в ней чужеродным телом. Помимо меридиональных, у нас вполне разумно проложены железные дороги широтного направления.

В транспортном отношении Киев мало напоминает Москву. Он — главный в Украине пересадочный узел только для авиапассажиров, что естественно для столицы. А вот железнодорожных линий к Киеву сходится только четыре, тогда как, например, к Харькову — восемь, ко Львову — семь. Сама железнодорожная сеть Украины — это именно сеть, а не паутина, раскинутая из единого центра. Сеть вполне европейской, в отличие от России, конфигурации, хотя и не европейской густоты.

В Российской империи Киев не имел никаких столичных функций, будучи просто губернским городом. Он не был центром малой империи внутри большой. В советские времена даже его статус (с 1934 года) столицы союзной республики не смог притянуть к нему какие-то важные новые железнодорожные магистрали просто потому, что все более или менее главные направления на нашей территории были освоены еще до революции. После нее рельсовых путей добавилось вообще не так много. Скачкообразному приросту общего километража мы обязаны воссоединением украинских земель в 1939—1945 гг. Железнодорожная сеть Галичины оказалась ощутимо гуще, чем на территории матери-Украины.

Киев вообще не очень «давит» на города Украины. Он не оттянул на себя «почти все», как Париж во Франции или Лондон в Англии. Конечно, Харьков, Донецк, Днепропетровск, Одесса, Львов не равны Киеву, но соизмеримы с ним. Украина по своему устройству в этом отношении ближе к Германии, Испании или Италии.

Украина имеет наибольший в Европе коэффициент транзитности — то есть мы могли бы получать от транзитных перевозок самый большой доход на континенте. Украина это свое преимущество использует недостаточно. Польша по данному показателю занимает второе место и каждый год получает от транзита более четырех миллиардов долларов. Наша страна расположена так, что через ее территорию естественным образом прошли важнейшие наземные и воздушные транзитные пути. Сложившаяся сеть украинских дорог и трубопроводов более или менее благоприятствует этому. Сегодня эта сеть используется не только Россией и ее экономическими партнерами.

Она уже сегодня важна (и, надеюсь, станет гораздо важнее) для всех остальных наших соседей, а также стран Северной Европы и Прибалтики, с одной стороны, и Балкан, Закавказья, Турции и азиатских стран СНГ — с другой. Но Украина должна бороться за транзит. Любая из стран, пользующихся им сегодня, может найти ему альтернативу, даже Россия. Широтные магистрали мы должны дополнять меридиональными, в том числе — международными (например, трассой Одесса—Львов—Варшава—Гданьск), должны модернизировать те и другие, должны построить, совместно с румынами, мост через Дунай у Измаила — как часть будущей кольцевой автострады вокруг Черного и Азовского морей. Нам необходимо строить новые терминалы и трубопроводы, вводить логистическое управление грузами. Сегодня линейная часть газотранспортной системы Украины является самой старой в Европе. По данным экспертов, пора начинать реконструкцию 60% длины всех труб нефте- и газопроводов.

Что же касается России, она так велика, что обойти ее (то есть найти альтернативные пути транзита, когда не устраивает российский) достаточно трудно.

СОБОРНАЯ ИЛИ ФЕДЕРАЛИСТСКАЯ

Спору нет, миллионам украинцев, сформировавшимся в Советском Союзе, непривычно от ощущения, что Петербург, который они знали как Ленинград, Байкал и Волга теперь за границей — как и Рижское взморье, Пицунда, Медео (список можно продолжить); но зато, я надеюсь, они теперь обратили больше внимания на свою собственную страну. И может быть, сделали для себя приятное открытие: такую страну любить легче, чем необъятную.

Любую страну мы представляем как целое, но сильно различается масштаб обзора. Украина — страна другого масштаба, чем Россия, размеры Украины допускают более близкий взгляд, любовное разглядывание. Ее, не теряя из вида отдельные части, легче представлять себе целиком.

Россия, разумеется, тоже неоднородна. В нее входит много природных регионов, причем наиболее крупные подразделяются не на «более мелкие» (применительно к России такие выражения просто не годятся), а на менее крупные. Дальний Восток делится на Чукотку,

Камчатку, Охотское побережье, Приамурье, Приморье и Сахалин с Курилами. Исполинская Сибирь состоит из Восточной — от Дальнего Востока до Енисея, и Западной — от Енисея до Урала; в Сибири есть Западно-Сибирская низменность, Алтай, Саяны, Таймыр, Прибайкалье, Забайкалье, Колымское нагорье, полярные острова. Подразделения более низкого уровня мне неведомы, что, я надеюсь, извинительно. Помню лишь Даурию в Забайкалье — кстати, туда переселились и наши крестьяне.

Многие из названных географических регионов больше всей Украины, но они видятся словно бы из окна реактивного лайнера, с такой высоты, откуда не разобрать изгиб проселка и поворот ручья. Украина открывается в более (на мой вкус, по крайней мере) гуманном измерении — с птичьего полета. В моей душе она, скорее всего, равновелика России русского патриота — у нас с ним просто разная детализация картины.

Украина словно бы соткана из отчетливо разных исторических областей. У каждой свой облик, их не перепутаешь. Для равнодушных и недругов это лоскутное одеяло, для тех, кто любит Украину — исполненный глубокого смысла и красоты узор. Украине в этом отношении близка Польша с ее Великопольшей, Малопольшей, Силезией, Мазурами, Поморьем, Подляшьем, Поозерьем, Бескидами, Розточе, Мазовше. Близка Испания, состоящая из Каталонии, Валенсии, Страны Басков, Галисии, Эстремадуры, Ламанчи, Старой и Новой Кастилии, Астурии, Андалусии, Арагона, Мурсии, Наварры, Леона. Близка, собственно, любая европейская страна достаточных размеров, потому что она обязательно делится — официально или неофициально (как Франция) — на исторические области с романтично звучащими названиями.

Наши администраторы и плановики чужды романтике, и Украину они делят совсем иначе — на десять придуманных ими регионов плюс столица. Регионы эти следующие: Северный, Центральный, Северо-восточный, Северо-западный, Днепровский, Западный, Юго-Западный, Южный, Автономная республика Крым (с городом республиканского подчинения Севастополем), Донецкий, Киев. Каждый из этих регионов, кроме столичного, объединяет от двух до пяти административных областей. Все это, с поправкой на разницу масштабов, напоминает российские административные нововведения (Уральский округ, Северо-западный округ и так далее). Наши специ-

алисты по районированию, безусловно, нашли бы взаимопонимание со своими русскими коллегами.

Россия — страна федеративного устройства, Украина — унитарного. Автономная республика Крым в составе Украины не делает ее федерацией. Вместе с тем само наличие в Украине исторических областей воспринимается некоторыми теоретиками как приглашение к переустройству страны на федеративных началах. Никаких особо сильных доводов в пользу такого переустройства пока не прозвучало. Иногда обращаются к авторитету Грушевского, цитируют его слова о том, что пренебрегать историческими названиями опасно, поскольку они возникали «не капризом дипломатов или правительственных чиновников», повторяют, что вот Грушевский, тот был убежденный федералист, стоял за соборную и федералистскую Украину. Мне из этих двух слов больше нравится первое.

Я специально изучал биографию Грушевского, и не только из естественного интереса к этому великому человеку, но и потому, что Грушевский был фактически первым президентом Украины,⁷ а портретная галерея наших президентов пока невелика. Скажу сразу: Михаил Сергеевич Грушевский, отец украинской независимости, был склонен переоценивать совершенство рода человеческого.

Как пишут его биографы, в идее федерализма он видел идеал справедливости, в этой идее для него сходилось, как в фокусе, все самое светлое — равноправие, демократия, самоуправление и социализм (Грушевский был последовательным социалистом, но его социализм несколько отличался от социализма ленинского РСДРП). Он был уверен, что потребуется не так уж много времени для воплощения его мечты об Украине — «державе [писал он] трудящегося народа, которая должна послужить образцом, школой для других демократий мира, куда они будут когда-нибудь посылать своих детей — учиться, жить, работать». Его практическая деятельность как руководителя длилась чуть больше года, он не успел столкнуться с угрозами «местной идентичности». Он был убежден, что потомки полян, северян, бужан, волынян, древлян, дулебов, тиверцев, уличей в равной степени обладают общеукраинским самосознанием, а дух местного патриотизма и соревновательности с соседями подстегнет развитие каждого региона и только ускорит развитие Украины в целом.

Мало того, он долгое время был убежден, вполне в духе своей социалистической идеологии, что последовательно проведенный

в жизнь принцип демократического федерализма делает необязательной полную государственную независимость Украины. Так думал тогда не он один. Украинский Национальный конгресс в апреле 1917 года под впечатлением демократической Февральской революции в Петрограде принял постановление о налаживании связей Украины с народами России на федеративных началах. Грушевский был самым ревностным сторонником реализации этого постановления — вопреки всем разочарованиям, какие Центральная рада испытала от контактов с Временным правительством в Петрограде. Он и его товарищи-социалисты ощущали ответственность не только за Украину, но и за судьбу всех народов рухнувшей Российской империи. Пытаясь соединить уже несоединимое, все они рано или поздно заплатили тяжелую цену за свои иллюзии.

Во исполнение постановления Украинского национального конгресса Центральная рада провела в Киеве 21—28 (7—15) сентября 1917 года Съезд народов России. Съезд высказался за коренное переустройство российского государства на принципах децентрализации, федерализма, демократии, за признание равноправия всех народов и всех языков, а также за созыв «краевых» Учредительных собраний на самых демократических началах. Съезд избрал Совет народов России во главе с Грушевским. Совету было поручено руководить «борьбой за создание Храма воли народов — Российской Федерации» (не путать с одноименным сегодняшним государством). В «храм народов» верил в свое время и Богдан Хмельницкий...

Совет народов едва успел приступить к работе, как случился Октябрьский переворот в Петрограде, опрокинувший все эти прекрасные планы. Но, удивительное дело, Грушевский даже и тогда не сразу утратил свою верность общероссийской федералистской идее. В конце ноября 1917 года Генеральный Секретариат Центральной рады рассылает краевым властям всех регионов бывшей Российской империи (и большевистскому Совнаркому в том числе!) телеграмму с предложением о создании социалистического правительства России. Телеграмма заканчивалась просьбой «немедленно сообщить по прямому проводу, в какой срок ваши представители могли бы прибыть в Киев для участия в совещании, созываемом Генеральным Секретариатом с вышеуказанной целью». Грушевский вполне допускал, что столицей обновленной демократической России (помните идею «обновленного СССР», выдвигавшуюся другим Михаилом Сергееви-

чем семь с лишним десятилетий спустя?) мог стать Киев. Сегодня трогательно и странно видеть в списке депутатов, избранных во Всероссийское учредительное собрание, имена Винниченко, Петлюры, Грушевского...

Народу Украины, миллионам простых людей пришлось заплатить тяжелую цену за социалистические и федералистские иллюзии своих вождей. В декабре 1917 года Центральная рада шлет возмущенную телеграмму в Петроград, протестуя против вмешательства в дела Украины, но даже в этой телеграмме видишь обороты вроде «как Украины, так и всей России», «состояние войны между двумя государствами Российской республики» и так далее. В этих условиях даже меньшие циники, чем Ленин и его товарищи, могли бы утверждать, что отправка войск в Украину — это не агрессия против соседней страны, а укрощение регионального руководства.

Все современные историки, которых я читал, сходятся в одном: продолжая верить в российский «храм народов», украинские социалисты откладывали важные решения, теряли драгоценное время, и, в конце концов, потеряли все.

Вот что надо знать тем, кто, не вникнув в суть дела, всеу поминает «федералистскую мечту» Михаила Сергеевича Грушевского. Кстати, применительно к самой Украине, его федерализм был нацелен не столько на исторические области, сколько на новые округа с населением примерно по миллиону человек в каждом, которые планировалось нарезать ради оптимизации их демократического самоуправления. Губерния слишком велика, рассуждал он, уезд мал, а округ будет в самый раз для того, чтобы организовать «дело санитарное, и дорожное, и сельскохозяйственное, и земельное, и промышленное, и культурное... и сеть средних школ, и какие-то высшие школы, хороший музей, приличный театр». В каких-то случаях эти округа совпадали бы с историческими областями, но, как правило — расчленили бы их надвое, натрое и больше.

На теоретическом уровне логика современных сторонников федерализма понятна. Опыт стран со сложным устройством, с контрастными в культурном и конфессиональном отношении регионами, с этнически чересполосным населением вдоль границ и морей учит, что игнорировать эти факторы и невозможно, и опасно. Как пример страны, близкой к Украине по сложности устройства, часто приводят Германию с ее католической Баварией, лютеранскими землями, упо-

минают и постсоциалистическую бывшую ГДР, вошедшую в объединенную страну шестью разными, причем тоже историческими, землями. Нам объясняют, что вот и Украине, мол, не избежать федерализации.

Но можно вспомнить совсем другой пример, французский. Призывы к федерализации страны звучали во Франции неоднократно, но французы на это не пошли. Франция была и осталась унитарным государством. Другими словами, она решила проблемы своих сложных областей без федерализации, а узлы, которые не удалось развязать, были разрублены, отрублены — я говорю об Алжире, которому безуспешно предлагался федеральный статус на рубеже 1950—1960-х.

В самый трудный период возрождения нашего государства мы избежали опасности стать конфликтогенным пространством. Кроме Германии, по сложности устройства и контрастности частей Украину сравнивают также с бывшей Югославией. Сложность и контрастность есть, а сходства нет. Югославия была страной, где жили, каждый в границах своих «социалистических республик», шесть народов, четко осознававших свою отдельность друг от друга. Вдобавок к республикам имелись две автономии — Косово и Воеводина. Все эти исторические области испытывали сильное взаимное напряжение не только с титовских времен, но и много раньше, буквально с момента образования югославского королевства в 1918 году. Ничего подобного у нас нет и не было.

Хорошо помню, следил по газетам и телевидению, как 10—12 лет назад в Югославии развивалось соперничество между республиками федерации. Местные элиты использовали в борьбе за власть сперва доводы о том, что они больше отдают федерации, чем получают от нее, затем идею свободных экономических зон, затем стали вспоминать взаимные исторические претензии и обиды. Остальное, как говорится, известно.

На территории Украины живет ряд национальных меньшинств, но это не мешает нам быть, в соответствии со всеми международными критериями, этнически однородным государством, а распад этнически однородных государств нельзя назвать тенденцией наших дней. Но, не опасаясь распада, мы все-таки не хотим и вводить кого-либо в опасный соблазн. Историческая судьба Украины сложилась так, что все части нашей территории, какую ни возьми, всегда с XIII века (кроме 1918—1922 годов и после 1991-го) находились в составе других

государств, причем если какие-то из этих государств сегодня более не существуют, то другие живы и здравствуют. А еще раньше большинство из этих частей представляли собой самостоятельные княжества. Задам прямой вопрос: к чему нам порождать в чьих-то головах сепаратистские и аннексионистские мечты и заблуждения?

Тем более что прецеденты были. Не хочется ворошить старое, но придется. 21 мая 1992 года Верховный Совет Российской Федерации принял постановление «О правовой оценке решений высших органов власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятых в 1954 году». Хотя в выпущенном вдогонку Заявлении говорилось, что Верховный Совет «ни в коем случае» не преследует цель «выдвижения каких-либо территориальных претензий к Украине», эти документы фактически ставили под сомнение территориальную целостность Украины. В следующем году тот же Верховный Совет РФ принял (9 июля 1993 года) постановление «О статусе города Севастополя», где утверждалось, будто город имеет российский федеральный статус.

Российский президент Борис Ельцин, находившийся в тот день в Иркутске, заявил, что ему стыдно за подобные действия Верховного Совета. Российский МИД также дезавуировал это постановление. Ведущим к конфронтации с Украиной и скоропалительным назвал его министр обороны России Павел Грачев. Естественно, отреагировала и Украина — постановлением Верховной Рады Украины, обращением к Совету Безопасности ООН, заявлением президента Л. М. Кравчука: он категорически осудил российских парламентариев. Уже 20 июля 1993 года Совет Безопасности со ссылкой на российско-украинский договор от 19 ноября 1990 года признал постановление Верховного Совета РФ «не имеющим силы» и несовместимым с Уставом ООН. Постоянный представитель России в Совете Безопасности Юлий Воронцов не только не наложил вето на эту резолюцию, но и согласился с содержащейся в ней оценкой.

Я спрашиваю себя: возможны ли были подобные решения российского Верховного Совета без тех опасных игр, которые вела Республиканская партия Крыма и ее лидер Юрий Мешков (впоследствии — президент автономной республики Крым), вели те силы, чьи сепаратистские надежды подпитывал автономный статус Крыма?

Ноту протеста направляла Украина и румынскому парламенту, который, перечисляя «земли румынского народа», назвал среди них ряд украинских территорий. Если румынская печать постоянно ставила

под сомнение права Украины на Буджак и особенно на Северную Буковину, то дипломатия этой страны сосредоточилась на более скромном объекте — острове Змеиный в Черном море. Это, без сомнения, связано с надеждами найти нефть и газ в 12-мильной зоне вокруг этого острова. Румыны ссылались на то, что Парижский мирный договор 1947 года между странами-победительницами во Второй мировой войне и Румынией оставил остров Змеиный за ней. Однако на основании более поздних советско-румынских договоров о мире и дружбе 1948 и 1961 годов остров отошел к СССР, так что вопрос ясен.

В июне 1997 года наши страны подписали общеполитический договор, в котором Бухарест отказался от территориальных претензий к Киеву. Но осадок остался. Ведь это урегулирование произошло лишь под влиянием расширения НАТО: в феврале 1997 года президент Константинуэску заявил, что Румыния идет на «историческую жертву» ради членства в альянсе, то есть признал этот шаг своей страны вынужденным. В первую волну расширения НАТО Румыния не попала, а во вторую попала. Тем не менее, поскольку украино-румынский договор содержит осуждение пакта Молотова—Риббентропа, остается лазейка для бесполезных территориальных споров и в будущем, пусть не обязательно на государственном уровне.

Пойдем дальше. В конце 80-х — начале 90-х Турция объявила себя защитницей балканских мусульман и тем вольно или невольно содействовала углублению балканских проблем. В последние годы она выступает в качестве покровительницы и защитницы интересов крымских татар и даже православных гагаузов Молдавии и Украины, что не может не настораживать нас.

У Украины нет никаких претензий к руководству Польши, но в общественных кругах этой страны есть силы, которые мечтают о том дне, когда украинские города Львов и Тернополь, Луцк и Ивано-Франковск, Ровно и Дрогобыч снова станут польскими. И мечтают они об этом отнюдь не молча.

Тема перекраивания послевоенных границ Европы, в частности украинских, периодически всплывает и в Венгрии, попусту будоража людей.

Следует ли облегчать жизнь всем этим мечтателям, подавать им пустые надежды? К примеру, происходит в Черновцах, в годовщину провозглашения Западно-украинской народной республики, «международная дискуссия» на тему: «Буковина и Галичина — федераль-

ная земля или федеральные земли Западной Украины?» Участники дискуссии обсуждают увлекательные вопросы — должна ли Западная Украина стать королевством, следует ли предложить престол Отто фон Габсбургу, имеет ли право на существование Великое герцогство Буковинское и так далее. Не придя к единому выводу, они, в конце концов, смилостивились: решили, так и быть, не отделяться от Украины, а стать Западно-украинской автономной республикой. Что это — безобидные шалости или что-то более серьезное?

Есть в Украине и желающие разыграть «русинскую карту», сделать конфликтогенным регионом мирную Закарпатскую область. Лидеры очень небольшой части населения, которая склонна идентифицировать себя как русины, в первый раз выступили с требованием предоставить Закарпатью статус автономной республики еще в 1990 году. В июне 1992 года сессия Закарпатского областного совета утвердила постановление о праве населения на «восстановление и изменение своей национальности» и обратилась в Верховную Раду Украины с просьбой предоставить области статус специальной самоуправляющейся административной территории и свободной экономической зоны.

Это регион сложной судьбы. Между 1919 и 1939 годами он был частью Чехословацкой республики, кое-как, но соблюдавшей права национальных меньшинств («кое-как» потому, например, что Высший административный суд Чехословакии признал 28 июня 1925 года украинский язык «чужим» для населения Закарпатья, после чего началось наступление на украинские школы). В марте 1939 года главой правительства автономной Карпатской Руси был назначен униатский священник, педагог и литератор Августин Волошин. 14 марта он переименовал Карпатскую Русь в Карпатскую Украину и провозгласил ее независимым государством. На следующий день первый сейм Карпатской Украины утвердил это решение, принял конституцию нового украинского государства. Отец Волошин был избран президентом. Карпатская Украина тут же подверглась венгерскому нападению. На Красном поле близ Хуста состоялся неравный бой. Так Закарпатье (под именем «Угорской Руси») оказалось под властью фашистской Венгрии. Ужгород стал Унгваром, Мукачево — Мункачем, а местным украинцам быстро объяснили, что они люди второго сорта. После войны возрожденная Чехословакия согласилась не настаивать на возвращении ей этой части своей довоенной территории, как населенной преимущественно украинцами, и подписала 29 июня

1945 года договор о передаче «Подкарпатской Руси» в состав СССР. Закарпатье воссоединилось с Украиной.

Нельзя, однако, не вспомнить, что за 7—8 месяцев до этого договора Сталин, хоть и считал вопрос о присоединении Закарпатья к СССР решенным, был не прочь поинтриговать с «русинским» вопросом. В «Черной книге Украины» (ее выпустило в 1998 году киевское издательство «Просвіта») приведены крайне интересные документы. В ноябре 1944 года в Мукачево вдруг возникла — явно не без помощи Политуправления 4-го Украинского фронта — инициативная группа закарпатского духовенства, которая, вероятно, должна была стать «выразителем воли русинского народа». Было подготовлено письмо «великому вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину», предельно антиукраинское по содержанию. Заканчивалось оно такой декларацией: «Воля карпато-русского нашего народа: хотим раз навсегда связать свою судьбу с судьбою наших соплеменников в СССР и то определить нам Карпато-русскую Советскую Республику». Не очень грамотно по-русски, с учетом того, что авторы объявляют жителей Закарпатья русскими. Вскоре авторы письма были вызваны в Москву. Следом, как ожидалось, в Москву должна была прибыть «гражданская делегация представителей народа Закарпатской Руси с манифестом, принятым на общем собрании депутатов местных комитетов — о воссоединении Закарпатской Руси с великим братским русским народом» (излишне говорить, что никакого «общего собрания» не было). Судя по документам, вопросом занимались немалые фигуры: Хрущев, Мехлис. Первая делегация доехала до Москвы, но была принята лишь на церковном уровне. Ничего не решавший митрополит Алексей выслушал такие слова: «Мы все преданы Советскому Союзу, но мы решительно против присоединения нашей территории к Украинской ССР. Мы не хотим быть чехами, ни украинцами, мы хотим быть русскими и свою землю желаем видеть автономной, но в пределах Советской России». То есть речь велась уже не о Карпато-русской ССР, а о Карпато-русской АССР в составе РСФСР. Я не знаю, когда наступило протрезвление. Возможно, дело отложили до урегулирования с Чехословакией, а за это время догадались запросить мнение экспертов: кто же населяет Закарпатье? Убедившись, что населяют его украинцы, в Кремле, видимо, решили предать «карпато-русский вопрос» забвению как полностью безнадежный.

Не дело президента вступать в споры филологов о том, существует ли отдельный русинский язык. Если существует, его права будут соблюдены на основании закона Украины «О национальных меньшинствах». Дело президента — не допустить, чтобы интересам независимой Украины был нанесен ущерб. Хотя Словакия никак не поддерживает русинское движение, оно все равно вносит диссонанс в украинско-словацкие отношения. Пробный шар об автономии мог быть задуман как начало какой-то сложной многоходовки. Возможно, в рамках этого же замысла возникла и «Подкарпатская республиканская партия» — всего из нескольких человек, но зато с требованием «образовать независимую, нейтральную Республику Подкарпатская Русь по типу Швейцарии». Несколько лет назад говорили даже о появлении «Временного правительства Подкарпатской Руси» (боюсь, из тех же лиц). Вправе ли я на фоне всего этого благосклонно внимать разговорам о том, как будет хорошо, если мы создадим в Украине еще три-четыре автономии?

Мы слишком молодое государство, мы слишком далеки от идеала сложившейся нации, чтобы позволить себе такие эксперименты.

В России подобные вопросы обсуждаются совершенно по-другому, ибо Россия и так уже федерация, причем больше 80 лет. Автономные образования, которые объективно имели причины в ней появиться, давно появились, а одно, Еврейская автономная область, даже было создано искусственно. Система автономий, унаследованная Россией от советского времени, была в начале 90-х усовершенствована, стала менее декоративной, чем в советское время, многие автономии повысили свой «ранг», но настроения в пользу углубления федерализации России быстро прошли.

Нынешнее российское общество наверняка высказалось бы против любых предложений о новых автономиях. Именно общественное противодействие похоронило в начале 90-х годов инициативу о воссоздании Республики немцев Поволжья на Волге. Еще меньше надежд на успех было у идеи немецкой автономии в Калининградской области. По причинам, о которых нетрудно догадаться, против нее выступили не только в России, но также в Польше и Литве. Не имели шанса быть услышанными и голоса, призывавшие к административно-территориальной автономии донских, кубанских, терских, уральских, оренбургских, сибирских казаков. Противники казачьих автономий говорят, что казачество представляло собой не этнические,

а сословные группы, сословий же в России после 1917 года нет и не предвидится.

Как это часто бывает в жизни, маятник, сверх меры откачнувшийся в одну сторону, теперь движется в противоположную. Видимо, он уже пересек линию золотой середины, но продолжает движение, стремясь к другой крайности. «Сверх меры» — не моя оценка, так российское общество восприняло призыв Ельцина (в самом начале его первого президентства) к субъектам Российской Федерации: «Берите столько суверенитета, сколько сумеете поднять». Была еще более сочная формулировка: «...сколько сумеете переварить!» Российское общество оценило этот призыв как неосмотрительное поощрение сепаратизма, и с тех пор не умолкают голоса за возврат к унитарному государству.

На самом деле, все оказалось умело просчитано. Ельцинский лозунг о суверенитете смягчил, а то и нейтрализовал накопившиеся к тому времени центробежные настроения автономных образований России (единственное исключение — Чечня), помог отстройке сложившихся в них к началу 90-х ново-старых элит и обеспечил лояльность либо нейтралитет этих элит в противостоянии Ельцина коммунистам, Верховному Совету и красной Думе. Интересно, что совершенно другие исторические и политические условия не заслонили сходство тактик: Сталин в двадцатые годы и даже в начале тридцатых часто поддерживал «национал-коммунистов» в союзных республиках, обеспечивая их лояльность и голоса в ЦК, необходимые ему для устранения соперников.

Поняв лозунг «Берите больше суверенитета» буквально, российские автономные образования несколько лет подряд принимали законы, присущие скорее независимым государствам. Еще в январе 2001 года Путин жаловался, что таких законов набралось уже несколько тысяч. Однако за считанные месяцы большинство из них, по сообщениям информационных агентств, приведены в соответствие с российской конституцией. Подытожить происшедшее можно так: Ельцин разрешил всем гулять по траве, а Путин заасфальтировал большинство натоптанных дорожек — хотя и не все. Теперь гулять можно только по дорожкам, но в целом простора для прогулок стало куда больше, чем было при советской власти, а сепаратизма, заслуживающего упоминания, исключая особый случай Чечни, в России в данный момент нет.

Итак, еще раз сравню внутреннюю политическую географию Украины с российской. Во всех 24 областях Украины украинцы составляют абсолютное большинство, но кое-где вдоль наших государственных границ компактными группами живут представители этносов, чья историческая родина лежит по другую сторону границы. В Крыму же — и это обусловило преобразование Крымской области в Автономную республику Крым — преобладают русские, второе по численности место принадлежит украинцам, живет коренной народ крымские татары и малые коренные народы крымчаки и караимы. Автономия Крыма отвечает европейским критериям. Создание новых автономий в Украине этими критериями не диктуется. Любая новая автономия для любого из компактно проживающих в Украине национальных меньшинств обернулась бы политическими рисками для всей страны. Враждебные Украине силы реванша и ревизии границ истолковали бы ее появление как приглашение расшатать ситуацию.

Что касается России, то она включает в себя сегодня, наряду с 49 областями, 6 краями и двумя федеральными городами, большое количество автономных образований: 21 республику (в их названиях даже отсутствует слово «автономная»), 10 автономных округов и одну автономную область. То есть на 57 «русских» субъектов федерации приходится 32 «нерусских». Но при этом Российская Федерация выглядит вполне устойчивым государственным образованием. Наиболее влиятельные и крупные по количеству жителей автономные республики (Башкирия — 4 млн чел., Татарстан — 3,7 млн чел.) не соприкасаются с внешними границами России, так что даже в теории не могут ее покинуть. Это в значительной мере обесмысливает сепаратизм (если он там есть).

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ЕВРОПА

Долгие раздумья о федерализме и автономиях привели меня к выводу, что российский опыт в этих вопросах совершенно неприменим к Украине. Мы и в этом оказались полностью разными. Украина и в этом — не Россия. Особенно Западная.

Осенью 2001 года мне положили на стол письмо, показавшееся мне любопытным. За такими человеческими документами многое стоит, такие документы многое дают политику. Это письмо безымян-

ного автора на одну из украинских русскоязычных интернет-страниц. Он называет себя украинским националистом, а потом пишет следующее: «Волею судеб некоторое время я живу и работаю в Москве. Так, знаете, народ, что я вам скажу? Сначала я тоже ожидал чисто великороссийских замашек по отношению к моему казацкому происхождению. Но ничего подобного — может, из-за того, что работа престижная, все окружение высокообразованное, может, еще из-за чего... Но мое отношение как к россиянам, так и к родной стране здесь заметно улучшилось. Общаясь со многими москвичами, я не переставал слышать, что Украина — это Европа, а в России, хоть это и их родная страна, все намного сложнее, и далеко не в лучшую сторону. Что интересно — что все эти русские националистические страсти разгораются по большей мере именно в Украине. И подхлестываются они все теми же нашими “родными” пророссийскими му..ками (извините за выражение), которые думают, что россияне круче, чем мы, и живут лучше. Хрен тут живут лучше! Люди на московских улицах только и делают, что на жизнь плачутся, а никак не говорят о статусе русского языка в Украине. Причем, это в Москве — в той “благополучной” Москве, жизнь в которой никак нельзя сравнивать с жизнью в России. Украина — это Европа, и именно здесь, в России, я это почувствовал. Плохо относится к Украине только быдло, но быдло, по какую бы сторону границы оно ни было, ко всему так относится».

Как видим, украинский националист при близком знакомстве с Россией стал лучше относиться и к России, и к своей Украине, хотя вместе с тем — и критичнее к обеим странам. А отложил я это письмо для своей книги и привожу именно сейчас, когда речь зашла о Западной Украине, из-за одного предложения: «Украина — это Европа». А в Западной Украине европейская ментальность украинского народа проявляется нагляднее, предметнее всего.

В советское время один партийный работник из Москвы, приезжавший к нам в Днепропетровск по делам «Южмаша», сказал мне о Западной Украине нечто такое, что заставило меня задуматься и не идет из головы до сих пор. Сказал он это вскользь, но приглушенным голосом, что придавало его словам не совсем рядовое значение. Он то ли не знал, то ли упустил из виду, что как носитель важнейших военных секретов я никогда не бывал в «мире капитализма». «Ну, мы же с вами знаем, где кончается Европа, — сказал он, подразумевая Запад. — Это видно невооруженным глазом, когда едешь на поезде, до-

пустим, из Вены. Запад кончается не там, где проходит его граница с социалистическим лагерем. Запад кончается там, где кончается Западная Украина».

Были все-таки в советской номенклатуре люди с открытыми глазами! Я сделал вид, что хорошо понимаю его слова, хотя дошел до меня только общий смысл — что Западная Украина вместе с капиталистической Европой представляет собою нечто положительное. Я спросил моего собеседника, как бы в порядке обмена впечатлениями, что он имеет в виду в первую очередь, какой признак, какая особенность Западной Украины бросается ему в глаза, когда он оказывается в ней по пути из Вены или Варшавы. У каждого-де свои критерии, для одного на первом месте стоит одно, для другого — другое. Он ответил не задумавшись: «Уважение к личности! У западных украинцев это в крови. Они вежливые. Они учтивее нас, мягче. В их повседневном языке есть слово “пан”. Это не оскорбительное слово. Этим словом они показывают уважение к человеку. Пан, пані...»

Он также высказался о духе законности, о том, что уважение к закону в характере западных украинцев, у них есть правосознание, пусть не такое развитое, как у француза или англичанина, но и далеко не такое зачаточное или нигилистическое, как у харьковчанина или днепропетровца. А отсюда — уважение к собственности, поскольку не может быть уважения к личности, к закону, без уважения к частной собственности. А с уважением к собственности связана хозяйственность, аккуратность в работе, предприимчивость, склонность к торговым операциям.

В конце нашего не очень подробного разговора этот товарищ сказал о своих визуальных впечатлениях — о том, например, что даже походка у жителей Дрогобыча не та, что у жителей Артемовска, и говорят они не так громко, и смеются не так заливисто, и что самая бедная хата в Карпатах выглядит солиднее такой же бедной хаты в донецкой степи. И наконец — о религиозности, «богомольности» западных украинцев. Желая, чтобы был соблюден баланс, я спросил, что он считает их недостатками, но об этом он распространяться не стал, сказав только, что их недостатки, как и положено, являются продолжением их достоинств, но в наших условиях для дела, мол, важнее иметь в виду достоинства.

Этот мотив — что для дела, для правильного руководства надо хорошо знать менталитет, психологию западных украинцев («бандеров-

цев», как их называли, чаще всего, ругательно или с опаской), я слышал и от работавших в Западной Украине на управленческих должностях выходцев из Восточной Украины; их было очень много во всех восьми областях, но особенно — во Львовской и в самом Львове. Смысл был тот же, который подразумевают русские, когда говорят, что Восток — дело тонкое. А тут Запад, Западная Украина — дело тонкое.

Когда я говорю, что Украина — не Россия, я делаю это не в порядке спора с теми, кто напористо утверждает обратное. С такими людьми спорить бесполезно. Но если перед тобою человек, который не вполне уверен в своем мнении, готов выслушать тебя и понять твою мысль, то такому стоит напомнить, что на свете существует, между прочим, Украина, которая никогда не была в составе Российской империи, и что населения в ней в полтора-два раза больше, чем у таких близко ему знакомых стран, как Венгрия, Чехия, Австрия, в состав которых Западная Украина входила теми или иными частями, и было время, когда целая империя, пусть всего пару недель, перед самым своим распадом, называлась Австро-Венгро-Украинской империей.

Западная Украина, при всей своей непохожести на Восточную, никогда не мыслила своего отдельного будущего. И те политические силы и личности, которых в Советском Союзе называли прогрессивными, и те, которых — реакционными, мечтали о Большой Украине, о соборности, о воссоединении украинских земель, о независимости. Западные украинцы были исключительно преданы своему языку, берегли его от поглощения и польским, и немецким, и венгерским, и словацким, и румынским, как ни трудно это было... Этими особенностями Западной Украины во многом определяется ее место в современной Украине, ее поведение во все годы нашей независимости. Как бы ни раздражали меня самые крикливые, самые невежественные из «профессиональных украинцев» Галичины, сколько бы ни осложняли они политическую жизнь в стране, я не забываю, что они относятся к той части нашего народа, которая лучше всех сохранила украинство, украинский язык, употребляет его не только в зале Верховного Совета, но и в домашней обстановке.

Мне приятно при случае поговорить о том, что Галицко-Волынское княжество было некогда настоящим европейским государством, что Данила Галицкий был королем, одним из европейских королей, что

в Западной Украине нет сел в нашем понятии, а есть маленькие, но городки, что эта часть моей страны раньше Киева попала в зону действия магдебургского права. Я очень внимательно слушаю моих собеседников из львовской и киевской интеллигенции, когда они рассуждают, почему самое важное, с точки зрения долговременных национально-политических интересов соборной Украины, то, что украинская культура бывшего государства Данилы существовала в одном «котле» с полудюжиной других культур: немецкой (австрийской), польской, еврейской, словацкой, венгерской. Мы, восточные украинцы, знали только русское влияние и лишь отчасти польское, и многим из нас не так легко представить себе, что вот есть наши соплеменники, которые веками испытывали другие влияния — западные, что западный украинец гораздо ближе по своим понятиям и привычкам к чеху, поляку, в чем-то даже к австрийцу, чем к русскому или восточному украинцу. Я согласен с теми, кто считает, что это хорошо, очень хорошо, кто возлагает на эту особенность определенные надежды.

Вместе с тем моя «политкорректность» бунтует, когда говорят так: Западная Украина дорога для всей Украины больше всего потому, что она никогда не была в составе России. Не только тактичнее, но и точнее, по-моему, говорить так: дорога тем, что всегда была частью Запада, частью Центральной Европы. Это не одно и то же. Такой подход позволяет более объективно, по-хозяйски распоряжаться всем, чего мы набрались за свою историю и от России, и от Запада. Без такого подхода, по-моему, совершенно невозможно правильно оценить, что произошло с тем же Львовом за годы советской власти. До Второй мировой войны украинцы (с русинами) составляли десятую часть жителей города и почти половина из них были заняты в качестве домашней прислуги; к моменту распада Советского Союза они были большинством и заняты были, в основном, высококвалифицированным умственным и физическим трудом. Русифицировать Львов советская власть не смогла, но сделать его украинским ей удалось, хотя это не было, конечно, сознательной целью Кремля.

Я по себе знаю, как это важно для восточного украинца — всегда помнить, что есть еще одна Украина, да, пока это другая Украина, она не выше, не лучше твоей Восточной, в чем-то она даже отстает, но ты держи в голове не это, а то, по каким статьям она впереди, в чем ее преимущество. А преимущество — в сознательном украинстве, именно это ты и должен перенимать, чтобы, в конце концов, почувство-

вать всем сердцем, что твое украинство есть дар Божий, и так ты должен к нему относиться. И тогда ты в каком-нибудь застольном разговоре с галичанином о его князе можешь уверенно напомнить ему, что и киевские князья имели такие же тесные, в том числе династические, связи с Западной Европой, и оба вы с удовлетворением примете научное положение, согласно которому праславянство по своей внутренней природе было таким же европейским сообществом, как кельтское или фракийское.

Народ в поисках имени

ОТ СЛОВА «РАЙ»

В семье человечества неповторим каждый народ, и все же судьба украинского народа принадлежит к числу самых поразительных в истории.

В 1991 году миллионы людей во всем мире узнали, что на европейской карте появилась большая, но дотоле мало кому известная страна по имени Украина. То время неспроста прозвали «весной Европы». С исторической арены уходил коммунизм, причем уходил на удивление кротко (мог ведь много чего начудить, и не только в Югославии!), словно устыдился сам себя, а на посткоммунистическом пространстве друг за дружкой возникали новые страны. На месте большой Югославии оказалось сразу пять стран, одна из которых продолжала зваться Югославией. Объявили о восстановлении суверенитета, восходящего к 1918 году, три прибалтийские республики СССР.. Глядя на карту, можно было наблюдать, как Европа пополняется новыми странами традиционного для себя размера. И лишь Украина резко выбилась из этой закономерности.

Следуя правилу, что все познается в сравнении, телевидение, газеты и журналы объясняли тогда своей аудитории, что по численности населения Украина лишь ненамного уступала трем странам Большой Семерки, а одну даже превосходила по этому показателю. Что же касается размеров, лишь два члена Большой Семерки были крупнее Украины, остальные — меньше ее, причем две страны — существенно меньше. Украина сразу оказалась самой большой страной Европы.

Как же могло случиться, — часто спрашивали во всем мире в декабре 1991 года, — что такая огромная страна так долго оставалась малоизвестной? Приведу слова известного немецкого историка Андреаса Каппелера, который констатировал в начале 1990-х: «И историческая мысль, и общественное мнение в Западной Европе вплоть до недавнего времени едва ли воспринимали всерьез и принимали к сведению существование 45-миллионной украинской нации».

Причина такого грустного положения дел заключена не только в разрыве нашей государственности, но и в том, что наш народ и наша земля на протяжении истории жили и были известны внешнему миру под разными именами.

Современные дети читают в «Тарасе Бульбе» про последний подвиг старого Тараса — его жгут заживо, а он успевает крикнуть товарищам, чтобы спускались к Днестру, к челнам, подгорной тропой, читают и доходят до места, где автор восклицает: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!». Дети в некотором недоумении. Тарас — несомненный украинец, почему же подчеркнуто прославляется русская сила? Да и на предыдущих страницах повести речь идет то об Украине, то о Русской земле.

Те из моих читателей, кто хорошо знаком с данным вопросом и без меня, могут пропустить настоящую главу.

Люди советского воспитания и образования не забыли выражение «единая колыбель трех восточнославянских народов». Эту «колыбель» мы «проходили» в школе, о ней могли иной раз упомянуть по какому-нибудь идеологическому поводу даже в техническом вузе, ее обильно вспоминали в связи с разными торжественными мероприятиями вроде Декады украинского искусства и литературы в Москве. Одна такая декада проходила, помню, как раз когда я начинал работу в КБ «Южное». Выражение было образное, и оно вызывало у меня картину полутемной хаты, горящей лучины и новорожденных тройняшек, которых по бедности втиснули в одну зыбку. Этими тройняшками были Украинец, Белорус и Русский. Особенно долго они в зыбке (прошу прощения, в колыбели), конечно, не задержались. Постепенно их жизненные пути, как у всяких взрослеющих людей, стали расходиться. Я понимал это выражение именно так, и не видел, да и сейчас не вижу, в этой картинке ничего обидного, а тем более возмутительного.

По-моему, не надо быть крупным историком, чтобы сообразить: слова «общая колыбель» и не могли претендовать на то, чтобы быть научным термином. Это же явный поэтический образ! И как поэтический образ это словосочетание хорошо понятно. За ним — общая для трех наших народов кириллическая письменность и одновременное, с разницей в месяц, крещение киевлян и новгородцев в 988 году соответственно в Днепре и Волхове. Вероятно, и Полоцкое княжество в нынешней Белоруссии было крещено примерно тогда же. Нашим

общим достоянием стал церковнославянский язык, так сильно повлиявший на живые языки украинцев, белорусов и русских. Нашей общей милой архаикой является церковный календарь с отставанием на 13 дней от остального мира. А кто теперь сможет сказать: обычай называть друг друга по имени и отчеству, он откуда — из Киева, из Новгорода? Или из Турово-Пинской земли? Можно сказать одно: это обычай возник в Древней Руси, это часть общего наследия наших трех народов.

Вроде бы никто, имеющий уши, не усомнится, что украинский, белорусский и русский языки восходят к какому-то одному корню. А что говорят ученые? Согласны ли они с тем, что тысячу лет назад наши языки были гораздо ближе, чем сегодня, но с течением времени разошлись? Если да, то бедную колыбель можно не крушить, оставить в покое. Ведь в старину «язык» и означало «народ». Язык и вера — вот что было важно для наших предков. Едва ли они ломали голову над тем, кто от кого произошел и с кем из древних народов они в родстве. А вот современных украинцев, как, впрочем, и русских, это в последние годы почему-то стало вдруг волновать. Не всех, конечно, но многие тысячи людей. Появились книги, доказывающие наше происхождение от жителей Атлантиды, от этрусков, от амазонок и так далее. Я не против того, чтобы мы происходили от этрусков или шумеров, мне симпатичны все народы, включая берендеев и печенегов, а об амазонках и говорить нечего. Желательно только, чтобы мы, проникшись их величием, начали производительнее и лучше работать.

Но вот российский академик Валентин Янин утверждает (изучив берестяные записки, которыми обменивались жители Новгорода), что древненовгородский диалект резко отличался от диалекта «русского», киевского. Он насчитал «около 30 отличий». Я не знаю, много это или мало (сегодня отличий-то побольше, не так ли?) и отодвигают ли они «общую колыбель» в какое-то более отдаленное прошлое. Может быть, нам вообще лучше говорить про «общую купель»? И про общих учителей, обучивших нас грамоте? В. Янин вдобавок утверждает, что государственность, система государственного устройства распространялась не из Киева в Новгород, а наоборот, из Новгорода в Киев.

В наши дни наблюдается прямо-таки бум исторических исследований. Сегодня любой желающий может выбрать себе историческую гипотезу по вкусу — ту, которая больше тешит его самолюбие. Я говорю о самолюбии, потому что иному человеку кажется, что если Буд-

да, Заратустра и Конфуций — древние украинцы (появились и такие утверждения), то он лично от этого становится умнее и прекраснее. Мифы необходимы молодым нациям, как детям необходимы сказки. Но потом дети вырастают, и сказки нужно откладывать в сторону.

Здравый смысл подсказывает, что перетягивание исторического наследия — бесплодное занятие. Наследник тот, кто унаследовал, — этим духовное наследие отличается от недвижимости. Отменить такое наследование, когда оно произошло, уже невозможно. Мы, украинцы, не можем объявить себя монополистами духовного наследия Древней Руси, ибо его реально унаследовали три народа. Когда русские студенты-филологи изучают «Слово о законе и благодати», «Хождение игумена Даниила в Святую Землю», «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве», они изучают свою (и, разумеется, нашу), а не иностранную литературу. Литература Киевской Руси — родоначальница литератур Украины, России и Белоруссии, что тут ужасного для нас? Я не вижу, чтобы в этом утверждении содержалось посягательство на права и древность украинской литературы. Это утверждение не отнимает у нее ни одной строки. Важная часть духовного наследия древнего Киева была сохранена в России и больше нигде. Я имею в виду былины Киевского цикла про Владимира Красное Солнышко, про киевских богатырей Илью, Добрыню и Алешу Поповича и их многочисленные подвиги. Эти былины уцелели и были записаны главным образом близ Онежского озера, в Архангельской и Владимирской губерниях, но не в Украине, и нам негоже делать вид, будто это не так.

Наш выдающийся историк Омельян Прицак заметил, что все хотят происходить от шумеров. Жители Атлантиды — это покруче шумеров, но не предел. Мне говорили, что в Петербурге вышло двухтомное исследование, авторы которого, два доктора наук (у одного вполне украинская фамилия Кандыба), утверждают, что русскому народу 18 миллионов лет. Разумеется, все научно обосновано.⁸ В нашей современной жизни ученые видят множество опорных элементов культуры, имеющих очень и очень давнее происхождение. Именно на них держится современная культура украинцев, белорусов, русских, все позднейшие наслоения. Вот как долго дает о себе знать «общая колыбель»! Или купель.

Но следует ли из этого, что все наследники Древней Руси обязаны или даже обречены всегда жить в одном государстве? Древнерус-

ское государство, просуществовав несколько веков (не скажешь, что недолго!), утратило свою цельность за сто с лишним лет до Батыева нашествия. Его распад был так же естественен и закономерен, как распад СССР в конце XX века.

Тут важно, по-моему, не впасть в одно недоразумение — особенно в связи с тем, что речь у нас идет о смене имен Украины. Наши далекие предки сильно бы удивились, услышав названия «Киевская Русь» или «Древнерусское государство» — книжные выражения, придуманные в начале XIX века. Свою родину они называли Русью и Русской землей. «Русь» означала также и народ Руси («русь» — название того же типа, как «чудь», «жмудь», «голядь»). Говорили еще «русины» (как «литвины», «грузины», «мордвины») и, видимо, достаточно редко «русичи» (как «немчичи», «вятичи», «кривичи»). Слово «русичи» есть в «Слове о полку Игореве».

После того как единое государство прекратило свое существование, идея Русской земли сохранялась еще на протяжении веков, сохранялся понятный во всех ее концах язык. Может быть, это были уже разные языки — языковеды, видимо, никогда не придут к согласию — главное, что эти языки были понятны каждому, кто относил себя к «руським» или «русьским». Само написание: «русьскыя» и «русьский» («Русьскыя земли игумен Даниил», «Седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: се буди мати градом русьским») помогает понять, что эти слова обозначали «относящийся к Руси», «принадлежащий Руси» — земле Русь или народу русь.

На отделившихся окраинах долгое время все прекрасно помнили, «откуда есть пошла Русская земля», где главная Русь. Как нынешние обитатели спальных районов, направляясь в центр города, частенько говорят «поехал в город», так и люди XII века, едучи из дальних княжеств на Киевщину, говорили, что едут на Русь (или в Русь). В Новгородской летописи под 1132 годом сказано: «В се же лето ходи Всеволод в Русь Переяславлю» (из Новгорода в Русь, к Переяславу). В 1142 году: «Епископ и купьце и слы новгородьскыя не пушаху из Руси» (кстати, чувствуется по цитатам, что отношения после обретения Новгородом независимости сложились не самые лучшие).

И около того же времени впервые появляется слово «Украина»! Но что оно означало? Всегда надо помнить, где находится точка видения. То, что для нас Закарпатье, для чехов и словаков Подкарпатье. Галичина, находившаяся, с точки зрения киевлян, на окраине («оукраине»)

Руси, зовется в Ипатьевской летописи под 1189 годом «Украиной Галичкѡй». Двумя годами раньше та же летопись сообщала, как переяславский князь Владимир Глебович, простудившись в походе против половцев, «разболеся болестью тяжкою, ею же скончался. О нем же Украина много постана». Имеется ли в виду, что о Владимире Глебовиче много стонал «его край», его земля? Ответить утвердительно мешает тот факт, что переяславские князья при взгляде из Киева тоже были «окраинными». Вместе с тем ясно, что, находясь в Киеве, невозможно назвать родную землю «окраиной». Окраиной чего? Вне всякого сомнения, все не так очевидно, как кажется на первый взгляд.

Еще в XIX веке утвердилось мнение, что «Московщина» и «московский народ» присвоили себе историческое имя нашего народа («Русь», «русский»), и именно в связи с этим нам пришлось найти себе другое имя — «Украина» и «украинцы». Против такого мнения восстал в 30-е годы пламенный украинский патриот, дипломат времен независимой Украины (1917—1920), член Государственного Сената при Скоропадском, профессор Сергей Павлович Шелухин. В эмиграции он написал книгу «Україна — назва нашої землі з найдавніших часів» («Украина — название нашей земли со стародавних времен»). Прodelав титаническую работу, он выявил буквально все упоминания об Украине, начиная с XII века, в летописях и хрониках, в записках иностранных путешественников, в государственных документах разных стран, на старинных европейских картах, в народных песнях и преданиях. В частности, он «пять зим читал 130 толстенных томов Полного собрания законов Российской Империи в поисках слов “Украина” и “украинцы”».

Шелухин пришел к убеждению, что именно название «Русь» было для Украины «политическим» и чужим, принесенным извне. Согласно выводам Шелухина, названию «Русь» потребовалось 400 лет, чтобы внедриться и стать более или менее общепринятым, но оно так и не смогло вытеснить теплое исконное славянское имя «Україна», означающее, во-первых, «страну» (страну вообще), а во-вторых, «родной край». Неудивительно, что это слово, в конце концов, возродилось и вытеснило все другие наименования нашей земли.

«Насколько много говорит народное имя Украины душе, совести и сердцу, настолько имя Русь не вызывает к себе высоких и интимных чувств и привязанности, ибо было присвоено владыками в знак торжества над покорившимся народом. Потому-то народ никогда и не

дорожил именем “народ русский” и “Русь”», — утверждал Шелухин. Под владыками Шелухин здесь имел в виду древних «русов» (кстати, по его представлениям, это были не варяги, а галлы, они-то и дали свое имя Галичине), но его вывод универсален. Этот вывод можно приложить и к официальной точке зрения царской России, видевшей в украинцах тех же русских и звавших Украину Малороссией.

Гипотеза Шелухина многое расставляет по местам. Мне и самому всегда ясно слышалось в названии «Украина» слово «рай», к тому же такой рай, который надежно «укрывает» своих обитателей. Но гипотеза Шелухина не отменяет того факта, что наш народ и наша земля окончательно усвоили свое нынешнее имя лишь век с небольшим назад.

Что же касается слова «Россия», оно достаточно давнее и пошло от византийских греков. Произносить «Русь» было им по какой-то причине неподручно, и они заменили «у» на «о». Кроме того, в соответствии со своими представлениями о том, как следует правильно именовать страны, они добавили две буквы в конце. У тех же греков, а точнее — в канцелярии константинопольских патриархов, родились затем и понятия «Малая Россия» и «Большая (Великая) Россия». В средневековом страноведении понятия «большой» и «малый» употребляли не для сопоставления размеров, а для обозначения исторических частей той или иной страны. «Малая» часть всегда была исторической сердцевиной страны, а «большая» — территорией позднейшей колонизации и расселения ее народа. Скажем, в Польше есть исторические области Малопольша и Великопольша, причем Малопольша (вокруг Кракова) — более древняя и «корневая» часть страны. По тому же принципу греки стали отделять более близкую и известную им «Малую» Русь от отдаленных и не столь хорошо известных княжеств Владимиро-Суздальского, Рязанского, Муромского, Смоленского и прочих, заселявшихся и колонизированных выходцами (а после Батыева погрома — и беглецами) из «старой» Руси.⁹

А как называл себя сам наш народ? Долгие века — через закат Киевщины, Батыево разорение, времена Литовской Руси и Речи Посполитой — он продолжал звать себя «народом руским» («руським») и «русинами». «Утяжени естесмо мы, народ Руский, от народа Полского ярмом над Египетскую неволю... Чим бы только человек жив быти мог, того неволен русин на прирожденной земли своей Руской уживати, в том то руском Лвове», — говорится в «ламенте» Львовского православного братства.

В Московском государстве постепенно закрепилось самоназвание «русский» («русские»), существительное из прилагательного. Это вполне обычная форма. Часть белорусов долго была известна под именем «тутэйших», вятичи называли себя «вятскими» (мы — вятские, ребята хватские), псковичи — «пскопскими» (ударение на второй слог), в Сибири жили «семейские». Ты кто? Я пскопской. То есть из Пскова, из Псковской земли, из «пскопских». По тому же принципу образовано слово «православный», «православные» — редко кто говорит «православный человек», «православные люди». Знатоки европейских языков подсказали мне, что тем же способом образованы самоназвания многих народов: «François» — «француз» (буквально: «французский»); «the English» — англичане (буквально: «английские»).

Вот сколько уже успело у нас набраться названий: Русь, Русская земля, Малая Россия, Большая (Великая) Россия, Русия, «Оукраины», Украина, Украина Малороссийская, Великое княжество Киевское, Великое княжество Московское, Великое княжество Литовское, Киевская митрополия в Москве, Киевская митрополия в Вильне, русичи, русины, русьские. Еще пока можно разобраться, но уже легко и запутаться.

Великому княжеству Московскому повезло. Соседи редко называли это государство Россией,¹⁰ чаще — Московской землей, Московией, Московщиной, а то и просто Москвой, но для своих жителей оно очень рано стало и многие века оставалось Русью (иногда даже Святой Русью). Знаменитый протопоп Аввакум пишет, как пришла ему в Сибирь грамота (в 1664 году): «велено ехать на Русь», и он водой «в русские грады приплыл». Свою родину Аввакум зовет то «Руская держава», то «наша Россия». И все годится!

Что же до «Украины», в век Богдана это имя употреблялось все чаще и чаще, но, как говорят историки, еще не стало общепринятым. Скажем, антимосковски настроенный гетман Иван Выговский пытался создать на украинских землях Великое княжество Русское. А один из первых украинских политэмигрантов, сподвижник Мазепы, гетман в изгнании Филипп Орлик понимал дело так: есть страна Украина, но населяет ее «народ казачкий».

Впечатление такое, что Украина еще не до конца уверена, что ей следует называться именно Украиной, что она ищет свое имя, перебирая разные варианты. Это отразил в «Летописи» Самойло Величко

(закончена в 1720 году). Он называет украинцев то народом руским, то словянским, то сарматским и даже козарским (хазарским) и роксоланским, иногда украинским, иногда малороссиянами. Он употребляет выражения «козацкий язык», «наши сармато-козацкие предки», «предки наши козакоруськи», «отчизна наша Украйно-Малороссийская», «писари словянокозацкие». Слово «Украина» как название страны у Величко преобладает (но не «украинцы» и не «украинский язык»). Он даже употребляет выражение «Речь Посполита Украинська» — то есть Украинская республика!

ПУТАНИЦА ИМЁН ПОСЛЕ 1654-го

Выяснение вопроса, как нас называть, идет и с российской стороны. Долгое время царские чиновники избегают употреблять название «Украина», поскольку на российской стороне есть своя Украина (это будущая Слобожанщина). Они пишут «Малая Россия», «малороссияне», «народ черкасский», «чиркасы запорожские», «черкашани». Название «черкасы» держалось удивительно долго. Сто с лишним лет спустя, в указе Екатерины от 9 сентября 1775 года, сказано: «Из черкас сформировать Украинские полки». С другой стороны, еще царь Петр, к догме не склонный, писал 16 января 1712 года: «Гарнизоны в малороссийских городах укреплять людьми из украинцев», — ученые выяснили, что это вообще одно из самых ранних употреблений на письме слова «украинцы» кем бы то ни было.¹¹

Россия долго не могла определиться даже с собственным названием. Обозначение «всая России» есть уже на монетах Ивана III, но она все равно продолжает именовать себя по-разному: то Московским, то Русским, то Российским государством. Историки раскопали памфлет Смутного времени с очень странным заголовком: «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском». За границей Россию также продолжали называть Московией, по старой памяти. В 1713 году Петр I, наконец, спохватился, что «во всех курантах [иностранных газетах] печатают Государство наше Московским, а не Российским», и приказал русскому послу в Дании «сие престеречь, чтоб печатали Российским, в чем и к прочим ко всем дворам писано». Но Россия, будучи отдельным и самостоятельным государством, могла себе такое позволить. Для Украины же не-

определенность была настоящей трагедией, о чем сама Украина тогда, видимо, еще не догадывалась.

Национальное самосознание не может явиться раньше утверждения национального имени. В польской Речи Посполитой украинцы твердо ощущали себя отдельным «русским народом». Но ведь и Московщину, по их сведениям, населял «русский народ». Это сейчас, треть тысячелетия спустя, нам понятно (или кажется, что понятно) истинное положение дел. А во времена Богдана совпадение двух самоназваний сильно сбивало с толку.

Под одной государственной крышей оказались два народа, совершенно разные по характеру и традициям, образу жизни, хозяйственному укладу, вкусам, пристрастиям и бытовым привычкам, с разным историческим опытом и совершенно не совпадающей национальной памятью. Но при этом каждый из этих двух народов считал себя русским! Тут надо уточнить: себя считал, а насчет другого очень скоро начал сомневаться.

Бритым украинцам бородатые русские показались похожими на козлов, отсюда пошло прозвище «кацап» (как цап; «цап» по-украински «козел»). Великороссам же, наоборот, было странно, как это можно брить бороды и головы, их поражали чубы казаков. Отсюда известная кличка «хохол». Для людей консервативного XVII века такие радикальные различия во внешности были почти невыносимы. Украинцам претила самоуверенность «москалей», их пройдошливая манера ведения торговых дел. Даже появился глагол «москалить», то есть плутовать.

Сомнения возникли и с другой стороны. «Такие ли уж они православные, эти малороссы? — спрашивало московское духовенство. — Не набрались ли латинской ереси от поляков?»¹² Но это были скорее мелочи. Уже в самые первые годы появились более серьезные раздражители. Москва начала размещать гарнизоны в украинских городах, провела непрошеную перепись населения, прислав бесцеремонных переписчиков, задерживала жалованье казакам, народ жаловался на московских воевод.

Почему же в первые 30—40 лет после Переяслава не случилось отторжения Украины? Россия была в это время еще достаточно слаба и ни за что не смогла бы удержать Украину, если бы та решила отделиться.

Тому были три причины. Во-первых, для украинцев Левобережья, не забывших польские зверства времен Освободительной вой-

ны, самая плохая Россия была лучше самой хорошей Польши. Вторых, после присоединения к России Левобережная Украина пользовалась вполне реальной автономией, которая сильно смягчила, как выражаются ученые, «шок культурно-социального контакта». И в-третьих, хотя украинская элита Левобережья быстро заподозрила, что из двух «русских» народов это имя должен носить только один, такая догадка еще не равнялась ясному национальному самосознанию. Для его обретения должно было утечь, как показало время, еще очень много воды.

Простые украинцы видели все гораздо однозначнее. Они очень долго не могли себя заставить даже называть Россию Россией, не говоря уже о том, чтобы видеть ее своей. Отсюда частота употребления дубликатных имен «москаль» и «Московщина»:

Поїхав козак в Московщину та там і загинув,
свою рідну Україну на віки покинув.
Велів собі насипати високу могилу,
казав собі посадити в головах калину:
будуть пташки прилітати калиноньку їсти,
будуть йому приносити з України вісті.

Задумаемся: какое именно обстоятельство решило в пользу России исход Северной войны 1700—1721 гг.? Ведь она легко могла проиграть эту войну. Вот что говорит выдающийся украинский историк Николай Костомаров: «Честь Русской державы вырвана была из бездны почти неминуемой. Опасность была чрезмерно велика. Если бы, как того надеялся Карл, малороссийский народ прельстился обольщениями своего гетмана [Мазепы] и славою северного победителя [шведского короля Карла XII], Петру ни за что бы не сладить со своим противником. И если кто был истинным виновником спасения Русской державы, то это — малороссийский народ, хотя эта сторона дела не выставлена до сих пор историею в настоящем свете». Не «выставлена» даже через 120 лет после того, как Костомаров написал эти строки в 1882 году!

Общепризнанно, что благодаря победе в Северной войне Россия стала великой державой, ибо вышла к Балтийскому морю, об этом у нас уже шла речь. Однако выход к Балтике был хоть и важным условием для превращения России в великую державу, но недостаточным.

Дело по-настоящему решило ее соединение с Левобережной Украиной. С помощью украинских казаков Россия, еще до Балтийского моря, вышла к Азовскому. Опираясь на Украину, а правильнее сказать, совместно с Украиной, Россия победила нашего общего многовекового врага, Крымское ханство, вытеснила из Северного Причерноморья и с кавказского берега Турцию, вышла к Дунаю и Пруту, стала империей.

И тут честному человеку негоже изловчиться и стороной обойти вопрос: осуждая все имперское, признает ли Украина, что с пользой для себя участвовала в имперских завоеваниях России? Я долго думал, стоит ли затрагивать данную тему, и пришел к выводу, что лучше ее затрону я, чем нам на свой лад будет этим тыкать в глаза недоброжелатель.

БЕЗ ПРИСМОТРА ООН

Мудрый Иван Дзюба напоминает: «Европейские государства создавались без присмотра ООН, ЮНЕСКО и даже Европарламента, создавались железом и кровью; страшные злодеяния, сопровождавшие этот длительный процесс, а точнее, бывшие его сутью, уже надежно забыты, во всяком случае, вытеснены из обыденного сознания, эти государства могут уже похваляться своим благородным обликом... Классические государства формировались в эпоху, когда не существовало международных норм, касающихся прав человека и прав национальных меньшинств, — эти меньшинства, собственно, целые этносы безжалостно интегрировали или, если это не удавалось, уничтожали, что привело к необратимому обеднению этнической и духовной картины человечества... Классические национальные государства создавались на основе жесткого протекционизма, посрамляя то, что впоследствии развилось в понятие “открытого общества”».

Страны, о которых говорит Иван Дзюба, остепенившись, пришли к молчаливому согласию, что созданное «железом и кровью», ценной «страшных злодеяний», «безжалостной интеграции» целых этносов и «жесткого протекционизма» имперских культур пересмотру уже не подлежит. Даже если бы возникло благородное желание произвести такой пересмотр, сделать это не удалось бы из-за отсутствия ра-

зумного способа. Любой шаг в этом направлении откроет такой страшный ящик Пандоры, что человечество содрогнется — ведь список «исторических» претензий народов друг к другу бесконечен (и не дремлют литераторы, готовые этот список удвоить). Цивилизованные страны поняли, что у них лишь один выход: впредь вести себя прилично, бороться за соблюдение прав человека дома и в мире, развивать открытое общество, не пытаясь изменить то, что уже неизменно — прошлое.

Такое отношение к прошлому сложилось, по сути, совсем недавно, после Второй мировой войны. Главным его выражением стал принцип нерушимости границ. Границы не должны ставиться под вопрос как якобы исторически несправедливые или не совпадающие с расселением народов. Если же какое-то государство разделяется, административные границы, с согласия сторон, приравниваются к государственным и становятся таковыми. В соответствии с данным принципом разделились и Югославия, и Чехословакия, и СССР. Этот опыт не был нов, он уже был опробован ранее в XX веке: по административной границе Норвегия отделилась от Швеции, Ирландская республика и Северная Ирландия также провели рубеж между собой по границам графств, Венгрию из Австро-Венгрии выкроили по старым внутриимперским, а не по этническим границам.

К европейским государствам, о которых говорит Иван Дзюба, без сомнения, относится и Российская империя — СССР. Немалая часть нашей современной территории, в частности, все наши азово-черноморские берега и Крым — это земли, отнятые Российской империей (а значит, и Украиной) у турецкой Оттоманской империи в результате политики, которую сегодня принято называть имперской, и затем заселенные российскими жителями — в основном украинцами и русскими. Эта страница истории перевернута и ревизии не подлежит, как не подлежит ревизии превращение Египта фараонов в арабский или греческого Константинополя в турецкий Стамбул, однако вправе ли мы утверждать, что не участвовали в имперской экспансии, что мы тут вообще ни при чем?

Излишне напоминать, что наш народ долго пребывал в разделенном состоянии. Наши земли входили в состав других государств, но нас никогда не считали частью польского, венгерского, словацкого, румынского или молдавского народов. Одна лишь Российская империя числила «малороссов» частью русской «титულიной нации», а «Ма-

лороссию» — частью имперской метрополии. Такое включение отнюдь не воспринималось украинской элитой как ошибочное, напротив, она с восторгом ухватилась за открывшиеся российские карьерные возможности. Еще бы! Ведь казацкая старшина, так долго и безуспешно мечтавшая о шляхетстве в Речи Посполитой, была уравнена в правах с русским дворянством.

Лишь с середины XIX века в Украине начала подспудно вызревать альтернативная элита, смотревшая на дело иначе. Она была украинской уже в полном смысле этого слова, но ее час настал только в 1917 году. Впрочем, и эта элита не отвергла «имперские» приращения. Ведь эти земли давно уже были заселены и освоены, притом преимущественно украинцами.

Позволю себе одно сравнение. Не существовало отдельного государства Шотландия, но шотландцы, тем не менее, были одной из имперских наций Великобритании. Они охотно делали карьеру в Лондоне и в английских колониях, сражались ради их приращения. Дунканы, Макдональды, Гамильтоны (это настоящие фамилии английских генералов и адмиралов — шотландцев по происхождению, отличившихся в колониальных войнах Великобритании XVIII—XIX веков) покоряли (или пытались покорить) для Британской империи Судан, Египет, Нигер, Бирму, Афганистан, Гонконг, Трансвааль, топили флоты колонизаторов-конкурентов. Память их чтут и в Англии, и в Шотландии.

Украинцы родом, фельдмаршалы, генералы и адмиралы Котляревский, Милорадович, Паскевич, Перовский, Гудович, Завойко, Гурко, Закревский, Полторацкий, Святополк-Мирский, Драгомиров, Кондратенко (этот список долог) тоже сражались за империю, а многие из них участвовали и в ее расширении. В некоторых современных толстых журналах про этих выдающихся воинов сегодня можно прочесть, что они были не более чем янычары на службе у врагов Украины. Жизнь подобных янычар, по мнению тех, кто навешивает на них сегодня ярлыки, была вот что: «обреченность на служение врагу, обреченность на подвиги ради твоего врага, против врагов твоего врага». Военачальники, о которых мы говорим, услышав такое, потеряли бы дар речи, поскольку им не были знакомы те политические идеи, на основании которых их сегодня осуждают. Многие из них жили еще в то время, когда эти идеи даже не были сформулированы. Но дело еще и в том, что названные и неназванные генералы не только воева-

ли против (к примеру) кавказских горцев, но и участвовали в отражении наполеоновской агрессии, в обороне Севастополя, в освобождении балканских славян от турецкого ига. Считаю, что нам следует гордиться такими людьми, не сомневаюсь, что их имена войдут в наш национальный пантеон.

Самое замечательное, что нам для этого совершенно не требуется отнимать их у России. Эти полководцы принадлежат и России, и Украине. И не только полководцы. Дело касается тысяч и тысяч имен во всех сферах истории и культуры, духовной и материальной — имен, без которых Украина останется непозволительно, недопустимо бедна. Уверен, что мы удержимся от того, чтобы обокрасть самих себя. А такое может произойти в том случае, если мы окажемся настолько безумны, что будем настаивать на нашем прошлом колониальном статусе. Признание такого статуса означало бы, что мы говорим России: «Оставь этих янычар, этих манкуртов себе, нам они не нужны, мы их презираем как изменников», означало бы, что мы бесповоротно дарим России значительную часть нашего национального наследия. Россия и без того спокойно и законно считает эту часть своей. Но уже есть русские (их, правда, единицы), которые считают, что при правильной постановке вопроса стороны могли бы прийти примерно к такому соглашению: в обязательном порядке обозначать принадлежность специально оговоренного (и очень многочисленного) круга ученых, художников, писателей, военачальников, мореплавателей и т. д. в энциклопедиях, учебниках и справочниках двух наших стран как «русско-украинский» или «украинско-русский» (в каких-то случаях — «украинского происхождения»). Эти единицы мечтают увидеть подробную и солидную «Российско-украинскую энциклопедию» (или «Украинско-российскую»), говорят, что в решении подобных деликатных задач нам помогли бы англо-шотландские примеры и прецеденты. Пока что такие мечты могут только посмешить большинство русских, но кто знает, что будет завтра?

Украина была частью имперской метрополии. Обращать упреки в этом к историческим личностям прошлого — это все равно, что уличать римского ученого Лукреция в невежестве за то, что он не знал таблицу Менделеева. По-человечески мне понятен пафос наших национал-романтиков. Но я не могу вслед за ними признать годы, проведенные Украиной в составе Российской империи, потерянным вре-

менем, важным и интересным лишь с точки зрения борьбы за независимость. Я не могу согласиться с отсечением доброй половины нашей культуры.

Если бы историки крайних взглядов взяли верх, Украина превратилась бы в бледное пятно на культурной карте Европы. Дело будет выглядеть так, будто одна из крупнейших стран этой части света не сумела внести в ее сокровищницу вклада, достойного своих размеров. А ведь это неверно, ведь культура Украины богата, но богата она как раз в своей «имперской» версии, что с этим поделаешь? К этой теме мы еще вернемся.

ОБРЕТЕНИЕ ИМЕНИ

Как бы то ни было, возникает вопрос: почему явно выдающиеся украинцы былых времен не видели, что пребывание в империи — это все же тупиковый для Украины путь? Не могли же они не ощущать особость и отдельность своей родины? Или они были как на подбор темные и недалекие (хоть и выдающиеся)? Непохоже. Но было же что-то такое, что мешало их прозрению? Думаю, что мешало отсутствие ясной самоидентификации. Если даже сегодня, после того как десятки и десятки миллионов людей столько лет жили с записью «украинец» в паспорте, социологи говорят о незавершенной национальной самоидентификации украинцев, что же требовать от людей XVIII—XIX веков?

Григорий Сковорода говорил, что любит «мать-Малороссию и тетку-Украину». Он был твердо уверен, что это не одно и то же. И не только он. Я уже говорил о Гоголе, который объяснял читателям «Арабесок», что Украина «простирается на север не далее 50° широты». Он был большим знатоком географии, автором статьи «Мысли о географии», писал, хоть и не закончил, большую «Географию России». Значит, он не относил к Украине земли к северу от Миргорода, Лубен и Переяслава. И Киев, как видно, для него не был Украиной. И еще 300 верст на север, до Стародубского полка (ныне город Стародуб в составе России), были для него, получается, не Украиной, а Малороссией.

Поскольку понятие «Украина» не было официальным термином — географическим или государственным, каждый мог его толко-

вать по своему усмотрению. Вот почему в течение двух веков Украина могла считаться лишь частью Малороссии, да и понятие «Малороссия» после 1781 года, то есть после введения губернского деления, тоже перестало быть официальным. Даже в начале XX века продолжались споры о том, допустимо ли включать в Украину Волынь.

Мог ли быть легким, при такой путанице понятий, путь к ясному и твердому украинскому национальному самосознанию?

С большим запозданием стало утверждаться слово «украинцы». Первое время так (а еще «украиняне») называли, видимо, жителей и уроженцев Слободской Украины. И только Тарас Шевченко, спасибо ему, дал толчок уже далее неостановимому процессу. Это был процесс осознания миллионами людей своего истинного народного имени. Не то чтобы Шевченко постоянно внедрял это слово, просто любое употребленное им слово становилось бесспорным. Человек, написавший великие и страшные — и не только для верующих людей — строки:

Я так її, я так люблю
 Мою Україну убогу,
 Що проклену святого Бога,
 За неї душу погублю! —

словно совершил ценой собственной души какой-то непостижимый обряд искупления всех прошлых и будущих грехов своей родины. Никто бы не смог оспорить слово, особенно такое важное, как «украинцы», после того как его употребил Шевченко. За считанные десятилетия миллионы людей сделали для себя открытие, что они не малороссы, а украинцы, и это открытие стало для них великой радостью. Они как будто вспомнили его, как вспоминают что-то с рождения известное, но забытое. Время для имени пришло.

Слово «малороссиянин» едва ли могло стать основой национального самосознания. Можно ли себе представить существование «малороссийской нации» — нации, в названии которой слышится что-то умаляющее? Да еще рядом с «великороссийской». К XIX веку давно уже забылась константинопольская логика, когда-то поделившая Русь на Большую и Малую. Ухо лишь слышало, что кого-то называют великим, а кого-то малым, и быть «малым» не хотелось. А еще в «малороссе» чудился какой-то «малорослый», и это тоже было обидно, тем более что не соответствовало действительности.

Есть какая-то подспудная связь между «малороссом» начала XX века и «младшим братом» сталинских времен. Те, кто придумал «старшего брата», едва ли подразумевали такую связь. Тезис о «старшем брате» был введен в оборот сталинским Агитпропом в 1936 году, ввиду необходимости возрождения патриотизма самого крупного народа СССР перед лицом немецкой военной угрозы. Поэтому речь шла только о «старшем брате». Другие члены семьи никак не упоминались. Но воображение людей тут же все додумало само. Если есть старший, значит предполагалось наличие младших.

В 1936 году об этом не думали, но когда пришел 1954-й, год 300-летия воссоединения Украины с Россией, и всюду заговорили об общей колыбели трех восточнославянских народов, идея старшего брата стала выглядеть и вовсе глупо. Общая колыбель подразумевала близнецов, то есть ровесников, какой уж тут старший и младший! Несмотря на всю нелепость затеи, советский этикет долго сохранял понятие о «старшем брате». А у нас вспоминали народные сказки, в которых младший брат всегда оказывался умнее и удачливее всех.

Об украинском и русском характерах

НАМ АБЫ ГРОШИ

Раз уж мы разные народы, то и характеры у нас должны быть разные. Обойти эту тему невозможно, но она довольно сложна. Как человек науки и техники, я привык к тому, что любой объективно существующий параметр можно измерить. Национальный же характер — вещь неуловимая, приборным замерам не поддающаяся, а то, что нельзя измерить, строго говоря, нельзя считать и объективно существующим. Нас уверяют, что с помощью тестов, анкет и статистики национальный характер со временем удастся выявить научно, но произойдет это не скоро. Если я правильно понял, исследователи еще много лет будут заняты согласованием терминов и методик. Сами они, впрочем, пока суд да дело, продолжают описывать исследуемый предмет с помощью словесных характеристик — то есть по старинке, заведомо приблизительно и ни на чем не настаивая. Значит, и остальным не запрещено поступать точно так же.

Не буду пытаться обрисовать национальный характер, украинский или русский, как целое. Для этого понадобилась бы еще одна книга, может быть даже вдвое толще. Да и не мое это дело, я не психолог и не социолог. Моя задача скромнее.

Придя к твердому убеждению, что украинец и русский не тождественны (а материал для сравнения имелся в изобилии: 90% людей, с которыми мне довелось общаться в жизни, были либо украинцами, либо русскими), я время от времени пробовал мысленно — для самого себя — уловить и сформулировать разницу между ними. Встречал я обсуждение этого вопроса и в книгах. Не могу сказать, что мне все стало ясно и я пришел к окончательным выводам, но все же...

Лет тридцать назад, если уже не больше, я прочел в журнале «Вокруг света» заметку, которая поначалу меня поразила. В ней рассказывалось, как шведский продюсер дал в шведской газете объявление, что для съемок фильма ему нужны сорок «типичных шведок». Соискательниц явилось в двадцать раз больше, и все они были шведки. Поскольку их было такое количество, можно не сомневаться, что

в своей массе они вполне исчерпывающе представляли шведский женский тип во всех его разновидностях. Однако авторы будущего фильма отобрали из всей этой женской толпы ...одну «шведку с типичной внешностью». Они продолжали работу с новыми и новыми группами, и за неделю отобрали еще десять статисток, после чего продюсер решил, что остальных придется поискать за границей.

История очень поучительная. Продюсеру был нужен на самом деле крайне редкий типаж, который он в своих мыслях возвел в идеальный (или, наоборот, в уничижительный, из заметки не было ясно) образ. Гениально поданный, такой образ может быть воспринят зрителями как действительно типичный, в него уверуют вопреки очевидности.

Слыша в случайных разговорах, что такой-то — типичный русский (поляк, армянин и так далее), я всегда вспоминаю эту заметку. В общественном сознании живут устоявшиеся понятия о «типичном» характере и «типичной» внешности представителей разных народов, никак не соответствующие действительности. В эти понятия люди почти неосознанно вкладывают свои симпатии и антипатии. Соответственно, «типичным» может оказаться то писанный красавец, то какой-нибудь неприятный хмырь скопческого вида, то обаятельный простак, то порочный проныра. В связи со сказанным прошу иметь в виду, что мне глубоко симпатичны оба народа, характеры которых я пробую сопоставить.

Помимо эмоционального отношения есть еще стандартизованное. О каждом народе накоплен запас стереотипов. Стереотип тоже всегда ошибочен, но, в силу предельной упрощенности, он хотя бы внутренне непротиворечив. Любопытно, что образ украинца, каким его видят многие русские, так и не сложился в стереотип. Если англичане, значит чопорные (что бы это ни означало) и консервативные. Французы — бабники и едят лягушек. Итальянцы легкомысленны, громогласны и постоянно жестикулируют. Японцы трудоголики и обожают фотографироваться. А что получается со стереотипом «украинец»? С одной стороны, он человек вроде бы крайне хитрый и себе на уме, с другой же — исключительно упрямый («хохол упертый»). Вот уже и противоречие. Хитрец никогда не бывает упрямым, хитрец действует гибко, а упрямец действует напором, это две разные тактики поведения. Далее, украинец, согласно сложившемуся в России мнению, это службист со склонностью к буквоедству, въедливый, придирчивый и довольно черствый. Теория о службисте подкрепля-

ется тем фактом, что бессчетное число украинцев избрали военную или морскую службу, многие на ней выдвинулись и прославились. С этим не поспоришь. Не буду ворошить Гражданскую войну с ее порой случайными выдвижениями. Вспомню более поздние имена, такие как министры обороны Малиновский и Гречко (а перед войной — нарком обороны Тимошенко), маршалы Кулик, Еременко, Рыбалко, Москаленко, Федоренко, Судец, Кошевой, Толубко, Батицкий, Лосик, Скрипко, Руденко, Кожедуб, погибший в 39 лет генерал армии Черняховский (дважды Герой Советского Союза, кавалер ордена Богдана Хмельницкого), начальник Генштаба Штеменко, главком сухопутных войск Павловский, адмиралы Головкин (стал адмиралом в 38 лет), Басистый, Левченко, Чабаненко, — когда начнешь перечислять, трудно остановиться.

Целый ряд украинцев сделали выдающуюся духовную карьеру. Мне говорили, что были такие периоды, когда большинство кафедр митрополитов Московского Патриархата занимали украинцы. Да и среди архиепископов и епископов их доля всегда была много выше, чем доля украинцев в православном населении Российской империи и СССР. Я не очень сведущ в таких делах, но мне представляется, что религиозное служение — поприще суровое, близкое к военному.

В подкрепление взгляда на украинца-служаку я и сам могу добавить, что мои соотечественники — хорошие технологи, а хороший технолог, как и инженер по технике безопасности, никогда ничего не делает на глазок, на авось, «с точностью до двух вареников». Обязанность технолога — добросовестно и тщательно, без отклонений и импровизаций, выполнять все требования производственного процесса, он тоже службист.

Ну хорошо, пусть будет службист. Но дальше противоречия усиливаются. Мне приходилось слышать от русских друзей, что, по их наблюдениям, украинский характер — сплошь и рядом мечтательный, склонный к перепадам настроения. Возможно. Но как это сочетается с упрямством, хитростью, черствостью, карьеризмом и буквоядением? Карьерист, служака всегда держит ухо востро, ему не до настроений и грез. И как сюда вписывается украинская склонность к самоиронии (кстати, черта сильных людей)? Один мой земляк, всегда добивавшийся своего, любил повторять, глубоко пряча улыбку: «Ми люди бідні, ми люди темні, нам аби гроші та харчи хороші».

Тот, кому по душе хвалебные оценки, с удовольствием перечитает слова Гоголя: «Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому перед малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой, — явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им не похожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве». Разве не приятно прочесть про нечто совершеннейшее в человечестве, зная, что это относится как бы и к тебе самому? Призываю не брать эту похвалу слишком легко на веру (так же, как и слова о слиянии воедино), а обратить внимание на то, что, согласно Гоголю, характеры и «истории прошедшего быта» наших народов полностью несхожи.

Новое время — новые песни. Через полтора века после Гоголя современный украинский культуролог Андрей Окара сравнивает украинцев с русскими совсем по-другому. Он пишет: «Многие русские философы, характеризуя русский дух как анархистский, писали о “вечно бабьем” в русской душе. Но по отношению к Украине это системное начало. Россия относится к Украине примерно так же, как романо-германский Запад к самой России. Рядом с европейцами русские кажутся искателями Истины, а сами европейцы — приземленными материалистами. Аналогично украинцы на фоне русских — чуть ли не “народ Божий”, пребывающий в недеятельном созерцании, а русские — нация купцов, капиталистов, нефтегазовых олигархов, стремящихся “приватизировать” Украину». Привожу эту цитату не потому, что согласен с ней. Скорее как еще одно любопытное мнение.

Об украинском характере написано за последнее время довольно много удивительного. Те авторы (украинские!), которые попадались мне, рисуют немного странное существо. Оно сентиментально, чувственно, склонно к меланхолии, ему присуща эмпатия (не знаю, что это такое), терпимость к другим культурам и религиям, анархический индивидуализм, верховенство эмоций над волей и разумом, стремление к личной свободе, пониженная стойкость, нелюбовь к организованности, дисциплине и к агрессивной активности.

Кто может стоять за подобной характеристикой? Так и кажется, что это «лишний человек» из школьного сочинения, «юноша блед-

ный со взором горящим». Ничего подобного. На самом деле, если верить нашим этнопсихологам, имеется в виду соль украинской земли, сельский житель, крестьянин, хуторянин, хлебороб. Он подсознательно поклоняется (прямо язычник!) Матери-земле. Возможно, такие былинно-декадентские хлеборобы и существуют, но если бы они все были такими, Украина быстро осталась бы без хлеба. Что удивительно, такой образ, во-первых, не нов, во-вторых, довольно устойчив. Оказывается, еще деятели Кирилло-мефодиевского общества находили своих земляков «мечтательными и нежными».

Полностью согласен с тем, что любовь к природе, к цветам, музыкальность, вышитые платья, рубахи и рушники, склонность постоянно белить хату, украшать свой быт и жилище говорят о том, что украинец — не законченный рационалист и сухарь, что прекрасное что-то да значит для него. И все-таки, когда я читаю, что для украинца приоритетны в первую очередь «индивидуалистический код ценностей», культурно-исторические ценности Украины, свободолюбие, «мотивация достижений», стремление к личной независимости, уверенности, автономности, к опоре только на собственные силы и даже «стремление к чистоте крови»(!), я начинаю опасаться, что речь идет не о статистически достоверном украинце, а о таком, которого хотели бы видеть, а может быть и выковать, сами авторы подобных описаний.

Не буду с ними спорить. Я гораздо больше люблю живого человека, пусть и с недостатками. Пусть даже у него мало эмпатии, хромает индивидуалистический код ценностей и он совершенно не озабочен чистотой крови.

Конкретные примеры лучше абстрактных рассуждений, но поскольку неизвестно, как чувствуют себя живые люди, когда их приводят в качестве образчика, то обращусь к историческим персонажам.

Я не могу без улыбки и вместе с тем без восхищения читать о депутации запорожцев во главе с войсковым судьей Антоном Головатым к Екатерине Второй в 1792 году. Дело в том, что незадолго перед тем запорожцам предложили для заселения Таманский остров, отделяемый от остальной суши протоками и рукавами устья Кубани. Но когда войсковой есаул Мокий Гулик с командой осмотрел предложенное место, то нашел его недостаточно большим. Заодно он заметил земли получше. Вооруженный точным знанием, чего именно следует добиваться, Головатый с товарищами отправился в Петербург для «исходатайствования прав на вечно спокойное потомственное

владение» той землей, какую себе выбрали казаки. Головатый скромно попросил царицу об отдаче войску во владение Таманского острова «с окрестностями», а окрестности эти в тридцать раз превышали самый остров.

Депутация блестяще выполнила данное ей наставление. Антон Головатый пустил в ход и знакомство с сильными людьми (с Безбородко, Разумовскими), и украинскую песню, и бандуру, и свое превеличенное чудачество. Этот замечательно умный и ловкий человек настолько успешно довел до конца возложенное на него дело, что все главнейшие желания войска «были занесены в жалованную грамоту в подлинных почти казачьих выражениях».

Я знаю, сегодня симпатии многих украинских историков находят-ся всецело на стороне других запорожцев — не смирившихся с тем, как Екатерина обошлась с Запорожской Сечью и ушедших за Дунай, чтобы образовать там Задунайскую Сечь. Возможно, эти историки скривят губы по поводу приведенного мною примера. Паясничал, дескать, этот Головатый перед проклятой царицей, вместо того чтобы бросить «сучей дочке» в лицо все, что о ней думал. Признаюсь, мне неизвестно, что он о ней думал. Более того, я уверен, что люди прошлого не всегда думали и рассуждали так, как считается политкорректным приписывать им сегодня. А вот о чем Головатый не мог не думать, так это о своей ответственности за судьбы тысяч запорожских семейств.

Чего добился этот человек? Он добился для казаков воистину райской земли по правому берегу Кубани. По левому жили черкесы и адыгейцы, а правый был незаселен, не считая редких кочевников. И не надо думать, что для Екатерины это были бросовые земли, которые не жаль отдать кому угодно. Ей было кому их отдать, но Головатый уломал ее отдать эти земли запорожцам. Кубанские земли, обильные дарами природы, сильно напомнили казакам их прежнюю Сечь. Место Днепра здесь заняла столь же широко разливавшаяся по весне Кубань. Так же, как на Днепре, берега Кубани представляли собой бесконечные плавни, царство камыша, ольхи и раkit. На берегах Азовского моря их ждали лиманы, частью с морской водой и большими осадками соли, частью с пресной. Кубань и лиманы кишели рыбой, да какой! Тут ловились осетры, севрюга, белуга, рыбец, кефаль, камбала. В камышах и лесах водились кабаны, олени, дикие козы, лисы, фазаны, тетерева. Черноземы же, 9 миллионов десятин, были еще тучнее, чем в приднепровских степях. Здесь бывший запорожец нахо-

дил приволье и для привычного скотоводства, которым он занимался дома, и для земледелия, которым стал промышлять в последние десятилетия перед упразднением Сечи.

Но и это еще не все, и даже не главное. «Поскольку жалованная грамота, — пишет историк, — начертала только общие контуры войскового управления, войско воспользовалось этим и уложило в них свои старые запорожские порядки». Жалованная же грамота писалась, напоминая, под диктовку Антона Головатого. Что же она дала казакам?¹³ На новом месте им удалось во многом воспроизвести прежнее запорожское устройство — куренные поселки с их самоуправлением и ежегодно обновляемую администрацию округов, свой суд, свое духовенство, свои формы землевладения. Современному человеку трудно себе даже представить, насколько это было важно для казаков, считавших правильным и разумным только такое общественное устройство. Кроме того, Черноморское войско сохранило свободную внутреннюю торговлю и вольную продажу вина на войсковых землях; было подтверждено употребление регалий Запорожской Сечи — знамен, литавр, булав, перначей. Конечно, восстановление полной независимости казаков — той, что была при Богдане Хмельницком, — было нереально, и Головатый не мог это не понимать. Не ставя перед собой недостижимую цель, он добился максимума достижимого.

Добиваясь своего, Антон Головатый, скорее всего, внутренне потешался над теми, кто видел в нем простака, не понимая, что это маска.

Наверное, он мог прожить жизнь по-другому. Будучи войсковым судьей, он, безусловно, имел авторитет, и мог, к примеру, увести часть земляков за Дунай. Теоретически говоря, он мог бы даже поднять их на восстание против ликвидаторов Запорожской Сечи. И даже двинуть их на Петербург — вряд ли с успехом, но в этом случае он умер бы героем (особенно в глазах современных историков). Он действовал иначе. В отличие от Горбачева, он не знал старого изречения: «политика — это искусство возможного», но владел этим искусством, на мой взгляд, лучше того, кто это изречение так часто на нашей памяти употреблял.

Мне практически ничего не известно об Антоне Головатом, и я надеюсь не разочароваться, узнав больше. Он для меня (в пределах того, что мне о нем известно) — одно из воплощений украинца. Упрямство в нем совершенно непротиворечиво сочетается с гибкостью, хитрость — с умом, чувство долга — с прагматизмом, реализм —

с целеустремленностью, талант дипломата — со здоровым цинизмом (который можно назвать знанием человеческой природы), природное чувство юмора — с артистизмом. То, что миссию в Петербург возглавил именно он, — не игра случая. Восстановление (в пределах возможного) Сечи было целью его жизни. Историки сообщают, в частности, что пятью годами раньше, в 1787 году, он (вместе со старшинами Сидором Белым и Захарием Чепегой) подавал соответствующую петицию царице в Кременчуге.

Минувшие века полны как раз такими украинскими деятелями — и решительными, и умными, а вместе с тем по-хорошему хитрыми и упорными. А вот в советское время, особенно после чисток 30-х годов, главным свойством коммунистической элиты Украины сделалась ловкая податливость. Умение в дождь прошмыгнуть между каплями... Для Москвы иметь дело с такими легко управляемыми людьми было одно удовольствие. Я кратко коснулся этого вопроса в книге «О самом главном», и кое-кто обиделся на меня на следующие слова: «Большинство украинских чиновников [в советское время] умели только говорить “Слушаюсь!” в ответ на команды из Центра. Более послушной элиты, чем украинская, в Советском Союзе не было». Как хотите, а я не готов отказаться от этих слов, ибо они соответствуют действительности.

За все послевоенные годы мне известно лишь одно яркое исключение — Петр Ефимович Шелест. Он обладал как раз теми «гетманскими» качествами, которые я перечислил: был умен, решителен, хитер, упрям, болел душой за свое хозяйство и свой народ. Наверное, его карьера закончилась сравнительно рано именно потому, что он был сыном своей земли в большей степени, чем это допускали номенклатурные приличия. Конечно, занимая те посты, какие он занимал, он не мог быть без греха. Я не раз слышал, что в 1968 году на заседаниях политбюро ЦК КПСС он буквально требовал от Брежнева скорейшей оккупации Чехословакии, что он поддержал травлю романа Олеса Гончара «Собор». В этих и подобных вопросах он стоял на позициях идейного коммунизма. Зато в том, что касается экономических интересов Украины, Петр Ефимович был тверд как скала. Мало того, как «верный ленинец», он пытался реанимировать отдельные направления довоенной политики украинизации, отойти от чрезмерного «интернационализма». Именно для него Иван Дзюба написал свое исследование «Интернационализм или русификация?». Шелеста

отправили на пенсию в 65 лет, хотя для членов политбюро не существовало верхней возрастной планки. После этого он прожил еще 23 года, причем пять последних — когда уже существовала независимая Украина.

По тождеству имен мне вспоминается еще один Головатый, Феррапонт Петрович, из-под Пирятина, что на Полтавщине, личность, как говорили в старину, неизъяснимая. О колхозах я знаю не понаслышке, сам до 17 лет был колхозником. Постичь, как этот колхозник умудрился во время войны, да еще дважды (в декабре 1942-го и полтора года спустя, в мае 1944-го) пожертвовать суммы, достаточные для постройки боевых самолетов, мне не по силам. Это как же надо было организовать хозяйство пасеки, чтобы в условиях войны и отсутствия платежеспособного спроса заработать такие страшные деньги! Но не зря, во-первых, его предку дали прозвище Головатый (башковитость иногда передается по наследству), а во-вторых, не зря он был нашенький.

На самом деле, такой уникальный человек не может быть типичным нигде, и я наверняка не вспомнил бы Феррапонта, не будь он однофамильцем Антона. Согласен, украинцы имеют хозяйственную жилку, да вот беда: между этой жилкой и налаженным доходным хозяйством настолько большое расстояние, что до сих пор его преодолели немногие. Согласен я и с тем, что украинцы скорее бережливы, чем расточительны, но, как показали последние годы, это все же не самая ярко выраженная наша черта. Даже хозяин собственного дела, которому сам Бог велел как можно скорее переходить на энергосбережение, на экономию во всем, сплошь и рядом сохраняет технологии, оставшиеся ему от времен почти бесплатной электроэнергии и дарового тепла.

Те, кто недолюбливает украинцев (такие люди есть, и это удивляет — ведь мы выражено положительная нация, не так ли?), стараются найти у нас побольше недостатков. Но громадного успеха эти поиски не имели. Самое «страшное», что мне попало, — это эпизод из книги одного политзаключенного хрущевских времен, который вспоминает, как его сосед по нарам, украинец из Проскурова, получая посылку, товарищей по несчастью не угощал, а ел присланное по ночам и чуть ли не под одеялом. А я и не спорю: есть среди нас скупые, как не быть. Интересно только, где их нет. Найдется ли такое место на земле?

Впрочем, я встретил и совсем уж нелестную оценку украинских национальных качеств, но это не была оценка извне. Наш политиче-

ский мыслитель Вячеслав Липинский советовал восемьдесят лет назад пригласить на киевское гетманство представителя какого-нибудь почтенного европейского королевского дома, ибо, считал он, «необходима какая-то цивилизующая сила» для преодоления «первородных грехов украинства — анархии и предательства». Не больше и не меньше. Фигура Липинского сегодня окружена пиететом, но главное — он «свой». Когда подобное слышишь от «своего», это можно стерпеть и обсудить (чтобы затем, я уверен, обоснованно отвергнуть), а вот от чужого — увольте. Так уж устроен человек.¹⁴

Что до идеи Липинского, она не совсем умерла: и сегодня слышатся предложения пригласить на высокую должность в нашем правительстве какого-нибудь замечательного украинца из-за рубежа — человека, уже сделавшего солидную административную или политическую карьеру в США или Канаде. Примеры таких карьер были и есть, но едва ли бы я поддержал такую идею. Я вижу в ней глубоко засевший в современных древлянах и полянах синдром призвания варягов. Спасибо еще, никто сегодня не повторяет доводы Вячеслава Липинского.

Но вернусь к вопросу, затронутому этнопсихологами: что же все-таки преобладает в украинце — чувства или рациональное? У меня есть своя гипотеза. Ни в одной книге я почему-то не столкнулся даже с упоминанием о таком несомненном нашем свойстве, как легковерие. Да, наш человек, особенно сельский житель, постоянно опасается подвоха и обмана, он крайне скептичен и недоверчив, он даже несколько бравировует своей недоверчивостью. Но на что направлена его недоверчивость? На предметы и обстоятельства более или менее обычные и приземленные. А вот в вещи немислимые он способен поверить с легкостью и даже с радостью. Какой просвещенный украинец не знает, например, что шурин Богдана Хмельницкого, наказной гетман Иван Золотаренко был волшебником? Удивительно ли, что у нас в Украине в любой данный момент практикует сразу несколько пророков и мессий? У всех на памяти Белое братство, не совсем забыта и Мария-Дэви-Христос. Про обычных ворожей, предсказателей и звездочетов и говорить нечего.

В другом месте этой книги я говорю о том, что именно доверчивость украинца сыграла с ним такую злую шутку в период революции и гражданской войны. Он прельстился обещаниями большевиков и еще много десятилетий потом продолжал верить в них. Украинцев

потому так и напирает на свой якобы скептицизм, что знает за собой слабость противоположного свойства.

Я предполагаю, что это легковерие есть частное и боковое следствие какого-то более широкого и универсального явления. Наверное, можно сказать так: большинство или значительная часть жителей Украины где-то на подсознательном уровне постоянно готовы к чуду, они уверены, что в этом мире возможно все. Нашим людям откуда-то известно, что мир устроен не так просто и очевидно, как выглядит. Откуда это берется? Не знаю, но вера Украины в загадочное сквозит во множестве жизненных историй, воспоминаний, она буквально пронизывает наше народное творчество. Может ли это быть случайным?

Напомню, именно Украина породила совершенно особый талант Гоголя. Незвестная нам мистическая изнанка жизни открылась ему в родной Васильевке, в Диканьке. Она не закрылась для него и позже, в Петербурге, — повесть «Портрет» это ясно показывает. Совсем не удивительно и то, что автор «Мастера и Маргариты» тоже родом из Киева. Но Карпаты и Полесье полны тайн не меньше, чем Полтавщина, Поднепровье или Волынь — читайте наших классиков.¹⁵

Читаю у Ивана Франко: «Мне рассказывали, что в Нагуевичах когда-то разрыли могилу упыря и, открывши гроб, нашли мертвеца, который лежал на боку и курил трубку». Очень спокойная фраза. Поставив точку, Иван Яковлевич переходит к чему-то другому.

Мы поэтический и артистичный народ, это не заслуга, это данность. Мы склонны к преувеличениям, метафорам, гиперболам, мы еще не окончательно утратили чувство единения с природой. Вместе с тем украинец в значительной степени обращен в себя. Ему надо в себе понять еще так много, что это надолго.

ПО КОНТРАСТУ

По контрасту, русские больше обращены вовне. Психологи говорят, что русские скорее экстравертны, а украинцы скорее интровертны (оба словечка звучат, прямо скажем, одинаково неприятно — но такова научная терминология, с ней не поспоришь). Среди русских вряд ли получит широкое распространение психоанализ по Фрейду — это когда персона, озабоченная своими проблемами (обычно дама)

исповедуется специалисту по неврозам, рассказывая ему то, что не расскажет никому. Русские дамы прекрасно исповедуются друг дружке, им психоаналитик без надобности.

Среди русских я чаще, чем среди украинцев, встречал людей, тяготившихся своим делом и потому делавших его плохо. Не от неумения делать хорошо, а из отвращения. Зато такой человек почти всегда имеет какое-нибудь хобби. Это старое явление, читайте Лескова: «Он был чиновник какого-то отделения, и по русской привычке свое дело считал за неинтересное, а любил заниматься тем, что до него не касалось».

Многие русские, особенно среди простого народа, не очень высокого мнения о формальных законах, считают их бездушными. Отсюда полное отсутствие среди них того трепетного отношения к Закону (с большой буквы), какое присуще, например, немцам. И отсюда же убеждение, что надо жить «по понятиям» — то есть опираясь на голос совести и на здравый смысл. «Понятия», дескать, во всех случаях жизни подскажут путь к разумному и справедливому решению, а законодательные дебри хороши исключительно для крючкотворов.

«Революционное правосознание» и упрощенное судопроизводство времен революции, гражданской войны и последующих лет было ярким воплощением жизни «по понятиям». Но все это наблюдалось и до революции, причем в самых неожиданных сферах. Скажем, отречение Николая Второго от престола было поступком, невозможным юридически. Он не был вправе отречься даже за себя (такое не было предусмотрено российскими законами), не говоря уже о том, чтобы отречься за сына, он не был вправе передавать престол брату Михаилу. Николай Второй исходил из целесообразности, как он ее в тот момент понимал, он отрекся потому, что так ему подсказало его нравственное чувство. То есть он поступил по понятиям.

Не стану утверждать, что подобное отношение к закону не свойственно украинцам. Очень даже свойственно, но, как мне видится, все же в ощутимо меньшей степени, чем русским. У украинцев как-то больше почтения к порядку и законной власти, это видно даже по тому, что в украинском селе священник и учитель (люди, поставленные властью) всегда были почитаемы больше, чем в русском.

Истина, что украинцы и русские — разные народы, для многих все еще не очевидна. Мой совет — пойдите в этнографический музей. Вы убедитесь, что внутренние различия между русскими и украинца-

ми выражены во внешних различиях практически всех форм быта. Внутри одного народа такие различия были бы невозможны. Согласно, двадцатый век сильно сгладил их, да пожалуй, отчасти и девятнадцатый, но они остались, и они несомненны. В восточном направлении эти различия ослабевают, в западном — усиливаются. В общем, посетите этнографический музей. Вы убедитесь в несхожести народной одежды — русская женщина носила сарафан, украинская — плахту; у нас не знали косовороток, а в России — широких украинских штанов. Украинец зимой носил высокую коническую шапку из овчины, именуемую «кучма», летом — соломенный «брыль»; русский ходил зимой в меховой ушанке-треухе, летом — в похожем на цилиндр валяном «грешневике». Замужняя женщина у нас прятала волосы под «намитку», потому что домовой, ухватив за выбившиеся волосы, мог утащить ее на чердак. Русские женщины тоже прятали волосы, но другим манером. Наши женщины не носили русский кокошник и рогатую «кичку»; нарядным головным убором украинок служили совершенно иные на вид «очипок» и «кораблик».

Оказывается, мода на высокие шапки московских бояр имеет хорезмийское происхождение, высокие головные уборы боярынь подражали митрам, которые московское высшее духовенство вывезло из Византии. Зато к нашим запорожским казакам их шапка (шлык) с кисточкой на свисающем конце пришла из Венгрии, а «чемерка» (вид блузы со сборками по всей талии) наших прапрабабушек имеет итальянское происхождение. Иногда не понять, кто у кого и когда заимствовал, и заимствовал ли. Карпатские украинцы давным-давно обзавелись широченными кожаными поясами со многими карманами на них, с полудюжиной пряжек и прочими живописными подробностями, находками для современного модельера. Вид у этих поясов кинематографически-ковбойский (хотя появились они, когда еще никаких ковбоев в Америке не было), аналогов таким поясам у русских нет.

За всеми этими несходствами — века и века раздельного бытия русских и украинцев, несовпадающие культурные связи и влияния, разные исторические судьбы. Взять, к примеру, лапти, которые не проникли к украинцам дальше Полесья. Лапти (как и русская баня) говорят, по мнению ученых, о долгой жизни русских рядом с народами финского происхождения. Некоторые из этих лесных народов (мурома, заволочская чудь) полностью растворились в русских. Рус-

ское дворянство вобрало в себя очень значительный татарский элемент, многие известные дворянские роды берут свое начало от татарских мурз, переходивших на службу к князьям Северо-восточной Руси. Со своей стороны, в украинский народ влилось немало кочевников Дикого Поля (еще во времена Киевской Руси наши предки умыкали «красных девок половецких», набеги за женщинами совершали затем и запорожцы; они же принимали в свои ряды всякого перешедшего в православие), вливались переселенцы из Османской империи, особенно с Балкан, поляки, венгры, румыны, молдаване.¹⁶ Зная все это, вправе ли мы, хотя бы теоретически, ожидать, что украинцам и русским может быть присущ одинаковый характер и образ жизни?

Еще более, чем в одежде, полны смысла различия во внешнем облике наших сельских строений. Хата очень мало похожа на избу. Уверен, что эти два жилища отражают два национальных характера. Вид белостенной хаты под соломенной четырехскатной крышей — на мой вкус, одно из самых прекрасных зрелищ на свете. А если еще возле нее садок вишневый... Даже бревенчатые стены украинец непременно обмазывал глиной снаружи и внутри, и потом эти стены бесчисленно белил. А как был живописен окружавший хату плетень, как красиво свисали связки лука и сушеных груш! Может быть, этнографы посмеются над таким предположением, но мне все время кажется, что хозяин хаты смотрел на ее эстетическое предназначение с той же ответственностью, что и на практическое.

Русский бревенчатый дом может быть очень внушительным, особенно северный, на подклети, с резьбой и петушками. Но дерево быстро сереет, и дом довольно скоро приобретает не самый веселый вид. К тому же редкий деревянный дом не покосится со временем. И вот из-за этих покосившихся сизо-серых, а иногда и почти черных стен даже зажиточное русское село выглядит беднее, чем оно есть. Что уж говорить о менее удачливых деревеньках? Я не могу это доказать, но думаю вот что: никто в этом не виноват, так уж сложилось, что русская деревянная деревня своим обликом не очень воодушевляет жителей, не настраивает их на хозяйственную неумность, на изобретательные бытовые хлопоты. Может быть, именно этим можно объяснить запущенность многих жилищ и огородов в России. Хозяева словно бы махнули на все рукой. Их украинские собратья опускают руки много реже — эстетика места не позволяет. Сельские дороги в лесостепной и степной зонах у нас нередко обсажены картинными

старыми деревьями, что очень украшает местность. В России это редкость — зачем, мол, и так лесу вокруг прорва.

Конечно, свой былой, «этнографический» вид ни украинские, ни русские села не сохранили и не могли сохранить, а многие из них (в России больше, чем в Украине) исчезли совсем. Исподволь идет и другой процесс. Нравится нам это или нет, но и хату, и пятистенку теснят дома из кирпича — больше из силикатного, но кое-где и из красного. Дома, как правило, ни красивые, ни безобразные — никакие, но жить в них, бесспорно, удобнее. И украинское, и русское село возродятся уже более похожими друг на друга. Но одинаковыми они не станут все равно.

В своей книге «О самом главном» я слегка затронул тему об украинском образе жизни, и в связи с этим написал: «Большевистский проект не достиг бы своей цели, если бы не просчитал наших ценностей и особенностей национального поведения. Украинцы в конце концов, после страшных репрессий, раскулачиваний, выселений, все же смирились с колхозным строем. Смирились, поскольку он отвечал, пусть и в крайне извращенной форме, их национальным ценностям. Эти ценности — коллективизм, причем в основе своей не производственный, как, допустим, в России с ее сельской общиной и совместным землепользованием (в производственном, хозяйственном смысле украинец всегда был индивидуалистом), а чисто человеческий: дружба, взаимовыручка, потребность в постоянном и интенсивном общении на всем жизненном пространстве».

Позже мне говорили, что здесь стоило быть более точным: в Украине крестьянская община тоже была повсеместным явлением. Правда, «община» — ученое слово, сами крестьяне такого слова не знали. У русских ее называли «миром», у нас — «громадой» (а кое-где тоже «миром»). Широко распространено у нас было и общинное землевладение: на моей родной Черниговщине «общинники» составляли до революции половину крестьянских хозяйств. Сельская община владела землей, как ЖСК владеет кооперативным домом, а крестьяне своими участками — как жильцы квартирами в этом доме. Ни украинцы, ни русские не знали совместной обработки земли. Но была и разница. Во многих великорусских общинах в среднем раз в десять лет происходил передел и «поравнение» участков в зависимости от изменения числа едоков в семьях. В Украине переделы были редкостью, у нас крестьянский двор пользовался своим участком как соб-

ственностью, хотя вся земля и принадлежала общине. Результат понятен: в Украине крестьянин мог бесконечно улучшать свой участок, зная, что он достанется его сыну. Был ли стимул у великорусского пахаря десять лет подряд унавоживать свой участок, если на одиннадцатом году сельский сход мог «приговорить» этот участок (во имя справедливости!) другой семье?

Эта «маленькая подробность» сильно повлияла на жизненную философию крестьян и их потомков. У русских более сильная приверженность идеалу справедливости оборачивалась пренебрежением к обустройству жизни в целом и в частности. В Украине же отсутствие в общине «земельно-регулируемого типа отношений» (как выражаются ученые) формировало индивидуалистические натуры, вырабатывало такую особенность украинского характера, как ориентация на накопление. Я уже писал однажды, что это тоже одна из наших национальных ценностей. В этой ориентации нет ничего постыдного, как нам пытались внушить в советский период. Прочитирую сам себя: «Мы умеем работать, умеем зарабатывать и умеем так распорядиться заработанным, чтобы оно послужило укреплению того уклада, который является основой нашей жизни».

Украинцы всегда, во все времена, нуждались в среде общения, лучше всего чувствуя себя в большой семье друзей, соседей, земляков. Они находили эту среду повсюду: в родном селе, на базаре (настоящий украинский базар — нечто совершенно особое; считаю, что каждый должен хоть раз побывать на ярмарке в Больших Сорочинцах), в царской, а затем и в советской армии. В армии они нередко держались землячествами, помогая друг другу выжить и утвердиться, пользуясь языком химии, «в агрессивной среде». Но украинские землячества — совсем не то же, что землячества кавказских или среднеазиатских народов. Недавно наши социологи исследовали жизнь украинцев Петербурга. В этом городе живут 150 тысяч украинцев, но выявить здесь украинскую этническую общину в какой бы то ни было форме не удалось. С одной стороны, это, конечно, говорит и о том, что украинцы не чувствуют себя некомфортно в русской среде, но, главное, свидетельствует о нелюбви современных украинцев к любым формам стайного функционирования. Когда-то все это было — громада, мир, это не выдумка, но у современных горожан давно прошло. Об этом можно сожалеть, но это так. Украинцы сплачиваются по национальному признаку лишь в чужеродном или враждебном окружении.

Тем не менее, многим нашим людям присуща хорошая и достойная привычка — доверять «своему». Подразумевается, что если вдали от родных мест имеешь дело с земляком, особенно односельчанином, можно не опасаться подвоха или обмана. Русский же до самого последнего времени жил с ощущением, что на просторах «одной шестой» у него везде родина, поэтому, по моим наблюдениям, спокойнее смотрел на «своих». Вообще среди народов бывшего СССР русские были самым «необщинным» народом, что расходится со стереотипом. Я говорю о тех русских, каких знал и видел, а не о русских из книг народников XIX века. Удивляться этому не стоит. Даже вековые стереотипы способны меняться буквально за несколько десятилетий: еще недавно в католических Испании и Италии были самые многодетные — именно в силу своего католицизма — семьи в Европе, а сегодня в этих странах, наоборот, самая низкая рождаемость на континенте.¹⁷

Конечно, о нашем полном разрыве с прошлым говорить не приходится, этот разрыв носит какой-то выборочный характер. Прояснить причины такой выборочности, понять, почему народ отбрасывает то, но сберегает это, смогут лишь углубленные научные исследования. Нельзя отрицать, что общественный быт украинцев в течение веков складывался на основе почтения к опыту предков. Этот общественный быт становился самой настоящей материальной силой, помогавшей противостоять разнообразным невзгодам и слишком быстрым переменам. Приверженность к нему позволила сохранить до наших дней некоторые замечательные навыки и правила трудовой жизни и повседневного быта, многие формы межчеловеческих отношений, досуга и веселья — все то, что делало и делает украинцев легкоузнаваемыми среди других народов. Наверное, именно эту приверженность подметил депутат Государственной Думы РФ Вячеслав Игрунов. В передаче на российском телевидении, посвященной съезду российских украинцев (съезд происходил в Москве 8—9 декабря 2001 года), он поделился следующим наблюдением: «Украинцы более консервативны и менее анархичны, чем русские». Известный консерватизм в украинцах действительно сохраняется, и я считаю это положительной чертой. Что же до анархичности, если она и впрямь уменьшилась со времен крестьянской армии Нестора Махно, можно только радоваться.

По моим наблюдениям, русские — несколько менее оптимистичный народ, чем украинцы. Если случается что-то плохое или

просто нежелательное, русский, скорее всего, подумает: «Так я и знал!», тогда как украинец решит: «Могло быть хуже!» Тем не менее, русские в основном придерживаются своей здоровой поговорки (они же ее и изобрели, ни у кого не позаимствовали): «Глаза бояться, а руки делают», и, в конце концов, довольно часто осуществляют задуманное.

Вообще изучение пословиц и поговорок двух наших народов может прояснить очень многое. В чем еще так запечатлелся характер народа, как в его кратких изречениях на все случаи жизни? Кто-нибудь когда-нибудь подберет два примерно одинаковых по толщине тома «Прислів'я та приказки українського народу» и «Пословицы и поговорки русского народа» и подвергнет их сравнительному анализу — уверен, что соответствующая методика существует. Вот тогда могут вскрыться удивительные вещи — о разном отношении к Богу, к миру, к соседям, к общине, к семье и детям, к природе, к труду. Хотя, допускаю, что отношение может оказаться и достаточно близким. Но все равно, я уверен, какие-то различия проступят. Я, естественно, таким анализом заниматься не могу, а просто приведу пословицу: «Аби жив до жнив, а в жнива аби хто обідать покличе».

Русские более, чем украинцы, склонны решать даже самую сложную проблему «методом лобового эмпирического напознания» (выражение принадлежит одному днепропетровскому инженеру). Для более простых случаев такой метод именуется «методом тыка». Истинный русский — это тот, кому лень читать длинную инструкцию: едва распаковав сложный (и совершенно незнакомый!) прибор, он спешит включить его и осваивает уже на ходу, причем обычно дело, к ужасу иностранца, увенчивается успехом. Инструкцию раскроют лишь если что-то не заладится. Вообще-то она будет изучена, но позже.

Я не хочу сказать, что украинцы не поступают точно так же, поступают. В инженерной среде различия вообще предельно сглажены. И все же, если бы какой-нибудь психолог, описав такую модель поведения, спросил у меня, считаю ли я ее скорее русской или скорее украинской, я бы без колебаний ответил: конечно, русской.

В чем украинцы и русские совершенно не различаются, так это в любви к спорам. Поспорить — это наше. Мне не раз рассказывали, что, к примеру, англичане редко спорят, а когда услышат что-то, по их мнению, ни с чем не сообразное, не кидаются опровергать, а скорее пожмут плечами. Наверное, это отличительная черта более старой на-

ции. Мы же с русскими — неизлечимые спорщики (в последнее время нередко спорим друг с другом), и это нас роднит.

Одна из основополагающих русских черт — нетерпеливость, она проявляется в тысяче мелких и крупных вещей. Русский писатель Юрий Трифонов не зря назвал свой роман «Нетерпение». Он показал, что к революционной катастрофе Российскую империю привела именно социальная и политическая нетерпеливость его соотечественников. В повседневной жизни эта нетерпеливость особенно заметна в том, как русские теряют интерес к задаче по мере приближения ее финала. Менее всего русские любят отделочные работы. Внешне дом выглядит готовым, так ведь нет — еще возись и возись. У украинцев же их любовь к своему дому, явно более выраженная, чем у русских, проявляется в том, что они готовы бесконечно заниматься именно отделочными работами, доводя все до совершенства. В какой-то мере просто из любви к процессу.

Разумеется, тут необходимо сделать множество оговорок. Без оговорок вообще невозможен такой разговор. Я соглашусь и с тем человеком, кто будет настаивать, что такой разговор вовсе не нужен, но люди так устроены, что им нравится, не заботясь о строгих доказательствах, судачить друг о друге и о целых народах. Русские достаточно неоднородны. Вологодские мало похожи на донских казаков и даже на географически более близких им поморов. В Сибири я встречал людей явно другого склада, чем в Новгородской области — более суровых и замкнутых (явных интровертов). Но то же самое относится и к Украине: различия между западными и восточными украинцами давно вошли в поговорку. Вдобавок, в наших восточных и южных областях живут миллионы людей, имевших в паспорте советского времени запись «украинец», но воплощающих в себе, если так можно выразиться, переходный тип к русским или от русских. У такого человека совершенно не обязательно расщепленное самосознание, он твердо знает, что он украинец, будучи по характеру достаточно выраженным русским. Налицо и зеркальное явление: в юго-западных областях России живет великое множество русских, которые по менталитету и характеру на самом деле скорее украинцы.

А если вспомнить, что, согласно опросам 90-х годов, 33,4 процента (ровно треть!) жителей Украины имели близких родственников в России, а для Южной и Восточной Украины этот показатель равен 69,5 процента, придется признать, что взаимная диффузия Украины

и России достигла беспрецедентного в мировой практике размаха. Для сравнения: только 8,2 процента жителей Украины имели родственников в других республиках бывшего СССР и 6,4 — в дальнем зарубежье. В мире сейчас нет другой пары стран, жители которых были бы связаны таким количеством уз не в переносном и патетическом, а в самом буквальном, бытовом смысле слова. Говорят, с каждой стороны по 22 миллиона родственников. Кроме того, в неразделенном, к счастью, состоянии, то есть внутри каждой из двух стран, живут, не ведая межнациональных проблем, не сотни тысяч — миллионы украинско-русских семей. И уж вовсе не счесть, сколько миллионов людей в двух наших странах объединяют дружеские и приятельские связи. Именно эта взаимная диффузия и порождает у многих заблуждения, побудившие меня написать эту главу.

Понятно, что украинцы и русские, которых я сравниваю, достаточно условны. Никакой прогноз поведения отдельных людей, опирающийся на подобные оценки, разумеется, невозможен. Объективно подтвердить или опровергнуть существование описанных черт характера можно будет лишь на основе тысяч примеров (на больших массивах, как говорят социологи). Мне самому было бы крайне любопытно узнать, подтверждаются ли такие стереотипы об украинцах, как наша знаменитая «хуторянская ментальность» (думаю, несколько преувеличиваемая), «атаманщина» (по-моему, вполне реальная), «склонность к раздраю» и (еще одно новомодное открытие) «пониженная способность к предпринимательству».

Культурная революция XX века, СМИ, кинематограф, мода и реклама внешне очень сблизили большинство даже отдаленных друг от друга народов мира, что уж говорить об украинцах с русскими. И тут легко впасть в ошибку. Пусть ее не сделают мои читатели: украинцы остались украинцами, а русские русскими. Более того, покинув Советский Союз, украинцы усилили свое украинство, а русские — рускость.

Когда мы сегодня видим на экранах своих телевизоров разные города мира, нас не покидает ощущение, что уличные толпы в Вене и Белграде, Брюсселе и Киеве, Берлине и Петербурге неразличимы и даже взаимозаменяемы. Однако это впечатление обманчиво. Некоторые черты народного характера остаются неизменными из столетия в столетие, не учитывать народный характер нельзя, особенно политикам.

В 1999 году мир убедился в этом на дорогом обошедшемся примере. Не видя другого способа положить конец расправам над мирным населением Косова, Северо-Атлантический альянс, как все мы помним, решил продемонстрировать режиму Милошевича серьезность своих намерений и начал бомбежку военных объектов Югославии. В НАТО были уверены, что бомбежки не продлятся больше четырех-пяти дней. Этого срока достаточно, чтобы сербы поняли: НАТО не шутит и не отступит от своих требований, а так как Югославии нечего противопоставить мощи НАТО, она благоразумно уступит требованиям альянса. Именно так, «рационально» и «прагматично», поступили бы и американцы, и англичане, и немцы, и итальянцы, и французы, и остальные члены этой военной организации. Югославия повела себя «неблагоразумно», «нерационально» и «непрагматично». Упрямство диктатора поддерживал практически весь сербский народ. Бомбежки затянулись на недели, потребовались лихорадочные закулисные импровизации, комбинации и торги, потребовалась челночная дипломатия (очень пригодилась хитрость Черномырдина), чтобы кое-как уладить дело. В итоге — огромные, неоправданные жертвы и разрушения, хаос на Балканах, главнокомандующий силами НАТО в Европе тихо отстранен от должности. Трудно усомниться в благих намерениях альянса, но он должен был с учетом сербского характера действовать как-то иначе, хотя это легко сказать...

Хорошо ли, плохо ли, но и украинцы, и русские, и белорусы также принадлежат к числу народов, склонных в ситуациях рокового вызова реагировать «неблагоразумно» и совершенно не прагматично. Достаточно вспомнить оборону Брестской крепости и Ленинграда, партизан Ковпака, Вершигоры, Сабурова, Заслонова, Украинскую Повстанческую Армию. Для сравнения: командование Красной Армии, вступившей в конце 1944 года на территорию Германии, ждало нападений немецких партизан в своих тылах и испытало громадное недоумение, узнав, что немецких партизан просто нет. Немцы — хорошие солдаты, но неорганизованную войну без шансов на победу они не считали разумным делом.

Сказанное не содержит в себе оценок и противопоставлений. Это констатация факта и напоминание о том, что не учитывать характер народа нельзя.

Россия чуть ли не с Ливонской войны привыкла быть одним из полюсов мирового противостояния, что, по-моему, крайне утоми-

тельно, но ей этого как-то все время не хватает. Но не будем обольщаться, уверяя себя, что мы, в отличие от русских, кроткий и совершенно не имперский народ: для украинцев достаточно традиционно отождествлять себя с великой державой. Это, конечно, пройдет, и уже проходит, но это не может пройти в одночасье. Кстати, уже Киевская Русь была империей с выраженной тягой к экспансии. Многим в современной Украине психологически недостает имперского размаха и имперского простора.

Украинский и русский народы сформировали два уникальных, не имеющих аналогов во всей мировой истории субэтнуса — запорожское и донское казачество. Благодаря украинским казакам, еще в середине XVII столетия была создана национальная украинская гетманская держава с ярко выраженными демократическими чертами политического устройства и социально-экономических отношений. И украинские, и русские казаки — это люди подвижной границы, передовой отряд православия. Они покорили Сибирь, вышли к Тихому океану, создали славянские форпосты по кромке великой евразийской степи. Их вечно влекло за горизонт, они (а затем и их потомки) всегда ставили перед собой невероятные, непомерные задачи: освоение Сибири и Аляски, Дальнего Востока и Маньчжурии, Кавказа и Средней Азии, покорение Арктики, Мирового океана и космоса. Они не боялись жизни, они смеялись над трудностями. Судьба единоверцев за Дунаем или храма Святой Софии в Константинополе, бывало, заботила их больше, чем низкие мелочи повседневности. Где здесь кончается украинский характер и где начинается русский — не скажет, я думаю, никто.

Военные демократии казаков, их безумная смелость, их гордая независимость («С Дона выдачи нет!») — не выдумка позднейших писателей, в отличие от мифа о ковбоях. Вот характеры, вот цельность! Казачество, страж военных рубежей родины, уникальное сословие, «поголовно и на свой счет» состоявшее на службе государства, могло бы стать благодатным материалом для национального эпоса.

С конца XVIII века именно казачество — пример переходного русско-украинского субэтнуса. Черноморское казачество, бывшие запорожцы, оказались на Северном Кавказе по соседству с «линейными» (донскими), терскими и гребенскими казаками. Они вместе участвовали в Персидском походе 1796 года (причем объединенными казачьими силами командовал известный нам Антон Головатый),

в кавказских войнах и обороне Севастополя, а затем все вместе получили название кубанских. Российские власти исподволь, но вполне целенаправленно перемешивали «черноморцев» с «линейцами». Это привело к тому, что на Северном Кавказе воцарилось двуязычие. Герой Лермонтова в «Тамани» сразу замечает это: «Меня, однако, поразило одно: слепой говорил со мной малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски». Большая доля украинцев была в составе Донского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского и Уссурийского казачьих войск.

Хотя Кубань начала утрачивать свой украинский характер еще до революции, двуязычие могло держаться здесь сколь угодно долго. Советская власть решила покончить и с этим. В декабре 1932 года под диктовку Сталина было принято постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках на Северном Кавказе. Ряд пунктов постановления касался совсем не хлебозаготовок, а национальных вопросов. Украинизация почти половины районов Северного Кавказа, проводившаяся с первой половины 20-х годов, осуждалась в нем как «петлюровская». Делопроизводство уже украинизированных районов было вновь возвращено на русский язык как «более понятный для кубанцев», упразднилось украинское отделение Краснодарского пединститута, постепенно было свернуто и школьное обучение на украинском языке. Не знаю, добавило ли это кому-то счастья, но в итоге Кубань утратила значительную часть своего многоцветья, сделалась более одномерной.

А еще Кубань стала для украинцев грозным предупреждением о том, насколько быстрыми могут быть ассимиляционные процессы. Иной раз не только отдельные лица, но и целые общности могут даже забегать вперед в этих процессах. Не было более истовых турок, чем янычары славянского происхождения. Не было, по словам одного прибалтийского барона, в девятнадцатом веке в России больших русских, чем остзейские немцы. Один из первых и лучших русских писателей-деревенщиков Александр Николаевич Энгельгардт с большим чувством то и дело говорил: «Мы, русские...», «Только у нас, русских, пойдет такое дело, как коллективное сельское хозяйство», а его современница тем временем так отзывается о нем в дневнике: «Этот немчик». Язык кубанских станиц и хуторов до сих пор ближе к украинскому, чем к русскому, но и гордые станичники, и скромные хуторяне считают его настоящим русским, и нет, наверное, сегодня в Рос-

сии более имперского, воинственно-великорусского по настроениям региона, чем Кубань, заселенная потомками украинских «лыцарив».

Но это все, между прочим, значит, что можно не только надеяться, но и достаточно уверенно рассчитывать на успех обратного процесса, на «реукраинизацию», на возвращение «блудных сынов» Украины, а также на то, что примером для кого-то из них будут служить некоторые неэтнические, но вполне «щирые» украинцы — они есть, их не становится меньше.

Глава четвертая

О коммунистах и коммунистическом эксперименте

МОЙ ФЕНОМЕН

До того, как стать директором «Южмаша», я какое-то время был секретарем его парткома. Думаю, что когда во время предвыборной кампании 1994 года это обстоятельство стало более или менее общеизвестным, именно оно определило выбор многих избирателей — выбор с противоположными знаками, разумеется. Конечно, Л. М. Кравчук был в свое время профессиональным партийным функционером в чистом виде, не чета мне, но за 30 месяцев президентства это пятно (с точки зрения одних) или украшение (на взгляд других) его биографии потеряло решающее значение. Леонида Макаровича оценивали уже не по анкетным данным, а по достижениям и неудачам на посту главы государства.

Что же до моего премьерства, оно не делало меня в глазах большинства избирателей таким же понятным человеком, как Кравчук. Люди считают, и не без оснований, что раскусить премьера труднее: он проводит президентскую политику и свои собственные убеждения и цели может до поры не проявлять, просто даже не иметь такой возможности. Поэтому мое «коммунистическое прошлое» у какой-то части политологов и журналистов считалось едва ли не ключом к пониманию «феномена Кучмы».

Мой «феномен» начинается с того, наверное, что я не забываю, с моей точки зрения, главного: советский период истории — это время грандиозного эксперимента. Эксперимента, закончившегося неудачей, но при этом остающегося величайшим по размаху и масштабам в истории человечества. При всем желании мы не можем взглянуть на этот эксперимент глазами его участников, свидетелей, жертв и просто современников — как бы мы ни старались, как бы ни напрягали воображение. Никого и ничто нельзя судить вне контекста времени и по более поздним, не имеющим обратной силы, законам.

В чем был смысл этого эксперимента? На протяжении нескольких десятилетий подвергалась проверке, испытанию и обкатке некая

общественно-экономическая идея. Бывают, знаете, красивые инженерные идеи. На слух, да порой и в чертежах, они просто завораживают своей конструктивной красотой и логичностью, но по той или иной причине оказываются технологически неосуществимыми. Люди с инженерным образованием меня поймут. Только ведь без добросовестно проведенного эксперимента никакие выводы относительно такой идеи, как правило, невозможны. Я очень рано начал видеть себя участником этого великого эксперимента и относился к своей маленькой роли в нем до самого конца добросовестно, это самое точное слово. Вообще, одни были вовлечены в происходящее против воли (а большинство и помимо сознания), зато другие участвовали в эксперименте с верой и надеждой.

В каждую эпоху известная часть хороших людей обязательно бывает чем-нибудь ослеплена. Наверное, было что-то завораживающее в уверенном тоне «Коммунистическом манифеста», зовущем куда-то вперед, к чему-то правильному и справедливому, иначе он не увлек бы умнейших, прекраснейших людей. Вот ведь и Леся Украинка, когда переводила «Манифест» на украинский язык, была убеждена, что делает важнейшее, правильнейшее дело — дворяночка, умница, дочь писательницы Олёны Пчилки. Да и дядя у нее был не кто-нибудь, а Михаил Петрович Драгоманов, один из отцов украинского возрождения и при этом ярый враг всякого революционного насилия. А у нее, спрашивается, почему такая тяга к переустройству мира? Да потому что у людей ее калибра был очень развит орган совести. Им было совестно и неловко, что они получили хорошее образование, увидели мир, живут в довольстве, а мужик, хлебороб за всю жизнь так ничего хорошего не узнает и не увидит. Люди с таким настроем, по-моему, были готовы на любые, самые крайние формы равенства — такие, как отмена частной собственности и права наследования, как общественное воспитание всех детей и даже общность жен (и мужей), лишь бы иметь чистую совесть перед тружеником. Без таких людей невозможны революции, одних тружеников с мозолистыми руками для революции мало.

Читайте «Тюремные сонеты» Ивана Франко:

Колись в однім шановнім руськім домі
В дні юності, в дні щастя і любові
Читали ми «Что делать?», і розмови
Йшли про часи будучі, невідомі.

Нет, не только из Европы шли социалистические соблазны. Как видим, искусителем мог быть и Чернышевский. «Новые люди», новые прекрасные отношения, радостный труд, полная смысла жизнь в справедливо и разумно устроенном обществе — разве можно было в молодости не мечтать о таком?! Франко нисколько не удивился бы, прочтя автобиографическую фразу Ленина: «Чернышевский всего меня перепыхал». Да и Ленин оценил бы нетерпеливую грусть в словах Ивана Франко из его письма к возлюбленной: «Ми ще не в соціалістичній державі, де свобідно і весело» (Ольге Рошкевич, 20 сентября 1878 года). Свободно и весело, словно в снах Веры Павловны. И Франко, и Ленин хотели как лучше. Франко окончательно стал социалистом, когда австрийские жандармы гнали его, босого и в крови, из тюрьмы в Коломые по этапу пешком в Нагуевичи, а это не меньше двухсот километров. Нашему гению в каком-то смысле повезло, что он не дожил до воплощения снов Веры Павловны в жизнь, умер в мае 1916 года.

А ведь, как я теперь понимаю, у Ивана Франко и его коханой была почти перед глазами первая попытка воплотить в жизнь мечту о социалистической державе, парижская Коммуна 1871 года. Их не смутило, что эта коммуна отличалась исключительно серым уровнем своих членов. Были яркие защитники, но не члены. В Коммуне было устранено разделение властей, и это должно было насторожить всех поклонников социализма. Что такое отсутствие разделения властей? А это значит, сами издаем закон, сами по этому закону арестовываем, сами судим, сами рассматриваем апелляцию и сами казним. Очень удобно.

Мне кажется, правы те, кто не смешивает неуклюжие теоретические построения марксизма и тот порыв к справедливому миру, что увлек, начиная с XIX века, такое великое множество людей. Многие из них потом погибли между зубцами машины, которую сами же привели в движение. Кинетической энергии этого порыва хватило на многие десятилетия. Именно она, а не один только страх, бесконечно долго, вплоть до крушения СССР, мешала миллионам наших соотечественников увидеть неудачу великого эксперимента.

Конечно, всегда были и будут люди сверхъестественной зоркости. Они сегодня рассказывают, как им все было понятно с первого класса школы. Я полностью верю их рассказам, и жалею, что они не были моими одноклассниками. Может быть, они вовремя просветили бы меня, и я с отвращением отбросил бы книги, где так захватыва-

юще рассказывалось о революции и гражданской войне (эти книги были в библиотеке нашего сельского клуба, помню некоторые из них: «Зеленый фургон» Козаченко, «Бронепоезд Гандзя» и «Капитан старой черепахи», авторов забыл), никакие мушкетеры не годились героям этих книжек в подметки. Но — у меня были совсем другие одноклассники.

Зато я почему-то встречал людей совсем другого склада — не на каждом шагу, но встречал — людей, продолжавших пылко, с юношеским жаром верить в коммунистические идеалы. И это в те времена, когда вокруг верили уже скорее по привычке или уговаривая себя. Подчеркиваю: я говорю о людях, которых встречал в Украине, об украинцах. Мне вообще интересен этот феномен коммунистических идеалистов.

Я родился в 1938 году, когда после революции прошло всего двадцать лет. Тогда, перед войной, многим моим ровесникам давали имена Феликс (в честь Дзержинского), Нинель (если прочесть наоборот, получится «Ленин»), Валерий (в честь Чкалова), Вячеслав (в честь Молотова) и так далее; правда, почему-то не Иосиф и не Лаврентий — достаточно наглядное свидетельство родительских настроений. Да, была еще Майя в честь Первой и Гертруда — сокращенная «Героиня Труда». Мало-помалу этот пыл угасал, но не у всех. Что такое «двадцать лет после революции»? Я оглядываюсь на собственную жизнь: 1983-й — ведь это было просто вчера, вот что такое двадцать лет. В 1938 году революция казалась верящим в нее совсем недавним событием, к тому же памятным буквально по дням. Она не была одномоментным актом, а длилась годы. Да собственно, для многих и не заканчивалась. В тридцатилетие революции, году в 1947-м, многие из них, я уверен, были убеждены, что если бы не тяжелейшая война, в СССР уже настало бы всеобщее счастье. У них сохранялось чувство личной причастности к какому-то почти мистически великому делу.

Вообще, что такое настоящая революция — не верхушечный переворот, а именно революция, поддержанная народом? Это попытка переделать неправильный и несправедливый мир, сделать его правильным и справедливым. Пусть революционеры и заблуждаются, их мотивы вызывают уважение до тех пор, пока (и если) логика событий не превращает их в палачей. Однако истинные революционеры, как люди лично бескорыстные, обычно не могут себе даже представить, какие стаи жулья, стяжателей, авантюристов, карьеристов, садистов,

уголовников обязательно и непременно облепят корабль революции и, в конечном счете, его потопят. И это лучший довод, почему странам и народам следует эволюционировать спокойно, без революционных судорог и кровопусканий. Правда, такие истины всегда становятся понятны слишком поздно, когда ничего уже не исправить.

Если говорить о моем собственном поколении, ему была присуща некоторая изначальная политическая наивность. И это легко объяснить: мы формировались уже после всех Сталиных и ГУЛАГов, но еще в годы, когда старшие боялись обсуждать политику и делиться страшными воспоминаниями. А вот каким образом умудрились не утратить свою веру упомянутые мною старые коммунистические идеалисты? Ведь поводов для этого у них было достаточно. Голодомор, срезанное чуть ли не до подзола украинское возрождение, чистки, четверть века сталинского террора... Шутовские выборы, шутовские Верховные советы, ленинские комнаты, месячники борьбы, единство партии и народа, пролетарский интернационализм, ленинский университет миллионов, гонка вооружений, соцсоревнование, соцреализм, спецраспределители, характеристики от треугольника, хронические дефициты всего и вся, унижительное доставание вещей и продуктов, бесконечные очереди («не больше килограмма в одни руки!»), осторожничанье в разговорах, фига в кармане, официозная культура, борьба с религией, выражения вроде: «под мудрым руководством» и «есть мнение», всегда разлитая в воздухе фальшь, железный занавес, радиоглушилки, невозможность видеть мир — и так до бесконечности.

Теперь я понимаю людей, которые все это видели и в то же время словно не замечали. Становление этих социально активных и неравнодушных людей совпало, в отличие от моего поколения, со становлением принципиально нового мира — прекрасного и бодрого, как поначалу казалось миллионам людей. «Истинно верующие» среди них раз и навсегда прониклись чувством отмеченности судьбой. Этого заряда им хватило на всю жизнь, которую мы бы сегодня посчитали, наверное, просто нищенской.

Будучи по рождению «ником», они видели себя социально состоявшимися людьми, прожившими жизнь не зря. Они до конца сохранили чувство принадлежности к бесконечно важному делу, к всемирной великой армии труда, которая владеть Землей имеет право, как пелось в «Интернационале» — ведь это было так заразительно. На-

верное, и в годы сталинского террора, загипнотизированные своей верой, они умудрились не усомниться в том, что идет суровая борьба, что великое дело поставлено на карту, ибо кругом измена. Они видели все иначе, совсем не так, как это видится нам сегодня, они прощали власти ее ошибки, когда догадывались о них. Существует общее правило: хороший человек верит в хорошее, а плохое считает досадным недоразумением. Возможно, видя криводушие и низость, они просто отказывались верить своим глазам, от них невозможно было требовать пронизательности циников. Я не поклонник наивности, но еще меньше мне по душе цинизм, изначально не верящий ни во что. И сегодня еще есть старики, которые ощущают, что какая-то особая роль была отведена их поколению и СССР в целом, может быть даже свыше. Поэтому им так трудно понять и принять новые времена, поэтому многие из них незаметно для себя в послесоветское время стали верить в Бога, продолжая верить в коммунизм, почитать Христа, не переставая боготворить Ленина, который в саркофаге перевернулся бы, увидев это извращение коммунистической духовности.

В том, что произошло в истекшем веке на одной шестой части земного шара, не было ничего исключительного и неслыханного. На протяжении всей человеческой истории люди многократно поддавались соблазну той или иной социальной утопии, и каждый новый соблазненный искренне изумлялся: ведь это же так просто и здорово, как случилось, что никто раньше до такого не додумался? Марксистская утопия появилась в ответ на вызов промышленной революции XIX века, но эвристический, если так можно выразиться, ход мысли, породивший ее, был стар как мир. Причем, если Маркс излагал ее бесконечно длинно, туманно и уклончиво, и сам его стиль порождал зубную боль, то в изложении преподавателей нашего Днепропетровского университета все звучало очень понятно.

Долой эксплуатацию человека человеком. Кто не работает, тот не ест. Средства производства — в руки рабочего класса, землю — тем, кто ее обрабатывает. Долой эксплуататорские классы и их тунедствующую челядь, долой паразитов-посредников между производством и потреблением. Долой рабство товарно-денежных отношений и вообще денег, этого пятого колеса в телеге разумного общества. Долой имущественное рабство, институт наследования, необоснованные потребности. Только социализм обеспечит научное

планирование и производственную кооперацию, устранил расточительную конкуренцию и бесчеловечную борьбу за прибыль. Только социализм обеспечит строжайший учет, справедливое распределение, повышение благосостояния трудящихся. Все будет разумно, человечно, по науке, исчезнет грань между городом и деревней. Труд станет жизненной потребностью, превратится в наслаждение. Сперва каждому будет по труду, а позже и по потребностям. Но буржуазия сама от господства не откажется, так что путь к светлому будущему лежит через классовую борьбу, революцию и диктатуру пролетариата.

Подобно сознательному пролетарию начала века, я находил все это правильным и разумным — правда, все как-то на бегу. Времени для неспешных размышлений у студента нет: на повестке дня еще сопромат, «тысячи» по иностранному языку, днепропетровские девчата... Меня в любом случае не могли бы смутить тогда положения об имущественном рабстве и об институте наследования. Подобные вещи были — и еще долго оставались для меня — научно-популярной абстракцией. Родительское наследство для меня заключалось исключительно в самом даре жизни, а по обремененности имуществом я был близок к Марксову пролетарию, одетому только в цепи. К тому же (я так понимал) все это произойдет, как и отмена денег, уже при коммунизме. То есть не скоро.

Не озадачивали меня тогда и слова Маркса о том, что прогрессивный рост нищеты рабочего класса в капиталистическом обществе отражает неспособность буржуазии «обеспечить своему рабу существование даже в пределах его рабства». Капитализм был для меня абстракцией — далекой и заведомо отталкивающей, и ни малейших причин не верить печатному слову, да еще слову самого Карла Маркса, да еще напечатанному в советском учебнике, я не видел. Мне такое в семнадцать лет не могло бы даже прийти в голову. Коли сказано «обнищание», значит, так оно и есть, у нас зря не напишут.

Мне очень нравился пункт про уничтожение грани между городом и деревней. Я рос в черниговском Полесье и ходил в школу за девять километров, частью лесом, каждый раз опасаясь волков. Мне трудно было себе представить, как эта грань будет стираться в нашем колхозе, но я верил: раз умные люди торжественно обещают стереть, значит сотрут. А может быть уже бы и стерли, если бы не завистливое капиталистическое окружение.

Не скрою, некоторое время у меня была своя гипотеза, как это будет происходить. Поскольку Маркс где-то говорит о сооружении «больших дворцов в национальных имениях в качестве общих жилищ для коммун и отдельных граждан», я решил, что «имения» могут быть только в сельских местностях. Я стал прикидывать, где именно будет построен такой дворец в нашем Чайкине, и уже было припомнил несколько подходящих мест, но тут меня стала мучить мысль, переселят ли во дворец моих односельчан или он достанется каким-нибудь пришлым людям — скажем, неграм, которые будут перебегать в СССР, спасаясь от угнетения.

Сегодня вся марксистско-ленинская социальная утопия выглядит смешной. Но стала она выглядеть такой, повторяю, лишь после очень серьезной попытки ее воплощения, после эксперимента продолжительностью в семь десятилетий. Сотням миллионов людей было не до смеха, а кое-где на нашей планете на эксперимент этот и до сих пор не смотрят как на законченный.

Я вспоминаю случавшиеся изредка споры с друзьями. Самый первый — в 1961 году, сразу после XXII съезда КПСС, на котором прозвучали исключительно сильные разоблачения сталинского террора. Мы сидели до утра и слова: «Но ведь идея была правильная!» прозвучали немыслимое число раз. Кстати, XX и XXII съезды успокоили меня лично лет на двадцать. Это многовато, согласен, но надо учитывать мою специфическую отгороженность от повседневной жизни. Возможно, люди сами подсознательно успокаивают себя формулами вроде: «Если партия сама так решительно осуждает ошибки прошлого, значит, она устремлена в будущее». То есть, жираф большой, ему видней.

Далеко не сразу и далеко не всем все стало ясно. А кому стало — с теми довольно быстро разобрались. Как я теперь понимаю, чтобы не умничали. В этом и был смысл кровавого террора ЧК — ГПУ — НКВД: нагнать ужас (латинское слово «террор» означает не «истребление», а «ужас») на всех, кто усомнился в провозглашаемых истинах. Параллельно с террором, который был призван оказывать воспитательное воздействие, шло «мирное» идеологическое воспитание народа. Главным его плодом было то, что все научились молчать. Но в целом воспитание было, как я сейчас понимаю, небесталанное, ибо породило множество искренне преданных коммунистической идее людей. Отчасти поэтому исполинский эксперимент и затянулся на

семьдесят с лишним лет. Затянулся в масштабах всего СССР, затянулся у миллионов людей на персональном уровне. Лично я, например, долго не считал его законченным, долго уговаривал себя, что в коммунистической идее есть какое-то рациональное зерно, хотя идея к тому времени была уже на излете. Но я почти уверен: эта идея совершенно иначе смотрелась в двадцатые, тридцатые, сороковые и даже в пятидесятые годы, так что не хочу и не буду осуждать дедов и отцов. Я имею в виду, конечно, тех из них, кто воспринял коммунистическую идею.

В мои студенческие годы (а поступил я в университет в 1955 году) до практического опровержения экономических и общественных догм марксизма-ленинизма было еще далеко. Мало того, в течение какого-то времени, особенно после запуска первого советского искусственного спутника Земли, многим в мире начало казаться, что старик Маркс был, возможно, не так уж неправ. Несколько лет назад мне показали, в качестве курьеза, журнал «Грани» за 1958 год, номер 40. Этот журнал издавали эмигранты-антисоветчики во Франкфурте. Мне так понравился один абзац, что я даже сделал выписку. Смысл большой статьи был в том, что коммунисты, дескать, рано торжествуют: «Вопреки бахвальству Хрущева, СССР, при имеющихся темпах роста, догонит сегодняшнее состояние США по производству на душу населения не ранее, чем через 20 лет». То есть, идеологические враги советской власти, скрепя сердце, пришли к убеждению, что СССР, увы, неизбежно догонит США, но — о счастье! — не раньше 1978 года. Знаю, что в начале 60-х многие аналитические центры в США оценивали этот разрыв как еще меньший.

В эти годы кажущегося торжества коммунистического учения первыми должны были открыть для себя его ущербность как раз те, кто им хоть немного увлекался, молодые и пытливые умы. Увлеченность подталкивает к углубленному знакомству с предметом. Я знал таких сельских самородков, которым во всем надо было дойти до самой сути. Очень украинская черта, по-моему. Но, может быть, и русская тоже.

Один въедливый юноша (к сожалению, не помню ни имени, ни фамилии) был способен сидеть ночами над дремучим «Капиталом», над «Государством и революцией» и прочими сокровищницами мудрости, чтобы наутро огорошить преподавателя очередным вопросом. Что значит «каждому по труду» — возможно ли будет, когда отменят деньги, выявить точные эквиваленты трудовых усилий ассенизатора

и поэта? И кстати, почему деньги до сих пор не отменены? Скорее бы уж, а то вечно не хватает до стипендии. И так далее.

Наши преподаватели обычно оказывались во всеоружии: на любой подобный вопрос у них была заготовлена довольно многословная и, если особо не вдумываться, убедительная речь. Именно речь, монолог — от живого спора они уходили. Возможно, в партийных инстанциях их снабжали для таких случаев специальными методичками. Не хочу говорить об этих преподавателях плохо: «куда следует» они про настырных, видимо, не докладывали.

В свое время Лобачевский опрокинул стройное здание евклидовой геометрии, доказав несостоятельность одной из главных опор этого здания — постулата о параллельных прямых. В нашем вузовском учебнике научного коммунизма, своего рода коммунистической евклидовой геометрии, присутствовал явный аналог этого ущербного постулата. Я имею в виду параграф, посвященный языкам и культурам. Там можно было прочесть такое: «Расцвет национальных культур и языков в период диктатуры пролетариата в одной стране подготавливает условия для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру и в один общий язык в период победы социализма во всем мире».

Отмирание как следствие расцвета — эта мысль меня поразила. На какое-то время даже стало грустно, и я еще раз позавидовал гуманитариям, способным постичь такое. У меня самого врожденная тяга к гуманитарным предметам к тому времени сильно поугасла, так что углубляться в эту загадку я не стал. Утешало то, что расцвет, плавно переходящий в отмирание, был намечен на далекое будущее, до которого нам всем вряд ли суждено дожить. К тому же слиться должны будут все языки, какие есть в мире, так что никто не окажется в обиде.

Вообще из учебника следовало, что марксисты-ленинцы принципиально против того, чтобы был в обиде даже самый маленький этнос. Там прямо сказано: «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы», и эта мысль пояснялась такой цитатой: «Освобождение Ирландии является для английского рабочего класса необходимым условием собственного социального и политического освобождения (Карл Маркс)».

И вот, помню, однажды кто-то задал вопрос: почему, не дожидаясь расцвета языков в период диктатуры пролетариата, русский язык немножко (ну совсем немножечко) теснит украинский в Украинской

же ССР? На что нам спокойно объяснили, что на самом деле украинский язык и культура по сравнению с 1913 годом сделали немислимый рывок — сравните-ка число школ, книг, газет, журналов, театров и радиостанций. И больше не говорите глупостей!

Лишь годы спустя я понял, что это было отеческое предостережение. Понял и другое: что именно вопрос о языке был уже тогда самым уязвимым местом советской практики во всех национальных республиках. Не зря ведь те, кого на партийном жаргоне стали называть в СССР «националистами», как правило, не верили ни в один коммунистический постулат. То есть, будучи филологами, учителями, писателями, они не дали себя увлечь перспективой иметь «по потребностям» и другими перспективами коммунизма. Наиболее яркие из них, такие как историк Валентин Мороз, раскусили дефектность всей коммунистической доктрины, включая ее экономическую часть. Они оказались пронизательнее людей с экономическим образованием и уж тем более нас, технарей. Нелепицы и фальшь в национальном вопросе обесценили в их глазах всю коммунистическую конструкцию.

НЕ ДЛЯ СДАЧИ ВНАЕМ

Я не соприкоснулся тогда с этими людьми, не увлекся проблемами, так тревожившими их, не дававшими им спокойно спать. Я лишь недавно узнал, что уже в 1958 году только 21% городских школьников Украины учились в украинских школах, а в Харькове, Одессе и Донецке украинские школы вообще исчислялись единицами — такая статистика не была общим достоянием в момент своей актуальности. В свое оправдание могу сказать, что инженеры вообще особый подвид рода человеческого. Мне трудно объяснить гуманитария, насколько сильно могут поглощать инженерные задачи, отодвигая все остальное на далекий задний план.

Работы «националистов» и «диссидентов» я прочел много позже. Кстати, неспроста большинство из них принадлежали к первому поколению городской интеллигенции — то есть, попросту говоря, были выходцами из села, теми самыми въедливыми самородками. Сегодня, когда к их работам подсоветских лет можно отнести уже вполне беспристрастно, я вижу во многих из них одну общую черту: очень

умелое использование разрыва между теоретическими построениями коммунистического учения и советской практикой. Они все время тыкали пальцем в «неработающие» статьи Конституции СССР и программных документов КПСС, вероятно, слегка раздражая менее решительных единомышленников своей кажущейся наивностью. Но это был тогда их единственный щит: дескать, мы горячо верим в коммунизм и беспокоимся лишь об одном — как бы его строители не отступили от собственных замечательных чертежей. И не поразительна ли награда? В решающий момент сработала самая, казалось бы, безнадежная из всех статей советской конституции: о праве союзных советских республик на выход из Союза ССР!

Вспоминаю 1977 год, сперва «всенародное» обсуждение проекта новой Конституции СССР, потом разыгранное по нотам обсуждение в Верховном Совете СССР (мне было 39 лет, и от былой студенческой наивности уже мало что осталось). Кто-то из депутатов задал вопрос — разумеется, заранее согласованный — а не исключить ли нам из конституции право республик на выход из СССР как устаревшее, как доставшееся нам в наследство от конституции 1936 года? Мол, та конституция была принята в условиях, когда еще не сложилась новая историческая общность людей «советский народ», а о каком отделении может идти речь сегодня? И тогда встает Брежнев и говорит с преважным видом, что исключать эту статью было бы преждевременно. Не уверен, что раздались рукоплескания, но, естественно, постановили не исключать.

Я ломаю голову: как отнестись к тому обсуждению? Как к лицемерию в чистом виде? Ну что мешало руководству СССР просто «забыть», пропустить эту статью, переписывая конституцию? Ведь никто бы и не пикнул. Но еще 14 лет спустя это могло бы иметь роковые последствия. Заметьте, СССР разделился точно по числу и по границам союзных республик. До 1956 года в его составе была шестнадцатая союзная республика, Карело-Финская (в память о ней осталась шестнадцатая позолоченная девушка фонтана «Дружба» на ВДНХ в Москве). Не разжалуй ее Хрущев тогда в автономные, она, как и остальные, наверняка отделилась бы в 1991 году, причем столь же мирно. Но отделение автономных республик и автономных областей не было предусмотрено советской конституцией — и ни одна из них не отделилась! Все попытки добиться этого приводят к кровавым войнам — в Чечне, Карабахе, Абхазии, Южной Осетии, Горном Бадахшане,

в Приднестровье (мало кто сейчас вспоминает, что самопровозглашенная Приднестровская республика до 1940 года была Молдавской АССР в составе Украинской ССР).¹⁸ То есть, советская конституция 1977 года оказалась в этой части абсолютно работающей!

Мало того. Незыблемыми остаются и все межреспубликанские границы советского времени — по крайней мере, до их делимитации и демаркации в будущем (делимитацию производят на самых подробных картах, демаркацию — непосредственно на местности). Перекраивали, в основном, по мелочам, но не всегда — помню, как вдруг изменились на карте СССР очертания Узбекистана (в другой части книги я коснусь большого передела границ между УССР и РСФСР в двадцатые годы).

...Ну, а что же произошло с партией, которая все это делала, с ее главной, коммунистической идеей? То ли участники коммунистического проекта не доросли до собственного замысла, то ли замысел был неосуществим. Видимо, и то, и другое: не доросли, поскольку замысел подразумевал, что все должны стать святыми. Установку на бескорыстное сознание подстраховывали административными мерами. Это порождало самые дурацкие коллизии. Недавно книга покойного Бориса Ивановича Губанова «Триумф и трагедия “Энергии”» напомнила об одном эпизоде 35-летней давности, про который я успел забыть. Борис Иванович был первым заместителем Генерального конструктора КБ «Южное». После его переезда в Москву я был назначен на его место. «Вспоминается, — пишет он, — в конце 1960 годов [кажется, это было в 1967-м — Л. К.] в КБ “Южное” решили организовать какой-то отдых для работающих на износ ракетчиков. На строительство коттеджей денег было у всех маловато. Ну, решили, как это было уже популярно, образовать садовое общество с участками каждому по шесть соток. Начали делить “фазенды” — домики, на которые еле-еле хватало денег. Но некоторым хотелось сделать домик такой, чтобы он как-то был похож на эту чертову “виллу”. Кто-то превысил высоту сооружений. Нет, не в духе теперешних двух-, трехэтажных крепостей, а просто построил дом с мансардой — жилая комната под скатом крыши. Потребовали от академиков, докторов наук и просто ракетчиков привести их в соответствие с требованиями, установленными на местах. Рушили “вторые” этажи, так как не подвергалось сомнению, что чердаки могут быть использованы для сдачи внаем...»

Для сдачи внаем, какой ужас. У советского человека не может быть корыстных побуждений. В СССР секса нет! Унижали тех, кого должны были носить на руках. Были люди, которые так и не смогли забыть это оскорбление (если бы оно было единственным!), и в начале 90-х при первой же возможности уехали на Запад. Оскорбил Советский Союз, а уезжали из Украины.

Мне даже обидно, что воспоминания о советском прошлом у многих сейчас сводятся либо к страшному, либо к дурацкому. Не очень много радости и когда в качестве «главного хорошего» вспоминают колбасу по два двадцать, на самом деле ничего в ней хорошего не было. А новые поколения могут прийти и к совсем уж пренебрежительному выводу: дескать, немного же стоил этот строй и эта идеология, если они рассыпались как карточный домик не из-за ядерной войны, не из-за великой чумы, нового оледенения или всемирного потопа, а совершенно на ровном месте. Смогут ли люди завтрашнего дня понять, что СССР и коммунистическая идеология распались не на ровном месте, что это была шекспировская трагедия крушения одной из самых великих иллюзий в истории человечества?

Есть одно, ныне почти забытое правило: пока достаточное количество людей верят в идею и готовы ее отстаивать (а стало быть, верят в собственную правоту), идея несокрушима. Но они верят в нее до тех пор, пока есть ощущение, что идея поддается воплощению в жизнь. Ну, и еще какое-то время по инерции. Когда же идея со всей очевидностью оказывается невоплотимой, люди от нее отворачиваются. Можно слышать, что коммунизм обрушился потому, что потерпел поражение в холодной войне, не выдержал гонки вооружений. Вот уж чего не было, того не было. К «холодной войне» за 40 лет привыкли, а на разорительную и неэффективную американскую программу СОИ был готов недорогой советский асимметричный ответ. Коммунизм обрушился прежде всего потому, что на уровне массового сознания утратил веру в себя. Он не мог ее не утратить, ибо давно страдал двоемыслием. Например, когда человек на собрании говорит одно, и тут же, в курилке — тем же людям! — рассказывает анекдот совершенно противоположного смысла («Товарищ Петренко, почему вы не были на последнем партсобрании?» — «Если бы я знал, что оно последнее, обязательно бы пришел»). Но двоемыслие — это расщепленное сознание, шизофрения. Положа руку на сердце, приходится признать, что примерно к 1985 году мы имели законченно шизофрениче-

ское государство. Уже все всё понимали, но делали вид и поступали так, как будто не понимают. А главное, не делали политических выводов.

Шизофрению пытались лечить электрошоком. Прорыв гласности стал для советских людей чем-то подобным по действию. Горбачев, отважившийся на отмену цензуры, заслужил нашу вечную благодарность, хотя, похоже, не ведал, что творит. Очень быстро выяснилось, что коммунистическая пропагандистская машина не умеет работать в дискуссионном режиме, стала очевидна ее дряблость и нетренированность. У ее зубастых демократических противников были не побиваемые доводы, ей же было нечего противопоставить этим доводам, она лишь обреченно и неуклюже отмахивалась. И двоемыслие быстро перестает быть массовым.

На этот процесс наложился бунт способностей и потребностей — нереализованных способностей и нереализуемых (в тот момент) потребностей нового поколения элит в союзных республиках. Людям стало невыносимо жить на детских помочах неуклюжего руководства Москвы, ходить по струнке устаревшей идеологии. Этот бунт уже не был опасен для жизни, как во времена их отцов. Надежды на то, что в СССР может быть создано потребительское изобилие, давно исчезли. Изобилие, как все вдруг поняли, находилось в другом месте. Появилась и достоверная информация, в каком. Начало увлечения видеофильмами в середине 80-х пробило дополнительную брешь в железном занавесе. Молодежь по всему СССР внезапно увлеклась рок-музыкой и от ее децибеллов стала совершенно глуха к комсомольским «зарницам» и «задумкам».

К середине 80-х начали прозревать даже такие оторванные от повседневной жизни люди, как ракетчики. Времени для чтения катастрофически не хватало, выкраивал кое-как. В частности, мне хотелось понять, могло ли что-либо подобное перестройке произойти раньше. Сколько было бы сэкономлено сил и жизней! Разве не был НЭП первой попыткой перестройки? Но приходилось признать: не был и не мог быть. Ведь перестройка — это, в том числе, и курс на историческое примирение. В 20-е и 30-е такое было исключено. В то время власть на всех уровнях была в руках людей, запятнанных кровью гражданской войны. Их воспаленное классовое сознание проявлялось в формах, которые кажутся сегодня неправдоподобными и даже комическими. Знакомый инженер-сибиряк рассказывал, что его родители

жили до войны на улице Проклятия убийцам Сакко и Ванцетти. Если даже в наши дни надо бдительно разводить шествия коммунистов и «Руха», чтобы не дошло до рукопашной (я уж не говорю о полной невозможности примирить ветеранов Красной Армии с ветеранами УПА), то что уж говорить о тех годах!

Прежде чем руководство СССР могло хотя бы помыслить о чем-то подобном, должны были уйти из жизни или, по крайней мере, из всякого участия в политике люди, лично ответственные за коллективизацию и ГУЛАГ, депортации и голодоморы, за Быковню и Куропаты, Бутово и Левашево¹⁹, за Новочеркасск и Будапешт. Уже забыл, то ли в конце хрущевского времени, то ли в брежневское КПСС объявила: в связи с затуханием классовой борьбы и полной и окончательной победой социализма диктатура пролетариата перестала быть необходимой. Был также провозглашен переход к бесклассовому обществу, а СССР объявлен общенародным государством.

Я с тех пор все собирался, да так и не собрался выяснить, предусмотрен ли был в советской конституции специальный орган для осуществления диктатуры пролетариата. Теперь-то мне понятно, что никакой диктатуры пролетариата не было, да она и невозможна в принципе. Была диктатура партии, которая уверяла, что построена на принципах «демократического централизма». Но и она не стала бы диктаторским органом, если бы это утверждение соответствовало действительности. Централизма было хоть залейся, но совсем не демократического.

Провозглашение общенародного государства наталкивало на интересные выводы. Теоретически говоря, покуда в СССР шла борьба классов, все национальное должно было поневоле помалкивать, ибо, согласно марксизму-ленинизму, классовое куда выше и важнее национального. Но вот классовое исчезло, и об этом было торжественно объявлено. В связи со сменой ситуации наступала пора расплачиваться по ранее выданным авансам. Допустим, борьба классов и впрямь мешала осуществлению «ленинской национальной политики» во всем ее великолепии, но вот эта помеха исчезла, и что же? Не следовало ли наконец приступить к проведению этой превосходной политики в жизнь? Иван Дзюба и другие диссиденты первого призыва не требовали большего, они не говорили о независимости. Однако вместо этого на идеологическом Олимпе СССР родилась идея «слияния наций». Ее творцы, похоже, искренне не понимали, что эта идея бы-

ла бы обречена на неудачу даже в 1937 году, в атмосфере тотального страха. Каждая нация обладает неразрушаемой сердцевиной, и дальше известного предела не смог бы продвинуться даже бывший нарком по делам национальностей товарищ Сталин. Что уж говорить о его ожиревших преемниках! Да и страх за десятилетия после 37-го практически выветрился. Власть утратила чувство своей правоты, и люди не могли не ощущать это. Утрата чувства правоты равносильна, на подсознательном уровне, капитуляции.

За последние 10—12 лет, наверстывая годы отлученности от печатного станка, бывшие советские (то есть антисоветские) диссиденты выпустили множество интереснейших работ. Довольно часто в этих работах встречается мысль, что советский коммунизм был глубоко русским явлением, вполне органичным для России, но глубоко чуждым всем остальным народам Российской империи, и он этим народам был, мол, навязан военной силой Москвы в ходе гражданской войны 1918—1921 гг. Мои размышления о коммунистическом эксперименте и коммунистах — это одновременно и попытка ответить самому себе: в какой мере коммунистический строй был чужд украинскому народу? Да, редко кто говорит, что коммунистический строй был чужд или навязан русскому народу, уверяют, что это — русское изобретение. Такая утешительная для украинцев гипотеза тоже имеет право на существование, но правдоподобнее другая: что советская версия коммунизма — плод совместного творчества представителей многих народов.

Не чувствуя себя вправе конкурировать с профессиональными историками, я не буду вступать в обсуждение этой темы, а лишь поделюсь некоторыми наблюдениями и фактами. Они накопились у меня при чтении книг и статей по истории Украины. Активно я их начал читать с марта 1990-го, когда стал народным депутатом первого украинского парламента, способного что-то решать (через год этому парламенту предстояло провозгласить независимость Украины!). Про предшествовавшую советскую систему «выборов» и Верховных Советов какой-то остролов сказал: имитация демократии — это высший комплимент, который тирания делает свободе. Эта шутка тогда не была мне известна, но я чувствовал, что времена имитации кончатся, и поэтому сказал себе: без ясной картины прошлого своей родины ты не вправе участвовать в определении ее будущего. Конечно, история сильно интересовала меня и раньше. Более того, в юности я собирал-

ся стать учителем литературы и истории и прочел множество книг о прошлом СССР в целом и Украины в частности. С той поры даже в условиях жестокой нехватки времени я не перестаю обращаться к истории.

Итак, совершенно конкретный вопрос: был ли захват власти большевиками 25 октября (7 ноября) 1917 года сугубо русским делом или это не так? Конечно, решение свергнуть Временное правительство принималось большевистским ЦК, но это было как бы теоретическое решение. Операцию же по захвату власти в Петрограде организовал и провел Военно-революционный комитет (ВРК), председателем которого был Николай Ильич Подвойский, украинец, сын священника. Он не случайно оказался на таком посту: с 31 марта 1917 года возглавлял Военную организацию ЦК РСДРП, формировал отряды Красной Гвардии. За 12 часов до переворота ВРК разослал в верные большевикам части «Предписание № 1» о полной готовности. Подписей под документом две — Подвойского и Антонова-Овсеенко. Подвойский лично участвовал в штурме Зимнего, а затем был одним из организаторов обороны Петрограда. 23 ноября он стал наркомом по военным делам. Уроженец Чернигова Владимир Александрович Овсеенко известен как Антонов-Овсеенко. Большая советская энциклопедия (первая), называя его «одним из главных участников Октябрьского переворота», пишет: «в момент восстания Антонов-Овсеенко, как член военного Ревкома, вместе с Подвойским руководил боевыми операциями в Петрограде, под его командованием взят Зимний дворец». Кстати, в ВРК входили и другие украинцы — Петр Васильевич Дашкевич, Андрей Дмитриевич Садовский, П. Н. Мостовенко, а штаб ВРК вообще состоял из одних украинцев.²⁰

Я перечислил лишь бросающиеся в глаза фигуры первого-второго ряда. За ними стоит множество других, менее заметных, но крайне деятельных украинцев — участников тех событий. Однако главной движущей силой переворота были, конечно, тысячи и тысячи матросов Центробалта, в основном украинцев — ведь во флот до революции традиционно набирали в «малороссийских» губерниях.

Может быть, профессиональные историки сумеют доказать обратное, но пока что я не могу уйти от вывода: множество украинцев («корпоративно» в лице революционных матросов и персонально) были прямо причастны к большевистскому перевороту, свержению

Временного правительства и разгону Учредительного собрания — то есть к удушению российской демократии.

Названные мной украинцы (вместе с тысячами неназванных) приложили затем руку и к удушению демократии в Украине. Разумеется, они действовали вкупе и влюбсе с неукраинцами — не зря большевики исповедовали лозунг, что пролетарий не имеет родины. Сблуженные марксистской утопией и идеей мировой революции, они везде уничтожали «буржуазную» демократию — российскую, грузинскую, белорусскую, украинскую. Уничтожили бы и финскую, и польскую, и латвийскую, да не хватило сил. В демократии они видели новое издание старых порядков — ведь и до революции была Дума, была борьба партий. Они никогда не говорили «демократия», только «буржуазная демократия».

Когда я впервые прочел, что большевистские отряды вел на Киев Юрий Коцюбинский, сын нашего классика, автора «Теней забытых предков» и украинца до мозга костей, я сперва не поверил своим глазам. Что поделаешь, люди Утопии смотрели на все национальное как на реакционный пережиток.²¹

Исторические факты не позволяют мне заключить, что мой народ был побежден, сдался и подставил шею под «большевистское московское ярмо». В том-то и дело, что нет! Большинство украинского народа (я не говорю сейчас о населении Западно-украинской народной республики), точно так же, как и большинство русского народа, дало себя увлечь красивой сказкой про «землю — крестьянам», про «фабрики — рабочим» и про то, что «владыкой мира будет труд». Поддавшись соблазну, они приняли участие, поначалу вполне добровольное, в коммунистическом эксперименте.

Именно в успехе большевистской пропаганды среди украинского крестьянства видит один из важных факторов поражения национальной революции 1917—1920 гг. канадско-украинский историк Орест Субтельный.

К чести вождей украинской национальной революции и украинской социал-демократии Симона Петлюры и Владимира Винниченко, они, при всей своей левизне и даже радикализме (в период Директории), оказались устойчивы к коммунистической инфекции. Маловосприимчивой к ней оказалась и их партия УСДРП. Эта инфекция поразила в украинских губерниях совсем других социалистов — эсеров. 15 мая 1918 года их партия УПСР окончательно раскололась, и ее

левая фракция, «боротьбисты», приняла коммунизм как идею и программу. Хотя и не как конкретную политику. В своем письме Ленину «боротьбисты» описывали эту политику в Украине так: «Советские войска дошли до самого Киева, заняли всю Левобережную Украину [в январе-феврале 1919 года], их поддерживало местное население. Сами советские войска были украинскими. Пролетариат, а главное — крестьянство твердо стояли за Советскую власть. Были уезды, где советские войска проходили без единого выстрела. Воля трудящихся Украины выявилась вполне... Дальше началось “советское” строительство... Злым умыслом невозможно объяснить то, что творилось, но творилось так, как будто Советской властью на Украине руководили опытные черносотенцы... Советская власть на Украине пала [в августе 1919 года]... Но жива Советская власть на Украине. Она и будет там, если Российская коммунистическая партия проявит действительный интернационализм и не будет проводить политику насаждения “красного” империализма (русского национализма) на Украине».

То есть, уже тогда можно было догадаться о многом, если не обо всем. Но слишком велик был в народе запас веры в большевистских благодетелей. Крестьян волновал вопрос о земле, а не о языке. Они не вникали в резоны действий (и бездействия) украинских национальных правительств. Центральная Рада имела в своем распоряжении целый год, но земли не дала, Скоропадский посылал карательные экспедиции против крестьянских самозахватов. Директория тоже лишь «вырабатывала» земельную реформу, а с точки зрения простого человека просто тянула время. И только большевики худо-бедно, а раздали более пяти миллионов десятин земли. И этим, при всех возможных оговорках, предрешили гибель УНР и свою конечную победу.

Я не идеализирую ни один народ. Немалая часть простых людей с восторгом отнеслась к большевистскому призыву «грабь награбленное», многие приняли участие в разорении спиртовых и сахарных заводов, помещичьих усадеб и зажиточных хуторов. Их буйство совершенно обесценило человеческую жизнь. Я не мог без содрогания читать, как на хуторе Любочка в Полтавской губернии в декабре 1918 года была зверски убита наша замечательная писательница и историк украинского народа Александра Яковлевна Ефименко вместе с дочерью, талантливой поэтессой Татьяной Ефименко. Страшно подумать, сколько тысяч подобных убийств видели и Украина, и Россия в те го-

ды. Происходило то, что верующие люди называют отпадением от Бога и его заповедей. Но ведь и этому тоже способствовали большевики, их атеизм и активное богоборчество!

Не в оправдание, а в объяснение. Миллионы людей прожили бы жизнь «в страхе Божьем», как выражались раньше, если бы не Мировая война. Она оторвала их от семьи, бросила в окопы, приучила к зрелищу смерти, приучила ни в грош не ставить чужую жизнь — да и свою не слишком. Эти отравленные ядом насилия люди вернулись домой не с пустыми руками. Почти каждый из них вернулся с оружием. Революционная энергия масс, о которой так любили говорить большевики, воплотилась в человеке с ружьем, признающем лишь простые решения. Доктринальный вирус революционного марксизма нашел себе идеальную питательную среду. Так называемый «марксизм-ленинизм» (правильнее было бы говорить просто о «ленинизме») приобрел явственные признаки повальной и затяжной эпидемии.

При всем при том я твердо знаю одно: если бы наш народ, пусть несовершенный и грешный, хотя бы заподозрил, что его хотят подчинить чужой и чуждой воле, он никогда бы такого не допустил. Но в том-то и дело, что большая часть украинского народа вошла в капкан с верой в скорое светлое будущее, с надеждой на правду и справедливость. Да и сами его творцы не подозревали, что строят капкан. Большинство из них умерли не своей смертью.

ДОВЕРЧИВОСТЬ

Я ни с кем не дискутирую, а лишь делюсь выводом, к которому пришел сам и без «подгонки под ответ», как говорили у нас в школе. Этот вывод стал для меня немалым облегчением. Украина проявила не покорность и смирение, а доверчивость. Эта доверчивость стоила ей тяжких десятилетий несвободы — как и России. Украинский народ не был «в батраках у русских». Советский большевизм был нашим совместным творчеством, совместным наивным и злосчастным порывом к светлому будущему.

Доверчивость как врожденную черту украинцев подметил и злой гений революции, большевик № 2, уроженец Херсонщины Лев Троцкий (кстати, говоривший в детские годы, как пишут его биографы, на смеси русского и украинского). В январе 1920 года он напутствовал

большевистских агитаторов, отправляемых в Украину, такими словами: «Только безграничная доверчивость и уступчивость, а также отсутствие сознания необходимости постоянной крепкой спайки всех членов государства не только во время войны — каждый раз губили все завоевания украинцев. Потому они рано утратили свою “самостийность” и живут то под Литвой, то под Польшей, то под Австрией, то под Россией, составляя собой очень ценную часть этих держав. Эти бытовые особенности характера украинцев необходимо помнить каждому агитатору и его успех будет обеспечен». Впрочем, как ни убежден был Троцкий в украинской доверчивости, но после григорьевского мятежа отправлял мобилизованных украинцев воевать подальше от Украины — на всякий случай.

Доверчивость проявили оба народа, но украинцам советский период дался тяжелее. Перед русским народом, по крайней мере, не маячила перспектива утратить свое этническое лицо. Коммунистический эксперимент стал достоянием истории и историков, но он не должен быть забыт. В своей книге «О самом главном» я сформулировал эту мысль так: «Можно, конечно, сегодня отмахнуться от коммунистической идеологии как от чего-то чуждого нам, навязанного извне. Но это было бы самообманом». Пусть память о нашей попытке воплотить коммунистический проект на веки вечные послужит нам прививкой от всех утопий.

И все же не могу не повторить: как бы мы ни были уверены в своей реконструкции событий, в своих умозаключениях, нам не дано взглянуть на этот эксперимент глазами его современников, участников, жертв.

В свете таких вот размышлений о 70-летнем коммунистическом эксперименте и его истоках читатель лучше поймет мое отношение к сегодняшним коммунистам Украины.

Когда-то, совсем молодым человеком, я вступил в КПСС, никак себя не насилуя, вполне разделяя провозглашенные этой партией идеалы социальной справедливости и не сомневаясь в ее авангардной роли по отношению к ведомому ею советскому народу. В годы перестройки, уже куда менее наивным, я примкнул к «демократическому крылу» КПСС в надежде, что, дав добро на разоблачение ошибок прошлого, она сумеет вывести страну из тупика, в котором мы все оказались. Я рассуждал тогда как инженер: да, сделано огромное количество ошибок, но исполинская конструкция правящей

партии служит опорой всему, что только есть в СССР. Хотя это и ненормально, но за десятилетия единственная партия в стране перестала быть объединением приверженцев коммунистической идеи, а приобрела функции скелета — без скелета же тело существовать не может.

КПСС сама наломала дров, но только сама и сможет исправить дело, и это будет наиболее рациональный и безопасный путь, думалось мне тогда. Опять же, как инженер, я видел, что из тысячи проблем, стоявших перед СССР, самая главная — это неуклонное снижение конкурентоспособности страны в мире. Требовались радикальные шаги, серьезнейшие перемены.

Однако довольно скоро стало заметно, что из 20 партийных руководителей всех уровней 19 не готовы ни к каким переменам и больше всего надеются, что суматоха, затеянная Горбачевым, как-нибудь утихнет сама собой и можно будет оставить все как было. Звучало много разговоров о демократизации партии, но какая-то демократизация если и наблюдалась, то преимущественно в низовом звене, и далеко не во всех организациях.

Зато жаждала перемен увидевшая свой шанс активная и неравнодушная общественность, молодежь, студенты, писатели, журналисты и другие творческие люди. Ослабление, потом и отмена цензуры открыла шлюзы для обсуждения всего наболевшего. Возникли многочисленные структуры, параллельные партийно-государственным, «народные фронты», общественные организации, зачатки политических партий, разворачивались дискуссии, в том числе по национальному вопросу, инициатива снизу приобрела размах, какого мы и представить себе не могли. Что было совсем уж неслыханно, появились предприниматели.

В какой-то момент стало понятно, что, утрачивая авторитет, КПСС перестает быть несущей конструкцией, тем самым скелетом общества, и эту функцию постепенно берет на себя, как тогда говорили, «демократическая альтернатива». КПСС стояла перед последним выбором: или готовиться к уходу с исторической сцены или, напомнив всем, что именно она — инициатор перестройки и гласности, решительно солидаризироваться с процессами, идущими в обществе, а то и возглавить их. Теоретически у КПСС был шанс завоевать себе новый авторитет, вернуть сторонников, еще не ушедших особенно далеко, обрести второе дыхание.

Мы все (или почти все) были советскими людьми, впитавшими советское с молоком матери. Нам очень хотелось — не только на сознательном, но и на подсознательном уровне — поверить в «социализм с человеческим лицом». Если бы до августа 1991 года КПСС сменила название, покаялась, найдя нужные слова (а мастера таких слов имелись на Старой площади в избытке), объявила о полном и окончательном разрыве с прошлым, я еще не знаю, как бы могла повернуть история. Между прочим, исторические аналогии такого развития событий имелись. По сути, именно так повела себя компартия Чехословакии в ходе «пражской весны». Благодаря этому она не только вписалась в реформационные процессы, но и возглавила их.

Но вместо этого КПСС вдруг попыталась вновь пригнуть огромную страну, уже распробовавшую вкус свободы — грубо, неуклюже, бездарно, с помощью танков, нелепых угроз и обещаний по пятнадцати соток каждому. КПСС показала, что не только не доверяет обретающему голос народу, но хочет, чтобы он вновь начал ходить по струнке, а главное — замолчал. И какая слепота! Они там решили, что стоит объявить чрезвычайное положение, как все немедленно скажут «слушаюсь!»), возьмут под козырек и с облегчением побегут за своими сотками. Они до трогательности ничего не понимали: можно было подумать, что последние четыре года перед этим они провели в летаргическом сне и вдруг проснулись. Поэтому у меня к ним даже не было острой неприязни, скорее жалость.

Очень похожее отношение у меня и к сегодняшним украинским коммунистам. «Я человек по преимуществу центристских убеждений, а центризм сегодня — это и есть путь решения тех проблем, о которых говорят левые (кто с искренним желанием изменить положение дел к лучшему, а кто — из чисто популистских побуждений). Я бы сказал, что современный центризм с необходимостью обращается лицом влево. Вместе с тем, мои взгляды никогда не помешают мне бороться за права и свободы личности, защищать независимость моей страны. И именно в этом — мое главное различие с “профессиональными левыми”, с теми, кто приватизировал левый край политического спектра» — писал я два или уже три года назад и повторяю это сегодня. (У меня столь же серьезные расхождения и с теми, кто пытается монополизировать украинский патриотизм.)

Я считаю, что мы поступили правильно, когда, в отличие от восточноевропейцев и прибалтов, дали коммунистам зарегистрировать в Укра-

ине свою партию под прежним именем. Хотят быть коммунистами? Пусть будут ими. Зато нас никто не сможет обвинить в том, что мы оставили без выбора значительную часть нашего населения, и я горд за Украину. Конечно, риск был. Он заключался в том, что большинство избирателей из тоски по молодым годам или от недовольства трудной жизнью отдадут свои голоса тем, кто попытается, используя народный мандат, вернуть страну в прошлое. Но на всех свободных выборах эпохи независимости, даже в условиях тяжелейшей инфляции, дороговизны, задержек пенсий и зарплат, наш народ проявлял поистине удивительную зрелость и мудрость. Испытав шок разрыва с прошлым, которое всегда кажется нам лучше, чем оно было на самом деле («что пройдет, то будет мило»), наш народ отказался от возврата в это прошлое. Итоги выборов в Украине привели меня к твердому убеждению: до тех пор, пока коммунистическая партия Украины не отбросит популизм и демагогию и не превратится в ответственную и конструктивную политическую силу, число тех, кто голосует за коммунистов, будет только уменьшаться.

Очень похожую картину мы видим и в России. Я помню, как солидные кремленологи говорили и писали в начале девяностых: уж где-где, а в России, на родине большевизма, свободные выборы обязательно приведут к его реставрации, это бесспорно, нет смысла даже дискутировать на эту тему. На деле же мы видим, что коммунисты получают в России на выборах проценты голосов, удивительно близкие к нашим. С такими процентами о реставрации лучше забыть — и там, и здесь. Это лишний раз подтверждает близость духовного опыта Украины и России в XX веке. И близость выводов, сделанных нашими народами из него.

Однако между коммунистами Симоненко и коммунистами Зюганова есть не только сходство, но и существенная разница. Не зря я все время напоминаю, что Украина — не Россия.

КПРФ товарища Зюганова уже давно решила наживать свой политический капитал на патриотизме — российском и русском — раз не получается ни на чем другом. Более того, пока остальные крупные политические силы России были поглощены другими делами, КПРФ попыталась приватизировать российский патриотизм, но не вполне удачно — это знамя немедленно стали вырывать ЛДПР Жириновского и «Союз русских общин». Понемногу спохватились и другие силы. Сегодня все сколько-нибудь заметные партии в России если не «патриотические», то «государственнические», что, по-моему, одно и то

же, и я не вижу в этом ничего плохого. По крайней мере, в России теперь меньше изумляются нашему украинскому патриотизму.

Нельзя сказать, что, объявив своим курсом патриотизм, российские коммунисты совершили такое уж большое насилие над собой. Сталинская идеологическая схема, которую унаследовали зюгановцы, представляет собой достаточно странную смесь. Бесспорно, в ней всегда сохранялся, и даже на словах выпячивался так называемый пролетарский интернационализм. Отсюда — политика разорительной «помощи братским странам и партиям», благодаря которой СССР — а значит, и Россия, и Украина — были всемирными донорами. Вплоть до своего развала и гибели КПСС продолжала финансировать какие-то темные зарубежные делишки, а советские войска в Афганистане у нас именовались воинами-интернационалистами. Но еще в предвоенное время произошел плавный разворот к патриотизму (который противопоставлялся «национализму») и к отечественным ценностям, которые на поверку оказывались прежде всего русскими ценностями. Ценности других народов служили этнографической приправой. Выражение «великорусский (он же великодержавный) шовинизм», бывшее в большом ходу в 20-е и даже 30-е годы, было быстро выведено из употребления.

Подразумевалось, что у патриотов может быть только одно отечество, социалистическое отечество СССР, а национальные оттенки — дело десятое. В том слегка отредактированном виде, в каком ее унаследовала КПрФ, эта схема, по крайней мере, не является антигосударственной. К тому же она, как мне кажется, отвечает современным настроениям большинства российского общества (или, может быть, из Киева плохо видно?). Все это делает оппозицию Зюганова, при всех возможных оговорках, системной.

Попутчиками КПрФ легко и естественно становятся русские националисты. Для них память о коммунистическом прошлом — это память о величии (в их понимании, конечно) России в образе СССР, поэтому коммунисты им идейно близки. Вполне непринужденно возникают национал-коммунистические союзы, причем не тактические и временные, а такие, когда непонятно, где кончаются одни и начинаются другие. Не зря политические противники, не желая разбираться в тонкостях, зовут российских коммунистов и российских националистов общим именем: «красно-коричневые». В Украине все иначе. Хотя украинские национальные партии способны на эфемер-

ные объединения с украинскими коммунистами и даже на тактические коалиции ради достижения какой-то конкретной цели, у нас невозможен истинный союз между ними. Для правых украинских политиков память о коммунистическом прошлом — самое страшное из воспоминаний.

Украинские коммунисты, не уставая призывать к восстановлению СССР, демонстрируют, что они ничем не отличаются от своих российских собратьев, иначе говоря, ставят себя в положение украинского филиала КПРФ, и одно это делает их оппозицией внесистемной. В свободное от тактических коалиций с «националистами» время они борются с ними, сплошь и рядом переходя границы разумного, они ничего не имеют против возвращения к языковой ситуации советских времен, когда украинская культура жила как в осажденной крепости. В письме, обращенном к президенту Украины, они способны написать: «за десять лет так называемой независимости»... Коротче говоря, большими украинскими патриотами их не назовешь — да их таковыми никто и не называет.

Если сравнивать с КПРФ, в платформе украинских коммунистов даже больше внутренней логики и последовательности — просто в силу того, что в ней больше преемственности от КПСС, но гордиться тут нет никаких причин. Это та последовательность, которая ведет в тупик. В платформе КПУ не видно реализма. Верность — вещь вообще-то похвальная и даже трогательная, но верность давно обанкротившимся мифам лишает КПУ исторической перспективы.

В этой партии много достойных людей — но не хотят же они уподобиться тому другу человека, который пятнадцать лет провел на могиле своего хозяина, надеясь, что он воскреснет? Коммунизм не воскреснет.

Оставаясь на сегодняшних позициях, КПУ может рассчитывать почти исключительно на протестный электорат, да еще, быть может, на тех, кто выступает за государственное двуязычие. Это преимущественно пенсионерский электорат, и он будет сокращаться по, увы, естественным причинам.

Не все из нынешних коммунистических лидеров принадлежат к той когорте аппаратчиков, которых я так хорошо знал — не связанных с производством и вообще ни с каким реальным делом, умевших только «руководить» (руками водить) и уверенных, что именно в этом состоит их призвание. Но в их партии немало подобного балласта. Не

сумев ни в чем реализовать себя за годы независимости, эти люди видят в КПУ свою последнюю надежду. Какие карьеры были оборваны на взлете! Человека уже почти перевели из райкома в обком, а тут вдруг независимость, будь она неладна, и запрет компартии — хорошо еще только на полтора года. В советское время я сталкивался с людьми этого типа и не раз пытался понять, в чем состоит то неуловимо общее, что отличает их всех, или почти всех. Тогда у меня не было сегодняшнего видения вещей, но сегодня мне все до боли ясно. Три поколения отрицательного социального отбора почти завершили создание особой породы людей, чьи главные черты — склонность к захребетничеству, выраженная неспособность к созиданию, борьбе и конкуренции. Проще говоря — породу слабаков, а не победителей. Это подсознательно прочитывается избирательской аудиторией. Бывает, конечно, что люди, не видя выбора, голосуют и за таких — но всегда преодолевая себя. Надеюсь, не подобных соратников имеет в виду П. Н. Симоненко, называя КПУ «партией настоящих пролетарских революционеров», способной возглавить «движение освобождения от олигархии, империалистов и мафии»?

Мне иногда хочется спросить Петра Николаевича, не боялся ли он сам своей победы на президентских выборах? Как бы он стал осуществлять на практике то возвращение в прошлое, которое коммунисты выдают за единственный путь в будущее? Петр Николаевич уверял, что первые же его шаги на президентском посту вернут Украину в 1991 год и что у страны появится (наконец-то!) независимая внешняя политика. Одновременно с этим он настаивал на политизации отношений внутри СНГ. Как это можно совместить в одной программе?! Возвращение Украины в союзное прошлое, хотя бы в форме придания СНГ политических функций, означало бы для нас как раз конец всякой независимой внешней политики. Для реставрации же колбасы по два двадцать (главный символ 1991 года) нужно, чтобы вернулись копеечные цены на газ, бензин и электричество, а это не по силам ни КПУ, даже оказавшейся у власти, ни Международному валютному фонду, ни кому бы то ни было еще.

То, что коммунисты дают заведомо нереализуемые обещания, вполне в духе этой партии. Их духовные отцы действовали точно так же. Они всегда говорили массам то, что те хотели услышать, обещали именно то, чего те особенно сильно желали, ни на миг не задумываясь о выполнимости своих обещаний. А завоевав таким образом дове-

рие слушателей, большевики переходили к главному. В период революции они говорили, что в считанные месяцы устроят рай, надо только уничтожить белых (или, например, украинскую Директорию), потому что те против рая. И люди записывались в Красную Армию!

Я уже вспоминал про свое студенческое знакомство с историей КПСС — так вот, скоро уж полвека, а все не идет из памяти, как в своих «Апрельских тезисах» Ленин обещает, во-первых, устранить полицию, армию и чиновничество, а во-вторых, платить чиновникам (подлежащим устранению!) не больше, чем рабочим. К тому же чиновники будут выборными. Тогда я решил, что, наверное, еще недостаточно подкован — раз не понимаю такую великую мысль. Теперь мне ясно, что это не великая мысль, а великая ахиня. Плеханов неспроста сравнил «Апрельские тезисы» с бредом безумного чиновника Поприщина (из гоголевских «Записок сумасшедшего»). И подумать только, до сих пор не перевелись люди, уверяющие, что чистоту ленинского учения нарушили перерожденцы. Перерожденцы не построили вечный двигатель, как вождь завещал, ах негодяи! Из-за них социализм получился неправильный, надо сделать еще одну попытку, начать все заново.

Несмотря на упомянутые выше различия, их — КПУ и КПРФ — роднит редкостное стилевое единство. Я уже говорил о легкости в задаче нереализуемых обещаний — это общая черта двух братских партий. И украинские и российские коммунисты обожают демагогические лозунги, рассчитанные исключительно на протестный электорат. И те, и другие боятся обсуждать реальные проблемы по-настоящему, а не «на публику». И те, и другие страдают нечеткостью и противоречивостью мысли. И те, и другие пользуются фразеологией, механически заимствованной из прошлого, размахивают давно потерявшими реальный смысл призывами, которые, может быть, и годны для пробуждения ностальгических чувств, но не имеют отношения к живой современной жизни. Скажем, словосочетание «славянское братство» для наших коммунистов — просто заменитель формулы «пролетарский интернационализм», о которой они не могут вспомнить без нежного вздоха.

Вместе с тем я вижу, как парламентарии от КПУ медленно, очень медленно, но переходят на государственнические позиции. Они уже не совсем те, какими были во время съезда «обновленной КПУ» в Донецке в июне 1993 года или во время выборов 1994 года. Думаю, что

большинство украинских коммунистов в душе уже не ставят под сомнение государственность Украины, и на том спасибо.

Что же касается разговоров о политизации СНГ или о других видах наднациональной интеграции с Россией, они, мне кажется, уже не более, чем дань ранее принятым документам партии. Либо же эти разговоры отражают то, что великий физиолог Павлов назвал «сшибкой». Сшибка — это столкновение в коре головного мозга двух взаимоисключающих порывов. Руководители коммунистов Украины еще не избавились от былых желаний стать членами московского ЦК, а лучше Политбюро, но одновременно с этим они вполне готовы пересест с парламентской скамьи в Верховной Раде в кресло посла Украины в какой-нибудь уютной стране. А поскольку осуществить второе желание проще, чем возродить союзное Политбюро (слишком уж много всего пришлось бы попутно возрождать и упразднить), то исход «сшибки» легко прогнозируется.

Менее всего я склонен считать, что у КПУ нет будущего. Что ни говорите, а пока что это наиболее крупная и представленная во всех регионах Украины партия. Согласно некоторым критериям, это вообще единственная реально существующая в стране партия — ведь все остальные пока что пребывают в подростковом возрасте. Правда, по другим критериям, наоборот, как раз КПУ и не является партией, поскольку в прошлом была лишь идеологическим придатком к государственной машине и до сих пор сохранила былое самоощущение. Думаю, истина где-то посередине. КПУ находится на полпути от «непартии» к партии. Функцию несущей опоры государства она давно утратила, а в качестве клуба тоскующих по СССР она бы долго не продержалась. Самоощущения, не соответствующие действительности, рано или поздно проходят, как фантомные боли в пальцах давно отрезанной ноги. Благотворному процессу могло бы повредить лишь одно — нечаянный приход КПУ к власти. Надеюсь, это не произойдет, и тогда лет через 10—15, сильно уменьшившись количественно, обновленная и помолодевшая, КПУ (под нынешним или иным названием) станет партией в том смысле слова, какой принят во всем мире, вписавшись в стабильный спектр политический партий страны — уверен, что к тому времени у нас в Украине такой спектр вполне сложится.

...Поздней осенью 1991 года я подумал: вот уходит с исторической арены марксизм-ленинизм, а может быть в его основе было

что-то здоровое? Не выплескиваем ли мы с водой ребенка? Практика мне хорошо известна, но не скрыт ли какой-то драгоценный перл в недрах теории? В то время в разных местах по всей Украине освобождалось великое множество кабинетов, из них вывозили мебель, пишущие машинки (в 1991 году компьютеры были еще большей редкостью), книги. Сейчас уже стало забываться, что во времена СССР во всех высоких, и не очень, кабинетах за стеклом непременно должны были поблескивать темно-синие тома полного собрания сочинений Ленина, это считалось обязательным, но в некоторых стояли также темно-коричневые Маркс с Энгельсом, это был как бы факультатив. И вот теперь их с позором выносили и временно сваливали в коридорах и на подоконниках лестничных площадок. Однажды, уж не помню, где именно, дело давнее, я взял наугад с какого-то подоконника первый попавшийся том Маркса-Энгельса и долго его листал, вспоминая жаркий днепропетровский май, гулкие коридоры университета и страх не сдать зачет по «Капиталу». Меня и сейчас разбудил ночью, я повторяю такую цитату: «Капитал не может возникнуть из обращения и также не может возникнуть вне обращения. Он должен возникнуть в обращении и в то же время не в обращении». Правда, сегодня она стала для меня абракадаброй, а тогда я мог объяснить (и, помнится, успешно объяснил на зачете), почему это так. Кажется, дело было в том, что в процессе обращения деньги становятся капиталом, но капитал не тождествен процессу обращения.

Не пожалев полутора часов, я внимательно проштудировал «первоисточник», всеми полностью забытый «Коммунистический манифест». Конечно, страна жила не по этому манифесту, но ведь какой-то толчок дал и он, не зря же его изучали в вузах, держали на партийной божнице. Впечатление было сильное, без дураков. Во-первых, оказалось, что Маркс и Энгельс выступали за общность жен, хоть изложено это и уклончиво. «Вы, коммунисты, хотите ввести общность жен, — кричит нам хором вся буржуазия... Коммунистам нет надобности вводить общность жен, она существовала почти всегда. Буржуазный брак является в действительности общностью жен, [потому что] буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга. Коммунистам можно было бы сделать упрек разве лишь в том, что они хотят ввести вместо лицемерно-

прикрытой общности жен официальную, открытую...» Дальше говорилось, что с концом буржуазного строя и исчезновением капитала должна будет исчезнуть и буржуазная — понимай: моногамная — семья. Что же остается? Только общность. Трудно было избавиться от впечатления, что все эти фразы, особенно про жен и дочерей рабочих, сочинял тайный эротоман.

(Наверное, надо быть менее придиричивым, а приведенные цитаты надо понимать как протест — в самой широкой форме — против неравенства полов и как призыв к достижению их равенства через революционный слом буржуазного лицемерия. Если так, пусть эти неудачные высказывания послужат напоминанием политикам-публицистам о том, сколь важно выражать свои идеи четко и недвусмысленно. Что же до равенства полов, оно достигнуто в XX веке эволюционным путем, и «буржуазное лицемерие» не стало этому помехой.)

Большая «прозорливость» была проявлена и в национальном вопросе: «Рабочие не имеют отечества... Национальная обособленность и противоположности народов все более и более исчезают.. Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой». А ведь миллионы людей поверили, что так и будет, потому что так должно быть.

Один пункт «Коммунистического манифеста» предусматривал освоение целины и мелиорацию («расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану»), затем шло «учреждение промышленных армий [видимо, подразумевались трудовые армии, эту идею потом воплощал в жизнь Троцкий], в особенности для земледелия», «соединение земледелия с промышленностью», общественное воспитание всех(!) детей.

Впрочем, одна мысль показалась мне очень даже здоровой. «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений». Кажется (сегодня кажется!..), так легко отсюда вывести причину причин неудачи коммунистического эксперимента. Один сельский мыслитель из-под Днепропетровска объяснял мне это следующим образом: человека не переделаешь, у него руки так устроены — к себе загребать удобно, а от себя нет. Можно лить

слезы по поводу такого несовершенства нашей природы, а можно обратить это несовершенство на пользу обществу. Как подметил Адам Смит, всеобщая корысть надежнее всего порождает всеобщее благо. Никто не ждет от предпринимателя, что он будет заниматься производством благ из любви к человечеству. Пусть у него будет абсолютно эгоистический стимул увеличивать предложение и ассортимент этих благ. Занимайтесь любым предпринимательством, дорогие товарищи, и конкурируйте в этом между собой. Предлагайте людям нужные им товары и услуги, извлекайте из этого личную выгоду, опровергая Маркса каждый по отдельности и все вместе.

Я снова задавался вопросом своих молодых лет: «Но ведь идея была прекрасная, разве можно это отрицать?» И снова отвечал: конечно, прекрасная — только правильнее, наверное, говорить не об идее, а о мечте. Намечтать можно много. Как конструктор, я порой мечтал: как бы было хорошо, если бы вот в этом конкретном узле не действовала сила трения. Но такая мечта длится один миг, потому что трение неустранимо. Русский философ Николай Федоров утверждал, что главная задача будущего человечества — воскрешение всех когда-либо умерших, а его ученик Циолковский потому и занялся расчетами космических полетов, что воскрешенных, как он вычислил, придется расселять по другим планетам — на Земле всех не уместить. К сожалению, ни тот, ни другой не описали способ воскрешения умерших. Маркс с Энгельсом и их ученик Ленин не описали, как именно будет устроено социалистическое государство («где свободно и весело»). По мысли Ленина, каждый крестьянин и рабочий, каждая кухарка, отработав свой «восьмичасовой урок», должны были немножко поруководить государством. Но он не оставил описания, как конкретно это будет происходить. Боюсь, на практике это оказалось бы не проще воскрешения мертвых.

Хочу поделиться своей личной обидой на Маркса. Это не имеет отношения к теме книги, но возможно не будет другого случая.

Только такой горожанин до мозга костей, как Карл Маркс, мог сморозить про «идиотизм крестьянской жизни». Жизнь крестьянина тяжела, но никак не идиотична. Она как раз очень осмысленна, потому что крестьянин видит результаты своего труда, ему ясен любой собственный шаг и весь круглогодичный трудовой процесс, тесно связанный с годовым циклом природы. Заводской рабочий может всю жизнь делать детали, назначение которых ему не очень понятно,

и в любом случае его деталь может быть тысячной частью целого. А крестьянин имеет дело именно с задачей в целом. У всех народов есть сказка о конце Золотого века — счастливого времени. Я думаю, под этим подразумевается начало разделения труда. Именно оно положило конец счастливому времени. Но и сегодня разделение труда в сельскохозяйственном производстве — это явление совершенно иного порядка, нежели в промышленности.

Говорят, детство больше всей остальной жизни. Если это и преувеличение, то небольшое. Ведь, к примеру, 2003 год — это для меня одна шестидесятая сознательно прожитой жизни, а в семь лет год составлял четверть ее сознательной части, в девять — одну шестую. Поэтому каждый год был огромен, бесконечен, и память сохранила почти все, полностью сохранила окружавший меня тогда мир. Не назову его Черниговщиной, это был мир села Чайкино, понемногу расширявшийся для меня. Он тоже был огромен и бесконечен. Сегодня он съезжился до совсем скромных размеров, многое в нем неузнаваемо изменилось. Каких-то уголков, каких-то домов сегодня уже нет, но для меня, в моей памяти, все стоит на своем прежнем месте.

Сейчас я понимаю, что жизнь была почти невыносимо трудная, но в детстве такие вещи по-настоящему не доходят до сознания. Ведь заботы, проблемы и связанная с ними головная боль — удел взрослых. А детям все интересно, все весело, особенно когда вокруг свои — сестра, брат, мать...

Я уже почти пятьдесят лет горожанин, а все равно не разлюбил сельскую жизнь. Мне не в тягость ни дрова, ни печка, ни вода из колодца, ни огород, все это я умею. Любой физический труд для меня в радость, особенно люблю ковыряться в земле. На даче, где я живу, всю округу заставил работать, и охрана работает вместе со мной.

Традиционная сельская жизнь умирает во всех развитых странах. В Европе крестьян в старом смысле слова почти не осталось, их сменили фермеры — то есть, по сути, люди городского склада, просто работающие на земле. Фермер — это не крестьянин, а рабочий и предприниматель в одном лице. Села исчезают, их сменяют либо фермы-хутора, либо маленькие городки. Конечно, то же самое будет через поколение-другое и у нас, я это все прекрасно понимаю, но не спешу радоваться, и считаю, что имею право на это сугубо личное чувство. Что хотел сказать «марксизм-ленинизм» выражением «идиотизм де-

ревенской жизни», понятно: замкнутость этой жизни, ограниченность крестьянского кругозора, оторванность от мира, бедный набор занятий. Но слова следовало бы, по-моему, выбрать другие, не такие грубые и жестокие.

Коричневый том я оставил лежать на подоконнике. Думаю, все они тогда отправлялись на свалку. Едва ли находились охотники на это порождение, как сказал кто-то, бессонницы и головной боли.

Гордиться собой или стыдиться себя

ТОЛЬКО НЕ КОЛОНИЯ

Большая занятость мешала мне, к сожалению, уделять много внимания тому, что происходит в сфере нашей общественной мысли, о чем пишут, что обсуждают люди, задающие большинству тон и направление. Выплата задолженности по пенсиям, стабильность денег, земельная реформа, отношения с соседями Украины, состояние энергосетей и трубопроводов — эти и подобные им вещи (порой даже не совсем президентские или совсем не президентские) никогда не терпят отлагательства и забирают практически все время. И все-таки я почти каждый день просматриваю газеты, а иногда выкраиваю время на журналы, так что у меня есть представление о совокупности того, что напечатали за годы независимости, да пожалуй, и за два-три предшествовавших года, наши толстые журналы. К тому же мне приходилось и приходится встречаться с их авторами, многие из которых с головой ушли в политику. Я постоянно слышу от них и полностью согласен с ними, что это — подлинная сокровищница отечественной мысли, что эти несколько тысяч страниц будут изучать историки, что многое войдет (и уже вошло) в круг чтения студента, старшеклассника. Устами своих литераторов, мемуаристов, историков, социологов, философов элита украинской нации высказалась, выговорилась после десятилетий вынужденного молчания.

Читать и слушать это все, особенно в первые годы, было очень интересно, потому что непривычно, но кое-что у меня с самого начала стало вызывать беспокойство. Слишком много боли оказалось излито... В конце концов, возникла тревога: а не складывается ли у нас под грузом этой боли и против желания любого конкретного автора комплекс обиженной нации, травмированного народа? Такой комплекс был бы вреден для Украины. Он навязал бы нам невроз жертвы, миф обойденной Богом и историей страны. Горе народу, который усвоит психологию обиженного, сказал один умный человек. Такой на-

род станет завистлив, ушербен, несчастен. Лучшие свои умственные силы он потратит на вычисления, кто и когда его обсчитал и обвесил, кто строит против него козни, кто прячет камень за пазухой.

Легко понять чувства, двигавшие многими лучшими перьями страны и украинской диаспоры. У каждого из них своя правда и своя боль, но когда это все вместе, то получается все-таки слишком большая однонаправленная сила. Заикленность на прошлом, в котором, к тому же, видят только мрачное — гонения, жертвы, гнет, несправедливость, мешает людям полностью распрямиться, стать по-настоящему свободными и самодостаточными сегодня. Готовы снова и снова, по четвертому, пятому, седьмому кругу обличать «Московщину», русский царизм, колонизаторов, обрусителей, Петра, Екатерину, Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева, Ельцина, Путина, а значит, уже не способны обходиться без России. Они клюют ее неумоимо и горячо, она им нужна как обожаемый предмет не любви — той не любви, не объясняться в которой невозможно, иначе жизнь теряет смысл.

Что тут скажешь? Если человек искренне считает, что жил в аду, не вправе с ним спорить, у него, повторяю, своя правда. Со своей стороны, я считаю себя вправе воспринимать недавнее прошлое иначе. Я не жил в аду, и подавляющее большинство моих соотечественников не жили в аду. Задним числом зачернить их и мою жизнь считаю совершенно неправомерным.

Моя книга наполовину про Россию, но тут я готов призвать некоторых своих читателей: забудьте про Россию — для начала хотя бы на месяц. Выкиньте ее из головы. Я уже упоминал людей, уверенных, что национальная идентичность Украины сводится к лозунгу: «чтобы все было не как у москалей». Носители подобных идей сами не замечают, как ставят себя в психологическую зависимость именно от тех, от кого так страстно мечтают отдалиться, ибо превращают «москалей» в свою главную точку отсчета, обрекают себя на жизнь с постоянной оглядкой на «Москву».

Подобная психология не ограничивается интеллектуальными кругами и рамками теоретических исканий. В одной из аналитических записок, легших на мой стол несколько лет назад, я прочел поразительную оценку внешней политики Украины первых трех лет независимости (1991—1994). Это, конечно, лишь одна из оценок, были и другие, но и эта появилась не на пустом месте. По словам аналити-

ков, нашу внешнюю политику отличали в этот период три основные черты: во-первых, рефлекторность (буквально «отраженность»), а точнее обусловленность действиями России; во-вторых, использование независимости Украины в качестве аргумента в дипломатии (то есть наша внешняя политика как бы исходила из того, что независимость Украины необходима не столько ей самой, сколько ее внешнеполитическим партнерам, да и им она нужна лишь для внешнеполитических комбинаций — с Россией или против России). Третью главную отличительную черту украинской внешней политики 1991—1994 аналитики описали так: во всех действиях Украины этого периода, часто парадоксальных, просматривалась возможность при неудаче вернуться к привычному партнерству с Россией и опереться на нее. В записке давался такой вывод: это не политика, основанная на собственных интересах Украины. Я бы добавил: это политика той психологической зависимости, о которой шла речь выше.

Подобный же ход мыслей присущ некоторым нашим публицистам и политологам. Можно подумать, что для них независимость Украины это исключительно независимость Украины от России. Они готовы смириться с геополитической вторичностью Украины, с пониманием ее только как буферной зоны между цивилизованным миром и «варварской» Россией, а то и совсем уж непочетного «санитарного кордона». Они демонизируют Россию — «дикую», «деспотическую», «азиатскую» страну, желающую снова свернуть Украину с демократического пути и оторвать, против воли Запада, от остальной Европы. То есть Украина — это только поле соперничества между Западом и Россией за то, чтобы мы были или там, или здесь. У них сквозит вопрос: ну почему Украина не отвернется от плохой России и не примкнет к хорошему Западу, где нас так ждут? Если бы это было адекватное описание ситуации, мы должны были чувствовать себя несамостоятельными и несамодостаточными. Но это, к счастью, не так. Руководству Украины нет необходимости быть ни пророссийским, ни прозападным, оно проукраинское.

Политика вообще не должна попадать в объятия предельно упрощенных национально-романтических метафор («возвращение домой, в Европу», «подальше от Московщины», которая «хочет утянуть в Азию» и так далее). Приверженцы таких упрощений пытаются создать искусственную политическую реальность, с тем чтобы Украина жила по законам этой искусственной реальности.

Примерно тогда же я прочел в «Молодой Галичине» совет, каким должен быть художественный образ Украины: «Пусть художник изобразит оборванного, изможденного, но большого и сильного европейца, который выходит из распахнутой железной клетки, рядом с которой лежит огромный поверженный варвар с монгольскими чертами лица». То есть автор был готов признать, что всю жизнь просидел в клетке, что ему туда просовывали еду в миске и все такое прочее, не хочется дальше развивать этот образ.

Поддерживать такие взгляды означало бы расписаться в собственной неполноценности.

Тема эта непроста, но не буду ее обходить. Я слишком высокого мнения о своей стране и ее народе, чтобы не обращать внимания на распространение подобных воззрений, обесценивающих жизнь и достижения сотен тысяч выдающихся сынов и дочерей Украины.

Много пережившие народы обычно склонны недооценивать проблемы (прошлые и настоящие) других народов, и все же никто не станет спорить с таким утверждением: нет на свете народа, кроме каких-нибудь блаженных тихоокеанских островитян, который не испил бы из горестной чаши. Может быть, неисповедимый Божий промысел в том и состоит, чтобы никто не был ею обнесен. Но многие мои соотечественники убеждены, что по страданиям с украинцами не сравнится никто. Это у них такая мания величия (у многих русских, кстати, то же самое, как и у многих поляков).²²

Я полностью согласен с нашим великим педагогом Антоном Семеновичем Макаренко, который вывешивал как постоянное напоминание своим питомцам лозунг «Не пищать!» По внутреннему смыслу это, между прочим, абсолютно то же самое, что и изобретенный несколькими годами позже в Америке лозунг «Keep smiling» — «Держи улыбку» (подразумевается: и тогда удача к тебе придет).

Обиды на историю за то, что она пошла так, а не иначе, попытки хотя бы на бумаге свести с ней счеты, восполнить нечто, когда-то недоданное, не могут быть свойственны знающему себе цену народу. Мы уже не можем отдать под суд ни Екатерину, ни Сталина. Да Сталин еще бы и оправдался в глазах многих украинцев, заявив, что он великий собиратель украинских земель, увеличивший размеры Украины почти на треть. То же утверждала бы и Екатерина: ведь ее разделы Польши соединили Левобережье с Подолией и Волынью (это ее внук Александр взял лишнее в виде Великого герцогства Варшавского).

Пусть исторические обиды остаются именно историческими. Да, когда-то монгольский хан Батый сжег Киев и тем положил конец Киевской Руси. Но в моем сердце нет сегодня неприязненных чувств к Монголии и монгольскому народу в связи с этим фактом, как бы он ни был печален. Современные крымские татары не несут ответственности за своих предков, совершавших опустошительные походы в Украину и угонявших людей в неволю. Даже только что упомянутый товарищ Сталин и тот любил повторять: «Сын за отца не отвечает» (хотя и ввел критерий уголовной наказуемости «член семьи изменника родине»), когда же речь идет не об отце, а о пра-пра-пра-прадедах, тут и говорить не о чем.

Должны ли мы винить сегодняшних поляков за воеводу Юзефа Стемпковского, замучившего до смерти в своей резиденции в Кодне тысячи украинцев? Вправе ли, в свою очередь, поляки, хранящие самые мрачные воспоминания о Степане Бандере, грешить на современных украинцев? Вопросы, понятное дело, чисто риторические. Кстати, в киевских журналах (в отличие от львовских) о Польше редко вспоминают как об историческом враге. Наоборот, преобладает заинтересованное внимание к нашей северо-западной соседке. Этому очень способствует подчеркнуто дружественное отношение к Украине нынешнего польского руководства.

Я уверен, что много и долго враждовавшие в прошлом народы способны к полному примирению. Способны потому, что у них есть какое-то отношение друг к другу. Даже если оно пока что с отрицательным знаком, они не понаслышке знают о существовании друг друга. Отношение, пусть и пристрастное — это отношение, это не безразличие. Не зря же говорят, что от любви до ненависти всего шаг. Все мы помним, как под конец горбачевской эры западный мир вдруг пламенно полюбил «русских» (коллективный псевдоним населения СССР), которых до этого боялся и ненавидел. Правда, почему-то сами русские (без кавычек) никому особой любовью не ответили. Может быть, по данной причине это чувство сравнительно быстро угасло и на Западе.

Сегодня украинцы для большинства поляков (не для всех, к сожалению) — родственный народ, спасшийся, как и они сами, от коммунизма. Ощущение этой общности судеб заставляет забыть прошлые обиды. Правда, и тут, как говорится, не без нюансов. Среди галичан и волянян есть люди, настроенные антипольски, есть экс-

тремисты, воюющие против польских памятников. По ту сторону границы у наших экстремистов имеются зеркальные антиподы, есть реваншисты и тому подобная публика. Я воспринимаю такие вещи как «налог на свободу» и не позволяю, чтобы они заслоняли более важные вещи: именно Волынь и Галичина сегодня сильнее всего связаны с Польшей, процветает приграничная торговля, многие жители в двух наших странах успели построить на ней свое благосостояние.

А вот в Восточной Украине Польша не воспринимается как некий «былой враг». С точки зрения жителей Изюма, Ахтырки или Полтавы, вражда с поляками — дело настолько давнее, что уже не задевает живые чувства. Поэтому отношение к Польше здесь куда более спокойное.

Тема примирения народов очень важна. Общественное сознание всех без исключения посткоммунистических стран не позволяет себе забыть исторических врагов, внутренних и внешних, забыть угнетателей — как реальных, так и вымышленных — и в этом наше отличие от стран, лежащих дальше к западу. Там на обсуждение подобных тем смотрят как на проявление дурного тона. По нашу же сторону бывшего железного занавеса различается только степень страстности обсуждения, но идет оно везде. 10—12 лет назад такие «обсуждения» в нескольких случаях предшествовали началу военных действий.

Запад подает нам совсем другой пример. У многих на памяти послевоенное примирение Германии и Франции после веков вражды. Поначалу мало кто верил, что из этой затеи будет какой-то толк, но за рукопожатиями государственных деятелей последовали молодежные обмены, последовало согласование школьных учебников истории (мера исключительно важная, хотя и очень трудная) — и как-то малопомалу, почти незаметно, «процесс пошел». Никто не назовет дату, когда примирение состоялось, но оно состоялось, в 2003 году уже всерьез и торжественно обсуждается вопрос о государственном объединении Германии и Франции.

Происходит примирение между Германией и Польшей. Известен и первый символический жест, ознаменовавший начало немецко-польского примирения: канцлер ФРГ Вилли Брандт опустился на колени в Варшаве. Советское руководство было в то время страшно этим недоволено.

Конечно, историческая вражда может пройти и сама по себе, за давностью. Ведь нет же у современных украинцев недружественных

чувств к туркам, хотя в прошлом между нами было много всего и всякого. С другой стороны, возьмись сегодня несколько талантливых литераторов поворошить былое, я не поручусь, что им не удалось бы раскачать общественное сознание и гальванизировать какие-то давно отмершие антитурецкие чувства — хоть и непонятно, зачем. Время, сегодня, правда, уже не то, пик раскачек позади. К счастью!

А вот, скажем, сильно окрашенные чувства поляков к России «сами по себе» исчезнут не скоро, причем тут ситуация пока что почти тупиковая. Достаточно сказать, что в Польше и сегодня легко услышать легионерские песни с антирусским пафосом, тогда как в России отсутствует что-либо симметричное. Польское отношение могло бы поменять знак благодаря какому-нибудь умному и яркому жесту со стороны России, а вот что делать со встречным русским отношением к Польше, вернее, с его почти отсутствием, непонятно. Ноль, сколько ни меняй у него знак, остается нулем. Видимо, благодаря этому «нулю» руководителей внешней политики России никак не посетит вдохновение в том, что касается Польши. Я рад (без всякого злорадства, разумеется), что на польском направлении мы опередили Россию. Россия немало облегчила бы себе жизнь, если бы сумела расположить к себе польское общество, но задача эта будет очень непростой.

Какие-то вопросы Украине, России и Польше предстоит улаживать втроем (я сейчас не о трубопроводах), а то и в еще более широком составе — например, согласование учебников истории, этих главных вместилищ национальной мифологии. В Европе давно пришли к выводу, что без такого согласования прочное сближение народов (народов, получающих поголовное школьное образование!) сильно затрудняется, или это будет сближение только на уровне двоечников, которым все безразлично. Эксперты Польши, Белоруссии, Литвы, Украины и России должны будут выработать более или менее приемлемую для всех сторон оценку сотен событий. Событий, каждое из которых сегодня имеет пять толкований, часто взаимоисключающих. Коммунистическим историкам подобные вещи в свое время удавались легко. Им помогал «классовый подход», воистину универсальная отмычка. Но и сегодня имеется мощное оружие, именуемое «политкорректность». Правда, многие факты истории приобретут под ее давлением сглаженный и обтекаемый вид, утратят часть колорита, но, как показывает опыт Европы, это не слишком большая пла-

та за исчезновение вражды, за взаимное дружелюбие и терпимость. Иногда поневоле вспомнишь французского короля Карла X, который говаривал, что история настолько кишит дурными людьми и дурными примерами, что изучение ее опасно для юношества.

От политкорректности не уйти и в наших отношениях с Россией, «цивилизованный мир» не позволит, и правильно сделает. Но я не думаю, что политкорректность нам понадобится в таких уж больших количествах. Для меня история Украины — дивная симфония, волнующая и героическая на каждом своем отрезке. Мне не стыдно ни за один период этой истории, я не вижу, что в ней, по Карлу Десятому, так уж сильно нуждается в цензуре, дабы не смущать юношество.

Пусть не говорят, что я защищаю или выгораживаю Россию. То, о чем я сейчас веду речь, имеет очень малое значение для России, зато очень большое — для нас самих. Мы жили в довольно удивительной стране под названием СССР. Сегодня, когда этой страны уже нет, когда она стала достоянием истории, не стоит, публицистического заострения ради, приписывать ей выдуманные грехи, когда на ее совести столько реальных. Был не только «режим КПСС». Помимо режима КПСС (и мало с ним соприкасаясь), существовала система управления народным хозяйством, очень хорошо мне известная. Могу поручиться, что эта система не носила колониального характера. Она была скорее наднациональной: на региональном разделении труда очень мало отражался тот факт, что СССР населен разными народами. Для Госплана он был более или менее населен «советскими людьми».²³

Совершенно исключено, чтобы 50-миллионная Украина была настолько слепа или загипнотизирована, чтобы не догадываться о своем колониальном статусе, который сумели распознать лишь несколько публицистов. Мои чувства патриота бунтуют против такой унижительной гипотезы.

Москва оттянула у нас, особенно в послевоенные годы, множество прекрасных дарований, которые очень пригодились бы самой Украине. Один из резонов нашей независимости — если кто-то еще нуждается в резонах — желание изменить такое положение дел. Но и отток талантов я не могу, положа руку на сердце, назвать признаком нашего колониального состояния. Москва была столицей СССР, а столицы всегда были и будут магнитами для честолюбивых. Если Киев притягивает в наши дни непоседливую и башковитую молодежь

из Мариуполя, Черновцов или Житомира, это не признак колониального статуса этих городов. Правда, на нашу беду, сегодня эту молодежь нередко влечет мимо Киева — в Германию, Канаду, США, но это не значит, что Украина — колония Германии, Канады, США.

О трехвековом оттоке талантов у нас будет особый разговор. Он тесно связан с вопросом о том, что же представляли собой отношения Украины и России, должны ли мы гордиться собой или стыдиться себя.

Но прежде чем перейти к этой теме, я хочу обозначить принципиально важный тезис: если бы уже в XVII веке Украина сознала себя отдельной нацией в современном смысле слова, как нередко уверяют и подразумевают, она добилась бы независимости, учитывая ее размеры и количество жителей, не в наши дни, а много раньше. Какая сила смогла бы удерживать ее в неволе так долго? Да и вообще мог ли бы оказаться в XVII веке в «колониальном ярме» уверенный в своей отдельности и самости народ, только что весьма наглядно доказавший свою отвагу и решимость в борьбе за свободу, мыслимо ли такое?

Как это соблазнительно, но и бесполезно — подгонять события прошлого под позднейшие политические лозунги. Свободолюбивые украинцы Богдановой державы считали и называли себя «рускими» (или «руськими»), и православный московский царь не воспринимался ими как чужой. Если бы уже тогда они осознавали себя отдельной украинской нацией, наша история пошла бы совсем по-другому.

20 декабря 1995 года на торжественном собрании в связи с 400-летием со дня рождения Богдана Хмельницкого я призвал черпать в нашем прошлом не унижение, а силу. Готов повторять этот призыв снова и снова. Я отвергаю гипотезу «колониального порабощения» Украины не только потому, что защищаю честь родной страны, я просто не вижу в этой гипотезе логики и правдоподобия.

Не колонией пыталась сделать Россия «Малороссию», она пыталась сделать ее частью себя — вот в чем суть усилий Москвы, а затем Петербурга на украинском направлении! Я скорее готов выслушать человека, который скажет, что это было в известном смысле хуже колониального статуса, хотя спрошу его, как он думает, что было бы лучше для нашего предка 400 лет назад: стать турецким рабом или янычаром? Чуть ли не начиная с 1654 года «центр» воспринимает Украину в духе Старой площади. И к «малороссийской» верхушке цари относились, как генсеки к украинским номенклатурным сотовари-

щам. При всех возможных оговорках, они, люди из «малороссийской» верхушки, — «свои». Скажем, гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко, сколько ни вступал в союзы с Турцией и с Крымским ханством против России, все же был в 1676 году прощен как вставший на путь исправления, и отпущен жить в Сосницу на Черниговщине. Затем, побыв в Москве кем-то вроде консультанта по турецким делам, он был в 1679 году назначен... воеводой в Вятку. Почему нет? Хороший управленец, зачем таланту пропадать, когда в Приуралье плохо с кадрами? После вятского воеводства Дорошенко получает в собственность подмосковное село Ярополча, где, уже на восьмом десятке, и заканчивает свои дни.

Несмотря на многие московские «неправды», последовавшие после Переяславского договора, Левобережье рассматривало свое пребывание «под царской рукой» как меньшее зло. События Руины в Правобережье давали богатый материал для сравнения.²⁴ Люди не бегут туда, где плохо. Они и до Переяславской рады тысячами бежали в русские пределы, на нынешнюю Слобожанщину.

Чем объяснить «феномен Левобережья»? Как видно, общая православная вера, в значительной мере совпадающее «русское» самосознание и языковая близость перевешивали в глазах воинственных и гордых казаков (а казаки, по итогам «московской» переписи, составляли половину взрослого мужского населения Левобережья) недостатки московского управления.

Постепенно сложившуюся в составе Российской империи «малороссийскую» автономию народная память окрестила Гетманщиной.²⁵ Я бы сказал так: после кровавых потрясений Казацкой эпохи Украина «отстоялась» в качестве Гетманщины. Гетманщина была неизмеримо автономнее, чем УССР два века спустя. Может быть, такое сопоставление звучит неожиданно, но сравнивать можно только с понятным и знакомым. Гетманщина уже ни при каких обстоятельствах не могла быть забыта украинским народом. Она стала неразрушимым национальным мифом и идеалом, пусть даже и преувеличенным, если можно так сказать о мифе и идеале, представляющими собою преувеличение по самой своей природе.

Разумеется, мы, украинские патриоты, предпочли бы, чтобы Украинская держава, созданная Богданом Хмельницким, так и осталась с момента своего основания полностью независимым государством, но никаких шансов на это восточноевропейская реальность XVII ве-

ка Украине не давала. Казаки могли побеждать поляков во многих сражениях, в том числе и в крупных, но они были не в силах стать таким препятствием для шляхты, чтобы она прекратила свои упорные попытки прибрать Украину к рукам.

Если бы творение Богдана Хмельницкого выжило, это было бы украинское чудо, новое слово в развитии европейской государственности — демократически устроенная держава, опирающаяся на класс свободных мелких землевладельцев-казаков, то есть фактически вооруженных фермеров, на крестьян-арендаторов и на вольные города, государство без крупных землевладельцев. Только монастыри продолжали в нем владеть обширными землями, а что до крепостничества, оно уничтожалось в ходе Великого восстания на глазах. И все это — на фоне расцветающего по всей Европе абсолютизма и в пику ему! Воистину, слишком хорошо, чтобы сбыться.

БЕЗ РЮРИКОВИЧЕЙ

А какая дивная и уникальная культура сложилась к середине XVII века в Украине, чтобы расцвести в XVIII — открытая, многоязычная, гуманная, чуждая изоляционизму, с развитым (как пишут ученые) смеховым и пародийным началом. В уютном мире Украины не было бездонной пропасти между кобзарем, распевающим думы про побег трех братьев с Азова или про Марусю Богуславку, и ученым богословом, даже с женой изъясняющимся по-церковнославянски и на латыни. Известно, что некоторые украинцы учились в Венеции и Падуе, Киев звали вторым Иерусалимом. Культура христианских народов Европы обычно питалась либо из римско-латинского источника, либо из греко-византийского. Украина оказалась сразу в двух кругах культуры.

Религиозная вражда и войны с Польшей каким-то образом не мешали мощному польско-латинскому влиянию. На латыни писались теологические и полемические трактаты (писались они и на «языке противника», по-польски), велись диспуты, произносились торжественные речи. Латынь была языком православной Киево-Могилянской коллегии (с 1694 года — академии), причем на ней не только велось преподавание на всех курсах, но учащиеся должны были на латыни общаться между собой во внеурочное время!

Мир этих молодых «грамматиков, риторов, философов и богословов» неподражаемо описан в гоголевском «Вие». Они не только 12 лет проходили курс наук, но и были не чужды искусству. «В торжественные дни и праздники семинаристы и бурсаки отправлялись по домам с вертепами. Иногда разыгрывали комедию, и в таком случае всегда отличался какой-нибудь богослов, ростом мало чем пониже киевской колокольни, представлявший Иродиаду или Пентефрию, супругу египетского царедворца. В награду получали они кусок полотна, или мешок проса, или половину вареного гуся». Историки говорят, что Гоголь тут вполне точен: именно так «спудеи» восполняли скудость своего довольствия, помогая проникновению ученой культуры в городскую среду. (Мне, правда, почему-то кажется, что давали семинаристам не просо, а пшено.) И не только в городскую. Во время вакансий толика городских зрелищ перепадала и хуторянам. «Приблизившись к хате, выстроенной поопрятнее других, становились перед окнами в ряд и во весь рот начинали петь кант. Хозяин хаты, какой-нибудь старый козак-поселянин, долго их слушал, подпершись обеими руками, потом рыдал прегорько и говорил, обращаясь к своей жене: “Жинко! то, что поют школяры, должно быть очень разумное; вынеси им сала и чего-нибудь такого, что у нас есть!”»

Другое замечательное явление нашей демократической культуры — православные мещанские братства. Украинская знать была окатоличена и тем потеряна для Украины. После Брестской унии 1596 года отпали от своей прежней паствы, став униатами, и большинство епископов. Но лишившиеся элиты громадяне ответили на это созданием братств. В 1620 году всем кошом вступили в Киевское братство запорожцы. Братчики создавали православные школы и типографии. Число типографий в Украине порой превышало десяток, и в этом Украина XVII века заметно опережала Россию. Да и церковная мысль стояла в Киеве много выше, нежели у московских начетчиков и буквоедов, с этим согласны и современные российские историки церкви.

Украину отличала высокая грамотность. Сирийский араб-христианин Павел Алеппский, сын антиохийского патриарха Макария, описавший поездку патриарха в Россию в 1655 году через Украину, сообщает, что даже украинские крестьяне умели читать и писать, а сельские священники собирали и обучали сирот. Отметил он в своих путевых записках и открытость киевлян в отношениях с иностран-

цами. Он и его спутники встречали самый дружелюбный прием, нигде не ощущая себя чужаками, в то время как в России он не видел «радости и свободы» и чувствовал себя так, будто на сердце ему «повесили замок». ²⁶

Но были в России и многие плюсы. По сравнению с открытой любым ветрам Украиной, жизнь здесь была относительно спокойная, все враги были далеко. Бескрайние леса настолько кишели зверем и птицей, что иностранцы сравнивали Россию с огромным зверинцем. Охота не была привилегией дворян, ей предавались и самые простые люди. Реки и озера изобиловали рыбой. Рыба, дичь, грибы и ягоды почти ничего не стоили. ²⁷

Такова была страна, к которой Украина оказалась присоединенной в 1654 году — богатая природными ресурсами, полностью довольная собой, с жесткими, как кремень, дьяками (Хмельницкий ощутил это в Переяславе), относительно мало подверженная внешним угрозам, подозрительная к иностранцам, сытая, очень набожная и слабо образованная, хотя на Красной площади в Москве Павел Алеппский увидел целый книготорговый ряд. Но было в ней и что-то нечужое, было привлекательное. Предприимчивые и бедовые украинцы довольно быстро потянулись сюда. При этом они считали, надо полагать, что просто переселяются на другой конец «Русской земли». Вот как много значат устоявшиеся понятия, вот как важны имена, слова, идеи, символы. Идея «Русской земли» от Червоной Руси и Вильны до Архангельска и Вятки частично снимала у переселяющихся в Россию психологический барьер.

Просвещенные «малороссы» оказались востребованы в России.

Уже никому не надо доказывать, что к середине XVII века, то есть к началу Освободительной войны гетмана Богдана Хмельницкого, украинская культура стояла существенно выше российской. С этим не спорят ни российские, ни западные историки. Двести лет, прошедшие после падения Константинополя в 1453 году, Россия оставалась без ориентира и идейной опеки. В Москве царили подозрения: а такие ли уж православные теперь эти греки? Во-первых, живут «под басурманом», а во-вторых, вступили во Флорентийскую унию с католиками. Культурные центры Европы были далеки, особенно если учесть наличие высокого религиозного барьера. Веками в московском обществе оборотной стороной набожности была вражда к просвещению. Имела хождение пословица: «Кто по-латыни научился, тот с правого

пути совратился». Вражду ко всяческой «латыни» оправдывали опасностью ересей. Московские церковные люди постоянно помнили православное предание, согласно которому Люцифер, упав с небес, приземлился где-то на западе, за Польшей. Любовь к знанию представлялась им изменой вере и путем к гибели души. В этой любви усматривали первородный грех гордыни. Образование могло быть лишь сугубо православным, всякая мирская наука исключалась.

Украина же, сохраняя православие, оказалась куда более гибкой и толерантной. Западное культурное влияние впитывали не только паны и магнаты украинского происхождения. Про них, пожалуй, можно сказать, что они впитывали его слишком ретиво — ибо, как правило, полностью полонизировались во втором-третьем поколении. Средние же слои и даже простой народ, ничуть не полонизируясь, сумели взять у польской культуры (и через польское посредство — у стран, расположенных дальше к западу) много ценного. Но главное, в Украине была воспроизведена традиционная европейская система обучения, основанная на владении латынью и знакомстве с трудами римских историков и философов. Латынь была универсальным языком европейского культурного сообщества, и владение ею давало образованным украинцам ключ к достижениям науки и культуры того времени.

Одновременно Украина сохраняла живые связи с греческим культурным миром, а временами и с турецким. Внешний мир Украины не ограничивался ближайшими соседями. В этот мир входили (наряду с Варшавой и Москвой) Иерусалим, Париж, Вена, Прага, Рим. Именно украинские богословы произвели «исправление» православных религиозных книг, сверив их с первоисточниками. Согласно указаниям Вселенских соборов и распоряжениям патриархов были «отредактированы» церковные обряды.

Нельзя сказать, что Россия, видя в европейском просвещении латинскую ересь, совсем не стремилась к такой жизни. Ересь она видела, но все равно к ней подспудно стремилась. Судя по родословным книгам, она постоянно принимала искателей приключений «из Цесарской земли», «от немец», «от сеев» и из других стран, вплоть до Шотландии. Даже на Ливонскую войну можно, наверное, смотреть, как на «большой контакт» с Западом. Но в целом следует признать, что засидевшаяся в средневековье Россия продолжала самодовольно вариться в собственном соку.

Застой, однако, не мог длиться вечно. В 1649 году молодой боярин Федор Ртищев, как бы в порядке частной инициативы, но с ведома царя, пригласил из Киево-Могилянской коллегии иеромонахов Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского с тремя десятками монахов. Они образовали ученое братство, занимавшееся переводами книг и обучением юношей. Сам Ртищев поступил в это училище рядовым учеником. «Ртищевское братство» положило начало будущей Славяно-Греко-Латинской академии. Так началось перенесение киевской учености в Москву, а после Переяславского договора Украина стала для России в культурном отношении воистину «старшей сестрой».

Когда-то, в XII веке, князь Андрей Боголюбский бежал из Вышгорода Киевского во Владимир, прихватив киевскую святыню, икону Божьей Матери, писанную, по преданию, евангелистом св. Лукой. Андрей решил сделать из Владимира второй Киев: построил Золотые ворота и прекрасные храмы, завел летописание, которое открывалось событиями киевской истории («Повестью временных лет»), а уж потом переходило к событиям Владимиро-Суздальской земли. То есть он всячески внушал, что столица Руси переехала во Владимир. В 1169 году его войско (правда, без его личного участия) даже сожгло Киев.

От этого тяжкого удара Киев не смог до конца оправиться вплоть до ордынского завоевания, а владимирские и московские летописцы с тех пор так и продолжали начинать свои летописные своды с киевской истории. В конце концов, для здешних Рюриковичей Киев оставался родовой и наследственной вотчиной.

500 лет спустя история повторилась, и Москва (где даже не осталось Рюриковичей!), в дополнение к киевской истории, получила киевскую ученость и украинскую барочную культуру. А в качестве дополнительного приза киевские грамматиканы обновили русский литературный язык. Приезжие переводили в Москве не только духовные книги, но и работы по истории, географии, педагогике и врачебному делу. Епифаний составил славяно-греко-латинский словарь и лексикон церковных слов, писал предисловия к самым разным издававшимся книгам, стихи в честь святых, составлял и произносил проповеди. Одна из них называется «Люди, сидящие во тьме». Это, по его убеждению, «мысленные совы» и «ненавистники науки», которые «возлюбили мрак неведения». Епифаний Славинецкий позже сыграл свою роль и в российской внутренней политике: он приложил руку к отстранению патриарха Никона.

Кстати, в Россию были «экспортированы» и зачатки светского искусства. Когда киевские архиереи и священники приехали в Москву, чтобы взять в свои руки управление московской церковью, они привезли с собой и «школьную драму». Где бы ни был украинский епископ или украинец — ректор семинарии, там непременно ставились киевские пьесы или подражания им.

В 1664 году в Москву переселился выпускник Киево-Могилянской коллегии, знаменитый просветитель Симеон Полоцкий. Через три года он стал учителем царевича Алексея, а после его смерти — царевича Феодора и царевны Софьи. Как богослова, Симеона Полоцкого занимали удивительные, на первый взгляд, вещи: сколько времени пробыли Адам и Ева в раю (Симеон вычислил, что три часа), в котором часу согрешили («в шестой час дня»). Обсуждал он и еще более экзотические вопросы, сама неожиданность которых расшатывала раз и навсегда затверженное и зазубренное, взбадривала любознательность. Симеон Полоцкий основал в Кремле светскую типографию, написал сборники стихов «Вертоград многоцветный», «Рифмологион», в котором, в частности, прославлял могущество и силу России, и «Псалтирь рифмованную» (любимое чтение Ломоносова), написал пьесы «Комедия притчи о блудном сыне» и «О Навуходоносоре царе». Он, по сути, основоположник поэтического и драматического жанров в русской литературе.²⁸

В 1716 году переехал в Петербург и стал ближайшим помощником царя в проведении церковной реформы префект Киево-Могилянской академии Феофан Прокопович. При Стефане Яворском и Прокоповиче большинство мест преподавателей в Славяно-Греко-Латинской академии заняли киевляне, преподавание было поставлено по киевскому образцу, даже большинство учеников в Москве были из Украины. Окончив обучение, они редко возвращались на родину, а оставались в Великороссии, постепенно занимая важнейшие духовные места. Как выражаются ученые, культурный климат в этой академии определялся духом украинского барокко.²⁹ Эти и им подобные люди в какой-то степени украинизировали Россию, и в первую очередь Петербург. Известное утверждение: «Московию превратили в Россию не немцы Петра, а хохлы Елизаветы» — конечно, гипербола, но зерно истины в нем есть.

Какими словарями главным образом пользовались в России вплоть до XVIII века? Лексиконами украинцев Памвы Беринды

(«Лексикон словено-российский и имен толкование») и Лаврентия Зизания. Какими грамматиками пользовались в России? Грамматиками все того же Лаврентия Зизания и еще одного украинца, Мелетия Смотрицкого (Ломоносов называл грамматику Смотрицкого «вратами премудрости»). Их труды узаконили язык, состоящий из общепонятных церковнославянских и народных элементов. Сегодня мы зовем его староукраинским книжным языком. Совершенствуя церковнославянский язык, он успешнее, чем русский, превозмог его архаику. В нем раньше, чем в русском, появились и виршевая поэзия, и драмы, он располагал необходимыми новыми словами и терминами. При этом, благодаря общей основе, он оказался полностью понятен и приемлем в Москве. Русское правописание с тех пор опирается на принципы, заложенные Мелетием Смотрицким в его «Грамматике словенской». Киевский ученый Мелетий Смотрицкий дал русской грамматике и ту терминологию, которой она придерживается до сих пор.

Кто стал готовить новые русские кадры в московской Славяно-Греко-Латинской академии и других «вузах» того времени? Целый десант киевских профессоров.³⁰ Несколько десятилетий подряд украинцы составляли среди преподавателей весомое большинство. И каждый из них, даже не ставя перед собой такую задачу, приближал московскую деловую, литературную и торжественную речь к киевскому образцу. Не к живому народному языку Киева, а к слегка искусственному, богатому полонизмами и латинизмами, но достаточно «русскому» на слух языку Киево-Могилянской академии. Студенты усваивали этот язык, воспроизводя его затем всю жизнь в живой речи и письме. Он становился языком просвещенной России.

России надо было нагонять Европу, и весь XVIII век на русский язык переводятся накопившиеся за столетия запасы европейской премудрости. Переводчики, среди которых процент украинцев был много выше «натурального», — тоже законные участники процесса формирования русского литературного и научного языка. Под влиянием латыни они привнесли в русский язык особые конструкции книжного перевода, уже привычные для просвещенных украинцев. Русский языковед Николай Трубецкой утверждал: «та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры». Культуру России XVIII—XIX веков рус-

ский языковед и философ Николай Трубецкой не зря называл «русской культурой в малороссийской редакции». Однако сама Украина за сто с небольшим лет превратилась в культурную окраину России. Окном в Европу стал Петербург.

То есть произошла удивительная вещь. Украинские лексикографы следующего, XIX века отправились за истинным украинским языком в гущу собственного народа, благодаря чему «новый» украинский язык гораздо сильнее разошелся с церковнославянским, а русские оставили себе, хоть и изрядно с тех пор разработанный и продвинутый, но все же «словено-российский» литературный язык, близкий к староукраинскому книжному, созданный в немалой степени украинцами. А кто затем развивал и продвигал этот язык? Литературный язык в любой стране совершенствуют главным образом писатели и поэты. В России это делали, среди прочих, Гоголь, Короленко, Мережковский, Ахматова (Горенко), Чуковский, Маяковский (он писал о своих предках: «я дедом — казак, другим — сечевик...») В общем, в шутку можно пожалеть, что мы не запатентовали в свое время этот язык. Могли бы сегодня получать хорошие проценты.

Еще во времена царя Алексея Михайловича украинец Дилецкий, автор «Граматики мусикийской», создал в Москве композиторскую школу многоголосого хорового письма. Да и в Петербурге украинская музыка успешно соперничала с итальянской. Первоклассные петербургские композиторы XVIII века — Березовский, Пашкевич, Бортнянский — украинцы. Казацкие голоса так ценились, что участников придворной певческой капеллы долгое время набирали исключительно в Глухове, а послушать ее приезжали из дальних концов Европы. Сам Григорий Сковорода, у которого был прекрасный голос, в 1742—1744 годах пел в придворной капелле.

Известно и влияние украинского архитектурного барокко. Церкви этого стиля в Чернигове, Нежине, Переяславе вызывали подражания в России вплоть до XIX века. Когда проходишь мимо Измайловского собора в Петербурге, неспроста чувствуешь что-то родное. Многих украинских зодчих с давних времен приглашали работать в Великороссию. Постройки Ивана Зарудного относились к числу главных украшений Москвы, его Меншикова башня несколько лет была высочайшим московским «небоскребом» (выше Ивана Велико-го — вопреки закону) и перестала быть таковой после того, как в верхнюю деревянную часть ее ударила молния.

Не выходя за пределы XVIII века, спросим себя: кто виднейшие представители классицизма в русском искусстве? Ответ: украинцы Боровиковский, Левицкий, Лосенко, Козловский, Мартос, Демут-Малиновский. А если попросят назвать первого российского историка-источниковеда, уже в XVIII веке работавшего с документами на вполне научном уровне своего времени, придется назвать Бантыш-Каменского, тоже из киево-могилянских «спудеев».

Некоторые деятели Гетманщины были совершенно поразительными политиками и переговорщиками. Например, Данило Апостол. Я бы охотно принял такого человека на государственную службу, только где он? За время своего гетманства (октябрь 1727 — январь 1734) он учредил казначейство, сверставшее первый в истории Гетманщины годовой бюджет, продолжил судебные реформы, резко сократил число надзирающих правительственных чиновников в своей администрации, провел ревизию и вернул незаконно присвоенные земли в общественное пользование. Но это пустяки по сравнению с тем, что он вырвал у царицы Анны Иоанновны. Он добился сокращения до шести числа русских полков в Украине, вернул под свою юрисдикцию Киев, находившийся в ведении имперского губернатора, отвоевал право самому назначать генеральную канцелярию и полковников, получил согласие на отмену пошлин, установленных для украинских купцов на таможенной границе с Россией, сделал так, чтобы Гетманщина была в ведении коллегии иностранных дел, а не Сената, настоял на амнистии казакам, бежавшим с Мазепой в Турцию. А сверх того еще был пожалован от царицы полутора тысячами крестьянских дворов. Каков Апостол!

И ведь не прихлебатель царей, совсем нет — в прошлом был соратником Мазепы, поддерживал Полуботка. Правда, и воевал за Россию на совесть, особенно в Азовском походе. В распоряжении Апостола не было того оружия, с помощью которого позже добивался льгот для украинского шляхетства Алексей Разумовский, любовник царицы Елизаветы. Об этом не могло быть и речи: когда Данило Апостола избрали гетманом, ему было 69 лет. Он не слыл крупным интеллектуалом и был крив на один глаз (политически оставаясь зорек как орел). Его сын Петр, тот уже и дневник вел по-французски, но дослужился только до бригадира. От Апостолов пошли Муравьевы-Апостолы, от Безбородок — Кушелевы-Безбородко. Украинское и русское начала в знатных родах, чем дальше, тем больше переплетались.³¹

Из года в год сотни, а потом и тысячи честолюбивых украинских отроков и юношей отправлялись в Петербург и по всей империи — от Варшавы и Тифлиса до Камчатки и Коканда — делать карьеру. Из Черниговского коллегиума, из Нежинской гимназии высших наук, из Кременчугского лицея, из школ, училищ, гимназий, университетов они ехали с твердым намерением найти службу или продолжить образование, они выказывали чудеса трудолюбия и исполнительности. Из своего Гадяча, Путивля или Пирятина они всегда везли письмо от родителя или тетушки к старому другу, однополчанину либо родственнику, давно осевшему где-то на просторах Российской империи, с просьбой порадеть и приглядеть. Земляки имелись везде.

Три бывших одноклассника, Гоголь, Гребёнка и Нестор Кукольник приехали в разные годы в Петербург и стали писателями. Гоголь ехал в Петербург вместе с еще одним своим одноклассником Сашей Данилевским. Того не соблазнила литература, он поступил на службу в Министерство внутренних дел. Потом Гоголь снимал квартиру на пару с другим одноклассником, Колей Прокоповичем, который позже стал преподавателем русской словесности в кадетском корпусе. Встретили они в Петербурге и других своих товарищей по нежинскому лицей — Василия Любича-Романовича, Константина Базили, Григория Высоцкого, кого-то еще. Мало кто из их класса остался на родине.

Кто-нибудь когда-нибудь напишет большое исследование о бесчисленных детях Украины, покинувших ее навсегда, чтобы затеряться в просторах России. Кто-то слегка поменял фамилию: Тарасенко стал Тарасенковым, Ильенко — Ильенковым, Товстоног — Товстоноговым, Вареник — Варенниковым, большинство остались при своих. Тем, кто вырос в Украине, я уверен, я уверена, она снилась ночами.

У Гоголя есть молитва под названием «1834». «Таинственный неизъяснимый 1834! Где означу я тебя трудами? Среди ли этой кучи набросанных один на другой домов, гремящих улиц, кипящей меркантильности, этой безобразной кучи мод, парадов, чиновников, диких северных ночей, блеску и низкой бесцветности? В моем ли прекрасном, древнем, обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами, опоясанном моим южным, прекрасным, чудным небом, упоительными ночами, где гора обсыпана кустарниками с своими гармоническими обрывами и подмывающий ее мой чистый и быстрый мой Днепр. Там ли?»

Кто-то вернулся, большинство нет. И 99% затерялись, как говорится, в складках местности. Но один процент — те, что не затерялись — это многие тысячи замечательных имен, украсивших историю, политику, ратное дело, литературу, науку, технику, педагогику, культуру, искусство... России. Но мы все равно вправе и должны гордиться ими. Или нет? Может быть, в соответствии с «колониальной» гипотезой, нам следует смотреть на украинцев, состоявшихся в России, как на жалких «коллаборационистов», «ренегатов» и «компрадоров»? Может быть, Гоголь — просто перевертыш? Или, в духе своего же творчества, вовкулак?

Им самим было бы дико услышать такое. Им не были известны политические идеи, составляющие ныне фундамент подобных обвинений. Они ощущали себя подданными империи. Гнедич, шестнадцать лет покинувший родную Полтавщину, чтобы, как утверждают, никогда больше туда не вернуться, не понял бы, почему в том же не обвиняют Ломоносова, ни разу не навестившего свои Холмогоры. Как человек просвещенный, Гнедич мог вспомнить и такой аргумент: Андрей Боголюбский в XII веке и митрополит Максим в XIII, переселяясь из Киева в Суздаль, не считали, будто переезжают в другую страну. И был бы прав. Украинцы, о которых я говорю, не были отступниками, не будем их обвинять напрасно. Они считали себя русскими из Малороссии. В их время украинское сознание еще не пробудилось настолько, чтобы они подчеркнуто считали себя украинцами в России.

А ведь были кроме того — и уже не тысячи, а миллионы — простых людей, крестьян, переселявшихся на Волгу и за Волгу, на Урал и за Урал, на Северный Кавказ, на Алтай, в Сибирь, на Амур, в Приморье. В России нет такого места, где бы не жили люди с фамилиями украинского звучания. Этот факт напоминает о самом большом из налогов, заплаченном Украиной во время ее пребывания в составе Российской империи и Советского Союза. Этот колоссальный налог активными людьми никто на Украину специально не налагал, но поступления по нему шли исправнее, чем по любому другому.

«Платили», конечно, все части империи, но я почему-то убежден, что относительная доля Украины была выше. Украинцы всегда охотно шли на военную и иную государеву службу. Украинцы честолюбивы, украинцы артистичны, украинцы предприимчивы — в общем, причин сорваться с места было более чем достаточно. Они шли за

плугом, они осваивали, возводили, возделывали, исследовали, они создавали империю, они ее защищали, они легко понимали и перенимали русскую речь — и растворились в русском океане.

Чем больше я обо всем этом думаю, тем больше ощущаю одну серьезную проблему. Несколько лет назад, 12 декабря 1995 года, я выступал в Кенсингтонской ратуше города Лондона перед представителями украинской общины Великобритании и сказал, среди прочего, следующее: «Наша земля дала миру знаменитых композиторов Артемия Веделя, Максима Березовского, известного поэта и философа Григория Сковороду, гениальных писателей Тараса Шевченко, Ивана Франко, Лесю Украинку». Потом я спрашивал себя: а может быть следовало добавить к этим именам Гоголя и Короленко? Ведь их тоже дала наша земля. Почему я не назвал Врубеля и Репина? Почему не назвал Вернадского и Сергея Павловича Королева? Что нас, украинцев, останавливает в подобных случаях? В общем-то, понятно что. Традиция отнесения этих имен к русской культуре или (как в случае Королева) к советской цивилизации. Нежелание увидеть чью-то скептическую ухмылку. По-моему, с этим стоит разобраться.

Должны ли мы покорно признать: то, что Украина больше трех веков отдавала в общерусскую копилку, вычлениению не поддается, а значит, мы ни на что не можем и не вправе претендовать? Фактически понемногу складывается именно такой консенсус. Не сложился окончательно, но складывается. Считаю это совершенно неверным. Однако это тема отдельного разговора.

Тяжкий путь от УССР к Украине

УКРАИНА И РОССИЯ.
РАЗНЫЕ СТАРТОВЫЕ УСЛОВИЯ

Российская империя пыталась сделать Украину частью себя. 1917—1920 годы показали, что затея не увенчалась успехом. 80 лет назад проект был возобновлен в новой редакции: сделать Украину невычленимой частью СССР. Это тоже не удалось. Процесс политического обособления Украины, начатый в 1917-м, завершился в 1991 году, и мы уже больше десяти лет живем в условиях новой исторической реальности по имени независимая Украина.

Потомкам, наверное, будет казаться, что мирный и бескровный переход от УССР к Украине был легок, как все назревшее и само собой разумеющееся.

В действительности же он оказался поразительно, несправедливо тяжек с самых первых шагов. Новая Украина и новая Россия появились на свет одновременно, но как неравны были стартовые условия! В отличие от нас, каждый свой шаг в направлении преобразований, как и любую свою ошибку, Россия имела и имеет возможность оплачивать с помощью огромной, практически неиссякаемой сберегательной книжки с надписью «Природные ресурсы».

Раньше эта сберкнижка делала возможным само существование СССР. Только располагая ею, можно было семь десятилетий подряд ставить социальные и политические эксперименты, как это делало советское руководство, а расплата в виде экономического краха все не наступала и не наступала. Здесь, кстати, и объяснение того, почему коммунистический эксперимент не мог быть поставлен в бедной натуральными богатствами Европе. Парижская Коммуна, даже в случае победы над всеми своими врагами продержалась бы у власти от силы года три, много пять, и развалилась бы сама собой, от экономического паралича, без чьего-либо вооруженного вмешательства. Либо же «штурмующие небо» (попытку французских коммунаров создать принципиально новый общественный строй Карл Маркс назвал «штурмом неба») должны были подключить к своему социально-по-

литическому эксперименту ресурсы многочисленных в то время французских колоний — дело было, напомню, в 1871 году.

Иное дело СССР. Выжить и укрепиться (через полвека после Парижской Коммуны) большевикам помогли лес и руда, уголь и золото, икра и меха. Позже к этому списку добавились цветные и редкие металлы, бокситы, апатиты, калийные соли, целлюлоза, алмазы, рыба, крабы и многое другое, но главное — нефть и газ. Возобновляемые и не возобновляемые природные ресурсы позволяли СССР производить современное оружие и выполнять космические программы, развивать образование и науку, вести какое-никакое жилищное строительство и довольно крепко стеречь рубежи. А еще они помогали довольно долго изображать эффективную экономику. В СССР не могло быть такого понятия, как невыгодный или не окупающийся объект. А Большая Сберкнижка на что? Во второй половине 70-х и первой половине 80-х годов СССР получил только от экспорта нефти более 170 миллиардов долларов («нефтедолларов»).

Но сырьевые богатства — опасная вещь. В 1973 году на развитые капиталистические страны обрушилось испытание, длившееся затем не менее восьми лет. Резкий скачок цен на нефть вызвал тогда тяжелый кризис в западной экономике. Этот кризис имел колоссальные хозяйственные и технические последствия, он, например, заставил перейти к энергосбережению, а оно открыло дорогу ряду новых технологических направлений. Выход из кризиса был, в конце концов, найден в структурной перестройке потребления топлива. В СССР же потирали руки. Семидесятые годы породили у советской верхушки чувство глубокого самоуспокоения. Кремлевским старцам стало казаться, что так будет всегда: по стальным бесшовным трубам большого диаметра из СССР будет бесконечно плыть нефть, все больше и больше нефти, а в СССР — по ним же — нефтедоллары, миллиард за миллиардом, так что оплатить можно будет все. В руководстве СССР перестали всерьез рассматриваться какие бы то ни было проекты внутренних реформ, способных модернизировать все более устаревающие «производительные силы и производственные отношения». Потребление энергии на каждую советскую душу за эти годы не только не уменьшилось, но, в противовес мировой технологической тенденции, безобразно, более чем вдвое, выросло к 80-м годам — с 3,16 до 6,79 тонн условного топлива. Мощные научно-исследовательские структуры, подчиненные развитию ВПК и космических программ, никак не

делились своими достижениями с массовым производством. Массовое же производство, не подгоняемое конкуренцией, энергично отторгало любые нововведения. Оно твердо знало, что выбора у покупателя нет. Новшества отторгало вообще всякое мирное, гражданское производство.³² Десяти-двенадцати лет блаженного нефтедолларового идиотизма оказалось достаточно, чтобы советская экономика стала полностью неконкурентоспособной. Запад же тем временем не просто сделал рывок вперед, он создал «новую экономику».

Как-то я задал себе такой вопрос: если бы у СССР к 70-м иссякли запасы нефти и газа, не стоял ли бы он скалой и сегодня? Брось он одновременно с остальным миром свои научно-технические силы на решение энергетической проблемы, не пошла бы мировая история другим путем? По зрелому размышлению я ответил себе так: не пошла бы. Главное отличие Запада от СССР заключалось не в худшей обеспеченности углеводородами, а в наличии хорошо отлаженной рыночной экономики. Запад черпал дополнительные силы из свободного рынка, о чем советские руководители, похоже, даже не догадывались.³³

Когда пришло время сворачивать коммунистический эксперимент как анахроничный и уже окончательно не созвучный эпохе, выяснилось, что выход из тупика Великой Утопии, ликвидационные работы и налаживание жизни на совсем других началах — очень сложное и исключительно дорогое мероприятие. Я не хочу сказать, что России легче всех, однако ей определенно легче, чем Украине. Главная Сберкнижка осталась у России, и это дало ей большие стартовые преимущества. Убежден, что некоторое наше отставание от России в истекшее десятилетие объясняется исключительно этим фактором. Убежден я и в том, что, располагая мы энергетической базой на уровне простого самообеспечения, наши успехи были бы выше, чем те, которые сегодня демонстрирует Россия. Разумеется, я не буду этого доказывать, потому что пришлось бы написать отдельную книгу, которая все равно убедила бы только тех, кто захотел бы убедиться, кто и до этой книги думал как я.

Я желаю России добра и поэтому надеюсь, что она не будет откладывать решение своих проблем, уповая на то, что от любой проблемы можно, в крайнем случае, откупиться нефтедолларами. Большая Сберкнижка, чего доброго, может сыграть свою злую шутку еще раз.

Получив независимость, Украина с радостью обнаружила, что владеет весьма значительной долей промышленного потенциала бывшего СССР. Но радость была недолгой. Все значительные народнохо-

зайственные объекты, возведенные по воле Госплана на украинской земле, оказались как на подбор энергоемкими, чтобы не сказать энергопожирающими: металлургические комбинаты и заводы, машиностроительные и нефтехимические предприятия, судостроительные верфи, весь военно-промышленный комплекс. Энергоемкими были порты, магистральные трубопроводы, электрифицированные железные дороги, система водоподачи в Крым. Не привыкли ограничивать себя в энергопотреблении города и поселки и даже сельская местность. А между тем, некоторую часть энергии (особенно после чернобыльской катастрофы) и основную часть энергоносителей Украина получала из РСФСР. После распада Советского Союза цены на энергоносители сразу пошли вверх, и экономика Украины забуксовала. «Искусственная» энергия еще не изобретена, в связи с чем общий объем производства у нас в стране упал за эти годы более чем наполовину. Я восхищаюсь тем, что он не упал гораздо ниже.

Люди быстро привыкают к хорошему и перестают о нем помнить, зато плохое не дает себя забыть. Независимость давно воспринимается как должное, уже мало кто каждый день благодарит за нее Бога или щиплет себя, не сон ли это. Зато трудности повседневной жизни настраивают многих на злую хандру и неверие. К счастью, они плохо представляют себе, как много поводов для прямо-таки отчаянного неверия у них могло быть в 90-е, знай они тогда о нашей экономике то, что знал, например, я. Теперь, когда худшее позади, я поживаю, вспоминая эти годы.

Мы бы, наверное, не отказались от Большой Сберкнижки, просто не удержались бы от соблазна. Но нам ее никто не предлагает, так что обойдемся. Когда-нибудь мы обязательно поблагодарим судьбу за это. Хочу еще раз подчеркнуть: многие по-настоящему развитые страны бедны ресурсами, в связи с чем их жителям приходится изо всех сил напрягать свое серое вещество. Надеюсь, и мы пойдем тем же путем, у нас просто нет другого.

ЯМЫ И УХАБЫ

Обретение независимости не сводится к ее торжественному провозглашению с трибуны Верховной Рады. Акт о независимости — лишь первый шаг на долгом пути к настоящей независимости, на пу-

ти от УССР к Украине. Акт о независимости — это еще и декларация о начале системной трансформации страны, готовой решительно преобразовать едва ли не все свое «нутро», хотя некоторые люди до сих пор считают, что независимость сводится к рыночной трансформации и рыночной трансформацией исчерпывается.

Зная это, не стоит задним числом сильно удивляться тому, что преобразовательная модель, избранная руководством Украины в 1991 году, была моделью одностороннего экономизма, а еще точнее — рыночного фундаментализма (кто-то сказал даже: «рыночного изуверства»). Самой слабой стороной трансформационной модели образца 1991 года был ее антиисторизм, забвение органической связи «прошлое—настоящее—будущее». Такая связь — объективная данность, не зависящая от чьего-то желания. Ее не обойти и не перепрыгнуть. Ее существование исключает создание новых институтов общественной жизни в виде простых копий чужого опыта, пусть и самого лучшего. Образцовые (или стандартные) модели обновления, рекомендованные многим странам постсоветского пространства, в том числе Украине, оказались неработающими. Механически, искусственно воспроизвести итог развития другой страны не удавалось нигде и никогда.

Открытие, сильно удивившее реформаторов первого призыва, состояло в том, что рыночные реформы — это лишь средство решения задач социального развития. Критерии оценки любых реформы должны включать вопрос: способствуют они гуманизации общества или нет? Никто не спорит о важности экономической сферы, но когда наши реформаторы очнулись от первого обморока рыночного романтизма, то внезапно выяснилось, что социальная составляющая, духовная жизнь, культура, нравственные ценности еще важнее. Некоторые из реформаторов (к сожалению, до сих пор еще не все) вдруг сделали открытие, хорошо известное до них — открытие, которое можно выразить словами: не человек для рынка, а рынок для человека. Но, как видно, не зря говорят, что чужие шишки ничему не научат, только собственные.

Наибольшие потери Украина понесла на начальном этапе реформ, которые разворачивались без какого-либо обоснования, не было даже примерного представления о том, как и в какой последовательности их осуществлять. Действовали по известному большевистскому принципу — сначала разрушить все «до основания, а затем» начать строительство с нулевой отметки. В стране, которая больше

семи десятилетий строила свою экономику на антирыночных началах, были сразу введены удивительно смелые рыночные новшества.

В начале реформ был принят ряд базовых законов рыночной экономики. Эти законы скопировали с иностранных аналогов, и большинство из них оказалось нежизнеспособными по очевидной причине — такой экономики у нас тогда не было. Украина одной из первых среди посткоммунистических стран (даже раньше Польши) ввела налог на добавленную стоимость, не имея для этого ни малейших предпосылок. Результат закономерен: был нанесен очень болезненный удар по финансам субъектов хозяйствования.

Открытость экономики той или иной страны может быть полезна лишь в том случае, если надежно обеспечена реализация ее конкурентных преимуществ. В противном случае открытость действует разрушающе. Не случайно Германия и Япония ввели конвертируемость своих национальных денежных единиц только в середине 60-х годов, то есть не раньше, чем были преодолены последствия военной разрухи. Мы же поспешили сделать это в условиях глубокого экономического кризиса, практически одновременно с переходом на мировые цены на нефть и газ — переходом, который сразу сделал у нас убыточными не только отдельные предприятия, но и целые отрасли. А разговоры об утверждении в экономике конструктивной конкурентной среды так и остались разговорами.

Преувеличенными оказались и расчеты на внешнюю помощь. К тому же финансовая поддержка украинских реформ предоставлялась, как правило, «в одном флаконе» с необоснованными оговорками и требованиями, ее сопровождали условиями, в том числе политическими, которые мало соответствовали реальностям момента. Этому есть свое объяснение. Западные партнеры рассматривали Украину, прежде всего, с точки зрения ее принадлежности к бывшей советской империи, дальнейшее влияние которой они считали нужным тем или иным способом ограничить. На другие посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы они смотрели иначе. В конечном счете, Украина каждый раз оставалась наедине со своими наиболее сложными проблемами.

Мы излишне старались копировать законодательство стран ЕС. Дело это, конечно, хорошее, но надо было понимать, что среда, в которой применяются законы в ЕС, мягко говоря, отличается от нашей. Для сравнения: Польша взялась за решение этой проблемы лишь на

заключительном этапе своего присоединения к Евросоюзу. Нет смысла принимать законы, которые неминуемо будут отторгнуты не готовыми к ним общественными институтами и общественной практикой. Помимо прочего, это подрывает авторитет государства и не способствует уважению к законам вообще. В целом же несоответствие законодательной базы экономическим реалиям — это прямое приглашение к расширению сферы теневой экономики.

В Украине слишком рано, еще в 1991 году, и явно поспешно взялись за приватизацию банковской системы. Сравните: в ряде стран бывшего «соцлагеря» к этому подошли только сейчас, на продвинутом этапе реформ. Это еще один просчет той модели перехода к рынку, которой у нас придерживались. Приватизация банковской системы тогда, когда не было свободных капиталов, соответствующей законодательной базы и других необходимых предпосылок, стала приглашением к «законному» присвоению государственной собственности. Все наши «олигархические» структуры именно оттуда.

По причине такого нагромождения ошибок наши реформы начали быстро терять даже подобие конструктивной направленности. Их результатом стали ускоренная разбалансировка и частичный развал народного хозяйства, последствия чего мы не можем преодолеть и до сих пор. Рекордная гиперинфляция 1993 года (10 256%) и обвальное 25-процентное падение ВВП в 1994 году (не уверен, были ли другие подобные падения в мировой практике, — разве что во времена войн) явились результатом именно структурной разбалансировки экономики.

Совершая прыжок в рыночную экономику, руководство Украины исходило не только из бесспорных истин, но и, как выяснилось позже, из некоторого количества мифов. Один из таких мифов заключался в убеждении, что свободное общество, к которому мы так стремились, должно придерживаться правила «Дозволено все, что не запрещено». В действительности это правило годится лишь для стран старого капитализма, где жизнь за века выявила все, что безусловно следует запретить. Мы же входили в рынок (говорю об Украине, но то же самое было и в России), располагая исключительно советскими законами, которые не предусматривали рыночных отношений и поэтому не содержали совершенно необходимых запретов. Зато эти советские законы прямо запрещали вещи, без которых рынок немислим. Первопроходцам рынка приходилось двигаться как по минному

полю, нарушая законы обоих миров. Неудивительно, что первую когорту бизнесменов составили люди наиболее дерзкие, в том числе и не склонные дружить ни с какими законами. Многие из них с тех пор так и продолжают жить за счет дыр и щелей в законодательстве (а таковые, увы, не переводятся). Другие, не отрицаю, стали респектабельными предпринимателями.

Рыночный романтизм украинских реформаторов первого призыва не только был страшно решительным, но и легко отступал. По этой причине украинская экономика на годы стала чем-то вроде улицы одновременно с право- и левосторонним движением. Во многих странах гармонично сосуществуют частные и государственные предприятия, под занавес советской власти в СССР тоже собирались строить «многоукладную» экономику (хотя никто не успел толком понять, что имелось в виду), но нет и не может быть «смешанной экономики». Правила игры для государственных и частных предприятий не могут быть взаимоисключающими, иначе это открывает ворота для бесконечных злоупотреблений.

В России в результате подобного развития событий, при всех сопутствующих социальных и политических потерях, была хотя бы решена задача «первоначального капиталистического накопления», у нас же не вполне решена и она. В России уже сложился крупный капитал, способный мобилизовать средства для решения серьезных хозяйственных задач, в Украине он пока относительно слаб. Слишком уж несоразмерны были с самого начала денежные потоки в двух странах.

Другим мифом, принятым как руководство к действию (точнее, к бездействию), стало утверждение, будто государство должно как можно скорее освободить экономику от своего присутствия. Авторы таких утверждений не знали, что государство может освободить экономику от своего присутствия только там, где сформированы и эффективно действуют полноценные рыночные механизмы. И — внимание! — только там, где оно, государство, есть.

В годы принятия самых ответственных экономических решений Украина, безусловно, располагала всеми необходимыми внешними государственными атрибутами, но государства в полном смысле слова еще не было. Не было организма с естественным иммунитетом ко всему, что противопоказано обществу в целом. Государственный аппарат долго не мог избавиться от психологии «союзной республики» — то есть, по существу, от психологии сотрудни-

ков некоего регионального подразделения или регионального управления.

Дееспособность государства нельзя считать достаточной и по сей день. Это продолжает оставаться главным препятствием на пути внятной экономической и социальной политики, мешает исправлять деформации прежних лет. В странах, к опыту которых мы присматриваемся, роль государства неизменно возрастала на наиболее сложных этапах развития. Вспомним времена мировой экономической депрессии 1929—1933 годов (а в США она продолжалась почти весь первый срок президентства Ф. Д. Рузвельта, до 1936 года), вспомним исключительные по глубине преобразования послевоенной Европы, вплоть до 60-х, а затем в кризисные 70-е годы. Особенности сегодняшней экономической системы развитых стран формировались именно в тот период. Они утвердились на основе государственного стимулирования экономического и научно-технологического прогресса, самого активного взаимодействия государства с частным капиталом и, что очень важно, с обществом.

Общественные противоречия, кризисы тяжелы и даже мучительны, но, только преодолевая их, страны и народы могут развиваться, иначе — застой, упадок, в иных случаях — прекращение исторической жизни. Для меня очень показателен кризис 1973—1981 годов, о котором я уже говорил. Этот кризис не только породил энергосберегающие технологии, но и открыл людям глаза на их расточительность, заставил намного больше уважать природу, дал толчок к возрождению лесов и водоемов. Воду в озере, на которой стоит город Чикаго, промышленные стоки превратили к концу шестидесятых в химический раствор. Говорили, что ночью можно было опустить в озеро отснятую пленку и через час вытащить ее проявленной. Двадцать лет спустя озеро стало доступно купальщикам. В леса, загаженные мусором, первыми отправились школьники. Учителя рассказывали им, как важно содержать свою родину в чистоте. И Америка постепенно стала чистой страной. Меня очень вдохновляет этот пример эффективности гражданского общества. Но я не забываю о том, что, не будь в Америке, помимо гражданского общества, еще и сильного государства, поддержавшего эти начинания, экологическое движение страны не смогло бы решить поставленную задачу.

Очень хорошо, что нас увлекает идея гражданского общества, но даже развитому гражданскому обществу не все по плечу, тем более в ис-

торически краткие сроки. Особенно такому гражданскому обществу, которое еще не сформировалось. Можно и нужно приветствовать тот факт, что наши люди учатся отстаивать личные и корпоративные права в судах, однако если мы решим, что именно таким путем Украина покончит с коррупцией, чиновничьим всевластием и произволом, боюсь, эта цель будет достигнута очень и очень нескоро. Решающее слово здесь должно принадлежать государству. Да, верно, все, что требуется от государства — это «не мешать» действию законов рынка, но это — от идеального государства и в идеальном обществе. В этом же смысле правильно и утверждение, что государство не должно взаимодействовать с частным капиталом. Проблемы и трудности в экономическом развитии возникают у нас сплошь и рядом из-за слишком медленного формирования национального частного капитала. В этих условиях особенно наглядна истина, что частный капитал, независимо от своей структуры и размеров, всегда нуждается в поддержке государства, рассчитывает на такую поддержку. Современная экономика обязана своими научно-технологическими достижениями в значительной мере тому, что мощь частного капитала и возможности государства на решающих, «прорывных» направлениях представляли собою как бы единый функциональный механизм. Авиация, космос, информатика, Интернет, военные технологии нового поколения развивались и развиваются во всем мире именно благодаря такому соединению.

Страны Юго-Восточной Азии совершили в своем развитии невиданный бросок от архаичных докапиталистических отношений к современной экономике через утверждение, уже на старте своих преобразований, не просто капиталистических, а, пользуясь марксистской терминологией, государственно-монополистических отношений.

Государство и частный капитал должны действовать сообща для формирования внутреннего рынка и его эффективного функционирования, увеличения платежеспособного спроса, для реализации других задач экономического роста, в том числе и социальных, для максимальной концентрации сил и ресурсов (в том числе экспертных) на развитии инновационной сферы. Другое дело, что государство не должно отдавать приказы частному бизнесу. Их взаимодействие — тонкая, деликатная, неустанная работа с обеих сторон.

Само собой разумеется, любая структура частного капитала, сотрудничающая с государством, работающая на благо страны, рискует быть объявленной олигархической. Самое простое, что говорится

в подобных случаях — о сращивании Икса или Игрека с властью, с людьми власти ко взаимной нечистой выгоде. Это соответствует действительности, но не всегда, здесь большой простор для домыслов и социальной демагогии, которая усиливает напряженность в обществе. Я смотрю на это как на разновидность «налога на свободу». Главное, что все-таки на свободу.

На заре рыночных реформ с увлечением рассуждали о том, что будущее украинской экономики связано с приоритетным или даже исключительным развитием мелкого и среднего бизнеса. Люди завораживали себя цифрами, показывающими, что в передовых странах все держится чуть ли не исключительно на малом предпринимателе. Невольно рисовался бескрылый образ Украины как страны мелких лавочников и ремесленников, страны домиков под черепичными крышами и множества магазинчиков. Такому, не устремленному в будущее, предпринимательству порой умиляются те самые люди, которые призывают каленым железом выжигать из украинцев «психологию малоросса» — психологию второсортности.

Сразу подчеркну: я лично всячески содействую и буду содействовать малому и среднему предпринимательству. Этот сектор в Украине пока что представлен преимущественно торгово-посредническими фирмами и предприятиями сферы услуг, постепенно растет и внедренческая составляющая. Но я не забываю, что наиболее успешным и доходным во всех без исключения странах Запада оказывается такой малый и средний бизнес, который развивается в связи с крупным. Не тот, что возник сам по себе, а тот, что был вызван к жизни появлением гигантов. Он выполняет функцию связующих и промежуточных структур, занимая те ниши в экономическом пространстве, которые крупные предприятия занимать не могут и не должны. Чем оживленнее такой бизнес, тем ощутимее ускоряются экономические процессы и оборачиваемость средств. Это, в свою очередь, подталкивает прогресс технологий, оптимизирует использование рабочей силы. Сам по себе малый и средний бизнес сделаться стеновым хребтом экономики не может. Но он успешно содействует росту интеллектуального потенциала общества, его финансовых и материальных ресурсов, а главное — помогает более полному удовлетворению потребностей и запросов людей, повышает индивидуализацию и «штучность» этих запросов.

Бессмысленно противопоставлять малый и средний бизнес крупному капиталу и крупным предприятиям. Нужно исходить из того,

что основой независимой национальной экономики, ее несущей конструкцией может и должен стать крупный национальный капитал, работающий в союзе с малым и средним бизнесом.

Среди наиболее тяжелых последствий того, что мы входили в рынок очертя голову — теневая экономическая деятельность. Сегодня в тени вращается, по большинству оценок, 40, а по некоторым — до 70 процентов валового внутреннего продукта. Близкие оценки даются и для России. Теневая экономика обходится нам, как утверждают эксперты, в 10—12 миллиардов гривен; это деньги, которые идут мимо государственного бюджета. Самое опасное здесь — «ликвидность» государственного аппарата, превращение чиновников в активных деятелей теневой экономики.

Мировой практикой доказано: чем слабее государство, тем больший сегмент экономики уходит в тень. Отсюда требование: оздоровительные меры должны касаться в первую очередь самого государства, его дееспособности.

Естественным следствием расцвета теневой экономики является появление «олигархических» структур, их сращивание с государственным аппаратом. Слово «олигархия» происходит от древнегреческих слов «олигос» (немногие) и «архе» (власть) и означает «власть немногих». Уже из определения видно, что олигархия враждебна демократии, то есть власти большинства (буквально, «власти народа»). Термин «олигархия» не вполне точен, так как «немногие» могут быть не обязательно богачами, а, например, аристократами, и в древности словом «олигархия» обозначали именно правление знати. Более верным в случае Украины и России было бы слово «плутократия» («плутос» — богатство), да оно и в духе наших языков, ибо сразу рождает мысленный ряд: плут, плутни. Слово «плутократия» широко использовалось геббельсовской антиамериканской пропагандой, может быть, поэтому оно, по молчаливому уговору, в наши дни не употребляется.

Если капитал занят своим делом, нет причин объявлять его олигархическим. Но государство не сможет выполнять свои обязанности, если его политику в значительной степени будут определять, исходя из своих интересов и целей, отдельные могущественные лица либо группы, способные влиять на законодательные и правоохранительные органы, судебную практику, центральные и местные управленческие структуры, на средства массовой информации.

Массовое сознание не всегда ясно представляет, какие угрозы таит в себе мощное олигархическое давление на власть. К примеру, стране жизненно необходим какой-то закон, но в случае его принятия олигарх N будет недополучать, условно говоря, по семь миллионов долларов прибыли ежегодно. Осознав это, N с помощью всех имеющихся в его распоряжении тайных рычагов, включая подкуп, шантаж, интриги, компромат, срывает принятие закона. Ему совершенно неважно, что провал закона обойдется его стране в миллиарды. Свои миллионы ему дороже государственных миллиардов.

При отсутствии противовесов олигархическому капиталу начинается его расширенное самовоспроизводство, он становится всесильным и неуязвимым. Немало стран мира, не ощутив вовремя угрозу олигархического перерождения, надолго оказались на обочине современной цивилизации. Такое развитие событий стало бы роковым для Украины, и мы его ни в коем случае не допустим. Для этого нам не обойтись без дальнейшего повышения дееспособности государства. А чтобы ее повысить, мы должны оптимизировать государственное управление, продолжить административную реформу, решительно сократить управленческий аппарат, обеспечить реальное разграничение власти и ответственности, создать по-настоящему независимую судебную власть.

Говорят, генералы всегда готовятся к прошлой войне. Наши реформаторы первого призыва, похоже, невольно готовили Украину к жизни в XX веке. Скажем, к жизни конца 70-х годов XX века (неплохое время, но оно не вернется). Похоже, например, что они не брали в расчет стремительные процессы расслоения мира.

Страны мира сегодня стало принято подразделять на три уровня: первый — страны постиндустриального развития или «новой экономики»; второй — страны традиционных индустриальных технологий и массового производства; третий уровень — страны доиндустриального развития. Для некоторых из моих читателей словосочетание «постиндустриальное развитие» остается все еще непривычным. В ряде стран, бывших и в прошлом лидерами экономического развития, в последние два десятилетия бурно складывается принципиально новая хозяйственная система, основным ресурсом которой становятся знания и информация. Благодаря новой хозяйственной системе эти страны восстановили динамизм своего развития, еще двадцать лет назад казавшийся безвозвратно утерянным, и находятся сегодня, по-видимому (о моих сомнениях чуть позже), в авангарде мирового прогресса.

Постиндустриальные государства «новой экономики» экспортируют в первую очередь информационные и наукоемкие продукты — компьютерные технологии, программное обеспечение, патенты и «ноу-хау». И, разумеется, сложное оборудование, лекарства нового поколения, системы оптоволоконной и спутниковой связи, дорогие микрочипы, сложные приборы — весь набор современного высокотехнологического оборудования и техники. Возможности безграничного потребления информации и знаний, особенно с появлением Интернета, создали постиндустриальным государствам бесконечно емкий рынок во всем мире и обеспечили огромные доходы. Если я произвожу алюминий, то могу продать чушку алюминия только один раз, а если произвожу программные продукты, один и тот же «софт» я могу продать миллионы раз. Менее доходные производства постепенно перемещаются из этих стран в «третий мир». Более удачливые страны «третьего мира» становятся в лучшем случае сборочными цехами международных корпораций.

По всей планете идет своеобразный междууровневый обмен: продолжается перераспределение ресурсов в пользу первого уровня, складываются механизмы закрепления уровней. Эти механизмы почти исключают возможность вертикального перемещения, — такое возможно только для очень ограниченного круга. И это, кажется, понятно: получая большие и неоспоримые преимущества, постиндустриальный мир не горит желанием делиться ими. Рыночная конкуренция — это, к счастью, не социалистическое соревнование, но и она, как говорится, не без греха. Формируется (или уже сформировалась) своеобразная кастовая замкнутость самых богатых стран. В то же время в последние десятилетия нарастает неравенство, углубляется бездна между богатыми и бедными. Все это опасно усиливает нестабильность современного мира.

Финансовый кризис 1997—1998 годов прибавил энергии и красноречия тем, кто обличает «несправедливость» мирового порядка: слишком большой груз кризиса пришелся на страны, которые надеялись постепенно утвердить себя в качестве равноправных субъектов цивилизационного процесса. Деньги перетекли к сильнейшим, а слабые остались ни с чем. Проблема глобального неравенства обострилась в связи с тем, что за последнее десятилетие к числу бедных стран присоединились некоторые бывшие советские республики, в том числе Украина. Наша страна оказалась на втором уровне, и пока для

нее не видно перспективы подняться выше в мировой иерархии — но, подчеркиваю, не видно именно в рамках той модели трансформации, которая, к несчастью, была нами избрана.

Я склонен согласиться с теми, кто видит в слишком четкой стратификации мира опасность и для стран первого уровня. Экономика таких стран представляет собой предельно открытую систему. Ее существование возможно только в условиях бесперебойного функционирования общепланетных финансовых, транспортных и информационных сетей. Если по каким-то причинам их работа будет нарушена, экономическая катастрофа наступит почти сразу. Деиндустриализация, идущая сегодня в странах первого уровня, то, что они переводят всё возрастающие объемы производства в «третий мир», где дешевле рабочая сила, делает эти страны очень уязвимыми. Страны второго и особенно третьего уровня, случись что, выживут, но кто поручится за страны первого уровня?

Будущее слишком непредсказуемо, чтобы класть все яйца в одну корзину. Как человек, всю жизнь связанный со сложным производством, я вполне представляю себе экономику, которая дает возможность, в случае надобности, осуществить достаточно быстрый переход от высокотехнологичной продукции к более традиционной номенклатуре изделий и обратно. В идеале (не знаю, достижимом ли) я вижу Украину страной, где полнообъемная индустрия и массовое производство сосуществуют с постиндустриальным производством и с высокотоварным сельским хозяйством. Если здесь позволительна аналогия с классовой структурой общества, я бы предпочел, чтобы Украина пребывала в верхнем слое среднего класса, как более надежном, устойчивом и безопасном.

Есть еще одна причина, удерживающая меня от желания видеть Украину постиндустриальной страной в чистом виде (благо, такая возможность еще долго не появится на повестке дня). Населению стран первого уровня приходится все меньше бороться за поддержание достигнутого жизненного уровня; благодаря развитой (а то и гипертрофированной) системе социальных гарантий появляется все больше людей, которые не просто не желают работать, но и могут себе позволить не работать. Растет и число работ, которые жители этих стран не желают выполнять. Их места занимают выходцы из других стран, что заметно меняет демографическую и религиозную структуру населения и даже его облик.

Общий гедонистический крен жизни ведет к опережающему перетеканию рабочих рук в индустрию досуга и развлечений, к умножению числа людей, обходящихся без семейных уз и считающих такую обузой (как и к умножению числа семейных пар, обходящихся без детей), к стремительному росту сексуальных меньшинств, к легализации наркотиков, к разрешению эвтаназии и клонирования (пока еще не человека целиком, но его «запчасти»). Рушатся тысячелетние табу, возникшие совсем не случайно. Либерализм грозит обернуться карикатурой на себя: уже разрешены однополые браки, и это, боюсь, только начало.

Упорный труд, кажется, утратил характер главной добродетели. Эпоха расслабленности чувствуется буквально во всем — вплоть до новейшей моды чиновников и менеджеров брать с собой в деловые поездки и на семинары жен (либо любовниц) и (или) детей. Никакой рост производительности и эффективности труда не сможет долго опережать действие этой расслабляющей психологической установки.

Так, к сожалению, всегда бывало у народов и стран, которые переставали ощущать, а то и просто не желали видеть бросаемые им вызовы. Вызов, между тем, давно брошен. Ошибаются те, кто полагает, что это произошло лишь 11 сентября 2001 года. Подобно огненным словам, засиявшим на стене в разгар вальтасарова пира, террористическое нападение на США — лишь наиболее зримое в череде напоминаний об этом вызове. Я от всей души надеюсь, что столь страшное напоминание не будет в очередной раз забыто человечеством, заслоненное Олимпийскими играми, разводами кинозвезд и хит-парадами...

Увы, отвечать на вызовы невозможно без непопулярных шагов, а непопулярные шаги имеют очень слабые шансы на поддержку общества, привыкшего к ничем не стесненной жизни. Если постиндустриальные страны не найдут в себе силы измениться, я не исключаю, что они в конце концов окажутся в тупике.

Замечательный пример того, что иные пути развития возможны, нам показывает сегодня Индия, которую еще двадцать лет назад мало кто ожидал увидеть в клубе технологически развитых стран. Однако народы высоких древних культур обязательно несут в себе импульс нового развития. Индия это блестяще подтвердила, когда индийские компании вторглись на самый элитный рынок «новой экономики» — рынок информационных технологий. За 1994—1999 годы объем производимого и экспортируемого Индией программного обеспечения вырос на

55% по сравнению с 20-процентным ростом в среднем в мире. В 2000 году доля Индии на мировом рынке «программных продуктов специального назначения» составляла 16,5%. Индийцы намерены довести ее до 50% к 2015 году. В 1999—2000 годах объем экспорта программного обеспечения из Индии достиг 4,05 млрд долларов. На начало 2000 года рыночная капитализация активов индийских компаний в промышленности информационных технологий составила 25 млрд долларов. Согласно оценкам экспертов, в 2001 году Индия должна была продать программных продуктов на 6 миллиардов долларов, а к 2005 году данная статья индийского экспорта прогнозируется в размере 35 млрд. Для решения этой задачи была разработана общегосударственная программа, созданы так называемые технопарки. По мнению специалистов, в основе индийского успеха лежит государственная политика, направленная на развитие оффшорного программирования (оффшорные льготы, предоставленные технопаркам, не универсальны, а касаются лишь одного вида деятельности) и экспортно-ориентированного сектора высоких технологий. Интересно, что до 65% экспортируемого из Индии программного обеспечения направляется в США.

Индия убедительно показала, что в странах так называемого догоняющего развития могут возникать, успешно развиваться и выходить на ведущие позиции в мире целые отрасли «новой экономики». Экономика не обязательно должна развиваться «по всему фронту». До сих пор считалось, что новая экономика вообще не может быть «построена», а возникает в ходе естественного хозяйственного и общественного развития. Между тем, ее везде именно «строили» — где открыто, как в Японии, где с помощью непрямого, но достаточно последовательного государственного воздействия, как в США.

На Западе есть мнение, что инвестиции в украинские высокотехнологические производства вообще бесперспективны. Речь идет в первую очередь о наших попытках утвердиться на мировом космическом и авиационном рынках, а это, очевидно, не вписывается в известные пессимистические представления о нашем месте в мире. Правда, мы и сами не всегда используем «окна возможностей», особенно в совместных проектах. Достаточно вспомнить ситуацию, сложившуюся вокруг самолета Ан-70, который не имеет и еще долго не будет иметь аналогов в мире. Он получил высшую оценку экспертной европейской комиссии, его признали самолетом нового века. На 90% он финансируется компанией «Авиалинии Антонова». Другими словами, Украина пра-

критически одна тянет этот проект, хотя его надо изо всех сил вытягивать нам вместе с Россией. Это прекрасный экспортный товар.

Недостатком принятой на старте реформ модели рыночной трансформации было то, что мы как бы согласились с общепринятой оценкой Украины как страны, не очень развитой в экономическом, научно-техническом и технологическом отношениях. Года три мы следовали модели, которая внедрялась или действовала — не знаю, как точнее сказать — на протяжении многих десятилетий (в большинстве случаев без заметного успеха) в Латинской Америке, Азии и Африке. Мы едва не смирились с сугубо сырьевой ориентацией развития экономики Украины. Выправлять создавшееся положение очень трудно. Произошло «сжеживание» машиностроения. Его доля в структуре промышленности сократилась с 30,7 процента в 1990 году до 13,8 процента в 1999 году. Неоправданно сузился внутренний рынок. С 1993 по 1999 год доля нашего экспорта в структуре ВВП возросла с 26 процентов до 53. Это значит, что соответственно (с 74 процентов до 47) уменьшилась доля внутреннего потребления. Сократилось финансирование научных исследований и разработок, а также образования (в то время как в Польше, Чехии и Венгрии в течение 1990-х годов удалось сохранить соотношение этих расходов к ВВП без изменений). Инвестиции в промышленность, в том числе иностранные, не выходят за рамки непосредственно производства и почти не направляются, как я уже сказал, на развитие высоких технологий. Это главная черта той преобразовательной модели, к утверждению которой нас все время подталкивают пессимисты, если говорить о западных экспертах, и пораженцы, если об украинских единомышленниках. Украину завтрашнего дня видят средоточием сырьевых отраслей, вредных и тяжелых производств.

Никто не против того, чтобы экономика государств второго уровня интегрировалась в структуры международного разделения труда и внешних рынков, как того хочет Международный валютный фонд (МВФ). Того же хотят сами страны, прибегающие к займам Фонда. Но встает вопрос: кем их в этой интеграции хотят видеть? Что конкретно может принести такая интеграция Украине? Мы пытались убедить себя, что речь идет о нашей интеграции в качестве равноправного партнера. Однако из-за малой конкурентоспособности национальной экономики такое равенство фактически исключено. Гипотетично оно и в обозримом будущем. Пространство возможностей высокотехнологического развития, которыми располагает Украина,

сужается, время работает против нас. Сужается и сфера применения наших высококвалифицированных кадров.

Украина ищет наиболее приемлемые для себя алгоритмы продолжения сотрудничества с МВФ. Система международных финансовых отношений построена таким образом, что без санкции МВФ у нас не будет доступа на рынки заемного капитала. В таком положении и другие государства — например, Россия. Нас не устраивает открытость экономики только в одну сторону. Сильные требуют от слабых все большей открытости, а сами отгораживаются от них всевозможными барьерами. Снижение торгово-таможенных барьеров на рынках высокоразвитых государств хотя бы наполовину принесло бы странам второго уровня от 110 до 140 млрд долларов в год, что значительно превышает размер кредитов МВФ этим странам.

С первых шагов в направлении рынка у нас исходили из формулы: сначала реформы, потом решение социальных задач. Это надо было понимать так: реформы за счет социальных задач. В ряде случаев были забыты даже те социальные достижения, которые в свое время были позаимствованы у СССР западными странами. Наша практика первой половины 90-х оказалась полной противоположностью тем реформам, которые осуществлялись, например, канцлером Эрхардом в Германии 60-х годов, а также в других странах послевоенной Европы. Разрыв доходов в Украине приблизился к тому, какой наблюдался в странах Западной Европы в последнюю треть XIX столетия, то есть в период формирования предпосылок социалистической революции. Другими словами, в Украине воспроизводилось преддверие большевизма. Сегодня мы на несколько шагов отошли от края, но контрасты в материальном положении различных слоев населения продолжают превышать порог социальной стабильности.

Если в Чехии, Венгрии и Польше доходы десяти процентов наиболее богатых семей превышают доходы десяти процентов наиболее бедных в 4,5—5,5 раз, то у нас между соответствующими группами наблюдается десятикратный разрыв. На самом деле он еще больше, ибо значительная часть доходов богатых скрывается в тени. Бедных, увы, тоже!..

Уравниловка — это паралич общества. Как известно из школьного курса физики, ток возникает лишь при наличии разницы потенциалов. Разрыв благосостояния в разумных пределах стимулирует трудовые и предпринимательские усилия. Но разрыв в доходах, в уровне жизни

не должен быть безнадежным. Поляризация, к которой мы пришли, не только плохо стимулирует развитие, но и противоречит демократическим принципам. В таких условиях трудно рассчитывать на опережающий рост платежеспособного спроса и стоимости рабочей силы, на поддержание мотиваций к честному и производительному труду.

Эти мотивации, к счастью, все же сохранились и помогли нам превозмочь самое трудное время. Запас прочности в нашем обществе оказался больше, чем ожидали друзья Украины и надеялись ее недруги. То, что на стыке 1993 и 1994 годов не случилось разрыва большинства экономических цепочек и полной остановки нашей экономики, я как раз и считаю доказательством наличия у нас этого запаса прочности. Всякий кризис — это перелом болезни к выздоровлению. Только у людей кризис длится часы, а у стран — годы. Но и они проходят. От кризисов нации обновляются, возрастает их сопротивляемость и гибкость. Говорят, что китайцы не различают понятия «кризис» и «шанс», их обозначают одним иероглифом.

Я не без облегчения заканчиваю эту главку с печальным перечнем наших просчетов и неудач. Не такое уж это радостное занятие — вспоминать о самом тяжком. Моим российским читателям наверняка порой казалось, что речь идет не об Украине, а о России. Действительно, про обе наши страны в 1990-е годы можно сказать: «Как мало пройдено дорог, как много сделано ошибок». Ошибок, похожих как две капли воды.

Но в одной сфере, энергетической, судьбы у нас были разные. Они просто не могли не быть разными.

ВРЕМЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Что такое топливные проблемы, лучше всего показать на примере. В 1998 году нехватка горючего во время посевной кампании привела к тому, что больше 40% площадей у нас остались незасеянными. Требуется ли еще какие-то слова?! Незадолго до этого, напомним, произошел резкий скачок мировых цен на нефть, и кто-то потирал руки, а кто-то рвал на себе волосы.

22 мая 1999 года Кабинет министров Украины принял постановление «О ценах на сжиженный газ для населения», закреплявшее цену 50-литрового баллона на уровне 10 гривен. Мера была, конечно,

противорыночная, но надо было как-то поддержать людей. Дотируем же мы до сих пор коммунальное хозяйство. Когда фактическая цена баллона в 3—4 раза превосходит отпускную, естественно, выполнение программы дается с большим напряжением. Национальная акционерная компания «Нефтегаз Украины» несет большие убытки, и тут российские поставщики, пользуясь моментом, резко (до 50%) поднимают цену на сжиженный газ, идущий в Украину. Мы понимаем, что на рынке никто никому спуска не даст, но иногда бывает обидно.

За 1990-е годы потребление нефти в Украине сократилось больше чем на треть от тех 62 миллионов тонн, которые потребляла в 1990 году СССР. У нас есть и собственная нефтедобыча, но она падает — месторождения очень старые, выработанные. Некоторые просто рекордно старые. Как-то дочка показала мне в энциклопедии Брокгауза и Ефрона за 1893 год заметку о том, что в Дрогобыче производится «выделка нефти из горного масла». Мало кто знает, что нефтеперерабатывающий завод в Дрогобыче — старейший в Европе. Естественно, сегодня это современное предприятие, формирующее до 10% бюджета Львовщины, а о его возрасте я заговорил, чтобы напомнить: мы не новички в нефтяном деле. У нас очень развита нефтепереработка, общая производственная мощность украинских нефтеперерабатывающих заводов составляет 52,4 млн тонн, но загружены они хорошо если на четверть.

За счет собственной нефти Украина сегодня может обеспечить в лучшем случае 10% своих потребностей. У нас принята национальная программа «Нефть и газ Украины». Если она будет выполнена, к 2010 году мы будем добывать 6—7 млн тонн нефти при минимальных внутренних потребностях страны на уровне 35—40 млн тонн. Мы зависим и еще долго будем зависеть от других, главным образом от России. Украина занимает шестое место в мире по потреблению природного газа (после США, России, Германии, Великобритании и Канады), хотя объемы потребления и снижаются. В последние годы мы обходимся 80—85 миллиардами кубометров, тогда как в 1990 году расходовали 120 миллиардов. Но упала и собственная добыча: в 1991 году она составляла 24,4 млрд куб. м, а в последние годы колеблется возле отметки 18 млрд куб. м. Мы рассчитываем удвоить этот показатель к 2010 году, но это не освободит нас от газовой зависимости.

В Донецком угольном бассейне еще в 1980-е годы были открыты крупные газоносные структуры, запасы которых могли бы не только

обеспечить нашу энергетическую независимость, но и сделать Украину экспортером газа. Для разработки специфических донецких пластов требуется особое оборудование. Есть и другие надежды: за последние годы в Украине открыто шесть новых месторождений газа — Красноградское в Харьковской области, Кружиловское в Луганской, Верещицкое и Орховицкое во Львовской, Ульяновское в Днепропетровской и Северо-Казантипское на шельфе Азовского моря.

Большую часть необходимых нам нефти и газа Украина закупает в России. Украина — крупнейший из потребителей российского газа. Примерно 30 миллиардов кубометров мы получаем в счет оплаты транзита. Остальное, 30 миллиардов кубометров и больше, нам приходится покупать.

Самое обидное, что Украина могла бы обходиться тем газом, который она добывает уже сегодня, и тем, которым Россия расплачивается с ней за транзит. Но беда в том, что по душевому расходу газа Украина стоит на первом месте в мире (или на одном из первых), а по эффективности энергосбережения занимает одну из последних позиций среди индустриальных стран. Это значит, что мы сжигаем массу газа впустую и тратим непомерные деньги зря. Но парадокс состоит в том, что исправить положение можно лишь с помощью еще больших денег. Требуется, по сути, технологическая революция. Но как ее осуществить, когда Украина не может не затрачивать от 9 до 15 миллиардов долларов в год (в зависимости от колебаний цен) только на закупку нефти и газа?

Когда я вижу изображение скульптурной группы «Лаокоон», я каждый раз думаю, что одна из змей — это Углеводороды, а вторая — Электроэнергия. Опознаю я и людей, обвитых этими змеями, правда, они почти каждый раз другие. У нас большая текучка кадров, так что я не буду их называть.

Дефицит электроэнергии, опасное снижение напряжения, недостаточность регулирующих мощностей, способных компенсировать пики потребления днем и снижение нагрузок ночью, — только начни перечислять. В отличие от России, мы не унаследовали Братскую, Красноярскую, Усть-Илимскую, Богучанскую, Саяно-Шушенскую (и так далее, и так далее) ГЭС, не унаследовали производство ТВЭЛ (тепловыделяющих элементов для атомных электростанций, — сырой уран в ядерный реактор не загрузишь) и много чего еще. Зато мы унаследовали чернобыльскую беду.

Кроме того, нам достался крайне изношенный энергокомплекс: из более чем 100 тепловых блоков 82% уже отработали расчетный ресурс, а свыше половины превысили предельно допустимый. У нас очень дорог мазут, у нас убыточен уголь. Затраты топлива на производство единицы электроэнергии растут, а КПД ТЭС снижается. Нам достался незамкнутый ядерный цикл, так что, имея свой уран, мы должны ввозить из России свежее топливо для своих АЭС и оплачивать вывоз отработанного. Мы должны поддерживать в безопасном состоянии объект «Укрытие» на Чернобыльской АЭС...

Но если бы наши энергетические проблемы сводились только к этому! Проблемы управления топливно-экономическим комплексом порождают не меньшую головную боль.

Правительства (особенно Павла Лазаренко) приняли около 2700 нормативных актов, регулирующих деятельность ТЭК, что создало полный хаос и простор для чиновничьего беспредела. Я говорил тогда и не отказываюсь от своих слов: «Чем больше заседаний в Кабинете министров, тем ситуация в энергетике хуже». Но это оказались только цветочки.

С приходом «молодых реформаторов» возникли разговоры, что вот-вот появятся крупные инвесторы. Вместо этого электроэнергетика стала эпицентром скандалов. Количество противоречивых указаний, решений, постановлений и циркуляров превысило все мыслимые пределы и фактически парализовало работу отрасли. Среди прочего, решили ввести расчеты на энергорынке исключительно деньгами, покончить с бартером и взаимозачетами. Это решение узаконила Верховная Рада, но вскоре Кабинет министров принял ряд постановлений, фактически вновь разрешивших бартер и взаимозачеты.

В таких условиях любой шаг участника рынка в любую сторону, любое его действие или бездействие может быть расценено как нарушение, а уж какие его ждут за это санкции, решит чиновник, потирающий руки от такого счастья.

Слава Богу, общая мощность энергокомплекса Украины — 55 000 Мвт — вполне достаточна для наших нужд. Достраиваются энергоблоки на Хмельницкой и Ровненской АЭС, завершается строительство Ташлыкского гидрокомплекса для Южно-Украинской АЭС. Начинается реконструкция Луганской ТЭС (ее энергоблокам от 32 до 40 лет) и Старобешевской ТЭС (здесь энергоблоки помоложе, им от 31 до 37). В разных стадиях разработки — проекты реконструкции Змиевской,

Угледорской, Запорожской, Криворожской, Бурштынской, Приднепровской ГРЭС с привлечением кредитов международных финансовых организаций. (Многие из этих конденсационных электростанций относятся к крупнейшим в мире.) Чтобы над нами не висела тень новых Чернобылей, наши энергетики ведут необходимый ремонт и профилактику на АЭС. Так что еще несколько лет усилий, и мы сможем даже продавать свою энергию в значительных количествах.

К тому времени мы закроем убыточные шахты и угольные разрезы и введем в строй новые, прибыльные, такие как шахта «Белореченская-Новая», освоим новые месторождения урановых руд в Желтых Водах, которые способны обеспечить потребность всех украинских АЭС на сто лет вперед. В 1648 году победа Богдана Хмельницкого у Желтых Вод положила начало украинской независимости от Речи Посполитой. Пусть Желтые Воды еще раз послужат нашей независимости, теперь уже энергетической.

Я несколько раз упомянул здесь Чернобыль... Тяжело о нем думать, еще труднее говорить, и с годами как-то не легче. Когда я услышал о том, что на Чернобыльской АЭС произошла неприятность, я не был вхож в кабинеты, куда стекалась самая полная и достоверная информация. Как обычный советский человек, я был, однако, твердо уверен в двух вещах: во-первых, нам не скажут всей правды, во-вторых, преуменьшат вред и ущерб. Это для меня само собою разумеется. Сейчас я смотрю на дело чуть-чуть иначе, объективнее, как мне кажется. Конечно, советская власть на то и была советская, чтобы врать всегда и обо всем — как по необходимости, так и без всякой необходимости. Но сегодня я знаю, что правительство любой страны инстинктивно не любит огорчать население плохими новостями, мысль о спокойствии, стабильности — главная мысль, с которой встает и ложится руководитель и самого демократического государства, и не «самого». Если власть будет лишена этого инстинкта, тогда чем она будет отличаться от общественности, от печати, которая на то и существует, чтобы выведывать всю правду о происходящем в стране и бить тревогу, неизменно преувеличивая опасности?

Вот почему многие из политиков, на которых лежит конкретная государственная ответственность, часто предпочитают отделяться общими словами или говорить то, что говорят все, что не вызывает споров. Лучше пусть тебя осудят за скучную речь, за бессодержательные высказывания, за банальности, чем твое неосторожное слово вы-

зовет нежелательные последствия. Всякому руководителю подчас приходится лавировать между правдой, здравым смыслом, личным мнением, интересами дела с одной стороны и предрассудками, ожиданиями, настроениями публики — с другой. Интересы и понятия управляющих и управляемых, власти и общества не всегда совпадают. Между ними идет постоянная борьба, «перетягивание каната». Постепенно выработались способы, позволяющие соблюдать равновесие, ограничивать, пресекать уклончивость одних и злонамеренную дотошность других. Я говорю о демократических законах, правилах, процедурах и обычаях, которые вынуждают управляющих всегда считаться с правом управляемых знать, как обстоят дела в стране.

За годы руководящей работы, особенно на посту президента, я привык, что люди думают: раз ты большой начальник, то ты обязательно знаешь об интересующем их вопросе что-то особенное, что-то такое, чего не знает никто, что-то очень страшное (не очень страшного ведь не скрывают). К аварии на Чернобыльской АЭС это относится в первую очередь. Об этой аварии и ее разнообразных последствиях говорить все еще исключительно трудно и рискованно, особенно политику, государственному деятелю, занимающему высокий пост. Слишком много людей, которые ждут того, что им хочется слышать, а слышать подавляющему большинству хочется в данном случае только плохое. Ответственное лицо, не пытающееся сгущать краски, а тем более решившее сообщить что-то утешительное, сразу оказывается под подозрением.

Так вот, сразу скажу: в отношении Чернобыльской аварии я разделяю то мнение, что самого важного, самого интересного и страшного не узнает никто и никогда, потому что узнать это невозможно в принципе. Ведь самое важное, интересное и страшное вот что: как люди могли одновременно совершить столько невероятных, невообразимых ошибок, таких чудовищных глупостей, которые просто не могли прийти в головы людям (тоже людям, таким же людям!), которые конструировали реактор и проектировали станцию?! И это самый главный научно-технический урок Чернобыля, а может быть и не только научно-технический, а философский — философский, но имеющий практическое значение: в таких делах надо предусматривать невероятное. От человека можно ожидать всего. Надо допускать, что люди могут вести себя, как вдрызг пьяные, будучи при этом трезвыми, как сумасшедшие, будучи при этом вменяемыми, как зло-

умышленники-самоубийцы, никому не желая при этом погибели и не собираясь гибнуть. Мы привыкли, что конструктор автомобиля не может и не должен предусматривать, что кто-то решит использовать это изделие в качестве парашюта, а отныне будем знать, что есть такие изделия, конструируя которые нужно иметь в виду и что-то подобное.

В начале 2002 года в печати появился отчет Научного комитета по действию атомной радиации (НКДАР) ООН «Человеческие последствия ядерного инцидента в Чернобыле». Этот отчет назвали сенсационным, поскольку в нем утверждается, что последствия аварии, в том числе отдаленные, сильнее всего преувеличены в массовом сознании, подпавшем под влияние панически настроенных специалистов, литераторов, журналистов и экологов-любителей. Отчет не явился для меня новостью. Все, что в нем обобщено, я до этого читал в разных документах, слышал от разных специалистов и политиков. С чем-то трудно было не согласиться, факты — упрямая вещь, о чем-то хотелось сказать: ну и что? Например: ну и что с того, что большинство людей пострадали и страдают не от радиации, а от страхов? Для государства, которое обязано им помогать, для человечества главное все-таки то, что они страдают, не так ли? Другое дело, если бы своевременно, сразу после взрыва, были приняты меры для предотвращения того, что академик Амосов назвал «проблемой, раздутой писателями и политиками». Те самые газеты, которые много лет подряд «раздували проблему», после публикации ряда научных материалов, в том числе и упомянутого отчета ООН, насчитали семь выдумок о Чернобыле, семь «мифов». Охвачено и оспорено все «самое плохое»: и рождение детей-уродов, и тысячи смертей от лучевой болезни, и то, что Чернобыльскую АЭС надо было закрыть во избежание нового несчастья...

В связи с этим я должен ответить — и людям, и себе — на ряд вопросов, которые прямо касаются меня, моей деятельности, моей личной причастности и ответственности: считаю ли я правильным закрытие Чернобыльской атомной станции, выделение больших средств на ликвидацию последствий аварии, в том числе на помощь ликвидаторам, усилия получить побольше «чернобыльских денег» от западных стран — в общем, все то, что некоторые специалисты и политики, а за ними и обыватели, теперь считают неправильным, лишним, необязательным. Но кому-кому, а политику должно быть хоро-

шо известно, что «неправильное» и «ненужное» — не всегда одно и то же. Ненужное с экономической точки зрения может оказаться необходимым с политической точки зрения. Технически, экономически верное решение в условиях, когда люди не способны его понять и принять, когда оно способно вызвать разрушительное противодействие, тяжелые внешнеполитические последствия, — такое решение трудно счесть правильным. Это азбука демократической политики, да, в общем, и не только демократической. Так вот, и закрытие Чернобыльской станции и почти все, что предпринималось украинской властью в этой важнейшей сфере нашей внутренней и внешней политики, я считаю правильным прежде всего потому, что наши действия ожидалось и воспринимались как правильные всем миром, населением планеты, а идти против такого течения обошлось бы намного дороже, не говоря уж о том, что береженого все-таки Бог бережет. Правда, когда мы сделали все, что от нас ждали, мы не получили того, что нам обещали, и это обидно, чтобы не сказать резко. Понятны трудности, с которыми сталкиваются западные правительства в отношениях со своей общественностью, чьи настроения переменчивы, как майский ветер, но так тоже нельзя, и мы будем продолжать это говорить нашим западным собеседникам.

Не знаю, всех ли устроит мой ответ насчет закрытия Чернобыльской АЭС и всей этой проблематики. С одной стороны, это уклончивый ответ, а с другой, согласитесь, — такой прямой, что прямее, по моему, некуда.

НА КАКОМ МЫ МЕСТЕ

Даже сегодня не очень просто понять, что из себя представляет экономика Украины — слишком велика ее теневая составляющая. В 1991 году это было и вовсе невозможно, но по другой причине. Первые месяцы независимости наше министерство промышленной политики занималось выявлением заводов на территории Украины. Ведь большинство так называемых режимных предприятий замыкалось на Москву, на разные союзные министерства, и существовали на украинской земле совершенно экстерриториально.

Как раз в это время, в конце 1991-го — начале 1992-го, в Москве шла своя чехарда, ликвидация и слияние министерств, война бывших

союзных с бывшими республиканскими, и добиться информации по номенклатуре продукции этих заводов и схемам поставок было в большинстве случаев совершенно нереально. Наша судостроительная промышленность оказалась, фигурально говоря, обезглавленной, потому что соответствующие проектные институты остались в Петербурге (или он в то время был еще Ленинградом?). И все в таком духе.

Помню, как в 1990-м или в 1991 году на страницах многих наших газет мелькали какие-то лихие немецкие ребята, выдававшие себя за экспертов, и предрекали независимой Украине немедленный рывок пусть не на первые, но на достаточно почетные места в Европе по большинству социально-экономических показателей. Их пророчество подтвердилось лишь применительно к двум показателям: по территории и числу жителей мы действительно на лучших местах в Европе.

Выше я описал основные ошибки, допущенные в Украине при переходе к рынку, и основные неблагоприятные факторы нашего стартового периода. Как следствие, у нас сложились разбалансированная экономика, деформированная структура производства, искаженная по своей сути система отношений собственности — искаженная потому, что значительная часть этих отношений базируется на теневых, коррупционных началах, причем существует опасность закрепления такого положения вещей на долгий срок.

И тем не менее, повторюсь, не все так безнадежно. То ли в нашей экономике, то ли в самом нашем народе оказался заложен огромный запас сил самоисцеления и саморегуляции, и эти силы наконец начали действовать.

Сегодня долгий разрушительный кризис 90-х явно идет к концу, налицо процессы стабилизации. Со второй половины 1999 года в экономике началось и с тех пор без перерывов и заминок продолжается то, что Андрей Илларионов, советник российского президента, назвал «взрослым ростом». Правда, я считаю, что пока это еще не совсем заслуженный комплимент. В украинском машиностроении доля высокотехнологичной продукции составляет всего около 10 процентов. Слишком большая доля прироста промышленного производства достигнута за счет работы на экспорт нашей металлургической и химической промышленности. А это значит, что мы слишком привязаны к конъюнктуре внешнего рынка. Идеал народного хозяйства — обслуживать емкий и требовательный внутренний рынок, вот тогда возможен «взрослый рост».

Что такое «взрослый»? Если увеличение хозяйственных показателей вызывается счастливым скачком цен на сырье или первым шевелением отраслей, которые до того были скорее мертвы, чем живы (от нуля легко наращивать проценты), это не рост. «Взрослый» рост — это реакция промышленности на благоприятные и осмысленные изменения в налоговой, законодательной, инвестиционной, таможенной политике государства. Таких изменений у нас еще крайне недостаточно, тем ценнее та благодарная реакция промышленности, которую мы наблюдаем. Украина шла к этому долго и трудно — преодолев в 1998 году нижнюю точку падения экономического потенциала страны и жизненного уровня людей. Пока мы лишь в самом начале положительного процесса.

Рост промышленного производства в Украине в 2000 году составил 12,9%, сельского хозяйства — 7,1%. В первом полугодии 2001 года в Украине наблюдался наибольший рост промышленного производства среди всех стран СНГ — сразу на 18,5% (в России, для сравнения, на 5,5%). Причем не за счет сырьевой составляющей, которая у нас гораздо меньше, чем в России. В среднем же четыре года подряд (со второй половины 1999-го) наш ВВП растет быстрее всех в Европе, выше семи процентов. Этот рост нами обеспечен без западных вливаний, какими пользовались, например, Польша и Венгрия в годы экономического подъема в этих странах (сейчас там темпы роста — полтора-два процента). Оживление заметно и по косвенным признакам. Специализированные бизнес-сайты в Интернете отражают бьющую ключом деловую активность, выходят десятки газет деловых объявлений, некоторые толщиной в палец, повсюду строится великое множество индивидуальных домов, торговля стройматериалами процветает, автомобилей на улицах уже больше, чем хотелось бы. Иногда хочется поплевать через плечо...

По страницам печати гуляет много соображений относительно нынешнего состояния украинской экономики, много цифр и любительских «рейтингов». Одно из самых любимых увлечений нашей оппозиционной публицистики — помещать Украину в самый хвост мирового развития, куда-нибудь между вчерашними колониями из тропической Африки. Но, смею уверить, Украина не опускалась так низко.

Когда мы говорим, что в нижней точке спада наш экономический потенциал уменьшился наполовину и даже чуть больше, надо ясно представлять себе, от какого уровня происходил спад.³⁴ Спад не

бывает одинаковым по всем позициям. В тех отраслях, где Украина была особенно глубоко вовлечена в общесоюзное разделение труда и где произошел обрыв производственных связей, спад превысил двукратный. В других же отраслях он был менее драматичен. Смертельно опасным было не само по себе сокращение производства, упавшего до уровня начала 60-х. Если бы дело было только в этом, можно было сказать себе: ну ведь жили же мы в 60-е, и песни пели. Сильнейшая социальная опасность проистекала из неравномерности распределения удара по разным группам населения.

То, что в Украине был сохранен социальный и этнический мир, я считаю главной заслугой ее руководства — кто бы ни стоял у руля страны — за все десять лет независимости. Это была работа, невидимая обществу. Иногда приходилось переходить на «ручное управление» экономикой и финансами. В теории это ненормально, но на практике спасало положение. Например, устранить огромную задолженность по пенсиям удалось только благодаря волевому решению нагрузить дополнительным налоговым бременем дорогостоящие потребительские товары, предметы роскоши. Тщательно все взвесив, я понял, что это единственный выход, и издал соответствующий указ.

Отказавшись от прямого государственного регулирования, украинское государство долгие годы не могло найти других рычагов воздействия на экономику — рычагов, пригодных в рыночной среде. Лишь в последние два года мы стали ощущать эту «обратную связь». Чтобы она действовала надежнее, важно понять, где мы сейчас?

В Австрии есть пользующийся мировым авторитетом Венский институт международных экономических сравнений (WIIW), он каждый год выпускает, среди прочего, тщательно подготовленные доклады об экономике посткоммунистических стран Европы. Меня заинтересовали его оценки внутреннего валового продукта (ВВП) Украины, поскольку независимая и грамотная оценка со стороны помогает увидеть то, что ускользает от «замыленного взгляда внутреннего наблюдателя» (это я цитирую одного обществоведа).

Внутренний валовой продукт — это обобщающий показатель экономической деятельности страны за год. Он рассчитывается по очень сложной методике и изобретен специально для того, чтобы стало возможно сравнивать хозяйственную мощь разных стран между собой.

Страны трудно сравнивать на основе данных о выпуске продукции: одна страна производит много чугуна, другая — много самолете-

тов, кто кого обогнал? Но это еще не все: помимо товаров, в ВВП входят услуги. Как сравнивать прокат металлов в одной стране с прокатом автомобилей в другой? Ясно, что сравнения возможны только через денежный знаменатель. Но каждая страна рассчитывает свой ВВП в собственной денежной единице, и чтобы свести в одну таблицу сорок стран с сорока валютами, их приводят к одной валюте, чаще к доллару. Иногда это делают на основе обменного курса, что, как выяснилось, лишь вводит в заблуждение. Себестоимость любой продукции и цены в разных странах совершенно разные, поэтому сравнения приобретают смысл, только если их делают через паритет покупательной способности, рассчитанный для каждой страны отдельно.

По этому паритету, как рассчитали австрийские ученые, наш ВВП в пересчете на душу населения составлял в 2000 году 3680 долларов США. У России этот показатель равен 7780 долларам, у Польши — 9450, у Болгарии — 5640. Сходным образом оценивает наш экономический уровень и Всемирный банк, который ведет собственные расчеты и публикует их в ежегоднике «Показатели мирового развития» («World Development Indicators»). По оценке специалистов Всемирного банка, ВВП Украины на душу населения составлял в 1999 году 3360 долларов по паритету покупательной способности. Всемирный банк поместил нас, таким образом, в одну лигу с Китаем, чей показатель в 1999 году был равен 3550 долларам. Не такое уж плохое соседство.

Без пояснений все эти цифры непонятны. ВВП на душу населения — это не доход на душу населения. Было бы неплохо иметь в Украине такой доход, по 300 долларов в месяц на каждого, включая стариков и младенцев, но до этого пока далеко. Приведенные цифры кажутся большими только в отрыве от показателей более продвинутых стран. Скажем, в Соединенных Штатах ВВП на душу населения составляет 31190 долларов, в Люксембурге 41230, в Швеции 22150.

Возможно, кто-то из моих читателей уже умножил на бумажке приведенную выше цифру душевого ВВП Украины в 2000 году по данным Венского института (3680 долларов) на численность нашего населения и пришел к выводу, что истинный размер ВВП Украины (без учета теневой составляющей) равен 181 миллиарду долларов. А истинный ВВП России (и тоже без теневого приварка) зашкаливает за триллион (1130 миллиардов)!

Поинтересуемся в сводках украинского Госкомстата: каков наш ВВП по его оценке? Мы увидим очень близкие цифры — но в гривнах! В 2000 году наш ВВП составил 175 млрд гривен, в 2001 достигнет, видимо, 187 млрд гривен.

Понятно, что перерасчет нашего ВВП через паритет покупательной способности никого в Украине богаче не сделал. Зато стали корректнее сравнения с другими странами. Ведь сам этот показатель изобретен, напомню, ради того, чтобы такие сравнения оказались возможны. Нелепо думать, что по душевому ВВП мы отстаем от США в 50 раз — а ведь именно так выходит, если оценивать гривневый ВВП Госкомстата по курсу уличного обменника. Достаточно печально уже то, что мы отстаем от США почти в 8,5 раз и в 6 раз — от Швеции.³⁵

Упрощая, можно сказать, наверное, и так: по ценам США в долларах стоимость нашего ВВП, грубо, впятеро выше, чем по украинским ценам в гривнах. Это лишний раз свидетельствует о том, что Украина в своей сути крайне соблазнительная страна для иностранных инвесторов. Только вот наши законодатели никак не решатся принять такие законы, чтобы инвесторы выстроились к нам в очередь. Пока этого не произойдет, Украина будет оставаться «непривлекательной страной для иностранных инвесторов по причине неадекватного законодательства, чрезмерного административного регулирования экономики и своеволия чиновников» (это я процитировал одного из зарубежных экономистов). Наверное, и моим русским читателям эта оценка показалась смутно знакомой.

Представление об истинных размерах нашего ВВП очень полезно. Это напоминание нам самим о нашем потенциале, и оно вселяет оптимизм. Я не сравниваю качественные параметры. Простор для их улучшения в Украине пока безграничен. В Украине все еще производится много такого, чего в США производить уже никто не станет, даже за хорошие деньги. У нас искусственно поддерживается на плаву немало устаревшего, и переломить ситуацию может только настоящий рынок. Нам еще предстоит научиться производить то, что продается, вместо того чтобы из последних сил продавать то, что производится. Но мы учимся этому гораздо быстрее, чем о нас думают. Конкурентоспособность украинской экономики выше российской по ряду важнейших параметров. У нас более открытая экономика: экспорт составляет почти 60%, в России — до 25%. В годы

экономического подъема — 2000—2003 в России локомотивными отраслями были отрасли топливно-энергетического комплекса, который извлекал пользу из высоких мировых цен на нефть, а в Украине — отрасли машиностроения. За три года наш ВВП вырос на 20,9%, а продукция машиностроения — на 52,5%. Соответственно, в Украине сложилась и иная система накопления капитала. В России — за счет экспорта нефти, у нас — внутренние источники производства.

И, наконец, расчеты Венского института и Всемирного банка заставляют по-новому взглянуть на нищету нашего бюджета (и бюджетников). Эти расчеты подкрепляют уверенность, что новые собственники присваивают богатства в еще более неразумной пропорции, чем мы думали. Изменить такое положение дел может только сильное государство.

И Украина, и Россия (наши страны мало отличаются в этом отношении) одинаково виноваты в том, что дела сложились подобным образом. Пионеры наших реформ переоценили «невидимую руку рынка», которая, мол, все расставит по местам наилучшим образом. И в Украине, и в России государство более или менее выполнило главный завет молодого капитализма «не мешай!». Этот завет, вполне здравый в стране купцов, фабрикантов, заводчиков, банкиров, артелей и «товариществ на вере» образца 1911 года, был преждевременен в постсоветской атмосфере 1991 года. И в Украине, и в России государство разрешило «все, что не запрещено», отказалось от монополии на большинство средств производства, внутреннюю и внешнюю торговлю, большинство видов собственности и деятельности. Расчет был, да и остается, верным: в частных руках все обязательно заработает эффективнее и начнет, через налоговые каналы, наполнять казну более щедрым потоком, чем при социализме. Так оно и будет, но не при слабом государстве.

Обратной дороги ни Украине, ни России нет, Боже упаси нас от этого. Вновь отнимать и перераспределять Украина (во всяком случае) не будет. Мы одолели невероятной трудности перевал, надо идти вперед, укрепляя государство. В советское время, в условиях государственной монополии на все и вся, страна жила по схеме: «богатое государство — бедное население», точнее: «сперва нужды государства, а затем населения». В первой половине 90-х годов сложилась и очень прочно закрепилась другая схема: сперва богатеет население (не все,

к сожалению, а только те, у кого получается), а уж затем, как может — государство. Поэтому повторяю снова и снова: государство надо укреплять.

Ни венские экономисты, ни эксперты Всемирного банка не имели возможности сколько-нибудь достоверно оценить объемы теневой экономики Украины. Разброс мнений наших специалистов (40%, 70% и так далее) также говорит о том, что какие-либо достоверные представления о ней отсутствуют. Люди несведущие думают, что теневая экономика — это что-то вроде подпольных цехов советского времени. Но в том-то и беда, что «теневой» может быть продукция большого предприятия, имеющего вывеску и проходную. То, что произведено, но укрыто от учета и от налогов, то не попадает и в статистику. Особенно отвратительно, когда это происходит на предприятиях государственности. Низкая себестоимость неучтенной продукции обеспечивается здесь тем, что, помимо ухода от налогов, на себестоимость в этом случае не ложатся амортизационные отчисления и арендная плата, а порой и стоимость электроэнергии и даже сырья. Это воровство в чистом виде.

Мы не знаем ни объема «левого» строительства в Украине, ни масштабов «левых» перевозок, ни размаха «левой» горнодобычи, ни доходов «левой» фармацевтики или «левой» полиграфии. Налоговики, конечно, выявляют таких производителей, теневой сектор экономики будет неумолимо сжиматься, но от государства потребуются еще титанические усилия, чтобы заставить выйти из тени всех. Заставить — или побудить с помощью разумной политики. Теневая экономика не производит не пользующейся спросом продукции, а значит, заведомо оттянула на себя немало талантливых предпринимателей. Любой из них предпочел бы стать нормальным и уважаемым главой фирмы, а не просыпаться ночами в холодном поту.

Производители подпольной водки из тени, конечно, не выйдут, они просто закроют свое производство. Не выйдут из тени «обналичиватели» и другие продавцы криминальных услуг. Всех их со временем давят наши правоохранительные органы. Я уверен, что «детенизация» (как выразился кто-то) нашей экономики должна стать одной из основных задач украинского государства. Дополнительным призом для нас станет прирост экономических показателей: ведь выйдут наружу ускользающие ныне от статистики тонны, кубометры и гекалитры.

Вот сообщение с ленты новостей от 10 июля 2001 года: «В нынешней уборочной в Украине участвуют необычные комбайны — внешне они очень похожи на новенькие машины “Ростсельмаша”. Однако их подпольно собирают на небольших украинских заводиках из комплектующих, закупаемых преимущественно в Ростове-на-Дону. Подпольные “Доны” в степях Украины появились с легкой руки мелких коммерсантов, которые прежде занимались поставкой запчастей для ремонта сельхозтехники. В какой-то момент выяснилось, что практичнее и выгоднее собирать из новых запчастей новые же комбайны, нежели латать старые, которые все равно очень скоро снова выйдут из строя».

Я привел это сообщение не потому, что призываю порадоваться прибавке украинского парка комбайнов. Дела такого рода ведут к фактическому срыву нашего нормального сотрудничества с «Ростсельмашем» и поощряют появление новых криминальных цепочек. Однако на подпольную деятельность людей толкает не только алчность, но и наши неповоротливые законы. Крестьянину неважно, лицензионный комбайн или нет. Ему важно, чтобы комбайн работал в поле уже сегодня, и чтобы он мог этот комбайн оплатить. Мы имеем дело с системной задачей, решить которую будет непросто.

Я не без удивления в свое время узнал, что в послевоенной Западной Германии — Германии, которая для многих из нас просто синоним соблюдения законов, тоже процветала теневая экономика и «черный нал». Это было изжито постепенно, через подъем экономики и тщательное совершенствование правил ведения бизнеса. Теперь в Германии любой договор, контракт немедленно регистрируется — не помню где, ну, скажем, в Коммерческой палате — и ему присваивается код. До этого момента сделка недействительна. Контракт без кода Коммерческой палаты не является основанием для каких-либо действий — по нему не принимаются платежные поручения, не являются законными путевые листы и так далее. Сделано это для того, чтобы невозможно было заключить липовый договор, произвести какие-то действия — перевозки, поставку грузов и т. д., после чего обе стороны могли бы порвать каждая свой экземпляр или переписать его по-другому, и все шито-крыто. Регистрация не разрешительная, чтобы не создавать кормушку, а чисто уведомительная. Но строго обязательная. По государственной компьютерной сети можно проверить всю судьбу контракта, что обес-

печивает полную прозрачность бизнеса. По-моему, это очень разумно.

Нам бы крайне помог опыт Польши, Венгрии, Словакии, Чехии. Все они имели и имеют дело с теми же проблемами коррупции и теневой экономики, что и мы, но справляются с ними явно успешнее. Наши антитеневики должны радикально расширить совместные действия с коллегами из России. Тем более, что их противники по обе стороны границы налаживают связи без малейших бюрократических проволочек.

Кстати о России. Для меня совершенно очевидно, что теневая экономика развита там гораздо больше, чем в Украине. Я делаю такой вывод на основании очень простого наблюдения. Для меня, как инженера, самый красноречивый экономический показатель — это производство и потребление электроэнергии. К тому же, данный показатель, как уверяют статистики, труднее всего фальсифицировать. Так вот, в 1990 году в РСФСР было выработано 1082 млрд киловатт-часов электроэнергии, а в УССР — 298 млрд. Обе цифры — максимальные в истории России и Украины. В 2000 году в России произведено 876 млрд киловатт-часов, то есть 81% от показателя 1990 года. В Украине — порядка 165—170 млрд киловатт-часов, или 55—57% от показателя 1990 года. Нет сомнений, что рост или падение энергопотребления соответствуют росту или падению ВВП (как учтенного, так и — что особенно важно — неучтенного).

Конечно, эта задачка не для школьника. Чтобы ее решить, надо отделить непроеизводственную сферу, выделить потребление производственной сферы, вычесть экспорт электроэнергии и добавить импорт (обе статьи незначительны сегодня, но во времена единой энергетической системы СССР картина могла быть иной), но я не ставлю перед собой такую задачу. Для меня и навскидку ясно, что примерно одинаковое падение производства в двух странах должно было привести примерно к одинаковому снижению энергопотребления. Частично энергопотребление снизилось за счет экономии. В 1990 году работал затратный советский народнохозяйственный комплекс, электроэнергию никто особенно не жалел, расценки на нее были символическими. Тарифы же последних лет вызывают стоны товаропроизводителей, которые экономят всю и, хочешь не хочешь, начинают вводить энергосберегающие технологии. Это относится не только к Украине, но и к России. Там энергия тоже не де-

шева, никто ее не тратит «от пуза», вся производственная сфера жалуется и экономит.

Согласно статистике, в России, как и у нас, ужасные спады и провалы в целых отраслях — по металлорежущим станкам, самолетам, телевизорам и так далее, что ни возьми, — а затраты электроэнергии снизились всего на 19%. Как это понять? Да не будь никакого спада, ее за счет одной экономии должно было бы тратиться сегодня на те же 19% меньше! Ну, пусть на 15. Так велик ли спад, и есть ли он? Или, может быть, значительная часть производства просто перетекла в подпольные отрасли?

Помню, как «АвтоВАЗ» обвинили в выпуске 200 тысяч «левых» автомобилей. Я сейчас не о том, справедливо было это обвинение или нет. Гораздо интереснее, что никто не удивился. Общий отклик был такой: «А что? Вполне возможная вещь». И это очень показательно. Я предполагаю, что те огромные деньги, которые притекают в Россию (и так же легко утекают из нее) за счет продажи энергоносителей, создали там иную, чем у нас, деловую среду. Среду, где теневые проекты могут иметь размах, невообразимый в условиях Украины.

Это необыкновенно повышает для России опасность олигархического перерождения, но одновременно повышает для российского руководства и приз за вывод этого исполинского массива из тени.

Сравнительно большой разрыв между нами и Россией по душевому ВВП объясняется наличием у нашей соседки той самой большой ресурсной сберкнижки, о которой я говорил выше. Россия еще много десятилетий может извлекать из нее огромные суммы. Ей по плечу расходы, которые далеко не всегда можем себе позволить мы. Она даже имеет возможность создавать очень значительные, по любым меркам, валютные запасы. Однако надо помнить, что Россия — дорогостоящая страна сама по себе. Расходы на содержание такой исполинской территории поневоле крайне велики. Если пересчитывать на душу населения, в России много дороже обходится поддержание и развитие всех видов инфраструктуры, значительно выше расходы на отопление и обогрев, выше себестоимость сельскохозяйственной продукции. В России, по сравнению с Украиной, гораздо больше среднее расстояние, на которое перевозится единица груза. При правильной постановке дела все это не мешает, как показывает опыт Канады, наладить высокодоходное и конкурентоспособное хозяйство, но в России это произойдет еще не скоро. В настоящее время все перечисленные факторы

работают в ней как понижающий коэффициент, и поэтому реальный разрыв между Украиной и Россией далеко не так велик, как может показаться. Но он все же есть и сомнению не подлежит.

А вот наш отрыв от Польши (в два с половиной раза, по данным Венского института) и от Болгарии (в полтора) — это уже ближе к отставанию в более чистом виде.

Хотя Украина и превосходит Польшу по площади и числу жителей, две страны все же вполне сопоставимы и даже симметричны друг другу, только Украина обращена на юг, к Черному и Азовскому морям, а Польша — на север, к Балтийскому. Близки они и по плотности населения, так что «расходы на поддержание территории», которые ложатся на каждого жителя (не знаю, есть ли такой термин у экономистов), должны быть в наших странах почти одинаковыми. Чего у нас не было на старте, в отличие от Польши (и от Болгарии, и от России), так это уже готовой государственности. Оказывается, это совсем не пустяк. Думаю, что отсутствие полноценного государства отняло у нас минимум три, а то и четыре года. Хотя нужно видеть и другое. Все эти годы Польша получала очень большие инвестиционные инъекции с Запада, были списаны почти все ее долги, мы же обеспечивали рост (в особенности в последние годы) только за счет собственных ресурсов. Не случайно внешний долг Польши по отношению к ВВП более чем вдвое выше, чем украинский.

Не способствовало нашим реформам и отсутствие доверия к рыночным институтам. Социологи говорят, что частным предприятиям доверяют все еще немногим больше 10% населения Украины. До середины 90-х годов первое впечатление о рынке у нас (как, кстати, и в России) формировали всякого рода «трасты» и пирамиды, которые шумно лопались, оставляя обманутыми тысячи простаков. Из-за шумных скандалов отрицательное отношение к рынку у нас опередило появление настоящего рынка. Размеры случившегося несчастья трудно переоценить, ведь становление рыночных отношений — это новый путь, который Украина выбрала для себя навсегда; этот путь не должен был ставиться под сомнение буквально с самого старта. Менять неудачное и ошибочное впечатление о рынке придется долго, это тяжелая задача.

Даже если отвлечься от допущенных ошибок, переход к рынку вообще оказался для нас куда более сложным, чем для других стран

Центральной и Восточной Европы. Обычно говорят, что дело тут в нашем более долгом пребывании в условиях тоталитарного режима. Это, конечно, верно. Но есть причина важнее. Странам бывшего соцлагеря коммунистический строй был навязан извне, его туда принесла Красная Армия, и население этих стран не могло не помнить об этом. Навязанное извне приживается плохо, будь оно даже самым распрекрасным на свете. Освобождение от навязанного — всегда величайшее событие, радостное потрясение. Его анестезирующее действие таково, что испытания и трудности первого периода почти нечувствительны. Уверенность, что можно вернуться в некий довоенный золотой век (был ли он на самом деле золотым, совершенно неважно), давала мощную психологическую установку на перемены, порождала доверие к реформам и реформаторам. Реформы олицетворяли независимость, реформы были пропуском в золотой век и одновременно в Европу.

В Украине дело обстояло не совсем так. Украина хотела независимости, но миф о золотом веке изобилия и счастья, в который можно вернуться, у нас отсутствовал. Что-то отдаленно похожее было в семи наших западных областях, но это неполные 19% населения Украины. Рассуждая прагматически, можно сказать: если бы в Украине господствовало восприятие советского строя как навязанного извне, старт наших реформ оказался бы куда успешнее. Царило бы настроение: сжать зубы и перетерпеть, ради независимости будем есть лебеду, давайте нам все реформы сразу и поскорее. У нас же в 1991 году очень многие, горячо желая независимости, безотчетно представляли себе что-то вроде независимой УССР. Просто отделимся и будем жить. Причем жить сразу лучше, уж очень много нахлебников мы сейчас кормим.

Ситуация в России в чем-то совпадала с нашей, а в чем-то нет. 99% русских не думали ни о какой независимости, потому что им и в страшном сне не могло присниться, будто Россия от кого-то зависит. Акт о суверенитете России, принятый Верховным Советом РСФСР 12 июня 1990 года, выглядел в глазах большинства россиян как некое чудачество либо еще один ход в хитрой политической игре, смысл которой ясен пока лишь самим игрокам.

Украину (до Каменец-Подольска и Шепетовки) и Россию объединяло тогда ощущение, что советский строй, если и был навязан, то своими же. Большинство русского народа, как и большинство укра-

инского народа, привыкли считать этот строй, как бы он ни оказался плох, собственным изобретением — что, скорее всего, близко к истине. Социологические опросы показывают, что отношение к коммунистическому наследию в наших странах усредненно совпадает. Не случайна и постоянная близость процентов, набираемых коммунистами на выборах в Украине и России.

Об отношении друг к другу

ШУТОЧКИ

Несколько лет назад киевское издательство «Наукова думка» издало дневники Владимира Ивановича Вернадского за период между октябрём 1917-го и январём 1920-го, судьбоносное и роковое время Украины. Почему-то я взял этот коричневый томик из стопки новых книг, и, как часто бывает, он сразу открылся на важном месте.

Запись от 24 (11) ноября 1919 года, которую я хочу процитировать, Вернадский сделал в Ростове-на-Дону под впечатлением от разговора со своим знакомым, неким Юрениным, «об украинском вопросе». Для меня эта запись кое-что приоткрыла.

После того как 31 августа 1919 года в Киев вошли части белой армии генерала Деникина, деникинское «Особое Совещание» прекращает финансирование молодой Украинской академии наук. Большевики, до того семь месяцев занимавшие Киев, пощадили Академию. Они даже реквизировали для УАН пансион графини Левашовой по улице Владимирской, хотя на первых порах и смотрели на академию как на гетманскую затею, поскольку учредил ее в ноябре 1918 года гетман Павел Скоропадский. Для Вернадского, столько сделавшего для создания УАН, ее первого президента, прекращение финансирования было трагедией. Он и академик Степан Прокофьевич Тимошенко (впоследствии — член многих академий мира, крупнейший специалист XX века в области механики, вынужденно отдавший свой талант Америке) делают все возможное для спасения своего детища. Вернадский приехал в Ростов, добился встречи с Деникиным и спас Академию. Упомянутый разговор произошел незадолго до этого. Запись Вернадского я привожу в сокращении.

«С Юрениным горячий разговор об украинском вопросе. Он чуть не плакал. Я, кажется, наговорил лишнего. Исчезла у него справедливость из-за огромного патриотического чувства. Он защищал деникинский приказ, не понимая его оскорбительную и бестактную внешность. Во всем этом — отсутствие признания украинской культуры, стремление дать возможно меньше, желание ее гибели и разва-

ла. Моя точка зрения для людей этого типа — хороших и умных — чрезвычайно трудна для понимания. Их гордость господствующей расы мешает им понять ее основы. Равенство двух течений им почти органически неприемлемо. Мне говорили о неправильном толковании приказа. Люди, по существу, желая дать *minimum*, не знают, чего они хотят. Мечтают задержать то, корни чего и самые живые ростки вне пределов их досягаемости. Юрнев повторяет басни — все украинское движение на деньги немцев и австрийцев! Совершенно так же, как ограниченный князь Касаткин-Ростовский когда-то доказывал в комиссии Государственного Совета о смертной казни, что вся революция в России создана еврейско-масонской организацией!»

Неведомый Юрнев говорит с Вернадским как с русским, великороссом, поэтому откровенен. Он, судя по всему, не может понять, с какой стати Владимир Иванович якшается с «самостийниками» и от непонимания чуть не плачет. Здесь, в одном абзаце, вся суть подобных людей. «Равенство двух течений» для них неприемлемо «почти органически». Самая ключевая их отличительная черта, когда дело касается Украины, это «отсутствие признания украинской культуры», более того — «желание ее гибели и развала». И все это «из-за огромного патриотического чувства».

Такие люди, «хорошие и умные», уже несколько лет опять появились «в ассортименте». Иной раз поневоле начинаешь мысленно оценивать собеседника или партнера по переговорам: а не таков ли и ты, дорогой товарищ? Если бы Украина со дня провозглашения своей независимости 24 (11) января 1918 года осталась отдельным от России государством, три поколения русских («поколение», говорят демографы, это 26 лет) полностью привыкли бы к нашей независимости, и мы ныне относились бы друг к другу с тем же взаимным благожелательством, с каким современные шведы относятся к норвежцам и наоборот. Я не случайно привожу в пример именно их. Во-первых, эти два народа родственны примерно так же, как украинцы и русские, а во-вторых, Норвегия отделилась от Швеции в одностороннем порядке в 1905 году, что не так уж далеко от 1918-го. Шведы тогда едва не пошли на норвежцев войной «из-за огромного патриотического чувства», но мудрость перевесила, и раздельная жизнь двух стран воспринимается людьми сегодняшнего дня как нечто само собой разумеющееся.

С точки зрения дальней перспективы я смотрю на все это спокойно. Подобные ситуации не раз повторялись в истории, и все со

временем неизменно приходило в норму. Португалия дважды отделялась от Испании, а кажется, будто они всегда были сами по себе.

Однако следует считаться с тем, что мы имеем сегодня. Пока не прошли десятилетия взаимного привыкания к мысли, что Украина и Россия — отдельные страны, воспаленная ревность, недоброжелательность, уязвленность остаются скрытыми факторами наших отношений. Они действуют во встречных направлениях, и не учитывать их нельзя. Если кто-то тайно желает твоей культуре «гибели и развала», он ведь, при появлении такой возможности, сделает что-нибудь для ее гибели и развала, не так ли?

Что касается антирусских чувств, на их размах в бывшем СССР мне впервые раскрыл глаза один наш писатель. Дело было году в 1987-м, он вернулся из Сибири, с какого-то выездного мероприятия Союза писателей СССР, после которого была устроена поездка — ну, допустим, по берегам Байкала. История, которую он рассказал, произвела на меня тогда большое впечатление. В писательском автобусе было полтора десятка человек, а может и больше. Двое или трое были русские, москвичи, остальные из разных организаций: молдавской, армянской, таджикской и так далее. Говорю условно — ни имен, ни национальностей из этого рассказа я не запомнил. Люди были не первой молодости, так что не все выходили для осмотра каждой достопримечательности из автобуса. Однажды половина экскурсантов вышла, в том числе русские писатели, а половина осталась, и один из двух оставшихся украинцев сказал земляку, дескать, можно ненадолго расслабиться без «старшего брата». Это услышал грузинский (допустим) писатель и спросил: «А разве вы не во всем с русскими заодно?» И тут, говорит украинец, меня как прорвало, я все им выложил за несколько минут — про Андрусовский мир, про Мазепу, Грушевского, Скрыпника, про террор против интеллигенции, про русификацию. Они слушали с раскрытыми ртами, пока не пришлось сменить тему, поскольку народ начал возвращаться в автобус. Вечером собрались в чьем-то номере, и оказалось, что у каждого есть свой счет к России и к русским. Но все равно, говорил рассказчик, украинский счет был самый суровый. Все были потрясены, потому что до этого видели в Украине продолжение России. Отвел, говорит, душу, хоть и боязно было, не наступит ли кто, но ничего, обошлось.

Такая постановка вопроса была тогда для меня внове. Инженерно-научная и конструкторская среда «высокой оборонки» — это осо-

бый мир. В этом мире на первом (да и на втором) месте совсем не национальная проблематика. Мы были поглощены противостоянием с Америкой и о противостоянии с Россией не думали. Это не значит, что я был так уж наивен и обо всех украинских бедах слышал впервые, но в агрегированном виде (заговорил об инженерах и сразу приплывают инженерные словечки) мне их до того никто не преподносил.

Помню, я тогда сделал для себя кое-какие выводы. То, что людей из разных республик вдруг так прорвало, не могло быть случайным. Значит (это был мой первый вывод), русская длань тяжела для всех, это не выдумка и не коллективный писательский психоз. Люди умственного труда, для которых интеллектуальная свобода — главное условие бытия, к тому времени воспринимали жизнь в СССР как все менее и менее приемлемую. Второй вывод напрашивался такой: в глазах других народов СССР мы, украинцы — те же русские, нас мало различают. А в-третьих, вынужденное притворство унижает. Вот ведь вернулись московские коллеги в автобус, и пришлось менять тему.

К счастью, уже наступали новые времена, постепенно любые темы начали обсуждаться открыто, а это, как мне казалось поначалу, служило ручательством, что обсуждение не выйдет за рамки приличий.

Тут я сильно ошибся. Ни в коем случае не забывая об огромном вкладе журналистов в развитие демократических процессов, не могу не сказать следующее. По всему пространству СССР (вскоре он стал «бывшим СССР») начались печатные и эфирные перестрелки на национальную тематику. Восторг от возможности говорить свободно и безнаказанно воодушевлял тьму желающих говорить безудержно и безответственно. Мы не раз слышали фразу: «Не журналисты начинают войны». Те, кто помнит, как разгорались армяно-азербайджанский, молдавско-приднестровский да и другие конфликты, не подпишутся под таким заявлением. Журналисты, публицисты, писатели виновны в их разжигании не меньше, чем политики. Они рылись в кровавых страницах прошлого, они рисовали образ наций-выродков, они сделали все, чтобы раздалась первая выстрелы. То же самое было в Югославии. Вспышке военных действий там предшествовала резкая полемика средств массовой информации Сербии, Хорватии, Словении и Боснии. Именно СМИ провели эмоциональную артподготовку, взвинтив людей до предела. Они сняли тот психологический барьер, который не позволял даже представить себе, что сербы, хорваты и боснийцы могут начать стрелять друг в друга.

Думаю, что это никогда не делалось с изначально злым умыслом. У пишущих людей живое воображение. Событие трехсотлетней давности они воспринимают как случившееся час назад. Без долгих раздумий они обрушивали на голову малоподготовленного читателя и зрителя самые страшные откровения. Оказывается, сосед, которого он считал вполне приличным человеком, уже семьсот (или триста, или тысячу) лет пьет его кровь, он коварен, подл и неисправим. Если же кто-то пытался (после того как дело доходило до большой крови) даже не призвать к ответу, а просто упрекнуть таких авторов, всегда слышался гордый ответ: «Мы несли своему народу историческую правду».

Украину с Россией Бог уберег от подобного развития событий, но ядовитых стрел было выпущено немало. Мне, естественно, чаще попадались на глаза стрелы с украинской стороны. Кто-то живописал Россию широкими мазками: «Огромная тюрьма, вечный безграничный ГУЛАГ...», кто-то уверял, что Гитлер и Рем скопировали своих штурмовиков с опричников Ивана Грозного, а уж анекдотов, а уж карикатур, изображавших медведя в лаптях или ошипанного двуглавого орла с балалайкой, было не перечить. Долетали стрелы и с российской стороны, но в начале 90-х как-то реже, чем с нашей, — или мне это так казалось.

Было все же одно существенное отличие. Глупости, которые писали о России и русских наши газеты, оставались почти неизвестными в России, а вот не менее идиотские шуточки в российских СМИ про «сало в шоколаде» уязвляли в Украине очень многих. Это был первый наглядный урок «информационной асимметрии». Эта асимметрия представляет собой достаточно серьезную проблему.

На пороге нового века, когда антироссийская риторика, наконец, стала приедаться в Украине даже самым большим любителям этого жанра, вдруг выяснилось, что в России успела незаметно набрать силу весьма своеобразная украинистика. Появились почти научные труды, доказывающие, что Украина не несет человечеству никакой «особой культурной весты универсального значения» и даже что «Украина не имеет никакого геополитического смысла». (Гитлер, помнится, употребил то же словосочетание, когда писал, что Ленинград, после его захвата, следует сравнить с землей, поскольку его существование «не имеет никакого смысла».)

Или вот еще цитата — пусть никто не сомневается, абсолютно подлинная — и не столетней давности, а из 1998 года: «Национально

мыслящие русские люди обязаны ради будущего русского народа ни под каким видом не признавать прав на существование за государством “Украина”, “украинским народом” и “украинским языком”. История не знает ни того, ни другого, ни третьего — их нет. Это — фетиши, созданные идеологией наших врагов». Не называю автора, чтобы не делать ему рекламу, но хочу обратить внимание читателя на то, что не признавать Украину он призывает ради будущего (понятно, что светлого будущего) русского народа. Светлым будущим русского народа для таких людей, как известно, является имперское прошлое России. Он, стало быть, отдает себе отчет в том, что без Украины не было бы такого прошлого у России и что без нее Россия не сможет восстановить себя в имперском качестве. Таким вот, не совсем, надо признать, обычным способом он воздает Украине должное, и при этом, конечно, не ошибается. Так и было, как он думает, но так больше, конечно, не будет.

Иногда мы слышим укоры из России по поводу того, что на украинском книжном рынке появился «очередной русофобский пасквиль». Видимо, имеются в виду такие книги, как «Фінал Третього Риму», «Ментальність Орди» и им подобные. Я враг всякой русофобии, украинофобии и всех прочих национальных фобий. Хочу еще раз напомнить, однако, что появление книг такого рода — это один из «налогов на свободу», которые платит Украина, платит Россия, платит любое государство, где есть свобода слова. Тот факт, что никто не подает в суд на авторов за разжигание национальной розни, заставляет думать, что написаны они осмотрительно и имеют скорее антиимперскую, чем антирусскую направленность, что это сочинения энтузиастов, которые искренне полагают, что защищают Украину от новых бед и рассчитываются, как умеют, за старые.

А вот в России, помимо одиночек, появились целые коллективы. Они выпускают сборники («Испытание Украиной», «Обман века», еще какие-то), и число авторов, принимающих в них участие, говорит о том, что на ниве тенденциозной украинистики уже трудится изрядный ученый отряд.

О том, какую роль отвели бы Украине, если бы могли, некоторые из этих ученых, видно из следующей цитаты: «России совершенно не нужен сильный украинский президент, сильная Украина. Нам вообще не нужна президентская власть на Украине, будет лучше, если это будет парламентская республика... Наш национальный интерес со-

вершенно не состоит в том, чтобы Украина была мощной державой, с которой мы должны были бы считаться... России совершенно не нужен сильный, дальновидный, выдающийся государственный деятель во главе Украины... Для российской внешней политики Украина является испытанием. России, безусловно, не нужно, чтобы такое государство усиливалось».

Эти слова, обличающие исполина мысли, принадлежат как бы политику и одновременно директору института, занимающегося преимущественно украинистикой. Россиеведения, как мне говорили, в России нет, а украинистика есть. Я сам долго не был уверен, что будет лучше для Украины в дальнейшем: президентско-парламентская форма демократии или парламентско-президентская. Одно время я был против парламентского варианта, потом моя позиция смягчилась. Если демократический процесс идет в сторону усиления парламентского начала, с этим ответственному политику приходится считаться. Но в данном случае я хочу сказать о другом. Парламентская республика не обязательно всегда и везде есть слабая республика. Как знаем мы немало и президентских республик, которые слабее самых слабых парламентских. Но наш российский отрицатель принадлежит к особой школе политических мыслителей России. Раз им мечтается об империи, раз это их идеал, значит, во главе страны должен быть, разумеется, император, а пока нет империи и императора, пусть будет президент с царскими полномочиями. По их мнению, единоначалие для России — это очень хорошо, это лучше всего. А раз единоначалие хорошо для России, то оно, как им кажется, хорошо и для всех, в том числе для Украины. Украине они добра не желают, поэтому и пишут, что им в этой стране президентская власть не нужна.

Правда, исполины мысли имеются и у нас. Вот что пишет один из них (и тоже как бы политик): «Антиславянские российские силы по заказу Запада и США пытаются уничтожить Украину... Независимое от Украины развитие Российской Федерации непосредственно угрожает национальным интересам Киева... Наступление [военное] украинцев прорвет плотину общенародного недовольства посткоммунистической номенклатурой, и толпы повстанцев примкнут к украинским подразделениям, перейдут к активной подрывной деятельности в тылу федеральных войск, будут создавать подпольные ячейки радикального сопротивления на предприятиях, по месту проживания, в муниципалитетах. Лозунг создания единого трудового славянского

государства, поднятый на щит украинскими реваншистами, вызовет всплеск энтузиазма и гражданской активности широких слоев российского общества».

Если бы можно было замкнуть наших околополитических маргиналов на российских! Вели бы бурную переписку, им было бы весело друг с другом.

Когда российские СМИ бьют тревогу по поводу якобы запрещения русского языка в Украине, можно не сомневаться: кто-то из наших «профессиональных украинцев» опять сморозил что-нибудь бестактное, а российские СМИ, не так уж часто находящие для Украины доброе словечко, опять выдали эту бестактность за позицию украинского государства.

В свое время на меня произвели большое впечатление слова американского президента Джорджа Буша-старшего из его выступления 1 августа 1991 года в Киеве перед Верховным Советом (еще УССР) о том, что Америка не будет «помогать тем, кто склонен приветствовать самоубийственный национализм, основой которого является этническая ненависть». Мне очень понравились также слова президента ФРГ Йоханнеса Рау о патриотизме и национализме. Мой немецкий коллега сказал в своей инаугурационной речи в 1999 году, что разница между патриотом и националистом состоит в том, что патриот любит свою страну, националисту же нужно вдобавок ненавидеть другие страны и народы.

Авторитет и высокий статус авторов этих высказываний побуждают меня к некоторым пояснениям. Нередко те, кого у нас зовут националистами, по всем либеральным меркам — как раз патриоты. Однако поскольку они и сами себя сплошь и рядом называют именно националистами, конца недоразумениям и ярлыкам не предвидится. Излишне говорить, что оба президента имели в виду воинствующих националистов, которые возвышают свою нацию одним способом: пытаются принизить другие. Для таких националистов есть специальное название — шовинисты, но в антипатриотическом лагере любят делать вид, что националист и шовинист — одно и то же. В общем, не зря кто-то из мудрых сказал: определяйте значения слов, и вы избавите мир от половины его затруднений.

За 1990-е годы мы все видели и слышали стольких украинофобов, полонофобов, русофобов, юдофобов, что — недопустимая вещь! — почти привыкли к ним. Таким людям всегда трудно скрыть недобро-

желательство к соседу, тайное ликование по поводу того, что у него «корова сдохла». Очень характерна и воспаленная готовность к соседским проискам, стремление истолковать любой шаг соседа самым неблагоприятным образом.

Есть старая пословица: «Не ищи друга-потатчика, ищи поперечника». Но все-таки друга. И «поперечника» доброжелательного, старающегося тебя понять. Увы, с пониманием тоже проблемы. Надо смотреть правде в глаза: Россия плохо знает Украину.

То, что рядовой русский с трудом уясняет себе исторические беды и боли народов Российской империи и СССР, объяснимо, — человеку вообще достаточно трудно примерить на себя чужую ситуацию. Но я сейчас не о рядовых людях. Принятие государственных решений, касающихся другой страны, требует определенного уровня знаний об этой стране. Иногда закрадывается вопрос: а не проникает ли типичное для многих в России незнание Украины, представление о ней на уровне анекдотов о сале, на государственный уровень, на уровень политических решений?

Украину, вероятно, можно упрекнуть в незнании некоторых вещей, но в незнании России нас не заподозришь.

Объем накопленного зложелательства является проблемой всего постсоветского пространства. Помню, несколько лет назад один литовский эксперт обрисовал настроения некоторых политиков своей страны так: «У многих из них есть вполне определенное представление о границах Европы. Они имеют в виду восточную границу Прибалтики и считают, что дезинтеграция России была бы наилучшим выходом, поскольку оправдывала бы изоляцию России от Европы». Два удовольствия в одном флаконе: дезинтеграция и изоляция. У меня подобные мечты вызывают жалость к мечтающим. Очень похожими грезами, только прилагая их к нам, тешат себя и некоторые наши российские «доброжелатели», сочиняющие статьи о неотвратимых потрясениях, ожидающих Украину.

Как со всем этим быть? У демократических государств нет рычагов против своих «отмороженных», пока те не переступили закон, но подчеркнутым дружелюбием к соседям руководители этих государств могут и должны подавать пример своим гражданам. Это, пусть и не мгновенно, но в разумно непродолжительное время (сужу по Польше) передается и общественному мнению, и средствам массовой информации.

Борис Николаевич Ельцин сделал несколько заявлений в этом духе («Проснулся утром, подумай, — что ты можешь сделать для Украины?»), и даже как-то признал, что Россия вела «не самую правильную политику» по отношению к Украине, но, как человек импульсивный, был на своем посту не всегда последователен. К тому же его влияние на общественное мнение России было в последние годы совсем небольшим.

Психологи уверяют, что жителям стран, лежащих между Россией и Западной Европой, присуща особая психологическая черта — так называемый «экзистенциальный страх» перед реальной или воображаемой угрозой гибели своей нации. Гибель может наступить в результате лишения ее государственной самостоятельности, ассимиляции, депортации или геноцида. Венгерский историк Иштван Бибо пишет, что данная психологическая черта влияла и влияет на судьбу и политику восточноевропейских государств. Их «экзистенциальный страх» исторически связан с Турцией, Крымским ханством. У украинцев, белорусов и литовцев такой же страх — страх за свое существование как наций связан с Польшей. Позже его порождали Австрия, Германия, Российская империя и СССР. Германию перестали воспринимать как угрозу после Второй мировой войны.

Это отношение, воспитанное веками бедствий, вслед за крушением Германии сосредоточилось на СССР, а после 1991 года, к удивлению новой России, оказалось перенесено на нее. Такое восприятие России вызывает у нее раздражение, обиду и нечто худшее — Россия не понимает ни нашего, ни чьего бы то ни было «экзистенциального страха», ведь перед русскими никогда не маячила угроза оказаться этнической жертвой, быть превращенными в нерусских. Если русские ощущали себя жертвами притеснения, то в границах своего государства и больше всего — со стороны самого же государства, и не по этническим причинам. Западноевропейцам данный феномен также психологически далек и потому малопонятен. Выходит, его вообще трудно объяснить за пределами своего круга.

Если бы россияне хорошо понимали страхи своих соседей, это помогло бы улучшить политический климат в нашей части мира. Наши опасения за само свое национальное существование объяснили бы россиянам очень многое, в том числе настойчивое стремление ряда посткоммунистических стран под крыло НАТО (и Украина уже официально туда стремится). Эта подозрительность не навсегда. Чем

больше человечности, терпения, понимания и даже мягкости к тому, что, по ее мнению, является заблуждением, проявит Россия, тем скорее эта подозрительность пройдет, тем скорей утихнут и экзальтированные антирусские настроения. Такую политику сегодня проводит Путин.

ЗУД БОРЬБЫ

Если говорить об украинцах, мы, как народ великодушный, способны на удивительную смену восприятия буквально за одно-два поколения. На это обратил внимание историк Николай Костомаров. Изучая двадцатилетнее правление гетмана Ивана Мазепы, письма и документы того времени, отзывы путешественников и отчеты чиновников, он пришел к такому выводу: «Нельзя сказать, чтобы в те времена народ малороссийский питал какую-то привязанность к Русской державе и к соединению с “москалями”»; напротив, мы на каждом шагу натываемся на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями...» Тем не менее, Гетманщина осталась в составе России. Почему? Костомаров объясняет: «Народ остался верен царю [после перехода Мазепы на сторону Карла XII] не из какой-либо привязанности, не из благоговейного чувства к монарху, а просто оттого, что из двух зол надобно было выбирать меньшее. Как бы ни тяжело ему было под гнетом московских властей, но он по опыту знал, что гнет польских панов стал бы для него тяжелее. Под русскою властью, по крайней мере, оставалось для него всегда духовное утешение — вера его отцов, которую никак уже не могли попирать “москальи”, как бы ни относились они ко всем остальным народным правам». То есть Костомаров констатирует для периода на стыке XVII и XVIII веков, мягко говоря, неважное отношение простых людей Левобережной Украины к России на основании опыта первых десятилетий после Переяславской рады. Россия в то время для украинцев просто меньшее зло, и только.

Но вот «Руина», Полтава и другие потрясения остались позади, два народа прошли первоначальную притирку. Что же отмечает Костомаров? «Переберите все песни южнорусского народа [украинцев], все его предания, пословицы — нет тени недовольства слияния с Московиею, нет зародыша стремления к отложению; несколько посло-

виц, изображающих невыгодный взгляд на москаля, относятся к значению этого слова в смысле солдата и могут только служить доказательством тягости военного постоя для народа, но никак не вражды к великорусскому народу».

Если кто не знает: Владимир Иванович Даль приводит пословицы «С москалем дружись, а за кол держись», «Кто идет? Чорт! Ладно, абы не москаль», «От москаля хоть полы отрежь, да уйди!». Согласно Костомарову, они относились к солдатам на постое в украинских местностях. С одной стороны, «москаль» (солдат) не случайно стал синонимом русского, а с другой, как говорится, стерпелось — слюбилось. Для смены восприятия хватило одного-двух поколений после Полтавской битвы.

Стереотип поведения любого народа, а тем более его ценности и устремления с веками меняются, зато черты характера — такие, как отходчивость или, наоборот, злопамятство, суровость или мягкость, как уверяют психологи, остаются более или менее неизменными на протяжении многих веков. Думаю, что в этом отношении сегодняшние украинцы остались почти теми же, какими они были во времена гетмана Апостола и гетмана Разумовского. Это значит, что свободной России гарантировано полное дружелюбие со стороны свободной Украины. Надеюсь, оно будет взаимным.

Но мы живем в век современных коммуникаций и должны с этим считаться. Сегодня массовое сознание куда более уязвимо, чем при гетманах и царях. Нравится нам это или нет, оно становится все более управляемым. Все мы видели примеры того, как целенаправленная и умело проведенная кампания переламявала настроение миллионов. Вдобавок совершенно незаметно, чтобы пропорционально росло чувство ответственности СМИ — что наших, что российских.

При свободе прессы прошла уже изрядная часть нашей жизни. Цензура в СССР была отменена, если мне не изменяет память, весной или летом 1988 года, но и в предшествовавшие примерно полтора года она была достаточно мягкой. В общем, как ни считай, а свободной прессе уже немало лет. Те, кто полтора десятилетия назад впервые приобщались к газетам и телевизионным новостям, сегодня не просто выросли, но уже сами стали отцами и матерями. Вся их сознательная жизнь прошла в атмосфере не скованного цензурой слова.

Насколько я понимаю, на первых порах журналистов нет-нет, да и одолевал страх. Тем более, все время ходили слухи, что «эту лавоч-

ку» буквально на днях прикроют. И не столько прикроют, сколько прихлопнут. Тем не менее, журналисты сразу включились в борьбу. Сперва в защиту памятников культуры. По-моему, первый объект, который отстояла общественность Киева, был Голосеевский лес. Кажется, это было в конце 1987 года. Потом появились смелые статьи на тему Чернобыля. А когда цензура окончательно приказала долго жить, пришел черед нашей замалчивавшейся истории и духовного наследия.

Первое время московские газеты и журналы были живее и интереснее, но быстро раскрутились и свои. Мы стали узнавать про национальное возрождение 20-х годов и про «расстрелянное возрождение» 30-х, про Голодомор, про войну большевиков против церкви, узнавать неизвестные факты о нашей трехлетней независимости в 1917—1920 годах. Сквозь «белые пятна» украинского прошлого стали проступать поразительные лица и события. Мне кажется, миллионы людей испытали тогда чувство «открытия родины».

Довольно долго я оценивал роль прессы безоговорочно высоко. Один из первых ударов по моим завышенным оценкам нанесла газета «Московские новости». Поздней осенью 1991 года (точную дату память не удержала) она объявила, что в московском Белом доме обсуждается возможность будущей ядерной войны против Украины. Сейчас, за давностью, уже не восстановить, откуда взялась эта утка, но сам факт, что такое можно хладнокровно напечатать, потряс меня до глубины души. Я вдруг осознал, что для некоторых журналистов не существует вообще никаких табу и тормозов, они неспособны сказать себе: такая тема просто не могла обсуждаться в московском Белом доме. А еще я вдруг понял, что если бы встретился с тем, кто поставил этот материал в номер, то не сумел бы ему ничего доказать: у нас не запасено доказательств того, что выше холодной логики, ясно помимо слов.

О журналистской безответственности можно говорить долго, но есть риск уйти слишком далеко от темы украинско-русского обоюдного восприятия. Правда, одно связано с другим: тому, что через 10 лет после нашего «государственного развода» это восприятие (и видимое, и скрытое) стало таким, а не иным, мы во многом обязаны печати и эфиру. Не буду утверждать, что российские журналисты нарочно лепили отрицательный образ нашей страны. Это было бы политическое обвинение, а у меня нет таких данных. Полное впечатление, однако, что главные российские СМИ на протяжении 90-х го-

дов вспоминали Украину лишь по неприятным поводам. Неужели это все, что интересовало их аудиторию? В эту аудиторию входят, хочу напомнить, свыше 20 миллионов человек, имеющих в Украине родственников, не менее пяти миллионов украинцев, постоянно живущих в России (правда, вторая группа по большей части входит в первую), миллионы и миллионы людей, имеющих в Украине друзей и знакомых, и не меньше — просто интересующихся нашей страной. Все они видели на своих экранах (я сейчас о телевидении) Украину хоть и чаще, чем жители, скажем, Португалии или Японии, но типологически по тем же поводам, что и те — наводнение, взрыв на шахте, политический скандал, серийный убийца. То, что набор «информационных поводов», признаваемый достаточным в странах, едва знающих о нашем существовании, может признаваться таковым же в России, выше моего понимания.

Из российских газет постоянно и много пишет об Украине, пожалуй, одна «Независимая». Правда, рядом с материалами, исполненными здравого смысла, может располагаться огромная имитирующая знание предмета статья какого-нибудь имперского украиноненавистника. Такова редакционная политика — давать слово всем. Впрочем, еще батка Махно (кажется) довольно мудро говаривал: «Хай ненавидят, лишь бы любили».

Но даже «Независимая газета» редко проявляет интерес к темам за пределами нашей экономики и политики. Что уж говорить об остальных СМИ! В целом, как считают украинские аналитики, большинство российских газет рисует образ Украины как «государства, постоянно противодействующего России и ее интересам» и «не соблюдающего права русскоязычного населения». Такой образ опирается не на анализ, который встречается очень редко, — вывод дается в уже готовом виде. Есть еще несколько излюбленных тем: несанкционированный отбор газа, олигархи, львовские «бандеровцы». Сверх этого ничего интересного в Украине, как видно, нет. Да, еще в начале каждого лета по газетным страницам и экранам России в обязательном порядке прокатываются репортажи о поборах на российско-украинской границе, о притеснениях отдыхающих и об опасном загрязнении Черного моря вдоль крымских берегов. У нас уже не сомневаются, что материалы заказывают конкуренты крымских курортов.

Мне говорили, правда, что есть русские интернет-издания, освещающие украинскую тематику постоянно и не поверхностно, и что

их делает молодежь. Возможно, такое явление порождено естественным русским интересом к Украине. Этот интерес не может удовлетворить консервативная «бумажная» периодика, люди советско-московского воспитания, в чьих руках она находится, пока еще не в силах себе представить, что Украина хоть чем-то привлекательна для читателей вне тех или иных российских интересов.

Подобные СМИ (если замечают нас) убеждены, что российское руководство занимается «скрытым донорством» Украины, а отношения двух стран сводятся к всевозможным российским уступкам. Эту убежденность освятил своим авторитетом нобелевский лауреат А. И. Солженицын, писавший не так давно: «Не было ни одного раунда русско-украинских переговоров, в которых украинская сторона не взяла бы верх, далеко уйдя от кравчуковских беловежских “прозрачных границ”, “неразрывности русско-украинского союза” — до постоянной упорной украинской оппозиции против России и на арене СНГ, и на мировой. Российская сторона неизменно, шаг за шагом, все далее отступала, только отступала. Постоянно (и поныне) уступала экономически, пытаясь подкупить непримиримость украинской стороны». Я поверил бы столь авторитетному голосу, если бы не знал совершенно точно, как участник, что это не соответствует действительности. Суть любых переговоров — взаимные уступки, ничего другого человечество в переговорном искусстве пока не изобрело. Глубоко уважая Александра Исаевича, я готов послать ему пуд вырезок из украинских оппозиционных газет, без устали обвиняющих меня (а до меня — Леонида Макаровича Кравчука) в «постоянных и ничем не оправданных уступках России».

Думаю, что обвинения двух оппозиций зеркальны друг другу (единственная асимметрия — с украинской стороны нет фигуры, равной Солженицыну) именно потому, что Украина и Россия приходят к соглашениям через разумные компромиссы.

Обвиняя своих руководителей в том, что они постоянно отступают перед напором другой страны, СМИ тем самым демонизируют эту страну, рисуя образ чего-то ненасытного, непримиримого, безжалостного — варварского, короче. Обратите внимание, что эта констатация одинаково приложима и к российским, и к украинским СМИ.

Некоторая часть нашей прессы, включая толстые журналы, не устает уверять, будто москали спят и видят возвращение Малороссии в Российскую империю. Думаю, что даже те в России, кто ритуально

повторяет лозунг о «новом воссоединении», сами в него давно не верят. И нашим обличителям имперских реваншистов хорошо понятно, что те в него давно не верят. Но у нас не любят бросать хорошо раскрученную тему, это как бы не по-хозяйски, а украинцы — люди хозяйственные.

Однако дело не только в этом. Есть такая опасная вещь, как зуд борьбы ради борьбы; есть недовоевавшие. Читаю в «Зеркале недели»: «По иронии судьбы, украинский народ... получил независимость как-то противоестественно легко и просто» (это пишет Тарас Чорновил). Чрезвычайно интересная оговорка: «противоестественно». Естественно было бы, видимо, с кровью? Чтобы независимость воспринималась как прямое и немедленное следствие кровавой искупительной жертвы? Поклонников красоты стиля из числа пассионарных национал-романтиков отсутствие крови вполне могло разочаровать. Особая Божья милость избавила Украину от подобного стилистического совершенства, иными словами, от лишних жертв и крови на алтарь независимости. Достаточно этой крови было пролито в прошлом, с нас хватит. Украина все счета оплатила загодя. Но как быть с недовоевавшими? Зуд борьбы толкает их, среди прочего, на изобретение врага и его культ.

Питают это изобретательство и российская сторона. Я имею в виду не только претензии (слава Богу, вроде бы постепенно угасающие) отдельных безответственных политиков на Крым и Севастополь. С российской, с русской стороны все эти годы недоставало и недостает какого-то важного символического жеста. Не знаю, каков должен быть этот жест, да и не стал бы давать такого рода подсказки.

Я слышал от наших политологов такое мнение: «С самого начала не было проблем с российским признанием Украины на государственном, дипломатическом и прочих официальных уровнях. С некоторым запозданием, но утряслось и с политиками, кроме совсем уж маргинальных. Вовсю ездят к нам артисты. А вот процесс нашего признания русской общественностью, общественной мыслью, интеллектуалами, писателями и даже журналистами — кроме работающих в Украине — происходит как-то безумно медленно. До сих пор остается ощущение, что не все определились: есть мы или нет. Объем контактов непозволительно низок. Не смертельно, конечно, но как-то грустно».

Не потому ли у части украинцев сохраняется подозрение, что русские таят какую-то заднюю мысль насчет Украины? Ведь мы очень литературные народы, для нас страшно важны мнения «властителей

дум», мы придаем огромное значение написанному на бумаге. Тот факт, что не кто-нибудь, а сам Солженицын характеризует наши границы как «фальшиво измышленные, ленинские» и объявляет «государственным воровством» «присвоение [! — Л. К.] Севастополя», нас задевает куда больше, чем задел бы на нашем месте немца, итальянца, австрийца, швейцарца.

Наверное, можно представить себе украинский и русский народы в виде двух братьев, один из которых решил разгородить прежде общий участок, чтобы каждый зажил своим домом. И не только решил, но и сделал. Несмотря на споры по частностям, другой брат не противился этому, подписал бумаги о разделе. Но заметно, что в его душе остается холод. Пора бы ему с широкой улыбкой протянуть руку и сказать: «Я не хотел раздела, брат, но ты был вправе настоять, и я больше не спорю с тобой. Вот моя рука». Считаю, что пауза со стороны русской общественности затянулась.

Мне всегда казалось, что в простых людях России есть какое-то фундаментальное, связанное с Украиной чувство, отделяющее ее в их глазах от прочих народов. Встречное чувство, на мой взгляд, несомненно и у простых украинцев. У интеллигентов же с обеих сторон, как у людей «штучных», наличие или отсутствие особого отношения непредсказуемо. Потом все это подтвердила социология. Но она выявила и обычную в наших отношениях асимметрию. Россияне воспринимают Украину ровно, очень мало таких, кто испытывал бы к ней негативные чувства. А вот в Украине оказалось неожиданно много (около 20% опрошенных) тех, кто воспринимает Россию со знаком минус, хотя и знают украинцы Россию заметно лучше, чем русские Украину.

Среди русских всегда были сильны достаточно упрощенные представления о нас, а современные российские СМИ, по-моему, только усугубляют положение. Если единственно возможный вид «культурной новости» из Украины — это «гонения на русский язык» (чего, разумеется, нет — желающие могут поинтересоваться хотя бы статистикой издательского дела), то у русской аудитории должно сложиться впечатление, что в Украине не осталось ни кино, ни театра, ни музыки, ни живописи, ни зодчества, ни литературы.

Журналистика, как известно, воздействует на все. Мне говорили, что антиукраинские настроения проникают сегодня и в российские телевизионные сериалы, и даже в новейшую художественную литера-

туру, в кино. «Культурный» фильм «Брат-2» — образец антиукраинизма. Все это очень грустно.

Я поинтересовался тем, как освещали российские СМИ празднование 10-летия нашей независимости. Оказывается, российские телеканалы показали приезд в Киев Владимира Путина, парад на Крещатике да еще несколько кадров торжественного заседания и концерта. Что ж, спасибо и на этом. В прессе, за исключением «Независимой газеты», были поверхностные статьи, похожие одна на другую. В них часто повторялось слово «незалежность». Как видно, это слово, как и слово «самостийность», уже вошло в русский язык. Что ж, порадуемся его обогащению. Правда, те, кто употребляет эти украинские слова, почему-то полагают, что тем самым их тексты приобретают иронический характер. Но ирония — вещь тонкая. Из-за того, что она не терпит топорности, явственно видна лишь досада.

Но кое-что меня все же искренне поразило: оказывается, ни по одному из шести главных московских телеканалов не было 24 августа 2001 года ни фильма об Украине, ни специальной передачи. Вот и верь после этого, что в России телевидение под контролем государства! Ведь на уровне российского государства отношение к нашему юбилею было совсем другим. Достаточно прочесть текст приветственной речи Путина по случаю 10-летия украинской независимости, чтобы понять, какое значение придавалось участию российского президента в нашем празднике. О визите Путина в Киев всех оповестили достаточно загодя, кроме того, было объявлено, что 2002-й провозглашен в России годом Украины — а по телевидению, кроме информации в новостях, ничего. Почти не сомневаюсь, что так вышло само собой. Видимо, планируя передачи на август, не посчитали эту дату слишком важной. Если так, это крайне показательно, ибо приоткрывает вполне искреннее отсутствие интереса к Украине. Не у зрителей, конечно, а у тех московско-советских интеллигентов от сорока лет и старше на московских телеканалах и вообще в СМИ, которые решают, что для их аудитории интересно и важно, а что не очень. Такие люди (или следует говорить о прослойке?) — довольно любопытное явление. На них стоит немного задержаться, потому что именно они формируют видимую всем часть российского отношения к Украине.

Хоть я и мало пересекался в жизни с такими людьми, они мне теперь хорошо понятны. Воспитанные при советской власти, эти люди

остались «образованцами», хотя здесь нет их вины, только беда. Они не стали теми классическими русскими интеллигентами, с которых — за их отзывчивость к чужой боли и универсализм — когда-то брал пример остальной мир. То, что они с юности мечтали о свободе и тянулись к запретному, замечательно. Плохо, что, презирая все, по их мнению, «совковое», они ничуть не сочувствовали самим «совкам». Скрываемую советской цензурой информацию они добирали через Сам- и Тамиздат, но их мало трогал тот факт, что украинские интеллигенты, «ищущие правду» тем же способом, рисковали гораздо больше — известно, что украинские советские власти обращались с распространителями и читателями запретной литературы намного строже, чем российские советские. Украинцы вообще всегда находились на периферии российского диссидентского сознания. Эти милые москвичи так и остались — не все, конечно, но в большинстве своем — слепы и глухи к Украине, к ее истории и культуре, к украинской правде и украинской боли, украинский мир остался им чужд и незнаком — больше, пожалуй, незнаком, чем чужд.

Справедливости ради скажу: почти все украинское, что могло попасть, без специальных поисков, в поле зрения этих московских интеллигентов, было безнадежно «совковым». Переводившиеся на русский книги наших «лауреатов» были чаще всего фальшивы и конъюнктурны. Наверное, именно эти перлы культуры создали у людей, о которых я говорю, искаженный и несправедливый образ Украины, а углубляясь в предмет они не испытывали желания.

И сегодня, если они обращаются, по той или иной причине, к украинской тематике, полужнание предмета, которое едва ли не хуже полного незнания, наполняет их тексты невежественными бестактностями. Это особенно заметно, когда какой-нибудь почтенный образованец берется просвещать читателей по украинскому вопросу «в целом» — обычно на фоне рассказа о своей поездке, после долгого перерыва, в Крым, Одессу либо Трускавец. Он бывает также склонен к разным неловким шуточкам, а то и к постыдным анекдотам «про хохлов». О «встречных» глупостях и клише с украинской стороны, о мазохистском раздирании язв я уже упоминал.

Коли об этом зашла речь: мне кажется, интеллигенты бывшего СССР должны обязаться предать забвению анекдоты с «национальными» сюжетами. Помню, с каким смаком мысль о том, что чукча не человек, внедрил в общественное сознание в 80-е годы один эстрад-

ный шут. Поначалу интеллигенция отторгала это непотребство, но потом попривыкла и довольно далеко зашла с тех пор.

Задумывались ли мои русские друзья о том, что даже если бы Украина не имела других причин желать независимости, ей было бы вполне достаточно одной русской гордыни?

Я думаю, что истинное отношение России к Украине точнее отражают все же слова российского президента Путина в связи с 10-летним юбилеем украинской независимости: «Это наш общий праздник». Такие слова дорогого стоят. Не скрою, мы ждали их долго, все десять лет. «Наши особые чувства и отношения — даже не на годы, они на века», — добавил он.

Хочется думать, что всего через несколько лет, а они пролетят быстро, люди с трудом будут верить, что Украина и Россия испытали в конце XX века краткий период то ли охлаждения, то ли взаимонепонимания. Его нижняя точка, слава Богу, пройдена — пусть этого пока и не скажешь, переключая программы в Москве. Сквозь высокомерное равнодушие (или равнодушное высокомерие?) московских СМИ прорастает естественный и здоровый русский интерес к Украине.

Отношение друг к другу, конечно, не сводится к тому, что наша пресса пишет о России, а российская — о нас. Отношение проявляется и в таком, например, факте, что из нашего соглашения о свободной торговле (а мы его подписали еще в 1994 году) российская сторона по-прежнему делает немалые изъятия для важных групп товаров. Но, как прагматик, я предпочитаю не горевать о том, что сейчас эти изъятия касаются 9—10 групп, а радоваться тому, что еще совсем недавно эта сфера охватывала 37 наименований. Что ни говори, а подобные вещи поддаются направленной и упорной корректировке.

Может быть, правы циники, говорящие: чтобы по-настоящему улучшить отношения, надо их сначала немного испортить? Без этого, дескать, хорошие отношения никто не ценит.

О национальных героях

Есть несколько людей, которых взрослые граждане Украины видят очень часто — чаще, чем друзей и знакомых. Чаще, чем даже родственников, если только не живут с этими родственниками под одной крышей. Но видят они этих людей не одинаково часто. К примеру, Ивана Яковлевича Франко они видят реже, чем Ивана Степановича Мазепу. А Ярослава Владимировича, по прозвищу Мудрый, они видят чаще, чем первых двух. Потому что Франко украшает купюру в двадцать гривен, Мазепа — в десять, а Ярослав Мудрый — в две. Чем меньше достоинство купюры, тем, надо полагать, выше ее тираж, так что самое примелькавшееся лицо должно быть у Владимира Великого, он же Владимир Красное Солнышко, изображенного на одной гривне.

Отбор персонажей для украшения денег — задача ужасно сложная, кандидатов всегда слишком много. Чаще всего сюда попадают деятели отечественной истории, герои, знаменитые политики и военачальники. Но в некоторых странах к фигурам национальной истории люди относятся настолько по-разному, что, от греха подальше, предпочитают изображать на деньгах ученых, писателей, художников, которые никого задеть не могут, или памятники, виды городов. В Советском Союзе возникала другая сложность. Он состоял из пятнадцати республик, и если бы на одной купюре решили изобразить, скажем, Льва Толстого, возник бы законный вопрос: почему на других не изобразить Руставели, Навои, Шевченко и так далее? Вслух бы такой вопрос никто не задал, не те были порядки, но осадок бы остался. А советская власть лишнего осадка старалась не допускать. То есть, ей и не жалко было бы их всех изобразить. Но обычный набор денежных знаков редко превышает шесть или семь единиц. Есть ведь старые люди, которым сложновато помнить слишком большой набор. А тут пришлось бы помнить пятнадцать! Вернее, даже шестнадцать, потому что как же без Ленина? Он был вненационален, поскольку символизировал все советское и все социалистическое. Не в силах решить эту головоломку, в СССР на деньгах оставили только Ленина и Кремль. Кремль тоже надо было сделать наднациональным, для этого его изображали так, чтобы было видно здание Верховного Совета СССР.

У современной многонациональной России та же проблема. Конечно, в ослабленной степени, но та же. По-настоящему политкорректно было бы изобразить на деньгах людей, символизирующих автономные республики России — Салавата Юлаева, Шамиля и так далее, да и русских не забыть. Но число республик так велико, что об этом не может быть и речи. Поэтому в России на деньгах изображают что-то архитектурно-скульптурное. Я как-то поинтересовался, и мне показали. Не хочу огорчать моих русских друзей, но денюжки, прямо скажем, невыразительные. В нашей деревне у кого-то уцелела, помню, дореволюционная пятисотрублевка с Петром Первым. Вот уж деньга так деньга. Петр — в латах, взгляд — земля дрожит, а рядом Россия — на вид скорее украинка: глазастенькая, чуточку в теле и со скипетром.

Не стану уверять, что современные украинские деньги — шедевр искусства или полиграфии (хотя смотрятся они, по-моему, неплохо), но сам выбор изображенных на наших гривнах лиц мне кажется очень удачным и значительным. А еще я обратил внимание, что все они имеют то или иное отношение к теме моей книги.

Эти лица видит всякий, кто приезжает в Украину, но некоторым из приезжих они, увы, совершенно незнакомы. Однако почти всякий человек любознателен. «Ага, — думает он, — это самые великие люди Украины. Интересно, что же они совершили?» Не буду рассказывать обо всех, расскажу про деятелей нашей давней истории.

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

Владимир был третьим сыном князя Святослава. Первые двое, Ярополк и Олег, были от «благородной» Предславы, а Владимира родила Малуша, ключница (домоуправительница?) его бабки, княгини Ольги. Недовольная Ольга отправляет ребенка вместе с матерью с глаз долой в свою вотчину Бутудино под Псковом, где и проходит его детство.

Владимир не был ровней старшим братьям, но на его счастье новгородцы попросили Святослава о князе и прямо указали на Владимира. Поступить так им посоветовал брат Малуши Добрыня, сам новгородец.

Владимир княжил в Новгороде уже 7 или 8 лет, когда его братья рассорились, и Ярополк убил Олега. Опасаясь за жизнь, Владимир

бежит в Скандинавию. В Новгород он возвращается уже с варяжской дружиной. Подкрепив ее новгородским войском, Владимир с этого момента не останавливается, покуда не занимает отцовский престол в Киеве. С 980 года он великий князь Киевский. На пути к этому престолу им было пролито много крови, в том числе и кровь родного брата, но что поделаешь — он был еще язычник.

За крещение Руси Владимир приравнен к апостолам, его называют «святым равноапостольным». Он был не просто средневековый правитель малоизвестной тогда остальному миру страны, он был фигурой мировой истории. То, что без него ни Украина, ни Россия, ни Белоруссия не были бы тем, чем являются сегодня, доказывать не надо. Но мало кто сознает, что если история с «выбором веры» — не легенда, князь Владимир во многом определил и дальнейшую судьбу всей Европы.

А история эта, напомним, состоит в том, что веру Владимир выбрал не сразу. Для начала он выслушал пришедших в Киев иудеев, мусульман, греков и послов Папы римского. Все мы читали об этом диспуте, помним реплики Владимира. У иудеев, хваливших свою религию, он спросил: «А где же земля ваша?» (Через 960 лет Сталин, в ответ на предложение обменяться послами с Ватиканом, спросил: «А сколько дивизий у папы?»; питомец духовной семинарии, он помнил каверзный вопрос Владимира.)

После диспута киевский князь поступил вполне современным образом — отправил доверенных лиц «разузнать о верах». Вернувшись «от немец» жаловались, что «красоты не видели никакой», побывавшие у мусульман говорили: «Нет в них веселья, только печаль и смрад великий». И только из Царьграда посланцы вернулись в восторге: «Не знали, на небе или на земле мы».

Если бы Владимир выбрал ислам, что тогда? В годы его княжения ислам владычествовал на западе и отчасти юге Европы — в Испании, Португалии и Сицилии. Утвердился он и к востоку от Киевской Руси, в Волжской Булгарии. Владимир со своим дядей Добрыней «ходил» на болгар в 985 году, но заключил с ними договор (Добрыня сказал, что такой богатый народ, носящий сапоги, не будет платить дань, надо поискать лапотников). Русь уже тогда простиралась от Дуная до Балтики, и если бы она приняла ислам, Европа оказалась бы в мусульманских клещах. Не исключено, что эти клещи однажды сомкнулись бы, и сегодня мы с вами жили бы в мусульманской Европе.

Избери Владимир иудаизм, это привело бы, вероятно, к восстанию Хазарского каганата. Что это было такое? В 70 году после Рождества Христова римский полководец, будущий император Тит (римляне звали его «утехой рода человеческого») разрушил Иерусалим и рассеял евреев по свету. Семь веков спустя на просторах Причерноморья, Крыма, Северного Кавказа и низовьев Волги возник Хазарский каганат — единственная в истории попытка воссоздать иудейское государство вне Израиля.³⁶ Хазария просуществовала почти два века и все время воевала с Русью. На «неразумных хазар» ходил «вещий Олег». В былинах против Ильи Муромца бьется Жидовин-богатырь. В 965 году Хазарию разгромил не кто иной, как родной отец Владимира, князь Святослав. В княжение Владимира каганат, видимо, уже не существовал, но «вербовать» его приходили именно хазарские иудеи, которые продолжали жить на прежнем месте еще долго.

Теоретически Владимир мог остановиться и на «хазарском проекте», и тогда иудаизм воцарился бы от устья Волги, Дагестана, Тмутаракани, Крыма и Дуная до Балтийского и Белого морей. И все мировое развитие пошло бы опять-таки иным путем.

В случае же принятия Владимиром латинского толка христианства в Восточной Европе со временем могла утвердиться мощная коалиция славян-католиков, а то и единое государство, и это тоже означало бы существенно иной сценарий хода исторических событий.

Наконец, если бы выбор Владимира не пал на Константинополь, на константинопольский христианский обряд, то после уничтожения Византийской империи турками восточное христианство, православие, осталось бы локальной балканской конфессией.

Русь, в отличие от большинства других наций, принявших христианство, получила Священное Писание и церковную службу не на чуждой латыни, а в достаточно понятном переводе славянских апостолов Кирилла и Мефодия. Это сделало наше православие гораздо более народной, домашней религией, чем католицизм.³⁷

Иногда я пытаюсь мысленно перенестись во времена Владимира Святого. Древние киевские названия делают историю живой. Народ киевский крещен был то ли в речке Почайне (ныне пересохшей, на Оболони) у ее впадения в Днепр, то ли в самом Днепре, и греческие священники, которых привез Владимир, стоя на плотках, «давали целым стаям людей имя одного святого». В Киеве есть Аскольдова мо-

гила, гора Шекавица, речка Лыбидь, Боричев взвоз, Половецкая, Печенежская, Татарская улицы, Золотые ворота. Наше тысячелетнее прошлое остается рядом с нами.

Слышал ли Владимир о путешествии Андрея Первозванного? Согласно преданию, апостол Андрей, любимый ученик Христа, проповедуя Евангелие «скифам», поднимался вверх по Днепру и вдруг сказал своим спутникам: «Видите ли горы эти? Здесь воссияет благодать Божия и будет великий город». Он водрузил на одной из гор крест, после чего направился не куда-нибудь, а к нынешнему Новгороду. Он много дивился там банными обычаям славян и водрузил еще один крест, над Волховом. К рассказу о проповеди Андрея историки относятся скептически, однако древние легенды не раз оказывались, к посрамлению маловеров, вполне точными. Так подтвердилось существование гомеровой Трои, подтвердились плавания в Америку до Колумба и много чего еще.

Знал Владимир это предание или нет, но в любом случае, именно Новгород (город Владимиру не чужой) были крещены вторым после Киева, всего месяц спустя. Новгородцы оказались более закоснелыми в своем язычестве, Добрыне и Путяте пришлось потрудиться, чтобы загнать их в Волхов.

Владимир сам едет в Ростово-Суздальскую землю. Там он с двумя епископами крестит жителей Суздальского ополья и закладывает город Владимир Залесский. Следующим летом в Ростове Великом он вместе с митрополитом Михаилом крестит местных жителей в Ростовском озере. Затем Владимир окрестил в Оке жителей Муром. При Владимире были крещены и остальные части Руси — где с его участием (Кривичская земля — нынешняя Смоленщина и отчасти Белоруссия), где без. Москвы тогда не было, а то бы он окрестил и москвичей. Для современных русских Владимир — такой же Креститель, как и для нас, украинцев.

Став христианином, Владимир полностью переменялся — либо же переменялись рассказы о нем. В рассказах монахов Владимир до крещения и Владимир после крещения — это два совершенно разных человека. Ему стала невыносима любого рода жестокость. Если бы Евросоюз существовал уже тогда, Русь оказалась бы образцом для желавших вступить в него: из «Повести временных лет» мы знаем, что по совету херсонесских епископов Владимир ненадолго вводил смертную казнь для разбойников, шаливших на дорогах, но вскоре

его сердце не выдержало, и он отменил ее. Казнь была заменена вирой (штрафом).

Он открыл много школ. Правда, матери, провожая детей в школу, говорят летописцы, поначалу плакали о них, как об умерших. Владимир созывал людей со всего Киева, кормил их и поил, да еще велел развозить угощение для тех, кто не смог явиться на княжий двор, он стал «нищелюбив», он «приводил купечество в наилучшее состояние».

Около 1000 года Владимиром «посланы были в Рим, Персию, Палестину и Египет нарочные для описания земель тех, наук, нравов и тамошних правлений — таково-то далеко уже простиралось благонамерение великого Владимира для благоденствия своих подданных», — писал позднейший историк, собиравший крупницы сведений из преданий и житий святых владимирова времени. Смутные отголоски, которые до нас доносятся, часто без начал и концов, тем не менее рисуют образ правителя, опередившего свое время. Любому современному государственному деятелю было бы о чем с ним поговорить.

Владимир возвышается в нашей истории как человек, определивший всю дальнейшую судьбу Украины в гораздо большей степени, чем кто-либо еще. Как бы ни трудна оказалась эта судьба, она слишком дорога мне, чтобы желать иной. Уверен, что с таким же чувством вспоминают своего, нашего общего, Крестителя и россияне.

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

Ярослав Владимирович, по прозвищу Мудрый — сын Владимира Великого. Думаю, что это редчайший случай в мировой практике, чтобы на купюрах разного достоинства, но одного комплекта были изображены отец и сын. Ярослав попал сюда не потому, что выбор был мал, а потому что в любой полудюжине наших национальных героев без него никак не обойтись.

Пролог его жизни — настоящий шекспировский сюжет (ими вообще изобилует наша история вплоть до ордынского завоевания). Простор для творчества тем более велик, что многое неясно. То, что он сын Владимира, известно, но кто была мать? Сын ли он знаменитой красавицы, полоцкой княжны Рогнеды? Одни авторы говорят, что сын, у других сомнения.

Рогнеда была сговорена за брата Владимира, великого князя киевского Ярополка. Но время Ярополка истекало — на него шел от Новгорода Владимир (еще язычник) с новгородским войском и варяжскими наемниками. Полоцк был у него на пути, и он посватался к Рогнеде. Гордая Рогнеда отвергла его. Оскорблен был не только Владимир, счел себя оскорбленным и бывший с ним его дядя Добрыня. Они взяли Полоцк приступом, убили отца Рогнеды и двух ее братьев. Дело было для тех времен и нравов самое обычное. После этого Владимир женился на Рогнеде, назвав ее Гориславой.

Судьба Рогнеды-Гориславы печальна. У нее было от Владимира, по наиболее известной версии, три сына и две дочери. Но она все равно мечтала убить мужа, и однажды занесла над ним, спящим, нож. Владимир проснулся и перехватил ее руку. Он велел ей одеться в брачный наряд и ждать смерти. Рогнеда так и сделала, но вышел их десятилетний сын Изяслав, будущий князь полоцкий, с обнаженным мечом — защищать мать. Владимир простил Рогнеду.

Вскоре после этого Владимир крестился в Херсонесе, его языческие браки стали недействительны, и он объявил Рогнеде разрешение выйти замуж за одного из вельмож. Та сказала, что предпочитает монастырь. Потрясенный маленький Ярослав, услышав эти слова, говорит летопись, встал и пошел, а до того не мог ходить. Рогнеда действительно удалилась в монастырь под именем Анастасии.

Владимир поделил Русь между многочисленными сыновьями от пяти жен, определив, где кому «сидеть». Сам он оставался в Киеве, а Новгород, как вторую столицу, отдал старшему сыну, Вышеславу. Ярославу достался Ростов Великий. В 60 «поприщах» от Ростова, при впадении Которосли в Волгу, «бысть селище, рекомое Медвежий угол», где жили «человецы поганья веры — языцы, злы суши» и «не хотяху креститися». Ярослав пришел туда с епископом и священниками, но язычники «напусти от клети люта зверя и псов». Ярослав (хромой, между прочим!) рассек неведомого зверя секирой, а псы «неприкоснувшася никомуждо». В этом месте Ярослав заложил город, будущий Ярославль.

Вскоре в Новгороде умер Вышеслав, и Владимир «сажает» Ярослава в Новгород. Здесь молодой князь показал себя сепаратистом. Видя, что новгородцы хотят того же, он решил стать независимым государем обширной Новгородской земли и в 1014 году отказался от править 2000 гривен в киевский «союзный бюджет» (между прочим,

тогдашняя гривна — это около 200 граммов серебра). Узнав об этом, его старый отец, дороживший единством Руси, приказал: «Теребите путь и мостите мосты». Он решил лично покарать сына, но во время подготовки похода умер.

Старшим в роде остался Святополк, дядя Ярослава; он и занял киевский престол. Но киевляне его не любили, а любили князя Бориса, находившегося в это время в походе против печенегов. Видя это, Святополк (прозванный позже Окаянным) решил устранить вообще всех князей-соперников. С разницей в две недели его люди убили сперва Бориса, а затем Глеба.

События в Киеве пробудили в Ярославе государственника. С войском в сорок тысяч новгородцев он двинулся на Святополка. Началась многолетняя борьба за Киев. Врагами Ярослава в этой борьбе были сперва Святополк Окаянный со своим тестем, польским королем, а затем собственный младший брат, Мстислав тмураканский. Ярослав не раз отступал в Новгород, но всякий раз возобновлял натиск. Говорят, будущее отбрасывает свою тень. Предвещая разделы Украины в XVII веке, Мстислав и Ярослав разделили свои владения в 1026 году по Днепру. Ярославу досталось Правобережье с Киевом, а Мстиславу — Левобережье с Черниговом. Лишь в 1036 году Ярослав стал «самовластцем земель русских». Неподвластной ему осталась, по иронии судьбы, лишь Полоцкая земля — родина его матери.

Мы сегодня не вспоминали бы Ярослава с любовью и благодарностью, если бы, подобно десяткам и десяткам других древнерусских князей, он провел жизнь в одних лишь войнах. Он вошел в нашу историю не этим. Княжение Ярослава — это время высшего расцвета еще единой Руси, после которого она стала медленно, но верно клониться к закату и распаду.

Если его отец насаждал христианство силой и с помощью греческого духовенства, то Ярослав наладил подготовку священников на месте. В 1051 году он поставил митрополита не из греков, а (неслыханное дело!) уроженца Руси священника Илариона. Образованнейший Иларион, автор «Слова о законе и благодати» — наш первый философ и первый литературный классик. Ученые думают, что по смерти Ярослава он принял схиму с именем Никон в Печерском монастыре. Летописец Никон, автор «Повести временных лет», возможно, и есть Иларион.

Ярослава называли «нарядником Русской земли». Он оградил Киев каменной стеной с Золотыми воротами в ней и построил великолепный храм святой Софии, а всего при нем в Киеве насчитывали 400 церквей. Ярослав (или его сын) построил и новгородскую Софию. Помимо Ярославля, он основал город Юрьев — нынешний Тарту в Эстонии и ряд «городков» по реке Роси. Он сделал летописание обязательным, завел церковную музыку. В период наивысшего расцвета княжеской Руси Киев считался третьим по величине европейским городом, после Царьграда-Константинополя и Кордовы.

Ярослав приказал духовенству учить детей, для чего открывал школы по всей Руси, включая неслыханное по тем временам училище («учиться книгам») на 300 мальчиков в Новгороде. Он велел переводить книги с греческого и сам много их покупал. Летописцы пишут, что Ярослав все время «сам» читает книги. Свое собрание книг он отдал в библиотеку Софийского собора для общего пользования.

Ярослав был первым законодателем на Руси. При нем был составлен свод законов «Русская правда», подытоживший судебную практику его времени. В случае запирательства ответчика дело решал суд из 12 выбранных человек (чем не суд присяжных?). «Русская правда» вообще не предусматривала смертную казнь.

Даже его войны были продуктивны. В 1036 году он нанес решающее поражение печенегам, вечно угрожавшим Киеву, после чего те ушли к Карпатам и там затерялись. В 1043—1046 годах он вел последнюю войну с Константинополем, после которой был заключен вечный мир, а сын Ярослава женился на греческой царевне. Русь и Византийская империя с тех пор не враждовали.

Историки называют Ярослава «тестем и свекром Европы». Чаше упоминается его дочь Анна, ставшая королевой Франции, но он породнился и почти со всеми другими европейскими дворами. Будущий норвежский король Гаральд, прежде чем завоевать сердце ярославовой дочери Елизаветы, должен был драться со львами на царьградской арене, преследовать разбойников в Сирии и африканских пиратов, ходить к Гробу Господню в Иерусалим. Он воспел свои бранные подвиги в стихах, жалуюсь, что наша красавица холодна к нему.

Ярослав был, по сути, последним бесспорно общерусским великим князем. Он оставил детям завещание, где заклинал их беречь Русскую землю от междоусобиц. Но тщетно. Сохранять единство уже не было возможности, слишком далеки и непохожи были ее части. Внук

Ярослава, Владимир Мономах, имел под своим управлением только три четверти территории Руси, а дальше распад стал необратим. Князей становится все больше, накапливаются счеты и дразги, войны племянников с дядьями становятся главным содержанием послеярославовых времен.

В год смерти Ярослава (1054) произошло окончательное разделение христиан на католиков и православных. Трещина, разделившая христианский мир, на века разобщила наших предков с их западными соседями — поляками, словаками и венграми.³⁸

В России недавно появилась 1000-рублевая купюра, и на ней изображен тоже Ярослав Мудрый! Правда, верный своему стилю, российский Центробанк помещает на купюре не портрет, а памятник в городском пейзаже — в данном случае, памятник Ярославу в российском городе Ярославле. Припоминаю, что памятник открывали в конце октября 1993 года, недели через две-три после кровавого столкновения двух ветвей российской власти, на открытие приезжал сам Ельцин. И по-моему, наш «Рух» был недоволен, усматривал антиукраинскую интригу. Я допускаю, что в замысле памятника мог содержаться какой-то подтекст, но, как говорится, выветрился по дороге. Зато стоит памятник Ярославу, вполне благородный. Я бы не взялся доказывать россиянам, что Ярослав — не их князь.

БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

На купюре в пять гривен изображен Богдан Хмельницкий. Сегодня о нем немало споров, а вот в мои школьные годы он был, наоборот, самой бесспорной исторической фигурой, какую только себе можно представить: Богдан, мол, спас Украину от порабощения реакционной польской шляхтой и объединил ее (а точнее, воссоединил) с братской Россией.

В январе 1954 года я учился в 9 классе. В это время весь СССР с неслыханным размахом отмечал 300-летие этого самого воссоединения. Даже до нашей глуши докатывались волны всесоюзного ликования. По радио, во всяком случае, говорили об этом без устали. Я любил слушать радио и помню трансляции больших заседаний в Киеве и в Москве, и торжественных концертов потом. Почему-то запомнил, что между концертами были последние известия и в них

повторяли, что наш министр иностранных дел Молотов требует в Берлине у капиталистических министров иностранных дел уменьшить международную напряженность, а те не хотят.

В нашей школе тоже были какие-то скромные мероприятия, нам говорили о прогрессивном характере воссоединения. Почему прогрессивном, понятно. Трудовым людям Украины и России после этого стало легче бороться против панов и других угнетателей, потому что вместе всегда легче.

Судя по тому, как нам излагали историю, Украина появилась на свет с единственной целью: как можно быстрее воссоединиться с Россией. Причем появилась непосредственно перед воссоединением. До того ее как бы и не было. Была Киевская Русь, потом случилось Батыево нашествие, потом долго тянулось ордынское иго, а украинцев все не было и не было. Были «предки украинцев». Потом ордынские татары куда-то делись, но на наши земли стали посягать польско-литовские феодалы, крымские ханы и турки. А украинцы (тут-то они и появились) стали сопротивляться агрессорам. Однако в одиночку это оказалось тяжело. Украинцы помаялись, помаялись, да и решили воссоединиться с братской Россией. Подсказал же им такое разумное решение, а потом провел его в жизнь Богдан Хмельницкий.

Сегодня, когда наша независимость справедливо воспринимается нами как высшая ценность, у некоторых людей возникают недоумения по поводу Хмельницкого. Какой же он национальный герой, спрашивают скептики, если подарил нашу независимость Москве? Дело усугубляется тем, что на волне всеобщего интереса к истории издано (и внимательно прочитано!) множество исторических трудов, как новых, так и классических, с разными оценками деятельности гетмана. Приводят мнение крупнейшего украинского историка XX века Михаила Грушевского, который сомневался в целенаправленности усилий Богдана, цитируют суровые отзывы Пантелеймона Кулиша, вспоминают, что не слишком жаловал Хмельницкого Тарас Шевченко.

А вот народ украинский, «не подозревая о всех тонкостях и сложностях научной оценки Хмельницкого, всегда питал какую-то инстинктивную и поистине безграничную любовь к “батьке Богдану”» (это я процитировал украинско-канадского историка Ореста Субтельного). Даже в далеких и, казалось бы, навек оторванных уголках нашей земли люди слагали о нем песни:

Ой, Богдане, Богданочку,
Звільнив ти Україну,
То не забудь же, Богдане,
Нашу Буковину.

Не будем преувеличивать народную наивность. Народ любил Богдана как освободителя, прекрасно зная при этом, что он вверил судьбу Украины русским царям.

Впрочем, как фольклорные оценки, так и неблагоприятные отзывы, о которых я упомянул, прозвучали уже очень давно. Знай Тарас Шевченко, что выбранный гетманом путь, несмотря на его протяженность и тяготы, все-таки ведет к независимой Украине, он, возможно, нашел бы для Богдана какое-то теплое слово.

Для характеристики Богдана Хмельницкого сегодня недостаточно цитировать авторитетные высказывания прошлого. Принципиально изменившаяся реальность Украины бросила на нашу историю новый свет, под другим углом осветив многие лица и события. Я хочу рассказать о Богдане, каким он видится с высоты достигнутой Украиной независимости — рассказать в первую очередь тем, кто имеет о нашем великом гетмане не очень ясные представления. Сперва я просто хотел включить сюда текст своей речи, произнесенной 20 декабря 1995 года на торжественном собрании в честь 400-летия со дня рождения Хмельницкого, но потом решил написать о нем заново. Эта глава будет более пространной, чем главы о Владимире Святом и Ярославе Мудром, потому что гетман Богдан — очень непростая фигура.

Когда я готовил упомянутую юбилейную речь, мне попала цитата из воззвания Хмельницкого к казакам в связи с войной против Польши в 1648 году. В этом воззвании он призывал казаков следовать примеру своих славных и воинственных предков, под водительством Одоацера 14 лет владевших Римом. Помогавший мне историк объяснил, что, по убеждению Хмельницкого, племя ругов в Европе V века на самом деле было племенем русов. Военачальник же Одоакр (Одоацер, Одоацер), свергнувший в 476 году последнего римского императора и захвативший власть в Риме, был, по словам древнего историка Иордана, «genere Rogus», родом из ругов.

Я был совершенно поражен. Не тем, что Римом мог владеть рус, мне это безразлично. Я был поражен эрудицией Богдана Хмельниц-

кого. Значит, он был знаком с написанными на латыни трудами Иордана, имел какую-то свою концепцию древней истории и выводил из нее предназначение казачества. Это ведь не то же самое, что иногда бросить латинское изречение, это умели и школяры из гоголевского «Вия».

Мало того, ведь и у казаков Хмельницкого тоже должны были быть какие-то представления о Риме. Вдохновлять людей на великое дело можно лишь с помощью понятных им примеров. Я вдруг увидел наших предков XVII века в новом свете.

Читая об украинских государственных деятелях того времени, все время встречаешься со свидетельствами их образованности. Гетман Сагайдачный — автор сочинения «Об Унии», гетман Павел Тетеря мог вести разговор на латыни, а Мазепа и вовсе «был беглец во всяких речах». Когда Хмельницкого хоронили, стоявший у его гроба генеральный писарь запорожского войска Самойло Зорька говорил, рыдая: «Милый вождю! Древний русский Одонацер!» У многих гетманов Украины и у части казацкой старшины было, как бы мы сегодня сказали, приравненное к университетскому образование, некоторые из них имели опыт жизни или пребывания в европейских странах. Целый ряд киевских богословов учились за границей — кто в Голландии и Франции (Петр Могила), кто в Оксфорде и Италии (Адам Зерников).³⁹

Богдан (Зиновий) Михайлович Хмельницкий, родился, видимо, в 1595 году в Правобережной Украине, входившей в то время в Речь Посполитую, в семье мелкого шляхтича, чигиринского подстаросты. Учиться он отправился далеко от дома, в Ярослав Галицкий (близ Перемышля, ныне в Польше), в иезуитскую «коллегию», куда принимали и православных. Он не мог отправиться в Киев, так как киевская братская школа открылась только в 1615 году.

Отец Богдана верно служил польскому королю, и в 1621 году, уже сотником, пал в сражении с турками под Цецорой, когда погиб цвет польского войска во главе с гетманом Жолкевским (это был тот самый Станислав Жолкевский, что победоносно вступал в Москву 4 июля 1610 года). В битве при Цецоре участвовал и Богдан. Он попал в плен, оказался в Константинополе, научился турецкому языку и восточным обычаям, что ему потом пригодилось. Через два года он был выкуплен (обычная практика того времени), вернулся на родину и записался в реестровые казаки. Есть сведения, что он организовал

несколько морских походов запорожцев на турецкие города. В 1629 году казаки под началом Хмельницкого совершили налет на окрестности Константинополя и вернулись с богатой добычей.

В 1632—1634 годах Богдан участвует в русско-польской войне за Смоленск — естественно, на польской стороне, и получает от короля Владислава IV золотую саблю за храбрость. Завершив боевую карьеру, Хмельницкий начинает карьеру административную. В 1638 году он — генеральный писарь Запорожского войска, это высокая должность. Он не раз входил в состав делегаций к польскому королю и в польский сенат и сейм. Делегации приносили жалобы на притеснения, которым подвергаются казаки от польских магнатов и властей, и требовали свои «права и вольности рыцарские».

С королем найти общий язык было можно, но рассчитывать на понимание сейма и сената не приходилось. Казачья верхушка надеялась на уравнение ее в правах с польским панством. Эта надежда заставляла ее служить королю и проливать кровь в войнах Польши. Но варшавские аристократы приходили в ужас от мысли, что степные выходцы, «печенег», будут заседать вместе с ними. В своем ослеплении депутаты приближали великие беды Польши.

Несмотря на участие в этих антипольских делегациях, Хмельницкий не утратил доверия польского правительства и выполнял его политические поручения. В 1645 году он ездил во Францию, союзницу Польши, где вел переговоры об участии запорожских казаков в войне против испанских Габсбургов. Вскоре 2400 «охочих» казаков отправились во Францию и в составе войск принца Конде осаждали Дюнкерк. Иногда пишут, что Хмельницкий сам участвовал в этой осаде.

Однажды, когда Богдан был в Варшаве, на его имение Суботово «сделал наезд» («наезд» — очень старое слово) польский шляхтич Чаплинский со своими прихвостнями. Он увез женщину, на которой вдовый Хмельницкий собирался жениться, и обвенчался с ней по католическому обряду. Десятилетний сын Хмельницкого за то, что огрызнулся, был так жестоко высечен, что на другой день умер. Иски в суд ничего не дали, это был польский суд. Тогда Хмельницкий обратился прямо к королю. Владислав IV имел неосторожность задать в ответ риторический вопрос: «Пристало ли обращаться с жалобами тому, кто носит саблю?».

Иногда говорят, что Хмельницкий не возглавил бы народную войну за независимость Украины, если бы не желание отомстить. Ду-

маю, это не так. Историк Голобуцкий (и не он один) установил, что Богдан начал подготовку восстания по меньшей мере годом раньше. Но, быть может, личная трагедия придала ему отчаянную решимость. Ему шел уже шестой десяток — много, по понятиям того времени.

Хмельницкий собрал в Чигирине тайную сходку из тридцати верных казаков и открыл им планы восстания. Сотник Роман Пешта, участвовавший в сходке, написал донос. Богдан был арестован поляками, но сумел бежать в Сечь, где его избрали гетманом. Богдан во всеуслышание объявил, что готовит войну против Польши. В Сечь стали стекаться люди. Казаки, переодетые нищими или богомольцами, ходили по городам и селам, убеждали пробираться к Хмельницкому. Поляки объявили, что всякий, убежавший в Сечь, отвечает жизнью жены и детей, но это не помогло.

Соглашение Хмельницкого с крымским ханом обеспечило тылы повстанцев, и в конце апреля 1648 года они выступили из Сечи. Поляков в очередной раз подвело их легкомысленное высокомерие. Коронный гетман Потоцкий счел, что «стыдно посылать большое войско против какой-то презренной шайки подлых хлопов». 5 мая «малое войско» поляков потерпело поражение у Желтых Вод. 16 мая та же судьба постигла главное польское войско у города Корсуня. И как раз в это время умирает польский король Владислав IV. Поляки враз лишились короля, двух командующих и целой армии.

В конце мая повстанцы были в Киеве. А уже в начале июня 1648 года Хмельницкий шлет в Москву царю Алексею Михайловичу первую грамоту с просьбой принять Украину под власть «единого русского государя», чтобы сбылось «из давних лет глаголемое пророчество». «Желали бы мы себе самодержца такого в своей земле, как ваша царская велеможность православный христианский царь». Почему именно в этот момент, на пике успеха? Тут есть какая-то загадка. Но наверняка гетман тысячу раз обдумал свой шаг. Хотя Польша могла показаться сломленной, Хмельницкий слишком хорошо знал эту страну и ее менталитет, чтобы поверить в возможность раз и навсегда избавиться от ее притязаний на Украину. Он знал бульдожье упорство магнатов, которым одна лишь их гордыня не позволит оставить Украину в покое.

Восстание охватило весь правый берег Днепра. Оно стало разгулом стихии, не щадящей никого. Вековая ненависть выплеснулась наружу, кровь лилась рекой.⁴⁰ Когда я слышу, что Хмельницкий со-

вершил ошибку, двинув свое войско туда, в то время как его следовало двинуть сюда, что Хмельницкий должен был заключать не такой договор, а совсем другой, что он напрасно поступил так, а не поступил этак, я вспоминаю иронию Руставели, сказавшего: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». К тому же, критики Хмельницкого не просто наблюдают его великий бой со стороны, им еще и известны последующие события.

Но им не может быть известно все то, что видел, знал и повседневно был обязан учитывать гетман. Говорят, будто с мая по сентябрь 1648 года он терял время зря. На самом деле он мог ждать действий Москвы. Ведь в своем письме царю Хмельницкий убеждал его, не упуская удобный случай, наступать на Польшу через Смоленск, в то время как казаки двинут на нее с юго-востока. В то время не было телевидения, и гетман не мог узнать из сводки новостей, что в Москве начался «соляной бунт», вместо правительства Морозова пришло правительство князя Черкасского, спешно созывается Земский собор, пылают пожары и царю не до Польши.

Возможно и другое. Хмельницкий был вправе рассчитывать, что Польша пойдет на требуемые им уступки без нового кровопролития, из одного страха перед Швецией. Вот-вот должен был быть подписан Вестфальский мир, Швеция развязывала себе руки, и для противостояния этой стране Польше позарез была нужна казацкая дружба.

А может быть, Богдану важнее было остановить кровавый разгул в Правобережье?

Либо имелись совсем другие причины, разглядеть которые через три с половиной века нам уже не дано.

В любом случае, стоя все лето у Белой Церкви, Хмельницкий вовсе не терял времени. Он приводил в порядок толпы бунтовщиков, превращал их в армию.

Польша все лето собирала шляхетское ополчение и собрала 36 тысяч красавцев, щеголявших соболями, золотыми шпорами, богатством упряжи и нарядов. В лагерь у реки Пилявки каждый пан прибыл с толпой слуг и сундуками серебряной посуды. «Против мужицкой сволочи, — говорили паны, — не стоит тратить пуль; мы их плетками разгоним по полю!»

В сентябре Хмельницкий наконец выступил в поход. От первого же натиска шляхетское ополчение кинулось бежать, побросав дорогое оружие. Спасло панов лишь то, что казаки увлеклись дележом не-

слыханной добычи. «Почему Хмельницкий не двинулся сразу на Варшаву, а пошел на Львов?» — этот вопрос, порой с возмущением, задают и современные историки, забывая о том, что Хмельницкий пошел не просто на Львов, он пошел на Галичину, где жил его народ. Наш историк Николай Костомаров (также считавший, что Хмельницкий совершил историческую ошибку) писал: «Хмельницкий мог идти прямо на Варшаву, навести страх на всю Речь Посполитую, заставить панов согласиться на самые крайние уступки; он мог бы совершить коренной переворот в Польше, разрушить в ней аристократический порядок, положить начало новому порядку, как государственному, так и общественному». Вот именно, мог. Но это означало бы взять на себя ответственность за страну, которой он присягал и много лет верно служил, но чужую. Хмельницкий же хотел освободить свою и отвечать за нее — перед нею и Богом.

Он присягнул новому польскому королю Яну Казимиру и вернулся в январе 1649 года в Киев триумфатором. Вся Украина понимала, что возврат к той жизни, какая была до восстания, невозможен. К Хмельницкому стали прибывать иностранные послы, к нему обращались как к государю суверенной страны.

И именно в это время, на новом взлете своего торжества, Богдан отправляет в Москву своего представителя полковника Силуяна Мужиловского с повторением просьбы принять Украину под власть России и оказать военную помощь. Может быть, все дело было во втором, а не в первом? Может быть, получить военную помощь было важнее, чем оказаться под властью страны, которая тебя выручит?

Прибыли к Хмельницкому и «комиссары» польского короля. В присутствии казацкой рады они вручили Богдану грамоту на гетманство и гетманскую булаву, осыпанную сапфирами. Рада закричала: «Зачем вы, ляхи, привезли эти игрушки? Владейте себе своей Польшей, а Украина пусть нам остается!»

Хмельницкий дал Польше последний шанс сохранить Украину в составе Речи Посполитой, хотя и сам не верил в такой шанс. Его условия были: киевский митрополит получает первое после католического примаса место в польском сенате; все должности на православных землях отходят к православным; униатские церкви уничтожаются, костелы пока остаются; казацкий гетман подчиняется напрямую королю, других начальников над ним нет; имения и собственность поляков в Украине сохраняются.⁴¹

Польский сенат с гневом отверг условия Хмельницкого и объявил мобилизацию. Римский папа прислал полякам освященные на престоле Святого Петра в Риме знамя и меч для истребления «схизматиков». ⁴² Всенародный сбор на войну шел и в Украине. Богдан рассылал универсалы, призывая всех на защиту родины. Обманном маневром он запер польскую армию в Збаражской крепости. На помощь осажденным поспешил сам король Ян Казимир. Но тяжело воевать на враждебной земле. О каждом шаге короля тут же становилось известно казакам. 5 августа 1649 года у Зборова на королевское войско напали соединенные силы Хмельницкого и крымского хана Ислам-Гирея. Уж лучше бы Богдан действовал один. В решающий момент хан подвел его. Вступив в сепаратные переговоры с королем, он потребовал от казаков заключить мир с польской короной. В сложившейся ситуации у Хмельницкого не осталось выбора, и 8 августа 1649 года он подписывает с Польшей так называемый Зборовский мир.

Отношение к этому миру разное. Настолько разное, что может меняться в пределах одного издания. Первая из трех Больших Советских Энциклопедий в статье «Хмельницкий» (том 59, вышел в 1935 году) называет Зборовский мир «постыдным» и одной из «многочисленных попыток Х[мельницкого] сговориться с польскими феодалами». Сам же Хмельницкий — «предатель и ярый враг восставшего украинского крестьянства». Но если взять статью «Украинская ССР», написанную через 12 лет (она ближе к началу алфавита, но тома выходили не подряд, и 55-й том появился уже после войны, в 1947 году), видишь другой образ. За это время мир стал другим, в СССР был учрежден орден Богдана Хмельницкого, и оценки резко меняются. Теперь Хмельницкий — «крупнейший политический деятель своего времени», «прирожденный дипломат, выдающийся стратег, полководец и организатор», создатель «народной армии, которая подчинялась единому военному руководству, но находилась в тесной связи с восставшими народными массами». Зборовский же мир вполне отвечал «интересам казацкой старшины, [украинской] шляхты, высшего православного духовенства и богатого мещанства».

И это правда. Но не вся правда. Как наши классические историки, так и советские, не обратили внимания на тот факт, что Зборовская «Декларация милости королевской в ответ на пункты прошений Войска Запорожского» была, по сути, еще и первой конституцией Ук-

раины. Она значит для Украины не меньше, чем Великая хартия вольностей для Англии. Именно с этого времени весь тогдашний Старый Свет, и Россия в том числе, признали державу Хмельницкого в качестве отдельного государственного образования с собственной территорией на обоих берегах Днепра, с ясными, а не приблизительными границами, своей армией, судом, вероисповеданием, органами управления и, надо отметить особо, языком. Впервые после литовского завоевания Киева в XIV веке Украина (еще, правда, не под своим именем) обретает государственное качество.

Три воеводства — Киевское, Брацлавское и Черниговское — выделились в автономное казачье государство, управляемое по казачьим обычаям. Оно имело право на сношения с другими странами. Польскому войску стоять на его землях не позволялось. Все должности и чины отходили к православным, иезуиты лишались права пребывания в Киеве и других городах, где имелись «русские» школы, киевский митрополит получал место в польском сенате. Казачий реестр (то есть законное число лиц, входящих в казачье сословие) доводился до 40 тысяч, вопрос об отмене Брестской унии 1596 года подлежал решению варшавского сейма. Все действия и поступки во время восстания предавались забвению.

Хмельницкий, вопреки давлению польской власти, избавил тысячи и тысячи людей, вставших под знамена казачьего войска, от возвращения в крепостное состояние.⁴³

Чтобы сохранить обретенный суверенитет, Хмельницкий был готов хитрить и лавировать сколько угодно. Ему не стыдно было это делать ради отечества.

Год 1650-й был трудным. Понаехали московские купцы — скупать богатые военные трофеи. Жизнь ухудшалась, многие поля два года простояли незасеянными, дорожал и дорожал хлеб. В случае новой опасности надежда на «посольство» была плоха — простой народ роптал: воевали все вместе, теперь казакам хорошо, а нам снова в неволю?

Тем временем киевского митрополита Сильвестра Косова не пустили в варшавский сенат. Об уничтожении Унии сенаторы вообще слышать не хотели. Среди казаков росла досада. В раздражении они говорили великорусским гонцам: «Мы пойдем на вас с крымцами. Будет у нас с вами, москали, большая война за то, что нам от вас на поляков помощи не было».

При всех сложностях два года существования суверенного казачьего государства, пусть формально и в составе Речи Посполитой, имели огромное значение. К Хмельницкому обращались как к главе государства. Турецкий султан Мехмет писал в 1650 году так: «Наиизбраннейшему из монархов религии Иисусовой гетману козацкому Богдану Хмельницкому, его же конец да будет счастлив». Отдавая дочь за Тимофея Хмельницкого, сына гетмана, молдавский господарь видел в этом династический брак. Московский дипломат Григорий Кунаков, ездивший в Польшу через Украину, составил по возвращении в Москву обстоятельную записку, где, в частности, сообщал: «А в Чигирине де учинил Богдан Хмельницкий мынзу (монетный двор) и денги делают, а на тех... денгах на одной стороне меч, а на другой стороне его Богданово имя». Свидетельства того же рода есть в польских и французских архивах. К сожалению, пока ни одной монеты Хмельницкого не найдено. (Надеюсь, их когда-нибудь отколют в каком-нибудь кладе — ведь речь идет о первых украинских деньгах!)

Русские послы зачастили в Варшаву неспроста. Они ездили «задирать Польшу», как тогда говорили. Царь Алексей Михайлович решил, что нужна какая-то зацепка, а лучше несколько зацепок, чтобы в нужный момент под рукой был повод начать военные действия.

Летом 1651 года Хмельницкий вновь меряется силами с поляками. Предательство крымского хана Ислам-Гирея повторяется и на этот раз, но уже с более тяжелыми последствиями. В сражении у Берестечка казаки терпят тяжелое поражение. Был убит находившийся в их войске Иоасаф, митрополит Коринфский из Греции, а Богдан Хмельницкий какое-то время находился в фактическом плену у Ислам-Гирея.

Вдобавок пять недель спустя литовское войско взяло Киев. Положение Украины стало отчаянным, но Хмельницкий обнаружил паразитическое присутствие духа. Он собрал казачью раду в Масловом Броде. Поначалу казаки хотели его растерзать, но он так подействовал на них своей уверенностью и спокойствием, что переломил общий упадок, и люди снова стали сходить к нему. Началась жестокая партизанская война.

Хмельницкому пришлось идти на новые переговоры с поляками. 17 сентября 1651 года был заключен крайне тяжкий для Украины Белоцерковский договор. Вместо трех воеводств у Хмельницкого осталось одно, Киевское, ему запрещались сношения с другими держава-

ми, прежде всего с Крымским ханством, казачий реестр сокращался вдвое. После подписания договора поляки собирались отравить Хмельницкого, но он разгадал замысел, отказался от предложенного вина и вернулся в свой стан.

Такой мир не мог длиться долго. Было понятно, что возвращение к прошлому невозможно. Не желающие под панское ярмо украинцы, особенно «разжалованные» из казаков, начали тысячами переселяться в приграничные российские земли, за «Путивльский рубеж» (на правый берег Сейма, к Рыльску, Севску, Льгову) и особенно «на степную Украину московскую». ⁴⁴ Массовое бегство населения в российские пределы стало важным фактором, сыгравшим свою роль в судьбоносном решении Хмельницкого о присоединении к России.

Крестьянская война за землю и волю шла уже почти четыре года. Крестьянских войн в истории Европы было немало, украинская была необычна тем, что повстанцы в значительной мере добились своего. А именно: в массовом порядке «показались» и изгнали большинство польских панов из своих имений. Но паны не хотели сдаваться. В 1652 году война приобрела очаговый, но от этого не менее яростный характер. Наиболее сильные и богатые магнаты приводили в свои поветы собственные частные армии и вымещали злобу на хлопах. Крестьяне и казаки охотились на панов и их наемных жолнеров. Горели имения, горели села и местечки, Волынь и Подолия пустыли. Ни о каком примирении речи уже быть не могло.

Шедший в Молдавию Тимофей Хмельницкий (сын гетмана) 22 мая был вовлечен в непредвиденное сражение с поляками у Батога (на Винничине), в котором последние потерпели одно из своих самых крупных и унижительных поражений за все время Освободительной войны. Из-за легкомыслия польского гетмана Калиновского Польша опять осталась практически без войска. Богдан послал королю письмо с такими извинениями за своих казаков: «Простите их, ваше величество, если они, как люди веселые, далеко простерли свою дерзость». Казаки тем временем опять заняли всю территорию, которая им принадлежала до Белоцерковского мира.

Казалось бы, снова победа? Но Украина полностью обескровлена, а оскорбленные поляки собирают новую армию. И Хмельницкий еще раз обращается к московскому царю: «Если, ваше царское величество, не сжалишься над православными христианами и не примешь нас под свою высокую руку, то иноверцы [турецкий султан и крым-

ский хан] подобьют нас и мы будем чинить их волю. А с польским королем у нас не будет мира ни за что». В Москве поняли скрытую угрозу и решили, что пора действовать.

По поручению царя русский посол в Польше князь Борис Репнин-Оболенский посулил полякам забыть все московские претензии к Варшаве, если она помирится с Хмельницким на основе Зборовского договора. Поляки гордо ответили, что не станут с ним мириться ни по Зборовскому, ни даже по Белоцерковскому договору, а приведут казаков к тому положению, в каком они находились до начала междоусобия. На это Репнин-Оболенский сказал, что в таком случае царь не будет более посылать в Польшу послов, а велит написать о неправдах польских во все окрестные государства и будет стоять за православную веру и за свою честь, как Бог поможет. Это было предупреждение о войне.

Когда осенью 1653 года поляки, казаки и крымцы сошлись в очередной раз — теперь на берегу Днестра, у местечка Жванец, крымский хан, верный своей привычке, опять изменил Хмельницкому. Поляки, не надеясь на победу, сумели склонить хана к сепаратному миру на предельно унижительных для польской стороны условиях: хан порывает с Хмельницким — и в награду может на обратном пути грабить все, что ему вздумается и уводить с собой сколько угодно пленников. В землях гордой польской короны! Сверх того хан получал одновременно сто тысяч червонных и девяносто тысяч ежегодно. До конца года татары невозбранно грабили шляхетские дома («по самый Люблин») и увели в плен множество шляхты обоего пола — это было им гораздо выгоднее, чем грабить бедных украинских хлопов.⁴⁵

1 октября 1653 года царь Алексей Михайлович созывает в Грановитой палате «Земский собор всех чинов». Участники собора должны были дать ответ на вопрос: принимать ли гетмана Хмельницкого со всем войском казацким под царскую руку? Высказывались по куриям: «Освященный собор» (патриарх и духовенство) дал благословение, Боярская дума с думными боярами и думными дьяками ответила положительно, служилые люди обещали биться, не щадя головы, гости (купцы) и торговые люди вызвались жертвовать деньги на предстоящую войну. Дело было решено. Алексей Михайлович не скрывал радости. Он считал, что это начало долгожданного торжества православия и православного царства.⁴⁶

Восьмого января 1654 года в Переяславе собралась казацкая рада, и Хмельницкий в присутствии московских послов произнес перед

ней речь: «Нам нельзя более жить без государя. Мы собрали сегодня явную всему народу раду, чтобы вы избрали из четырех государей себе государя. Первый — царь турецкий, который много раз призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский; четвертый — православный Великой Руси царь восточный. Турецкий хан бусурман, и сами знаете, какое утеснение терпят братия наши христиане от неверных. Крымский хан тоже бусурман. Мы по нужде свели с ним было дружбу и через то приняли нестерпимые беды, пленение и нещадное пролитие христианской крови. Об утеснениях от польских панов и вспоминать не надобно. А православный христианский царь восточный одного с нами греческого благочестия; мы с православием Великой Руси единое тело церкви, имущее главою Иисуса Христа. Этот великий царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной церкви в Малой Руси, не презрел наших шестилетних молений, склонил к нам милостивое свое царское сердце и прислал к нам ближних людей с царскою милостью. Возлюбим его с усердием. Кроме царской высокой руки, мы не найдем благоотишнейшего пристанища; а буде кто с нами теперь не в совете, тот куда хочет: вольная дорога».

Рада закричала: «Волим под царя московского!»

ВЕРЕН ЛИ БЫЛ ВЫБОР БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

Мы никогда не узнаем, сколько мучительных раздумий и сомнений пережил Богдан за три месяца между вестью о решении Земского собора и созывом рады в Переяславе. Нам уже никогда не станут известны все его мотивы, только часть их. О чем мы можем догадываться, так это о том, какова была главная цель Хмельницкого, его мечта-максимум. Просвещенные современники Богдана говорили, что он хочет возродить «древнерусское княжество». Полякам, пытавшимся позже начать новые переговоры с ним, он говорил о своем желании видеть свободными все древнерусские земли. Все — ни больше, ни меньше. «Пусть Королевство Польское откажется от всего, что принадлежало княжествам земли Русской... Пусть поляки формально объявят русских [сегодня мы бы сказали: украинцев и белорусов] свободными, подобно тому, как испанский король признал свободными голландцев».⁴⁷

Но приближал ли Хмельницкий свою великую цель, соединяя Украину с Россией? Ответа на этот вопрос нет, ибо его цель до конца не разгадана. Богдан оставил нам загадку.

Еще за 175 лет до него великий князь московский Иван III, женившись на племяннице последнего византийского императора и присоединив Новгород, объявил себя «государем всея Руси». Был ли у Богдана конкурентный проект? Хотел ли он «собрать Русь» — те ее части, которые не успела собрать Москва? Тем же самым несколько веков подряд занимались великие князья литовские, но начиная с конца XV века собранное ими стало постепенно переходить к Москве. В том числе старые черниговские и новгород-северские города и удельные княжества — Путивль, Рильск, Трубчевск.

Проекты возрождения Киевской Руси и ее перехода «под Москву» возникали и раньше.⁴⁸ Хмельницкому все это было, естественно, хорошо известно. Не мог он недооценивать и массовые настроения. За Москву «голосовали ногами» переселенцы на Слобожанщину.

Для казацкой старшины, так долго и безуспешно мечтавшей о шляхетстве в Речи Посполитой, главная выгода от соединения Россией заключалась в уравнивании с российским дворянством.

Даже те, кто называет решение Хмельницкого ошибочным, не вправе назвать его неожиданным или нелогичным.

У идеи соединения с Россией было в Украине и множество противников. Особенно мало хорошего ждали от этого соединения митрополит Сильвестр Коссов и киевское духовенство. Но у митрополита не было и Богдановой мечты. Просто он считал московских людей малопросвещенными и поверхностными христианами, опасался неизбежности перехода под омофор московского патриарха. Далекий константинопольский патриарх устраивал его куда больше.

Гетман принимал решение, переломное в истории Украины. Он не был наивным человеком и понимал, что изменить его в случае разочарования будет трудно. Легко стать вассалом турецкого султана — стать, а потом перестать: султан далеко, за Черным морем, — в том же Константинополе, что и патриарх. А до Москвы всего 800 верст.

После выбора Владимира Великого выбор Богдана был вторым по значению для судеб Украины. Приходила ли ему самому на ум аналогия между Владимиром и собой?

Мы не сомневаемся в правильности выбора Владимира Великого, но признаем ли мы правильность выбора Богдана Хмельницкого?

Я не собираюсь уклоняться от всех этих вопросов, оставлять их риторическими, повисшими в воздухе. Но мой ответ не может быть и односложным.

Мы оцениваем деятельность гетмана в ее цельности. Мы не чтили бы его память так, как чтим сегодня, если бы говорили себе: да, он сделал много правильного и выдающегося, но самое ответственное для Украины решение его жизни оказалось ошибочным.

Чтобы принять «самое ответственное для Украины» решение, необходимо было наличие Украины. Не географического названия, закрепившегося за юго-восточной окраиной Речи Посполитой, а самостоятельной державы, признаваемой (гласно или негласно) за такую соседями. Именно создание такой державы есть главное достижение, главный подвиг Хмельницкого. Как ни странно, многие историки прошлого проглядели это достижение гетмана.

До 52-летнего возраста это был деятель весьма скромного размаха, для истории — практически частное лицо. Вождем Украины Хмельницкий стал не в итоге успешной карьеры, а вне всякой связи с ней. Да его карьера, собственно, была уже закончена. Человек, решивший поднять свою родину на борьбу за освобождение, был к тому времени даже не генеральным писарем Войска Запорожского, а просто сотником чигиринским.

Последние десять лет жизни Хмельницкого — от его побега в Сечь осенью 1647 года до смерти в 1657-м — яркая комета на небосводе нашей истории. Именно тогда пришло время освобождения Украины, и ей понадобился вождь. В тогдашней Украине было много храбрых, дельных и образованных людей, да еще и помоложе, но всенародное восстание повел Хмельницкий, что не может быть случайностью.

Для Украины было счастьем, что она смогла выдвинуть в середине XVII века деятеля такого масштаба, которому удалось разрубить gordiev узел, казалось бы, неразрешимых противоречий и через века после упадка Киевского княжества восстановить его.⁴⁹ С именем Богдана Хмельницкого связан выход Украины на арену мировой истории, начало становления украинской политической нации. Богдан символизирует единство и непрерывность бытия Украины от времен княжеской Руси до героической Казацкой эпохи национального возрождения восемнадцатого века и завоевания независимости в веке двадцатом.

Среди политических деятелей нашей истории он одним из первых вдохновился государственным наследием Киева и стал продол-

жателем этого наследия. Гений Хмельницкого — в ощущении момента, в понимании того, чему уже пришло время, а чему пока нет, в ясном осознании надежд и упований всех слоев украинского народа.

Продолжая Богданово дело, мы осуществляем третью попытку возрождения своего государства. Именно поэтому 400-летие со дня рождения гетмана отмечалось у нас в 1995 году как памятная дата государственного уровня.

Часто спрашивают: а почему Украина не была провозглашена независимой уже в XVII веке, что остановило гетмана? Этот вопрос занимал и одного из классиков украинской исторической науки, признанного главу киевской исторической школы Владимира Бонифатьевича Антоновича. Более ста лет назад в статье «Характеристика деятельности Богдана Хмельницкого» он постарался ответить на него. В отличие от авторов, видевших непреодолимые внешние преграды на пути к независимости, Антонович увидел важное внутреннее препятствие: отсутствие в украинцах XVII века стремления к государственному обособлению.⁵⁰

Если Антонович прав, и такое внутреннее препятствие существовало, Хмельницкий не мог его не видеть и не брать в расчет. Слова «Нам нельзя более жить без государя», которые Хмельницкий обратил к Переяславской раде, подтверждают, что он брал его в расчет.

И действительно, такие сами собой разумеющиеся сегодня понятия, как «национальное государство» и «национальный суверенитет» были еще не слишком привычны его веку. По-настоящему время этих понятий в Европе пришло уже после Великой Французской революции и наполеоновских войн. А в XVII веке представление о том, что суверенному княжеству, королевству, гетманству и т. д. вполне естественно находиться «под высокой рукой» одного из великих монархов, казалось совершенно бесспорным, добровольное подданство было обычной формой свободы. При этом данное княжество, королевство, гетманство сохраняло свою правосубъектность с точки зрения международного права того времени. Не только в географических пределах досягаемости гетманства Хмельницкого, но и в мире вообще не было другого сильного православного государя, не было такой православной страны, на которую можно было опереться. Теперь мы понимаем, что каким-то сверхчеловеческим чутьем Богдан выбрал единственно правильный путь.

Но на этот путь он направил не тот народ, который поднимал на восстание. После шести лет борьбы это был уже другой народ. Орест Субтельный утверждает: «Самое важное достижение Хмельницкого состояло в том, что в обществе, не имеющем ни твердой уверенности в себе, ни даже ясного сознания своей самобытности, гетман разбудил дремавшую гордость, силу и волю к борьбе за свои интересы».

Как понять, почему в тот или иной сложный период истории именно этот, а не иной человек встает на острие общественно-политической жизни? На примере Богдана Хмельницкого хорошо видно, что это предопределяется, помимо качеств руководителя, еще и чувством уверенности в своем предназначении, таинственной способностью ощущать ход истории.

Гетман сумел применить в тогдашних условиях многое из предшествующего опыта освободительного движения. Прагматизм, готовность к разумным компромиссам и переговорам вполне органично сочетались в нем с твердостью при обращении к военной силе.

Богдан Хмельницкий сумел уловить, куда движется Украина конца 40-х годов XVII века, уловить стремительный рост национальных и социально-экономических противоречий, настоящий взлет массового недовольства католическим порабощением. Нестерпимый гнет барщины, религиозные утеснения, произвол «своей» местной власти и грабеж арендаторов подвели ситуацию к взрыву.

Это было удивительное время. Историки подсчитали, что украинская освободительная война была одной из семи происходивших тогда в Европе революций. Среди них была и английская революция. Характерно, что в 1649 году руководство Англии (где только что был обезглавлен король и провозглашена республика) обратилось с воззванием к украинскому гетману, как к союзнику в борьбе с общим врагом, папским Римом. А в 1656 году Кромвель отправил на континент своего приближенного, генерала Джефсона, для установления связи с Богданом Хмельницким с целью создания «великой антиримской, антигабсбургской и антиконтрреформационной коалиции».

Украинский народ деятельно участвовал в пробуждении Европы, которая вступала в новый период своего развития — период постепенного утверждения буржуазных отношений и создания национальных государств. Однако этому периоду предстояло быть очень долгим, считанные страны попали в первый эшелон. По разным причи-

нам у Украины не оказалось возможности реализовать многие из исторических шансов того времени.

Как известно, после побед у Желтых Вод и Корсуня, с которых началась национально-освободительная война нашего народа, восстание стремительно охватило оба берега Днепра. Сам размах борьбы быстро изменил ее конечную цель. Речь шла уже не об уравнивании казаков с польским дворянством, а об освобождении Украины от иноземного ига и об изменении сложившихся социально-экономических отношений. Одновременно с устранением органов власти Речи Посполитой началась замена ее административно-территориальных единиц на казацкую полковую систему, появились собственные государственные учреждения. Вот почему очевидна и правомерна характеристика освободительной войны как национальной революции.

Помимо создания вольной державы в этнических границах, эта революция была нацелена на закрепление казацкой собственности на землю. Сегодня мы бы усмотрели в ней сходство с собственностью фермерского типа. В исторической ретроспективе видно, что это были не просто две важнейшие, но и две взаимосвязанные задачи. Наши классические историки, увлеченные сюжетной стороной событий (и впрямь предельно яркой), не уделили им достаточно внимания.

Становление Украины происходило в крайне сложных условиях. При создании властных структур и отладке их деятельности, особенно на освобожденных окраинных территориях, Богдану приходилось преодолевать неимоверные преграды. Воспроизводя в масштабах Украины административное устройство Запорожской Сечи, Богдан Хмельницкий не пожалел усилий, чтобы обеспечить безотказность всех звеньев исполнительной власти снизу доверху, не забывая об укреплении гетманской власти, чего требовали внутренняя и внешняя обстановка того времени. «Статьи об устройстве Войска Запорожского», опираясь на которые гетман добивался от полковых и сотенных органов неукоснительного выполнения своих распоряжений и указов, стали чем-то вроде административной конституции Украины.

Хмельницкий созывал Раду и сам активно участвовал в обсуждении и принятии решений, сам вникал в организацию судопроизводства, финансов, возглавлял войско, руководил внешней политикой, боролся с проявлениями сепаратизма.

Богдану понадобились вся его мудрость и выдержка, чтобы овладеть ситуацией после заключения Зборовского и особенно Белоцерковского договоров с Польшей.

Казалось, под ударами внутренних неурядиц и внешних врагов Украина погибнет. Однако гетман сумел одолеть эти трудности. Признав, в явной и неявной форме, справедливость основных требований крестьянства, он смягчил внутреннюю напряженность, а после победы под Батогом сумел вернуть утраченные было территории.

Восстановление державы, преемницы Древней Руси, было, без сомнения, самым большим политическим достижением украинского народа на протяжении XIV—XVII веков.

Вопреки известной непоследовательности и классовым пристрастиям, во внутренней политике Богдановой державы присутствует стремление смягчить социально-экономические противоречия. Одной из мудрых и дальновидных мер гетмана стало развитие института «охочих» казаков. При всех возможных оговорках, его внутренняя политика в общем отвечала интересам практически всего населения.⁵¹

Конечно, социальные процессы не были ни прямолинейными, ни благостными. Поначалу было похоже, что казаки превращаются в новое сословие, пусть и в достаточно размытое, но «оказачивание» так и осталось поверхностным. Формирование казачьего сословия, подобного великорусскому на Дону, в самой Украине так и осталось незавершенным (винить в этом Богдана Хмельницкого мы, конечно, не вправе). За полтора века старшина окончательно влилась во все-российское дворянство, а бывшие казаки стали государственными крестьянами.

После провала попыток переманить на сторону национально-патриотических сил украинское панство Богдан Хмельницкий меняет свое отношение к крупному и среднему феодальному землевладению. Не поощряет он и аппетиты казачьей старшины. Все они наделялись поместьями («ранговыми маетностями») лишь на время пребывания в своем чине. За период 1648—1655 годов в документах не выявлено ни одного универсала, закрепляющего ранговые поместья в собственность казачьей старшины, и выявлен всего один документ, подтверждающий право на владение помещьем.⁵²

Хорошо понимая, как много значит в глазах народа поддержка православия, гетман укреплял авторитет своей власти в глазах крестьян-

ян и казаков тем, что защищал земельную собственность церкви, сурово карая тех, кто посягнул на церковное и монастырское имущество или землю.⁵³

Политика Богдана Хмельницкого, его личная харизма помогли консолидации Украины. Он стремился во что бы то ни стало не допустить гражданской войны, несколько раз гасил ее очаги, умелой тактикой устранял угрозу разъединения национально-патриотических сил.

В отличие от многих политиков Европы того времени, гетман не проявлял нетерпимости к другим народам, никто бы не назвал его и религиозным фанатиком. Выступая против католицизма и униатства, решительно отстаивая интересы православия, он, вместе с тем, признавал право иных конфессий на существование. Он говорил: «есть один Бог и одна христианская вера». Тот факт, что в казацкий реестр 1649 года попало немалое количество выходцев из соседних земель и стран, ярче всего подтверждает широкую толерантность гетмана.

Велика заслуга Богдана Хмельницкого и в становлении новой судебной власти. Сословно-шляхетская польская судебная система заменяется при нем сотенными и полковыми судами, генеральным судом, сельскими судами. Гетман практикует отправку судебных комиссий для рассмотрения дел особого значения. В городах магдебургского права широкий круг обязанностей возлагался на городские суды, они приобретают черты судов общей юрисдикции.⁵⁴

Отдавая должное попыткам Филиппа Орлика и его единомышленников обобщить огромный опыт казацкой демократии в ставших сейчас широко известными документах, необходимо подчеркнуть, что основоположником украинского конституционализма (восходящего к обычному праву и к «Русской Правде») был все-таки Хмельницкий. Значение подписанных гетманом договоров, правовых актов и судебных установлений для отечественного державного строительства трудно переоценить. Некоторые из них сохраняли свое юридическое значение в автономной «малороссийской» Гетманщине даже во времена Екатерины Второй.

Богдан Хмельницкий много сделал для создания новой украинской армии. Для этого он умело использовал как богатейший казацкий опыт, так и достижения других армий, в частности, закаленной в огне Тридцатилетней войны немецкой армии. Гетман был талантливым и самобытным полководцем. Он успешно управлял войском до

200 и даже до 300 тысяч человек, взятых от сохи. Его маневр при Корсуне и Зборове изучают в военных академиях.⁵⁵

Совершенно очевидно, что учреждение в СССР в октябре 1943 года, вслед за орденами Суворова, Кутузова и Александра Невского, ордена Богдана Хмельницкого трех степеней не было просто политическим жестом.⁵⁶

При этом гетман все же не был сторонником военных решений. Может быть, здесь кроется еще один ответ на вопросы типа: «А почему из-под Пилявиц он не двинул войско на Варшаву?» Анализируя действия Богдана методом «обратного отсчета», понимаешь, что он постоянно надеялся на решение той или иной проблемы через дипломатический торг. Другими словами, он стремился не допустить лишнего кровопролития, хотя это ему не всегда удавалось. «Истина безусловно состоит в том, что увенчанием, целью и концом любой войны должно быть не что иное как соглашение и мир», — сказано в его инструкции послам к трансильванскому князю в 1656 году. А если так, почему бы людям не пропускать среднюю часть триптиха: мир — война — мир?

Особая сторона деятельности Богдана Хмельницкого — внешнеполитическое обеспечение существования новорожденного государства. Его мудрость, терпение, гибкость и последовательность в политике, дипломатический талант в сочетании со смелостью и готовностью идти как на взвешенный риск, так и на компромиссы не раз выручали Украину.

Богдану Хмельницкому удавалось находить оптимальные решения в сложной игре политических и военных сил Европы, заключая союз с одними и добиваясь нейтрализации других. Благодаря этому он добился признания своей державы правительствами Османской империи, Крымского ханства, Англии, Венеции, России, Речи Посполитой, Трансильвании, Австрии, Молдавии, Валахии, Швеции.

Однако трезвый анализ снова и снова приводил его к неутешительному выводу — ни одна из окружающих стран не была заинтересована в существовании независимой Украины. Утверждение Украины с одной стороны и резкое ослабление Речи Посполитой — с другой могли бы еще раз нарушить соотношение сил в Восточной, Северо-Восточной и Центральной Европе, с таким трудом сложившееся после Тридцатилетней войны.

Хмельницкий встал перед выбором: остаться один на один с Речью Посполитой и, возможно, полностью утратить так дорого достав-

шиеся завоевания или, ради их сохранения, принять протекторат одной из великих держав этой части мира. Таковыми были в то время Блистательная Порта и Россия. Другого выхода из существовавшей тогда геополитической ситуации не просматривалось. Была еще Швеция, но она к 1653 году еще не выказала достаточного интереса к украинским делам. После мучительных раздумий гетман посчитал предпочтительной протекцию московского царя.

Этот шаг был тем более вынужденным, что крымский хан к тому времени пришел к взаимопониманию с польским королем (в Каме-нецком договоре 1653 года) о том, что никакого статуса государственной автономии казацкая Украина в составе Речи Посполитой иметь не будет. Кроме того — и об этом важнейшем резоне часто забывают — Хмельницкий не мог не принимать во внимание, что под его гетманской булавой лишь три воеводства. Я уверен, хотя не могу это доказать: Богдана заботила и мысль о том, кто и как будет собирать Украину дальше, при каком раскладе это окажется возможно, в союзе с кем на это хватит сил.

Не с турками: после Хотинского поражения (кстати, в значительной степени от гетмана Сагайдачного) у них, казалось (позже перестало казаться), пропала охота к геополитическим проектам, им бы удержать то, что имеют. Не с Польшей: она уже не в силах справиться с имеющимися православными областями, ей ни к чему Буковина, Закарпатская Русь, Нижнее Поднестровье.

Видать, не зря Богдан был для своих «Богом данный вождь», а противники поразились тому, что его ум — «за гранью постижимого». Я спрашиваю себя: неужели он мог предвидеть, что в составе России Украина соединится с Волынью и Подолией? Что она выйдет к Черному и Азовскому морям, обеспечив себе этим будущую экономическую базу? Видать, не зря сказал о Хмельницком Костомаров: «Дело его было не на десятки лет, а на целые века». Все это и в самом деле за гранью постижимого.

Вслед за другим нашим историком, В. Б. Антоновичем, я хочу воздать должную честь «великому деятелю нашего края, сосредоточившему в своей личности общественные стремления миллионной массы и сделавшему в их пользу все то, что при условиях его времени и культуры мог сделать человек даровитый, искренне преданный народному благу, с крайним напряжением духовных и умственных сил». И согласиться с Вячеславом Липинским, утверждавшим, что великий

гетман сознательно и последовательно пытался создать фундамент будущей независимой украинской государственности и что без усилий Богдана восстановление такого фундамента в новейшие времена оказалось бы невозможным.

Благодаря Хмельницкому одним из главных секретов истории мира в XVII веке стало появление на европейском континенте, на землях, стиснутых Московским царством, польско-литовской Речью Посполитой, владениями Оттоманской империи и Швеции, новой страны, сумевшей затем сохранить свою жизнеспособность на протяжении столетий. Этот секрет — сам по себе величайший памятник Хмельницкому — не был разгадан его современниками и ближайшими потомками. Люди XVIII и XIX веков смотрели на карту и не видели на ней никакой Украины, а она уже была. Запущенные Хмельницким процессы вели к цели вопреки всему. Самое поразительное, что руками мучителей Украины Бог вернул ей, казалось бы, навек утраченные части.

Переяславская рада — воистину поворотный момент в истории нашего народа. 20 декабря 1995 года в своей речи, посвященной 400-летию со дня рождения Богдана Хмельницкого, я сказал следующее: «Юридической сутью договора с московским царем стал легитимный государственный разрыв с польско-литовской Речью Посполитой и вступление Украины в межгосударственные отношения в качестве субъекта международного права того времени. Не случайно Филипп Орлик, которого никак не заподозришь в отсутствии патриотизма, назвал это событие и принятые решения “наисильнейшим и наипобеднейшим документом и доказательством суверенности Украины”, “торжественным, вечным союзным договором”, который был призван “навек водворить спокойствие, свободу и согласие на Украине”».

Деятели прошлого нельзя судить вне контекста времени и по более поздним, не имеющим обратной силы, законам. Их деяния необходимо оценивать с точки зрения морали и правил их времени, с учетом всех, а не только пристрастно отобранных обстоятельств. Имея мужество видеть неприкрашенную правду своего прошлого, нужно (повторю еще раз) черпать в нем не унижение, а силу. Иначе не смей рассчитывать на будущее.

Я глубоко убежден, что политическая и военная деятельность Богдана, глубинная логика его политического курса отражали лишь од-

ну философию — любовь к родине и искреннее желание сберечь Украину, ее народ, государство, землю и святыни.

Вот ради чего он маневрировал между соседями, искал компромиссы и альянсы, нередко отказывался от многообещающих замыслов. Но генеральную линию своей жизни, смысл которой заключался в освобождении родного края от иноземного ига и создании самостоятельной соборной Украины, Богдан Хмельницкий проводил до последнего своего вздоха.

Не вина, а неизъяснимая человеческая трагедия гетмана выразилась в том, что после его смерти государственный руль оказывался в руках то слабых, то корыстных. Этот период нашей истории стал называться «Руина». Борьба между амбициозными представителями казацкой старшины за гетманскую булаву и втягивание в эту борьбу иноземных войск, сепаратизм и неспособность политической верхушки прийти к согласию по главным общегосударственным вопросам привели к опустошению Украины. Преследуя личные выгоды, авантюристы рвали Украину в разные стороны, навлекая на ее народ тяжелейшие испытания.⁵⁷

Нашей ментальности, увы, присуща «атаманщина», которая так выявилась в час «Руины» и с не меньшей силой — в период гражданской войны 1917—1920 годов. К сожалению, нации, как и люди, редко учатся на уроках прошлого, уроках истории. Атаманщина угрожает нам и сегодня, во время нашей третьей попытки утвердить свою державу. Этот двукратный исторический урок следовало бы вызубрить многим нашим современникам, которые живут в одномерном мире, деля всех по своему произволу на «своих» и «чужих». За любыми политическими соглашениями и компромиссами они склонны видеть не шаги к стабилизации, а предательство. Они стремятся приватизировать любовь к отчизне, готовы установить свою монополию на такую любовь. Их не зря прозвали «профессиональными украинцами». Дай Бог, чтобы они не довели нас до большой беды.

Порождение энергии и воли Богдана Хмельницкого, Украинская держава обнаружила огромный потенциал. В сознании и исторической памяти нашего народа раз и навсегда утвердилась государственная идея, которая стала лозунгом освободительных устремлений XVII—XX веков. В первой четверти XX века эта идея была претворена в жизнь, что и записано на скрижалях четвертого универсала Центральной Рады 22 (9) января 1918 года: «Народ Украины! Твоей силой,

волей, словом создалась на украинской земле свободная Украинская Народная Республика. Сбылась давняя мечта твоих предков, борцов за свободу...»

Не случайно украинские политики этого периода, деятели национально-освободительного движения постоянно обращались к событиям Освободительной войны Богдана Хмельницкого, искали в них прямые аналогии и даже отдельные готовые политические решения. Как во времена Богдана Хмельницкого, становление украинской государственности и в этот период было неотделимо от социальной составляющей, от перераспределения собственности, в первую очередь земли. Миллионы украинских крестьян связывали лозунги украинской независимости с прямым и быстрым решением земельного вопроса в свою пользу.

Среди изначальных ошибок Центральной Рады мы видим затягивание ликвидации помещичьего и перехода к фермерскому землевладению. Мы видим отсутствие внутреннего единства трех процессов: державотворчества, вооруженной защиты достигнутого и социально-экономических преобразований. Большим просчетом Центральной Рады обернулось решение о милиционном (ополченском) характере армии. В этом Рада не последовала за Богданом, сумевшим создать, по сути, профессиональную армию.

Как известно, в основу государственного строительства Центральной Рады положила казацкую демократическую традицию: выборность органов власти, их подотчетность избирателям, коллегиальность решений. Это привлекало на сторону Центральной Рады массы украинского населения, но не дало, по большому счету, реальных плодов из-за неподготовленности этих масс к развитым формам политической жизни. Органы исполнительной власти, созданные по формально-демократическим принципам, не смогли совладать со сложностями политической и социально-экономической ситуации. Роковую роль сыграла и недееспособность демократии, не вписанной в сильную исполнительную власть. Вторая попытка создания украинского государства потерпела неудачу во многом из-за этих причин.

Но, возможно, главной трагедией этого периода стало отсутствие во главе украинского национально-освободительного движения харизматического лидера, подобного Богдану Хмельницкому. Имея такого лидера, украинская революция не обернулась бы атаманщиной,

когда каждый думал лишь о своем селе, волости или уезде, не в силах подняться до осознания общенациональных проблем. Отсюда — феномены республик: Одесской, Донецко-Криворожской, Сорочинской и даже Баштанской и Высунской (обе — в одном и том же Николаевском уезде Херсонской губернии). Важнейшее предупреждение, которое мы получили из прошлого, состоит в том, что в переломные эпохи у нас способна взять верх украинская анархичная ментальность, наше фантастическое умение создавать политический и общественный раздор.

Любому народу необходима очная ставка между нынешним днем и своей историей. Это очень помогает выстроить перспективу, увидеть истинный масштаб сегодняшних достижений и неудач.

Хмельницкий вывел рожденную в огне и хаосе Украину на тропу, которую выбрал для нее среди других троп, уводивших в болота, и дал ей золотую нить Ариадны — национальную державную идею. Сумев не потерять эту нить, Украина через треть тысячелетия пришла к заветной независимости.

ИВАН МАЗЕПА

Прежде чем перейти к Ивану Степановичу Мазепе, изображенному на купюре в десять гривен, хочу сказать несколько слов об одной любопытной арифметической закономерности, присутствующей в нашей истории, или подобии закономерности, или случайности, имеющей вид закономерности... Она имеет отношение и к Мазепе.

От Крещения Руси до независимости Украины прошла тысяча лет. Кто-то скажет, что чуть больше, а именно 1003 года, поскольку Крещение произошло в 988 году, а наша независимость провозглашена в 1991-м. Однако древняя история темна: некоторые историки считают, что Русь была крещена не в 988-м, а в 990 году, а некоторые — что еще позже. Это тысячелетие делится на три равных отрезка, каждый из которых в некотором смысле отрицает предыдущий. Окончание одного отрезка и начало другого отмечено важнейшим для Украины историческим событием.

Переяславскую раду отделяют от Акта о независимости 337 лет — эту цифру можно принять как равную трети тысячелетия. Примерно «на полпути» между Крещением Руси и Переяславской Радой, около 1321 года Киевщину захватывает литовский князь Гедимин (и о дате,

и о князе идут споры, но давайте поверим выдающемуся историку Литвы академику Матвею Кузьмичу Любавскому).

Что же мы видим? Начиная со своего крещения в 988 году Киевская Русь (которую мы теперь, следуя Грушевскому, называем Украиной-Русью) развивается в русле восточнохристианской, греко-византийской по своему происхождению, культуры. Она остается верна этой культуре даже после ордынского нашествия, хотя и в значительной мере утрачивает свои культурные завоевания.

От того, что треть тысячелетия спустя в Киеве утверждается языческий князь, поначалу вроде бы ничего не меняется. На самом же деле сразу намечается смена тенденций. Сперва почти незаметно. Ольгерд и Владимир, наследники Гедимины, — православные князья. Но уже с середины того же века начинает проникать на киевские земли другое, польско-латинское католическое влияние. Около 1386 года Литву перекрещивают из православия в католичество. Эта треть тысячелетия отмечена окатоличиванием и ополячиванием части украинского населения, особенно верхушки, Брестской унией, проникновением в Украину польской культуры и образа жизни, введением магдебургского права в ряде городов, появлением образовательных учреждений по типу средневековых европейских университетов и, наконец, тем западно-восточным культурным синтезом, который ученые окрестили «украинским барокко».

За Украину, за ее ум и душу, за ее тело борются Запад и Восток, Византия. Запад — это хорошо, Запад — это очень хорошо, но он несет с собою ополячивание...

Началась треть треть тысячелетия. После Великого восстания Украина оказывается в составе Российского государства, причем первые 130 лет в качестве автономной Гетманщины, затем другие 130 уже совсем безгосударственных лет — в виде полудюжины российских губерний, около трех лет — как независимое государство, а последние 70 лет — как союзная республика в составе СССР.

Эта последняя треть тысячелетия, при всей своей противоречивости, в целом означала возвращение Украины в православный культурный круг (которого она, правда, по-настоящему не покидала и даже воевала за то, чтобы его не покидать). Символом этого возвращения стало двукратное упразднение Брестской унии (в 1839 и в 1946 годах). Из огня да в полымя — так оценивают эту треть тысячелетия люди, которые склонны не замечать неудобных для них обстоятельств и под-

робностей. Избежали ополячивания, но подверглись русификации — вот что значит, по их мнению, из огня да в полымя. А среди подробностей и обстоятельств, которых они не замечают, есть и то, что истекла и последняя треть... И в какой новый цивилизационный цикл мы вошли? Если пройденный нами путь говорит о неизбежности чередования «византийского» и «римского» преобладаний, сейчас настал черед преобладания «римского», а лучше сказать западного, и становимся мы в этот черед все-таки далеко не до конца обрусевшими.

При чем же тут Мазепа? При том, что, если подмеченная закономерность верна, дела его в 1709 году вряд ли могли пойти удачно.

Если Хмельницкий — символ преемства украинской государственности от Киевской Руси до наших дней, то Мазепа олицетворяет для нас Альтернативу (именно так, с большой буквы). В глазах многих он уравнивает Хмельницкого, исправляет крен.

Почти все, что писали о Мазепе раньше, было окрашено изначально отрицательным к нему отношением. Поэтому все плохое, что только можно о нем сказать или придумать, давно уже сказано и придумано. Его обычные человеческие недостатки и слабости раздувались до демонических размеров. То, что Кочубей «богат и славен», «его стада неисчислимы» — это хорошо, богатства же Мазепы — это плохо. Но кто жертвовал из своих богатств на благотворительные цели, кто из этих двух «олигархов» взял на частичное содержание Киево-Могилянскую академию? Не Кочубей.

Иван Степанович Мазепа-Колединский родился в селе Мазепинцы близ Белой Церкви. Происходил он из достаточно знатного шляхетского православного рода. Точная дата рождения Мазепы неизвестна. Шведы, имевшие с ним дело в 1708 году, утверждали затем, что ему было 64 года. С другой стороны, в каких-то бумагах XVII века утверждается, что он родился в 1629 году. Тогда ко времени Полтавской битвы ему было бы 80 лет, что маловероятно. Видимо, он родился в конце 1630-х годов. С 1649-го по 1652 год, то есть в детстве (или, правильнее сказать, в отрочестве), он был пажом при дворе польского короля Яна Казимира, после чего послан королем на три года в Европу — учиться. (Как видим, православие не всегда было помехой при католическом дворе.) Все эти годы, напомним, Украина была охвачена огнем Освободительной войны.

Известно, что Мазепа побывал в немецких и итальянских княжествах и королевствах, а также в Голландии и Франции. Среди прочих

наук он изучал здесь основы строительства крепостей и артиллерийское дело. Вернувшись в Польшу, он с конца 1650-х годов начинает, в качестве королевского посланца, ездить к гетманам Правобережной Украины (продолжавшей быть в составе Речи Посполитой). Уже тогда своей расторопностью и «цекавостью» (пытливостью) он обратил на себя внимание Петра Дорошенко.

После некоей любовно-скандальной истории Мазепа в 1663 году навсегда покидает придворную службу, а заодно и Польшу. Став гетманом, Дорошенко берет к себе Мазепу ротмистром «надворной хоругви». Так начинается его карьера в Правобережье. Она длилась много лет. За это время он, в частности, ездил послом от Дорошенко на Левый берег (то есть в российские пределы) и там «глянул» будущему гетману Ивану Самойловичу. В Мазепе было что-то такое, что привлекало людей.

Не все дипломатические миссии, поручавшиеся Мазепе, были удобоисполнимы. Как пишет историк запорожцев Дмитрий Яворницкий, в июне 1674 года Дорошенко, «желая возможно скорее получить помощь от турецкого султана и крымского хана, а также наперед задобрить их, послал им в дар 15 человек, забитых в колодки невольников, козаков Левобережной Украины». Дорошенко воевал в это время против левобережного гетмана Самойловича и белгородского воеводы князя Ромодановского. Выбора у Мазепы, боюсь, не было, нравы были просты и круты, мнения подчиненных никто не спрашивал. «Взяв колодников, кроме того 9 человек татар (вероятно, в качестве охранителей), письма гетмана к хану и визирю, Мазепа направился сообразно указанному маршруту». По дороге караван попал в засаду к запорожцам. Мазепа был бы растерзан ими, если бы не вмешательство кошевого, знаменитого Ивана Серко. Закованного в кандалы Мазепу отправляют на Левый берег. Похоже, не все в этой истории просто: гетман Самойлович сразу же отправляет Мазепу в Москву, а в сопроводительном письме к царю (ни более, ни менее!) просит его больше доверять Мазепе, чем Серко. Нельзя исключить, что Мазепа мог подстроить свое пленение, чтобы уклониться от выполнения позорной миссии, но сохранить алиби перед Дорошенко. Почему хитросплетения XVII века непременно должны были быть проще современных?

В Москве Мазепа действует, как пишет Костомаров, «во вред Дорошенко, сумев поддаться в доверие московским боярам». Видимо,

Ивану Степановичу становится окончательно ясно, что борьба Дорошенко за воссоединение расколотой Украины под турецким протекторатом обречена. Мазепа переходит на службу в «малороссийскую» Гетманщину в звании «войскового товарища».

За последующие годы службы в Гетманщине под началом гетмана Самойловича у Мазепы, судя по всему, сложились твердые убеждения о том, что хорошо и что плохо для Украины, — убеждения, которые затем определили его место в истории.

Как пишет историк Антонович, в душе бывшего пажа и придворного жил идеал — завести шляхетское устройство Украины по польскому образцу, то есть, создать дворянское государство со всем набором аристократических прав и свобод. Города также расширили бы свои вольности, появились бы университеты, поощрялись бы искусства. И только крестьянам в этом государстве, по тому же польскому образцу, не предусматривалось другой роли, кроме как быть крепостными.

Что касается последнего пункта программы, его успешно выполнял гетман Самойлович. Он начал планомерное закрепощение крестьянства.⁵⁸

Но в остальном Самойлович был «гетман-попович». Искусства он поощрять не собирался, хотя и был образован. Не только с народом, но и со знатными людьми он держал себя как самодержавный деспот. Его прихлебатели творили от его имени любые бесчинства. Во всей Гетманщине при Самойловиче не было суда без взяток. Никаких надежд на то, что Украина при подобном гетмане может приблизиться к тому устройству, о каком мечтал Мазепа, не было.

Мазепа, с 1682 года генеральный есаул, понимал, что об устранении Самойловича, кроме его родичей (он славился кумовством), никто не заплачет. И это наконец произошло. В Москве давно мечтали ликвидировать крымское «осиное гнездо», еще больше в этом нуждалась Украина. В 1686 году Россия присоединилась к антитурецкой «Священной лиге», куда уже входили Австрия, Польша и Венеция, в связи с чем на следующий год был затеян «крымский поход». Возглавил его Василий Голицын, человек просвещенный, большой западник, но неважный полководец. Русского войска было свыше 60 тысяч, к нему присоединилось до 50 тысяч казаков во главе с гетманом Самойловичем, но все кончилось ничем. Не дойдя двухсот верст до Перекопа, армия остановилась у Конских Вод на Днепре, поскольку

ку татары подожгли степь и испортили колодцы. Дальнейшее продвижение стало невозможным из-за отсутствия фуража и воды. Потоптавшись, войско повернуло обратно, даже не вступив в контакт с неприятелем. На этом великий крымский поход и окончился.

Сразу пошел слух об измене Самойловича, якобы поджегшего степь «из дружбы с татарами». Генеральные старшины и несколько полковников подали Голицыну донос с рядом обвинений против гетмана. Голицын обрадовался, что есть на кого свалить неудачу похода. Одни авторы говорят, что руководил доносчиками Мазепа, другие это отрицают.

Самойлович был отстранен от гетманства и сослан в Тобольск. 25 июля 1687 года казачья рада избрала новым гетманом Мазепу. Ему было тогда под 50; два года спустя, при первом знакомстве с Петром I, Мазепа уже называет себя «стариком».

Их знакомство произошло вскоре после неудачной попытки государственного переворота, предпринятого царицей Софьей. В это время Мазепа как раз был в Москве и очень понравился молодому царю.

Мазепа пробыл на гетманстве 21 год — дольше, чем кто бы то ни было из всех известных истории гетманов (если не считать полубогатых Свитольдовича и Дашкевича). Его гетманство стало временем культурного расцвета и хозяйственного подъема Украины — «одного этого было достаточно, чтобы имя Мазепы прославилось в веках» (Орест Субтельный). Он щедро жертвовал на строительство церквей. Его вкус отразился в их витиеватом стиле, который иногда зовут казацким, или мазепинским, барокко. Он открыл много школ и типографий, на его личные средства были возведены новые корпуса Киево-Могилянской академии. Не забывал он и себя. К концу своего гетманства он был одним из богатейших людей Европы. Мазепе принадлежало 100 тысяч крестьян в Украине и 20 тысяч — в соседних уездах России.⁵⁹

В советское время считалось, что естественное состояние патриота «в царское время» — сугубая нищета. Богатство не мешало Мазепе быть горячим патриотом Украины. Патриотизм обусловил, помимо явной, скрытую линию поведения гетмана. Она поддается расшифровке. Первоначальные Переяславские статьи Богдана Хмельницкого, числом 23, не раз менялись — цари и гетманы договаривались о новых статьях, редактировали или отменяли старые. При

вступлении Мазепы в должность были приняты, по казацкой челобитной, обновленные «Коломацкие статьи» (Коломацкие, поскольку были приняты на берегу реки Коломак), числом более 40. Они никак не приближали Украину к польско-аристократическому идеалу Мазепы. Но с воцарением Петра у него явно появились надежды.

Можно предположить, что за образец Мазепа держал в уме Гадячский договор 1658 года между гетманом Правобережной Украины Иваном Выговским и польским королем, по которому «Русское княжество» в составе Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств становилось третьим, наряду с Польшей и Литвой, равноправным членом Речи Посполитой. «Русское княжество» чеканило бы свою монету, отправляло бы и принимало послов, в нем открылись бы два университета! А Речь Посполитая превратилась бы в федерацию. Гадячский договор остался на бумаге, но бумага сохранилась и сильно искушала.

Гетман, вероятно, рассуждал так. Поскольку молодой царь показывает себя горячим западником, то поневоле будет во всем брать пример с Польши и Франции, создавать аристократическое государство, вводить просвещенное правление, расширять дворянские вольности вообще и в Гетманщине в частности, так что «Коломацкие статьи» можно будет менять в нужном направлении. Мазепа понимал, что быстро такие дела не делаются, у Петра есть первоочередные военные и политические задачи, он был готов ждать.

Но постепенно стало ясно, что царь и не думает создавать аристократическую монархию, а строит централизованную бюрократическую империю, где нет места «старомодным» местным обычаям. Не расширять старинные права Гетманщины, а не потерять хотя бы важнейшие из них — вот о чем следовало думать. И Мазепа находит единственно возможный выход: быть преданным помощником царя, помогать ему делом и советами, особенно в том, что касается Польши, лишь бы не дать повода для гнева на себя и на Украину.⁶⁰

Петр I относится к Мазепе наилучшим образом и в течение 20 лет переправлял в гетманскую ставку все поступавшие на него доносы. Но Мазепу не покидает подозрение, что царь задумал лишить Украину ее прав и вольностей. Он видит слишком много косвенных доказательств, говорящих о таком намерении. К тому же в июле 1706 года в Киеве об этом в пьяном виде проговорился Мазепе Меншиков. И тогда Мазепа вступает в тайную переписку с польским королем

Станиславом Лещинским и шведским королем Карлом XII — врагами России. Дальнейшее хорошо известно: в октябре 1708 года Мазепа с 4—5 тысячами верных казаков перешел на сторону шведов.

Те, кто называет Мазепу предателем, должны немного поразмыслить. Разве он сделал это из корысти? Он, один из самых богатых людей Европы? Или, может быть, из легкомыслия? Такой многоопытный политик? Значит, он перешел на сторону Карла XII из карьерных соображений? На семидесятом (примерно) году жизни и уже сделал максимально возможную для себя карьеру? Но, может быть, он просто решил примкнуть к явно побеждающей стороне? Мазепа, хочу напомнить, перешел с верными людьми через Десну в расположение шведской армии почти через месяц после серьезного поражения шведов у Лесной, когда Карл XII оказался без необходимых боеприпасов и провианта, без надежды на людские подкрепления.⁶¹

Сколько бы мы ни ломали голову, мы не найдем другого объяснения, кроме того, какое дал сам гетман — в том числе и как пушкинский персонаж:

Но независимой державой
Украине быть уже пора —
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.

Боль и страх за судьбу Украины — вот что двигало им. Целью же была ее независимость. Северная война уже переступила порог Украины. Мазепа был не вправе исключить, что Россия в случае поражения может откупиться частью Украины. Такой пример уже был. В 1667 году Россия заключила с Польшей Андрусовский мир, по которому вся Правобережная Украина, исключая Киев, отошла полякам.⁶² Мог ли Мазепа быть уверен, что история не повторится?

Главной из договорных статей между казацкой радой и царями всегда была защита Украины от Польши. Эту защиту цари брали на себя, она составляла саму основу договорных отношений, но когда возникла угроза вторжения в Украину войск польского короля, Петр I написал Мазепе: «Не то, что десяти тысяч, не могу дать и десяти солдат. Защищайся как знаешь».

Уже одно это формально освобождало другую сторону от ее обязательств.

Мазепа был, похоже, убежден, что его переход с несколькими тысячами казаков на сторону Карла XII отведет от Украины кровопролитие, ибо царь не захочет увеличивать в такой миг число своих врагов.⁶³

Вопреки ожиданиям Мазепы, народ его не поддержал. Доводы, казавшиеся ему такими очевидными, не вызвали отклика у простых людей, к которым он взывал в своих универсалах и прокламациях. Обиды народа не совпадали с обидами старшины. Обращаясь к народу, надо помнить о том, что важнее всего для народа, и не начинать с идеалов, стоящих у него на пятом или седьмом месте. В Мазепе простой народ всегда видел «ляха», перешедшего на московскую сторону ради личных выгод. Для крестьян он был закрепоститель, второй Самойлович, только хуже. Как ни при ком другом, при Мазепе в Украине развилось крепостное право. Мы не можем осуждать людей, помнивших о его богатствах и не вспоминаявших о щедрости и пожертвованиях. Зато поддержали Мазепу запорожцы, которых он всю жизнь не любил, считая «гультаями».

Восемь месяцев спустя шведская армия была разбита под Полтавой. На стороне шведов сражались верные Мазепе запорожские казаки, которыми командовал Кость Гордиенко. На стороне русских — казаки нового гетмана Ивана Скоропадского и среди них, во главе Охочекомонного полка, белоцерковский полковник Семен Палий, легендарный вождь двух народных противощляхетских восстаний в Правобережье, личный враг Мазепы. В некоторых народных сказаниях Полтавская битва — это битва Палия с Мазепой.

История Мазепы — это прежде всего трагедия, одна из тысяч украинских трагедий. Бой где-нибудь в Прикарпатье осенью 1944-го между красноармейцами, освобождающими Украину, и повстанцами УПА — это продолжение битвы Палия с Мазепой. К подобным трагедиям неприменимы оценочные категории. Трагедия — это когда правы обе стороны.

Русский поэт Кондратий Рылеев вложил в уста Мазепы именно эту мысль:⁶⁴

Спокоен я в душе своей;
И Петр, и я — мы оба правы.

Можно допустить, что Мазепа стремился встать, и встал во главе Украины, имея в виду одну-единственную цель: с иностранной помо-

шью нанести поражение России, в которой он видел, справедливо или нет, зло и пагубу Украины. «Мятеж не может кончиться удачей — в противном случае его зовут иначе». Но самое интересное, что старый гетман, возможно, все же добился своего. Если царь действительно замышлял лишить Украину ее автономного статуса (это, правда, не доказано), то после событий 1708—1709 годов он счел за благо не рисковать.

В наши дни упорное отношение к Мазепе как к предателю уже нелепый анахронизм. Оно может свидетельствовать о некоторой душевной незрелости, о привычке к одномерному миру «свой — чужой». Отсюда всего шаг до присвоения себе монополии на любовь к родине. Это можно сказать о тех, кто «плохо относится» к Хмельницкому. Таких меньше, но есть и они.

К счастью, ни одна вражда не вечна. Если бы Хмельницкий знал, какими стойкими борцами за независимость Украины со временем станут греко-католики — те самые униаты, против которых он столько боролся, он, возможно, смотрел бы на них не столь непримиримо.

Хорошо, что наш Национальный банк, с которым я часто бывал не согласен по другим поводам, поместил портреты двух этих людей на гривны. У нас люди все еще ведут борьбу против памятников и портретов. Но деньги никто рвать в знак протеста не будет. Видя Мазепу и Хмельницкого в своих кошельках вместе, наши люди привыкают терпимее относиться к своей истории, к ее творцам. Да, пожалуй, и друг к другу.

Украина и русский язык

УКРАИНСКИЙ КАК УГРОЗА

Одна из излюбленных тем российских СМИ, когда речь заходит об Украине — это гонения на русский язык, которые якобы вовсю идут в нашей стране. Некоторые из российских СМИ вообще редко вспоминают Украину вне этого повода. У многих неискушенных россиян, как я слышал, сложилось фантастическое впечатление, что, скажем, во Львове просто опасно заговорить на улице по-русски. Я понимаю, что таков закон современной журналистики: лишь плохая новость считается новостью, с этим ничего не поделаешь. И если плохой новости нет, надо «окошмарить» (очень выразительное слово) новость нейтральную — скажем, о смене названия улицы.

Родственники рассказывали мне, что в современной Москве не осталось ни улицы Пушкина, ни улицы Чехова. В ходе кампании по восстановлению исторических городских имен этим улицам вернули их дореволюционные названия. Наверное, при большом желании на основе этих фактов можно сделать телерепортаж об антирусских настроениях правительства Москвы. И для подкрепления найти каких-нибудь простых людей, которые охотно расскажут перед телекамерой, насколько они возмущены происходящим.

Если в течение года на каком-нибудь из московских телеканалов Львов (к примеру) появлялся десять раз, и все десять телесюжетов рассказывали о чем-то таком, что можно было истолковать в широком смысле как «антирусское», рядовой российский зритель в конце концов решит, что город с населением 800 тысяч жителей (включая 120 тысяч русских) вообще не имеет других забот, кроме как бороться с русским языком, и ничего достойного внимания сверх этого в нем не происходит. А стало быть, это страшное место, и ездить туда ни в коем случае не надо.

Я сейчас поведу речь о некоторых вещах, которые кому-то могут показаться набившими оскомину, но, как я уже говорил в предисловии и убеждался в своей жизни многократно, вещей самоочевидных для всех и каждого не существует, поэтому скупиться на объяснения

не надо никогда. Особенно, если речь идет о важных вещах. То, что самоочевидно для одного, может оказаться полной новостью для другого.

Украина — государство, которое по ряду параметров вынуждено воссоздавать себя. Конечно, не с нуля, но с достаточно низких отметок. Одним из важнейших параметров государства является государственный язык. В Украине он, естественно, украинский. В каком же состоянии находился украинский язык в момент провозглашения нашей независимости? Сказать, что не в блестящем — значит, не сказать ничего.

В ходе переписи 1989 года, еще советской, 72,7% жителей Украины назвали себя украинцами. Но это не значит, что именно такова была в 1989 году в Украинской ССР доля людей с украинским самосознанием. Советский человек называл ту национальность, какая у него была записана в паспорте, хотя никакие документы при переписях, советских или нет, никогда не спрашивают и не предъявляют, это мировая практика. С тех пор утекло много воды, в нашей жизни переменилось едва ли не все. В паспортах граждан новой демократической Украины отсутствует пункт «национальность». Вопрос о самоидентификации каждый решает сам, и это правильно. По всем Божеским и человеческим законам, государственная независимость, в условиях которой мы живем уже второе десятилетие, должна была пробудить у множества людей дотоле дремавшее украинское национальное чувство. Кроме того, за годы независимости в Украину, на свою историческую родину, переселились сотни тысяч украинцев из СНГ, а среди людей, покидавших Украину, доля украинцев была меньше их доли в населении страны. Все это вместе взятое должно было существенно повысить долю людей с украинским самосознанием. Повысить — но от какого уровня? Вычислить этот уровень по прежним переписям, повторяю, довольно трудно.

Одним из главных признаков этнической нации (о гражданской и политической нации речь впереди) является ее язык. По данным переписи 1989 года, 12,3% процента украинцев, живших в Украине, объявили, что не считают украинский язык родным. Подчеркиваю: не 12,3% всех жителей республики, а именно украинцев. Что касается живших в УССР русских, две трети из них вообще не владели украинским языком. Для сравнения: русским языком не владела только треть украинцев УССР. Всего в тогдашней Украине не знали украин-

ского языка 11,8 млн человек или 23% населения республики. Это число включало почти два миллиона лиц, назвавшихся при переписи украинцами.

Два миллиона! Очень и очень немало, это могла быть целая страна — такая, как Словения, Монголия, Эстония, Эмираты, Кипр. Числясь украинцами, живя не где-то в диаспоре, а в самой Украине, они указали при переписи, что не владеют (совсем, вообще, никак) украинским языком. Я напираю на это не для того, чтобы как-то заклеить этих людей. Мне хочется нагляднее показать положение дел, доставшееся нам в наследство от советских времен, когда на украинской земле человек не только мог легко обходиться без украинского языка, но и не испытывал социального дискомфорта в связи с его незнанием. Отсутствовал сколько-нибудь сильный императив, в первую очередь моральный, изучать язык народа, чье имя носила эта земля.

Данные переписи 1989 года, касавшиеся национального состава и языков, были обнародованы, помню, только в конце 1990 года. Я был тогда народным депутатом и сказал кому-то из коллег (уже забыл, кому, но, может быть, он вспомнит), что такое состояние называют кануном капитуляции. Подобные вещи говорят обычно в сердцах, и, конечно, это было преувеличение, но почувствовал я себя после этих цифр препогано.

К тому же не требовалось быть статистиком, социологом или психологом, чтобы ощутить: цифры этой переписи (по крайней мере там, где дело касалось Украины) были искажены в «утешительную» для нас сторону. И не потому, что кто-то специально их искажал, хотя, конечно, возможно всякое. Просто мы все инстинктивно знали, что люди во время переписей (я уже где-то говорил об этом) сплошь и рядом дают не столько правильные, сколько «политкорректные» ответы. Стало быть, истинная картина была еще страшнее.

Чтобы мои русские читатели поняли, с каким положением вещей в языковой и культурной сфере Украина пришла к своей независимости, я попрошу их проделать одно мысленное упражнение. Вообразите (вам это будет трудно, но, пожалуйста, сделайте попытку), что в сегодняшней России только 20% книжной продукции выходит на русском языке, остальное — ну, скажем так, на языках национальных меньшинств России. Уверен, что ваше воображение отказывается это сделать. Так вот, по данным на июль 1990 года, удельный вес

продукции на украинском языке на книжном рынке Украины составлял даже меньше 20%, и люди благоговейно вспоминали 60-е годы, прежде казавшиеся им ужасными, когда этот показатель составлял целых 69%.

Теперь представьте себе, что в третьем по величине городе России (это, видимо, Нижний Новгород? Или Екатеринбург?) не осталось ни одной школы с обучением на русском языке. Наверное, и это вам немыслимо себе представить. Но очень похожая вещь произошла в Донецке, третьем (после Киева и Харькова) городе Украины. Здесь к 1989 году закрылась последняя школа с украинским языком обучения.

Продолжаем мысленный опыт. Нет, нет, утешают вас, смотрите: пусть в Москве, Петербурге, Ростове, Самаре, Саратове, Новосибирске преобладают иноязычные школы, но ведь в них сохранилось изучение русского языка, неужели вам этого мало? Вы вглядываетесь внимательнее — и что открывается? Родители не хотят, чтобы их дети изучали русский язык, они считают, что дети переутомляются на уроках русского языка, что это вредит их здоровью. И родители пачками несут заявления директорам школ с просьбой освободить их чад от мало кому нужного предмета. И растет молодежь, не знающая языка своих отцов и дедов, да еще и бравирующая этим. Представили себе? Вам стало страшновато? Но именно такое происходило в Киеве, Днепрпетровске, Кировограде, Черкассах, Чернигове — но только с украинским языком.

А теперь представьте себе, что менее 30% профессиональных театров России остались русскими. И, наконец, ответьте сами себе, будете ли вы довольны, если вдруг почему-то окажется, что 12,3% от общего количества русских Российской Федерации (то есть почти 15 миллионов) не считают русский язык родным? Или выяснится, что 6,25 миллионов русских вообще не владеют им — не знают и явно не хотят знать. И обнаружится, что вместе с этими последними в Российской Федерации не знают русский язык (совершенно не горя по этому поводу) почти 34 миллиона человек. Причем, это совершенно не мешает им жить: они говорят на своем языке (например, украинском) и все их понимают как миленькие. Нереальная картина, правда? Но именно такая картина (только поменяйте названия языков и введите поправочный коэффициент на численность наций) была реальностью Украины на пороге ее независимости.

Что могло ждать Украину в том случае, если бы «Союз нерушимый» оставался нерушимым еще лет 50? Относительно Украины в целом сказать трудно, однако 5—6 наиболее населенных областей востока и юга Украины могли повторить «кубанский сценарий».⁶⁵

Но как могла возникнуть сама возможность подобных угроз? Как Украина оказалась в подобной ситуации?

В этой книге уже говорилось о том, как в XVIII веке, частично переместившись в Москву и Петербург, киевское просвещение начинает обслуживать всю Россию, как выпускники Киево-Могилянской академии несут пастырское служение во всех концах империи, становятся епископами, архиепископами, митрополитами, как прекрасно образованных украинцев зазывают во все российские епархии, как украинцы участвуют в становлении петербургского классицизма и как «малороссийский» дух в итоге проникает повсюду. Но... из культуры самой Украины словно вынут стержень. Она не теряет своеобразие (невозможно представить великорусскую версию такой фигуры, как наш странствующий философ Григорий Сковорода), в Украине все еще самое грамотное население в империи, но в конце XVIII века число ярких имен уже заметно меньше, чем в его начале.

Процесс провинциализации шел достаточно медленно и поэтому слабо осознавался современниками. Упадок притворялся расцветом.⁶⁶ Но к концу XVIII века Украина больше не могла похвастаться тем, что располагает ведущими или лучшими учебными заведениями империи. Таковые находились уже не в Украине, а в России. Киево-Могилянская академия перестала быть кузницей культуры и превратилась в оплот схоластики. В ней учились теперь почти сплошь сыновья священников.

Естественные границы всякого народа наиболее четко обозначает его язык. Он связывает все сословия и все земли расселения этого народа. Украинских патриотов, озабоченных судьбой родного края, не могло не тревожить, что витиеватый язык киевских книжников (сегодня мы называем его староукраинским литературным), будучи понятен образованным людям в Москве, был почти непонятен простому народу Украины. Можно сказать и так: язык киево-могилянской учености был фактически отдан великороссам, усвоен, а затем и переработан ими. Настоящий украинский язык никуда не делся, но на письме чаще использовался не он сам, а какие-то его производные. Народный язык считался грубым и недопустимым в просвещенных трудах.

Видимо, многие украинские авторы считали, что пишут на языке, общем для «Великороссии» и «Малороссии». Так, вероятно, считал архимандрит Киево-Печерской лавры Иннокентий Гизель. В 1674 году он написал «Синописис или краткое собрание от различных летописцев». Он первым в общедоступной форме изобразил «перенос столицы» Руси в XII веке — другими словами, обосновал идею правопреемства владимиристо-суздальских (а затем и московских) князей от киевских. Не зря его книга выдержала до 30 изданий и вплоть до XIX века использовалась как учебник истории по всей России.

Универсальным, по всей вероятности, считали свой язык казацкие историки вроде Самуила Величко, считал Григорович-Барский, автор четырехтомных записок о путешествии в Святую землю и многие другие. Что еще важнее для украинской литературы, подобным же было отношение к языку своего творчества и у Григория Сковороды. Сковорода — гений, и уже поэтому стоит особняком; вместе с тем, отношение к литературной школе, писавшей на староукраинском литературном языке, за последние сто лет было разным.⁶⁷ Мысль, что универсальный для России и Украины язык невозможен, выглядит сегодня совершенно очевидной, но, чтобы понять это в те далекие времена, надо было пройти путем проб и ошибок.

И когда он был пройден, оказалось, что под занавес XVIII века, после восьми веков существования украинской литературы, Украина должна заново вырабатывать нормативный литературный язык! Энтузиасты, взявшиеся за дело, не вполне представляли себе объем задачи.

Ситуацию очень хорошо обрисовал Орест Субтельный. Необходимо было, пишет он, «превратить “наречие” простого народа в средство самовыражения всех украинцев... установить прочные связи между элитой и массами, заложить основы общей национальной идентичности... Сами первопроходцы сомневались в перспективности своих начинаний и рассматривали их лишь в качестве экспериментов и курьезов. Это, например, относится к “Энеиде” Ивана Котляревского — первому литературному произведению на языке украинских крестьян и мещан. Именно это произведение, увидевшее свет в 1798 году [что характерно, в Петербурге — Л. К.], положило начало и украинскому литературному языку и новой украинской литературе... Поначалу он вообще не предназначал свой эксперимент для публикации, и лишь уступая настояниям друзей, напечатал “Энеиду”, которая, к его удивлению, имела бурный успех среди левобережного дво-

рянства. Но и после этого сам автор не отдавал себе отчет в том, что в языковом и литературном отношении его произведение явилось поворотным пунктом».

Почин Котляревского и его последователей был для украинского литературного языка воистину революционным. Теперь, с двухсотлетнего расстояния, понимаешь, что этот шаг был совершенно необходим. Не будь его, украинская культура могла полностью русифицироваться еще в течение следующих ста лет. Ирландская и шотландская культуры не слились с английской, только сделались на 99% англоязычными, но ирландцы и шотландцы являются кельтами и прекрасно это знают, гордятся этим, противопоставляют себя англичанам, которые не хуже их знают про себя, что они — саксы, и тоже очень гордятся этим. А наша общность с русскими от Рюрика никак не препятствовала бы нашей ассимиляции, напротив — оправдывала бы ее, так что украинская культура слилась бы с русской полностью, не осталось бы даже такого явления, как украинская русскоязычная культура.⁶⁸

Новая украинская драматургия началась тоже с Котляревского. В 1819 году была поставлена его пьеса «Наталка-Полтавка», не сходящая со сцены по сей день. Но украинский театр появился только к концу века. Дебют новой украинской прозы запоздал, по сравнению с дебютом новой украинской поэзии, ни много ни мало, на целых 36 лет. Впечатление такое, что наша история никуда не торопилась. Орест Субтельный рассказывает об этом так: «Согласно легенде, украинская проза возникла в результате пари, которое потомок знатного казацкого рода Григорий Квитка-Основьяненко заключил с сыном священника, ректором Харьковского университета Петром Гулаком-Артемовским. Последний, чувствуя сильное тяготение к украинскому языку и экспериментируя с ним в литературе, все же был убежден, что будущее его безрадостно. Поскольку украинские дворяне предпочитали украинскому языку русский, а по-украински говорили только крестьяне, Гулак-Артемовский полагал, что ничего серьезного на этом языке написать нельзя. Но Квитка-Основьяненко не согласился с ним и решил доказать обратное. В результате в 1834 году появились на свет “Малоросійські оповідання Грицька Основ’яненка”».

Речь идет о первых шагах нового украинского языка. Вдумайтесь, пожалуйста, в эту дату: 1834 год. Прикиньте, много ли времени отпустила история украинскому народу на решение задач, которые у дру-

гих народов заняли многие столетия? Отрезок между 1834 и 1918 годами составляет всего лишь 84 года. Человеческая жизнь нередко длится дольше. В начале этого отрезка украинский народ еще не обладает сложившимся и нормативно упорядоченным литературным языком, он все еще пребывает в неведении относительно своего истинного имени, он продолжает жить в разных государствах, он не вполне четко представляет границы своей этнической территории, он пока еще лишен ясного национального самосознания и не имеет национальной символики. Но уже в 1918 году украинский народ объявит о своей независимости: в январе — в Киеве, в ноябре — во Львове, а 22 января 1919 года — и об объединении, пусть и символическом, разорванной родины воедино. Не знаю, известны ли мировой истории другие случаи столь стремительного и мощного национального пробуждения? Существуют ли другие примеры того, чтобы такой большой, и при этом расчлененный народ так успешно и в столь исторически сжатые сроки наверстал упущенное? Какие же силы дремали в украинском народе, сколько оказалось в нем скрыто талантов! Никто не расстилал на его пути ковровую дорожку. Совсем наоборот — на этом пути оказалось огромное количество ям и капканов. Но украинцы сумели их преодолеть.

От 1918 года до сегодняшнего дня прошло еще почти столько же лет. Они оказались много тяжелее первых. Даже теперь, когда достигнуто главное, независимость, каждый очередной год — это одоление стены. И начинает казаться, что времена Котляревского были легче. Несколько бар на досуге с удовольствием калякали с крестьянами и казаками, записывая услышанное, а потом неторопливо сочиняли. Возможно. Но у нас есть воистину громадное преимущество перед ними: мы знаем — ибо увидели своими глазами, — что невозможное возможно. Им это, к сожалению, не было известно. Не думаю, что даже в самых буйных мечтах Котляревский или Квитка-Основьяненко могли представить себе Украину в виде самой большой европейской страны — не только независимой, но и, вдобавок, говорящей на языке, который они спасали для нее. Конечно, мне очень хотелось бы, чтобы им являлись такие озарения, но, судя по всему, их мечта была куда скромнее. Характерные для ранних украинофилов настроения отразил поэт Амвросий Метлинский — по собственному определению, «последний бандурист», который тихо напевает «песнь прошлого» на «умирающем языке». Что бы ни думали о себе эти украинские

первопроходцы, по своим последствиям для Украины то, что они сделали, оказалось подвигом.

Многие считают, что, по большому счету, подвиг Котляревского и его последователей состоит в том, что они стали предтечами Тараса Шевченко. Можно даже сказать, что Шевченко превратил их в своих предтеч.

Что такое государственная декларация независимости? Это громкое заявление всему миру: государство Имярек, которого доселе не было, отныне есть. В условиях бездержавности Украины шевченковский «Кобзарь» стал декларацией бытия украинского народа. Устами Шевченко украинский народ объявил всем, кого это касается: «Я есть».

Народ можно признать существующим лишь в том случае, если людей, составляющих этот народ, удерживает и соединяет сознание своей отдельности и обособленности от других народов, рядом с которыми он живет. Национальное сознание украинцев начала XIX века до Шевченко было сознанием «малороссов» — ветви общерусского племени. «Кобзарь» донес до своих читателей совсем другую мысль: они украинцы, дети Украины. Украина Тараса Шевченко это, с одной стороны, реальная территория, а с другой — Мать, Судьба, Воля, Потерянный Рай (наподобие града Китежа), идеальное отечество, которого пока еще нет, но которое грядет:

...Не смійтеся, чужі люде!
 Церков-домовина
 Розвалиться... і з-під неї
 Встане Україна.
 І розвіє тьму неволі,
 Світ правди засвітить,
 І помоляться на волі
 Невольничі діти!..

...І забудеться срамотна
 Давня година.
 І оживе добра слава,
 Слава України,
 І світ ясний, невечірній
 Тихо засіє...

Обніміться ж, брати мої,
Молю вас, благаю!

Роль Шевченко в национальном самоопределении украинцев не сравнима ни с кем до него и после него. Он не только «главный» украинский поэт, но и создатель украинской государственной идеи. Своими стихами Шевченко узаконил слово «Украина» как единственно возможное название нашей родины (и будущего государства!), и, что не менее важно, узаконил слова «украинец» и «украинцы». Мы видим в Тарасе Шевченко пророка, сумевшего «расшифровать» Божий замысел об Украине, Божье послание о ней.

Может быть, и не ставя перед собой такую задачу, Шевченко создал абсолютно необходимый любому возрождающемуся народу миф о собственном золотом веке. Он заронил в миллионы душ не только сказку о блаженстве времен гетманщины, но и мечту возратить эти времена. Парадоксально, но украинское государство помогли возратить к жизни стихи, оплакивавшие невозможность возврата:

Була колись Гетьманщина,
Та вже не вернеться!
Було колись панували,
Та більше не будем.
Тої слави козацької
Повік не забудем.

Конечно, говоря так, я допускаю, с высоты сегодняшнего дня, известное упрощение и «спрямление» хода исторических событий. Даже Шевченко не был волшебником. Чтобы перестроить психологию людей, требуется время. К тому же, невозможно перестроить психологию всех людей. И тут надо сказать об исключительной роли таких «будителей» национального сознания, как народные учителя. Преподавание в сельских народных школах и в воскресных школах для неграмотных крестьян вполне официально велось на «малороссийском» языке (в год смерти Шевченко на книжном рынке предлагалось шесть разных украинских букварей), и именно учителя таких школ стали передовым и самым действенным отрядом украинского патриотизма.

Во всей своей силе преобразующее воздействие Шевченко раскрылось после его смерти (напомню, он умер в 1861 году). Уже

и XIX век приближался к своей последней трети, а в Украине все еще не было своей литературы. То есть были писатели и поэты, но не было литературного потока, не было профессионалов, живущих литературным трудом. На фоне богатства русской литературы украинская выглядела бедной родственницей. Легко ли было в таких условиях утверждаться украинскому языку, как универсальному средству коммуникации всего украинского народа, всех его слоев и сословий? Легко ли ему было в таких условиях обрести способность выражать всю совокупность знаний и представлений о человеке и о мире, овладеть всем богатством оттенков подобных представлений, да хотя бы обрести некую норму, а не быть произвольной совокупностью областных диалектов?

Был и еще один фактор. Как только имперская Россия увидела ту угрозу, которую таило для нее утверждение и развитие украинского языка, она сразу же приняла целенаправленные меры по его принижению.⁶⁹

Остается лишь изумляться, что поставленная в такие условия украинская культура в Российской империи сумела продолжать свое развитие. Школу выживания она окончила на отлично. Даже в годы гонений на украинское слово она выдвинула плеяду первоклассных писателей и драматургов, таких как Иван Нечуй-Левицкий, Панас Мирный, Михаил Старицкий, Иван Карпенко-Карый, Марко Кропивницкий, Михаил Коцюбинский, Леся Украинка, она выдвинула выдающихся этнографов-украиноведов, языковедов, лексикографов, историков, публицистов, театральных режиссеров. Запрет на украинский театр был снят в 1881 году, на все остальное — лишь в 1905-м.

Семьдесят лет, с момента ареста Тараса Шевченко и его товарищей по Кирилло-Мефодиевскому обществу и до революции 1917 года, развитие украинской культуры было развитием «вопреки», развитием «в ответ на». И без того зажатая в тисках времени, вынужденная догонять, украинская культура пребывала в Российской империи в постоянно неравных условиях по сравнению с русской культурой. Население главных городов, в отсутствие полномасштабной национальной школы, было на практике почти сплошь русскоязычным. К тому же в этих городах, по разным причинам, было сравнительно мало украинцев. Аудитория украинской культуры все время оставалась искусственно ограниченной.

Я не склонен демонизировать политику царской России по отношению к украинцам. Она была ошутимо мягче политики, проводившейся в те же годы Францией в провинциях Прованс и Бретань. Люди, ответственные за российскую культурную политику (а среди них было много украинцев по происхождению), верили в «единый русский народ», придуманный киевским архимандритом Гизелем в 1674 году. Они не сомневались, что за украинским движением стоит польская, австро-немецкая или ватиканская интрига или, по слову Солженицына, «подтравка». Циркуляр 1863 года опирался на мнение выдающихся профессоров-украинцев Кулжинского (учителя Гоголя в нежинской гимназии) и Гогоцкого. Вдохновителем «Эмского указа» 1876 года тоже был украинец, историк Михаил Юзефович. Все это сегодня, целую эпоху спустя, не столь важно. Важно лишь то, что все эти люди ошибались. Они не могли понять, что украинский народ был реальностью. А реальность имеет привычку побеждать.

Упрекать, хоть и с запозданием, надо не империю (империя — она и есть империя) и не тех, кто преданно и открыто ей служил, а «передовую», «святую и чистую» дореволюционную русскую интеллигенцию. Украинцы вправе были рассчитывать на ее поддержку или хотя бы сострадание. Или, уж на самый худой конец, на интерес к украинской проблематике. Русская интеллигенция убеждала всех (и саму себя), что ей ненавистно имперское угнетение, любое подавление свободы, любая несправедливость. Но при этом она, в подавляющем своем большинстве, осталась глуха и слепа к Украине.

Уж на что были поклонниками свободы и всех либеральных ценностей кадеты («конституционные демократы»), но и их главный идеолог Петр Струве «сломался» на украинской тематике. В газетной полемике 1911 года он доказывал, что развивать надо не украинскую культуру, а «общерусскую», и что языком культуры в Киеве был и останется русский.⁷⁰ Следует прямо признать: если не считать исключений, просвещенная Россия не подала руку Украине, а утверждение украинства воспринимала с тайной или даже явной ревностью и недоброжелательством. Это порождало встречные крайности. Их кульминацией стал подрыв боевиками Украинской народной партии памятника Пушкину в Харькове в ночь с 30 на 31 октября 1904 года.

В отличие от кадетов, большевики — партия до 1917 года малочисленная и не влиятельная — еще задолго до революции во всех своих декларациях отмежевывались от идеи единой и неделимой

русской нации и провозглашали право наций Российской империи, включая украинскую, на самоопределение. Подобные заявления делал и сам Ленин. Трудно сказать, что было бы, если бы в 1917 году к власти в Российской империи пришли кадеты. Они были против украинской независимости, даже вышли из Временного правительства, объявив его соглашение с Центральной Радой неуместным в тот момент. Но, в отличие от большевиков, они все же были партией европейского типа, отстаивали с думской трибуны право украинцев обращаться на родном языке в органы власти у себя дома и использовать украинский язык в суде. Правда, уж на что европейскими были партии, например, в Британии, а ирландцам свою независимость пришлось завоевывать. В общем, хорошо известно только то, каким «самоопределением» обернулся для Украины захват власти Лениным со товарищи.

БРОСОК

С чем же пришла Украина к 1917 году, какой она была тогда? Украинцы составляли менее трети городского населения. Чем крупнее был город, тем более сильной оказывалась степень его обрусения. Так, в 1917 году лишь 16% киевлян считали украинский язык родным (для сравнения: в 1874 году таковых было 60%, а в 1897 — 22%). Города омывались 30-миллионным украинским крестьянским морем. Украинцы оставались крестьянской нацией, а крестьянство — это главный «народохранитель». Однако задача национальной революции традиционно лежит не на крестьянстве, а на буржуазии, исключений из этого правила в истории христианских народов не было. Крайняя малочисленность национально мыслящей украинской буржуазии страшно замедляла процесс пробуждения. Но и это еще не все. Крестьяне, с одной стороны, были практически не русифицированы, а с другой, как напоминает профессор Роман Шпорлюк, долгое время возглавлявший Институт украинистики Гарвардского университета (США), значительная часть из них еще не успела осознать себя украинцами. Нескольким тысячам энтузиастов украинского движения противостояла государственная система образования и сложившаяся культурная инфраструктура империи. Правда, несколько тысяч человек, сплоченных единой идеей — это совсем немало. В моменты исполинских потрясений, по-

добных революциям, несколько тысяч решительных и целеустремленных людей составляют ту критическую массу, которая способна развернуть общество. В мировой истории всегда так и было. В рутинные же времена они могут лишь накапливать силы и ждать.

Период 1905—1917 годов был временем относительной свободы (очень относительной, с возвратами репрессивной политики в 1910 и 1914 годах), но украинская культура не смогла за столь короткое время отвоевать себе заметный всем и каждому плацдарм на собственной земле. Зато невидимые глазу процессы взросления Украины шли в народной толще благодаря деятельности просветительских организаций («просвіт»), украинских обществ («громад»), народных домов, местных земств, клубов, читален, кооперативов, народных и воскресных школ, благодаря представлениям украинских трупп и все новым изданиям «Кобзаря». Давно уже сказано: чтобы стать материальной силой, идея должна овладеть массами. И этот процесс шел без остановок. Последующие события показали, что фундамент, заложенный усилиями героических бессребреников, оказался несокрушимым.

Мы никогда не узнаем, каким способом в Украине победило бы украинское начало на путях эволюции. Оно победило бы в любом случае, но события резко ускорил 1917 год. Одной из главных задач Центральной Рады стало восстановление исторической справедливости. А это требовало осмысленной культурной и языковой политики. Полное доминирование русской культуры в течение двухсот лет создало такой исполинский культурный перекосяк, что просто ввести украинское делопроизводство, уравнивать украинскую школу с русской, создать украинские гимназии и ввести преподавание на украинском в университетах было если и осуществимо (а на самом деле нет: не хватало кадров), то недостаточно. Нужна была продуманная и тактичная украинизация Украины. Готовых рецептов, как это сделать в условиях демократического государства (а Центральная Рада начала строить демократическое и социальное государство), не было. Выработать соответствующую политику за короткое время оказалось невозможно. Особенно если вспомнить, что это было за время.

Да, Центральная Рада начала государственное строительство тогда, когда еще не завершилось формирование украинской нации. Об этом иногда говорят так, словно в столь неблагоприятных условиях она не должна была затевать дело. Но разве всегда бывает так, что тот

или иной народ получает свой исторический шанс в самое удобное для себя время, как мы — в 1991 году? Разве французские короли приступили к государственному строительству лишь после того, как сформировалась французская нация? Научиться плавать можно только в воде. Так считал Владимир Винниченко, возглавлявший правительство Украины в 1917 году, а позже — Директорию. Свою книгу об этом времени он назвал «Возрождение нации». Читая ее, я отчетливо вижу: возрождению нации (название очень точное) во многом помогли именно усилия тогдашних руководителей Украины в области государственного строительства — пусть многие и считали эти усилия преждевременными. Я говорю это как руководитель Украины, решающий зачастую сходные задачи.

Оценивая деятельность Центральной Рады и своих товарищей-государственников Украины первого призыва, Винниченко написал: «Воистину мы были подобны богам... пытавшимся создать из ничего новый мир». Мало кто поймет его слова о «новом мире» из «ничего» так же хорошо, как я.

При этом Центральная Рада была настолько озабочена тем, чтобы ее культурная политика была безупречно демократической, что в тяжелейших, а лучше сказать чрезвычайных условиях пошла на предоставление культурно-национальной автономии всем национальным меньшинствам Украины. Грушевский и Винниченко все время опасались, что их обвинят в перегибах или в украинском шовинизме.

Удивительной выглядит и фигура гетмана Павла Скоропадского. Людей Центральной Рады он разогнал. Его кабинет состоял наполовину из русских, мало того — в основном из кадетов, да и весь правительственный аппарат пестрел русскими (включая обрусевших украинцев). Многие чиновники совершенно не скрывали своей антипатии к украинской государственности. Вместе с тем, за семь с половиной месяцев гетманского правления было напечатано несколько миллионов экземпляров украинских учебников, украинский язык введен в большинстве школ, основано полторы сотни украинских гимназий — втрое больше, чем при Центральной Раде. Были учреждены Академия наук (ее возглавил Владимир Иванович Вернадский), Национальная библиотека, Национальный архив, открыт украинский университет в Каменец-Подольске.

Наш выдающийся политический мыслитель Вячеслав Липинский утверждал, что гетман сделал огромное дело, а именно приучил

к украинской государственности важнейшую и влиятельнейшую часть общества: обрусевшую элиту Украины, и не только приучил, но и привлек к осуществлению этой цели. Если бы гетман удержался, он, по мысли Липинского, смог бы вырвать идею украинской государственности «из-под монополии идеологической секты» (так Липинский называл украинскую национальную интеллигенцию). То есть, согласно Липинскому, строительство национального государства — слишком важная задача, чтобы поручать ее националистам.

Директория, сменившая гетмана, продержалась слишком недолго, чтобы можно было говорить о ее культурной политике. Тем не менее, Директория формально восстановила национально-культурные автономии, отмененные Скоропадским.

До полного утверждения советской власти летом 1920 года большевики трижды на некоторое время занимали Киев и часть Украины. Первый раз — на месяц в начале 1918 года. Этот месяц стоил многих лет. Красные охотились в основном на царских офицеров, но при этом могли запросто расстрелять человека за документ на украинском языке (раз на украинском, значит, имеет отношение к «контрреволюционной» Раде). Большевицкий комиссар Дубненского уезда на Волыни запретил пьесу «Сватання на Гончарівці» Квитки-Основьяненко, которая не встречала препятствий даже во времена действия Эмского указа. «Играть можно, — объяснил комиссар, — но только не на контрреволюционном языке».

Второе пришествие большевиков произошло в январе-феврале 1919 года и длилось до августа. Советское правительство Украины возглавил Христиан Раковский, личность в высшей степени неоднозначная. В некоторых книгах и учебниках он подан как живой символ большевистского «интернационализма», слепого и глухого к любой народной душе. На первый взгляд, все выглядело именно так: румынский подданный, но при этом болгарин, изрядно (как считалось) обрусевший и не знавший украинского языка. Много раз цитировались следующие его слова: «Декретирование украинского языка в качестве государственного — дело реакционное». А в своем выступлении на III Всеукраинском съезде Советов Раковский сказал даже: «Мы покончили с национальными различиями».

Но Украина кое-чем обязана Раковскому, и уже поэтому не стоит упрощать его фигуру. Главная заслуга Раковского такова: в 1922 году он сумел убедить Ленина в том, что сталинский план включить Укра-

ину (и другие республики) в состав РСФСР на правах «автономии» абсолютно неприемлем. У нас еще будет речь об этом.

Раковский был сыном болгарского помещика. После войны 1877 года та часть Добруджи, где находилось имение его отца, отошла к Румынии. Раковского нельзя назвать «обрусевшим»: доскональное владение русским языком было среди верхов болгарского общества в конце XIX — начале XX веков само собой разумеющейся вещью, но, как просвещенный европеец, он свободно говорил еще на нескольких языках. В 1917 году социалист Раковский по идейным соображениям стал большевиком. Большевики отрицали само понятие «государственный язык», что, конечно же, обернулось полной демагогией. Но в первые годы после революции еще далеко не все было ясно.

Раковский оставался главой правительства советской Украины до лета 1923 года. Его культурную политику не сведешь к двум процитированным заявлениям. Она была неоднозначной и достаточно гибкой. Репрессиями против украинской интеллигенции «заведовал» в 1919 году в любом случае не Раковский, их осуществляла Всеукраинская чрезвычайная комиссия.

7 июля 1919 года по приказу главного чекиста Лациса был расстрелян 67-летний ученый-филолог, украиновед Владимир Павлович Науменко. Хотя он был расстрелян за то, что был заместителем председателя Центральной Рады (всего месяц!), а позже — министром просвещения при Скоропадском (всего три недели!), для украинской интеллигенции это стало зловещим символом. Все помнили, что именно Науменко выступал экспертом, когда российская Академия наук в 1905 году наконец признала, что украинский язык не диалект русского, а отдельный и самостоятельный язык. Под его руководством в «Старой громаде» велась работа над «Словарем украинского языка». Временное правительство назначило Науменко попечителем Киевского учебного округа (еще одна контрреволюционная должность!), он составил и издал «Руководство для изучения украинского языка в русской школе». Какой бы ни была чекистская мотивировка, украинская интеллигенция не могла не воспринять это злодеяние иначе, чем целенаправленный удар по украинской культуре и украинскому языку.

Когда 1 сентября 1919 года большевиков в Киеве временно (на четыре месяца) сменили деникинцы, переменилось почти все, но по-

литика по отношению к украинскому языку переменялась достаточно мало.⁷¹

В чем-то белые пошли дальше большевиков. Они не поленились издать специальный приказ о снятии во всех присутственных местах портретов Тараса Шевченко.

В третий раз большевики вошли в Киев в декабре 1919 года. На этот раз они попытались меньше настраивать против себя национально мыслящих украинцев. В резолюции «О советской власти на Украине» VIII партконференция большевиков в ноябре 1919 года постановила «стоять на точке зрения признания самостоятельности УССР». В резолюции было даже записано: «Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и разговаривать во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план». Впрочем, усердие большевиков на этом направлении не стоит преувеличивать. Председателем Всеукраревкома (законодательная и исполнительная власть сразу) стал Григорий Петровский, незадолго перед тем заявивший в печати, что «украинство поддерживается кулаками и проходимцами» (сам Петровский был украинец). В начале 1920 года последовал запрет использовать украинский язык на железных дорогах Украины. Руководство почтовой службы издало такое распоряжение: «Все деловодство и служебные сношения вести только по-русски».

6 мая 1920 года Киев занимают поляки, в душе готовые к восстановлению Речи Посполитой в границах 1772 года и к новой колонизации края. Но никаких шансов удержаться у них не было. Пилсудский имел под ружьем 700 тысяч человек, и основная часть Украины оставалась под надежным контролем большевиков, создавших 5-миллионную Красную Армию. С военной точки зрения, польский бросок на Киев был актом отчаяния. Через месяц большевики возвращаются, уже «всерьез и надолго».⁷²

Черeda потрясений 1918—1920 годов породила у простого человека страх, как бы от того или иного языка ему не было беды. От простых людей трудно требовать идейного подвижничества.

Культурная и языковая политика советской власти не поддается упрощенным оценкам. Уже с 1920 года советская власть начала внедрять в школах УССР украинский язык и бесплатное обучение. Это было необходимым и неизбежным шагом на пути к полной ликвида-

ции неграмотности. В течение 10—12 лет под лозунгом «всеобща» (всеобщего обучения) постепенно была ликвидирована также неграмотность среди взрослых. Громадным социальным завоеванием (уже 30-х годов) стало обязательное школьное образование для детей до 16 лет. Высшее образование также стало бесплатным, студентам еще и платили стипендию. Молодежь из народа ценила это.

Украинизация советского типа, о чем часто забывают, имела один общий знаменатель с украинизацией в УНР и Украинской Державе Скоропадского, а именно — дерусификацию. Но советская украинизация преследовала более важную цель, «коренизацию» власти. Коренизация проводилась во всех республиках, входивших в 20-е и 30-е годы в СССР, а также в ряде автономных. На национальных языках должны были говорить и вести делопроизводство служащие государственного аппарата, в том числе госбезопасности (как бы она ни называлась в тот или иной период). Национальная школа и национальная государственность были лишь довесками к коренизации. Национальная государственность значила в условиях диктатуры партии гораздо меньше.

При любом отношении к происходившему в 20-х годах, надо признать, что, если бы не проведенная в то время украинизация школы, нашей сегодняшней независимости, возможно, не было бы. Массовая украинская школа, пропустившая через себя десятки миллионов человек, оказалась, как выявило время, самым важным и самым неразрушимым элементом украинского начала в Украине.

Хочу быть правильно понятым: я не ставлю советскую власть в пример Центральной Раде, гетманату Скоропадского или Директории. Эти три версии украинской государственности были тверды в своей решимости сделать Украину Украиной. А вот большевики вполне могли повернуть все иначе. Скажем, секретарь ЦК КП(б) Украины Дмитрий Захарович Лебедь (украинец, из крестьян Екатеринославской губернии) развил целую теорию о том, что в Украине идет борьба двух культур — русской (пролетарской и передовой) и украинской (крестьянской, мелкобуржуазной), и большевики Украины должны быть на стороне русской пролетарской культуры. Правда, пленум ЦК КП(б) Украины эту «теорию» отверг, но ведь мог и не отвергнуть. В большевистской среде сходные теории имели хождение все 20-е годы. Похожие мысли высказывал такой крупный деятель ВКП(б), как Чичерин.⁷³

Большевикам вообще не очень хотелось (а многим из них совсем не хотелось) возиться с национальными языками и культурами, высшие советские руководители постоянно обсуждали эту тему в своем кругу.

После окончания Гражданской войны украинцы составляли только 24% среди членов Коммунистической партии Украины (при 80% населения и 50% рабочего класса). В других республиках разрыв был еще больше. Крепко подумав, большевики сочли за благо возглавить процессы, сделать их управляемыми, вместо того чтобы ожидать неприятных сюрпризов от союзных и автономных республик. В апреле 1923 года XII съезд партии большевиков принял постановление о «коренизации», которая фактически уже повсеместно шла.

Аппарату в Украине следовало начинать коренизацию с себя. Но поскольку удельный вес украинцев в нем в 1923 году не превышал 35%, начался тихий саботаж постановления. Что представлял собою типичный советский чиновник в Украине 20-х годов? В подавляющем большинстве случаев это был уроженец Украины, проживший в ней всю жизнь, но оставшийся чуждым ее языку и ее народу. Такой человек не испытывал никакого дискомфорта от того, что не мог общаться с посетителем-украинцем на его языке. Да и сами посетители, люди, как правило, не слишком уверенные в себе, редко ставили под вопрос такое положение дел. А кто-то и боялся, что «пришьют петлюровщину» — время было лихое. И постоянно звучали доводы, хорошо знакомые нам сегодня: люди, мол, к этому привыкли, зачем эта искусственная ломка, так уж исторически сложилось и так далее. «Сложилось» — глагол безличный. Такая фраза содержит в себе скрытое утверждение, что все сложилось само, никто «исторически» не «складывал». Члены партии, в теории защищавшей интересы народа, не ощущали своей вины перед народом.

Все изменил, как ни странно, московский «варяг», хоть и уроженец местечка Кабаны на Киевщине, Лазарь Каганович, ставший генеральным секретарем ЦК КП(б) Украины весной 1925 года.⁷⁴ Каганович не знал украинского языка, но в ударном порядке выучил его, чем подал пример всему аппарату. Он организовал массовый прием украинцев в партию и более чем в полтора раза повысил долю украинцев среди советских служащих. Уже в скором времени бóльшая часть книг, журналов и газет в республике издавалась на украинском языке. Поверив коммунистам, в Украину вернулись из эмиграции видные ученые

(в том числе Степан Рудницкий — чтобы сгннуть в 30-е годы на Соловках; что касается М. С. Грушевского, он вернулся раньше, в 1924 году), деятели культуры и искусства, писатели. Украинский язык внедрялся в школах командного состава и некоторых красноармейских частях. Уже по состоянию на 1927 год на украинский перешли большая часть техникумов и свыше четверти институтов Украины, и это было только начало. В 1930 году численность школьных заведений с преподаванием на украинском языке составляла 85%.

Во многом вся украинизация носила признаки партийной кампании, но ограничиться таким выводом было бы неверно.⁷⁵ Особая заслуга в том, что официальный курс московского ЦК на коренизацию удалось максимально использовать в интересах украинского культурного возрождения, принадлежит украинским «национал-коммунистам» во главе с Николаем Скрыпником, видным участником Октябрьской революции. Но Скрыпник смог сделать так много лишь потому, что пользовался поддержкой Кагановича, а Каганович верой и правдой служил Сталину, а Сталин в то время боролся за власть и нуждался в поддержке такой силы, как партийно-советское чиновничество Украины.⁷⁶

Сталин победил довольно быстро, так что яркий период возрождения украинской культуры продолжался недолго. Тем более удивительно, как многое было за это время сделано и как многое оказалось уже неистребимым.

Объявить украинизацию ошибкой было для властей идеологически невозможно. Противодействие процессам национального возрождения стало вестись негласными методами. В 30-е годы это были чекистские методы — людей обвиняли в принадлежности к несуществующим террористическим организациям, в шпионаже, в измене родине. В этом был особый чекистский цинизм: обвинить в измене родине человека, больше всего на свете любящего свою родину.

Но именно потому, что прекращение украинизации официально не провозглашалось, очень многое из сделанного осталось. Никакие последующие откаты, никакая обратная русификация (которая тоже не могла быть объявлена открыто) не смогли отменить главного. Миллионы людей, получивших среднее образование на украинском языке, стали залогом и гарантией того, что Украина состоялась. Исторической важности бросок вперед совершило в предвоенные годы и украинское высшее образование. Конечно, новая национальная

интеллигенция по своему уровню не могла сравниться с людьми, которые были душой украинской революции 1917—1920 годов, но зато эта новая интеллигенция исчислялась сотнями тысяч, а в послевоенное время — уже миллионами человек. Очень важным было развитие языка. Украинские ученые разработали недостававшие виды научной, технической, административной, военной, правовой, да и любой другой специальной терминологии.

Один из творцов украинской государственности Владимир Винниченко, находясь в эмиграции, оказался зорче всех. Во времена самого жестокого тоталитарного режима в СССР он не сомневался, что «украинская государственность в Украине есть». Она (писал Винниченко в своем дневнике) живет, накапливает силы, которые скрыто содержат в себе идею самостоятельности и в благоприятное время взорвутся, чтобы осуществить ее. Теперь мы хорошо видим, насколько он был прав. Эти силы были во многом порождены украинизацией 20-х годов, проведенной тоталитарной рукой. Или, как было сказано выше, с помощью «тоталитарной прививки».⁷⁷

Проблема украинизации вернулась к нам буквально с момента провозглашения независимости Украины. Перемены есть, но пока слабые. Если в 1990 году лишь 20% книжной продукции (это хорошая лакмусовая бумажка) в Украине выходило на украинском языке, то сегодня, на двенадцатом году нашей независимости, соответствующий показатель колеблется между 29% и 33% (источники не вполне согласны между собой). Для государства, называющегося Украиной, это, согласимся, неправдоподобно мало. Вдобавок и совокупный тираж книг уменьшился за 1997—2000 годы на 20%. Уже одно это говорит о том, что проблема украинизации еще долго будет стоять на повестке дня. Естественно, что демократическое государство не может и никогда не будет действовать большевистскими методами. Но оно не может и бездействовать.

Украинизация — это восстановление справедливости. Подчеркиваю: справедливости. Значит, действовать мы должны (и стараемся!) справедливо. И никогда не будем действовать иначе. Но я рассчитываю и на чувство справедливости тех, кто все еще выступает против государственной политики защиты и поддержки украинского языка. Хорошо ли с их стороны забывать о неравенстве условий бытования двух языков на протяжении жизни нескольких поколений, по совети ли — игнорировать это неравенство? Как может русский интелли-

гент делать вид, что все было в порядке — просто одна культура оказалась, мол, сильнее и жизнеспособнее другой?

К сожалению, уже ушли из жизни практически все, кто в 20-х годах был в полностью сознательном возрасте и мог бы сегодня поделиться воспоминаниями о «большевистской украинизации». Но осталось достаточно мемуарных свидетельств. Они убеждают нас в том, что даже при тоталитарной власти украинизация не сопровождалась подавлением русской культуры. Была некоторая доля бестолковщины, присущей любой партийной кампании, были мелкие нелепости (Остап Вишня отразил их в сборнике своих юмористических рассказов «Украинизируемся!»), но в целом шел максимально разумный (снова и снова оговариваюсь: максимально разумный в условиях тоталитарного режима) и, главное, вполне здравый процесс восстановления исторической справедливости.

Звучали споры, сталкивались мнения, было непонимание — читайте комедию Мыколы Кулиша «Мина Мазайло», обратите внимание на персонаж по имени Тётя. И в те далекие времена, совсем как в наши дни, далеко не вся русская и обрусевшая интеллигенция проявила понимание происходящего или даже простое великодушие, были насмешки — например, у переселившегося в Москву писателя Булгакова. Сегодня, когда в печать и эфир может попасть практически любая глупость и грубость, эти насмешки уже кажутся почти пустяковыми, почти детскими, но тогда они наверняка задевали и возмущали украинцев.

Какое-то время назад я попросил помощников ознакомить меня с обзором высказываний российской прессы о положении русского языка в Украине сразу за большой период. Может быть, нужен был еще больший период, потому что мне не встретилось ни одного объективного суждения. Российские авторы, освещавшие тему, видели лишь одну ее сторону и совершенно не видели другую. Никто не написал хотя бы вводную фразу или даже половину фразы вроде: «Спору нет, вековая несправедливость в отношении украинского языка должна быть исправлена, однако...» Или: «Да, я понимаю, что в аппарате независимой державы может употребляться только государственный язык этой державы, и вместе с тем...» То есть даже такая, почти ритуальная малость не встретилась ни разу. Газетные заметки оставляли впечатление, что украинское государство при поддержке «патологических галицийских русофобов», во-первых,

взялось изгонять язык Пушкина и Толстого, а во-вторых, делает это единственно из чувства неприязни к его носителям. Я встретил множество упоминаний о сокращении числа русских школ, но ни одного — о том, что русские родители теперь хотят, чтобы их дети получали образование на украинском языке, потому что этим детям жить в Украине, потому что Украина — это уже бесповоротно.

Чего оказалось в избытке, так это шуток и шуточек. Одна была даже смешная. Вот она, пожалуйста: «Начальник спасательной станции на Днепре извещает купающихся, что в связи с объявлением украинского языка государственным крики о помощи на других языках рассматриваться не будут». Все остальные были удручающе глупыми. Причем, я боюсь, что в атмосфере негативной информации об Украине кто-то мог воспринять всерьез даже шутку о спасательной станции.

И ни в одной статье не прозвучала мысль, что именно украинский язык и украинская культура по-прежнему нуждаются в защите. Может быть, эта мысль не кажется очевидной и кому-то из моих читателей. Поясню ее на примере книгоиздательства и книготорговли в Украине. Книжный рынок очень показателен, ведь мы — читающий народ. Ради книг многие наши люди, как известно, способны экономить на еде.

Я уже приводил цифры, показывающие, что лишь около трети выходящих в Украине книг издается на украинском языке. Мне скажут: но ведь в 1990 году они составляли только одну пятую, прогресс налицо. Если и дальше их удельный вес будет возрастать на 1% в год, то не пройдет и сорока лет (всего-то!), как доля книг на украинском совпадет с долей украинцев в населении. Боюсь, не все так просто. Книги, которые издаются в Украине на украинском и русском языках, в Украине же и продаются. Но на книжный рынок Украины вливаются многотысячные тиражи книг из России и Белоруссии. Все они на русском языке, так что истинное соотношение языков на книжном рынке другое. Самое обидное, что львиная доля здесь принадлежит чтиву такого качества, от которого надо защищать в равной степени и украинцев и русских.⁷⁸

Я вообще не очень люблю сравнивать проценты. Гораздо нагляднее сравнить физические объемы издаваемого в Украине и России. Тогда картина окажется много печальнее. В 2000 году на душу населения в Украине издавалось 0,36 книги, тогда как в России — 3,2, в де-

вать раз больше. Наши интеллектуалы горько шутят: «В Украине одна книга, как поллитра, на троих». У нас значительным считается издательство, выпускающее в год больше 20 названий.

И теперь пусть справедливый и объективный человек ответит: кто больше нуждается в помощи и защите? Книжного голода русско-читающая публика у нас совершенно не испытывает. Метрополия русского языка находится в России, так что с русским языком у нас по определению не может случиться никакой беды. Что же касается украинского языка, его живая жизнь ограничена пределами Украины. Только здесь его можно защитить и ему помочь. И никто, кроме украинского государства, сделать это сегодня не в силах. Нет у нас пока таких меценатов и благотворителей, нет богатых общественных организаций. Когда-нибудь все это будет, но еще не завтра.

В течение 70 советских лет русская культура в Украине воспринималась скорее не как этнически русская, а как советская культура на русском языке. В те времена национальное самоотождествление всех народов СССР самыми разными мерами оттеснялось на периферию их общественного сознания. Особенно легко было оттеснить его на периферию русского общественного сознания, как наименее уязвленного. Вот почему многим русским сегодня так нелегко понять украинца, грузина, латыша, молдаванина.

ПОНЕМНОГУ ВЗРОСЛЕЕМ

Когда я слышу (а слышать приходится нередко), что после развала СССР оказались разорванными все связи, было расчленено дотеле единое информационное и культурное пространство, у меня сразу возникают некоторые сомнения. Пространство русской, точнее, русскоязычной масс-культуры ничуть не разорвано. Более того, оно никогда не было столь прочным и цельным, как сегодня.⁷⁹

Но стоит лишь затронуть тему о мерах государства в поддержку украинской культуры и языка, о налоговых льготах для их поддержки, как сразу начинаются разговоры о неравных условиях, о двойных стандартах и о новых кормушках для чиновников. Можно не сомневаться, что любая вынужденная мера украинского государства по защите национальной культуры немедленно будет объявлена дискриминационной.

Российские журналисты, которые заявляют об угнетении русского языка, могли бы для полноты картины упомянуть и о том, что в нашей Верховной Раде есть депутаты, принципиально выступающие только по-русски. (В США огромный процент испаноязычных, но в конгрессе все выступают на государственном языке.) Нежелание пользоваться украинским языком демонстрируют и некоторые местные руководители на востоке и юго-востоке страны. Такая демонстративность ранит душу многих украинцев, отсюда их эмоциональные перехлесты. Эти перехлесты затем становятся любимым объектом цитирования части российской прессы и поводом для малопросвещенных комментариев. Могут ли читатели этой прессы иметь объективное представление о жизни современной Украины? В свою очередь, в Украине всегда найдется несколько газет, готовых радостно перепечатать эти комментарии в доказательство неизлечимости империи.

Думаю, что во многом благодаря российской прессе искаженные представления о нашей действительности проникают и на уровень российского политического руководства. Дело дошло до ноты в адрес Украины, направленной Министерством иностранных дел России 9 февраля 2000 года. В ноте утверждается, что некоторые силы в Украине «намерены создать невиданный доселе в Европе феномен — сделать родной для подавляющего числа населения язык по сути изгоем, свести его до маргинального уровня, а возможно — и вообще выдать». Нота завершалась зловещим пророчеством: «Подобного рода действия в такой чувствительной области как язык обычно имеют тяжелые последствия». Жаль, это не принято в дипломатии, а то бы можно было пригласить авторов ноты проехаться в качестве частных лиц по Украине, погулять по улицам наших городов, вслушаться, какой язык по-прежнему преобладает в толпе на Крещатике (не говоря уже о Сумской улице в Харькове), посмотреть, какая периодика, какие книги и кассеты продаются на лотках, и лишь после этого делать вывод о том, находится ли русский язык в Украине под угрозой.

Очень характерным для российского понимания наших проблем было и заявление вице-премьера правительства России Христенко летом 2001 года. Отвечая на вопрос какой-то газеты, он сказал дословно следующее: «Двуязычие не есть формула инновационная, это просто, что называется, исторический факт. Это символ дружбы на-

ших народов и в определенной степени это залог сотрудничества и исторического партнерства. И я вообще убежден, что высоким целям наших двусторонних отношений отвечало бы придание на Украине русскому языку статуса официального». Даже если пропустить мимо сознания (на этих страницах) несомненный факт вмешательства в наши внутренние дела, тут есть что сказать и по существу заявления Христенко. Думаю, что в России (да и в Украине) многие подписались бы под словами Христенко о двуязычии, посчитав их за самоочевидную истину. А ведь это не истина. Действительно, двуязычие старо как мир. Но на картах зоны двуязычия — это обычно относительно узкие полосы в областях контакта языков.

Я готов согласиться с Христенко, что сегодня двуязычие символизирует дружбу наших народов, поскольку такая дружба есть. Дружба народов — это не дружба каждого с каждым, это особое отношение большинства украинцев к русским и большинства русских к украинцам. Это особое отношение людей, надеюсь, со временем станет фундаментом «особых отношений» государств («особые отношения» официально провозглашены между Англией и США, США и Канадой, и нам стоит изучить этот опыт). Но как «исторический факт», двуязычие — это еще и наследие очень долгого неравенства языков. Большинство россиян как-то совершенно не ведают об этом, но для многих украинцев это болезненное воспоминание.

Более того, многие россияне почему-то считают наше двуязычие всеобщим и само собой разумеющимся. На этой почве порой возникают неловкие недоразумения. Приведу один пример. Я бы его не приводил, но он уже фигурировал в российской печати. Несколько лет назад в Киеве проходила российско-украинская конференция по вопросам культурного сотрудничества. Среди российских делегатов был знаменитый правозащитник Сергей Адамович Ковалев, тогдашний председатель Комитета по правам человека российского парламента. Выступающие с обеих сторон говорили в основном по-русски, но кое-кто из украинцев говорил на родном языке. На второй день заседания Ковалев вдруг перебил докладчика, пожилого галичанина, и стал ему выговаривать: о каком, дескать, культурном сотрудничестве может идти речь, когда уже не первый участник, владея общепонятным языком, намеренно, с целью усть присутствующих россиян, говорит на языке не общепонятном! В повисшей тишине кто-то из президиума, тоже в прошлом диссидент и сосиделец Ковалева по

пермскому или мордовскому лагерю, сказал: «Сережа! Не забывай, что кому-то просто легче говорить по-украински. Не все здесь хорошо владеют русским языком». Тут Ковалеву впору было промолчать, но он не удержался: «Может быть, и ты плохо знаешь русский? В лагере с конвоем на каком языке говорил?» И тогда один из присутствующих ответил за всех: «С конвоем мы всегда говорим на языке конвоя».

Нам часто ставят в пример Финляндию, где наряду с финским есть второй государственный язык — шведский. Но такое уподобление фактически неверно. Начать с того, что финский и шведский языки не имеют между собой ни малейшего сходства, а значит, не может возникнуть финско-шведский «суржик», не может происходить почти неосознанное вытеснение, благодаря сходству, одного языка другим. Когда вводилась эта система, шведский язык был в Финляндии языком господствующего меньшинства и языком части населения на побережье. Двужычие нашего типа (то есть массовое владение двумя языками) в стране не было типичным, простой народ искони говорил по-фински. Сегодня высшие и средние государственные служащие должны знать оба языка. В любой общине Финляндии, где количество шведскоязычных граждан превышает определенный (очень небольшой) процент, названия улиц, вывески и прочее должны быть на двух языках. Два языка повсеместны на транспорте и на почте. Это тщательно формализованное уравнение языков. Но в одноязычных финских общинах (я специально интересовался) и врач, и полицейский, и муниципальный служащий вполне могут не понимать по-шведски. Это другое двужычие.

Теоретически нечто подобное может быть введено и у нас. Но лишь тогда, когда украинский язык преодолет свое нынешнее ослабленное состояние, когда весь управленческий аппарат будет состоять из людей, думающих по-украински — во всех смыслах. А это произойдет еще не скоро.

Если полностью уравнивать украинский и русский языки уже сегодня (как нам порой рекомендуют в Европе), десятки, а то и сотни тысяч чиновников у нас сразу и с облегчением перейдут на русский. Не потому, что они совсем лишены патриотизма, а потому что им так привычнее. Тем более, если это можно будет сделать на законных основаниях. На практике это будет политика узаконенной русификации Украины.

Наверное, наша нынешняя языковая политика не вполне совершенна, и ей следует быть более гибкой. Государственное устройство нашей страны позволяет гражданским движениям самых разных взглядов добиваться изменения этой политики цивилизованными способами — через суды, через политическую деятельность, воздействуя на процедуру законотворчества, инициируя поправки и дополнения к законам. Что они, собственно, уже и начинают делать, и я считаю это серьезным прогрессом, потому что до недавнего времени дело ограничивалось достаточно грубой взаимной перебранкой в прессе. В этой перебранке участвовали депутаты разных уровней, представители региональных органов власти, лидеры общественных движений. Хотя перебранка не совсем смолкла, все же мы понемногу взрослеем.

Язык не существует сам по себе, язык — это всегда соответствующий пласт культуры. Это страшно чувствительная область, в ней никогда нельзя перегибать. XX век научил нас, что конфронтации в области языковых предпочтений рано или поздно ведут к конфронтациям социокультурным и политическим. Одним из главных результатов нашей независимости я считаю то, что нам удалось избежать «полноценных» конфронтаций и понизить градус потенциальных.

Украинская нация (нация-государство) формируется сегодня не как этническая, а как политическая и гражданская. Что значит «формируется»? Это значит, что в ней идет процесс консолидации, необходимым этапом которой является социокультурная консолидация. Но нет ли здесь нестыковки? Не сломается ли вся затея на языковом вопросе? При неукоснительном соблюдении прав и свобод всех групп общества и при разумной культурной политике этого не должно произойти.

Говорят, опыт одного человека ничего не доказывает, и тем не менее поделюсь выводом, к которому я пришел на основании именно собственного опыта. Великое множество раз я замечал, что принадлежность людей к Украине в их глазах выше и важнее их этнической и языковой принадлежности. Если говорить обо всех известных людях, ограничусь примером Виктора Михайловича Глушкова, создателя и директора Института кибернетики Академии наук Украины; десятки и десятки других имен, известных мне, просто ничего читателю не скажут. Я не раз задумывался над этим и пришел к такому выводу: большинство «украинских русских» (особенно принадлежащих уже

не к первому поколению жителей Украины) по своему характеру, по восприятию мира, поведенческим чертам и еще по множеству почти неуловимых черт ближе к украинцам, чем к москвичам или томичам. Ученые называют подобные черты сходства «интегрирующими этносоциокультурными признаками». Очень помогает и то, что обе наши культуры далеки от жесткого прагматизма.

Вспоминаю инженера из Новосибирска, его перевели к нам в КБ «Южное». Он снял квартиру, совершенно пустую, но заваленную комплектами журнала «Всесвіт» («Весь мир», украинский журнал того же типа, что и «Иностранная литература» в России) чуть ли не за все время его существования. Он их читал в свободное время несколько лет подряд. Первый месяц половину не понимал, потом втянулся. Года через три-четыре он сказал мне, что художественную литературу ему проще читать на украинском, он на украинском все как-то лучше чувствует, а техническую — на русском. Был он сибиряк, безо всяких украинских корней. Это пример того, как близость наших языков и культур облегчает их взаимодействие (тут надо добавить по-научному: в едином социальном пространстве). Поначалу — например, у приезжего — эта близость порождает, наоборот, противодействие. Близкий язык всегда ощущается искажением своего собственного. Но потом эта близость начинает смягчать то, что именуется этнокультурным отталкиванием. Я не раз замечал, что, попав в иную культурную среду, человек с годами внутренне преобразуется.

В большинстве случаев русское и русскоязычное население Украины идентифицирует себя именно с Украиной, а вовсе не с какой-то «русской диаспорой». Болеют они исключительно за украинские футбольные команды (проверял это на многих и не помню исключений), а принимая родню из России, нахваливают им «наш Львов», «нашу Софиевку», живут украинскими новостями (и скандалами!) и так далее. Кто-то скажет «пустяки», но именно так и происходит стихийная консолидация народа Украины независимо от этнической принадлежности людей.

Не раз слышал истории такого рода: человек, по советскому паспорту русский, уроженец Украины, полностью сформировавшийся здесь (вариант: проживший в Украине достаточно долго), в возрасте, скажем, сорока лет переезжает в Россию и сразу начинает чувствовать себя там неуютно. Отношения, привычки, стереотипы, реакции, даже выговор людей — ему все кажется другим. Потому что они и в са-

мом деле другие. А ведь это и называют «дискомфортом заграницы». Нередкий финал подобных историй таков: человек меняет планы и возвращается в Украину.

Этнографы уже давно отмечают, что на востоке Украины появляется все больше людей, которое относят себя в равной степени и к украинцам, и к русским. Может быть, в этом одна из разгадок того высокого уровня терпимости (стучу по дереву), который все эти годы устойчиво демонстрирует Украина? У социологов есть свое объяснение, по сути, близкое. Они выявили, что у людей, свободно владеющих и русским, и украинским языками, конфликтный потенциал существенно ниже, чем у «моноязычных».

Так и кажется, будто отсюда следует: пусть будет двуязычие, тогда исчезнут конфликты. Но это был бы поспешный вывод. Владеть двумя языками «свободно» не значит владеть ими одинаково. В большинстве случаев языки работают (порой даже помимо воли самого их носителя) ситуативно, у каждого языка появляется своя социальная функция. Определяется язык ведущий и язык ведомый. В полном смысле одинаково владеет двумя языками на самом деле меньшинство. Для большинства людей такой уровень двуязычия и недостижим, и, главное, не нужен. Поэтому не стоит ориентировать общество на цель дорогостоящую и неосуществимую.

Совершенно другое дело — добровольное двух-трехязычие на индивидуальном уровне. Не зря говорят, что человек столько раз человек, сколько языков он знает. Но это дело добровольное. Знать языки интересно и даже почетно, но решение, какой язык (или какие языки) вы хотите (или не хотите) добавить к своему родному, можете принять только вы сами. Совершенно исключено, чтобы двуязычие было государственной целью. Точно так же, принцип современного мультикультурализма не требует, как иногда думают, поголовного приобщения всех и вся к нескольким культурам. Он подразумевает свободное функционирование культур, свободу доступа к ним, свободу их взаимовлияния и синтеза. Но именно свободу.

К «особым отношениям» на межгосударственном уровне Украине и России еще предстоит прийти. Прежде чем стать «особыми», они должны стать «очень хорошими». Пока они только-только достигли отметки «хорошие», и украинская сторона делает все от нее зависящее, чтобы улучшение продолжалось. Что же касается особых отношений в культурной сфере, они существуют с тех времен, когда наши

предки еще даже не знали подобных слов. Скажем, киевские былины, сохранившиеся и записанные на берегах Онежского озера (и практически более нигде) — разве они не являют собой пример культурного синтеза? Самый яркий образец культурного синтеза — творчество Гоголя. Украинцы внесли слишком большой вклад в русскую культуру, чтобы она могла быть для украинцев чужой.

Со времен Котляревского читатели украинской литературы в Российской империи в большинстве случаев были по совместительству читателями русской литературы. В Украине постепенно рос и продолжает расти удельный вес читателей прежде всего украинской литературы, но пройдет еще немало времени, когда это будет выглядеть так же естественно, как то, например, что подавляющее большинство читающих поляков — это читатели прежде всего польской литературы и периодики.

Эту главу я начал с итогов последней советской переписи. В декабре 2001 года в Украине была проведена своя перепись населения — первая за годы независимости. Предыдущую проводили в 1989 году, когда многим казалось, что страна стоит на пороге новой, но, в общем, советской и в этом смысле старой, привычной жизни. Такие события, как перепись населения, не могут не становиться темой оживленных политических разговоров, не могут не использоваться в политической, идеологической, даже литературной борьбе. Каждая партия должна высказаться просто потому, что этого ждут от нее прежде всего ее сторонники, ждет общество. Первой, естественно, высказалась «русская партия» и, стало быть, первое, что мы услышали, было то, что украинская власть ставит своей задачей «искусственно уменьшить количество русских в Украине». С другой стороны, последовало и не совсем обычное обвинение: один из видных деятелей «Просвиты» усмотрел в готовящейся переписи «огромную угрозу украинскому языку».

Моя позиция такова: не надо, друзья, мудрить и лукавить. Пусть каждый ответит себе на вопрос — знает ли он такого украинца или «колеблющегося» (или слышал про такого украинца или «колеблющегося»), который в 1989 году записал себя русским не по велению сердца, а на всякий случай — чтобы угодить власти, советской власти? Ответ, если это честный ответ, звучит так: знаю, или слышал, или легко допускаю, что такие люди были, потому что жил вместе с ними не на Луне, а на Земле, в той ее части, которая назы-

валась Советской Украиной. Да, в 1989 году доля таких людей была чуть ниже, чем десятью годами раньше, в предыдущую перепись — национальное самосознание уже крепло, — но их все равно было достаточно, чтобы повлиять на процентные итоги переписи. И второй вопрос: считаете ли вы этого «русского» таким непрактичным, что он и сегодня, в несоветской и независимой Украине, когда даже генералы советского времени перестали стесняться говорить на всю страну по-украински, вновь отрестится от своего украинства? Ответ тоже очевиден. Вот вам и прогноз итогов предстоящей переписи, говорил я, когда заходила речь о том, в каких коварных антирусских замыслах нас упрекают. Перепись наверняка покажет уменьшение числа конъюнктурных русских, вот и все. Только ради этого затевать столь дорогостоящее мероприятие не имело бы смысла. Оно было необходимо исключительно по тем причинам, по которым переписи проводят во всем мире — для выяснения социальных параметров страны.

И вот первые итоги. Население Украины в конце 2001 года — 48 миллионов 457 тысяч человек. Из них 77,8 процента — украинцы, их удельный вес по сравнению с переписью 1989 года вырос на 5,1 процента. Удельный вес русских сократился на 26,6 процента, они составляют 17,3 процента — 8 миллионов 334 тысячи 100 человек, на 4 миллиона меньше, чем в 1989 году. Противники нашей государственности с этими цифрами наперевес называют нашу политику «геноцидом русских». Это такой же «геноцид» русских в Украине 2001 года, каким был «геноцид» украинцев в Украине 1989 года! Одни русские уехали, другие — их, конечно, подавляющее большинство среди «исчезнувших» четырех миллионов — просто вернули себе «украинское первородство». А кто-то из русских (по зеркальному примеру иных украинцев 1989 года!) записал себя в украинцы.

Еще раз скажу. Достаточно было стоять на земле, а не витать в облаках, чтобы и до переписи быть уверенным, что украинцев объявится больше, чем в советской Украине. Человек ищет свою пользу, старается приспособиться к новым обстоятельствам, уловить, что понравится власти, и было бы нелепо предполагать, что в условиях украинской независимости носить «лычку» украинства будет менее выгодно, чем в 1989 году. Люди перестали бояться заявлять себя украинцами — вот о чем, если смотреть правде в глаза, говорят итоги переписи. Критики опросного листа уверены, что картину изменил бы

вопрос: на каком языке вы говорите дома? По-моему, подлинную картину этот вопрос не изменил бы, а только запутал. Точно известно, что многие украинцы, говорящие дома по-русски, все равно записали бы себя украинцами, более того — назвали бы своим родным языком украинский! Это люди, которые понимают, как вышло, что их домашним стал не их родной язык, и что в норме, которую они желают своим детям и внукам, домашним языком украинцев должен быть украинский. Так что русских в Украине не стало меньше, говорю я своим русским собеседникам и в Киеве, и в Москве. Стало меньше украинцев, которые объявляют себя русскими. Чтобы установить это, не надо было устраивать перепись — просто знать, повторяю, природу человека, знать жизнь, свою страну, знать, что такое был «интернационализм» по-советски, какие неприятности ожидали в советской Украине «широго» украинца...

...Мне-то, говоря откровенно, в первых итогах украинской переписи сразу бросились в глаза другие цифры, другая пропорция — пропорция, окрашенная не национально, а социально-экономически. 67,2 граждан Украины — горожане, 32,8 — жители села. Причем это соотношение с 1989 года не изменилось. Таким образом, Украина на треть — страна сельская. В двадцать первый век Украина входит на треть сельской страной — не фермерской на американский и западноевропейский манер, а сельской по-нашенски, с весьма глубокими следами патриархальности и в отношениях, и в технологии. Это не то обстоятельство, которое может вызывать ликование. Это то обстоятельство, которое побуждает задуматься — задуматься глубоко и надолго. И, пожалуй, нет более важного обстоятельства для государственного деятеля, который стремится работать с открытыми глазами, хочет понимать, что откуда берется, что чем объясняется, что с чем связано...

Мир движется от патриархального села (из села!) к городу, в город. Чем больше в стране города, чем больше город, тем содержательнее жизнь, разнообразнее — профессии и занятия, тем больше творчества, тем раскованнее люди, тем больше свободы, тем реальнее народоправство, демократия. Город — это прежде всего демократизм, демократия. Демократия рождается в городе, демократия нужна городу, демократия исходит из города, завоевывая, втягивая в себя окружающее его пространство. Можно скучать по деревне, можно умиляться деревней — сама деревня предпочитает город, все городское,

городскую жизнь. Городская жизнь в сельской местности — это прежде всего и главным образом не сельская, а именно городская жизнь. Образование, наука и техника, промышленность, искусства — это все городское. Чем более городская страна, тем она богаче и свободнее, пригоднее к достойной жизни.

Можно долго рассказывать о трудностях становления нашей демократии, о бедности, о грубости нравов, особенно чиновничьих, о неправом суде, о вялости «гражданского общества», о том, почему само это выражение приходится по справедливости брать в кавычки, об истоках и причинах всего этого, а можно просто сказать: что вы хотите, дамы и господа, ведь мы с вами на целую треть все еще сельская страна, — и если не все, то многое станет ясно. А если еще учесть, что это не просто сельское, а вчера еще колхозно-совхозное население с его особыми песнями и приговорками («И все вокруг колхозное, и все вокруг мое», «Кто в колхозе не вор, тот дома не хозяин»...), то ясно, например, откуда влияние коммунистической партии, почему сельская часть Украины — это и самая «красная» часть...

О чем говорит тот факт, что, как показала перепись, соотношение городского и сельского населения за послесоветские годы не изменилось? О том, что в городе не появилось столько новых рабочих мест для сельских жителей, чтобы это заметила статистика. Более того, часть горожан, пусть тоже едва улавливаемая статистикой, перебралась в село. Страна в известном смысле взяла паузу, она как бы остановилась: не для передышки, нет, жизнь не дает нам останавливаться, а для того, чтобы сделать своеобразную инвентаризацию, разобраться в советском материальном наследстве, с тем чтобы приступить к процессу, который называется структурной перестройкой: избавиться от ненужных отраслей и производств, прекратить выпуск ненужной продукции и наладить производство нужной, то есть находящей сбыт. Это все очень всегда болезненно даже в странах с более благоприятной судьбой.

С другой стороны, «сельской третью» Украины можно во многом объяснить, почему эти процессы, вообще все трудности послесоветского времени не оказались катастрофическими, почему они оказались большими, огромными, но не смертельными, говоря поэтически. Будь страна более городской, структурные проблемы могли ее раздавить. Наша промышленность, напомним, была особая

промышленность — промышленность плановой экономики, по существу, искусственная, она выросла не из потребностей жизни, не в результате многовековой хозяйственной самостоятельности людей, а во исполнение произвольных чиновничьих, нередко фантастических предназначений. Эту махину не могло не затрясти, как только она оказалась предоставленной самой себе, как только рухнули системы «планового» снабжения и сбыта, разорвались неестественные хозяйственные связи в масштабах Советского Союза. Для образования новых, естественных связей, для приспособления искусственной промышленности к естественному спросу, к требованиям свободного рынка требуется время, очень много времени и жертв. И вот в этих условиях «сидящая на земле» треть населения смогла прокормить, во-первых, себя, а во-вторых — немалую часть горожан, ведь почти у каждого — родственники в городе. Город перешел на содержание села, минуя торговую сеть: приезжает человек погостить к матери — возвращается в свой Харьков или Одессу нагруженным картошкой, мясом, банками с «консервацией». Это выручало людей в советское время, а в послесоветское многих просто спасло и продолжает спасать.

Большинство сельских жителей ведет натуральное или почти натуральное хозяйство, в этом хозяйстве участвует весьма заметная доля горожан. Это сказывается на умонастроениях, на психологии. Товарное хозяйство рождает одну психологию, натуральное — другую, это разные миры. «Товарный» человек легче усваивает демократические понятия и ценности, он более подвижен, предприимчив, более требователен к законности, больше ценит организованность, четкость в работе, он менее склонен верить посулам, больше рассчитывает на себя, не боится ответственности. Короче: без такого высокого удельного веса сельского населения независимой Украине пришлось бы испытать больше трудностей, но с таким высоким удельным весом сельского населения она не сможет должным образом развиваться, — стало быть, надо ожидать роста городов.

Когда думаешь обо всем этом, сидя над итогами переписи, то, конечно, видишь, насколько наивны, поверхностны, легковесны предположения захваченных политическими страстями людей о ее подлинных целях — о том, что она нам потребовалась будто бы затем, чтобы «искусственно увеличить количество» украинцев, или для чего-то столь же «хитроумного». Жизнь вообще-то хитроумнее нас.

Не стоит забывать, например, что заметный удельный вес сельского населения — это заметный удельный вес бытовой украинской речи, это сельский базар, куда Иван Нечуй-Левицкий посылал молодых украинских писателей учиться родному языку, особенно у женщин, особенно слушайте их, — наставлял он. Перетекая, уже в условиях независимой Украины, в города, эта часть населения не будет так легко и охотно расставаться с родным языком, как в имперские времена...

О культурном пространстве и культурном наследии

НЕ В ЛУЧШЕМ ПОЛОЖЕНИИ

Понятие «культура» было в СССР в значительной мере обесценено и принижено такими учреждениями, как «Дом культуры» (ДК) и «Парк культуры и отдыха» (ПКиО). Ничего не имею против них, но культура в массовом сознании оказалась где-то по соседству с танцами и буфетом. Между тем, для каждого народа его культура — то же самое, что для каждого человека его «я», его душа. У государства, естественно, много задач первостепенной важности, но гарантия духовной и материальной культуры нации, присущего ей образа жизни и образа мыслей, гарантия души народа — задача, как говорится, первая среди равных. До сих пор эта простая мысль понятна далеко не всем.

Для каждого народа его культура — то же самое, что для каждого человека его «я», его душа. У государства, естественно, много задач первостепенной важности, но гарантия духовной и материальной культуры нации, присущего ей образа жизни и образа мыслей, гарантия души народа — задача, как говорится, первая среди равных. До сих пор эта простая мысль понятна далеко не всем.

Готов поверить, что она была искренне непонятна многим украинским партийным деятелям советских времен. Я лично знал некоторых из них, и не могу допустить, что они не любили Украину. Как правило, это были люди, сделавшие карьеру на производстве, промышленном или сельскохозяйственном. Материальное производство как-то перекликалось в их глазах с непонятным, но священным для коммуниста «материализмом», в котором не было места такому понятию, как душа. Конечно, коммунистическая идеология провозглашала важность духовных ценностей — но только для того, чтобы тут же, через запятую, начать разоблачения реакционного идеализма. Практически все партийные руководители советского времени, и не только украинские, вышли из бедной среды и хотели избавить свой народ от бедности. Все остальное им казалось менее важным. Поэтому я не

хочу никого осуждать. Задача не в том, чтобы выловить злоумышленников в прошлом, которое нам уже неподвластно, а в том, чтобы восстановить полноценное функционирование украинской культуры в настоящем и будущем. Очень жаль, что эта задача порой сталкивается с непониманием.

Поскольку непонимание часто бывает искренним, я предпочитаю повторять наиболее важные доводы снова и снова. В условиях СССР безопасность украинской культуры не была обеспечена. Более того, украинская культура оказалась в трудном положении, в смертельной опасности. Побудительные мотивы независимого украинского государства, старающегося улучшить положение, должны, мне кажется, восприниматься с уважением людьми других культур. Каждый может примерить себя на наше место и понять тревогу украинцев, не имеющих в мире другой земли, где они могли бы сберечь и развивать свой язык и культуру.

Без колебаний повторяю еще раз: украинский язык и сегодня не в лучшем положении. Язык — это не только средство делопроизводства, правительственных изданий, первой программы радио и телевидения. Язык — это еще и повседневная речевая практика, газеты, «массолит», телеканалы, FM-радиостанции, книги, компакт-диски, видео- и аудиорынок. Но это сегодня у нас в основном русскоязычное.

Нас успокаивают, говоря: подождите, все изменят выпускники украинских школ. Каждый год украиноязычная аудитория увеличивается за счет молодежного пополнения, и этот процесс будет идти по нарастающей. Что ж, без сомнения, это верный и надежный путь. Только слишком уж долгий, и не принимать дополнительные меры государство просто не вправе. Но, помогая украинскому языку, мы не ущемляем ни один язык. Каждый может убедиться, подойдя к киоску, что крупные газеты Украины почти всегда выходят в двух версиях — украинской и русской. Даже в киосках Львова (а Львов, как я уже говорил, некоторые российские СМИ сделали пугалом) не меньше половины газет на русском языке. И стыкуется ли с утверждениями о дискриминации русского языка тот факт, что в каждом крупном украинском городе есть государственный русский драматический театр (общее число таких театров 14), не говоря уже о театрах-студиях? По данным, которые мне предоставил Государственный комитет информационной политики, телевидения и радиовещания Ук-

раины, в настоящее время в нашей стране работает почти 2,4 тыс. школ с русским языком преподавания, в которых обучается 2,1 млн учеников (31,7% от общего количества). Кроме того, почти 280 тыс. детей посещают группы с русским языком обучения и воспитания в 17,6 тыс. дошкольных учреждений. Высшее образование на русском языке в Украине получают 35% студентов. В Украине издается почти 1,2 тыс. русскоязычных газет (49,7% от общего количества периодических изданий).

Последнее десятилетие облегчило доступ к самым разным каналам информации, искусства, обучения и развлечения, что, с одной стороны, дает национальным культурам больше возможностей сосуществовать, не мешая друг другу, а с другой — уменьшает воздействие на людей какой бы то ни было культурной политики государства. Я имею в виду кабельное и спутниковое телевидение и такое чудо нашего времени, как Интернет. Не будем обманывать себя: на этом поле воздействие русского языка в Украине пока что явно сильнее, чем украинского. Технические средства, в силу своей специфики, пытаются сделать человека космополитом — гражданином мира. Но если все народы станут одинаковыми, они не будут интересны друг другу. Красота мира — в его многообразии.

Современная Украина, как и Россия, в полной мере является наследницей замечательной российско-советской научной и образовательной традиции, которая позволила СССР дважды после истребительных Гражданской и Отечественной войн быстро воспроизвести интеллектуальный потенциал и по многим позициям выйти на ведущие места в мире, и мы гордимся этим наследием. Это «научное единутробие», как и постоянное сотрудничество по множеству тем, связывало многие наши научные школы и направления с российскими. Значительная часть из них является совместными российско-украинскими и украинско-российскими. Эти школы и направления являются русскоязычными, и отношение к ним у нас сегодня по этой причине разное. В советской Украине наука (гуманитарная в меньшей степени) была невольным проводником русификации. Некоторые люди у нас сегодня даже испытывают наивную радость по поводу того, что из-за теперешней бедности эти связи из мощного канала превратились в тонкий ручеек.

Еще более стойким было в течение последних 80 лет русскоязычное пространство нашего научно-технического сотрудничества. Пос-

ле ослабления в 90-х годах оно теперь, надеюсь, снова пойдет в гору, постепенно интернационализируясь, ибо мы выходим на мировые технические и военно-технические рынки. Это сотрудничество, как и принятая в СССР система повышения квалификации, также объективно содействовали экспансии русского языка, но злой умысел за этим не стоял.

Я был далек от партийно-идеологической машины и поэтому о скрытых административных рычагах русификации прочел впервые тогда же, когда и все наше общество, но я бы не стал сбрасывать со счетов и такой фактор, как активный и естественный интерес украинцев, особенно в 70—80-е годы, к новым общественно-политическим веяниям, исходившим из Москвы, к московским и ленинградским газетам, журналам, книгам. В Киеве, да и по всей Украине идеологические гайки были завинчены куда туже, чем в России. Москва выглядела из Киева и Днепропетровска весьма либеральным местом. Сейчас такое даже трудно себе представить, но в советское время отдельные российские артисты и труппы становились «невъездными» в Украину из-за своих слишком смелых — по меркам товарищей из ЦК КПУ — выступлений. Поэтому наши люди стремились не пропустить ни одного номера «Литературной газеты», «Нового мира», «Звезды», «Иностранной литературы». Даже «Известия» и «Неделя» казались тогда смелыми и интересными газетами. Инженеры уважали еженедельник «За рубежом». Цензура цензурой, но в каждом номере было два десятка переводных статей из главных зарубежных газет и журналов, информация о самых разных сторонах жизни, и те, кто читал это издание регулярно (у меня не было на это времени), уверяли, что чувствуют себя полностью в курсе происходящего в мире. С какой-то точки зрения этот постоянный интерес тоже можно назвать русификацией.

В Украине достаточно последовательно развивались машиностроительные комплексы, сложная оборонка, аэрокосмическая промышленность, электроника и микроэлектроника, приборостроение. Необходимые знания и навыки люди, естественно, получали в рамках русских научно-технических и технологических школ. Наверное, и это можно назвать русификацией, но никак нельзя утверждать, что она была целью, а не побочным эффектом. Когда речь заходит о Владимире Васильевиче Щербицком, который сегодня считается проводником русификации, я снова и снова утверждаюсь в той мысли,

что в первую очередь его следует помянуть за то упорство, с каким он внедрял в Украине передовую промышленность, передовые технологии, передовую науку. Я иногда думаю: может быть, он искренне считал, что язык и культура — дело пятое, главное — развитие современных высокотехнологических производств?

Разумеется, совершенно ненормальным было то, что подключение к мировой культуре для нас шло через Москву и ее фильтры. Пусть не на сто процентов — был тот же «Всесвіт», какие-то переводы выпускали украинские издательства, какие-то крохи доносили телевидение и театр, — но российская, русская доля была львиной. И вот что интересно: для многих интеллигентных украинцев был крайне важен сам факт, что издаются украинские книги, выходят газеты, что-то пишут украинские писатели и поэты, присуждаются премии, слышно о премьерах и концертах. Сами они этих газет и этих поэтов не читали, опер не слушали, им было достаточно знать, что все это есть, это их успокаивало. И, успокоенные, они продолжали читать русскую периодику, смотреть и слушать русские передачи. Виноват в этом во многом был низкий уровень официальной украинской культуры. Когда появлялось что-то действительно стоящее — в поэзии, в кино и так далее, — тогда все старались к этому приобщиться, чтобы упомянуть при случае: слежу, мол, в курсе. Вроде и совесть чиста.

Считаю, что мысль об абсолютной важности национальной культуры должна быть донесена до каждого еще на школьной скамье, чтобы человек не был вынужден доходить до нее своим умом в сорок или пятьдесят лет. К примеру, эта мысль еще не была, кажется, вполне ясна нашим замечательным, прекрасным студентам, участникам знаменитой студенческой голодовки (как летит время!) в октябре 1990 года. Молодежь требовала тогда немедленно провозгласить независимость Украины. На вопрос, зачем им независимое государство, следовали только два ответа. Первый: независимое государство нам нужно потому, что за него боролись наши деды и родители (неизмеримо больше дедов и родителей боролись за СССР; и вообще, в качестве причины это требует дополнительного обоснования). Второй ответ был таков: потому, что Украина производит 40% союзного богатства, а получает 17% бюджетных ассигнований (утверждение не соответствовало действительности). Никто не сказал (то ли потому, что это для них само собою разумелось, то ли потому, все-таки, что не задумывались об этом) простую вещь: независимое государство нужно в первую оче-

редь для того и потому, что только оно в силах гарантировать народу жизнь в среде его собственной духовной и материальной культуры, ибо только в среде своей культуры народ может чувствовать себя комфортно. Независимое государство необходимо народу для того, чтобы никто не мог за него решать, быть ли его родине «всесоюзной житницей», «всесоюзной здравницей», «всесоюзной кочегаркой» или сосредоточиться на роли «всесоюзного кадрового резерва». Или, например, не пора ли ему вводить поголовное двуязычие. А может быть, уже готовиться к слиянию в «новую историческую общность людей — советский народ».

В 20-е годы В. И. Вернадский записал в дневнике: «Сила русской культуры так велика, что ей нисколько не страшна одновременная работа украинизации. Здесь должно быть совместное дружеское общение. И оно возможно...» То, что это запись для себя, в личном дневнике, а не выдержка из какой-нибудь торжественной речи (в официальной обстановке желаемое может быть выдано за действительное), делает это свидетельство мудрого ученого особенно ценным. Сегодня оно еще справедливее, чем семь или восемь десятилетий назад.

Как многие представители инженерного корпуса, я довольно долго недооценивал значение языковой проблемы. Но осенью 1989 года в Верховном Совете Украинской ССР началось обсуждение Закона «О языках в Украинской ССР», и в связи с этим по телевидению показывали ответы русскоязычных людей на улицах на вопрос: «Как вы относитесь к тому, что знание украинского языка станет обязательным?» Некоторые ответы резанули меня каким-то безжалостным отсутствием такта. Кто-то сказал: «Выучу украинский, если от этого станет больше колбасы». Я почувствовал себя так, словно мне плюнули в душу. В тот день я понял, что двум языковым общинам Украины будет трудно понять друг друга. Но у них нет другого выхода.

Теперь мне приходится постоянно читать адресованные мне обращения и воззвания разных общественных и академических групп, резолюции съездов, собраний и научных конференций по поводу языковой ситуации в стране. Они делятся на две прямо противоположные группы, и обе неистово обвиняют друг друга в дискриминации. Культурно-языковая ситуация описывается ими настолько поразному, что хочется спросить, уж не в разных ли странах живут писавшие. И та, и другая сторона уверена в истинности лишь своего

мнения и даже не пытается понять другую, хотя все давно и наизусть знают каждый довод своих оппонентов и на каждый имеют готовый ответ. Один из семинаров на тему диалога украинской и русской культур кто-то из его участников назвал «диалогом глухих». Есть, правда, один вопрос, который «русские» участники дискуссии обычно затрудняются парировать. Он звучит так: «Нормально ли, что много поколений русских практически в любом городе Украины, а подчас даже и в селе, могли прожить жизнь, так и не выучив азов украинского языка?»

Один из самых талантливых украинских писателей нового поколения Юрий Андрухович описал существующее положение дел так: «Хотя русский язык в Галичине звучит ошутимо меньше, нежели украинский, но ни у кого из носителей нет никаких проблем с его использованием. Можно вполне спокойно жить во Львове, изо дня в день разговаривая только по-русски. Трудно представить себе зеркальное отражение подобного явления в Донецке, например, или в Крыму. Смельчак, который отважился бы там говорить принципиально по-украински, вынужден был бы жить в постоянном стрессе. “Галицкие националисты” оказываются куда толерантнее (а скорей всего, просто равнодушнее) “интернационалистов” Востока или Юга». Художники слова порой сгущают краски, но это, по-моему, не тот случай. Если какому-нибудь иностранцу, незнакомому с нашей ситуацией, рассказать, как мы радуемся тому, что «уже сегодня на киевских улицах дети школьного возраста говорят друг с другом по-украински» (это я опять цитирую Андруховича), он наверняка решит, что ослышался или ему неправильно перевели. А что, до этого совсем не говорили? В столице Украины?

По-моему, могут быть лишь два критерия оценок тех предложений, которые вносятся по языковому вопросу. Первый — содействуют ли они межэтническому миру, который в нашей стране еще никому не удалось нарушить, хотя попытки были. Второй — содействуют ли они формированию единой украинской гражданской нации. А политический курс мне и не требуется выбирать, он записан в нашей Конституции, принятой 28 июня 1996 года. Согласно статье 10, «государственным языком в Украине является украинский язык». В соответствии с этим «государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины».

Проводя конституционный курс, руководство Украины не форсирует события. Есть задачи, которые можно решить лишь за длительный срок, и не считаться с этим было бы глупо. Возьмем армию — один из самых трудных объектов для языкового реформирования. Все 90-е годы языком уставного общения в армии независимой Украины оставался русский. Паренек из гуцульской глубинки попал в армию независимой Украины и должен был, как в прежней Советской армии, привыкать к русскому языку!

Несколько лет велась достаточно сложная подготовка. Принципиально важным было принятие временных уставов Вооруженных Сил. Теперь наша армия постепенно привыкает к новым условиям и требованиям. Новые уставы позволили перевести на государственный язык документацию и команды, а это основа для создания языковой среды в армии, для будничного общения на украинском. Есть сложности в переходе на украинский язык военных учебных заведений и Военно-морских сил, а также военкоматов, особенно на востоке и юге. Но для решения сложностей наше Министерство обороны разработало целый ряд поощрительных мер. Как говаривал последний генсек, процесс пошел.

Одним из Божьих подарков Украине стала терпимость ее людей. Во многих посткоммунистических странах, насколько мне известно, отношения национальностей в точности отражаются на отношениях между отдельными людьми этих национальностей. Подразумевается, что каждый человек — в первую очередь национальный человек. То есть он должен каждый миг своей жизни быть представителем своей национальной общины и ответчиком за нее. Такое восприятие личности присуще воинствующим националистам, оно входит в понятие «воинствующий национализм». К счастью, в Украине этого практически нет. Отношения между людьми у нас — это отношения человека с человеком. Конечно, и у нас есть свои буйные. Их выходы всякий раз раздуваются — я не исключаю, что раздуваются намеренно, с целью опорочить нашу страну в глазах цивилизованного мира, создать за рубежом образ Украины как националистического государства. А может быть, и вообще с целью расколоть нас.

Многим людям русской культуры еще предстоит изжить в себе имперский комплекс и осознать русский народ равным среди других народов, составляющих человечество. Не думаю, чтобы в этом обра-

щении заключалось что-то обидное, такое осознание лишь приводит вещи к их истинному масштабу. В частности, оно поможет некоторым людям разглядеть, что украинский язык был близок к состоянию катастрофы. Сейчас его можно сравнить с человеком, ослабленным долгой болезнью. Если бы существовала такая практика, ему можно было присвоить статус «потерпевшего». Он заслуживает вашего дружеского участия. Пусть не только государственные, но и языковые отношения у нас будут особые, не шаблонные.

Современные выдающиеся авторы в Украине настаивают на существовании мощного промежуточного русско-украинского культурного пространства. Член-корреспондент НАН Украины Мирослав Попович считает, что оно возникло потому, что «Украина принимала огромное участие в развитии общеимперской культуры» и было следствием «включения украинцев как в процессы колонизации присоединенных территорий, особенно на востоке, так и в процессы имперского культурно-политического строительства». Это пространство должно быть признано промежуточным (есть и другие названия — например, «общеимперская культура», «культурный кондоминиум» и так далее) ввиду «невозможности точно определить национальную принадлежность этой культуры». Мирослав Попович приходит к важному выводу: «Если русский язык станет для Украины одним из иностранных языков, будет потеряна также и огромная часть нашей собственной культуры». Что имеется в виду? В первую очередь то, что множество произведений украинских писателей и трудов украинских ученых было написано на русском языке. Даже в классическом четырехтомном словаре украинского языка Бориса Гринченко толкования слов даны по-русски.

«История русов или Малой России», которая почти 200 лет назад начала расходиться во множестве списков, тормоза дремавшее дотеле украинское сознание, была написана на русском языке, причем, на великолепном и неподражаемом русском языке. Пушкин назвал неведомого автора этой книги «великим живописцем». «История русов» — один из главных памятников украинского свободолюбия, и этот памятник хорош в том виде, в каком он был прочитан в начале позапрошлого века пытливыми потомками казаков. «Историю русов» можно перевести на украинский (и это превосходно сделал в 1991 году Иван Драч), но для владеющих русским изучать и перечитывать ее лучше в оригинале.⁸⁰

И у корифеев нашей исторической науки, начиная с ее основоположников, едва ли не самые выдающиеся труды написаны по-русски. Украина и в мыслях не держит отсекать столь значительную часть своего национального наследия.⁸¹ Особенно это относится к трудам таких глашатаев возрождения Украины, как Пантелеймон Кулиш и Николай Костомаров.

То же справедливо для работ классиков нашей филологии, таких ученых мирового уровня, как Измаил Срезневский (он, кстати, был родом великоросс), Александр Потебня, Владимир Перетц, Агафангел Крымский.

Даже наследие наших этнографов и народоведов до 1917 года — в значительной мере на русском языке. Это относится и к творчеству автора нашего государственного гимна Павла Чубинского.⁸²

Кто-то удивится, прочтя следующее: том публицистики Симона Петлюры, выпущенный несколько лет назад, наполовину состоял из статей, переведенных с русского. И у Михаила Грушевского есть крупные работы, написанные по-русски.

Если мы перейдем к нашей литературе, то увидим ту же самую картину. «Русское» наследие основоположника новой украинской прозы Григория Квитки-Основьяненко превышает по объему написанное им по-украински. Все ли, в таком случае, написанное Квиткой-Основьяненко (а написал он немало замечательного), принадлежит украинской литературе? На этот вопрос давно уже дан утвердительный ответ.

Сам Тарас Шевченко писал стихи не только по-украински, но и по-русски (поэмы «Слепая» и «Тризна», некоторые стихотворения), у него есть несколько русских повестей, драматургия. По-русски он вел и свой дневник.

Наша литература пестрит именами таких двуязычных писателей, как Пантелеймон Кулиш, Марко Вовчок, Евгений Гребёнка, Даниил Мордовцев, Алексей Стороженко, Михаил Старицкий, — их так много, что просто нет смысла пытаться всех припомнить и перечислить. Даже знаменитый деятель Центральной Рады и Директории, писатель Владимир Винниченко формально может считаться и украинским, и русским автором. Кстати, таковым он признавался всегда (крайние националисты даже обзывали его «писателем-гермафродитом»).

Вечный вопрос о Гоголе — обладает ли Украина правами на его наследие — решен у нас положительно. Считаем, что Гоголь, хоть

и русский писатель, но и наш. В тени Гоголя остаются его предшественники Василий Нарезный и Антоний Погорельский, они пока ждут решения своей судьбы.

Мы уже не сможем попросить, чтобы Гоголь написал «Майскую ночь», а Короленко — «Слепого музыканта» еще раз, но по-украински. Да и неизвестно, что бы из этого вышло. Но коль скоро мы включаем в нашу литературу все, что создали Тарас Шевченко, Григорий Квитка-Основьяненко и другие авторы, значит, мы признаем, что относительно небольшая, но очень важная часть нашей литературы существует на русском языке. Не логично ли было бы с нашей стороны распространить этот статус на произведения, написанные по-русски русскими писателями украинского происхождения и на украинскую тематику — то есть на определенные произведения Нарезного, Погорельского, Данилевского, Софьи Закревской, Иеронима Ясинского, Короленко и так далее? Коль скоро относительно Гоголя подразумевается именно это.

Но каков бы ни был ответ на этот вопрос, у нас уже есть неразрушимый мост к русскому языку. Это русское творчество Шевченко. Даже не будь ничего другого — ни близкого к русскому староукраинского литературного языка XVIII века, ни Сковороды, ни Григоровича-Барского, ни Гоголя, ни трудов наших классических историков и этнографов, ни западноукраинского «язычия», ни даже нынешней языковой ситуации в Украине, русское творчество Шевченко одно стало бы залогом наших особых отношений с русским языком, нашим мостом к русскому языку. Воспользоваться таким мостом или нет, каждый украинец решит для себя сам, никакой обязательности тут быть не может. Но возможность предоставлена всем — русский язык всегда будет у нас одним из важнейших школьных предметов, русский язык никогда не должен чувствовать себя иностранным в Украине. Такая постановка вопроса не имеет ничего общего с «государственным двуязычием».

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ НАШ ПАНТЕОН

Для меня очень важно то, какой практический вывод предлагает Мирослав Попович из факта, что общеимперская культура создавалась при огромном участии Украины. Вот этот, на первый взгляд парадоксальный, вывод: «Для Украины возрождение невозможно без

ассимиляции общеимперской культуры. Это будет означать, что русская культура и культурная история всегда будут тесно связаны с культурой и историей украинской».

Надо, чтобы мы все очень ясно представляли себе, что такое общеимперская культура. Это разговор не вскользь.

Мы гордимся украинской наукой и украинскими учеными. На нашей земле зародилось немало прорывных направлений науки, сделаны важнейшие открытия. Ученые-украинцы работали не только в Украине. Может быть, правильнее было бы добавить: и не столько в Украине. Если бы мы захотели выделить «чисто украинскую» науку до 1917 года, это было бы очень сложно сделать.

Илья Ильич Мечников — великий биолог, почетный академик Петербургской Академии наук, лауреат Нобелевской премии — он чей? Мечников родился на Харьковщине (его отец происходил из казацко-молдавского рода), окончил Харьковский университет, около 20 лет работал в Одессе, после чего переехал в Париж, к Луи Пастеру. Остался в Париже до конца дней, но считал себя русским ученым. Вправе ли мы считать его украинским ученым?

А что можно сказать о блестящей плеяде Ковалевских?⁸³ Справедливо ли, что по чисто формальным признакам наша наука может «претендовать» лишь на трех Ковалевских — поскольку они работали в Украине и (или) занимались ее исследованием?

Даже после 1917 года ясности добавилось не много. Очень показательны в этом смысле научные судьбы первых президентов Украинской Академии наук, основанной в 1918 году. Самым первым ее президентом стал основоположник геохимии Владимир Иванович Вернадский. Киевлянин, из украинских дворян, сын выдающегося экономиста и публициста Ивана Васильевича Вернадского, он был, как это теперь признано, одним из крупнейших ученых XX века. (Интересно, что в Петрограде в это же время президентом Российской Академии наук стал другой украинец, Александр Петрович Карпинский; а уже в наше время ее президентом был Гурий Иванович Марчук.) Вернадский принадлежал русской науке, что не помешало ему с огромным энтузиазмом посвятить себя делу, которое он считал исключительно важным для родной Украины. Но в 1921 году он посчитал свою задачу выполненной. Жгучий научный интерес к проблеме радиоактивных минералов заставил его покинуть пост президента ВУАН (с 1921 года наша Академия стала называться Всеукраинской) и уехать

в Россию, где он смог основать Радиевый институт. В Украине в то время радиоактивные минералы еще не были даже найдены.

В 1922 году ВУАН возглавил выдающийся ботаник и путешественник Владимир Ипполитович Липский.⁸⁴ Уроженец Ровенщины и выпускник Киевского университета, Липский в молодости уехал в Петербург, где и сформировался как ученый. Он автор классических трудов по флоре Кавказа и Средней Азии, объездил Цейлон, Японию, Северную и Южную Америку в поисках растений. Четверть века спустя, в 1917 году, национальная революция в Украине заставила Липского вспомнить, что он украинец. Он оставил пост директора Императорского ботанического сада и вернулся в Киев, где принял горячее участие в создании Академии наук, а в 1922—1928 годах был ее президентом.

Липского сменил Даниил Кириллович Заболотный, опять-таки украинец, родом из-под Крыжополя. Это был воистину великий микробиолог и мужественный человек, не раз ставивший опыты на себе. По окончании Киевского университета (в 1894 году) он также почти на 30 лет покинул родные края. Работая в Петербурге, Заболотный участвовал в экспедициях в Индию, Аравию и другие страны, где изучал чуму, создал новую науку — эпидемиологию. Вернувшись в Украину, он основал Одесский медицинский институт и стал его первым ректором, а в 1928 году был избран президентом ВУАН.

К сожалению, президентство Заболотного оказалось недолгим: в декабре 1929 года он умер. В начале 1930 года на его место был избран великий физиолог Александр Александрович Богомолец. Киевлянин и питомец Одесского университета (выпуска 1906 года), Богомолец, вплоть до своего избрания президентом ВУАН (членом которой он стал раньше), также работал в России, где и сделал себе мировое научное имя.

В 1946—1962 годах президентом Академии был биохимик Александр Владимирович Палладин. В отличие от своих предшественников, он был русский, родом из Москвы, окончил Петербургский университет и приехал в Харьков в 1916 году уже профессором. Но все же его главная научная деятельность протекала с тех пор в Украине, здесь им был основан Институт биохимии УАН, создана украинская биохимическая научная школа.

Даже из этих сухих фактов понятно, что в новых российских энциклопедиях мы вполне можем прочесть: «Липский — русский бота-

ник», «Заболотный — русский микробиолог», «Богомолец — русский патолофизиолог». О Вернадском и говорить нечего. Причем, опираясь на чисто формальные признаки, оспорить все это было бы непросто. До сих пор проблема снималась эвфемизмом «советский». Советский — он и русский, и украинский, и грузинский, и башкирский.

Я привел эти данные в качестве, как говорится, демонстрационного примера. На самом деле, речь идет о тысячах имен. Не только до 1917 года почти вся научная деятельность университетов и исследовательских учреждений на территории современной Украины, исключая Западную, была составной частью общероссийского научного процесса, но и после этого украинизация отечественной науки (это не относится к гуманитарным направлениям) происходила исключительно медленно и с откатами.

Каждая нация обязательно производит инвентаризацию своего наследия. Не знаю, есть ли в мире другая нация, которой это было бы так же сложно сделать, как украинской. Я уже говорил об этом в главе «Народ в поисках имени», когда сравнивал судьбы Украины и Шотландии, а главу «Гордиться собой или стыдиться себя?» закончил обещанием вернуться к данной теме особо. Что я сейчас и делаю, ибо с этим необходимо разобраться.

Какие принципы мы кладем в основу своей «национальной инвентаризации»? Может быть, простой этнический? В этом случае мы сразу же столкнемся с трудностями. Иннокентий Гизель был природным немцем из Кенигсберга, в юности переселившимся в Киев, где он перешел в православие и принял монашество. В 1656 году он достиг поста архимандрита Киево-Печерской лавры и едва не стал митрополитом. Ему мы обязаны концепцией единства Великой и Малой Руси, концепцией единого русского, «православно-русского» народа.

Известный великодержавник Василий Шульгин, доживший почти до ста лет, половину из них писал злые и бесплодные статьи и книги против, как он выражался, «революционно-украинствующей дурри». Но у него был племянник Александр Шульгин, министр иностранных дел Центральной Рады, до последнего вздоха (он умер в эмиграции) верный украинской независимости.

Пример Александра Шульгина лишний раз показывает, что национальное самоотождествление не всегда происходит автоматически — оно может быть, и бывает, делом свободного выбора и личного

решения. Украинский выбор сделали Сергей Шелухин (о нем у нас шла речь в главе «Народ в поисках имени»), выдающиеся историки Александр Оглоблин и Наталья Полонская-Василенко (урожденная Меньшова). И Николай Хвылевой происходил из русской семьи, его настоящая фамилия Фитилев. Даже основоположник украинского «интегрального национализма» (который не очень сильно отличается от фашизма) Дмитрий Донцов, и тот был родом великоросс.

Но чаще выбор, как мы знаем, все же был противоположным: украинцы по происхождению становились русскими. Все знают, что самая яркая звезда русского немого кино была Вера Холодная, но кому известно, что она Вера Левченко из Полтавы? Здесь мы имеем дело с типичным случаем. Это особенно хорошо видно в такой общедоступной сфере, как литература. Кто были главные русские предреволюционные юмористы? Аверченко и Тэффи (Надежда Лохвицкая), сразу после революции к ним добавился Зошенко. К лучшим русским историческим романистам относится Данилевский. Станюкович — русский морской писатель номер один. Из миллионов людей, смотревших бесконечный телесериал «Петербургские тайны» по роману Всеволода Крестовского, едва ли многие знали, что автор был родом из наших, из тарашанских. Русские авторы-украинцы внесли свой вклад и в детскую литературу. У ее истоков стоит Антоний Погорельский с его сказкой «Черная курица или Подземные жители». Миллионы детей рыдали в двух ушедших веках над «Гуттаперчевым мальчиком» Григоровича, написавшего, помимо этого, и другие выдающиеся произведения. Одним из лучших детских авторов российской литературы (и прекрасным литературоведом) был Корней Чуковский. Поколения юных комсомольцев воспитывались на книге Николая Островского «Как закалялась сталь». Украинцами по происхождению были Мережковский, Максимилиан Волошин (Кириенко), Ахматова (Горенко), Маяковский, братья Немировичи-Данченко, множество авторов советского времени — вплоть до Константина Паустовского и Валентина Катаева.⁸⁵ Должны ли мы записать Тэффи в «свои», а Гизеля нет?

Конечно, любое явление можно истолковать по-разному. Теоретически, Гоголь мог бы утверждать, что пишет на языке, синтезированном книжниками Киево-Могилянской академии, а стало быть — на вполне своем. Но, оставаясь на общепринятой точке зрения, мы можем отнести «отпавших», в лучшем случае, к тому «переходному» или «промежуточному» культурному пласту, о котором у нас речь шла

выше. Да и то лишь в качестве рабочей гипотезы. Или придумать для них общее определение: украинская диаспора в России. Беда лишь в том, что они сами в подавляющем большинстве едва ли бы согласились с отнесением себя к диаспоре. В каком-то советском рассказе 20-х годов комсомольская ячейка принимает в свои ряды в качестве почетных членов Стеньку Разина, Емельяна Пугачева и Томаса Мюнцера. Мюнцера подсказал местный грамотей, и ячейка сперва долго в этой кандидатуре сомневалась, но все же утвердила и «товарища Мюнцева» тоже.

Наша история сложилась так, что мало кто из «отпавших» считал, что он от чего-то отпал, и насиловать постфактум их миропонимание (как это было проделано с Разиным и «Мюнцевым») едва ли верно. К подавляющему большинству из них неприложимо и понятие «диаспора». Диаспора — это достаточно специфическое состояние замкнутых общин изгнанников, людей с особой психологией, чего в данном случае не было.

И все-таки как же, с учетом сказанного, очертить круг деятелей украинской истории и культуры? Прежде всего, конечно, мы должны включить в их число всех (их, увы, не так много) известных нам исторических лиц Киевской Руси. Некоторые из них также оставили свой след, порой даже более глубокий, в истории Новгородской, Залесской (Северо-Восточной), Черной и Белой Руси, но это не повод для нас их вычеркивать. От начала владычества литовских князей и до 1917 года наш реестр должен будет включить всех, чья деятельность и (или) творчество полностью либо частично протекали в сфере украинского языка, включая староукраинский книжный (его принимают порой за русско-церковнославянский) — тот самый, который недолюбливал Грушевский. Далее, в согласии с территориальным критерием, принятым в мире для таких случаев, в наш «Большой пантеон» попадают все исторические лица на всех поприщах истории и культуры, чья деятельность полностью или в значительной мере протекала на территории Украины — князья, гетманы, митрополиты, губернаторы, борцы против унии и борцы за унию, полемисты, просветители, книжники, богословы, церковные деятели, казацкие вожди, повстанцы, полководцы, писатели, поэты, художники, зодчие, композиторы и другие деятели искусств, журналисты, революционеры, общественные деятели, видные инженеры, администраторы, изобретатели, ученые — независимо от этнического происхождения. Кого-

то мы, может быть, и не захотим допустить в свой пантеон, но это будет уже наше решение.⁸⁶

Но проблема в другом. Она в тысячах и тысячах украинцев, чья деятельность и творчество протекали вне Украины (или в основном вне Украины) и вошли кирпичиками или целыми глыбами в здание русской истории и культуры. Они невычленимы из России. Дело усугубляется тем, что многие из этих людей подчеркнуто не считали себя украинцами.⁸⁷ Как поступать с ними?

Сколь бы общепринятыми ни были языковый и территориальный критерии, если мы будем придерживаться только их, мы страшно обедним украинскую культуру! Триста лет подряд две имперские столицы России, ее новые земли и окраины, подобно магниту, оттягивали на себя значительную часть энергичных и честолюбивых украинских талантов. На провинциальной родине их оставалось не больше, чем она могла вместить, оставаясь провинциальной. Трудясь для империи, сперва Российской, потом советской, эти люди, по всем законам справедливости, трудились и для Украины, во славу Украины. Однако чисто механические (но пока несокрушимые) причины заставляют считать все, или почти все, сделанное ими, достоянием одной лишь России.⁸⁸

Раньше нас учили, что против царизма боролись только большевики, а до них декабристы и народники. Ну, и еще путались у большевиков под ногами — прежде чем окончательно скатиться на путь классовой измены — неразумные эсеры и меньшевики. Теперь выясняется, что о большевиках до 1917 года и слышать никто не слышал (об эсерах, правда, слышали, ибо они были террористами и устраивали взрывы, не услышать было трудно), но оппозиция всему отжившему и реакционному и без них была сильной и авторитетной. Без этой либеральной оппозиции не было бы февральской революции 1917 года. И когда начинаешь вглядываться, кто же они были, эти революционеры, конституционалисты, либералы, западники (и так далее), кто были их предшественники в XIX веке, бросается в глаза обилие людей украинского происхождения.⁸⁹

В условиях запрета политической деятельности сторонники преобразований, мирных и немирных, имели тогда лишь одну законную отдушину: публицистику. Среди основателей новой российской публицистики мы видим гадячского дворянина Тимофея Грановского (это имя хорошо знала высшая советская номенклатура, потому что

любила селиться в Москве на улице его имени). Большую роль в укоренении освободительных идей в 1830-е годы сыграл философский кружок Николая Станкевича, дворянина острогожского (он также удостоился улицы в самом центре Москвы).⁹⁰

Журнал «Вестник Европы» более полувека был символом (начиная со своего названия) либеральных европейских влияний на Российскую империю, проводником идей эволюционного развития. Этот журнал — детище, главным образом, Стасюлевича, его издателя и редактора на протяжении четырех с лишним десятилетий, и Максима Ковалевского, принявшего его эстафету на следующие семь лет. Последним издателем-редактором (при нем журнал был закрыт в 1918 году большевиками) стал Овсяннико-Куликовский. Интересно, что это был «второй» «Вестник Европы». Первый был основан Карамзиным и выходил в течение почти 30 лет с начала XIX века, но 23 из них журнал возглавлял украинец М. Т. Каченовский.

Но вот что интересно: почти никого из перечисленных лиц российские историки литературы и общественной мысли обычно никак не связывают с Украиной. Для них это русские писатели, русские публицисты, общественные деятели, политики. Эти определения переводятся на другие языки, закрепляются в мировом научном обороте. Хотя, к примеру, Туган-Барановский, услышав весть о национальной революции в Украине, сразу же устремился на историческую родину и вскоре стал министром финансов в правительстве Центральной Рады, одним из основателей Украинской Академии наук и ее академиком. Он умер по пути в Париж в составе делегации украинской Директории.

Насколько сильным было украинское присутствие в российском политическом пространстве, видно на примере двух крупнейших либеральных партий России — кадетской и октябристской («Союз 17 октября»). Прообраз кадетской партии, «Союз освобождения», созданный в 1903 году в Харькове(!), возглавил украинец Иван Ильич Петрункевич.⁹¹ Едва ли не самым видным октябристом был Михаил Владимирович Родзянко, политик общеимперского масштаба. Монархисты считали его главным виновником падения дома Романовых, поскольку именно он уговорил Михаила, брата царя, отказаться от престола.

Но украинцы всегда были и среди радикальных революционеров. Сразу приходят на память Степняк-Кравчинский, убивший в 1878 го-

ду шефа жандармов Мезенцева, «бабушка русской революции» Екатерина Брешко-Брешковская, казненные как террористы Николай Кибальчич, Софья Перовская, Иван Ковальский, Александр Квятковский, Осип Давиденко, Дмитрий Лизогуб, Иван Логовенко, Осип Бильчанский, Екатерина Измайлович. Перечислить всех народовольцев и эсеров-бомбистов украинского происхождения здесь нет возможности, их очень много.⁹²

Я не буду заниматься целенаправленным перечислением украинцев — российских художников, архитекторов, деятелей театра, музыки и других искусств, гуманитарных наук, естественных наук, точных наук, медицины, техники, политики, военного дела как дореволюционного, так и советского времени. Для этого пришлось бы писать отдельную книгу. Достаточно раскрыть энциклопедии, изданные или издающиеся в России. Вы постоянно будете наткаться на украинцев, которые считаются (и являются! — с этим не поспоришь) деятелями российской, русской истории и культуры.⁹³

Любому москвичу знакомы имена Склифосовского, Семашко, Гамалеи, Кашенко, Бурденко, поскольку они присвоены известным медицинским центрам Москвы. Естественно, простой человек не воспринимает эти имена как украинские. «Гамалея» — это Центральный институт эпидемиологии, и все. А почему так назван? Значит, был такой русский ученый, у нас в честь иностранцев институты не называют. И, что самое интересное, этот простой человек прав.

Во время работы на «Южмаше» мне приходилось иметь дело с самыми разными московскими институтами. Как-то я обратил внимание, что большинство из них не имели мемориальных имен, но зато тем, что все же носили таковые, они были присвоены, как на подбор, в память ученых украинского происхождения. Институт стройконструкций имени Кучеренко, Институт неорганических материалов имени Бочвара, Институт органической химии имени Зелинского (кстати, Николай Дмитриевич Зелинский, среди прочего, изобрел в 1915 году противогаз), Институт геохимии и аналитической химии имени Вернадского, Институт физических проблем имени Капицы, Термоцентр Академии наук имени Глушко, Институт горного дела имени Скочинского, Институт минерального сырья имени Федоровского, институт «Гидропроект» имени Жука.

Разумеется, так получилось случайно. Однако это та самая «случайная выборка», которую нужно признать в высшей степени пред-

ставительной. Она просто идеально отражает единство и нерасчлененность науки и техники на пространстве Российской империи и СССР. В самом упрощенном виде этот феномен можно описать так: в Москве — Глушко, в Киеве — Глушков. И до сего дня научный «развод» можно считать полностью состоявшимся лишь в сфере гуманитарных наук. В сферах точных и технических наук он будет длиться еще долго.

Из этого напрашивается вывод, до которого наша общественная мысль все никак не дойдет. Это вывод о том, что в Российской империи и СССР было общее интеллектуальное хозяйство, и Украина (а не только Россия) вправе считать своей не какую-то часть этого хозяйства, а все его целиком. Сказанное не влечет за собой правовых последствий, скажем, в патентной или какой-то еще юридически значимой области, это лишь признание того, что тотальное взаимопроникновение научно-технических и образовательных школ никогда не позволит нам разделить по полочкам: это — украинское, а это — российское. Сегодня, по сути, все принадлежит России, ибо зафиксировано, в основном, на русском языке и в границах страны, которая до 1991 года для внешнего мира всегда была просто Россией, на какие бы республики ни подразделялся СССР внутри себя. Как во времена майоратов, «старшему брату» достается все.

Если бы — допустим на мгновение — мы обратились в международный суд с требованием обязать энциклопедии всех стран отныне обозначать (к примеру) Гоголя, Пржевальского, Мережковского, Немировича-Данченко, Малевича, Сикорского, Лифаря, Ахматову, Маяковского, Королева и Шостаковича не русскими, а украинцами на основании прилагаемых справок об их происхождении, мы бы вчистую проиграли. Окажется достаточно того, что все перечисленные лица называли и считали себя русскими. Этот вопрос надо решать по-другому.

Как? В середине 90-х в печати появлялись предложения следующего рода: коль скоро общеимперская культура разделению не поддается, исторически справедливым, разумным и просто спасающим положение стал бы заключенный прилюдно и торжественно культурный пакт, в соответствии с которым Украина и Россия (и Белоруссия!) признали бы все духовные ценности, созданное во все века под одной государственной крышей, общим и не подлежащим дележу наследием. Звучит достаточно убедительно. По-хозяйски ли Украине

полностью отказываться от русского литературного языка, в формировании которого так велико украинское участие? По-хозяйски ли отстраняться от Пушкина, Тургенева, Достоевского, Лескова, Толстого, Чехова, Чайковского, Мусоргского, Римского-Корсакова, Лобачевского, Менделеева, Павлова, Станиславского, Шаляпина? Раздельный счет пусть идет с 1917 года — года, когда начался процесс политического обособления трех народов, завершившийся в 1991 году.

Неясно, правда, какое определение должно применяться вместо слов «русский», «украинский» и «белорусский». Поскольку много веков самоназваниями наших народов служили слова «русьский», «руський», «русский», «русский» и «русин», быть может, это должно звучать так: «Достоевский — общерусский писатель»? Но тогда и Шевченко — «общерусский»? Боюсь, однако, что сторонники возрождения общерусского государства, «исторической России» будут просто в восторге. Или «отечественный»? Каков бы ни был термин, привыкание к нему произойдет быстро, но он должен в конце концов устроить всех. Помню, некоторые уверяли, что не могут себя заставить произнести «в Украине» вместо привычного «на Украине», а сейчас им уже трудно было бы вернуться к прежней версии.

Я не готов дать «экспертную» оценку предложения в целом, но его бесспорным плюсом является то, что ни одна сторона в результате не становится беднее, но все три становятся богаче. Такой культурный пакт, никак не связывая нас политически, мог бы стать важнейшей психологической вехой, не исключено даже, что поворотным пунктом в отношениях трех народов. Все равно нам не поделить Илью Муромца и Садко, Ярослава Мудрого и Юрия Долгорукого, игумена Даниила и Афанасия Никитина, Франциска Скорину и Ивана Федорова, Феофана Прокоповича и Ломоносова, Пушкина и Шевченко, Рылеева и Кибальчича, Костомарова и Ключевского, Мечникова и Вернадского, Софийский собор и храм Покрова на Нерли. Они наши общие. Как и наша победа в Великой Отечественной войне. Как и весь исполинский культурный массив, один из ценнейших в мире.

Я вполне согласен с высказываниями Мирослава Поповича о роли для Украины русского языка и русской культуры. «Разрыв культурных связей с Россией, — пишет он — был бы таким же варварством и трагедией, как разрыв личных связей и привязанностей, соединяющих украинских и российских интеллигентов». Но, разделяя мнение

ученого о том, что «наше возрождение невозможно без ассимиляции общеимперской культуры», я хотел бы сделать одну оговорку. Сегодня освоение и усвоение «общеимперского» культурного наследия тормозится в Украине медленным преодолением имперского политического наследия, поскольку одно продолжает ассоциироваться с другим. Может быть, поэтому лучше вообще не употреблять слово «общеимперский». Оно не только отталкивает своим корнем, но и не является стопроцентно точным по сути. К тому же, для преодоления политического наследия империи свою часть пути должны пройти Россия и российское общество.

О ракетах «южан» и высоких технологиях

НИКТО НЕ ОТСТАЕТ НАВСЕГДА

Выше я уже упоминал о том, что многочисленные иностранные эксперты неоднократно пытались внушить нам мысль о бесперспективности инвестиций в украинские высокотехнологические производства. Пока мы прислушивались к таким рекомендациям, наши экономические реформы и макроэкономическая политика, особенно в первой половине 90-х годов, были направлены прежде всего на внешнюю ориентацию экономики Украины. Такая ориентация показала себя вдвойне разрушительной. С одной стороны, она игнорирует главный фактор экономики — внутренний рынок, практически не содействуя его расширению, а с другой навязывает нам бесперспективную для Украины модель развития с упором на металлургическую, химическую, горнодобывающую отрасли.

Эта модель, в случае ее последовательного воплощения, привела бы к отказу не только от высоких технологий, но и от фундаментальной науки, а со временем практически от всей научно-исследовательской деятельности вообще. Какие-то узко-прикладные огрызки науки остались бы в виде лабораторий при крупных предприятиях. Но это имело бы столько же общего с наукой, сколько подсобная инструментальная мастерская мыловаренного завода имеет общего с инструментальной промышленностью современного уровня. Есть страны, которые обходятся без науки и почти без высоких технологий и при этом имеют куда лучшие показатели жизненного уровня, чем сегодняшняя Украина. Они пришли к такому положению дел исторически. Украина имеет совершенно другую биографию. Сложившаяся структура нашего общества должна была исключить самую возможность появления подобных рекомендаций.

Не хочу, чтобы сказанное было понято так, будто я подозреваю экспертов в злом умысле. Обычно они исходят из так называемых объективных данных. Объективные же данные могут быть хоть и вер-

ными, но недостаточно полными. Например, они могут не учитывать систему ценностей и ориентаций исследуемого общества. Эксперты нередко принимают систему ценностей своего общества за универсальную и единственно здоровую. Самый простой пример: в американском обществе профессия зубного врача много престижнее профессии писателя, а наши люди отказываются верить, когда слышат такое, подозревая, что это попытка оклеветать Америку. Те или иные особенности нашей истории или нашего менталитета, которые приглашенные эксперты могут счесть не относящимися к делу, способны полностью обесценить все их рекомендации.

На то, как «объективные данные» могут завести в тупик, мне впервые открыл глаза, как ни странно, прочитанный в студенческие годы роман, название и автора которого я, к сожалению, начисто забыл. Забыл даже сюжет, но одно место крепко засело в памяти. Действие романа происходит в далеком будущем, через много веков после нашего времени. Археологи раскапывают какой-то брошенный город и в слоях конца XIX века находят очки и монокль. Объективная и здравая логика заставляет их прийти к выводу, что очки носили люди побогаче, а бедняки не могли себе этого позволить и довольствовались моноклем.

Эта история не раз приходила мне на ум и при чтении переводов некоторых статей об Украине и России из западных газет и журналов. Наверное, их авторы стараются быть объективными и логичными, но, недостаточно зная наши страны, не владея ни украинским, ни русским языками, они постоянно впадают в ошибки того же типа, что и археологи из забытого романа. В результате, впечатление от этих статей такое, что читаешь о вещах, быть может, и интересных, но к реальной Украине и к реальной России отношения не имеющих.⁹⁴

Когда имеешь дело с западными политиками, впечатления неадекватности почти никогда не возникает. Может быть, потому, что обсуждаемые вопросы носят всегда достаточно четко очерченный характер и хорошо подготовлены помощниками. К тому же, политики — люди чаще всего интуитивные, они, как правило, хорошо ощущают реальность.

Как бы то ни было, нам пришлось потратить довольно много времени на то, чтобы преодолеть гипноз внешней экспертизы и убедить тех, кого это касается внутри страны и за ее пределами, что от развития своих высоких технологий Украина отказываться не намерена.

Россия находится в сходном положении. К тому же, многие производственные циклы оказались разделенными между предприятиями наших стран. Иногда приходится слышать и читать, что поскольку в высокотехнологичных производствах Украина и Россия сегодня соперничают, всякое наше сотрудничество с Россией в этой сфере было бы равносильно помощи конкуренту, особенно на рынке вооружений и авиакосмическом рынке. Это, разумеется, неверно. По большому счету, все страны на свете — конкуренты, но это не мешает им налаживать самые разнообразные формы сотрудничества, в том числе в области технологий, даже как-то неловко это объяснять за очевидностью.

Чтобы подкрепить доводы о бесперспективности инвестиций в украинские высокотехнологичные производства, начинают уверять, что мировое разделение труда уже произошло, и для Украины в этом секторе места не осталось, так что любые ее попытки в данном направлении будут нерациональной тратой сил и средств. Вот уж вздор так вздор! Это равносильно утверждению, что мир сложился в своем окончательном виде, и отныне ничто в нем измениться не может. Приверженцев такой точки зрения извиняет лишь то, что люди во все времена смотрели на мир вокруг себя как на уже неизменяемый и бесповоротный. Это вообще одна из самых распространенных логических ошибок: с одной стороны, люди знают, что вереница ушедших веков была заполнена сплошными переменами, а с другой — почему-то полагают, что больше перемен не будет. И добро бы они так заблуждались в Средние века. Нет, и в наши дни появляются ученые трактаты под названием «Конец истории».

Не так давно, в 1960 году (для меня это просто недавно, потому что в тот год я уже поступил на работу в КБ «Южное»), мог ли кто-нибудь предположить, что Южная Корея, Тайвань всего через 25—30 лет станут высокоразвитыми странами? И что в конце века в кильватер к ним начнут пристраиваться Индонезия и Филиппины? В 1960 году это были бесконечно, неправдоподобно отсталые страны.

О Китае же мы знали в тот год, что там недавно закончилась борьба с мухами и воробьями (их истребили по всему Китаю, исключая малонаселенные районы) и осуществляется Большой скачок, главной составляющей которого была «народная металлургия». Суть ее заключалась в том, что чуть ли не в каждой деревне строилась маленькая доменная печь, что-то вроде сильно увеличенного мангала, где и выплавлялся «народный чугун». Для обеспечения сырьем велась кустарная

добыча угля и руды. Китайцы сегодня сами со смехом вспоминают об этом: металл был настолько плох, что практически никуда не годился, сил же, средств и ресурсов было угроблено бесконечно много. Китаю с его «тремя красными знаменами» — Генеральной линии, Большого скачка и Народной коммуны — было до уровня СССР, казалось тогда, как до Луны. Могло ли нам тогда прийти в голову, что через 40 лет ВВП Китая превысит суммарный ВВП стран бывшего СССР в 2,65 раз?⁹⁵ (Я уж не говорю о возможности вообразить в том году словосочетание «страны бывшего СССР».) Кстати, позже выяснилось, что Большой скачок ознаменовался сильнейшим спадом (в 1964 году промышленность Китая едва вернулась к уровню 1957-го). Был и другой спад, вызванный «культурной революцией» 1966—1970 годов, когда на два-три года закрывались даже школы и вузы. Несмотря на все потери этих лет, последующие огромные успехи Китая посрамили множество скептиков, так же как, не сомневаюсь, и множество экспертов.

Я вообще скептически отношусь к слишком уверенным предсказаниям в экономической сфере. Не верю, что мыслимо просчитать шахматную партию на тысяче клеток и с многими сотнями фигур на двадцать ходов вперед. На мой взгляд, имеет смысл говорить лишь о тенденциях, да и то с большой осторожностью. Вспоминая разные несбывшиеся прогнозы, нельзя забывать и о том, насколько убедительными они всегда выглядели в момент своего оглашения. В 1989 году член японского парламента Синтаро Исихара выразил господствовавшее тогда почти всеобщее убеждение словами: «У Соединенных Штатов Америки надежды нет». В том году множество экспертов и наблюдателей уверяли, что японские фирмы достигли решающего и даже окончательного технологического преимущества перед Западом и что «большая часть Калифорнии закончит свое существование как дочернее предприятие японской фирмы “Matsushita”». Всего лишь за десять следующих лет доля Японии в капитализации мирового фондового рынка уменьшилась с 40% примерно до 10.

Столь же смехотворными будут выглядеть со временем и звучащие сегодня уверения типа: страна NN отстала в технологической сфере навсегда. За этими уверениями обычно следуют рекомендации, исполнение которых способно привести страну NN к полному разрыву со всем ее предыдущим научным и технологическим развитием, к обесцениванию накопленного за многие десятилетия опыта, причем кое-кто готов принять все это к немедленному исполнению и тем

самым сделать «отставание навсегда» реальностью. И еще одна загадка: почему-то люди, менее всего разбирающиеся в вопросе, особенно охотно поддерживают подобные советы в печати и эфире.

Да, в украинской промышленности доля высокотехнологичной продукции составляет сегодня всего около 10 процентов. Конечно, это непозволительно мало. Но нельзя сказать, что это исчезающе мало. Вообще любой показатель можно осмысленно оценить лишь в его динамике — отражает ли он момент спада или подъема, заката или возрождения. Я хочу, чтобы мои читатели сами сделали вывод о том, насколько перспективны инвестиции в украинские высокотехнологические производства, на примере той отрасли, которую я знаю лучше всего, и для этого расскажу о Производственном объединении «Южный машиностроительный завод» имени А. М. Макарова и о Государственном конструкторском бюро «Южное» имени М. К. Янгеля. Я работал на обоих предприятиях, хорошо знал тех, чьи имена они носят. Я считаю этих людей гениями. Гениями и инженерной мысли, и организации производства.

«Южмаш» берет свое начало от совсем другого производства. Он был основан в 1944 году (оцените дату!) как автомобилестроительный гигант на юге Украины, по замыслу чуть ли не самый большой в мире. Но в 1951 году вышло секретное постановление правительства СССР: в исключительно сжатые сроки организовать серийное производство ракет на базе Днепропетровского автозавода. Завод еще достраивался, хотя уже начал выпускать серийную продукцию — грузовики, самосвалы, автокраны, прицепы, амфибии. И вдруг такая неслыханная задача: в кратчайшие сроки освоить выпуск новой, чрезвычайно секретной техники, которую на заводе сразу в шутку окрестили «автомобилями вертикального передвижения». Параллельно, отчасти для маскировки основного профиля, здесь было организовано крупное тракторное производство, мощность которого достигала 60 тысяч тракторов в год.

Почему решили перепрофилировать завод? Сразу после войны руководство СССР признало, что работы, проводившиеся в Германии по жидкостным ракетам, вполне перспективны, и специально созданному КБ во главе с С. П. Королевым была поручена разработка отечественных ракет. Ракеты Р-1, Р-2 и Р-5М были созданы и успешно испытаны, после чего их серийное изготовление было поручено днепропетровскому заводу, кадры которого пополнили ракетчиками из Москвы и большим отрядом молодых специалистов. И вот тут произошло са-

мое интересное. Энтузиасты конструкторского отдела завода не удовлетворились отведенной им ролью и инициативно разработали и представили военному ведомству проект своей ракеты. Она выгодно отличалась от первых моделей (уже освоенных и выпускавшихся заводом) своими боевыми и конструктивными качествами.⁹⁶

В апреле 1954 года на территории завода было образовано самостоятельное Особое конструкторское бюро ОКБ-586. Оно стало постоянным партнером и соратником «Южмаша» в развернувшемся мировом соперничестве за лидерство в области современных ракетно-ядерных вооружений. ОКБ возглавил выдающийся ученый и конструктор Михаил Кузьмич Янгель. Завод занимался одновременно и серийным выпуском ракетной продукции, и освоением новой, уже днепропетровской, ракеты Р-12. Дело было организовано так, что все экспериментальные агрегаты, узлы, детали изготовлялись непосредственно в цехах завода, а не на экспериментальном производстве главного конструктора.

В итоге, когда отработка изделия завершилась, завод был готов чуть ли не на следующий день приступить к его серийному выпуску. После испытаний стало ясно, что Р-12 по всем основным характеристикам значительно превосходит серийную Р-5М, и завод перешел на выпуск только янгелевских ракет. Ракета Р-12 (по западной классификации, SS-4) стала самой массовой и основной ракетой средней дальности. На базе этих ракет в 1959 году были сформированы первые части Ракетных войск стратегического назначения. Директором «Южмаша» в 1961 году стал Александр Максимович Макаров, бывший перед этим главным инженером (а до него директором был Леонид Васильевич Смирнов, будущий заместитель председателя Совета министров СССР).

Благодаря высочайшей организации производства, изготовление ракетных комплексов на «Южмаше» велось самым дешевым и быстрым способом. Завод стал не просто головным изготовителем серийных изделий, но и соавтором всех новых разработок. Почти сорок лет ракетно-космическое КБ «Южное» и мощнейший завод «Южмаш» определяли мировой уровень многих направлений и достижений в ракетно-космической науке и технике.

Вдохновленные первым успехом, КБ и завод в кратчайшие сроки создали ракету Р-14 (SS-5) с максимальной для среднего диапазона дальностью стрельбы и первую советскую межконтинентальную ракету Р-16 (SS-7) на высококипящем топливе, предназначенные для размещения в шахтных пусковых установках.

Конечно, успехи днепропетровцев были столь впечатляющими в первую очередь благодаря совершенно исключительному коллективу разработчиков основных систем ракетных комплексов (главные конструкторы В. Глушко, Н. Пилюгин, В. Кузнецов, Б. Коноплев, В. Бармин, В. Арефьев, Е. Рудяк). Но немалую часть этих успехов на стадии становления «технической идеологии» советской ракетной школы я отношу за счет великолепного взаимодействия Янгеля и Макарова. Это были воистину корифеи отечественного ракетостроения. Именно они создали модель единой опытно-конструкторско-производственной базы. Эта модель, оказавшаяся подлинной находкой, сохраняется и поныне. Она позволяет сразу после получения конструкторской документации от КБ начинать конструкторскую отработку и серийное производство в цехах завода. Структурно это и по сей день является новацией в сфере производства и проектирования.

Идеально налаженное сотрудничество Янгеля и Макарова продолжалось на протяжении всех 17 лет их совместной деятельности, до преждевременной смерти Михаила Кузьмича Янгеля в 1971 году. Их пример раз и навсегда убедил меня, насколько важным и даже решающим может быть «человеческий фактор». Александр Максимович Макаров возглавлял «Южмаш» 25 лет. Когда я в 1986 году сменил его на посту генерального директора «Южмаша», Макарову было 80 лет. Тот, кто сделает вывод, что должность была стариковская, сильно ошибется. Гендиректор «Южмаша» — это работа по 14—15 часов в день и почти без выходных. Но подавляющему большинству молодых людей можно от всей души пожелать таких энергии, бодрости, памяти и ясности ума, какие имел А. М. Макаров к моменту ухода на пенсию. Он был действующим, ездящим, летающим директором и до последнего дня работы не разъезжал по заводу, а ходил пешком, посещая все без исключения цеха и производства. Его вряд ли кто-нибудь мог назвать «добреньким» — он бывал очень жестким, но при этом превыше всего ценил человеческие отношения.

Я был свидетелем и участником того, как КБ и завод стали главными предприятиями СССР по созданию ракетных комплексов. На этом пути было пройдено несколько выдающихся вех, и мне немного жаль далеких от техники людей, не способных оценить высоту научных, конструкторских, инженерных и технологических вершин, взятых «южанами». На базе ракеты Р-36 были созданы уникальные ракетные комплексы. Во-первых, ракета SS-9. В баллистическом варианте

она обладала самой мощной на тот момент головной частью. Ее глобальный вариант имел единственную в мире орбитальную головную часть, которая обладала неограниченной дальностью стрельбы по любому азимуту и могла поразить цель в любой точке земного шара. Невозможно не вспомнить такой рубеж, как создание ракет SS-17 и SS-18 с разделяющимися головными частями. Каждая отделяющаяся боеголовка индивидуально наводилась на свою цель. Новинкой было и то, что эти ракеты (стартовым весом в 200 тонн каждая) еще до запуска двигателей выбрасывались с помощью пороховых газов из пускового контейнера, находившегося в сверхзащищенной шахте.⁹⁷

Начиная с 70-х годов ГКБ «Южное» и «Южмаш» (вместе с входящим в его состав Павлоградским механическим заводом) стали разрабатывать твердотопливные двигатели и ракеты. В результате появились двигатели первой ступени для первой подвижной межконтинентальной ракеты SSX-26 и ракеты морского базирования SSN-20, был изготовлен самый мощный в стране твердотопливный двигатель с тягой в 300 тонн, создана высокоэффективная твердотопливная трехступенчатая ракета SS-24 шахтного и (впервые в мире) железнодорожного базирования. Все это вместе взятое гарантировало неотвратимость ответного удара в случае нападения на СССР. Именно появление этих ракет и ракетных комплексов (в первую очередь, ракетных шедевров SS-18 и SS-24, и сегодня несущих боевое дежурство в России) обеспечило достижение Советским Союзом в период «холодной войны» полного паритета с США в области ракетных вооружений стратегического назначения и поставило обе тогдашние сверхдержавы перед категорической неизбежностью ограничения, а затем и сокращения своих стратегических ядерных арсеналов.

Кого-то, быть может, покорили мои спокойные и даже, наверное, горделивые фразы о смертоносном оружии, об отделяющихся боеголовках, поражаемых целях и «стрельбе по любому азимуту». Не надо представлять нас, ракетчиков, роботами, чуждыми моральных установок и всякой человечности. Или же людьми, которые не ведали, что творили. Мы прекрасно знали, что мы делали. Но вместе с тем мы твердо верили: чем лучше мы будем делать свою работу, тем ниже вероятность того, что эти ракеты когда-нибудь будут выпущены по далеким заморским целям. Так и произошло. Днепропетровские ракеты стали самым весомым аргументом в пользу серьезного перегово-

ворного процесса. Они еще и обеспечили эффективность взаимного ядерного и баллистического сдерживания СССР и США — фактически была сведена к нулю реальность возникновения между ними ядерного конфликта. Никто не скажет, что мы трудились зря.

Но было еще одно. И тут люди, не имевшие дело с поражающими воображение техническими и научными проблемами, меня могут не понять. Мне кажется, что только инженер, только конструктор способен понять, какой вызов твоему уму и способностям может заключаться в самой постановке задачи: попасть дробинкой в левый глаз стрекозы, летающей зигзагами где-то далеко, за огромным лесом и за грозовым фронтом, вне зоны какой-либо видимости. Но только в левый. Попадание в правый засчитано не будет.

Если кто-то назовет мое отношение пристрастным, я не буду спорить. Конструкторскому бюро «Южное» я отдал 25 лет, «Южмашу» — без малого 8 лет. Четыре года я имел честь быть первым заместителем генерального конструктора КБ «Южное» и шесть лет — генеральным директором «Южмаша». Мне даже трудно воспринимать их как два разных предприятия. Я смотрю на них вместе, как на одно из самых важных и ценных мест на земном шаре, хотя пацифисты, быть может, со мной не согласятся.

Специально для пацифистов скажу: даже в годы холодной войны южмашевцы производили и вполне мирную продукцию. Так, ими было выпущено 1,8 миллиона пропашных тракторов, которые экспортировались в 50 стран мира.

Другой важной главой истории «Южмаша» и ГКБ «Южное» стало наше участие в советских космических программах. С грустью вспоминаю работу над Лунным проектом СССР. С грустью, потому что КБ и завод намного раньше американцев провели полную отработку спускового аппарата для космонавтов (так называемого «лунного модуля»). То, что ни наши космонавты, ни наш аппарат на Луну так и не попали, случилось по причинам, от днепропетровцев не зависящим. Все, что требовалось от нас, мы выполнили стопроцентно и на высочайшем уровне.

В остальном мои воспоминания о космосе главным образом положительные. Можно, не греша против истины, сказать, что «южане» входят в число пионеров исследования космоса. Уже в 1962 году ракета-носитель «Космос-1», созданная в КБ, вывела на орбиту наш, днепропетровский спутник ДС-1.⁹⁸

Конструкторами КБ «Южное» разработано 67 типов космических аппаратов различного назначения: для обороны, науки, народного хозяйства и 12 космических комплексов, а всего в содружестве с «Южмашем» было изготовлено и выведено на орбиту более 400 космических аппаратов, выполнявших астрофизические исследования, глобальное исследование и дистанционное зондирование мирового океана. Днепропетровцы явились инициаторами создания и реализации международной космической программы «Интеркосмос».⁹⁹

Производственное объединение «Южный машиностроительный завод» и Государственное конструкторское бюро «Южное», как считают все эксперты мировой оборонной промышленности, это жемчужины международной величины. И вместе с тем понятно, что эти предприятия «шились» по меркам СССР и по сезону холодной войны. Украина не имела не только возможностей, но и причин сохранять эти предприятия в том виде, в каком они были, скажем, по состоянию на 1 января 1990 года. Тотальная конверсия лишила «Южмаш» источника заказов на 100 ракетных комплексов в год и вынудила сократить состав работающих с 50 до 20 тысяч.

В тот переломный период общественное мнение было против ракетостроителей. Пресса объявляла нас главными виновниками наступившей нищеты. Рассекречивались имена главных конструкторов и других «закрытых людей» с единственной целью: заклеить их позором за пущенные якобы на ветер народные деньги. Коль скоро Украина не имеет собственного космодрома, значит, не нужны и ракеты!

Некоторые народные депутаты Украины демонстрировали удивительный ход мыслей. Находясь на Байконуре, они спрашивали: ну, хорошо, Россия закажет у нас ракеты, а что с этого будет иметь Украина? Ну как же, говорили им, Россия ведь будет платить нам за ракеты, это доход государству, плюс сохранение рабочих мест, занятости, зарплаты... На что следовало возмущенное возражение: «Так ведь этим будет пользоваться Россия!» Конечно, будет, иначе зачем ей их заказывать? Но для некоторых депутатов подобный вывод заключал в себе непереносимое горе.

Если подытожить то, что говорят и пишут с тех пор о КБ и заводе сторонники точки зрения о бесперспективности инвестиций в украинские высокие технологии, то получается примерно следующее. Восток Украины во многом сформирован советской военной экономикой. Многие десятилетия он был милитаризован, а это не то насле-

дие, в котором нуждается новая возрождающаяся Украина. С распадом СССР предприятия «союзного» ВПК стали для нас обузой. Они как чемодан без ручки — и бросить жалко, и нести невозможно. Но бросить все равно, мол, придется, потому что на мировом рынке эти предприятия неконкурентоспособны. Сегодня «Южмаш» является самым крупным должником по энергоносителям, и эти проблемы будут лишь нарастать. Не увольняя лишних работников, руководство загоняет социальные проблемы вглубь. И так далее, и так далее.

Все это или искреннее заблуждение, или лукавство. Начнем с того, что в настоящее время три четверти всего валового внутреннего продукта Украины вырабатывают, и не без участия ВПК, пять регионов — город Киев, Донецкая, Днепропетровская, Луганская и Запорожская области. То есть столица плюс Восток. Крупнейшими финансовыми центрами Украины, наряду с Киевом, являются Днепропетровск и Донецк. Восток с его ВПК — это интеллектуальный локомотив Украины, здесь самые высокие показатели образованности населения. Не зря здесь сегодня наибольшее число пользователей Интернета. Накопленный в регионе человеческий потенциал должен работать на Украину с максимальной отдачей, люди должны сохранять возможность раскрытия своих знаний и талантов. Но такое исключено, когда упрощается, делается более примитивной производственная и социальная структура общества. Например, когда инженеры становятся челночниками. А удушение ВПК — это энтропия в чистом виде.

Что происходило в наиболее высокотехнологичных (читай: военных) отраслях украинской промышленности в 90-е годы? Развиваться так, как развивался советский ВПК, то есть за счет государственного заказа и государственного финансирования НИОКР, эти предприятия больше не могли. Что нам оставалось в безвыходной, казалось бы, ситуации? Говорю «нам», потому что эта ситуация прищлась на то время, когда генеральным директором «Южмаша» был я. Момент был одновременно исторический и переломный.

У людей короткая память, и многие сегодня пребывают в убеждении, что трудности в народном хозяйстве Украины начались с провозглашением нашей независимости. Если говорить об оборонной отрасли, все началось много раньше, мне ли это не знать? До нашей независимости оставалось еще около трех лет, когда Горбачев провозгласил, в конце 1988 года, принцип «разумной оборонной достаточ-

ности». В связи с этим было принято решение сократить военные расходы СССР в 1989 году на 14,2%, а расходы на производство вооружений и военной техники и того больше — на 19,5%. Военный бюджет СССР на 1989 год был утвержден в размере 77,3 миллиарда рублей, а на 1990 год его официально сократили еще почти на 10%, доведя до 70,98 миллиардов рублей. Говорю «официально», потому что истинная цифра была спрятана, как Кашеева смерть в народной сказке. То, что советские военные расходы очень высоки, нам, ракетчикам, объяснять не требовалось. Но рядовых граждан много десятилетий уверяли, будто эти расходы стабильно составляют у нас всего 4—5% государственного бюджета СССР. И большинство людей верили, что этих процентов было достаточно для поддержания военного паритета с США и НАТО в течение, по крайней мере, 25 лет!

На пороге 1989 года случились два эпохальных события в этой области. Во-первых, прозвучало признание, что цифры военного бюджета у нас до сих пор постоянно преуменьшались в 3,7—3,8 раза. Это была «плохая» новость. За ней, как водится, следовала «хорошая» — та самая, о которой я уже упоминал, а именно, что военный бюджет сокращается. В 1989 году он должен был составить «всего-навсего» 16% государственного бюджета (вместо 18,3%). На самом деле, как пишет в своих воспоминаниях М. С. Горбачев, истинный размах милитаризации СССР не представлял практически никто — к этим данным имели доступ всего два-три человека в стране. Но уже была провозглашена гласность, стало возможно заняться подсчетом реальных военных расходов, прямых и косвенных. Этот подсчет занял около двух лет, и в результате выяснилось, что военные расходы СССР из года в год были стабильно близки к 40% госбюджета, продукция военно-промышленного комплекса составляла 20% валового общественного продукта (сейчас этот показатель не используется; не путать с ВВП), а из 25 миллиардов рублей всех расходов на науку около 20 миллиардов шло на военно-технические исследования и разработки.

УПУЩЕННАЯ ВЫГОДА

А теперь пусть каждый попробует ответить на вопрос: можно ли легко и безболезненно перестроить (на ходу!) этакую махину? И что будет, если ее просто остановить, а большинство занятых в ней —

элиту рабочего класса и инженерного сословия, лучших конструкторов и технологов — выставить за ворота?

О том, что ждет оборонную отрасль, нам стало ясно уже в 1988 году. 29 мая вступил в силу договор между СССР и США об уничтожении советских и американских ракет средней дальности с ядерными зарядами. Тогда же страны Варшавского договора во главе с СССР в качестве жеста доброй воли решили в одностороннем порядке сократить часть вооруженных сил и вооружений, снизить военные расходы и «начать конверсию значительной части военного производства». Что это за «значительная часть», долго оставалось неясно. Зато было до боли ясно, что надо срочно думать о высокотехнологичной гражданской продукции. Да вот беда, советский ВПК, располагая великолепными технологиями, совершенно не умел делиться ими с гражданским производством. Руководство страны ощущало какую-то смутную тревогу по этому поводу, именно поэтому почти все военные заводы были обязаны выпускать «товары народного потребления». Однако любой директор знал, что за кинокамеры, магнитофоны или холодильники ему голову не снимут, а за навигационные приборы для истребителя или за радарные установки для авианосца — очень даже снимут.

Полное или даже сколько-нибудь значительное переключение оборонки на потребительские товары было невозможно даже в теории. К тому же, потребительский рынок — только часть рынка, причем не самая большая. Но никаких механизмов связи с рынком у предприятий ВПК не было. Да и самого рынка в СССР не было.¹⁰⁰

1989 год запомнился особенно хорошо. Он был переполнен событиями. В феврале советские войска ушли из Афганистана. В апреле СССР в одностороннем порядке решил вывести с территории своих союзников по Варшавскому договору 500 ядерных боезарядов и сократить средства их доставки. В мае Съезд народных депутатов СССР принял постановление «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР». Постановление утверждало принципы, которыми СССР должен руководствоваться в международных делах. Среди этих принципов были такие: обеспечение безопасности страны прежде всего (хорошо еще не написали: «исключительно») политическими средствами, ликвидация запасов ядерного оружия и сокращение оборонного потенциала страны до пределов разумной достаточности; неприменение силы и угрозы силой; диалог и перего-

воры как единственный (!) способ решения международных проблем и урегулирования конфликтов; органичное включение советской экономики в мировое хозяйство на взаимовыгодных и равноправных основах. Устами бы этих депутатов да мед пить!

Продолжались переговоры СССР и США о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений. Советская сторона в сентябре решила полностью ликвидировать Красноярскую радиолокационную станцию предупреждения, признав ее постройку нарушением договора с США. К 31 декабря 1989 года было уничтожено 1498 советских ядерных ракет дальностью от 500 до 5500 км и их пусковых установок. Соответствующая американская цифра равнялась только 451 уничтоженной ракете — мы это, помню, живо обсуждали тогда. Советские и американские дипломаты согласовали ограничение стратегических наступательных вооружений уровнями в 6000 ядерных боезарядов и 1600 стратегических носителей и подуровнями в 4900 боезарядов для баллистических ракет наземного и морского базирования, а в рамках этого числа — подуровнями в 1540 боезарядов на тяжелых межконтинентальных баллистических ракетах, число которых не должно превышать 154 (по десять разделяющихся зарядов на ракету). Я записывал все эти новости и цифры в свой блокнот, потому что буквально каждая из них говорила о близящемся конце отечественного ракетостроения. Наконец, в декабре 1989 года произошла встреча Горбачева с президентом Бушем (старшим) на борту советского теплохода «Максим Горький» у берегов Мальги, и на ней был решен вопрос о 50-процентном сокращении стратегических наступательных вооружений.

Как житель Земли, как гражданин СССР, как патриот Украины, как семейный человек, я должен был этому радоваться. Меньше бомб и ракет — меньше опасность для рода человеческого. Я и радовался! Но меня брала досада на советских политиков, которые совершенно не умели торговаться, отстаивать интерес своей страны. Уступки, которые они делали, можно было, я и сейчас убежден в этом, увязать, например, с инвестициями в наши передовые отрасли. Мой приход в политику научил меня не так уж многому. Я быстро обнаружил, что почти всю политическую науку усвоил раньше — как говорится, по ходу жизни. Но одно правило я понял только когда оказался внутри международной политики: частное лицо может отнекиваться, когда ему дают что-то даром, настоящий же государственный же деятель

никогда не откажется принять односторонние уступки.¹⁰¹ Запад явно не ждал такой стоворчивости и уступчивости. Вероятно, он был готов предложить немалые бонусы, но услышал от советских собеседников: «Ну что вы, какие могут быть счеты между цивилизованными людьми?» и спорить не стал.

Я совершенно не виню Запад. Я на месте западных политиков действовал бы точно так же. Я виню горбачевскую команду, которая явила пример отсутствия купеческой хватки. Ни один наследник Рябушинского или Морозова, Ханенко или Терещенко никогда бы не дал маху так, как умудрилась эта команда, проморгав в 1988—1991 исторические инвестиционные возможности.

Национальный интерес надо отстаивать, как Сталинград — до последнего, и сверх того. Огромная «упущенная выгода» этих лет была упущена в том числе и за украинский счет. Советское руководство тешило себя лишними всякого смысла словосочетаниями. Оно уверяло, что «происходит переход в практическую плоскость концепции общеевропейского дома», «идет процесс насыщения перестройки конкретным содержанием», «ведутся наработки по концептуальным вопросам интенсификации и ускорения», «отмечается выход на углубление взаимовыгодного сотрудничества», «Политбюро и Секретариат ЦК КПСС целеустремленно и настойчиво занимаются назревшими проблемами международного положения». Подобную чепуху, о чем бы ни шла речь, приходилось слышать почти ежедневно, она оскорбляла мою крестьянскую душу.

Внятные государственные планы конверсии как отсутствовали с самого начала, так и не появились вплоть до упразднения СССР. В интересных и даже выдающихся идеях недостатка не было, но все они упирались в отсутствие капиталов, в косность и неповоротливость, в перспективу надвигающегося распада советской империи. Тогда нашей оборонке предстояло за счет внутренних ресурсов и при минимальной помощи государства провести диверсификацию производства и разработок, освоить новую продукцию, прежде всего гражданского назначения, наладить коммерческую кооперацию со старыми и новыми партнерами, выйти на внешние рынки и (обязательно!) научиться зарабатывать деньги дома. И наша оборонка, несмотря на громадные потери, в целом с этим справилась, преодолела противодействие со всех (буквально со всех) сторон и умудрилась сохранить, в условиях безденежья, главное — научный, конструкторский,

инженерный, технический и технологический потенциал. Сохранить не только для Украины, но и (тут я не стыжусь патетики) для человеческого сообщества. Эти задачи легли на людей, всю жизнь бывших абсолютно вне коммерции, людей еще вчера засекреченных, без опыта общения вне своего узкого круга, «невыездных»... Сказать, что это был узел неразрешимых задач — значит не сказать ничего.

И если эти задачи, несмотря ни на что, решены или решаются, то исключительно благодаря интеллектуальному ресурсу моих бесценных коллег по профессии. На целом ряде направлений им удалось не только удержать технологическую планку, но и продвинуться вперед. Хочу немного задержаться именно на этом, и тогда, возможно, безграмотные предположения относительно «бесперспективности» технологических усилий Украины отпадут сами собой.

За 90-е годы нам удалось превратить ракетное производство в многопрофильное. Еще в пору моего директорства пришлось оперативно осваивать самые неожиданные виды продукции гражданского назначения. Я тогда решил: ничего отвергать нельзя, лишь бы речь шла о технологичной продукции. Отказываться следует лишь от проектов, ведущих к примитивизации производства. За 9 месяцев был спроектирован и запущен в серию украинский троллейбус. Сегодня по улицам городов Украины и СНГ бежит великое множество южмашевских троллейбусов. Во многих случаях спасительным решением оказалось создание совместных предприятий. СП «Уиндэнерго» освоило производство ветроэнергетических установок (ВЭУ), которые в несколько раз дешевле западных аналогов, при этом не уступают им по параметрам. Под Евпаторией их работает целый каскад, пригодились ВЭУ и в других регионах. Создано СП по производству зерноуборочных комбайнов типа «Доминатор 204 Мега», работает СП «Татра-Юг» по выпуску трамваев, налажено совместное производство тракторов «Магnum 8940» мощностью 253 л. с.

Юрий Сергеевич Алексеев (генеральный директор ПО «Южный машиностроительный завод» имени Макарова) и Станислав Николаевич Конюхов (генеральный конструктор — генеральный директор ГKB «Южное» имени Янгеля) не пожалели усилий в поисках применения научно-технического потенциала и уникальных оборонных технологий своих предприятий в условиях тотального разоружения. Между прочим, оба — выпускники физико-технического факультета Днепропетровского университета, физтеха, который заканчивал и я.¹⁰²

По заказу фирмы «Антонов» южмашевцы освоили шасси к самолету Ан-140. Ими создан плазменный хирургический комплекс, принцип работы которого основан на методе физического воздействия аргоновой плазмы с температурой до 10 000°С на ткани. Рассечение тканей осуществляется плазмотроном-деструктором (он выполняет функции скальпеля), а быстрая остановка диффузного кровотечения — плазмотроном-коагулятором. Конструкторы разрабатывают наукоемкую продукцию для машиностроительной, энергетической, транспортной, перерабатывающей, пищевой и других отраслей промышленности. Значительное место в работе завода и КБ занимает столь актуальная в наши дни экологическая тематика. Теплоэлектростанции нуждаются в эмульгаторах для очистки вредных выбросов. При их создании на «Южмаше» стали использовать применявшиеся в ракетостроении композиционные материалы, в результате изделие может служить неограниченно долго. Сегодня мир нуждается в утилизации изотопных материалов, не говоря уже об отработанном ядерном сырье. Можно развернуть масштабное производство контейнеров из композиционных материалов для хранения вредных отходов. На «Южмаше» организован объект по дезактивации и уничтожению материальной части ракет, снятых с боевого дежурства. 111 ракет СС-19, поднятых из шахтных установок Украины, утилизированы в Днепропетровске.

При этом сохранено производство ракет «Циклон», «Зенит», тракторов. Пусть в меньших количествах, но, исключая боевые ракеты, «Южмаш» производит почти все, что производил и раньше. «Южмаш» и «Южное» сохранили свое лицо. За десять лет нашей независимости состоялось 62 пуска украинских космических ракет, которые вывели на околоземную орбиту около 80 спутников разных стран. Это не очень много, но мы прошли нижнюю точку и начинаем набирать обороты. Первым украинским спутником стала запущенная в 1995 году «Січ-1». С его пуском начала функционировать первая украинская национальная космическая система наблюдения Земли.

Следующий этап — это еще более продвинутый космический аппарат «Січ-1М». Он позволит вести изучение и контроль геологических структур Земли, выявлять электромагнитные излучения, вызванные ее сейсмической активностью, контролировать загрязнение почв и внутренних водоемов, проводить эксперименты по исследованию ионосферы и магнитосферы. Космический аппарат «Січ-1М» за-

пущен в 2002 году. На его борту, помимо украинской аппаратуры, находятся приборы международного спутникового проекта «Вариант», участниками которого являются (в алфавитном порядке) Великобритания, Польша, Россия, Украина, Франция. Кроме того, в качестве попутного груза в составе системы «Січ-1М» запущен микроспутник МС-1-ТК, предназначенный для отработки перспективных технологий наблюдения Земли.

17 июля 1999 года с космодрома Байконур украинский ракетоноситель «Зенит-2» вывел на орбиту высотой 600 км украинский космический аппарат «Океан-О» для изучения Земли как целостной экологической системы.¹⁰³

В новых условиях особое, а то и решающее значение приобретает сотрудничество с ведущими аэрокосмическими фирмами мира. Поначалу оно носило форму выполнения проектно-исследовательских работ по отдельным вопросам, но быстро превратилось в партнерское участие в крупных совместных программах. Сегодня 75% всех работ «южан» составляют коммерческие проекты такого рода. Крупнейший из них — международный проект «Sea Launch» («Морской старт»). В последние советские годы «Южное» и «Южмаш» работали над комплексом «Зенит» — лучшим в мировой ракетно-космической технике. Его отличительные черты — полностью автоматизированный процесс подготовки и проведения пуска, экологическая чистота пуска, высокие энергетические возможности, перспектива дальнейшего совершенствования и развития. Первая ступень ракеты «Зенит» развивает самую мощную в мире тягу. Она использовалась в качестве блоков первой ступени ракеты-носителя комплекса «Энергия-Буран», этой лебединой песни советской космической эпопеи.

Вот и теперь благодаря днепропетровскому «Зениту» в истории освоения космоса сказано новое слово. Как известно, космодромы лучше всего располагать вблизи экватора, но не все космические державы имеют такую возможность (как Франция с ее космодромом Куру во Французской Гвиане; это уже давно космодром Европейского космического агентства). Но еще четверть века назад в Днепропетровске утвердилась идея запуска с водной поверхности, ведь морями и океанами покрыто более 70% земного шара, можно выбрать самую оптимальную точку для запуска. До этого Италия запустила несколько спутников с переоборудованных нефтедобывающих платформ. У нас были проведены серьезные проектные исследования (по теме «Плавучесть»). Рас-

четы показали полную возможность создания в океанских просторах плавучей стартовой платформы, которая может своим ходом достичь именно той географической широты, которая лучше всего подходит для конкретного запуска. Но тогда дальше теоретических исследований и обсчетов дело не пошло. К замыслу вернулись 20 лет спустя. На идею откликнулись Россия, США и Норвегия. Была разработана долгосрочная программа, стороны создали международную компанию «Sea Launch». В нее вошли американский «Боинг» (40%), российская ракетно-космическая корпорация «Энергия» (25%), украинские КБ «Южное» и ПО «Южмаш» (15%), а также англо-норвежская компания «Кварнер Груп» (20%).

Международный плавучий космодром для запуска искусственных спутников Земли с акватории Тихого океана состоит из стартовой платформы «Одиссей» весом 46 тысяч тонн (ее построили норвежцы) и судна обеспечения — плавучего цеха по доставке и сборке ракет. Управление подготовкой и проведением пуска, разгонным блоком, блоком полезного груза осуществляется с этого же судна, которое является оперативным центром управления. Задействованы Центры управления в Хьюстоне (США) и подмосковный ЦУП-М в городе Королеве. К проекту подключены суда ЦУП-М «Добровольский» и «Пацаев».

Уже первый, демонстрационный запуск ознаменовал собой принципиальный прорыв в развитии космической навигации. Он состоялся 28 марта 1999 года. Непосвященному трудно до конца представить, что же произошло в тот день в Тихом океане. 470-тонный «Зенит» легко поднял с плавучей платформы и понес в космическое пространство макет спутника весом в 7—8 железнодорожных вагонов. Запуск проводился с помощью дистанционного управления, был, как у нас говорят, «безлюдным», то есть безопасным. Только пусть никто не думает, что это было простое использование готовой советской разработки. Так не бывает. Задача приспособить ракету к запуску с морской платформы, а не с наземного космодрома, породила столько технических головоломок, потребовала столько испытаний и усовершенствований, что старт, первоначально намеченный на 30 октября 1998 года, пришлось дважды переносить. В технике, как и в жизни, ничто не дается просто. Стыковка и испытания комплекса прошли в районе экватора. Если поставить опору циркуля с «раствором» (термин школьной геометрии) в 5300 километров на Лос-Анджелес, то там, где карандаш циркуля пересечет экватор, и находилось примерное место запуска.

Те, кто следил за историческим запуском, увидели не что иное, как будущее космических стартов. С тех пор запусков было уже около десятка (и, естественно, не макетов, а коммерческих спутников), но и это только начало. В книге заказов «Sea Launch» сегодня более двух десятков записей. Пока компания «Sea Launch» планирует шесть пусков в год. Цикл одного пуска 45 суток, а стоимость — около 40 миллионов долларов.

Если первая и вторая ступени «Зенита-3SL» были спроектированы и изготовлены «южанами», то третью ступень (разгонный блок ДМ-SL) спроектировала и изготовила РКК «Энергия» (Россия). Из России поставлены также двигатели (НПО «Энергомаш» в Химках) и система управления (московское НПО «Автоматика приборостроения»).

Ни Украина без России, ни Россия без Украины в проекте «Морской старт» участвовать не смогли бы. Это очень красноречивый пример. По причинам, которые не надо объяснять, у нас все стыкуется, все подходит друг к другу, у нас полное взаимопонимание между инженерами и конструкторами. А это совсем не просто достигается, когда имеешь дело с представителями совсем других технических школ. По душе это кому-то или нет, но в космос Украина возвращается пока вместе с Россией. Украинский исследовательский модуль в составе российского сегмента Международной космической станции — иллюстрация этого утверждения.

Основой российско-украинского космического сотрудничества является продукция «Южмаша». Международные эксперты давно уже признали: межконтинентальной баллистической ракете РС-20 (по западной классификации SS-18), созданной еще в СССР, нет равных в мире. Не случайно на натовском военном жаргоне эта ракета получила имя «Сатана». Надежность «Сатаны» подкреплена 159 пусками — к счастью, только испытательными. После распада СССР ракеты оказались собственностью Министерства обороны РФ и находятся у него на эксплуатации. В соответствии с международными договорами о сокращении стратегических наступательных вооружений подлежат ликвидации 308 ракет этого класса. Для преобразования их в коммерческие Россия может предоставить около 150 ракет. Эти ракеты сегодня еще состоят на боевом дежурстве, но, согласно международным договоренностям, должны быть уничтожены или использованы с коммерческой целью до 2007 года.

Специалисты России и Украины еще десять лет назад предложили создать на базе этих ракет космический ракетный комплекс для выведения на круговые околоземные и высокоэллиптические орбиты коммерческих «полезных нагрузок», как у нас выражаются, весом до 2,5 тонн — в основном спутников, поддерживающих мобильную телефонную связь, научно-исследовательских и разведывательных. Для проведения в жизнь этой программы, получившей название «Днепр», в 1997 году решениями правительств России и Украины создана специальная российско-украинская Международная компания космических транспортных систем «Космотрас». Она объединила российские и украинские предприятия — «Южное» и «Южмаш» (Днепропетровск), «Хартрон» (Харьков), АО «Рособщемаш» (Москва) и АО «АСКОНД» (Москва). Распределение долей сторон в уставном фонде — 50% у украинских предприятий и 50% — у российских. Программа стала возможной благодаря решению ряда технических задач. Например, есть такое понятие — гарантированный технический срок хранения ракет на складе после слива компонентов ракетного топлива. Нашим конструкторам и производителям удалось увеличить этот срок хранения в три раза.

Чтобы не пугать западных клиентов напоминанием о «Сатане», ракету назвали «Днепр-1». Ее запуск производится из испытательной шахтной пусковой установки космодрома Байконур. После каждого пуска шахту надо ремонтировать — с этим ничего не поделаешь. В первый раз ракета стартовала 21 апреля 1999 года и вывела на орбиту английский спутник YoSAT-12, предназначенный для наблюдения за земной поверхностью. Второй запуск был произведен 26 сентября 2000 года, когда на орбиту были успешно выведены пять спутников Саудовской Аравии, Италии и Малайзии. Эти запуски важны для дальнейшего маркетинга. Они, во-первых, подтвердили очень высокую точность выведения космических аппаратов: отклонения по высоте и наклонению орбиты составили всего 0,1 процента. Во-вторых, развеяли тревоги тех, кто опасался, что после переоборудования носителя для полетов в космос коэффициент надежности «Днепра» окажется несопоставим с коэффициентом надежности «Сатаны». После этих запусков «Космотрас» перестал опасаться за свой портфель заказов. Существующие технические возможности позволяют выполнять до 28 запусков в год.

С самого начала было одобрено предложение выбрать стратегическим партнером по маркетингу на западном рынке авторитетную

американскую компанию. Такой компанией стала корпорация «Thiokol Propulsion». Ее опыт в маркетинге, ее подход к продвижению ракетной техники на рынок тем ценнее, что она сама — лидер по производству твердотопливных двигателей для ракетной техники США. Южмашевцы уже имели большой опыт работы с ней в различных конверсионных проектах. Ее двигатели могут успешно применяться и в «Днепре». «Днепр» — ракета трехступенчатая. Но есть такие комбинации пусков на высокие орбиты, когда четвертой ступенью является сама платформа, на которой стоит полезная нагрузка — спутник. На этих ступенях, выше третьей, могут использоваться двигатели корпорации «Thiokol Propulsion».

Сегодня прорваться на переполненный рынок запуска спутников совсем непросто. Но существенное преимущество «Космотраса» заключается в том, что общие затраты компании ниже по сравнению с затратами конкурентов, и, стало быть, можно привлекать клиентов более приемлемыми расценками.¹⁰⁴

ТОЛЧЕЯ НА РЫНКЕ

Большинство аналитиков согласны с тем, что в ближайшие пять лет на мировом рынке будет происходить ежегодное удвоение числа запусков космических аппаратов малого размера в рамках государственных, коммерческих и научных программ. Растет число государств и крупных компаний, которые хотят иметь собственный спутник, но слишком дорогой спутник им все же не по карману. «Космотрас» создал нишу для мелких и средних клиентов, в первую очередь для университетов, а также для развивающихся стран.

Решением президентов России и Украины от 12 февраля 2001 года статус программы «Днепр» и в России, и в Украине повышен до статуса государственной (в России — федеральной) программы в области космоса и космического сотрудничества между двумя странами. И сейчас предпринимаются усилия для того, чтобы к программе «Днепр» на таком же высоком уровне присоединился Казахстан. Ведь пусковые шахты находятся на казахской земле, в Байконуре. Одна из них эксплуатируется, а три ждут своей очереди. Они всегда использовались в целях отработки советских ракетных комплексов. И сейчас в установленном порядке решается вопрос о передаче ста-

туса ответственности за их эксплуатацию от Казахстана российской стороне.

24—28 августа 2001 года в Киеве прошла международная выставка «Космические технологии — на службу обществу», и проект «Днепр» был признан на ней наиболее эффективным среди десяти международных космических программ с участием Украины. По сведениям Национального космического агентства Украины (НКАУ), каждая гривна и каждый рубль, вложенные в «Космотрас», приносят три. По заключению НКАУ, кооперационные поставки между Украиной и Россией в рамках их космического сотрудничества из года в год стабильно возрастают на 10—15 процентов. Видимо, стороны приняли правильное решение, отказавшись от создания двух полностью замкнутых циклов производства ракетно-космической техники. Мир теперь работает по другим правилам. Национальное космическое агентство Украины считает перспективным сотрудничество с российской компанией «Рособоронэкспорт» в осуществлении совместных инвестиционных проектов. Украина планирует участвовать в российском проекте по созданию глобальной навигационной системы ГЛО-НАСС. Кстати, это проект исключительной технической и технологической сложности — «бесперспективные» страны за такие проекты просто никогда не возьмутся.

Еще один украинский проект с участием российских коллег — новая трехступенчатая ракета-носитель «Циклон-4», предназначенная для приэкваториальных запусков, конкретно — с космодрома Алкантар в Бразилии, в штате Мараньян, расположенного вблизи экватора, на 2° южной широты.¹⁰⁵ С помощью космической техники выполняются (а точнее, продолжают выполняться) российско-украинские научные исследования.¹⁰⁶

Все эти совместные начинания вовсе не исключают нормальную (как говорится, здоровую) конкуренцию между Россией и Украиной. В феврале 2001 года правительство Египта объявило международный тендер на проектирование, изготовление и запуск первого египетского спутника дистанционного зондирования Земли. В тендере приняли участие Великобритания, Россия, Украина, Италия и Южная Корея. Соперники, что и говорить, сильные, но тендер выиграло ГКБ «Южное».¹⁰⁷ Условия тендера предусматривают также создание и развертывание в Египте наземной станции управления спутником в полете и модернизацию станции приема данных дистанционного зон-

дирования. Это все к вопросу об уровне украинских высоких технологий и их конкурентоспособности на мировом рынке.

В число партнеров ГKB «Южное» по данному проекту войдут: «Южмаш», НИИ радиотехнических измерений (Харьков), научно-производственные предприятия «Хартрон-Консат» и «Хартрон-Юком» (Запорожье), Государственное научно-производственное предприятие КОНЭКС (Львов). Наши специалисты, среди прочего, проведут обучение египетского персонала.

Запуски на геостационарную орбиту по силам и украинскому «Зениту», и российскому «Протону». Один и тот же заказ может достаться либо нам, либо россиянам. Даже две аварии «Протона» в 1999 году не подорвали его репутацию. Есть соперник и у южмашевского «Днепра» — это ракета «Рокот», созданная на основе первой и второй ступеней армейской РС-18 (по западной классификации SS-19, «Стилет») в российском Государственном космическом научно-производственном центре имени Хруничева¹⁰⁸ при участии «Даймлер Крайслер Аэроспейс». Способность нести полезную нагрузку у «Рокота» заметно меньше: «Рокот» может доставить на орбиту 1,9 тонны, а «Днепр» с дополнительной ступенью до 4,5 тонн. Но эта разница не всегда помогает им «разойтись» на рынке: низкоорбитальные спутники обычно весят мало. Зато при запусках «связками» преимущество у «Днепра».

Российская Ракетно-космическая корпорация «Энергия» собирается создать новый носитель «Аврора» для запусков с австралийского острова Рождества, чтобы напрямую соперничать, по мнению экспертов, с французской программой «Ариан» и с «Морским стартом», в котором участвует Украина. Тут, правда, есть одна загадка: в «Морском старте» участвует и сама же РКК «Энергия». Но это дело еще не завтрашнего дня, жизнь покажет, что и как. Национальные космические агентства Украины и России выработали хорошие партнерские отношения.

Рынок штука непростая, это никому доказывать не надо, но когда я слышу разговоры, что избыток ракет в мире слишком велик, что выйти на рынок космических запусков уже практически невозможно, поскольку на нем и так тесно (и так далеко), я напоминаю себе, что на любой рынок выйти практически невозможно, так было во все времена. Однако во все времена новые и новые участники, тем не менее, выходили на рынки и находили себе на нем место. Наши люди пред-

лагают отличное сочетание цены, надежности и качества, а это неплохой пропуск на рынок. Надежность нашей ракетно-космической техники в особой рекламе не нуждается, она подтверждена более чем двумя тысячами пусков ракет.

У рынка космических пусковых услуг много сегментов. Для каких-то целей требуются низкоорбитальные спутники, для других — высокоорбитальные, в каких-то случаях нужны ракеты-носители тяжелого класса, в каких-то — легкого. Разных клиентов интересуют разные орбиты. Орбиты бывают круговые и эллиптические, геосинхронные и геостационарные, у орбит разные углы наклона к плоскости эклиптики. Отсюда ясно, что универсальных ракет и универсальных космодромов на все случаи жизни не существует, и это также облегчает проникновение на рынок.

Именно поэтому днепропетровские конструкторы занялись разработкой нового ракетно-космического комплекса «Маяк». Задача проста: использовать выгодное географическое положение и высокий технический уровень космодрома СТБ в Южно-Африканской республике. При создании новой трехступенчатой ракеты планируется применить узлы и технологии украинской ракеты «Зенит» и французской «Ариан», что позволит существенно сократить расходы и обеспечить высокие конкурентные возможности комплекса.

Наша ракета «Циклон» послужит базовой моделью для создания, совместно с итальянской фирмой «Фиат-Авио», новой ракеты, способной выводить на орбиту высотой 500 км до пяти с половиной тонн груза. Вообще, нельзя не отметить, что итальянцы демонстрируют замечательную рыночную и техническую гибкость в сотрудничестве с нами. Итальянцы выступают координаторами работ по созданию семейства европейских ракет-носителей «Вега» легкого класса на основе «Циклона», а ГКБ «Южное» разрабатывает для них жидкостный ракетный двигатель 4-й ступени и осуществляет комплексное проектирование ракеты-носителя и ее систем.

Я очень надеюсь, что удача будет сопутствовать еще одному важному космическому проекту, получившему название «Попередження» (то есть «Предупреждение» или «Упреждение»). Участники проекта, помимо Украины, по алфавиту: Великобритания, Германия, Дания, Россия, Франция, Швеция — в общей сложности, 14 стран.¹⁰⁹ Цель проекта — выявление и отслеживание краткосрочных предвестников землетрясений. Дело в том, что приближающееся землетрясение как бы оповеща-

ет о себе заранее, и это оповещение может быть «прочитано» в ходе мониторинга состояния ионосферы и магнитосферы Земли.¹¹⁰

Если сравнивать соответствующие области экономики Украины и России, можно прийти к выводу: российская космическая отрасль по объемам превосходит украинскую в той мере, в какой сама Россия превосходит Украину по населению. Грубо говоря, втрое. По уровню же развития эти отрасли очень близки между собой. Я бы даже рискнул сравнить их с двумя частями голограммы, разрезанной ножницами. Известно, что и после этого каждая часть голограммы продолжает сохранять информацию о другой. Зная состояние дел на украинских предприятиях, в конструкторских бюро и институтах, работающих на ракетно-космическую область, сегодня еще вполне можно экстраполировать эти знания на российскую сторону, делать прогнозы и выводы. Я уж не говорю об уровне живых связей и сотрудничества, о технологиях и технических знаниях, представляющих собой общую собственность, о значительной взаимозависимости, которая будет сохраняться достаточно долго.

Но время бежит быстро, и такое положение дел неизбежно начнет меняться. У российской космической отрасли есть одно явное преимущество. Дело в том, что сама Россия не разоружилась в той мере, в какой это сделала Украина. Россия сохранила ядерное и ракетное оружие, она развивает (не может не развивать) связанные с этим научные направления в системе своих закрытых военных НИИ. Украине будет трудно за ней угнаться.

Наша космическая отрасль не может обойтись без серьезной государственной поддержки. Не случайно даже в богатых западных странах космическая деятельность всемерно поддерживается правительствами. Нам нужна тщательно сбалансированная национальная космическая программа, нам нужна предельно мудрая и дальновидная технологическая политика. Правда, судить о том, насколько дальновидна та или иная политика, можно лишь задним числом, по прошествии времени. К сожалению, невозможно просто воспроизвести чей-то опыт — скажем, Японии или Южной Кореи, — каким бы удачным он ни был. Но самой большой ошибкой было бы отсутствие какой бы то ни было технологической политики.

Одну из составляющих такой политики я вижу следующим образом. Не упуская ни одной возможности технического и технологического сотрудничества с продвинутыми иностранными партнерами,

наша аэрокосмическая промышленность должна не ослаблять, а наоборот, усиливать свою интеграцию с российской. У нас нет никакой нужды специально форсировать наше техническое обособление, оно происходит и будет происходить просто в силу того, что Украина и Россия — отдельные государства, различия между которыми нарастают естественным образом. Вместе с тем, при сегодняшней бедности Украины и России, космос, авиация и вооружения — это те области, где нам вместе легче прорываться. От обычной кооперации, от выполнения заказов друг друга необходимо активнее переходить к большим партнерским проектам. Они уже есть, но их явно недостаточно. Мировой опыт транснациональных промышленных групп показывает, что частный капитал в них вполне способен уживаться с государственным, нам необходимо осваивать этот опыт.

Украинским и российским партнерам нет нужды присматриваться и привыкать друг к другу, долго искать общий язык, согласовывать нормы и стандарты, утрясать патентные тонкости. Элементы взаимодополнения в наших экономиках — это объективная реальность. Использовать эту реальность — значит избежать огромных потерь на создание и поддержку параллельных структур. Достигающаяся за счет этого экономия становится решающим конкурентным фактором. Но более всего взаимодополняют друг друга наши люди.¹¹¹

Возможно, тему о перспективности украинских высоких технологий следовало бы обсуждать не на примере космической отрасли. Но я обратился именно к ней, хотя мне хорошо известны примеры других отраслей и направлений. Я входил в Коллегию по вопросам научно-технической политики, восемь месяцев возглавлял Украинский союз промышленников и предпринимателей, постоянно интересовался этим вопросом и на посту главы правительства, и на президентском. Дело, однако, в том, что о космической отрасли я знаю более или менее все. Затронь я любую другую тему, мне пришлось бы привлекать экспертов, заказывать справки, но вывод, поверьте, был бы тот же: мы должны идти путем высоких технологий. Это единственно перспективный путь, однако чтобы сделать его реальностью, нам придется проявить чудеса хитроумия и изворотливости. Мы обязаны это делать, у нас просто нет другого выхода. Если мы допустим технологический провал, будущая Украина нам это не простит.

В заключение хочу буквально вскользь коснуться вопроса о суперкомпьютерах, поскольку он имеет самое прямое отношение к те-

ме данной главы. У нас далеко не все даже вполне просвещенные люди знают, что это такое. Суперкомпьютер и обычный персональный компьютер различаются примерно так же, как различаются «государь» и «милостивый государь». С помощью суперкомпьютеров сегодня выполняются самые сложные, еще вчера совершенно недоступные задачи. Если совсем упрощенно, суперкомпьютер способен осуществить перебор миллионов различных вариантов и последствий этих вариантов, выявляя оптимум. Применяются суперкомпьютеры при решении самых разных задач науки и техники — будь то расчет обтекателя ракеты, бесшумного винта подводной лодки, оптимизация двигателя автомобиля, разработка энерго- и ресурсосберегающих технологий и так далее. Только суперкомпьютеру под силу решать задачи с числовыми данными до нескольких десятков миллионов. Только он может вполне точно смоделировать ядерное испытание, избавляя от необходимости его проводить.

Пять-шесть лет назад без суперкомпьютеров еще можно было кое-как обходиться — просто потому, что они были тогда единичными, но сегодня отсутствие суперкомпьютеров в стране — это уже диагноз. Это свидетельство о том, что отставание обеспечено и гарантировано.

Среди первых, кто увидел в компьютере важнейший инструмент исследования явлений и объектов природы и общества, был наш земляк, академик Виктор Михайлович Глушков.¹¹² Еще в 1979 году, впервые в мире, он обосновал принцип построения суперкомпьютера с множественным потоком команд и данных. Это было в то время, когда повсеместно разрабатывались суперкомпьютеры с векторно-конвейерной обработкой данных. С тех пор в мире создана не одна сотня суперкомпьютеров, использующих глушковскую архитектуру, разработанную в нашем Институте кибернетики. Ныне между всеми более или менее развитыми государствами развернулась настоящая гонка по созданию суперкомпьютеров — просто потому, что они помогают обеспечению национальной безопасности и экономической независимости, ускоряют научно-технический прогресс. В Барселоне создан Центр супер- и квантовых компьютеров, руководящий исследованиями в этой области в рамках Европейского Союза. Некоторые страны за последние годы поддержали соответствующие разработки своей государственной политикой. Поддержка осуществляется в виде государственных заказов, специальных программ, бюджетного финансирования, грантов и льгот.

Мне известно, что в Институте кибернетики Национальной Академии наук Украины учениками покойного Глушкова выполнены исследования, позволяющие создать принципиально новый класс компьютеров для научно-технических расчетов — семейство интеллектуальных компьютеров. Они могут быть конкурентоспособными на мировом компьютерном рынке. Однако выкроить средства на выполнение этой программы пока не удается. Обращение ученых к украинским бизнесменам с предложением финансировать разработки, которые могли бы приносить прибыль до 100 миллионов долларов в год, пока не нашло поддержки. Пишу об этом в надежде пробудить их патриотические чувства.

Так или иначе, но у Украины должны в скором времени появиться свои суперкомпьютеры. Тем более, что у России, по сообщениям прессы, суперкомпьютеры уже есть.

Не скрою, мне приятно писать эту главу. Я словно опять погружаюсь в такую знакомую среду инженеров, конструкторов, ученых, организаторов производства. Когда из этого светлого мира, от проблем высоких технологий и поражающих воображение задач, вынужденно переходишь к писаниям каких-нибудь дремуче-агрессивных воинствующих националистов — российских или наших — надо долго заставлять себя вчитаться в смысл того, что они хотят вам внушить. Это как возврат в пещеру троглодита.

Продлю себе удовольствие, задержусь еще немного на теме «Южного» и «Южмаша». Я попал в конструкторское бюро «Южное» после университета, по распределению. Никаких надежд на это у меня не было. Явился на распределение и, когда меня вызвали, вошел в зал, где заседала огромная комиссия. Меня спросили: «Куда вы хотите?» А направления в основном были: Красноярск, Омск, Новосибирск, Свердловск, чуть ли не всех ребят туда посылали. Я говорю: «Поеду, куда направите». Наверное, это им понравилось. «А в КБ пойдете?» Я, естественно, ответил, что пойду с огромной радостью. Так я оказался в самом современном конструкторском бюро, в отличном коллективе.

Правда, меня там уже знали, я у них делал дипломную работу. Причем, не могу сказать, что блистательно: как на грех, в самый напряженный момент меня свалила моя хроническая ангина, да так, что я загремел в больницу, валялся там в полубессознательном состоянии.

Наконец, мне вырезали гланды и отправили домой. А защита диплома была уже на носу, боялся, что завалю. Но защитился.

Работал я в КБ «Южное» с увлечением, и через 2—3 года стал там секретарем комитета комсомола. Все бы ничего, но вдруг меня собираются делать первым секретарем райкома комсомола. Днепрпетровск делился на районы — Жовтневый, Дзержинский, Центральный, Кировский, Индустриальный и так далее. Видимо, от меня ждали, что я буду прыгать от счастья. Но ведь это полный разрыв со специальностью, совсем другая жизнь, а мне так хотелось быть ракетостроителем. Я выступил и при всех объявил, что я категорически против. Не хочу и не пойду. Первый секретарь райкома партии на это сказал: «Его надо исключить из КПСС за такие заявления». На что я ответил: «А я беспартийный». Но какая-то неприятность могла быть: ведь я этому секретарю практически в душу плюнул. Он-то уверен, что выше партийной карьеры ничего нет, а тут его карьеру обесценивают на глазах у всех. Но меня выручил Михаил Кузьмич Янгель. Учитывая, что районная отчетно-выборная конференция была на носу и вопрос обо мне мог на ней в какой-то форме всплыть, он предложил мне: «Леня, знаешь что, направлю-ка я тебя в длительную командировку в Москву, на фирму Королева».

Дело в том, что «Южному» вместе с фирмой Королева была поручена часть советской программы полета на Луну. Я проработал в Москве несколько месяцев, вернулся, когда конференция давно прошла и про меня забыли. Правда, не совсем: меня все-таки заставили вступить в партию, хотя тех вокруг меня, кто в партию рвался, всячески придерживали. По доброй воле это было сделать трудно.

О Лунной программе и о том, что мы сделали спускаемый модуль, я уже говорил. Мне пришлось быть свидетелем любопытных перипетий, связанных с ней. Все время шла борьба за то, кому достанется та или иная тема: Челомею, или Янгелю, или Уткину (Владимир Федорович Уткин стал после смерти Янгеля нашим генеральным конструктором), или еще кому-нибудь. Сплошь и рядом исход этой борьбы решала не техническая или организационная целесообразность, а тот простой факт, что у Челомея работал сын Хрущева. Бывали случаи, когда некоторые наши разработки (мы тогда не говорили «украинские», но фактически это было так) просто волевым решением передавались в Москву челомеевской фирме.

Здоровое соперничество, когда оно носит честный характер, — вещь хорошая. Честного соперничества мы в Днепропетровске не боялись, потому что знали цену себе и своей технике и потому, что у нас работали исключительно сильные конструкторы.

Я счастлив, что был младшим соратником Михаила Кузьмича Янгеля, ракетчика Божьей милостью. Как конструктор Янгель не имел себе равных. Ветераны ракетостроения сейчас сходятся в том, что его изделия превосходили то, что делал Королев, хотя славу Королева никто не ставит под сомнение. Разработки Янгеля были перспективнее, безотказнее, дешевле. Он всегда смотрел далеко вперед. Как я теперь понимаю, момент, когда мы окончательно отработали орбитальный вариант ракеты Р-36 (ведущим конструктором по этой ракете был Михаил Иванович Галась), можно назвать одним из главных событий в истории XX века: именно тогда стало ясно, что победителей в ракетно-ядерной войне не будет, остается лишь путь переговоров и разоружения. Орбитальный вариант ракеты перечеркнул все надежды американцев на успешную противоракетную оборону. Наша ракета показала, что может достичь любой точки планеты, причем вычислить, куда направляется орбитальная боеголовка, в те времена было невозможно.

Янгель никогда не успокаивался на достигнутом. Он был автором идеи мобильного комплекса с межконтинентальной ракетой, которую можно перевозить и запускать прямо из контейнера. Янгель решил поместить ракету в контейнер, из которого она выстреливалась как из ружья, а ее маршевые двигатели включались уже в полете. Даже ближайшие соратники Янгеля сперва не поверили в возможность выстрелить двухсоттонной машиной. Но Михаил Кузьмич доказал, что это возможно. Так появился знаменитый ракетный комплекс «Сатана».

Янгель определил и мой путь как конструктора и ракетостроителя. Михаил Иванович Галась недавно рассказал в печати, что именно Янгель посоветовал ему взять меня к себе в помощники. Так оно и было. Я оказался в команде Михаила Ивановича, которого называю своим учителем. А мог оказаться в другой команде, на каком-то другом направлении.

Янгель однажды просто спас мне жизнь. Году, кажется, в 1969-м, во время отдыха в Евпатории, я попал в больницу с заражением крови на почве гнойного перитонита. У меня температура за сорок, на

улице — за тридцать, и абсолютно нет необходимых антибиотиков. Нужны были очень сильные, иначе конец. Заражение крови — вещь серьезная. Жена дозвонилась до Михаила Кузьмича, и он с рейсовым самолетом передал какие-то новейшие антибиотики, которых потом хватило и соседям по палате.

Михаил Иванович Галась, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, был лет на 8—9 старше меня и уже возглавлял группу ведущих конструкторов. По каждому изделию, по каждой ракете был свой ведущий конструктор — тот, кто вел тему и отвечал за нее. А Галась был над ними. И Михаил Иванович взял меня к себе ведущим конструктором. Мне было 28 лет, когда я начал свою полигонную эпопею в солнечном Казахстане техническим руководителем ракетных испытаний. Режим работы у меня был такой: полтора-два месяца, иногда до трех, на полигоне, какое-то время в Днепропетровске, и опять — на испытания. Если суммировать, я на полигонах провел много лет.

Жизнь была своеобразная, чему посвящена песня: «Степь да спирт — и ни одной девчонки, иногда работа до утра, иногда — ракеты голос звонкий, иногда зуденье комара». Был еще гитары голос звонкий. Это была даже не степь, а пустыня. Городок, где жили военные, испытательные установки и две гостиницы. У меня уже тогда в подчинении были люди, была «Волга» с личным водителем. Кум королю, сват министру. Номер «люкс» в гостинице. Всего полторы комнаты, но все-таки. В моем номере холодильник, а во многих других нет. Конечно, утешение слабое, если сопоставить это с сорокаградусной жарой, пыльными бурями, диким холодом зимой и такими ветрами, что валят с ног. Но чувство, что ты делаешь исключительной важности дело, перевешивало все это. И еще приз в виде весны. Пустыня покрывалась тюльпанами, вид необыкновенный.

Конечно, я был все эти годы советский человек до мозга костей. Меня могли перевести на работу, скажем, на Урал, и я бы поехал, но это не значит, что у меня появилось бы чувство, будто я работаю на Россию. Нет, именно на Советский Союз, которым я, крестьянский сын, безмерно гордился. Естественно, и в КБ «Южное» в украинском Днепропетровске я работал на Советский Союз.

То, что я был руководителем испытаний, означало, что на мне лежала вся ответственность и за подготовку, и за сам пуск ракеты. А съезжались люди со всей огромной страны. В создании каждой ра-

кеты и запускаемого космического аппарата участвуют сотни предприятий. Это огромная кооперация. И ты действительно становишься руководителем крупного размаха. Там я проходил первую школу управления и принятия решений. Ну и, конечно, общения с людьми. Было много аварийных и нештатных ситуаций, когда требовалось принимать решения и брать на себя ответственность. От технического руководителя испытаний порой зависела судьба огромной разработки, многолетний труд многих тысяч людей. Во время испытаний я должен был руководить людьми старше себя по возрасту и по должности. Но наши генеральные могли быть спокойны: если что-то не ладится, в чем-то нет уверенности, я не дам команду на пуск, не буду попусту рисковать. Лучше еще и еще раз собрать специалистов, разобраться во всем вместе с военными и докопаться до сути. Кто не имеет отношения к нашей профессии, тот не поймет, что значит угробить ракету.

Конечно, за срывы сроков «вставляли фитили», но это пережить можно.

Выговоры я не считал. Дали выговор, через месяц, если не прощтрафился, его снимают. Но спрос был жесткий. И чем выше на должностной ступени, тем жестче. Уже много позже, когда я стал первым заместителем генерального, а потом директором завода, я каждый месяц бывал на коллегии министерства, и не раз выходил оттуда взмокший. Министром общего машиностроения у нас был Сергей Александрович Афанасьев, этакая глыбища. Он, во-первых, досконально знал дело и никогда не допускал разболтанности, расхлябанности, панибратства. Жесткий человек, но, как говорится, по делу. Поэтому никаких обид не возникало. Он недавно умер, 15 мая 2001 года. Я вспоминаю его с огромным уважением. В таком деле, как наше, нельзя действовать мягенько: ладно, мол, не получилось сегодня — получится завтра.

Все, кто прошел школу Янгеля, не затерялись в жизни. Он умел доверить ответственную работу молодым. Я иногда вспоминаю, кого он выдвинул — люди просто на подбор. Это Конюхов, нынешний генеральный конструктор КБ «Южное», Мащенко — его первый заместитель, Агарков — главный конструктор ракет космического назначения, заместитель генерального, Команов — заместитель генерального по программе «Морской старт», лауреат Ленинской премии и Государственной премии Украины, Герой Украины, Ус — главный

конструктор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР..

Мне довелось быть ведущим конструктором при Янгеле, и эта работа — одно из лучших моих воспоминаний. Изделие было сложнейшее, космический носитель «Циклон-2», одно из главных звеньев системы противоспутниковой обороны страны. Эта ракета выводила на орбиту, во-первых, спутники-разведчики, которые вели морскую разведку, следили за подводными лодками, во-вторых, спутники-мишени и, в-третьих, истребители спутников. Надо было гарантированно выводить их в любую точку пространства, чтобы уничтожить спутник противника, где бы он ни находился.

Я горжусь всеми проектами «южан», независимо от того, принимал я в них участие или нет, горжусь «Морским стартом», с нежностью вспоминаю прообраз ракеты «Зенит», «изделие 11К77». Никакие голливудские фильмы со всеми их компьютерными и «техно-тронными» наворотами не сравнятся, на мой вкус, с видеосъемкой подготовки «Зенита» к старту. Напоминаю, это безлюдный запуск, все автоматизировано! Ракета поднимается, отходят защитные плиты, по всем четырем плоскостям выдвигаются коммуникации. Все посадочные точки совпадают, все разъемы, а их огромное число, идеально стыкуются между собой. Вот это зрелище! Готов смотреть хоть каждый день.

Вот на этой вселяющей надежду сцене торжества высоких технологий я и закончу главу о ракетах — советских, украинских, российских, совместных. На самом деле, эта сцена — не что иное как «воспоминание о будущем». Я уверен, об очень скором будущем.

Там, где сходятся славяне

Когда я еще только начинал эту книгу (сперва статью), я обозначил круг тем, которые хотел в ней затронуть. Список получился длинный, но до сих пор я его придерживался. Однако теперь вижу, что если следовать этому перечню до конца, книга, во-первых, получится слишком большой, а во-вторых, ее написание излишне затянется. Поэтому я временно откладываю свой план в сторону. Попробую поразмышлять без тщательного плана, придерживаясь лишь общего направления, которое обозначено в названии этой главы.

О каких славянах речь? Краем, где «сходятся славяне», в первую очередь можно назвать мои родные места. Но речь не только о моей «малой родине» и не только о Восточной Украине. Тема, которую мне предстоит затронуть, гораздо шире. Всю свою жизнь, будучи украинцем и живя в Украине, я ощущал мощное присутствие России. Оно несомненно и в той местности, где я рос, и в старинном Новгороде-Северском, ближайшем к нам городе, и в Днепропетровске, где я учился и работал. Для меня лично оно выражалось и в тотально русскоязычной профессии ракетчика, и в постоянной связи с Москвой, и в моей русской жене, и еще в сотнях других граней и частностей жизни. Я проводил много времени на Байконуре, но я не могу говорить о казахском присутствии в своей жизни. Байконур во времена СССР был казахским лишь номинально. Конечно, номинальная принадлежность — совсем не пустяк, как мы все хорошо поняли в 1991 году, но в мою бытность там этот советский космодром управлялся из Москвы, там звучала лишь русская речь.

Пожалуй, можно сказать, что вплоть до 1991 года присутствие России составляло постоянный фон моей жизни и работы. Этот фон был привычен как воздух и вопросов не вызывал. Или почти не вызывал. В меньшей, но совершенно несомненной степени я всегда ощущал и присутствие Белоруссии — дальше будет понятно, почему.

Мне уже 65, но я совершенно не чувствую своих лет. Я видел два разных мира и, никуда не переехав, жил в двух разных странах. Судьбе было угодно, чтобы я возглавил независимую, теперь уже вовек,

Украину. Я прекрасно помню каждый год, дарованный судьбой, у меня совершенно уникальная позиция для оценок, сравнений и выводов.

ЧАЙКИНО

Сама идея этой книги едва ли пришла бы мне в голову, не родись я у стыка границ Украины, России и Белоруссии. Еще в детстве, не вполне осознанно, во мне засел вопрос: что, собственно, разделяют эти границы? Ни с какими природными рубежами они не совпадали. Никакой разницы между селом Костобоброво (ударение на третий слог) на украинской стороне и селом Азаровка на русской стороне не было. Вообще-то разница была. Азаровка очень симпатично разместилась на берегу речушки Ревна, но эта Ревна тут же прекрасно втекала «к нам», и на ней столь же симпатично располагались «наши» Леоновка и Архиповка. И знаменитые брянские леса начинались у нас, тянулись в сторону Десны и уходили к северо-востоку, не считаясь ни с какими границами.

В юные годы мне порой казалось, что эти границы — пустая условность, игры взрослых людей. В зрелом возрасте я узнал много такого, чего никак не мог знать на заре жизни, и под впечатлением этих новых знаний порой начинал думать, что Украина и Россия — это, по сути, совершенно разные миры, два культурно-исторических материка, которые, сколько их ни сближай, остаются иррациональными друг другу, как диагональ квадрата иррациональна его стороне. Сейчас я далек от обеих крайностей.

Нашу местность, север Черниговской области, относят к Полесью. Даже для образованных людей типично незнание того факта, что Полесье — это не только Украина и Белоруссия. Во-первых, Полесье имеет свое продолжение на запад, в Польшу. Во-вторых, оно не заканчивается Черниговщиной, а уходит в Россию. Там оно называется Брянско-Жиздринским Полесьем. А поскольку наш Новгород-Северский район — это стык всего на свете, то почему бы Брянским лесам не начинаться в Украине? Сейчас это, боюсь, уже не те леса, что были в 40-е годы и в начале 50-х. Через несколько лет после войны в Украине стали очень жестоко вырубать лес, и вырубали большие массивы. Не весь, конечно, но очень много. Тот лес, что вырубали, был изумительной красоты, в основном смешанный — дуб, сосна, береза. Вместе с ним пропало множество грибных и ягодных мест. Мне

даже кажется, что поговорка «дешевле грибов» родилась в наших краях — так их много было, этих грибов. Набрать большую корзину белых ничего не стоило. Если встанешь затемно, придешь на опушку едва начинает светать — места же все известные, свои — и пробежишься по ней первым, то через час корзина полная, можно нести домой или сдать на заготовительный пункт, получить какую-то копейку. Делал я это, вероятно, лет с семи.

Я и родился на лесном кордоне. Кордон — это пост лесной стражи с домом лесника. Мой отец был лесник Новгород-Северского лесничества. Он был большевик, член ВКП(б). Или правильнее говорить КП(б)У? Если такой человек, как он, вступал в 30-е годы в партию, значит, он это делал по убеждению, а не по карьерным соображениям. Какие уж там на его должности и в такой глухомани могли быть карьерные соображения! Мне ужасно грустно, что я очень мало о нем знаю. Знаю, что он был одним из лучших охотников во всей округе. Образ его у меня, увы, совсем смутный. Мне было три года, когда он ушел на войну. Единственное, что помню — это как я бегу вслед за подводой, на которой он уезжал. Уезжал, чтобы уже больше не вернуться.

Больше полувека отец числился пропавшим без вести. Что значит «пропавший без вести»? Конечно, в первые годы эти слова вмещали в себя надежду: а вдруг где-то жив? Потерял память, оказался в госпитале без документов, и теперь не может вспомнить, кто он и откуда. Но обязательно вспомнит и сразу к нам вернется. Время от времени нам приходилось слышать рассказы о чудесных возвращениях людей, которых давно уже мысленно похоронили все родные и близкие. Хотя в Чайкине было полно сирот, это было не исключением, а нормой, подобные истории всякий раз остро напоминали мне о моей безотцовщине. Послевоенный советский мир был предельно мифологизирован. С одной стороны, постоянно рождались утешительные сказки, с другой — волнами накатывали самые мрачные слухи. Теперь я понимаю, что после потрясений, перевернувших жизнь десятков миллионов людей, да еще в условиях строжайшей цензуры, иначе и быть не могло. Сегодня, когда газетные страницы открыты для любой молвы и любых выдумок, все уже забыли, как может воздействовать слух, который сообщается возбужденным шепотом.

Самыми будоражащими были истории про людей, оказавшихся сперва в плену или на работах в Германии, а потом где-то в «западной зоне». Все эти люди мучились там на каких-то рудниках и шахтах и хо-

тели вернуться, но «американцы не пускали». При всей советской благочестивости подобных историй, их рассказывали с оглядкой. Согласно закону, по истечении определенного срока жена пропавшего без вести признавалась вдовой и могла снова выйти замуж, но множество женщин так и остались одинокими, не только из-за дефицита мужиков — это, конечно, главное, но и потому, что продолжали надеяться.

Только в 1996 году житомирские следопыты (я бесконечно им благодарен) выяснили, что старший сержант 560-го саперного батальона Данила Кучма в феврале 1942 года умер от ран в госпитале в селе Новоселицы, что стоит неподалеку от Новгорода на берегу реки Мста. Моя мама, Прасковья Трофимовна Кучма, об этом не узнала, потому что умерла десятью годами раньше. Не знаю, как она себе представляла его гибель, я ни разу не решился ее спросить.

На отца был похож мой покойный брат, а я пошел в мать. Знаю, что у отца были братья, Дмитро и Прокоп, знаю, что Прокопа расстреляли «кулаки». Тоже, как видно, был большевик, активист. Ну а Дмитро погиб на войне, как мой отец. Кажется, были еще братья, но мне о них ничего не известно, я всегда знал только материнскую родню. Знаю, что они были самого простого крестьянского происхождения.

Странное дело: я помню, как немцы прошли через наше село на восток, к Десне. Это было в августе 1941 года, мне только исполнилось три года. Помню и как немцы уходили, что менее удивительно, поскольку я был уже на два года старше. Вообще-то мне совсем немного запомнилось из той поры, но такие особо потрясающие события, как прощание с отцом и приход немцев, удержались в памяти. Как видно, волнение взрослых передается ребенку и действует на его память, как закрепитель на фото пленку.

Немцы у нас не стояли — побыли малость и двинулись дальше. Но вскоре началось партизанское движение, и тогда полицаи, я это тоже помню, стали тормозить маму, добиваясь: где ружье? Отцу, как леснику, полагалось ружье. Я, кстати, так и не знаю, что с этим ружьем стало, никогда потом у матери не спрашивал. Возможно, отец его сдал при мобилизации в Красную армию. У меня смутное воспоминание о каком-то разговоре через несколько лет после войны — дескать, в той неразберихе он его не сдал, не успел. Но куда оно делось, не имею понятия.

В Брянских лесах во время войны был партизанский край. И это не пустые слова. Мстя партизанам, немцы сожгли наше Чайкино,

а это было не такое уж маленькое село, дворов двести. Об уничтожении его есть материал в Музее Великой Отечественной войны в Киеве. Мать с нами тремя, я был младший, ушла в соседнюю деревню Караси, и мы там оставались до конца войны. Хорошо еще, было куда уйти. В Карасях жила сестра матери, учительница, а в бывшем доме помещика была школа. Тетя нас в этой школе и поселила. Мы там жили, пока не кончилась война.

Когда немцы откатывались обратно, они были страшно озлоблены. Во все живое стреляли без предупреждения, особенно мотоциклисты. Помню, мы прятались в погребе от самолетов, потому что село Караси бомбили. Вот только зачем бомбили? Может быть, чтобы партизаны не устраивали засады на отступающих, не знаю. Или это, наоборот, наши бомбили — теперь уже не возьмусь сказать. А когда стала доноситься пушечная стрельба, мы ушли в лес и несколько суток пережидали в лесу, пока не пришла Красная армия. Хорошо, что было еще тепло.

Когда мы во время оккупации жили в здании школы, оно казалось мне исполинским, хотя на самом деле было скромных размеров. Помещик был, видать, не шибко богатый. Кажется, в эту школу я и пошел в первый класс, но учился там совсем недолго, потому что вскоре после этого мы вернулись в Чайкино.

Я сейчас не совсем уверен в последовательности событий. Немцы ушли в сентябре 1943-го, это точно. Чайкино осталось после них выгоревшим дотла, школы там быть не могло. Помню себя шестилетним: стою под окнами школы и слушаю, как там идут уроки. Когда окна были открыты, все время туда ходил. Обидно было — все дети там, моя сестра Вера в том числе (она на шесть лет старше), — а я стой на улице.

Когда вернулись в Чайкино, сперва жили в землянке. Позже кто-то подсчитал, сколько у нас сгорело домов, получилась страшная цифра: 234. Те, кто уцелел, оказались без крыши над головой. Для школы то ли сельсовет, то ли колхоз построил на первых порах какую-то халупу. В послевоенные годы многие жили в землянках. Если в семье были мужчины, то они смогли себе построить что-то более приличное. Но у вдовы с тремя детьми на руках такой возможности не было. Вскоре брата, которому исполнилось 17 (он родился 20 марта 1928 года), добровольно-принудительно отправили в Донбасс. К счастью, нас через какое-то время взяла к себе одна приезжая из Га-

личины. После войны в Западной Украине была большая безработица, а в Восточной не хватало рук, люди приезжали из Галичины по оргнабору и сами. Эта женщина работала в сельском совете, и ей был предоставлен дом. Вот она нас и взяла на квартиру. Через пару лет она уехала обратно — видимо, по истечении договора. Как сейчас помню, уехала в город Броды Львовской области. Не знаю, жива ли. Она уже тогда была в годах, или это мне с моей детской точки зрения так казалось. Когда она уехала, дом остался нам. Этот дом я и помню как дом своего детства. Тот дом, что был у нас до войны (который сожгли немцы), я, естественно, не помню, а порасспросить маму, что он из себя представлял, как-то не догадался. К сожалению, такими вещами люди обычно начинают интересоваться слишком поздно, когда живых свидетелей уже нет.

У нас были две комнаты и сени. Вторая комната служила кладовкой, не было возможности ее достроить, тем более — отопить. Главным местом в доме была печка. В печке готовили, на печке спали. Я все годы, до отъезда на учебу в Днепропетровск, спал на печке и даже делал там уроки. Это было мое рабочее место. Как мама вытянула нас в одиночку? Я сейчас это с трудом себе представляю. Работы по дому всегда было страшно много, уж не говоря про огород, тридцать соток, наше спасение.

Я был меньшей, любимый, но это не значит, что на меня ложилось меньше обязанностей. С самых малых лет — и в лес за дровами, и наколоть дров, и натаскать воды, и прополоть огород. Огородом, конечно, все занимались, хотя главное бремя лежало на матери. У нас была корова, свинья, куры. Несколько лет я пас летом коров, общественное стадо. Всю скотину, какая была в селе, объединяли в два или три стада, и сначала, после войны, нанимали пастухов, которые приходили на заработки. Но потом от этого отказались, стали пасти своими силами. Вдвоем с кем-нибудь, как очередь подойдет, отправляешься на целый день, от восхода до заката, причем босиком — и по лесу, и по стерне. Ступни были как наждак.

Все работы, которые приходилось выполнять, были осмысленно-необходимы и потому не были в тягость. Я владел и до сих пор владею многими навыками сельского жителя. Например, носить воду на коромысле. Дайте ведра и коромысло непривычному человеку, он ни за что с этим не справится, тут же все расплещет, обольет себе ноги, потому что каждое движение должно быть особым образом согласовано

с другими, поначалу это может показаться почти искусством. Но тот, кто его с детства усвоил, носит ведра, ничего такого не замечая.

Если бы можно было заниматься только своим хозяйством, то мы бы его увеличили — держали бы несколько свиней, больше кур и другую живность. Но у матери главная работа была в колхозе, занята она была там целыми днями, а получала на трудодни очень мало. В колхозе люди работают там, куда пошлет начальство, но все же в основном мама работала в колхозном саду. Сад был большой, и мама много лет работала там в огородной бригаде. Я хорошо помню, насколько резко она отличалась от большинства своих ровесниц — всегда была во всем чистом и держалась как-то по-другому. Когда село — сплошные вдовы и дети, многие женщины перестают следить за собой. Мама всегда была подтянутая. Вспоминаю совершенно беспристрастно: очень привлекательная женщина была. Но по деревенским понятиям уже немолодая: она родилась 8 августа 1906 года, так что вскоре после войны ей стукнуло сорок.

Как я теперь понимаю, война обрubiла многие обычаи и навыки. Из рассказов взрослых получалось, что до войны было больше пасек и меда, люди гнали деготь и смолу, гнули дуги и полозья, вязали сети, делали самолосы, короба, корзины, ковали обода для телег. Было развито горшечное дело, плетение из лозы и ореховых прутьев, у некоторых были токарные станки с ножным приводом. Все эти вещи не исчезли совсем, но само их значение, как видно, резко пошло на убыль. Это было связано с началом разрушения деревенского образа жизни и с сокращением мужского населения — слишком много мужчин не вернулось с фронта, слишком много стариков умерло (женщины оказались живучее).

А тут, едва окончилась война, хлопцев, заметно не дотягивавших до призывного возраста, стали мобилизовывать в ФЗО — школы фабрично-заводского обучения. Самое краткосрочное обучение рабочей специальности — и на производство. Тех же, кто постарше, отправляли на производство безо всякого обучения. Причем из нашей местности почти всех направляли в Донбасс, на шахты. А сбежишь — арестовывают как преступника по сталинскому указу, который вышел еще в начале войны, 7 декабря 1941 года. Это был указ о дезертирстве с предприятий оборонной промышленности. Уголовная ответственность по этому указу наступала с 14 лет, и он действовал еще несколько лет после войны. Я уже упоминал, что брата забрали

в Донбасс. Через какое-то время он сбежал оттуда. Но куда ему было бежать? Только в Чайкино. Едва явился, его арестовали, месяц отсидел в тюрьме — и опять в шахту. Видимо, шахты не приравнивались к военным заводам, а то бы получил минимум пять лет. Так он стал шахтером, и пока не вышел на пенсию, работал на шахтах. Правда, уже не в Донбассе, а в Приморском крае. Пустил там корни, как это обычно бывает — семья, трое детей. Под конец работал уже не в забое. Сил прежних больше не было, перешел в горноспасательную службу. Пенсионером он был недолго, всего два года. 26 октября 1984 года он умер от профессиональной шахтерской болезни, рака легких. Брата моего звали как светлейшего князя Меншикова, Александр Данилович, и прожил он на свете столько же, сколько тот, 56 лет, только совсем по-другому.

И Вера, сестра, через несколько лет тоже подалась на шахты. Они с мужем (он был из нашего села) уехали в Кузбасс на заработки. Считалось, что за длинным рублем. Сестра работала машинистом шахтного электровоза. Все, что они с мужем нажили — это трое детей, а длинного рубля в Кузбассе почему-то не оказалось. Жили они в городке Березовском, это 35 километров от Кемерово, железнодорожная станция Забойщик. Году, кажется, в 1978 или 1979-м она вдруг стала говорить, что надо бы им перебраться в Украину. Потом приехала ко мне в Днепрпетровск, мы с ней исколесили все пригородные села, она прикидывала, где бы им с мужем бросить свой окончательный якорь — рядом со мной и мамой (мама уже у меня жила). Не думал я тогда, что вижу Веру в последний раз. Уехала она в свою Кемеровскую область с настроением сниматься оттуда. Но быстро такие дела не делаются, а через год она умерла. В 48 лет, от инсульта. Она у нас первая умерла.

Бедная мама, пережила двух своих детей, не пожелаю такого ни одному родителю. А у меня, благодаря брату и сестре, шестеро племянников, правда, все давно взрослые.

Чуть ли не с самых малых своих лет помню, как мать меня подталкивала — давай, учись. Когда я стал постарше, это уже звучало так: ни у брата, ни у сестры не вышло, учись хоть ты. И это стало моей обязанностью, моим обетом. Поскольку концы с концами сводить никак не получалось, мама еще сдавала угол. К счастью, всегда сдавала учителям — то одному, то другому. Это были учителя, которых присылали преподавать в нашу школу. То есть это были лучшие квартиранты, каких себе можно представить. Какое-то время жила у нас да-

же семейная пара: он — учитель физики, она — русского языка. Сейчас они уже старенькие, давно живут в Новгороде-Северском. Когда я туда приезжаю, обязательно приходят на встречу со мной. Последний раз это было в 2000 году.

Я теперь понимаю, что на меня сильно повлияли не только те учителя, что жили у нас, но и наш сосед, тоже учитель, Михаил Степанович Тимошенко. Мне в нем очень нравилось то, что он свой, не приезжий, а все равно учитель. И то, что он женился на очень симпатичной молоденькой учительнице. И мама у него была очень хорошая, доброты необыкновенной. Он мне казался недосыгаемо великим человеком, почти как Ленин. У него, как я потом узнал, было всего лишь среднее образование. Он и сейчас стоит у меня перед глазами. В детстве я не смог бы сформулировать, что же меня в нем так привлекало, а теперь понимаю причину: на фоне нашего Чайкино у него была интеллигентная семья — несмотря на такой же огород и таких же кур, как у всех. Правда, надо сказать, они выделялись еще и достатком. Михаил Степанович все-таки был директором школы, они работали вместе с женой, и на фоне тогдашней бедности это впечатляло. Наверное, все это вместе на долгие годы сделало профессию учителя моим идеалом. Я не стал учителем по чистой случайности.

Тимошенко до четвертого класса вел у нас все предметы. Я учился очень легко, даже чересчур, благодаря хорошей памяти. Говорят, такие быстро становятся ленивыми. Но Тимошенко лениться не давал и вообще был довольно строг, несмотря на соседские отношения. Несколько раз даже выставлял из класса. Дело в том, что я был необыкновенно смешлив. Что называется, палец мне покажи, и я уже заливаюсь, не могу остановиться. В народе это называют «дурносмех». А еще говорят: деревянную железку, мол, нашел. Это прошло вместе с детством.

Я не сразу понял, что память у меня лучше, чем у большинства окружающих. Иной раз даже сомнение брало: действительно человек не помнит то-то и то-то или притворяется? Как же можно было такое забыть?! В первых классах с учебниками было туго, один затрепанный на несколько человек, но я от этого особых неудобств не испытывал. Прочту один раз или просто урок прослушаю — и оттарабанивал на следующий день без запинки. Матери в селе говорили, дескать, Ляня у тебя очень умный, все на лету хватает. Но память — еще не ум, это только возможность его приобрести, это я знаю точно.

Заметив, что я охотно читаю, а потом помню прочитанное, Михаил Степанович стал мне говорить то же, что и мать: дескать, учиться нужно, Леня, дальше. Но чтобы это стало возможным, необходимо было закончить десятилетку, а у нас в Чайкине была семилетка. Большой тяги к учебе я в своих сверстниках не видел. Все с облегчением завершили свое обязательное образование, окончив семилетку. В сентябре 1952 года только трое хлопцев, считая со мной, стали ходить за девять километров в Костобоброво, где была десятилетка. Я уже его упоминал, это было довольно большое село. Чем село отличалось, по дореволюционным понятиям, от деревни? Тем, что в селе есть церковь. Так вот, в Костобоброве была церковь, это было настоящее село. Моя мать была родом оттуда. Церковь, правда, через несколько лет сгорела.

Ходили мы втроем, ходили, но двое моих товарищей через какое-то время не выдержали и бросили школу. Все-таки это было довольно тяжело. Сразу за Карасями дорога (или то, что считалось дорогой) шла через лес. А в наших краях зимой пошаливали волки. Пугали меня и двуногими волками — времена были лихие, особенно после огромной («ворошиловской») амнистии 1953 года. В ту амнистию выпустили только уголовных, до политических дело дошло позже. Так что всякое могло быть. Бог, однако, миловал.

В теплое время шеголял я в холщовых штанах и в полотняной сорочке. Их на своей швейной машинке мне шила мама. Большой искусницей в этом деле маму я не назову, но машинка была нашим сокровищем. Ведь купить мы ничего не могли, такое просто исключалось. На зиму была какая-то фуфайка, она же телогрейка. Те из моих одноклассников, кто побогаче, ходили в валенках, это считалось почти шиком. А мне зимней обувью служили резиновые сапоги. Когда я окончил семь классов, мы все фотографировались, и мне, для того чтобы запечатлеться, пришлось у кого-то попросить хромовые. Всему этому я, по счастливому неведению, не придавал тогда никакого значения. Пока не поступил в университет, даже не думал на эту тему.

На краю Костобоброва был овраг, а за оврагом была уже Россия и стояла крошечная деревенька Липица — скорее хутор, несколько домов. И до Белоруссии, а точнее, до того места, где сходятся границы Белоруссии, Украины, России и стоит Курган Дружбы, от нас было тоже не слишком далеко, километров девяносто.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЙ ВАВИЛОН

Я вполне мог родиться и в РСФСР. Я это узнал, уже став президентом, когда заинтересовался государственным размежеванием Украины и России в 20-е годы и запросил соответствующие документы. Вот как это могло произойти. В первые годы советской власти шел большой перекрой границ старых имперских губерний, которые часто не совпадали с этническими. Сперва укрупнили Белорусскую ССР, которая к моменту своего вхождения в состав СССР была слишком мала по сравнению с территорией белорусского народа. Это было кричащее несоответствие — например, Витебская, Могилевская и Гомельская губерния после революции оказалась в составе РСФСР. В марте 1924-го и в декабре 1926-го к шести первоначальным уездам Белоруссии было присоединено еще 26. В принципе, этот перекрой противоречил еще живому в те годы лозунгу о мировой пролетарской революции, которая отменит все границы, но, в отличие от мировой революции, был правильным делом. Вернее, мог быть, если бы проводился полностью последовательно, что наблюдалось не всегда.

Одновременно с белорусским урегулированием начались тяжбы об украинско-российских границах. Именно тяжбы, потому что здесь дело сразу пошло очень туго. Украинская сторона еще в начале 1923 года поставила перед ВЦИК только что созданного СССР вопрос о передаче УССР ряда волостей и даже уездов Брянской, Курской и Воронежской губерний РСФСР в связи с явным преобладанием в их населении украинцев. Неофициальная реакция российской стороны была в духе героя фильма «Иван Васильевич меняет профессию» домушника Милославского, вдруг ощутившего себя государственным деятелем: «Волостей не напасешься». Тем не менее, Президиум ВЦИК создал специальную комиссию во главе с председателем ЦИК Белоруссии Червяковым, и переговоры начались.

Но тут же последовали российские контрпредложения. Среди них было и такое: передать из УССР в состав Курской губернии РСФСР Новгород-Северский (наш!) уезд, часть Глуховского и две волости Кролевецкого уездов Черниговской губернии. Этого не случилось, вероятно, потому, что куда больше Россия мечтала получить обратно переданные Украине в 1920 году из состава Области Войска Донского Таганрог и Донецкий округ с городом Шахты. Она их в кон-

це концов и получила, взамен передав Украине Путивль с уездом и довольно много волостей вдоль большей части границы. Совсем недалеко от нас отошла к Украине от Новозыбковского уезда Брянской губернии Семеновская волость. Семеновка теперь город и даже райцентр. Но все легко могло произойти совсем по-другому.

Естественно, сегодня возникают вопросы: почему у кого-то могла родиться мысль, будто Новгород-Северский скорее относится к России, чем к Украине? И почему Путивль до 1925 года был в составе РСФСР? Это же самые классические города не просто Киевской Руси (в конце концов, и Новгород Великий, и Москва — это тоже города Киевской Руси), но еще и чернигово-северских княжеств, «Слова о полку Игореве». Ведь героем «Слова» был новгород-северский князь Игорь Святославич, а в Путивле был замок, где «на заборолах» стояла и плакала Ярославна, ожидая Игоря из похода «в поле незнаемое, половецкое».

Может быть, дело в том, что эти земли вошли в состав России за долго до Переяславской рады. Это произошло, когда «государь всея Руси» Иван III отвоевал у Литвы ряд черниговских и северских городов (Козельск в 1494 году, Путивль, Брянск и Рьльск в 1500 году, Чернигов, Новгород-Северский, Любеч, Трубчевск, Мценск, Стародуб и Карачев — в 1501—1503 годах) с их уездами. Если посмотреть на карту, это очень большая территория — древняя Сиверщина простиралась до Брянска. К началу XX века, за 400 лет, эти земли претерпели большие перемены. Их тыл и одновременно ядро, Чернигов, полностью сохранил свой украинский характер. К тому же, недалеко от Чернигова долгое время находились такие центры общеукраинского значения, как гетманские столицы Батурин и Глухов. Зато Брянск, Козельск, Трубчевск (город вещего Бояна), Карачев — бывшие северо-восточные форпосты Черниговщины и Сиверщины — к началу XX века стали уже почти полностью великорусскими.

Но оставалась изрядная промежуточная территория, где еще в XIX веке было трудно провести какие-то этнические границы. Взять хотя бы ту местность, где родился я. У нас говорили на смешанном украинско-белорусско-русском языке. Причем на некотором расстоянии от нас к югу и к юго-западу, в направлении Чернигова и Конотоп, начинался уже несомненный украинский язык. Восточное Полесье всегда было историческим стыком. Здесь чересполосно жили и живут украинцы, белорусы, русские староверы и просто русские. Но

это еще не все. Здесь живут полешуки или полешуки (которых белорусские ученые считают скорее белорусами, а украинские — скорее украинцами). Между прочим, Федор Михайлович Достоевский происходил от полешуков. Именице его отца, Достоево, находилось не очень далеко от наших мест, в Белоруссии. Дочь Федора Михайловича писала: «Один из моих литовских предков, перекочевавших в Украину, переменял религию для того, чтобы жениться на православной украинке».

Правда, некоторые ученые говорят: нет, те, кого вы называете полешуками, на самом деле живут западнее, а здешние носители специфического наречия — это так называемые «литвины» или «севрюки», и их язык никакая не смесь, а естественный итог развития живой речи здешних крестьян, которые жили в нашем углу Полесья много столетий, со времен Киевской Руси, в относительной изоляции за своими глухими лесами. Кстати, хорошо помню, как мой любимый учитель Тимошенко тоже говорил, что в старину черниговские, нежинские и путивльские называли жителей наших мест «литвинами», что вызывало у них обиду: к Литве мы не имели никакого отношения, да она и далеко. Но рассказывал он об этом не на уроке, а у себя на огороде. У меня такое впечатление, что в те годы вся эта этнография не очень-то поощрялась.

Позже я узнал, что какое-то время в России литвинами называли украинцев вообще. Это было еще перед тем, как русские начали называть нас черкасами. Подобные имена (или прозвища) — лишнее свидетельство того, что ощущение «русского единства» у московских людей отсутствовало. Хорошо это или плохо, но его просто не было.

Я уже говорил, что за оврагом на краю Костобоброва начиналась Россия. Чтобы быть совсем уж точным, Брянская область. На карте видно, как она здесь большим выступом, почти прямоугольным, довольно сильно вдается на запад. Этот выступ — Стародубщина, она вплоть до 1919 года входила в Черниговскую губернию. Во времена Богдана Хмельницкого здесь была территория Стародубского казачьего полка, то есть законная часть «Малороссии» (а Новгород-Северский был всего лишь сотенным городом Стародубского полка!). Более того, начиная со второй половины XVII века город Стародуб стал едва ли не самым большим рынком для украинских товаров. На две большие ежегодные ярмарки товары привозились также из Москвы, Риги, Петербурга и Астрахани. Стародубское купечество славилось

своим богатством. Как же получилось, что такой город сегодня не в Украине? А получилось вот как. С конца 1650-х в стародубские леса стали бежать из России старообрядцы и селиться здесь на рубеже Речи Посполитой. В 1708—1709 годах старообрядцы, до того преследуемые русским правительством, по собственному почину сражались со шведами (попросту говоря, партизанили), взяли много пленных и привели их к Петру I в Стародуб. За это им были пожалованы все земли, на которых они успели расселиться. С того времени приток староверов в эти края усилился. Постепенно один из двух составлявших Стародубщину уездов, Новозыбковский, стал практически великорусским (кроме самой южной волости, Семеновской — ее и передали Украине, о чем я уже упоминал), а во второй, Стародубской, жил всякий народ. Причем, когда в 20-е годы стали разбираться с этнической картиной, выяснилось, что на границе с Украиной жили сплошь русские (все те же старообрядцы), а украинцы жили как бы «позади» них. По-видимому, разумно выкроить границу в этом восточнославянском Вавилоне оказалось невозможно. Или кто-то не захотел.

Поскольку наша местность прямо примыкает к Стародубщине, думаю, я вправе иметь свое мнение о том, кто ее населяет. Это, в основном, потомки северян и радимичей, которые в одних исторических обстоятельствах могли отнести себя к украинцам, в других — к белорусам, в третьих — к русским. То, что по переписи 1897 года 94% населения Новозыбковского уезда назвали себя великороссами, говорит лишь о том, что большинству жителей уезда передалось самосознание более активных (как все староверы) великорусских переселенцев.

Я говорю об этом достаточно уверенно, потому что хорошо помню, как в моем отрочестве и в юности у меня, как и у моих сверстников, не было понятия о том, кто мы: украинцы, белорусы или русские.

Стародубские казаки Хмельницкого и их потомки были не менее активными людьми. Но в 1897 году в Стародубском уезде «казаков, владеющих землею наследственно на праве частной собственности», было чуть больше 20%. К тому же самосознание у них было сословное, казачье, а не национальное. Тот своеобразный язык, который здесь господствовал — неважно, смесь это или самостоятельное наречие — свидетельствовал достаточно ясно: здешнее население пребывало в уникальной равноприближенности ко всем трем восточнославянским народам.

Относительно языка приведу один пример, чтобы было понятнее. Некая стародубская поэтесса переводила басни Крылова на местный язык. Если кто помнит басню «Василек», в ней василек взывает к солнцу, а жук смеется над ним: дескать, у солнца только и хлопот, как глядеть, вянет он (василек) или цветет. Это место сельская поэтесса передала таким двустишием:

Як жа! Клопать соньцу на яго глядзець:
Ци он жив астанецца, ци яму капець!

Было много своих слов — ни украинских, ни русских, ни белорусских. Например, черемуху называли не «черемха», не «черемшина», а «калакалуша». До революции носителей этого наречия причисляли все же к белорусам. Однако наши этнографы на основании множества признаков быта, обычаев и материальной культуры, уверенно относят их к украинцам.

В нашем Чайкине и сейчас говорят на языке, который я ненаучно (и для себя) зову русско-украинско-белорусским. По-моему, он чуть-чуть другой, чем на Стародубщине. В любом случае, это нормальный язык общения, никто не считает его каким-то ущербным. И в семье мы на нем же говорили. Но я, под влиянием школы, без малейших затруднений говорил и на правильном русском языке. Украинский язык и литература были в нашей школе важными предметами, но все остальное преподавалось по-русски. Моему русскому языку помогло еще и то, что у меня была возможность класса с четвертого читать газеты. О том, чтобы выписывать газеты, разумеется, не могло быть и речи, но их приносили учителя, которые квартировали у нас. Огромной удачей для меня стала библиотека нашего сельского клуба. Мне лишь много позже стало понятно, насколько это была хорошая библиотека. Я бы назвал ее исключительным для небольшого села собранием книг. Причем в ней было очень много украинских книг. При каких обстоятельствах она попала в Чайкино, кто ее подбирал, не знаю, даже жаль.

Я перечитал, наверное, большую часть этой библиотеки, что-то и по несколько раз, причем мне было все равно, на каком языке я читаю. Я часто не мог вспомнить какое-то время спустя, несмотря на свою память, на каком языке была книга — настолько это для меня не имело значения с точки зрения восприятия. Лишь бы было инте-

ресно. Хотя, скажем, сегодня, пятьдесят лет спустя, могу точно сказать: книги Олеся Гончара «Прапорonoсці» и «Земля гуде» я читал по-украински, а не в русском переводе. Они тогда только появились и очень мне нравились, особенно вторая. Это была повесть про комсомольцев-подпольщиков в оккупированной фашистами Полтаве. Помню, как звали главную героиню: Ляля Убийвовк. Сильно запомнился и роман Юрия Яновского «Вершники» («Всадники»), из него мне был особенно симпатичен Данило Чабан, боец «Днепровского босоногого полка Красной Армии». Да и многое другое, разве перечислишь? Кстати, роман Яновского до сих пор как-то воздействует на мое отношение к событиям Гражданской войны в Украине. Теперь-то я хорошо понимаю, что он писал так, как было нужно в тот момент партийным идеологам, но ничего не могу с собой поделаться. Так всегда бывает с талантливыми произведениями: каким бы «социальным заказом» они ни были продиктованы, за ними стоит какая-то правда. Там, где нет никакой правды, вы не увидите таланта ни под каким микроскопом.

Не стану уверять, что я ощутил себя украинцем благодаря прочитанным в детстве книгам. Повторяю, я над этим не задумывался, и с товарищами мы эту тему никак не обсуждали, у нас было наднациональное мироощущение и бытие, а существование схожих, но разных языков мы воспринимали как данность — как существование разных времен года, например. У нас было две оппозиции — одна оставшаяся с войны: «наши» — «немцы»; потом холодная война породила новую оппозицию: «наши» — «американцы». Американцы были так ужасны, как только может быть. А вот понятие, кто ты внутри этого собирательного «наши» — украинец, русский или белорус, совершенно отсутствовало, в нем как бы не возникало нужды. Мы чувствовали себя скорее комсомольцами. Сейчас мне трудно задним числом реконструировать это мироощущение. Пытаюсь — и не получается, мешает позднейшая информация. Это мироощущение непонятным образом совмещалось во мне с интересом к истории. Уже в юности я обладал определенным набором исторических познаний и даже концепций, которые сформировал собственными усилиями, или, как говорят белорусы, «самотугом». Правда, интерес был к истории вообще — любых стран и любых народов. А еще больше любил я литературу. Был уверен, что стану учителем и буду преподавать историю и литературу, как наши симпатичные постояльцы.

Народ в наших краях удивительно стойкий. Мало того, что была страшная беднота и разруха, так вдобавок в 1946 году случился чудовищный неурожай. С осени 46-го начали мы поголаживать, а в 47-м уже голодали всюю. То же самое происходило практически по всей Украине. И в России, за костобобровским оврагом, было не лучше. Как мы все тогда с голоду не перемерли, не знаю. Еле дотянули до тепла. Собирали на картофельном поле гнилец — это перезимовавшая в земле картошка, пропущенная при уборке. Из нее удавалось делать какое-то подобие оладий. А потом, едва появились травы и зелень, в ход пошла крапива, еще какие-то растения. Позже — лебеда. У нас это слово было украинское, лобода. (Кстати, может быть, неспроста среди украинцев Лобода — сравнительно частая фамилия?) Лебеду толкут, подмешивают в муку, хлеб получается довольно горький. Чтобы перебить горечь, такой «голодный хлеб» круто солят. А главное, его много не съешь, даже с голодухи. Тут действует биологический самообман, ощущение набитого брюха. Это было просто выживание, на пределе возможного. Но выжили. Южнее, на черноземах, возможно, было попроще, а наши земли слишком уж бедные — песчаный суглинок, урожай 9—12 центнеров с гектара. Собираешь иной раз чуть больше, чем посеял. В наших краях разумнее заниматься животноводством, а не пытаться производить хлеб. Колхоз выращивал картошку, рожь, гречиху, просо — культуры скромные и тихие.

Мылись в корыте, мыло составляло большую ценность, его почти не было. А ведь оно требовалось еще и для стирки. С другой стороны, приходится признать, что для большинства наших людей бедность была привычным состоянием. Они никогда не знали другой жизни. А если посмотреть шире, для 90% людей, когда-либо живших на земле, нормальным состоянием была именно бедность.

Кто не подозревает о бедности, так это дети. Им не с чем сравнивать. Они рады самой жизни, их счастье — самое чистое на свете. За селом, в полуверсте, был пруд, назывался он довольно удивительно: Скрипкино. Может быть, я сейчас подумал, он формой был в виде скрипки. Небольшой, метров 100, а то и 50. Туда вся пацанва ходила, кого родители в этот день не запрягли в какую-нибудь работу. Все лето там купались, плавали, и это было счастье. И я был счастлив не меньше остальных.

Что касается моих взрослых земляков, все они знали, что более богатая и легкая жизнь где-то существует. Кто-то ее видел краем гла-

за в городах, кто-то прошел с Красной армией по Европе, пожилые люди помнили, как жили помещики, — ведь после революции прошло всего тридцать лет. Кроме того, уже появился такой социальный раздражитель, как кино. В кино чаще всего показывали именно богатую жизнь, фильмы про нищету — большая редкость. Да и не любят бедные люди смотреть про других бедных. Но, зная о существовании более легкой, вольной, изобильной жизни, мои земляки как-то не соотносили все эти познания с собой. Слишком уж много лиха они хлебнули. Самое главное, чтобы не было войны. Ну, и голодухи, конечно. Что-то с чем-то соотносить и делать какие-то выводы начало уже следующее поколение. Или это мне сейчас так кажется?

Когда умер Сталин, я сильно горевал. Мне было 14 лет, я уже был комсомолец и с трудом представлял себе, как можно будет дальше жить без Сталина. Ни малейших сомнений в правоте коммунистических идей у меня не было. Вообще, дети постарше и подростки — самый благодатный материал для любой пропаганды. Они чисты сердцем, настроены на справедливость, легковерны. В них, как правило, еще нет скепсиса. Я запомнил стихотворение, которое было напечатано в одной из газет в связи со смертью Сталина. Надо ли говорить, что я принял все за чистую монету?

Нам не забыть, как по фронту в метели
Шел он землей украинской не раз.
Сталина в серой армейской шинели
Видели Харьков, Полтава, Донбасс.

Теперь я склонен подозревать, что эти строки сочинял какой-нибудь старый циник, не имевший ни малейших иллюзий ни по одному поводу на свете (а меньше всего насчет Сталина, бредущего в метель через фронтовой Донбасс). Но мне ужасно нравились эти стихи, и я читал их наизусть кому-то из наших квартирантов-учителей. Вероятно, ему было что сказать по этому поводу, но он благоразумно воздержался.

Голодному все вкусно, и тем не менее, мне кажется, мать прекрасно готовила. Тому есть и объективное свидетельство: когда приезжали какие-нибудь районные комиссии, наше сельское начальство обычно просило ее накрыть стол в нашей хате, а не у тех, кто жил побогаче. Матери давали продукты, и она готовила на много человек. Кто отведал ее борщ, забыть его уже не мог. А еще у нее была одна из

самых лучших самогонок в селе — из пшеницы, из ржи. Она замечательно пекла хлеб на дубовых листьях, и он мог сохраняться удивительно долго, дней восемь. Мог-то он мог, но кто бы ему дал?

Я уже упоминал, что мать родилась в 1906 году, а это означает, что она должна была усвоить молитвы, а также церковную и домашнюю православную обрядовость до того, как большевики взялись за борьбу с религией. На Пасху, на Троицу и на Рождество у нас устраивалось подобие праздничного стола. На Пасху, кроме крашеных яиц, мать обязательно доставала из погреба колбасу, которая сохранялась в сале. Она делала эту колбасу много загодя. Это было настоящее счастье, особенно если Пасха приходилась на раннюю дату, сразу после тяжелой зимы. А советские праздники мама как-то не замечала. В городе их нельзя было не заметить — все-таки выходные, парады, оркестры, гуляния. А в селе выходных нет, материна работа не кончалась никогда — дети, скотина, уборка, готовка, стирка, огород. Если бы в народе сложились какие-то обряды для празднования 7 ноября или 1 мая, может быть, мать им и следовала бы, но они не сложились.

В целом, как это вообще присуще людям, входящим в жизнь, я считал жизнь, которой мы жили, совершенно нормальной. В пятидесятые годы, мне кажется, и у взрослых появилось ощущение, что становится легче. В клубе устраивали танцы, всегда было полно народу. Чайкино славилось симпатичными девушками. Они и сейчас у меня перед глазами — Тоня Сердюк, Маруся Тимошенко... Гуляли допоздна, пели песни. Причем и русские, и украинские — не язык песни был критерием выбора. Я довольно рано обнаружил, что у меня неплохой слух, что я могу верно напеть услышанную мелодию. В нашей семье все пели, особенно мама. Пойдет, к примеру, в огород за огурцами и песню споет соответствующую:

Посіяла огірочки
Близько над водою,
Сама буду поливати
Дрібною сльозою.

Сестра тоже пела, а брат, пока был с нами, играл на гармошке. Так и я приохотился к пению.

В восьмом классе, когда в костобобровскую десятилетку ходили со мной еще двое ребят (один из них был мой двоюродный брат Ва-

ся Лобок), мы пели на обратном пути. Возвращались уже затемно, и обязательно с песнями, в основном советскими, типа «Катюши» или из кинофильмов. Потом они перестали ходить, а один я уже не пел. Да и в холодное время года было не до пения. Пройдешь девять километров туда да девять обратно — по ветру, по морозу, от ветра все время нос мокрый и слезу из глаз выбивает. Всегда ходил полузамерзший в резиновых своих сапогах. Ангины у меня были такие, что температура поднималась до сорока градусов, не было сил даже встать с постели. Зимы у нас исключительно снежные. Поэтому двери в наших краях всегда открываются вовнутрь. Если бы они открывались наружу, зимой после снегопада никто бы не смог выйти из дому.

Уже будучи студентом, я старался на зимние каникулы приехать домой. 30 километров от станции обычно приходилось идти пешком. Один раз вышел в страшный холод, да еще, по своему обыкновению (а вернее, по студенческой бедности), на резиновом ходу, и где-то на полпути понял, что допустил ошибку: нельзя было пускаться в путь по такому морозу. Но деться уже было некуда, только идти вперед, как джеклендоновский герой. Пока добирался домой, думал — все, отдам концы. Совсем уж было с жизнью прощался.

Кто-то прочтет и решит, что я браню природу родных мест — почвы слишком бедные, зимы слишком студеные, — но это совершенно не так. Как раз наоборот, мне все здесь нравится — и зима, и лето, и реки, и леса. Я представляю себе, как по этим лесам, между могучими (в то время) стволами, ходил с ружьем мой отец-лесник. В 1941 году ему было уже под сорок, и он, вероятно, не подлежал призыву по возрасту. Значит, ушел воевать добровольно? От жены и троих детей? Раз он поступил так, значит не чувствовал себя вправе поступить иначе. Думаю, ему была невыносима мысль, что чужестранцы могут хозяйничать в его лесу.

И мать страшно любила родные места. Когда все дети разлетелись по просторам СССР, она затосковала, продала дом и поехала к Александру на Дальний Восток. Прожила несколько лет в его семье, потом я ее забрал к себе. Около 15 лет она жила у нас, но почти каждое лето говорила мне: «Отвези-ка ты меня, Леня, на родину». Садилась в машину и ехали «на родину». Там она гостила всегда у Василия, сына своего покойного брата Ивана (мне Василий — двоюродный брат). Там и ее последнее пристанище.

Моя мама, Прасковья Трофимовна Кучма, умерла 27 июля 1986 года, не дожив несколько дней до 80 лет. Она похоронена на том же кладбище, где двумя годами раньше был похоронен Александр. Так что мать лежит там рядом с сыном. Это в селе Александровка, в шести километрах от Чайкина.

Когда я узнал, что мои земляки решили построить в Чайкине церковь во имя святой Параскевы Пятницы, я помог им, чем мог, и ездил на освящение. Мама была бы этому рада. Сказала бы: вот теперь наше Чайкино законное село, а не деревня какая-нибудь.

Наверное, осознанная (а не инстинктивная) любовь к родному краю приходит после того, как появляется возможность делать какие-то сравнения. Днепропетровск, куда я попал из своей деревни, — это степная полоса, и тамошняя природа долго казалась мне чужой и даже какой-то неправильной. А потом постепенно пришла и благодарность судьбе, сделавшей моей родиной удивительный край Полесье. Сейчас я могу со спокойной совестью сказать: я счастлив, что родился и вырос в Полесье. Какие у нас по весне были разливы и половодья! Занятия в школе отменялись, не Венеция же, чтобы на лодке в школу плыть. Тот, кто знает, какой вид открывается на долину Десны от Дегтяревки (это чуть ниже по течению от Новгорода-Северского), понимает значение слова «благодать». Это больше, чем просто красота. Это бескрайние леса на горизонте, веселые пойменные луга, двадцать оттенков зеленого, простор, облака, влага, стрекозы, птицы, ветерок, восторг Божьего мира.

НОВГОРОД-СЕВЕРСКИЙ И «ИСТОРИЯ РУСОВ»

Наш районный центр, Новгород-Северский, — маленький городок, тысяч десять жителей, меньше хорошей казачьей станицы, а сколько в нем всего! Есть даже триумфальная арка. Вспоминаю торговые ряды с галереями по периметру, вроде Гостиного двора в Петербурге, и прелестные тихие улочки, сбигающие к Десне. Наиболее заметная достопримечательность — Спасо-Преображенский монастырь. Если бы этот монастырь стоял в какой-нибудь столице, он был бы знаменит, в нем все время толпились бы туристы. Когда-то его, видимо, окружал вал. Сейчас это мягкие скаты, покрытые густой яркой травой, а над ними возвышаются белые стены и башни. Сердце

замирает, и даже не совсем понятно, отчего. В монастыре есть здание бурсы. Сразу вспоминаются знаменитые «Очерки бурсы» Помяловского, но это нарядное, какое-то праздничное здание поражает полным несоответствием с представлениями о бурсах и бурсацкой жизни, которые рождала эта книга.

Новгород-Северский стоит посетить хотя бы ради Государственного историко-культурного музея-заповедника «Слово о полку Игореве». Однако этому небольшому городку мы обязаны не только «Словом». Новгород-Северский какое-то время был настоящей столицей украинского национального самосознания. Здесь с 1781 года и до конца XVIII века ключом была культурная жизнь. Будучи центром одноименного наместничества, а затем и губернии (в ее составе были города Глухов, Кролевец, Конотоп, Короп, Стародуб, Сосница, Погар, Мглин, Сураж), он стянул к себе настолько серьезные культурные силы, что возник даже проект создания здесь университета. Этот проект осуществился позже, в 1804 году, но в Харькове. Историки выяснили, что в чиновничьей среде Новгорода-Северского в тот период сложился довольно многочисленный кружок украинских патриотов, и, вероятно, именно в этом кружке была создана уже упоминавшаяся мной в этой книге «История русов».

Выдающийся историк Украины Наталья Полонская-Василенко писала: «В истории не только Украины, но и других стран трудно найти книгу, которая бы имела такое огромное влияние на людей своего времени и на следующие поколения, как “История русов” и которая была бы столь же “засекреченной”, как она... Ее появление и поныне остается такой же загадкой, какой оно было в начале XIX века». И все же у историков есть свои гипотезы. Скорее всего, у книги был не один, а несколько авторов, они писали и тщательно отделяли ее много лет. Если предположение ученых относительно новгород-северского кружка верно, тогда в число авторов «Истории русов» входили Григорий Полетика и его сын Василий Полетика, Афанасий Лобысевич, а также Адриан Чепя и еще несколько губернских чиновников.

Я заинтересовался, кто были эти люди, и узнал прелюбопытные вещи.

Григорий Андреевич Полетика происходил из лубенской шляхты. Он окончил Киево-Могилянскую академию и в 1745 году отправился «для изыскания себе случая к продолжению высших наук» в Петербург, где провел 28 лет. Среди его трудов стоит особо отметить «Сло-

варь на шести языках» (греко-латинско-русско-немецко-французско-английский), изданный в 1763 году. А вот его работа «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России», написанная в 1757 году, не увидела света потому что ее «зарубил»... Ломоносов. И знаете, почему? В исследовании Полетики, по отзыву Ломоносова, вплоть до XVII века «упомянуто де только о киевских школах, а не о московских». Совершенно «обкомовская» история.

В 1764—1773 годах Полетика служил главным инспектором Морского кадетского корпуса. В эти годы им составлены обширные записки о подтверждении прав и привилегий, «которые де во время бытности Малыя России под Польшей подтверждаемы были». Записки были основаны на исторических источниках, которыми располагал сам Полетика. О своем собрании рукописных и печатных книг он говорил так: «Такого не токмо ни у одного из партикулярных людей не было, но и с государственными российскими библиотеками моя в первенстве, в редкости и древности книг препираться могла». Увы, в 1771 году эта библиотека сгорела. В 1773 году Полетика вернулся в свое украинское поместье Юдино, где успел собрать вторую библиотеку. В нее попали рукописи Степана Яворского, Феофана Прокоповича, Дмитрия Кантемира, гетманские универсалы, различные грамоты и рукописные воспоминания. Возможно, здесь его сподвижником стал Адриан Иванович Чапа, много лет служивший в канцелярии малороссийского генерал-губернатора Румянцева-Задунайского.¹¹³ Чапа был автором «Записок о Малой России» и мечтал издавать историческую «Малороссийскую вивлиофику». Он мог сблизиться с Полетикой на почве поиска исторических документов. Историки не исключают, что Чапа предложил и саму концепцию «Истории русов».

После смерти Григория Полетики в 1784 году новгород-северский кружок возглавил, видимо, Афанасий Кириллович Лобысевич, тоже замечательная личность. Уроженец Погара на Стародубщине, он окончил петербургский Академический университет (был и такой) в 1760 году, затем два года путешествовал в свите гетмана Разумовского по Европе. В своих переводах из Вергилия он предвосхитил «Энеиду» Котляревского, «переодев Вергилиевых пастухов в малороссийских кобеняк». Одно время Лобысевич был предводителем дворянства Новгород-Северской губернии, что, вероятно, облегчало для него как привлечение единомышленников, так и поиск исторических реликвий в семейных архивах. Лобысевич состоял в переписке с архи-

епископом Белоруссии Георгием Конисским, автором исторических сочинений. Кончина архиепископа в 1795 году позволила со временем приписать ему авторство «Истории русов». Поскольку Григорий Полетика был учеником покойного в Киево-Могилянской академии, было легко создать легенду, что рукопись «Истории русов» он получил от своего учителя. Но нельзя исключать и того, что в основу работы и впрямь была положена какая-то первоначальная рукопись архиепископа.

Ученые полагают, что дописывал книгу в последние годы XVIII века или в первые годы следующего уже Василий Григорьевич Полетика, которому в момент смерти отца было 19 лет.

Удивительное дело, но и вторая великолепная библиотека Григория Полетики была утрачена в XIX веке. То же произошло и с коллекцией А. И. Чепы. Он собрал за многие годы 14 больших сборников с историческими актами и записками. После его смерти они попали к Николаю Андреевичу Маркевичу, работавшему над «Историей Малороссии», и, за исключением двух, тоже были утеряны! Трудно даже предположить, каких сокровищ мы лишились из-за всех пожаров и пропаж. И все же главное состоит в том, что труд беззаветных патриотов не пропал даром. «История русов» была благополучно завершена и прочитана тысячами равнодушных людей. Она сделала свое дело. Еще раз процитирую Наталью Полонскую-Василенко: «“История русов” стала настольной книгой у людей разных профессий и сословий — у крупных помещиков, духовенства, мещан, ремесленников, казаков... Это не история, как считали поначалу, это блестящий политический трактат, в котором выведены десятки вымышленных лиц, вымышленные события, сражения, изречения, дипломатические переговоры и соглашения. Как памфлет, “История русов” не имеет себе равных в литературе. Автор, оперируя подлинными фактами, а чаще — придуманными, утверждает собственную концепцию истории Украины: ее высокую культуру, начиная с X века, стремление к независимости, конституционализм, отвращение к абсолютизму, ненависть к притеснителям... Автор использует любопытный прием: важнейшие свои мысли он вкладывает в уста врагов Украины, например, крымского хана, турецкого султана и так далее... У поколений украинцев “История русов” воспитывала национальное самосознание, ощущение национального достоинства и уважение к своему прошлому».

Другими словами, на «Историю русов» следует смотреть как на литературное произведение, которое воздействует на читателя средствами художественной литературы. Никто не будет отрицать законность использования таких средств ради пробуждения дремлющего национального сознания. Не зря вымышленный Тарас Бульба порождает у читателей не менее сильные патриотические чувства, чем реально живший, реально боровшийся с порабощателями и реально казненный ими Северин Наливайко. Великие писатели, делая своими героями исторических лиц, всегда окружали их лицами вымышленными, заставляли произносить придуманные речи и становиться авторами придуманных документов. Без этого их герои не воспринимались бы читателями как живые, а эпоха не выглядела бы достоверной. Заведомый вымысел, как ни странно, усиливает правдоподобие.

Исторические лица в «Истории русов» порой ведут между собой диалоги, словно герои беллетристической повести. Гонец передает царю впечатления российских послов в Польше («В Варшаве Поляки часто перешептываются между собою на ухо и их надсмехают и подмаргивают, а жолнерство их по городу и в корчмах всегда при них пощелкивает и саблями побрызгивает, што ажно ужась берет; а по деревням у них войск, говорят, и видимо невидимо и частешенько проговариваются хвастливые Полячишки, что наши уж Козацы, наш, дескать, и Смоленск скоро будет, а о чести-то нашей Посольской и в ус не дуют; то же и про наследство твое, Государь, Польское никто уж и не шевельнется, а на наши про то сказки и привязки отвечают они одними усмешками и ножным шарканьем»), и его слова кажутся отрывком из исторического романа, хотя в конце XVIII века, когда (видимо) писалась «История русов», такой жанр еще даже не возник. Тем не менее, читатели ни на миг не сомневались в том, что все рассказанное в книге — чистая правда. Хитроумное построение книги должно вызывать черную зависть у современных авторов, которые тоже порой имитируют документальное повествование, старинные хроники и государственные акты, но никто не обманывается на их счет.

Вместе с тем, замысел книги, разумеется, не имел ничего общего с художественными задачами. Задачи эти были сугубо политическими. «История русов» была рассчитана на то, чтобы напомнить читателям, что Украина — не Россия (двести лет спустя это приходится делать снова!), встряхнуть благодушных, пробудить их патриотические чувства. Хотя название «Украина» авторами — или автором — «Исто-

рии русов» и не употребляется и даже отвергается, в современном понимании речь в книге идет, конечно же, об Украине.

«История русов» с самого начала была рассчитана на «самиздатское» распространение — на то, что желающие будут ее переписывать, со списков будут делаться списки, и книга постепенно проникнет во все грамотные слои общества. Были ли основания для подобных надежд? Разумеется. Люди сегодняшнего дня не представляют себе, насколько обычным был в XVIII—XIX веках такой способ распространения книг.¹¹⁴

Случай «Истории русов» загадочен тем, что ее списки стали появляться с большим опозданием, лишь начиная с 1825 года. Видимо, судьба распорядилась правильно. Появление «Истории русов» в более раннюю пору, когда основная часть украинской шляхты была озабочена лишь тем, как бы поскорее стать полноправной частью русского дворянства, вполне могло оказаться фальстартом, семена могли упасть в неподготовленную почву. «История русов» появилась как раз вовремя. «Ни одна книга, — утверждал бывший министр иностранных дел Украинской Державы (и историк) Дмитрий Дорошенко, — не имела в свое время такого влияния на развитие украинской национальной мысли, как “Кобзарь” Шевченко... и “История Русов”».¹¹⁵

Я спрашиваю себя: не заслужила ли «вечная книга Украины» собственного музея? Музей, посвященный одной книге — большая редкость в мире. В Новгороде-Северском, напомню, уже есть музей «Слова о полку Игореве». Если музей «Истории русов» будет создан, Новгород-Северский станет, вероятно, единственным городом в мире, имеющим сразу два таких музея.

Не странно ли, зная все это, читать, что в середине 20-х годов появлялись предложения передать Новгород-Северский уезд в состав РСФСР?

Но, разумеется, близость России здесь ощущалась всегда. Помню надпись: «Станция Новгород-Северский Московской ж. д.». Что поделаешь, такова географическая реальность — в Новгород-Северский нельзя попасть по украинской сети железных дорог. Единственная ветка в этот украинский город ведет от российского Новозыбкова (который до революции, напоминаю, относился к Черниговской губернии). Да и Десна течет к нам из России, начинаясь, как и Днепр, в Смоленщине.

Как образец классического украинского добродушия я воспринимаю икону «Покров Богоматери» — гордость Успенского собора в Новгороде-Северском. На иконе изображена церковь с молящимися, над ними, под куполом, стоит на облаке (с надписью «Радуйся покрове Миру ширшая облака») Богородица, по сторонам от нее святые, еще двое святых стоят прямо в церкви, а вокруг них — прихожане. В их числе царь с царицей, патриарх, гетман Полуботок с женой, полковник Журавка с сыном и их жены, видные новгород-северские горожане и духовенство, все в тщательно выписанных одеждах. На гетмане богатая кирея и жупан, он характерно пострижен. Царь тоже принарядился для такого случая на славу. Это желание всех примирить очень трогательно. Заказчики иконы очень хотели, чтобы на ней были и патриарх, и царь, и гетман. Помня, что Петр I бросил Полуботка в темницу и отменил патриаршество, заказчики велели иконописцу изобразить какого-то другого, условного царя. На вид это вылитый Алексей Михайлович, умерший, когда будущему гетману было лет 15—16 (а на иконе Полуботку около 60). Непонятно, и что за патриарх. Последний патриарх Адриан, умерший в 1700 году? Или может быть это Стефан Яворский, местоблюститель? На самом деле, все это не имеет никакого значения. Главное, что все пребывают в трогательном единении, как на картине художника Хмелько «Воссоединение Украины с Россией».

У меня к этим местам особая любовь. Каждый год стараюсь здесь побывать — хоть на день-другой, а вырвусь.

О ПРЕКРАСНОМ И ГРУСТНОМ

Объездив за последние годы всю Украину, я убедился в том, что знал, собственно, чуть ли не всегда: каждый наш регион имеет ярко выраженный собственный характер. Как ни удивительно, именно это делает нашу страну цельной. Цельным может быть только живое, а живое всегда играет оттенками и разнообразием. Скажем, мою родную Черниговщину не спутаешь ни с чем. Но и внутри себя она разная. По правому берегу Сейма (а после его впадения в Десну — по правому берегу Десны) — одна природа, а по левому — немного другая. И не только природа. Слегка отличаются села, постройки, люди. Нежин заметно другой, чем Новгород-Северский. Более гоголевский, что ли.

Я очень надеюсь, что уже очень скоро миллионы туристов будут ездить по «Золотому кольцу Украины», куда войдут многие культурные памятники Черниговской и Сумской областей. А может быть, у нас будет несколько таких «колец» — слишком много у нас памятников природы, истории и культуры, чтобы говорить об одном «золотом кольце» для всей Украины. Настолько много, что о целом ряде из них множество наших граждан просто не имеют понятия. Мне не раз приходилось видеть недоуменные лица, когда я заводил речь, например, про красоты Донбасса — про так называемую «Украинскую Швейцарию» и Торские озера, совершенно поразительный Святогорский пещерный монастырь на Северском Донце, «Королевские скалы» у села Провального — люди привыкли думать, что в Донбассе одни лишь терриконы.

В конце июня 2000 года мы с главой Верховной Рады Иваном Степановичем Плющом посетили во время поездки по Черниговщине несколько великолепных мест. Плющ тоже наш, черниговский, родом из Борзны. Мы осмотрели историко-культурные заповедники «Качановка» в Ичнянском районе и «Гетманская столица» в Батурине (с дворцом гетмана Кирилла Разумовского), дворцово-парковый комплекс «Усадьба полковника Галагана» в селе Сокиринцы и Тростянецкий дендрологический заповедник, побывали на бывшем хуторе Матроновка близ Борзны, где почтили память Пантелеймона Кулиша.

Во время этой поездки я не переставал думать о том, какая же мы богатая страна! На малом расстоянии друг от друга — такие потрясающие памятники культуры. Тростянец, Качановка и Сокиринцы, они же рядом, между ними всего несколько километров. И так почти в любом месте Украины, куда ни ткни в карту.

Тростянецкий дендрологический заповедник — это настоящий музей живой природы. Как утверждают знатоки, красотой своих пейзажей он превосходит лучшие западноевропейские парки. Тростянец принадлежал помещикам Скоропадским, и один из них, страстный ботаник, создал здесь, начиная с 1834 года, подлинное чудо, акклиматизировав деревья и редкие растения со всего мира. А в Качановке был настоящий культурный оазис, здесь подолгу жили и работали Гоголь, Шевченко, Марко Вовчок, Костомаров, Глинка, Гулак-Артемовский, Маковский, Репин, Ге, Врубель, историк, писатель, ботаник, первый ректор Киевского университета Максимович (между

прочим, питомец новгород-северской гимназии). Переплетенность украинской и русской культур особенно подчеркнула здесь такая подробность: Глинка в 1838 году настолько проникся украинскими мелодиями, что написал на слова Виктора Забины песни «Не щебечи, соловейку» и «Гуде вітер вельми в полі», ставшие народными. А приезжал он в Украину для набора певчих, потому что все знали: таких голосов, как у нас, нет нигде. По соседству, в Сокиринцах, роскошный пейзажный парк, который может соперничать с Тростянецким, но при этом совсем в другом духе. Здесь тоже бывал Тарас Шевченко, здесь жил и умер народный kobzarь Остап Вересай.

На мой вкус, эта группа парков по красоте не уступает Павловскому и Царскосельскому, но те известны на весь мир, а о наших мало знают за пределами Украины. Знают разве что Софиевку — ту, что на Черкасщине, близ Умани — просто потому, что равной ей, наверное, вообще нет на свете. А ведь на территории Украины сотни и сотни значительных и выдающихся достопримечательностей — дворцов, усадеб, крепостей, замков, исторических построек, парков. Большинство из них, к сожалению, пребывают в запустении и ветхости, используются не по назначению, стоят в руинах. Если привести все это в порядок, мы сравняемся по насыщенности памятниками истории и культуры со странами Западной Европы. Вот тогда и повалят в Украину туристы. Ну, да ничего, как говорится, могло быть хуже. Главное, что они есть и они наши, а разбогатеть и все наладить нам никто не сможет помешать.

По шоссе Чернигов—Новгород-Северский проезжаешь древний Седнев. Много лет назад мне показали там место, вдохновившее нашего баснописца Леонида Глибова на песню «Стоїть гора високая», по-моему, одну из лучших песен в истории человечества. Глядя на дивные берега реки Снов, мы с моим спутником попытались представить себе, что бы написал Глибов, если бы тут оказалось «рукотворное море», подмытые берега, вырубленный и затопленный лес, цветущая застойная вода с соответствующим запахом. Такое могло случиться, если бы, например, Десну перегородили у Чернигова плотиной ГЭС, превратив ее «зачарованную» долину в гнилое водохранилище, где буйствуют радионуклиды, а подпор воды дошел бы по Снову, притоку Десны, до Седнева. Может быть, такого плана и не существовало. Но мы слишком хорошо знаем места, где подобные планы стали реальностью.

Если посмотреть на карту Русской равнины, можно увидеть, что две крупнейшие реки на ней, Волга и Днепр, на самом деле вовсе и не реки, а цепочки длинных водохранилищ. На Волге их восемь, на Днепре шесть. Все они образованы плотинами гидроэлектростанций. Первенцем среди них был Днепрогэс. В 1927—1932 годах, когда Днепрогэс строился, много писали о том, что сбывается вековая мечта украинского народа сделать Днепр судоходным от Киева до устья и оросить засушливые запорожские земли. Проклятый Ненасытецкий порог и прочие днепровские пороги будут отныне не страшны речным судам. «Большевик сказал Днепру: я стеной тебя запру, будешь ты с вершины прыгать, будешь ты машины двигать». Впрочем, если бы в 1917—1920 годах победили не большевики, ГЭС у Запорожья наверняка все равно была бы построена. Не обязательно видеть в Днепрогэсе сугубо большевистскую затею, это был очень старый проект. Подобное строительство вообще отвечало духу 20-х и 30-х годов. Тогда весь мир бросился строить ГЭС, в том числе равнинные. Плотины перегородили такие реки, как Рейн, Рона, Дунай, Шеннон (Ирландия), Теннесси (США). И даже Латвия в период своей недолгой межвоенной независимости построила ГЭС на Западной Двине. Но довольно скоро все поняли, как это расточительно, когда под воду уходят большие массивы пахотных земель, пастбищ, лесов, дороги, населенные пункты, храмы, кладбища, памятники культуры, сколько бед приносит подъем грунтовых вод, подтопление фундаментов, засоление, заболачивание. Люди впервые стали задумываться и на экологические темы. Вскоре рыночная экономика все расставила по своим местам, и ГЭС стали строить преимущественно в горах.

Но в СССР не было рыночной экономики. Строительство равнинных ГЭС продолжалось до 80-х годов XX века. Отрицательные последствия этого строительства никак не перевешивают выгоду от роста энергопроизводства. А иногда они просто ужасны.¹¹⁶ Циклопические (или, лучше сказать, фараоновы) стройки оставили свой тяжелый след в Украине и России, видимо, в пропорционально равной степени. Когда я учился на третьем или четвертом курсе, шло заполнение Кременчугской ГЭС, и кто-то из студентов брал осенью академический отпуск — надо было помочь семье переехать из затопляемой зоны. А весной этот студент рассказывал (помню, шепотом) о том, как проходило переселение, как несколько человек наложили на себя руки, и как некоторые люди раскапывали на кладбищах моги-

лы родителей и дедов, чтобы перезахоронить их на новом месте. Он говорил, какое у них было красивое село, как утопало в садах, а на Херсонщине, куда им пришлось переехать, уже никогда такого не будет. На новом месте люди сразу перестали петь, а в родном селе все пели. Кстати, к ним приезжали агенты по переселению, убеждали переехать в Казахстан, в Приморье, еще куда-то за пределы Украины, и кто-то соблазнялся. А некоторые старики говорили, что хотят остаться и пусть это «бісово водоймище» их утопит. Много лет спустя я прочел «Прощание с Матерой» Распутина и сразу вспомнил рассказы однокашника.

В советские годы газеты и телевидение молчали об этих переселениях, о том, что под воду уходили многочисленные населенные пункты. Лишенные информации люди хотели верить, что все у нас более или менее в порядке, есть только отдельные недостатки и пережитки, и «митинговали» исключительно в поддержку Конго, Кубы или Вьетнама. Даже тот студент, о котором шла речь, похоже, не знал (потому что никак не упоминал), что кроме его села под воду ушел старинный городок Новогеоргиевск на реке Тясмин. Он был известен в истории под разными именами, помнил гетманов Дорошенко и Самойловича. Затем он стал уездным городом Александрия, а позже превратился в Новогеоргиевск. Со своими тремя церквями он теперь на дне. Вывезли только памятник Ленину. Я об этом прочел совсем недавно.

Водохранилища Днепровского каскада имеют совокупную площадь 7 тысяч квадратных километров, ненамного меньше целой Черновицкой области, а объем воды в них превышает в максимуме 40 кубических километров. Ширина этих «морей», как их любили называть советские газеты, доходят до 20 и даже 30 километров (Каховское, Кременчугское, Днепродзержинское). Они имеют и заливы. Заливы образовались на месте устьевых участков Ворсклы, Псела и других рек. Движение водных масс в Днепре страшно замедлилось. Сегодня воде, чтобы пройти путь от Смоленска до Херсона, требуются многие месяцы, примерно в 7—8 раз больше, чем до возведения плотин. Это страшно снизило самоочищаемость реки.

Я вспомнил про Кременчугское водохранилище еще и потому, что за последнее время получил подряд несколько связанных с ним тревожных писем. Люди озабочены судьбой замечательного памятника природы общеукраинского значения, горы Пивихи в Кременчугском районе. Пивиха, один из немногих уцелевших остатков древ-

него коренного плато, — это не только самая высокая точка на территории области, но и настоящая сокровищница для геологов и палеонтологов, а также для археологов и историков. Здесь постоянно находят акульи зубы, останки китов, давно вымерших пещерных львов, мамонтов. В пещерах Пивихи жили древние люди. В исторические времена это тоже было знаменитое место. Здесь в 1629 году возник монастырь, известный тем, что отпускал грехи гайдамакам, за что те любили его, поддерживали и, при случае, защищали. И вот уже много лет водохранилище подмывает и разрушает Пивиху.

В письмах, о которых я упомянул, приводятся общие цифры наших потерь в результате появления Кременчугского водохранилища. Затоплено 51,4 тыс. гектаров лесов, 27,8 тыс. гектаров пахотной земли, 51,7 тыс. гектаров сенокосов, 24,3 тыс. гектаров выгонов, под воду ушли многие десятки сел. Люди пишут, что в жаркие летние месяцы многие участки водохранилища покрыты зловонной колышущейся массой — сине-зелеными водорослями. В этом слое мельчайших зеленых частиц гибнет все живое. Водоросли забиваются в жабры рыб, рыба гибнет и отравляет воду. Как следствие, по водоканалу Днепр—Кировоград направляется вода, которая не отвечает государственным стандартам. Чем жарче лето, тем больше этих сине-зеленых водорослей. Они в жару чувствуют себя прекрасно. Анализы показывают наличие в рыбе стронция, свинца, ртути. Один краевед напомнил в своем письме, что были залиты, среди прочего, сотни скотомогильников — а это угроза сибирской язвы.

Ну, что тут скажешь? Бывают ошибки, исправить которые исключительно трудно. Да, под воду ушли сотни тысяч гектаров пашни, которая бы нам очень пригодилась. Если бы они были принесены в жертву одной лишь энергетике, этому вообще не было бы никакого оправдания. Дело в том, что все украинские ГЭС (днепровские и остальные) производят только 5—6% электроэнергии в нашей стране. Но за счет своих водохранилищ ГЭС обеспечивают Украине орошение земель, общая площадь которых достигает 2,6 миллионов гектаров. Преимуществом ГЭС является и отсутствие вредных выбросов в атмосферу. Кстати, меньше всего земли поглотил Днепрогэс, на чью долю приходится более 40% электроэнергии днепровского каскада в целом. Днепровское водохранилище у Запорожья — наименьшее по площади, хотя залитого им тоже бесконечно жаль. Мы уже не можем вернуться в прошлое и отменить строительство днепровских ГЭС.

Наверное, разумно было бы построить вместо них две-три ТЭЦ, а воду для орошения подавать не по каналам, где ее потери непозволительно высоки. На круг вышло бы экономнее гнать воду по трубам с помощью мощных электрических насосов. Но, как метко заметил Леонид Макарович Кравчук, мы имеем что имеем.

Если бы речь шла лишь о затоплении пашни, с этим, пусть и скрепя сердце, можно было бы смириться. Но ведь затоплено нечто большее. На дно искусственных морей ушли Старая, или Чертомлыцкая, Сечь и Новая, или Подпиленская, Сечь (основанная в 1734 году) почти со всеми своими паланками (округами). Ушел на дно и остров Томаковка, он же Буцкий, он же Городище — возможно, первоначальный центр Запорожской Сечи. Скрылся под водой и славный остров Малая Хортица. Кошевой посланец Евсевий Шашол рассказывал в 1672 году в Москве про город Сечь следующее: стоит-де он в устьях рек Чертомлык и Прогной, над речкой Скарбной, обнесен шестисаженным земляным валом с башнями, а в окружности 900 сажен. Одних только кузнецов в Сечи около ста человек. Археологи уже не смогут раскопать мастерские этих кузнецов.

Под угрозой и Большая Хортица. Как мне сообщили, недавно от острова откололся и утонул подмытый водой огромный кусок с трехсотлетней дубовой рощей... Колыбель казачества начала погружаться под воду, словно сказочный Китеж.

Исчезли с лица земли, будто и не было их никогда, множество старых сел, с которыми связано такое славное прошлое. В Апостоловском районе Днепропетровской области исчезло село Кут, одна из улиц которого — редчайший случай для советского времени! — носила имя Ивана Брекало. В 60—70-х годах XVII века этот человек был наказным атаманом Сечи на время отсутствия кошевого атамана Ивана Серко. Не очень крупная, скажем прямо, фигура этот Иван Брекало — тем трогательнее, что вот было место, где помнили и его.

Нет больше речки Скарбной, где, по преданию, запорожцы в каком-то тайном месте укрывали свое казначейство. Исчез целый топонимический пласт — сотни замечательных имен урочищ, речек, днепровских протоков, островков, населенных пунктов. Зато на новых местах переселенцы из зон затопления живут теперь в селах с поэтически-ми именами Ленинське, Радянське, Жовтневе, Сонячне, Перемога.

Но даже это — исчезновение населенных пунктов, памятников старины и исторических названий — еще не все. Ушло под воду само

местообитание запорожских казаков, а это совсем не пустяк. Мы гордимся запорожцами, но уже не можем увидеть то, что видели их глаза, не можем проникнуться их ощущениями. Запорожцы стали теми, кем они стали, во многом благодаря краю, в котором они поселились. Так считал, как мы помним, Гоголь, его слова я приводил в начале этой книги: «Только смелые и поразительные местоположения образуют смелый, страстный, характерный народ». Имел несчастье дожить до гибели этих мест Дмитрий Иванович Яворницкий, лучший историк запорожского казачества, один из создателей моей alma mater, Днепрпетровского университета.¹¹⁷

Но чем помочь горю? Помню, как 5 декабря 1991 года, на том самом торжественном заседании Верховной Рады Украины, на котором были оглашены итоги референдума о независимости, а Леонид Макарович Кравчук принес президентскую присягу, писатель и депутат Олесь Гончар сказал такие слова: «Верится, что на месте гнилых нуклидных морей будут золотиться хлеба народного достатка, благосостояния, цвести сады, сады независимости и свободы».

О, как бы хотелось! Но допустим, мы бы спустили одно (для пробы) из наших антропогенных морей. Сегодня, увы, это породило бы неизмеримо больше проблем, чем решило. За десятилетия были построены новые речные порты и пристани, сложилась целая инфраструктура, теряющая вне берега смысл (не в последнюю очередь — места отдыха, турбазы и тому подобное). Нарушилась бы устоявшаяся система водного транспорта, пострадали бы водопотребляющие отрасли индустрии. Остались бы без воды большие массивы орошаемых земель. После десятков лет пребывания под водой чернозем перестал быть черноземом, он перестал быть почвой вообще, поскольку все органические вещества из него вымыты. После схода вод нам бы открылись не хаты с вишневыми садами, не уютные поля, а миллионы и миллионы тонн зловонного ила, грязи, коряг и прочего топляка, похоронившего под собой все, что нам было дорого в затопленных местах, — картина, пожалуй, в чем-то аллегорическая. При наших сегодняшних экономических трудностях вернуть эти места к жизни, возродить красоту стоило бы совершенно непосильных затрат. И вместе с тем я понимаю, что какое-то следующее поколение обязательно совершит этот последний акт собирания украинских земель.

Мне почему-то кажется, что Россия, имеющая точно такие же проблемы, в этом нас опередит, поскольку у нее больше второстепен-

ных и нерентабельных ГЭС, к тому же не завязанных на орошение, и тогда ее опыт очень нам пригодится. А нам пока что остается лишь укреплять береговую линию, не допуская гибели новых пахотных земель, бороться с сине-зелеными водорослями, стараться снизить содержание в воде радионуклидов, тяжелых металлов, фосфора, хлора (способы существуют), поддерживать региональный ландшафтный парк «Кременчугские плавни», где водятся звери и птицы из Красной книги — выдра, орлан, гоголь, коростель.

ДНЕПРОПЕТРОВСК

Итак, лет в 15 я твердо решил, что стану учителем. Если бы я тогда услышал мнение о непрестижности учительской профессии, то, наверное, страшно удивился бы. Но такое мнение сложилось, по-моему, только к концу 70-х годов, да и то больше в городах. Притом в Украине оно не было столь выраженным, как в России, где постоянно шло обсуждение этой темы в печати. А в наших краях, я бы даже сказал, сохранялась традиция почтительного отношения к учителю, шедшая из XIX века.

То, что я дотянул десятилетку, достаточно удивительно. Ходить три года в Костобоброво и обратно, по 18 километров ежедневно, уходить и возвращаться затемно — не знаю, хватило ли бы на это моего личного упорства, но, к счастью, моя мать была тверда, как скала: во что бы то ни стало я должен окончить школу и ехать в город учиться дальше. Конечно, она боялась за меня, представляя, как я шагаю в одиночку через лес, но что-то в ней пересиливало страх, какая-то неизвестно откуда шедшая убежденность, что так надо, что другого шанса жизнь не даст. Соседи, подозреваю, видели во всем этом чудачество: мол, бьется Прасковья из последних сил одна (моя сестра к тому времени уже вышла замуж), а Ленька, здоровый балбес, мог бы уже работать — так нет же, все еще на шее у матери. Наверное, и родители моих сверстников — некоторые, по крайней мере — относились к моей учебе неодобрительно: дескать, умнее наших хочет быть.

Удивляло их даже не мое стремление учиться, а мое необычное поведение. Если бы в Чайкине имелась десятилетняя школа, желание ее окончить не выглядело бы особенно странным. Вообще пусть меня не поймут так, что мои односельчане плохо относились к образова-

нию, отнюдь нет. Отдадим должное советской власти: еще в 20-е и 30-е годы она создала в людях мощную установку на учебу, которая проникла даже в такие глухие места, как наше, и не пошла на убыль в послевоенное время. Довольно обычной была такая схема: парень с семиклассным образованием идет в армию на три года, оттуда поступает в военное училище — украинцы всегда были охочие до военных карьер. Некоторые умудрялись окончить десятилетку прямо в армии, тем более, что демобилизованные пользовались льготами при поступлении в вузы. Армия была хороша еще и тем, что наш брат колхозник получал после армии заветный паспорт — ведь сельские жители, в отличие от городских, паспортов тогда не имели, и это страшно сковывало людей. Паспорт был как свидетельство о полном гражданском соответствии. Наконец, демобилизованный мог получить прямую путевку в определенный вуз, а там славай экзамены как угодно плохо: тройки уж как-нибудь натянут — и ты студент. Были, конечно, возможности, и не связанные с армией в виде всяких скромных учебных заведений вроде техникума советской торговли, кооперативного, зооветеринарного, индустриально-педагогического, девчата охотно шли в медицинские училища. Короче, и с семиклассным образованием пути закрыты не были, зачем же жилы рвать?

Оглядываясь назад, я благодарю судьбу, что она распорядилась в то время так, а не иначе. Я привык почти ежедневно (почти — потому что можно было иногда ночевать в Костобоброве) в любую погоду преодолевать приличные расстояния, это стало у меня своего рода потребностью и позже переросло в длительные утренние пробежки. Я привык очень рано вставать, ранние подъемы для меня с тех пор не в тягость. То, что я сегодня в хорошей физической форме, я объясняю алгоритмом жизни, усвоенным в те далекие годы, как и многолетней вынужденной умеренностью в еде. Но может быть, еще важнее было то, что каждый мой пеший переход был духовным упражнением. Когда человек идет, он обязательно о чем-то думает. Более того, нередко это единственное время, когда он имеет возможность думать — в остальное время он сосредоточен на своей работе, он читает, пишет, разговаривает (а школьник еще и зубрит), у него нет возможности думать. Четыре часа раздумий ежедневно — это совсем неплохая доза. Отшагаешь, бывало, чуть меньше полпути — появляется костобобровская церковь (она стояла на бугре), идти становится легче. Всякий раз передо мной медленно раскручивалась одна и та же лента пейза-

жа, сменяли друг друга одни и те же подробности. На экране своей памяти я и сейчас могу прокрутить эту ленту в обоих направлениях. Но в том-то и дело, что подробности не были одними и теми же. Они менялись не только от месяца к месяцу, но и ото дня ко дню. Естественно, я тогда не подозревал, что фактически проделываю упражнение, принятое в целом ряде восточных практик самопознания.

Веселее всего было ходить после половодья, когда просохнет земля. В мае и в пять утра светло, и в восемь вечера. Весна уже не робкая, а уверенная, иногда больше похожая на лето. В такие утра свежий ветерок веселит душу, впечатление такое, что идешь по еще не открытой стране, в голову приходят замечательные мысли, образы, идеи и все время кажется, что вот-вот поймешь что-то самое важное.

Я был уверен, что каждый день вижу очень важную часть планеты, о чем люди пока просто не догадываются. Мне предстояло стать здесь учителем, преподавать детям литературу и историю. Плюс географию — поскольку сельский учитель должен быть на все руки. Не исключено, что и физкультуру. На мое решение стать учителем повлияли, конечно, и родственники со стороны матери. Я уже упоминал, что учительницей была ее родная сестра. Когда стало понятно, что я, несмотря ни на что, дотяну до аттестата зрелости, вся родня стала мне советовать идти в университет. Надо сказать, и у меня, и у моих советчиков понятия о высшем образовании были не вполне четкие. Сам я в больших городах еще не бывал, знал только, что там есть институты и университеты, и что университет выше института, а значит, надо поступать в университет. Какое-то представление о факультетах я имел, но достаточно общее.

Сразу было понятно, что я могу поехать только в Днепропетровск, хотя Харьковский и даже Минский университеты были географически ближе, не говоря уже о Киевском. В Днепропетровске жил двоюродный брат матери — близкий человек, у которого можно остановиться на первое время, и это был решающий довод. Дядя работал на железной дороге и жил не в самом Днепропетровске, а на маленькой станции неподалеку, в казенном одноэтажном доме, где обитало еще несколько семей. Я жил у него, пока сдавал экзамены.

Колхоз не очень охотно отпускал молодежь на учебу: считалось, и не без основания, что наш брат уезжает навсегда (хотя я-то как раз искренне планировал вернуться!). Законного способа удержать меня у колхоза не было, но способы, как известно, существуют всякие.

Чтобы вовремя явиться в университет к подаче документов, мне пришлось просто сбежать прямо с сенокоса. К счастью, справку с места жительства давал не колхоз, а сельсовет. Эта справка при подаче документов в вуз заменяла таким как я паспорт.

Помню, словно это было вчера, как подхожу к огромному зданию Днепропетровского государственного университета имени 300-летия воссоединения Украины с Россией, спрашиваю у каких-то ребят, где приемная комиссия филологического факультета, втягиваюсь с ними в разговор, мы знакомимся. Одного зовут Витей, другого Игорем, и они с третьей фразы начинают убеждать меня, что нет никакого смысла идти на филфак, а надо поступать на физико-технический, так называемый «закрытый» факультет. Я бы, разумеется, с презрением отверг такое предложение, если бы не довод, приведенный Игорем (или Витей): «На филфаке ты будешь получать стипендию 180 рублей, а здесь 400!» Стыдно признаться, но этот довод оказался непобедимым — предстояли пять лет жизни на стипендию, помогать мне было некому. В эту минуту все и решилось.

Физико-технический факультет Днепропетровского университета был образован в 1951 году в связи с превращением Днепропетровского автомобильного завода в Южный машиностроительный. Набор 1955 года был особенно многочисленным — 450 человек, но и конкурс составил 6 человек на место. Каким специальностям обучали на факультете, нигде официально не сообщалось. Я сдал экзамены и прошел по конкурсу, но даже со справкой, что я принят в университет, пришлось немало побегать, прежде чем родной колхоз согласился меня отпустить. Получить паспорт без соответствующей бумаги от колхоза было невозможно.

Первые же месяцы учебы показали, что и на 400 рублей прожить исключительно трудно. Читатели, чьи воспоминания не идут глубже брежневских времен, могут решить, что это были неплохие деньги. А вот люди постарше помнят деноминацию 10:1, проведенную в январе 1961 года. То есть, если бы я поступал в университет не в 1955-м, а шесть лет спустя, та же самая стипендия равнялась бы сорока рублям. Цифра, не поражающая воображение. Удивительно ли, что одно из моих главных воспоминаний студенческой поры — это постоянное чувство голода. Как бы я выжил, если бы поступил на филологический? Вдобавок, я впервые заметил, как я одет. И заметив, первое время, пока не сумел одеться, как городской парень, стеснялся куда-

нибудь ходить. Иной раз пригласят, хочется ужасно, но отнекиваешься — физические константы, мол, надо срочно зубрить, боюсь срезаться. Сколько я пропустил вечеров с танцами во Дворце студентов из-за того, что не в чем было пойти, до сих пор обидно вспоминать.

Но прошу обратить внимание: все это совершенно не мешало мне считать себя счастливейшим человеком и быть твердым в своих коммунистических убеждениях. Я уехал из своей деревни на грузовике с картошкой, пришел в университет в парусиновых туфлях на резине, и пожалуйста — мне открыт бесплатный доступ к высшему образованию. Причем образование, которое я получаю, — одно из лучших в своей области по уровню и качеству на земном шаре. И мне еще платят стипендию, предоставили место в общежитии. Я считал это исключительно важным социальным завоеванием, считаю и сейчас. Правда, я тогда не задавался вопросами: а почему в нашу деревню не ходит автобус, почему нет электричества, радио, разве нормально, что я никогда не мог даже мечтать о кожаных ботинках? То, среди чего ты вырос, всегда кажется единственно возможным. Ну, и конечно, я тогда был уверен, что бесплатное образование для простых людей возможно только в СССР и в «странах народной демократии» (позже их стали называть «социалистическими странами»), и нигде больше.

Когда наш курс собрался впервые, все выглядели достаточно бедненько, но довольно скоро между нами выявились настоящие щеголи. Если у меня и была такая склонность, реализовать ее я в те годы никак не сумел бы по причине своего плачевного безденежья. Это длилось долго, и уже работая в КБ, году в 1961 или 1962-м, помню, я не мог повести Людмилу, свою будущую жену, в театр, потому что не имел приличного костюма. Если кто-то найдет в выпускном альбоме нашего курса меня и увидит франта в галстук-бабочке, пусть не обманывается. Склонность у меня, допускаю, была, возможности не было. Хорошо, что для этого альбома не надо было сниматься в полный рост. С другой стороны, лучшее украшение молодости — сама молодость, а хорошо сшитые костюмы — это компенсация за ее уход. Правда, такие вещи начинаешь понимать только задним умом. В студенческие же годы я перестрадал немало.

Но нет худа без добра. Благодаря тому, что я на первых порах почти не участвовал в развлечениях своих товарищей, мне ничего не оставалось, как налегать вечерами на науки. Налегал, как показали ближайшие сессии, не напрасно. Некоторые сильно прослезились уже на

самой первой. Игорь и Витя, убедившие меня идти на физтех, тоже прошли по конкурсу и стали моими однокурсниками. Мы уже 47 лет близкие друзья. Виктор Дмитриевич Хазов сейчас живет в Москве, а Игорь Григорьевич Ханин, наоборот, после того как много лет проработал в Москве, перебрался в Днепропетровск. Игорь и Витя были городские ребята, то есть днепропетровские, а я, естественно, больше общался с народом из общежития, куда меня после некоторых приключений (приключение — это неприятность, воспринятая правильно) все же поселили.

Общежитие — это был могучий клан, готовый за себя постоять, он подразделялся на малые кланы, комнаты. Внутриклановая дружба, естественно, была крепче. Выручали друг друга конспектами, учебниками, деньгами, галстуками, рубашками, запонками, пиджаками (когда надо было, скажем, произвести впечатление на девушку), делились посылками из дому. Моя мать, при всей своей бедности, умудрялась иногда передавать мне посылки — сало, домашнюю колбасу. Были и такие, кому посылки было ждать неоткуда и не от кого, их всегда угощали. Я тут не сообщаю ничего нового или необычного. Почти все, кто пожил в общежитиях, вынесли об этой поро схожие воспоминания, хотя, конечно, каждый может припомнить и две-три неприятные истории. Общежития учили терпимости: не всякий сосед легко переносим, но приходилось учиться его переносить. Плохо, когда непьющий хлопец попадал в пьющую комнату, таких нередко втягивали.

Видимо, у меня на лице была написана такая деревенская простота, что это вызывало желание у ребят более тертых и бывалых меня слегка опекать. Моим самым добрым другом долго был Женя Капинус, старше меня минимум на четыре года и уже отслуживший в армии (он сейчас живет в Запорожье). Женя служил в Германии и хорошо знал немецкий язык. Между нами он считался почти старым. От остальных он отличался тем, что был всегда при деньгах. Видя, что я недоедаю, он меня ненавязчиво подкармливал. Но в нем было что-то вроде комплекса старшего брата, потому что, как мне казалось, иногда он опекал меня немного чересчур. А в общем, повторяю, меня до взрослых лет всегда кто-нибудь опекал, но это было всегда тактично и по-доброму. И вполне кстати — ведь поначалу мне были незнакомы многие городские тонкости. И когда я начал работать в КБ, надо мной как бы шефствовали, этак по-отечески (будучи все-

го на десять лет старше), начальник группы Иваняков и инженер Лизогубов. Оба были из тех, кого я называю коммунистами-праведниками, особенно Лизогубов. Он и с точки зрения дела был исключительно праведным человеком. Рано умер, к сожалению. Надо сказать, что я, потомственный бедняк, все равно умудрялся оставаться порядочным шалопаем, не умел равномерно распределять деньги, и половину месяца жил, а другую выживал. О том, чтобы купить себе что-нибудь, и речи не было. Лизогубов заметил это и стал у меня забирать с каждой зарплаты то ли 5 рублей, то ли 10 (это уже после деноминации), теперь не помню. Через какое-то время вручает мне часы, еще через какое-то — магнитофон. Сам бы я не скопил. Магнитофон был очень кстати: тогда как раз впервые зазвучали песни Окуджавы.

Но я забежал вперед, вернусь к студенческим годам. Несколько человек из общежития, и я в том числе, ходили вечерами разгружать вагоны — классический приработок студентов. В летние месяцы я стал ездить на целину, на уборку урожая, возвращался к началу учебного года. У меня где-то до сих пор лежит медаль «За освоение целинных и залежных земель» и зеленая книжечка-удостоверение к ней. Там можно было подзаработать прилично. Первый свой костюм я купил на целине, кажется, в 1957 году. Из-за целины выбираться в Чайкино у меня получалось в основном на зимние каникулы. Добирался я зайцем, на каких-то «шестьсот-веселых» поездах. Ехал на немислимой третьей полке (или четвертой? — забыл уже, которая последняя, под потолком). Ехал, собственно, вниз, погруженный в народную стихию, но когда раздавался крик «Ревизоры!», в полсекунды взлетал наверх и там старался съежиться и стать незаметным. Ревизоры тоже были не звери, делали вид, что ничего не замечают.

Тут я должен напомнить про еще один плюс былой советской жизни. В СССР не было стыдно быть бедным. Большинство людей, конечно, стремились к достатку, мыслимый потолок которого был довольно низок, но некоторые втайне были только рады отсутствию законных способов обогащения. Это было их алиби, их отговорка. Само устройство жизни как бы избавляло их от необходимости делать какие-то усилия. Исключая 5—6% населения, бедность была столь универсальной и равномерной, что и не воспринималась как бедность. Скорее как норма. Студент, добирающийся куда-то зайцем, вызывал полное сочувствие у всех, включая тех, кто должен был это пресекать. Такое общество ущербно с точки зрения своих перспектив, но в нем,

по-моему, меньше зависти. Хотя, как известно, зависть — один из двигателей прогресса, как лень и страх. Вот и пойми, что лучше.

Чтобы чувствовать себя увереннее, я уже на первом курсе освоил две замечательные городские безделки — аккомпанемент на гитаре и преферанс. Преферанс очень хорошо упражняет память, вырабатывает стратегическое мышление, способность к комбинаторике, к сложным многоходовкам, обучает разумному риску. Играли на очень маленькие деньги, но мне проигрывать все равно было нельзя. Поневоле я научился играть так, чтобы не проигрывать. Кстати, многие городские ребята, сколько ни старались, так толком и не освоили эту игру. Любовь к преферансу осталась у меня на всю жизнь, особенно мизер половить. Мне самому интересно, не забыл ли я это искусство после нескольких лет без практики...

Овладеть гитарой, по сравнению с преферансом, много легче, и я очень скоро оценил, насколько раскованнее стало мое самоощущение. Студенческий песенный репертуар состоял наполовину из городского, дворового фольклора, из песен, придуманных неизвестными сочинителями, как я теперь понимаю, времен нэпа, 30-х годов, военного времени, а также эмигрантами вроде Петра Лещенко. Имело хождение множество песен с вечными сюжетами — о несчастной любви и жестокой судьбине, в том числе блатного происхождения, немало было шуточных. Некоторой популярностью пользовались песни «романтические» — про далекие моря, про каких-то надменных леди, кротких японок, суровых моряков. В герметически запертой стране обязательно возникают такого рода сказки про вольные пространства. Кстати, в этом разгадка феномена Вертинского (киевлянина и, скорее всего, украинца). В свое время я и сам отдал должное такому замечательному явлению, как авторская песня, но все равно далеко не сразу сообразил, чем же импонировал Вертинский с его седыми попугаями, лиловыми неграми, китайчонком Ли и принцессой Ирэн людям советского разлива вроде меня. Лишь с большим запозданием меня осенило, что эти ненашенские персонажи заговорщически кивали жителям СССР: «Не бойтесь, ребята, есть другой мир! На свете много превосходных вещей, помимо соцсоревнования, пленумов ЦК, кумачовых лозунгов и очередей за дефицитом». Из того, что мне нравилась подобная романтика, я делаю вывод: ее зашифрованное послание нашло отклик и во мне, хотя я видел все советское с самой благоприятной позиции, какая только была возможна — ведь больше

30 лет я был участником умопомрачительных советских ракетно-космических программ и нашей успешной гонки с Америкой.

Как это было заведено в советские времена, студентов каждый год посылали на сельскохозяйственные работы, и никто не задавался вопросом: с какой это стати? Мы же первые не задавались. Уборка осенью, прополка весной входили в программу жизни как сессии и каникулы. Ехали, в основном, с радостью, мало кто норовил уклониться. «На картошке» демократизировались отношения между городскими и общежитскими, упрощенная обстановка сближала и спланивала, и, что еще важнее, стремительно развивались романы, еле тлевшие в городе. Некоторые именно по этой причине прямо не могли дожидаться, когда же нас снова пошлют в колхоз. Большой радостью были вечерние костры с пением под гитару. Благодаря им все песни из личных запасов становились общим достоянием. Я обогатился таким образом необыкновенно.

Песенный репертуар нашей студенческой среды был куда менее украинским, чем привычный мне дома. Разумеется, мы пели у костров и украинские песни, но русские явно преобладали. Этот факт, конечно, не ускользнул от меня, но я отметил его просто в ряду других особенностей того нового городского мира, который теперь меня окружал, не сделав из этого тех выводов, которые, вероятно, следовало сделать.

Вообще в годы учебы в университете интерес к украинской тематике пробудился у меня лишь в самой зачаточной степени. На первом месте стояла учеба. Наверное, потому, что даже самым способным ребятам давалась она нелегко — факультет у нас был безумно сложный, не похалтуришь. Даже не пробуй — очень просто можно было вылететь. Но и система, теперь я это вижу, была по-своему гениальна. Советская пропагандистская машина, которая не очень бросалась в глаза, умело отводила внимание людей от «опасных» тем, совершенно так же, как птица отвлекает человека от своего гнезда с птенцами. Перед этой машиной не ставилась невозможная задача — обратить в коммунистическую веру всех и каждого. Видимо, с практической точки зрения было достаточным обращение девяноста процентов населения. При таком соотношении (и при эффективном надзоре) остальные десять процентов благоразумно молчат на публике, давая волю языку только у себя на кухнях, и лишь наиболее отчаянные решаются на противодействие, да и то исключительно мирными средствами.

Основной массе людей во все века и на всех материках свойственно, как сказал Пастернак, «желать, в отличие от хлыща в его существование кратком, труда со всеми сообща и заодно с правопорядком». Людям присущ государственный инстинкт, они склонны принимать наличный порядок вещей, особенно если не знают другого. В 1956 году в парторганизациях читали «закрытое письмо» о культе личности Сталина и его последствиях. Содержание этого «закрытого письма» тут же стало всеобщим достоянием. На это, возможно, и делался расчет, потому что «встроенное послание» письма заключалось в том, что описанные в нем ужасы принадлежат прошлому и больше не вернутся. После 40 лет жизни в непрерывном напряжении людям очень захотелось поверить, что это правда, и они поверили. Последним (как тогда казалось) фактором, не позволявшим расслабиться, была всегда маячившая угроза новой, еще более страшной войны, на этот раз с Америкой.

В конце 50-х, когда я учился в университете, «советский человек» уже полностью сформировался. И этот человек знал слишком много страшного, чтобы не ценить наступившую стабильность. Хрущев подогревал народное воображение обещаниями скорого рая под названием коммунизм, а СССР демонстрировал впечатляющие научно-технические успехи: первую в мире атомную электростанцию в 1954 году, первый искусственный спутник Земли в 1957-м, первое в мире судно на атомном двигателе — ледокол-атомоход «Ленин» (спущен на воду в 1957-м, отправился в первое плавание в 1959-м). В сентябре 1959 года произошло поразившее всех событие — поездка Хрущева в США. Он пробыл там немислимо долго, 13 дней, и общий дух всех речей и выступлений во время его поездки был таков: войны с Америкой не будет.

На фоне всех этих событий и на пороге рая вопрос об употреблении того или иного языка казался мне не столь уж важным, особенно когда речь шла о равно мне доступных украинском и русском. Если я мимолетно и задумывался на эту тему, то скорее всего приходил к утешительным выводам вполне в духе господствующей идеологии («по сравнению с 1913 годом...» и так далее). В том, что весь Советский Союз прекрасно относится к Украине, у меня тогда сомнений не было. Если фильм о войне, в нем, будьте уверены, два друга — русский и украинец, и один обязательно спасает другого, это была советская политкорректность. Да что там фильмы! Вот недавно РСФСР подарила Украине Крым. Какие еще нужны доказательства? Думаю,

так рассуждали тогда миллионы людей. О том, что другие миллионы думали иначе, я еще не догадывался.

Объективности ради не могу не отметить, что в те годы обильно экранизировалась украинская классика. Читать художественную литературу у меня в студенческие годы времени практически не оставалось, но в кино мы все бегали. Вспоминаю, что видел фильмы по произведениям Шевченко («Назар Стодоля»), Квитки-Основьяненко, Карпенко-Карого, Коцюбинского, Кобылянской, Ивана Франко, Леси Украинки. Особенно хорошо я запомнил «Украденное счастье» с Натальей Ужвий и Амвросием Бучмой. Если бы я уже тогда знал, что только 21% городских школьников Украины (по состоянию на 1958 год) учились в украинских школах, думаю, меня бы это поразило и возмутило. Но такие цифры не были в то время доступны, их обнародовали 30 лет спустя. А в годы моего студенчества мне почему-то казалось (или кто-то в этом уверил), что существует норма 50:50, и она тщательно выдерживается. Откуда могла взяться такая басня?

Должен признаться: сам я с первого курса физтеха и до начала 90-х годов украинским языком пользовался очень мало. Преподавание у нас велось на русском, учебники, техническая литература, техническая документация, делопроизводство на «Южном» и «Южмаше» — все это было на русском. Своеобразный язык нашего Чайкина тоже не способствовал поддержанию моего литературного украинского. В общем, за треть века я сильно от него отвык. Однако когда в октябре 1992 года газеты вдруг дружно начали писать, что премьер-министр Украины Кучма не знает украинского языка, что он спешно учит его с преподавателем, это было неправдой. При моей занятости по 15—16 часов в день, каким образом я смог бы выкроить время на занятия с преподавателем?

На самом же деле язык был в моей памяти, никуда не делся. Я в школе имел по украинскому круглые «пятерки», я прочел множество украинских книг — при том, что, повторяю, мне было совершенно все равно, на каком языке читать. Украинский язык у меня хранился где-то до востребования, как база данных в компьютере. В нужный момент щелкнул мышкой, и он вернулся. То есть, когда мне надо было заговорить, я заговорил. Бесспорно, мой украинский «отдает Полесьем», я слегка «акаю» на белорусский лад, а в Украине аканье часто воспринимается как нечто скорее русское (сравните: «Олександр» и «Александр», «Олена» и «Алена», «козаки» и «казаки»,

«робота» и «работа»). Но, по-моему, нам надо привыкать к тому, что кроме киевского и полтавского выговора, в Украине законно существует еще целый ряд других. Мне недавно рассказывали, что в Германии никого не смущает швабское, или саксонское, или баварское произношение того или иного политика. Люди воспринимают их как напоминание о разнообразии Германии. Пусть и мой выговор послужит напоминанием об украинском разнообразии.

Насколько я знаю, в России так называемое фрикативное «г» украинского образца — любимая мишень телевизионных шутников, но отнюдь не преграда к высшим государственным должностям. Так говорили Брежнев и Горбачев. Что же до Ленина, он, как известно, картавил. Про сталинский акцент и говорить нечего — но в список сталинских грехов его акцент никто не включает. Горький сильно «окал», что не помешало ему прослыть великим русским писателем. Пусть и в Украине воцарится более снисходительное отношение к выговору политиков. Например, вместо того чтобы потешаться над чьим-то русским акцентом (а с высоких трибун он сейчас слышится часто), давайте порадуемся тому, что человек уже не первой молодости сумел перейти на украинский язык, что он старается.

Закончу с темой наших выездов на сельхозработы. На прополку и уборку посылали не только студентов. Что совсем уж поразительно, посылали и так называемых молодых специалистов. То есть государство вложило в тебя немалые деньги и теперь должно было бы стремиться получать отдачу, а вместо этого посылает копать картошку. Тебя, молодого специалиста, который, во-первых, пребывает в талантливом возрасте, а во-вторых, должен срочно закреплять усвоенное в вузе, доучиваясь у опытных коллег! Много ли стране радости в том, что ты в день накопишь на несколько рублей картошки (она ведь стоила пять-шесть килограмм)? Такую расточительность, такое экономическое безумие не позволяло себе, кажется, ни одно государство до СССР.

Но мы-то сами, по молодости, не были особенно против, потому что каждый вспоминал, как весело было в прошлом году, и надеялся, что и в этом будет не хуже. Не рвались, конечно, но и драму из этого не делали. Не помню, чтобы кого-то так уж сильно страшил физический труд. Правда, некоторым было непереносимо вставать на прополку в пять утра, особенно после танцев по вечерам. Я уже упоминал, что в студенческие годы на сельхозработах завязывались первые романы. Ну, а у начинающих инженеров дело уверенно шло к бракам.

Что называется, дело молодое. На свежем воздухе как-то больше поводов похохотать, а это тоже немаловажно. Кстати, раньше других, по моим наблюдениям, расхватывают именно хохотушек. Как видно, смешливый, веселый, легкий характер важнее внешности. Или это только в Украине так?

Не миновал своей судьбы и я. В июне 1961-го меня сделали командиром «отряда» молодых специалистов, посланных чуть ли не на целый месяц на прополку — в СССР самые мирные вещи милитаризовали почти подсознательно, отсюда отряды, дружины, штабы. Я должен был следить за трудовой дисциплиной, за тем, чтобы нужды людей полностью удовлетворялись, я должен был организовать их досуг. В КБ «Южное» было много молодежи со средним техническим образованием, принятой на работу после техникума; под моим началом оказались, в основном, такие.

В первые дни непривычные к работе девчонки чуть не плакали от усталости, которую вечером как рукой снимало. Хотя я гонял всех на совесть — ведь нам был установлен план, и его следовало выполнить, — ко мне не относились как к надзирателю. Я привез магнитофон (только что купленный, благодаря Иванякову), гитару и вечерами становился душой общества. Одной маменькиной дочке по имени Люда работа давалась особенно трудно. Если бы я действовал по пословице: «Не ищи жену в хороводе, ищи в огороде», мне следовало бы обойти ее стороной. Но, смотрю, никак не справляется дивчина с заданием, обгорела вся, а еще ей полоть и полоть. В нашем Чайкине я таких чудачек не видел, даже любопытно стало. Помог ей дополоть грядку. Она оказалась родом из Воткинска на Каме, родины Чайковского, даже музыкальная школа, где она училась, была прямо в Доме-музее Чайковского. Когда Люда окончила 8 классов, ее семья переехала в Днепропетровск. Здесь она окончила механический техникум и теперь работала в КБ «Южное». 19 июня у Люды был день рождения, и я преподнес ей охапку красных роз — ради такого случая разорил клумбу перед правлением колхоза. Через год мы поженились, и вот уже почти сорок лет мы с моей русской женой неразлучны.

Год между нашим знакомством и свадьбой дался мне непросто. Мы ссорились, мирились, опять ссорились и опять мирились. Людмила, как на грех, оказалась заядлой театралкой, но у меня, я уже говорил об этом, не было приличного костюма повести девушку в театр, так что вместо театров я устраивал «походы по родному краю». Я дол-

го не мог придумать, как сделать Люде предложение, и однажды представил ее кому-то: «Знакомьтесь: Людмила, моя невеста». Люда страшно изумилась, но от меня не ускользнуло, что ее изумление было радостным.

Ракетостроение, которому я отдал 30 лет, до того как уйти в политику, было идеально советской сферой деятельности — то есть наднациональной. Погруженность в эту сферу естественным образом формировала у меня и моих коллег наднациональный настрой. Нам казалось, что по-настоящему важными являются лишь глобальные политические и военные задачи СССР, решение которых во многом зависит непосредственно от нас. Внутрисоветские, да и мировые, проблемы более низкого, на наш взгляд, уровня выглядели по сравнению с ними мелочью. Бытие определяет сознание.

Полностью погруженный в эту сферу, я поневоле забывал, что на нее приходится сравнительно небольшая (хоть и важная) часть жизни моей родной Украины. То, что в «остальной» жизни царила и усиливалась языковая несправедливость, я стал замечать только в 80-е годы. А заметив, увидел обратным зрением многое, чему раньше как-то не придавал значения. Вероятно, я повторил ход мыслей своего забытого однокашника, который еще на третьем или четвертом курсе пытался выяснить у преподавателя марксизма, почему русский язык «немножко вытесняет» украинский в Украинской же ССР. Мне сразу вспомнились большие торжественные заседания в Киеве, проводившиеся непременно на русском языке и речи высших украинских партийных руководителей, в которых непременно, хотя и без видимых причин, содержались нападки на «украинский буржуазный национализм». Если вы заглянете в Конституцию Украинской Советской Социалистической Республики, то увидите, что ее составители запомнили указать, какой язык является в Украине государственным. Они не написали, правда, что таковым является русский. Тема государственного языка Украины была вообще обойдена.

Меня ждало еще множество мрачных открытий. Одним из них стал Голодомор. Про «голодные годы» я кое-что слышал от матери, но на ее памяти, начиная с гражданской войны, их было столько — а голодные 1946—1949 годы были уже и на моей памяти — что она никак не выделяла специально 1932-й (когда родилась Вера) и 1933-й. Первые подробности про эти страшные годы я прочел не у украинского, а у русского писателя Михаила Алексева, году в 1981-м. В журнале

«Наш современник» печатался его роман «Драчуны», там речь шла о голоде в его родном Поволжье. 1932—1933-й были урожайными годами, но «заготовители» выгребли все, включая посевное и фуражное зерно, и зимой люди начали умирать один за другим, а у живых не было сил копать могилы. Мне казалось, что я читаю про блокадный Ленинград. Из 600 дворов (а «двор» — это могло быть и 10 человек, и даже больше) в 450 не осталось, после двух лет голода, ни одного человека, а в остальных 150 — по одному-два. В брежневское время Алексеев не мог прямо написать про вооруженные заслоны, не дававшие крестьянам уйти в город и тем спастись, но у него есть достаточно ясные намеки на это. Так было во всех хлебосеющих районах СССР, но Украине досталось больше других — наши исследователи доказывают это с цифрами в руках.

Уже в 90-е годы я ознакомился с рядом материалов об украинском Голодоморе, от них волосы встают дыбом. Ужасают свидетельства людей, бывших в 1933 году детьми; они вспоминали, что год был хороший, потому что расплодилось больше обычного ежей и ящериц, их можно было ловить и есть; а еще уродилось много желудей. Мне трудно представить себе более страшный документ, чем секретное письмо наркома земледелия УССР Одинцова генеральному секретарю ЦК КП(б)У Косиору о том, что он, Одинцов, видел своими глазами во время десятидневной поездки по голодающим районам Киевщины (письмо приведено в «Черной книге Украины», ее выпустило издательство «Просвіта» в 1998 году).

Но сильнее документов на меня подействовала книга Анатолия Стреляного «Без патронов». Мне этот очерк сообщил о человеческой природе нечто новое. Он написан по устным рассказам стариков и старух села Старая Рябина Ахтырского района Сумской области (самого автора во время Голодомора еще не было на свете). «У тетки Наталки умерли муж, тесть и два сына. Одному было около пяти лет, другому — около четырех. Меньше, чем за год до того они распевали революционные песни. Станут рядышком на крыльце, оба беленькие, синеглазые, и запоют: “Хоть будэ тяжко, переждемо, нэхай живе коммуна и свобода”. Тетка Наталка прожила почти 90 лет, и не проходило дня, чтобы не вспоминала их и не плакала». Больше всего меня поразило в этом очерке, что жертвы и злодеи-активисты (почему-то их называли «ястребки») Голодомора в старости жили почти как образцовые соседи, ходили друг к другу в гости. «Фаддей Скорык посреди

зимы 32-го выгнал из хаты родного брата с семейством, забрал весь зерновой припас. Мой разговор с ним состоялся как раз в доме этого брата, Тихона, солнечным днем. Фаддей пришел в гости. Это было в 1985 году. Передо мной сидел крепкий старик с буденновскими усами, в кителе сталинского времени, солидный, спокойный». Воистину мы, украинцы, — народ Божий.

Фаддей Скорык разорил и обрек на голод и семью другого своего брата, на этот раз двоюродного. Вывез на телеге все, что было в доме. «За один раз не управился — несколько раз являлся». Но и это еще не все. «Он и семью Ивана Вильшана, за которым была моя тетка Манька, разорил. Ивана в тюрьму турнул, добро в магазин отвез, ее с детьми из хаты прогнал. В войну, при немцах, испугался. Манька рассказывала: “Выхожу в сумерках из хлева, глядь — Фаддей собственной персоной идет, мне кожух протягивает: возьми, возьми, это Ивана твоего кожух! Думал, гад, что немцам пойду донесу на него. Живи, будь ты проклят!”» Он и жил. «Из простых активистов он вылез в бригадиры, за бригадирство его проклинали еще больше, чем за коллективизацию». Уважаемый человек, почтенный старик, желанный гость. И еще: «Каждый мне говорил, что в голод никто никому не помогал — и почти каждый мог вспомнить случай, когда помогали».

Мои прозрения начались вскоре после того, как в моей карьере произошло важное событие. В 1986 году Александру Максимовичу Макарову, гендиректору «Южного машиностроительного завода» исполнилось 80. В советской оборонке было полдюжины знаменитых патриархов, вроде Ефима Павловича Славского («Юхыма», как его звал Хрущев), который до 88 лет руководил министерством среднего машиностроения, или Глеба Евгеньевича Лозино-Лозинского, тоже, кстати, нашего, харьковчанина, в 91 год он был генеральным конструктором НПО «Молния». Он умер 29 ноября 2001 года — воистину на боевом посту. Макаров был из той же неповторимой плеяды. Он, конечно, руководил заводом без скидок на возраст, и мог бы еще руководить, но уже сам склонялся к мысли, что пора передавать бразды правления. Все-таки главный завод в СССР в своей отрасли, невероятная ответственность. К этому времени я уже четыре года был первым заместителем генерального конструктора КБ «Южное», и у меня были некоторые разногласия с генеральным конструктором Владимиром Федоровичем Уткиным. В них не было ничего личного, они носили, как сейчас принято говорить, концептуальный характер,

и я бы не хотел сейчас в них углубляться. Уткин был старше меня на 15 лет, я глубоко уважал его и как конструктора, и как человека, он был достойным преемником Янгеля. Четыре года своей работы в качестве первого заместителя Владимира Федоровича я считаю одним из самых своих плодотворных периодов.

Подбор гендиректора на важное предприятие в СССР всегда был очень долгой процедурой. Поначалу я никоим образом не примеривал на себя эту должность — хотя бы потому, что не было традиции назначать на директорский пост людей из КБ. Когда же моя кандидатура все-таки начала обсуждаться, выяснилось, что Уткин не хочет меня отпускать, у него были на меня какие-то другие виды. А на пост генерального директора он продвигал свою кандидатуру. В конце концов, кандидатур оказалось несколько, и на смотрины стали приезжать самые высокие лица — министр общего машиностроения Бакланов (он сменил Афанасьева, о котором я рассказывал выше), куратор оборонной промышленности ЦК КПСС Строганов, секретарь ЦК компартии Украины и куратор оборонных предприятий Украины Крючков, первый секретарь Днепропетровского обкома Бойко. Макаров им всем сказал, что директором должен быть я. Макарова уважали, и его мнение имело вес. Но ЦК КПУ выступил категорически против моего назначения. Дело объяснялось просто: Уткин был членом ЦК КПСС. Вполне достаточная причина, чтобы республиканский партаппарат принял его точку зрения. Все должно было определиться на расширенном парткоме «Южмаша». На это собрание прибыли несколько партийных функционеров из Москвы и Киева с целью направить обсуждение в «нужное русло». Прорвать «партийную блокаду» удалось благодаря поддержке Олега Дмитриевича Бакланова (кстати, харьковчанина родом) — может быть, потому, что он был не только министр, но и такой же член ЦК КПСС, как Уткин. Подавляющее большинство проголосовало за меня. Так осенью 1986 года я стал генеральным директором «ПО Южный машиностроительный завод имени Л. И. Брежнева».

Мать не дожидая моего назначения какие-то недели, она умерла, как я уже говорил, в июле 1986 года. Я знаю, она была бы рада такой новости — она всегда радовалась за меня, — но восприняла бы ее спокойно. Она всегда говорила: ну, значит, такая планида. Кроме того, она увидела бы в этом еще одно подтверждение того руководства к действию, которое внушила мне в детстве: надо учиться, Леня,

и всего достигнешь. Чем дольше я живу, тем более мудрым мне кажется подобное отношение. Во-первых, планида — она своя всякому человеку и всякому делу. А во-вторых, планида планидой, да только учиться все равно надо. Причем всю жизнь.

В высоких сферах явно продолжалась какая-то интрига, потому что КБ и завод вдруг ни с того ни с сего объединяют и делают Уткина генеральным директором и генеральным конструктором объединения. Я продолжаю быть генеральным директором «Южмаша», но в объединении я — первый заместитель Уткина. У меня не было бы против этого никаких возражений, но дело в том, что завод и КБ живут как бы на разных скоростях. «Южмаш», замечу в скобках, выпускает не только ракеты, у него есть еще и крупное тракторное производство, есть отдельное гражданское производство. Интересы крупносерийного завода, который выполняет государственный план и отчитывается перед Госпланом СССР, могут не совпадать (вернее, не могут полностью совпадать) с интересами КБ, имеющего другие задачи и финансирующегося из бюджета, — заниматься разработками, изготавливать опытные конструкции и образцы. Они должны взаимодействовать в режиме сотрудничества, что и было всегда, их нельзя сшивать, превращая в сиамских близнецов с единой системой кровообращения. Я и по сей день считаю, что это было не производственное, а политическое объединение. Не зря в независимой Украине КБ и завод снова стали самостоятельными. Ну, а тогда у нас с Уткиным поневоле начались недоразумения на почве нестыковки интересов двух предприятий. Но, еще раз повторяю, в этом не было ничего личного. Мы с Владимиром Федоровичем остались друзьями и после того, как его перевели в 1990 году в Москву. Там он последние 10 лет своей жизни возглавлял знаменитый среди ракетчиков институт ЦНИИМАШ «Росавиакосмоса». Кстати, он был действительным членом Академий наук и России, и Украины. Когда Уткин умер, в феврале 2000 года, я приезжал в Москву проводить его в последний путь.

Как выяснилось, через считанные месяцы после моего утверждения гендиректором «Южмаша», в партийные (и не только партийные) органы начали приходить «телеги» на «украинского буржуазного националиста Кучму». В них говорилось, что мне нельзя доверять вопросы, связанные с обороной страны. Насколько я понимаю, доклады в ЦК и «заклады» в КГБ особенно участились в 1989 году, одно-

временно со всплеском чисто производственных разногласий между заводом и конструкторским бюро. Кто-то из КБ пытался одержать победу в этом споре старым добрым способом. На какой-то стадии мои «доброжелатели» добились того, что одну из их «телег» украсила резолюция Горбачева: обдумать использование директора Кучмы на другой работе. Разобраться в накопившихся обвинениях было поручено Льву Николаевичу Зайкову, который к этому времени уже стал членом политбюро ЦК КПСС и курировал оборонку. Зайков сам не захотел в это влезать, спустил в союзные «компетентные органы», а те прислали целую серьезную комиссию. В другие времена все могло кончиться для меня печально, но в том-то и дело, что времена были уже другие, так что вышло много шума из ничего.

Кстати говоря, доносчики, что называется, забегали вперед: мне совсем не кажется, что уже в то время, в конце 80-х, я был вполне национально-сознательным человеком. (По-русски «национально-сознательным» — не вполне то же, что по-украински «національно-свідомим», чуть менее точно, а точнее не переводится; вот и судите, для кого это понятие было актуальнее.) Но я шел к национальной сознательности. В эти годы стали появляться — сперва робко, но чем дальше, тем смелее — публикации о замалчивавшихся страницах нашего прошлого и вчера еще потаенная, ходившая в самиздате литература. Стали переиздаваться книги, формально не бывшие под запретом, но давно превратившиеся в библиографическую редкость. Живо вспоминаю, с каким волнением я прочел написанное во время войны стихотворение Владимира Сосюры «Любите Украину». Мне вдруг представилось, что я учитель, читаю ученикам это стихотворение и стараюсь читать так, чтобы у меня не перехватило горло и я смог бы дочитать его до конца:

Любіть Україну, як сонце, любіть,
Як вітер, і трави, і води,
В годину щасливу і в радості мить,
Любіть у годину негоди.
Любіть Україну у сні й наяву,
Вишневу свою Україну.
Красу її, вічно живу і нову
І мову її солов'їну...
Для нас вона в світі єдина, одна

В просторів солодкому чарі.
Вона у зірках, і у вербах вона
І в кожному серця ударі...
Як та купина, що горить — не згора,
Живе у стежках, у дібровах,
У зойках гудків, і у хвилях Дніпра,
І в хмарах отих пурпурових...
Юначе! Хай буде для неї твій сміх,
І сльози, і все до загину.
Не можна любити народів других,
Коли ти не любиш Україну!
Дівчино! Як небо її голубе,
Люби її кожду хвилину.
Коханий любить не захоче тебе,
Коли ти не любиш Україну.
Любять у труді, у коханні, в бою,
Як пісню, що лине зорею.
Всім серцем любять Україну свою
І вічні ми будемо з нею!

В 1986 году произошли некоторые события, на удивление прочно забытые сегодня. В Москве с 25 февраля по 1 марта происходил XXVII съезд КПСС. Он поставил задачу создать в СССР до 2000 года (эта дата тогда казалась еще бесконечно далекой) производственный потенциал, равный уже накопленному за все годы советской власти, удвоить национальный доход и повысить производительность труда в 2,3—2,5 раза. Сегодня, перелистав книгу с материалами съезда, я удивляюсь, как можно было принимать такое всерьез. Но — принимали. В числе других принимал и я. А ведь что такое производительность труда и как непросто ее повысить, мне, слава Богу, было известно не из учебников политэкономии. Чтобы произошел такой ее скачок, должны были заработать какие-то неслыханные доселе механизмы поощрения инновационных процессов, а руководителям предприятий следовало предоставить полную свободу. Но такая цель не достигается указом или постановлением. Потребовалась бы прямо-таки ювелирная промышленная политика по японскому или южнокорейскому образцу, своего рода управляемая технологическая революция, в результате которой мы (может быть!) получили бы к 2000

году полностью реорганизованную производственную систему СССР. Да и то лишь в том случае, если бы нашлись необходимые средства, притом огромные, а их, как я понимаю, у страны не было. Из общих и обтекаемых слов, какими были написаны «Основные направления экономического и социального развития СССР до 2000 года», конкретные пути к достижению поставленной цели понять было нельзя. Представь сегодня кто-нибудь эти «Направления» в качестве бизнес-плана, его бы подняли на смех. Но все это стало понятно не сразу.

В том же году было принято постановление ЦК КПСС «Об основных направлениях решения жилищной проблемы», в котором было обещано, что к 2000-му (опять же) году — любили в Советском Союзе круглые даты! — каждая семья будет иметь квартиру или дом. Вместе с «Программой развития производства товаров народного потребления и сферы услуг до 2000 года» (она была объявлена немного раньше), обещавшей ликвидацию дефицитов и очередей, три документа образовывали некий торжественный, но ничем не обеспеченный вексель государства, выданный, как я теперь вижу, в расчете на то, что 15 лет — большой срок, и за это время или шах умрет, или ишак околеет.

Перед XXVII съездом КПСС прошел съезд КПУ под тем же номером. Он постановил, что в Украине будет происходить размещение целого ряда новых производственных мощностей в электроэнергетике и практически во всех отраслях промышленности. В постановлении съезда были разумные слова о совершенствовании управления экономикой, ресурсосбережении, техническом перевооружении. В них хотелось верить. Ведь все же все видят, говорил я себе. В слово «все» я еще не вкладывал политическую составляющую, я имел в виду лишь бесконечные болячки советской экономики. Но зная, насколько искренне Владимир Васильевич Щербицкий, тогдашний глава КПУ, старается помочь продвижению в украинскую промышленность наукоемких технологий, я надеялся, что поставленные задачи будут решены — пусть не в назначенный срок, но будут. Меня продолжала гипнотизировать ракетно-космическая отрасль. Я смотрел на нее как на лакмусовую бумажку экономики. Только что была запущена станция «Мир» — очень серьезный шаг вперед по сравнению с предшествовавшей серией орбитальных станций «Салют» и по сравнению с американской станцией «Скайлэб». Раз по космическим программам и ракетам у нас паритет с Америкой, рассуждал я, значит, СССР не может так уж сильно отставать. Нагоним. Ну, и разумеется,

я продолжал верить, что у нас самое справедливое общественное устройство.

Мощных инвестиционных вливаний наша отрасль после двух съездов так и не дождалась, да и прочие высокотехнологичные производства, насколько мне известно, тоже, но мы грешили не на Москву, не на социализм, а на Чернобыльскую катастрофу. Она случилась, как нарочно, той же весной и поглотила бездну средств. Правда, главные аэрокосмические программы хоть и со скрипом, но продолжались. Более того, через два года наши надежды испытали еще один кратковременный всплеск. Миллионы людей помнят орбитальный полет космического челнока «Буран» осенью 1988 года и его идеальное приземление в автоматическом режиме,¹¹⁸ помнят потрясающие кадры: самолет-исполин «Мрія» («Мечта», Ан-225) несет этот самый «Буран» на загревке, как сельская девчонка двухлетнего братца.

Украина внесла немалый вклад в создание системы «Буран—Энергия». Основную стартовую тягу «Энергии» создают блоки А в составе первой ступени ракеты, разработанные в «Южном» и изготовленные на «Южмаше», системы управления ракеты-носителя созданы харьковским НПО «Электроприбор» и так далее.

Программа «Буран—Энергия» могла стать отправной точкой сразу для нескольких новых направлений в освоении космоса. Могла, но не стала. Однако, быть может, какие-то из брошенных тогда направлений еще возродятся. Национальное космическое агентство Украины (НКАУ) несколько лет назад объявило, что в НПО «Южное» ведется разработка двух новых систем «воздушного старта». Речь идет, ни много ни мало, о летающих космодромах. В первом случае стартовой платформой должен стать набравший значительную высоту самолет Ан-124-100 «Руслан» с ракетой-носителем «Ориль» на борту. Эта ракета предназначена для вывода на заданную траекторию одной тонны полезного груза. Во втором случае ракета «Свитязь», запущенная с самолета «Мрія», доставит на орбиту до восьми тонн. Надеюсь, что эти замыслы станут реальностью. Поживем — увидим.

Верно говорят, что не поймет до конца свою страну тот, кто не видел другие страны. Для меня очень важной в этом отношении оказалась моя первая зарубежная поездка. Дело было, если мне не изменяет память, в 1988 году. Конечно, я сравнивал за границу в первую очередь и главным образом с Советским Союзом, но уже и отдельно с Украиной тоже. До 1988 года я, как носитель важнейших государст-

венных и военных тайн, был абсолютно невыездным. Достаточно странно, если вдуматься: множество государственных деятелей СССР были носителями не менее важных, а некоторые, в отличие от нас, ракетчиков, еще и страшных, государственных тайн, но при этом постоянно ездили за границу. Почему же к таким, как я, применялась «презумпция подозрения»? Сейчас бывшие крупные руководители советской разведки рассказывают в своих мемуарах, как они лично, сгибаясь под тяжестью известных им секретов, имен и явок, совершали нелегальные выезды за рубеж, и это не считалось ненормальным. Увы, традиция такого отношения к нашему брату сложилась со сталинских времен. Время от времени эту традицию закрепляло чье-нибудь бегство за рубеж. В 1971 году наделало особенно много шуму невозвращение Федосеева, достаточно крупного специалиста в области радиолокации и систем опознавания «свой—чужой». Он был лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, его разработки имели отношение и к нам, ракетчикам. Такой человек — и вдруг перебежчик! Он попросил убежища во время международной авиакосмической выставки в Ле Бурже под Парижем. Болтать о подобных вещах у нас не полагалось, да и 30 лет уже прошло, поэтому я, если случайно и узнал в то время какие-то подробности, уже их не помню, но все же у меня смутное впечатление, что на авиасалон этого Федосеева отправили, а точнее, выпустили, в порядке то ли исключения, то ли эксперимента, а он, как на грех, возьми и сбеги. Говорили, что у министра, который за него поручился, был инфаркт, а Брежнев был близок к тому. Можно себе представить, какие инструкции последовали относительно зарубежных поездок наших «секретносителей».

Кажется, только Владимир Федорович Уткин раза два был за границей, в том же Ле Бурже, на авиасалоне. Их группой доставляли туда, группой отвозили домой. С точки зрения знакомства с новинками это было полезно, но утверждать, что он побывал во Франции, по моему, не приходилось. В начале 80-х мы, правда, установили связи с Индией, делали для индийцев космические аппараты. Но делали их от имени Днепропетровского университета, а не от имени КБ «Южное». Под эту программу была создана отдельная группа. Как у нас говорили, отморозенная. Сейчас это слово употребляют совсем в другом смысле. Эти ребята ездили в Индию и принимали индийских специалистов в университете. В чем был смысл всех этих хитростей? Что

иностранцы могли увидеть такого, чтобы возликовать: ага, вот он, главный секрет? Дело же не во внешнем виде, главное — технологии, техническое решение, конструктивное решение.

Итак, пятидесяти лет от роду или около того я впервые оказываюсь в другой стране, и эта страна — Италия. Надо помнить пустоту магазинов в те годы в СССР, чтобы представить, прежде всего, потребительский шок, который я испытал. Испытал несмотря на то, что давно уже жил в привилегированных, по советским меркам, условиях. Но все-таки жил я не в безвоздушном пространстве, и представление о состоянии советских прилавков у меня, конечно, было. Сегодня нашим людям, впервые попадающим за рубеж, этот потребительский шок совершенно неведом, их может поразить за границей что-то другое, но уж никак не магазины, и я считаю это замечательным прогрессом.

Наша группа состояла из пяти человек. Нас пригласила одна из аэрокосмических фирм Италии. Меня поразило, что люди на улицах доброжелательны, улыбаются тебе. Что поток машин замирает, когда одинокий пешеход переходит улицу — никто его не матюкает по-итальянски за это, все пропускают. Что из правого ряда можно в несколько секунд перестроится в крайний левый, только сделай знак рукой из окна. Карманных денег мы имели издевательски мало. Руководители концерна всемирного значения не могли себе позволить в кафе заказать мороженое. Спасибо «шведскому столу» в гостинице, он сильно нас выручал.

Я стал задавать себе вопросы: вот эти тысячи благополучных людей, которые снуют по улицам, делают покупки в магазинах, сидят в кафе, едут мимо в своих машинах, они кто — трудящиеся или буржуазия? Если это буржуазия, почему ее так много, и где хоть один представитель эксплуатируемых классов? А если это эксплуатируемые, боюсь, наши люди освобожденного труда охотно поменялись бы с ними местами.

Излишне говорить, что для принимающей стороны и вообще для каждого, с кем нам довелось вступить в общение, все мы были «руссо». Я кому-то объяснял про Украину, перечислял украинских спортсменов, мой слушатель мучительно морщил лоб. Ему точно было известно, что эти спортсмены русские. Украина — член ООН, настаивал я, но, по-моему, собеседник решил, что в мой источник информации вкралась опечатка. Кажется, тогда я впервые ощутил обиду: выходит, что бы ни сделали украинцы, слава все равно достанется русским. Ес-

ли бы нас всех за границей называли «советскими», обижаться было бы не на что. Но словечко не привилось, ничего не поделаешь.

Я вспоминаю свой первый выезд за рубеж как исключительно важный. Именно там я сказал себе, что есть фундаментальные вещи, которые поважнее ракет, стоит на них обратить внимание. Возможно, с моей стороны это было запоздалое открытие, но лучше поздно, чем никогда. А следом явилась и другая мысль: если вынести за скобки итальянскую теплую зиму, Украина в остальном имеет относительно близкие с Италией природные условия, Италия — что-то вроде сильно увеличенного Крыма, причем почвы у нас лучше и всякого рода ресурсов больше. Почему же мы не имеем у себя того, что имеет Италия? Уж не виновато ли в этом наше самое справедливое в мире общественное устройство, наша самая совершенная в мире социальная система, наша Великая Октябрьская Социалистическая Революция? Может быть, мы уже 70 лет энергично движемся в боковой тупик человечества и вот-вот упремся в стену?

В каком-то смысле я вернулся из этой поездки другим человеком. Меня начали интересовать темы, дотоле от меня далекие. Далекие, но все же не полностью чуждые, поскольку занимали меня в юности, до поступления на физтех. Сильно в них погрузиться я теперь не мог бы при всем желании: от раздумий о том, как спасти завод, пухла голова, я без конца мотался в Москву, на моем столе росла гора конверсионных проектов. И все же дремавший во мне гуманитарий проснулся. За последовавшие полтора-два года я пересмотрел множество вех и ценностей. Не сомневаюсь, что все это произошло бы и без итальянской поездки, но она послужила спусковым механизмом, подтолкнула подспудный процесс.

Именно в 1988 году в Украине начался ощутимый рост общественных движений. Устранение цензуры развязало языки, у людей стал быстро выветриваться страх перед властью. А ведь еще так недавно этот страх казался генетическим. Осенью 1988 года начались первые несанкционированные митинги, появились — неслыханное дело! — политические клубы и объединения, в 1989 году возник «Народный Рух Украины за перестройку».

Кто-то хорошо сказал, что реформы — это перемены, произошедшие вовремя. Запоздалые и половинчатые «реформы» в области управления народным хозяйством не решали ни одну из задач, которые были призваны решить, и лишь вносили дезорганизацию в худо-

бедно, но налаженную командно-централизованную систему управления народным хозяйством. Первая модель хозрасчета, вторая модель хозрасчета, третья модель хозрасчета, Закон о государственном предприятии... Если бы все эти модели и законы начали вводить двадцатью годами раньше, да не в спешке и не в прединфарктном состоянии экономики, а осмотрительно, шаг за шагом, какой-то толк из этого, возможно, и вышел бы. Хотя не поручусь. Но про реформы 1988—1991 годов умные люди говорили: это все равно, что в условиях правостороннего движения разрешить отдельным товарищам ездить по левой стороне.

Какое-то время, думаю, в конце 1989 года или в первой половине 1990-го, у оптимистов из нашей отрасли ненадолго возродились надежды: вроде бы дело идет к серьезному, а не символическому разоружению, высвобождаются громадные средства — может быть, часть из них будет направлена на космические исследования? И тогда мы возобновим брошенную лунную программу, будем готовить вместе с американцами пилотируемый полет на Марс, начнем делать орбитальную станцию «Мир—Скайлэб», почему нет?

Эти надежды пришились на незабываемые месяцы. На фоне снижения напряженности в мире накалялись страсти по всему СССР. Украина тут едва ли не лидировала. Некоторые мои коллеги-ракетчики искренне возмущались тем, что какие-то учительшики и «пацаны» из Руха, УРП, УХС, «Общества Шевченко», какие-то шелкоперы из Союза писателей, требуя полного отделения Украины от СССР, могут тем самым опрокинуть и разрушить наше огромное многомиллиардное дело. Но я уже смотрел на вещи по-другому. Внутри у меня что-то произошло, я стал видеть, в чем правда этих «учителишек». Кто именно из моих собеседников выразился столь пренебрежительно, уже улетучилось из памяти, но хорошо помню, насколько сильно это меня резануло. Как бы я ни был увлечен своим делом, мне никогда, ни разу не казалось, что ракетчик выше учителя. Моя детская мечта стать учителем не сбылась, но в том, что учителя — соль земли, я помнил и помню всегда.

Что же до оптимистов-ракетчиков, они — или лучше сказать «мы» — ошиблись. Довольно скоро стало понятно, что космические прорывы были и для Запада, и для СССР частью их глобального военного соперничества. В 1986 году руководство СССР сумело предъявить миру свою «крутизну» в форме станции «Мир» и носителя

«Энергия», а в 1988 году (между прочим, через несколько дней после избрания Буша-старшего президентом США) — в форме многоразового орбитального корабля «Буран». Вместе с днепропетровской «Сатаной» все это произвело нужное впечатление, переговоры о разоружении пошли куда веселее и вскоре привели к результатам.¹¹⁹

Космические исследования, конечно, не остановились, но они стали прагматичнее, страны стремятся объединять свои усилия. Для сокращения расходов используются взаимодополняющие разработки. Международная орбитальная станция «Альфа» тому пример. «Морской старт» с участием Украины — тоже. Благодаря разоружению в мире высвободился большой парк одноразовых ракет-носителей, на рынок коммерческих запусков пришла здоровая конкуренция. Здоровая — это когда расценки снижаются. Правда, парк ракет имеет свойство истощаться, и если не делать новые, придется разорять неприкосновенный запас.

В 1990-е годы обвальное сокращение финансирования и дружные нападки дилетантской «общественности» на аэрокосмическую отрасль сперва СССР,¹²⁰ а затем соответственно России и Украины привели к краху многих проектов и многих надежд. Но это уже другая история. А о том, как «Южмаш» и «Южное» выживали без заказов на боевые ракеты, я рассказываю в этой книге в главе «О ракетах “южан” и высоких технологиях».

Кто-то скажет (и будет, наверное, прав), что я уделяю здесь слишком много внимания ракетно-космической области. Что тут скажешь? Я отдал ей треть века. Это было время героического штурма вселенной, который навсегда войдет в летописи человечества. То, что принято называть «космической эрой» (а она началась, напомним, с запуска первого советского искусственного спутника Земли в 1957 году), по своему значению сопоставимо с эпохой Великих географических открытий. Можно ли представить себе, чтобы кто-нибудь из матросов Магеллана, пусть даже давно расставшийся с морем, перестал постоянно возвращаться к своему кругосветному плаванию? Наверное, я бы спокойнее относился к ракетной сфере, если бы моя причастность к ней ограничивалась только инженерной и конструкторской работой. Но я провел много лет на Байконуре, я провожал ракеты в космос, многие из них взлетали по моей команде, я не могу вспоминать об этом без волнения, не могу быть равнодушным к этой теме.

Но есть еще одна причина. Все отечественные достижения той эпохи считались и были, понятное дело, советскими. После же распада СССР как-то само собой вышло, что гордость за советскую космическую эпопею унаследовала одна Россия — вместе с постоянным креслом в Совете Безопасности ООН и ядерным оружием, хотя ракеты и космические корабли строили, выводили на орбиту и летали на них вроде бы все вместе. Вклад Украины был исключительно велик, и если мы позволим себе о нем забыть, винить в этом нам придется только себя. Россия не обязана слать нам напоминания о нашей славе.

Среди космонавтов был целый ряд украинцев. Попович, Береговой, Гречко, Горбатко, Романенко, Кизим, Добровольский, Викторенко, Левченко, Филипченко, Березовой, Маленченко, Полещук, Арцебарский, Корзун, Волк, Гидзенко, Онуфриенко — перечисляю только тех, кого вспомнил, а помню я не всех, поскольку был мало связан с пилотируемыми полетами. Однако все они числятся сегодня российскими космонавтами. То есть, если смотреть на вещи формально, Украина вправе считать своим только одного космонавта, Леонида Каденюка. Но ведь это глубоко несправедливо и фактически неверно!

Я уже не говорю о том, сколько украинцев было и есть среди генеральных и главных конструкторов и директоров заводов, связанных с космосом. Их, в отличие от космонавтов, я помню каждого поименно, и как раз по этой причине воздержусь от перечисления: список получился бы слишком большим. Для меня совершенно ясно, что «украинская доля» в достижениях советской космической эры была гораздо выше тех 18 процентов, которые составляли удельный вес Украины в населении СССР. Но как вычленишь эту долю? Путем простой каталогизации имен, и только? Этот вопрос, по сути, продолжает уже обсуждавшийся выше — вопрос о границах нашего культурно-исторического наследия.¹²¹

Прощание с СССР.
Является ли Украина
«историческим
должником»

64 МЕСЯЦА

Всю зиму 1989—1990 шла активная подготовка к выборам в Верховный Совет УССР — к первым почти свободным выборам в законодательный орган государственной власти Украины за 70 с лишним лет. Именно этому Верховному Совету предстояло провозгласить независимость Украины, о чем мы, конечно, тогда не догадывались. Верховный Совет предыдущего, XI созыва большую часть своего срока работал по старым правилам, установившимся еще со сталинских времен — то есть, собираясь на очень коротенькие сессии, изображал из себя парламент, не будучи им. Правда, в ходе своих последних сессий и этот декоративный орган стал меняться. В октябре 1989 он практически единогласно принял Закон Украинской ССР о языке, провозгласивший украинский язык государственным. Ну, а уж от нового Верховного Совета все ждали — кто с надеждой, кто со страхом — больших перемен для Украины. Выборы были назначены на начало марта 1990 года, а в феврале состоялся пленум ЦК КПУ, посвященный предстоящему событию. Выступая на этом пленуме (генеральный директор «Южмаша» не мог не быть членом ЦК КПУ), я высказался за то, чтобы новый Верховный Совет, не откладывая, принял закон о полном экономическом и политическом суверенитете Украины как государства. Подобную точку зрения разделили достаточно многие из выступавших. Для нас тогда же придумали прозвище «суверен-коммунисты».

А еще в том выступлении на пленуме я сравнил КПСС с капитаном корабля, который посадил его на мель и теперь не имеет другого выхода, кроме как обратиться к новым лощанам. Надо ли говорить, что после этого выступления на меня ушла очередная «телега» в Москву?

Тревожные, насыщенные событиями полтора года между выборами в Верховный Совет УССР и великим днем 24 августа 1991 года кажутся мне теперь, когда я оглядываюсь на них, бесконечно долгими и томительными. В эти месяцы я уже не сомневался, что Украина придет к полной независимости от СССР. Было очевидно, что активная и сознательная часть нашего общества не согласится на меньшее. Она будет неустанно теребить равнодушных и пассивных (а таких в любой стране всегда большинство), стыдить их за отсутствие национального сознания и нерешительность. Она будет неуклонно расширять число своих сторонников, воевать с твердокаменными, и она победит. Победит, потому что права. Невозможно себе представить, чтобы 50-миллионный народ Украины¹²² мог не разглядеть свой величайший исторический шанс, а разглядев — не использовать. Но как быстро это могло и должно было произойти?

Признаюсь: я не угадал сроков. Вплоть до августа 1991 года не я один был уверен, что процесс вызревания независимости займет многие годы, и думал об этих предстоящих годах с большой тревогой. Слишком много было в этом уравнении неизвестных, слишком непредсказуемы привходящие факторы, далеко не все зависело от самой Украины.

Выглядело очень вероятным, что будет подписан новый Союзный договор, и он превратит СССР в достаточно свободную (противники говорили: рыхлую) конфедерацию. Но на полный развод — так казалось — республики, в первую очередь дотационные, не решатся. Они пойдут в новый союз в надежде на восстановление тех связей, которые гарантировали саму их жизнедеятельность. Единая энергетическая система была в то время политическим фактором первой величины. Украина, правда, сама была донором (еще один довод за независимость), но экономическая привязанность к СССР у нее была даже больше, чем у остальных. В «обновленном Союзе» нас могла удержать и привычка большинства простых людей к жизни под общей с Россией государственной крышей. Нас связывали миллионы и миллионы человеческих уз, и, ко всему прочему, сохранялось подчинение коммунистического руководства республики Центральному комитету КПСС.

Пытаясь представить себе дальнейший ход событий, я полагал, что при свободной конфедерации — то есть в условиях, максимально приближенных к независимости — каждая из республик естествен-

ным образом натопчет свои тропы на травке свободы, наладит новую систему связей, выдвинет новую национальную элиту и лишь тогда, без страха перед неизвестностью и неуправляемым хаосом, шагнет к полной независимости. За это время и Россия свыкнется с мыслью, что каждая из бывших республик СССР — отрезанный ломоть, что обратного слияния не будет, но это не помеха самым добрым отношениям. Привыкнуть к той или иной поначалу невыносимой мысли — великое дело.

По-моему, многие «суверен-коммунисты» видели наше будущее примерно так же. И конечно все мы опасались травматической и неадекватной реакции Москвы. Но стало происходить нечто другое. Как говорится, жизнь богаче.

Уже в 1990 году у Москвы пропало желание усиливать или хотя бы сохранять единство производственных комплексов и кооперационные связи Украины и России — то есть именно то, что могло, как тогда казалось, удержать нас от «государственного развода». Наоборот, руководство РСФСР само стало делать шаги к обособлению. Сегодня кому-то это кажется неправдоподобным. Постепенно стало принято думать, что российская сторона предпринимала все, чтобы СССР не распался. Но бывший премьер СССР Павлов, вспоминая 1990 и 1991 годы, утверждает (и правильно утверждает), что «наиболее активным и последовательным тараном сепаратизма выступало российское правительство во главе с Иваном Силаевым».¹²³

Чем больше я думаю о событиях между черныбыльским взрывом и августом 1991-го, тем более поразительными кажутся мне эти 64 месяца. Это было время, когда происходили события, казалось бы, невозможные и не происходили, казалось бы, неизбежные. Верующим людям проще, они говорят: таков был промысел Божий. Люди циничного образа мыслей ищут объяснения происшедшему с помощью теории заговоров. Мол, если кто-то воспользовался тем или иным событием, значит, он сам же это событие тайком и подстроил. Мне самому куда ближе первое объяснение, но в такой редакции: время независимости пришло, и никакие силы на свете уже не могли помешать рождению новой Украины.

Но это сейчас нам легко рассуждать, а в то время все опасались большого кровопускания. Уже в апреле 1989 года спецподразделения Советской армии пролили кровь сторонников независимости в Тбилиси. Ужасным было начало 1990 года. На глазах у всего мира про-

изошли сперва армянские погромы в Баку, а затем власть в азербайджанской столице перешла к комитету обороны азербайджанского Народного фронта. Едва это случилось, в город ворвались танки генерала Лебеда. Погибло много людей. В мою память врезалась 13-летняя девочка Лариса Мамедова. Она была убита вместе с отцом, водителем троллейбуса. Были разгромлены все азербайджанские национальные движения и партии, в том числе демократические, не имевшие отношения к резне армян. Словно бы всему СССР давался показательный урок: учтите, любые попытки захвата власти явочным порядком гарантируют именно такой финал.

Впрочем, это же подталкивало на путь легитимности или максимального приближения к ней. Имелась статья 72 конституции СССР, которая закрепляла за республиками право свободного выхода из СССР, имелись высшие законодательные органы республик, верховные советы. Коммунистической системе пришла пора платить по счетам за имитацию демократии.

Но сохранялась опасность провокаций с самых разных сторон. Тревогу внушали радикалы. Они появились на противоположных краях политического спектра. Радикал всегда готов умереть за святое дело, по крайней мере, на словах, и при этом не видит причин, почему бы и вам тоже не умереть за святое дело. Любая попытка отстоять свое право бороться за святое дело живым воспринимается как трусость и предательство. Замечу в скобках: тот факт, что кто-то готов отдать свою жизнь за некое дело, ни в коем случае не является доказательством того, что дело это святое. В ряде республик появились всякого рода «интердвижения», готовые сохранить СССР любой ценой. В России на той же позиции стояла депутатская группа «Союз». Стал набирать силу Русский национально-патриотический центр (его возглавил человек с исконно российской фамилией Лысенко — это он через несколько лет будет рвать украинский флаг на заседании Госдумы), баркашовцы, националистический Союз офицеров, в конце концов запятнавший руки кровью, и другие довольно многочисленные организации.

В начале лета 1990 года меня вызвал председатель Верховного Совета УССР и первый секретарь ЦК КПУ Владимир Антонович Ивашко. Мы хорошо знали друг друга: в 1987—1988 годах он был первым секретарем Днепропетровского обкома и сделал для «Южмаша» много хорошего. Разговор был, по-моему, в присутствии Станислава Ива-

новича Гуренко. Ивашко сказал, что хочет прямо завтра предложить Верховному Совету мою кандидатуру на пост председателя Совета министров. В то время подобные слова означали гарантированное премьерство. Хотя предложение было неожиданным, мне не надо было долго размышлять. Я поблагодарил за доверие и отказался, ибо твердо знал, что на посту предсовмина УССР у меня было бы меньше свободы и инициативы, чем у себя на «Южмаше».

Должность председателя Совета Министров УССР была политической только по форме — по содержанию это был чисто административный пост. По сути, в УССР не было государственной машины как таковой. Ее заменял управленческий аппарат, рассчитанный на управление регионом, пусть и огромным, но не государством. Да и экономика Украины была не более чем фрагментом экономики общесоюзной: в предшествующие десятилетия было сделано все, чтобы хозяйство УССР стало даже теоретически невычленимым из хозяйства СССР. Масштабу аппарата соответствовал и масштаб украинского государственного деятеля до 1991 года. Когда Горбачев пригласил Ивашко на должность своего заместителя, тот немедленно согласился — Владимира Антоновича стала тяготить ответственность, вроде бы не предусмотренная его киевской должностью, но вдруг неведь откуда возникшая. Он не выдержал того накала политической борьбы, того давления, совершенно непривычного для деятеля республиканского масштаба, которое царило в Верховном Совете УССР в дни обсуждения Декларации о государственном суверенитете Украины.

Напомню, как это было. Верховный Совет УССР, избранный в начале весны, начал свою работу 15 мая 1990 года. Это был первый многопартийный Верховный Совет, хотя абсолютное большинство осталось у коммунистов. Декларация о государственном суверенитете Украины была принята 16 июля 1990 года, больше чем за год до Акта о независимости; она имела ограниченное политическое значение (ее даже называли «декларацией о намерениях»), но была очень важна психологически. В июле же, с 2-го по 13-е, в Москве происходил XXVIII и последний съезд КПСС, съезд раскола. Именно на нем из партии вышли Ельцин, Собчак, Попов, кто-то еще. В Киеве кипели не меньшие страсти. Нас подзадоривал пример россиян, уже провозгласивших декларацию о суверенитете РСФСР. Расклад сил показывал, что хотя наша Декларация не имеет шанса получить статус кон-

ституционного акта, она откроет возможность провозгласить верховенство законов УССР на украинской территории над общесоюзными. Предстояла настоящая битва, и вдруг, за три или четыре дня до голосования, мы узнаем, что первый секретарь ЦК КПУ и председатель Верховного Совета УССР оставляет обе свои должности и остается в Москве, поскольку утвержден заместителем генерального секретаря ЦК КПСС. Мне до сих пор жаль, что В. А. Ивашко поступил таким образом: я уверен, что он мог еще много сделать для Украины. На моей памяти случай с Ивашко — последний прецедент перекачки административно-государственного ресурса из Украины в Москву.¹²⁴

Удивительно, но я не помню какой-то особой напряженности в летние недели перед путчем. Более того, было ощущение (или это теперь так кажется?), что она слегка пошла на убыль. Как-то приутихли и основные межнациональные конфликты. Новый Союзный договор казался делом решенным и воспринимался как меньшее зло по сравнению с неуправляемым распадом СССР. Полная независимость оставалась еще целью за далеким горизонтом.

Не ожидая особых потрясений по крайней мере до зимы, я решил, что могу себе позволить долгожданный отпуск, и отправился в Трускавец. Но наслаждаться отпуском довелось всего несколько дней. Рано утром 19 августа я услышал по радио обращение Государственного комитета по чрезвычайному положению и сразу подумал, что мы впредь будем делить нашу жизнь на «до 19 августа» и «после». Немедленно вызвал самолет и, по-моему, в конце того же дня был уже в Днепропетровске, на заводе.

Разумеется, не оставляло тревожное чувство. Если путчисты проявят упорство в своем желании вернуть нас в прошлое, для достижения этой цели им неизбежно придется прилагать самые большие усилия. Эти усилия все равно кончатся ничем, но дров будет наломано исключительно много. Украина за 3—4 года стала другой, и сделать ее прежней невозможно. Бетон невозможно превратить обратно в цемент, песок и воду.

Снова и снова я пытался представить себе возможную реакцию своих земляков — начиная от односельчан и кончая коллегами по работе. Странное дело, но даже хорошо их зная, я не взялся бы предсказать их решение в условиях свободного выбора: жить и дальше в СССР или рискнуть отправиться в независимое государственное плавание. Но я совершенно точно знал, какова будет их реакция на

попытку навязать нам СССР силой. Мы, украинцы — упрямый народ, наше упрямство вошло во многие поговорки. Когда нас к чему-то принуждают, мы поступаем наоборот. Я вдруг ясно понял, что вопрос о нашей независимости решился в этот день окончательно и бесповоротно. Но что нас ждет в промежутке? Танки на улицах Киева и Львова? Чистки? Показательные суды? Каждого члена КПСС спросят за каждый его шаг и поступок в течение трех последних лет? Что ждет «Южмаш»? Восстановится союзное подчинение? Кто станет проводить чрезвычайное положение в жизнь? Наверное, такие люди выдвинутся повсюду, сверху донизу — и в Днепропетровске, и в Киеве, и в Москве, подобно тем «верным ленинцам», которые выдвинулись в Чехословакии в 1968 году. От вопросов пухла голова.

Я звонил в Киев и сперва получал уклончивые ответы. Я злился, но, как выяснилось, зря: позже стало понятно, в чем было дело. Оказывается, в 9 утра 19 августа в кабинет Л. М. Кравчука с требованием ввести чрезвычайное положение в Украине явились командующий Киевским военным округом генерал Чечеватов, первый секретарь ЦК КПУ Гуренко и прилетевший из Москвы генерал армии Варенников. Кравчук спокойно объяснил посетителям, что, согласно конституции УССР (он показал ее гостям), чрезвычайное положение может ввести только Верховный совет республики, а председатель Верховного совета подобными полномочиями не обладает. Вслед за этим, в телевизионном обращении, он призвал народ Украины к гражданскому миру, взвешенности и порядку, убеждал сохранять спокойствие, единство и сплоченность, а главное — не допустить кровопролития. Позже нередко приходилось слышать, что Кравчук чуть ли не поддержал путчистов. Это не так. Скорее можно сказать, что он усыпил их бдительность. Гекачеписты решили, что призывы Кравчука к сдержанности адресованы исключительно сторонникам независимости.¹²⁵ Леонид Макарович поступил мудро, напирая на необходимость соблюдать конституционную процедуру. Если бы он с порога заявил, что не позволит ввести чрезвычайное положение, командующий Киевским округом Чечеватов мог бы объявить военное положение. У него были соответствующие полномочия от министра обороны СССР Язова, а войска к Киеву уже были стянуты.

Секретариат ЦК Компартии Украины разослал в обкомы и в Киевский горком шифротелеграммы: «В связи с введением в стране чрезвычайного положения важнейшей задачей партийных комитетов

является содействие Государственному Комитету по Чрезвычайному Положению в СССР... Необходимо руководствоваться Конституцией и законами Союза ССР [заметьте, не Украинской ССР! — Л. К.], документами, издаваемыми Государственным Комитетом по Чрезвычайному Положению... Всякие демонстрации, митинги, манифестации, забастовки должны быть исключены... Сегодня ключевым вопросом является сохранение Союза Советских Социалистических Республик... Любые действия, направленные на подрыв Союза, должны пресекаться... Принимаемые руководством страны меры отвечают настроениям подавляющего большинства трудящихся и созвучны с принципиальной позицией Компартии Украины». Коммунистическая верхушка настолько утратила всякую уверенность в своей правоте, что не отважилась обратиться к рядовой партийной массе. Ее полную импотенцию подчеркнуло и то, что даже в решающий для себя миг она ни на йоту не отошла от привычной лексики, не нашла ни одного живого слова.

В дни путча совершенно не было слышно о втором после Горбачева лице в КПСС, заместителе генерального секретаря Владимире Антоновиче Ивашко. Ожидали, что он вот-вот появится в Киеве, но он не появился. Лишь потом стало известно, что накануне событий, 18 августа, он был прооперирован по поводу щитовидной железы и все решающие дни провел в реанимационной палате.

Мало кто обратил внимание на одну подробность, но мы на «Южмаше» не могли не обратить. 20 августа по телеканалам прошло сообщение, что у Валентина Павлова гипертонический криз, в связи с чем исполнение обязанностей премьер-министра возлагается на его первого заместителя Валерия Догужиева. Получалось, что в ГКЧП уже два видных ракетчика — Бакланов и Догужиев. Валерий Хусейнович в 1988—1989 годах был министром общего машиностроения, причем как раз после Бакланова. К счастью, среди обвиняемых по делу ГКЧП Догужиева не было. А вот Бакланова, угодившего в «Матросскую тишину», мне было ужасно жаль. Это обаятельнейший человек. Уверен, что он оказался в ГКЧП просто в силу своей должности — как секретарь, курирующий оборонные вопросы, и как заместитель председателя Совета обороны при президенте СССР. Я достаточно тесно работал с ним, чтобы утверждать, что он никогда не лез в политику, даже в самый бурный период перестройки — как человек, слишком занятый проблемами военно-промышленного комплекса,

ракетами, космическими аппаратами и так далее. Мне приятно добавить, что сегодня Олег Дмитриевич является одним из руководителей Общества дружбы и сотрудничества народов России и Украины и соучредителем российского Фонда содействия экономической интеграции с Украиной.

Попытка государственного переворота в августе 1991 года не стала трагической датой в истории отношений Украины и России благодаря мужественной позиции российской демократии. Уже утром 19 августа было обнародовано обращение руководства РСФСР «К гражданам России». Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) был назван в нем самозванным и незаконным. Всякому, кто выступит против ГКЧП, Ельцин гарантировал «правовую защиту и моральную поддержку». Еще через три часа Ельцин, стоя на танке, подписал указ, где создание ГКЧП расценивалось как государственный переворот, его члены объявлялись государственными преступниками, а все распоряжения — не имеющими силы. Москва превратилась в центр сопротивления мятежу. Отпор, который получил ГКЧП в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде и множестве других мест, и та решимость, с которой сотни тысяч россиян встали на защиту демократии, воистину спасли честь России. Весь мир увидел ее новое лицо.

Зрелище подъемного крана, срывающего с постамента поздно вечером 22 августа статую Держинского, да еще в прямом эфире, стало «шоковой терапией» для душ и умов не одного миллиона людей. И я бы покривил душой, если бы сказал, что события 19—22 августа в Москве не оказали сильнейшего влияния на Украину. В Украине сторонники ГКЧП так, к счастью, и не отважились на сколько-нибудь резкие телодвижения. А не отважились, думаю, благодаря тому, что нынче телевизионный век. Уже вечером 19 августа они слишком ясно увидели заговорщиков в одинаковых костюмах, увидели их лица без признака уверенности в своей правоте и трясущиеся от страха руки «и. о. президента» Янаева.

Боюсь, правда, что эти трясущиеся руки породили слишком простые выводы, и я готов с этим выводами поспорить. Говорят, была какая-то оперетка, жалкие дрожащие пугачисты, не имевшие никакой поддержки, так что и справиться с ними ничего не стоило. На самом деле все обстояло куда серьезнее. Думать, будто идея восстановления СССР в прежнем виде не пользовалась ничьей поддержкой (после 70

лет его существования!) просто нелепо. 19 августа были готовы к действию целые армии, тайные и явные, были готовы партийные структуры, МВД и КГБ республик и областей. В этот день напряглась бесчисленная молодая номенклатура, только-только подобравшаяся к главным кормушкам и не согласная так легко поставить крест на своих надеждах. Очень многие с восторгом предвкушали, как они будут громить ненавистных «демократов», устроят кровавую баню «народным фронтам» и «рухам», журналистам, националистам, кооператорам и прочим гнидам. Но устроят не иначе как по приказу, причем непременно письменному. Никто бы не кинулся делать это очертя голову — последние моджахеды коммунизма в СССР были истреблены еще во времена сталинских чисток, а новые в подобных условиях не рождаются.

Время шло, однако приказа не было и не было. ГКЧП не решался взять на себя страшную ответственность — ведь он с самого начала рассчитывал, что демонстрация силы заставит руководство республик отказаться от сепаратистских планов и склонит их к сохранению СССР. Но в самую первую очередь ГКЧП хотел запугать российское, ельцинское руководство. По мысли крючковых и лукьяновых, укрощение демократической России испугало бы и привело к повиновению всех остальных. Что касается сил, их бы хватило. Генерал Ярузельский в декабре 1981 года, располагая не очень многочисленными надежными частями, за одну ночь парализовал огромную, разветвленную систему антикоммунистического профсоюза «Солидарность» и взял непокорную Польшу под полный контроль, тем самым, может быть, предотвратив ввод советских войск (представителем КГБ в Польше в этот момент был как раз Крючков).

Кстати, многие «на просторах родины чудесной» успели-таки испугаться. Даже крайне антимосковски настроенный президент Грузии Гамсахурдиа заявил, что готов к сотрудничеству с ГКЧП. Если бы Ельцин тогда сморгнул или предложил «переговоры», «взаимоприемлемый консенсус» или еще что-нибудь столь же жалкое, худо пришлось бы всем республикам. Но Ельцин ничуть не испугался, а сразу стал напористо наступать. Вот тогда-то у заговорщиков и затряслись руки. И все равно момент был исключительно опасный. Во время злосчастного эпизода в Москве, когда погибли трое молодых людей, кто-то из командиров вполне мог отдать приказ стрелять по толпе, у кого-то сдали бы нервы, покатился бы неуправляемый вал

событий. Тогда и у нас какой-нибудь командующий военным округом (не обязательно Чечеватов — на территории Украины было три округа: Прикарпатский, Киевский и Одесский плюс Черноморский флот) мог решить, что пора и ему проявить небольшую инициативу, чего тянуть?

Все попытки «Народного руха Украины» и молодых демократических партий добиться, чтобы Президиум Верховного Совета УССР выступил с осуждением путча, ни к чему не привели. Большинство членов Президиума осторожничали, тянули время, выжидали. В этих условиях «Рух» призвал граждан «создавать организационные структуры активного сопротивления», а Союз украинских студентов в обращении к Верховному Совету заявил, что намерен начать «акции гражданского неповиновения». После несостоявшегося штурма московского Белого дома в ночь с 20 на 21 августа, когда стало ясно, что переворот провалился, спохватилось и руководство Верховного Совета УССР. 22 августа его Президиум решил созвать через два дня внеочередную сессию Верховного Совета. Я, как и все депутаты, получил вызов на сессию и, естественно, не медлил ни минуты. Начиная с этого момента у меня не было сомнений, что на предстоящей сессии будет провозглашена независимость Украины. Думаю, большинство депутатов рассуждали в эти дни примерно одинаково: «На этот раз пронесло, но почему судьба Украины и дальше должна зависеть от событий, происходящих за ее пределами?».

Историческая сессия Верховного Совета, на которой была провозглашена независимость Украины, описана уже много раз и многими людьми, так что я вряд ли смог бы добавить что-то новое. Могу сказать одно: я испытывал огромную гордость и чувство приобщения к истории. Не стану утверждать, что не было тревоги. Выходило как-то уж слишком легко и просто. Даже подозрительно просто — собрались, проголосовали, стали независимы и спустились в буфет. Хотелось себя ущипнуть. Как?! Освободительная война Хмельницкого, отчаянная попытка Мазепы, Гетманщина, Кирилло-Мефодиевское общество, государственность 1917—20 годов, декларация независимости Закарпатской Украины 1939 года, обреченная и трагическая борьба Украинской повстанческой армии, умиравшие в лагерях диссиденты, весь горький и страшный XX век... А в конце этого пути — ни единого выстрела, светлый торжественный зал, слегка взволнованные народные депутаты, никакого противодействия ниоткуда. За

независимость подано 346 голосов (при конституционном большинстве 300), против — 4 голоса, остальные воздержались, все крайне просто. Чуть не сказал «буднично». Нет, буднично, конечно, не было: вся Украина собралась тогда у телевизоров и радиоприемников, шла прямая трансляция нашего заседания, толпа стояла и перед зданием Верховного Совета. Но все-таки.

У тогдашнего единогласия было много причин. Среди них называют даже такую: в 1991 году было немало членов КПУ, откровенно опасавшихся стремительно идущей по антикоммунистическому пути России Ельцина и надеявшихся путем выхода из СССР сохранить в Украине некий «коммунистический заповедник». Наверное, было и такое. Несомненно, имел место конъюнктурный страх оказаться в меньшинстве и тем поставить крест на своей дальнейшей политической карьере. Но я не согласен с теми, кто утверждает, будто таковы были мотивы большинства. За таким утверждением — попытка принизить и обесценить одно из важнейших событий нашей истории. Главная причина депутатского единодушия была в ясно осознанном всеми образе свободной Украины, до которой впервые оказалось — вот, рукой подать. Этот образ никого не мог оставить равнодушным. Все мы в этом зале были дети Украины.

На меня тогда произвела большое впечатление речь академика Юхновского, который представлял оппозиционный блок «Народная рада». Вполне допускаю, что если бы не те эмоциональные упреки в нерешительности, которые он адресовал коммунистам и лично Кравчуку, число воздержавшихся могло оказаться существенно больше. Воображаю, какой бы это был позор для нас, если бы Акт о независимости Украины не добрал один или два голоса до конституционного большинства. Я подумал в тот момент, что этот умеющий убеждать аудиторию физик вполне подходит на должность президента Украины. В 1945 году он был солдатом-подрывником, а 20 лет спустя стал доктором физико-математических наук. Я бесконечно уважаю таких людей. На первых в Украине президентских выборах я был доверенным лицом Игоря Рафаиловича Юхновского, кандидата в президенты Украины.

Эти выборы прошли 1 декабря, одновременно с референдумом, на котором каждый житель Украины мог выразить свое отношение к Акту о независимости. Почему недостаточно было принятия этого Акта Верховным советом? Верховный Совет — это замечательно, но

Верховный Совет — еще не народ. 1 декабря за независимость проголосовал именно народ, единственный источник власти. Если бы наша независимость и дальше базировалась только на решении «номенклатурного» (в основном) Верховного Совета, избранного в условиях СССР начала 1990 года, ее законность оставалась бы уязвимой. Годы и десятилетия нам бы потом твердили, что это была импровизация, порожденная растерянностью, что мы не выражали волю украинского народа, и наша независимость, таким образом, не проявление исторической необходимости, а случайность.

После того как 90,32% участников референдума — 28 миллионов 804 тысячи 71 человек¹²⁶ подтвердили Акт о независимости, подобные разговоры стали невозможны даже теоретически. «Момент истины», наступивший в августе 1991 года, открыл глаза миллионам и с небывалой силой, как никогда в истории, сплотил народ Украины.

Что касается президентских выборов, на них, как известно, победил Л. М. Кравчук, получивший 61,59% голосов. Чорновил получил 23,27%, Лукьяненко 4,49%, Гринев 4,17%, Юхновский 1,74%, Табурянский 0,57%. Третьего декабря 1991 года, сразу же после оглашения итогов референдума, Россия заявила «о признании независимости Украины в соответствии с демократическим волеизъявлением ее народа» и выразила надежду на скорейшее установление дипломатических отношений. Правда, Канада, Польша и Венгрия опередили Россию в признании Украины, но поскольку речь шла буквально о часах, мы не были в обиде. До проведения референдума формально уже вроде бы независимую Украину не признало ни одно государство мира. В течение декабря нас признали 68 стран.

Строго говоря, и день нашей независимости правильнее бы праздновать не 24 августа, а 1 декабря. Этот вопрос обсуждался. Во время дискуссии предлагалась и другая точка отсчета: 22 января 1918 года — день провозглашения независимости Украинской Народной Республики, и в этом было немало логики. Этот день вдвойне символичен, потому что год спустя, день в день, было провозглашено объединение Украинской Народной Республики и Западноукраинской Народной Республики. Эта дата напоминала бы нам, что не Сталин нас соединил в одно государство (да еще, как намекают некоторые, искусственно), что украинцы однажды, пусть и ненадолго, но сделали это своей волей и своим героическим усилием. Этот день,

день Злуки, с не меньшим основанием можно было бы назвать днем Украины.

Я, помню, был за то, чтобы День независимости праздновался в тот день, когда это решение принял народ, а не в тот, когда это решение приняли 346 человек. Но кто-то из депутатов сказал: «Раз уж есть выбор, давайте выберем лето. Праздновать летом куда приятнее, чем в декабре или январе. Снег, дождь, слякоть или сильный мороз не настраивают на праздничный лад». В этом доводе тоже был свой резон, и он в конце концов перевесил.

То, что на президентских выборах за Юхновского проголосовало немногим больше полумиллиона человек, меня не удивило. Я почти сразу увидел, что шансов на победу у него нет, но поддерживал его по принципиальным соображениям, как лидера демократической парламентской оппозиции. Напоминаю об этом сейчас потому, что устал читать о себе, будто я всегда примыкал исключительно к «красным директорам». В 1992—1993 годах, когда я возглавлял правительство, Игорь Рафаилович был первым вице-премьером.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: наверное, все же хорошо, что в декабре 1991 года во главе Украины стоял Кравчук. Всего через неделю после своего избрания он сделал то, что, боюсь, едва ли бы удалось неискушенному в политике Юхновскому. Вчерашние партийные функционеры, как известно, куда легче понимают друг друга. Кравчук привез нам из Беловежской пуши, если вдуматься, отпускную грамоту от России. Документ, подписанный им, отменял не только Союзный договор 1922 года. Он отменял, в широком историческом смысле, все, что когда-то привязывало Украину к России, — все Переяславские трактаты и присяги, все Коломацкие статьи, все акты Малороссийской коллегии, все связанные с Украиной законы Российской империи — эти акты хоть и давно принадлежали прошлому, но сохраняли для кого-то символическое значение.

Юридически СССР был ликвидирован не 7—8 декабря в Беловежской пуше (еще одно место, «где сходятся славяне»!), а лишь в последние дни 1991 года. Все это уже забылось и сейчас может показаться каким-то крючкотворством, но существовала проблема выхода из СССР. Как государство он был уже скорее мертв, чем жив, но при этом оставался субъектом международного права, юридической, дипломатической и геополитической реальностью. Существовали вопросы правопреимства, международных договоров, стратегического

ядерного оружия и так далее. Обо всем этом все же удалось в главных чертах договориться, и 21 декабря руководители одиннадцати бывших советских республик, встретившись в Алма-Ате, подписали «Декларацию об образовании СНГ». Одним из учредителей СНГ была Украина. Среди прочего в декларации говорилось: «С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование». 25 декабря Горбачев официально сложил с себя полномочия президента СССР и передал Ельцину знаменитый «ядерный чемоданчик» — такой же символ верховной власти, как в старину корона и скипетр. В этот день над Кремлем еще развевался флаг СССР, поздно вечером он был спущен и заменен российским триколором. 26 декабря состоялось последнее заседание Совета республик Верховного совета СССР, его участники приняли «Декларацию о прекращении существования СССР». Наконец, 30 и 31 декабря в Минске были подписаны исключительно важные Временные соглашения о вооруженных силах и пограничных войсках упраздняемого СССР. Россия признала переподчинение войск, находящихся на территории каждой из республик, ее руководству. Стратегические и ядерные силы сохранили особый статус. Это была точка. Среди прочих документов 30 декабря 1991 года в Москве главами девяти государств было подписано и Соглашение о совместной деятельности по исследованию космического пространства.

Четыре месяца после 24 августа я вспоминаю как время своего личного прощания с СССР. Мне было тогда 53 года, и все они были прожиты в СССР. Естественно, мои чувства к этой стране не были простыми и однозначными. Они не могли совпадать с чувствами диссидентов, посвятивших жизнь борьбе против коммунистической власти. Но они, конечно, не могли быть и такими, как у маршала Ахромеева, который оказался не в силах пережить саму мысль о возможности распада СССР. Я мог (и могу) без ложной скромности сказать, что немало сделал для СССР, для укрепления его военной — а значит, и дипломатической — мощи, для его побед в космосе. У меня нет никаких причин сожалеть о сделанном, хотя коммунистический эксперимент в форме СССР на моих глазах пришел к своему естественному завершению. Итог эксперимента оказался отрицательным, и это был очень важный, всемирного значения вывод. Я не подпишусь по словами пана Мороза, сказавшего: «Тот, кто не жалеет о распаде Со-

ветского Союза, не имеет сердца». Я имею сердце и не жалею о распаде СССР.

Едва всем стало ясно, что СССР больше не существует, осталось лишь уладить последние формальности, как вдруг многие из тех, кто боролся против него, стали выражать сожаление о его кончине. Редкому человеку дано быть последовательным до конца. Вот что говорил Л. М. Кравчук на заседании Верховного Совета Украины 10 декабря 1991 года: «...нас начали обвинять в развале Союза. В последние два дня — вчера и сегодня — главной темой центральных органов и других средств массовой информации является то, что вот три государства, или три руководителя, или шесть руководителей, развалили в конце концов Союз, и в этом их глубочайшая вина. Но сегодня можно спросить: кто же действительно виноват в том развале? Когда начался тот развал? По крайней мере, каждому понятно, что он начался не 7—8 декабря, а в период, когда началась перестройка. Это абсолютно каждому ясно. Мы даже точно знаем авторов этого развала... Вспомните логику нашей политической жизни. 1985 год. М. С. Горбачев заявляет перед народом, перед всем миром, что нам необходимо взять ключевое звено и вывести страну из кризиса. И таким звеном называет научно-технический прогресс, экономику. Все поддержали, так как кажется, что в этом есть логика. Проходит немного времени и М. С. Горбачев говорит, что дело не движется, так как нет политических реформ. Начинаются политические реформы, последствия их вам известны».

Сегодня это удивительно читать: президент Украины, кажется, уже и сам не рад случившемуся, он оправдывается, он употребляет выражение «центральные органы» о средствах массовой информации другой страны, — «странно и чудовишно!», как воскликнул когда-то по другому поводу в адрес своего главного соратника Владимир Ильич Ленин. Но это лишь вне контекста тех дней. Сегодняшнему читателю уже трудно понять тот страх перед неизвестностью, который испытывали тогда миллионы людей. Он передавался и руководству. Но было, я хорошо помню, и чувство чуда. Это когда просыпаешься утром и думаешь: нет, я просто видел сон, для правды все это слишком хорошо.

В окрестностях Днепропетровска у меня была дача на участке в неполных пять соток. Окончательно переезжая из Днепропетровска в Киев, я оставил ее своему водителю с «Южмаша». И это тоже было частью моего прощания с СССР.

ЕЛЬЦИН

В этом месте я должен сказать несколько слов о Ельцине. Сейчас принято давать ему желчные, пренебрежительные и попросту бранные оценки. Я очень ясно вижу их несправедливость. Правда, когда он находился у власти, критики и брани в его адрес было не меньше, а, пожалуй, больше, но тогда она воспринималась — мной, во всяком случае — несколько иначе. Не было того неблагородства, которое бросается в глаза сейчас, — было напряжение, горячка борьбы с главным действующим лицом России, была политическая жизнь, становление демократии, только что вылупившейся из яйца, — неопытной, неопытной, крикливой. Сейчас антиельцинские речи и выпады тоже во многом представляют собою продолжение той борьбы, но Ельцин уже не участник, и отсюда, видимо, ощущение, что бьют лежачего.

Впрочем, он был к этому готов, как готов, например, и я, и всякий, кому пришлось или приходится возглавлять государство в такие трудные периоды. Если судить по себе, то Ельцин, мне кажется, был готов к неблагодарности и неблагородству задолго до того, как стал президентом России, еще в советские времена — он ведь был видной персоной в партийно-советской номенклатуре, а там с людьми не церемонились, там ты пользуешься всем положенным тебе почтением и благами, пока стоишь на ногах, то есть сидишь в своем кресле, а выпал или был вышиблен — и скажи спасибо, что остался жив.

Своей главной задачей первый президент свободной России ставил избавление родины от коммунизма. Это ему блестяще удалось, и этим он войдет в историю, хотя многие сегодня почему-то воспринимают это почти как рядовой поступок или как что-то происшедшее естественным образом. Может быть, они полагают, что это могло произойти без участия президента России? Позицию Ельцина по отношению к отделившимся от СССР республикам воспринимают тоже как вполне заурядную, само собой разумеющуюся (хотя совсем другой пример — я имею в виду югославского президента Милошевича — у нас перед глазами).

Именно Ельцин зажег зеленый свет для всех республик СССР, когда 15 января 1991 года договорился с Литвой, Латвией и Эстонией о том, что отныне они для России — субъекты международного права. Роль Ельцина в том, что 14 бывших советских республик обрели независимость, воистину неоценима. Россия Ельцина сразу же при-

знала независимость каждого из государств, возникших на развалинах СССР. Мы всегда будем ценить тот факт, что именно Россия Ельцина подписала с Украиной основополагающие договоры от 19 ноября 1990 года и от 31 мая 1997 года (так называемый «Большой договор»).

Первый президент России вел, иногда тащил свою страну вперед и никогда не тронул пальцем своих хулителей — что бы они о нем ни писали и ни кричали на весь мир. Он дал людям почувствовать себя в относительной безопасности от претензий и преследований со стороны государства. Ельцин сделал коммунистов лишь одной из возможных партий России. Борис Николаевич надеялся, что те, кому он дал свободу и для кого свобода что-то значит, смогут за годы его правления (а судьба отпустила ему 9 лет) сорганизоваться и, в конце концов, сформируют новые партии и новую власть. Возможно, из Украины плохо видно, но непохоже, что эта задача в России уже решена. Наверное, человеческая природа такова, что подобная цель недостижима в столь короткие сроки. Я вижу это и на примере Украины.

Наблюдая за Ельциным, я всякий раз приходил к старому как мир выводу, что добрый правитель никогда не дожидается благодарности. Хулители Ельцина все как один писали в начале 90-х о неминуемом полном коллапсе экономики, о грядущем распаде страны, о том, что Россия на пороге гражданской войны. Вообще в эти годы многие поживались от страха, думая, куда может вырлиться Россия, во всем мире ходили опасения насчет коммунистического реванша — полистайте-ка прессу тех лет, в первую очередь российскую же. Но никто не поблагодарил ушедшего Ельцина за то, что он не позволил всем этим пророчествам (и злорадным надеждам) сбыться.

В чем только его не обвиняли! Что он слабый, немощный, недееспособный президент-надомник. Выражение его пресс-секретаря «работает с документами» помещено в ряд анекдотичных, этим выражением обозначают состояние государственного деятеля, который не может подняться с постели, скрывает это от страны. Даже как-то неловко напоминать, что «немощный» Ельцин победил всех своих политических противников до единого — Горбачева, КПСС, ГКЧП, Руцкого, Хасбулатова, Верховный Совет РСФСР, Фронт национального спасения, КПРФ, Зюганова, Лужкова с Примаковым и красную Думу с ее грозно-тягучей, мучительной даже для сочувствующих Ельцину, не говоря уже о нем самом, попыткой импичмента. При этом он ни

с кем не расправился, многие из побежденных им продолжают занимать высокие посты, но как политики перспектив больше не имеют.

И даже ушел Ельцин совершенно гениально. Его уход стал его финальной победой. Обвиняли Ельцина и в том, что он в огромном количестве сохранил бывшие советские кадры («перекрасившихся коммуняк»). Поскольку усерднее всех об этом трубили тоже бывшие и тоже перекрасившиеся советские журналисты (они и партбилеты сдали в один день с «номенклатурщиками»), можно не тратить времени на этот укор. Однако самое суровое обвинение против Ельцина состоит в том, что он развалил СССР, причем (будто бы) только потому, что не видел другого способа избавиться от Горбачева. Это полный вздор. Возглавляя РСФСР, Ельцин ясно увидел, что Союз Советских Социалистических Республик — это контракт, вопиюще невыгодный прежде всего России. Ельцин действовал как истинный, врожденный демократ, на что способен, согласимся, не всякий бывший секретарь обкома и кандидат в члены политбюро ЦК КПСС.

В чем состояло различие между Ельциным и Горбачевым? Горбачев почти три года имел, что называется, всенародный кредит доверия, полное согласие населения на реформы, и все это время пытался соединить несоединимое — рынок и централизованное планирование, демократию и руководящую роль КПСС, свободу слова и табу на обсуждение ряда тем, унитарное устройство СССР и суверенность республик. Наверное, Горбачев был бы счастлив, если бы общество «Память» избрало своим почетным членом академика Сахарова. В его Президентском совете заседали рядышком стопроцентные демократы и почти неприкрытые русские фашисты. Желание примирить все и вся благородно и даже естественно, но нереалистично. Мы все благодарны Горбачеву за то, что он стронул с места увязший воз СССР, история воздаст ему должное, но с определенного момента инициатива должна была перейти к другим людям. И в первую очередь в России — не будем обманываться на этот счет.

Кажется, никто не отметил, насколько своевременным был приход в политику такого харизматического лидера, как Ельцин, насколько своевременно он был избран сперва председателем Верховного Совета РСФСР (в мае 1990-го), а затем и президентом РСФСР (в июне 1991-го), какая это была огромная историческая удача для России. Именно удача, везение — ведь все не раз висело на волоске. Что называется, дорога ложка к обеду. Как могли пойти события, не

окажись в Москве к началу распада СССР (а он начался бы и без российского сепаратизма) легитимного, законно избранного российского президента? Уход республик воспринимался бы тогда как уход не от СССР, а от России, из России, сценарий мог выйти печальный, югославский.

Но Ельцин сам же ускорял процесс всеобщего тихого расползания. Он видел, что, по мере того как Россия сокращает свои взносы в союзный бюджет, у дотационных республик вроде Таджикистана или Прибалтики исчезает последний мотив оставаться в СССР. Что касается россиян, они, естественно, приветствовали идею, что Россия будет меньше отдавать другим. Политическую и даже священную тему Ельцин, намеренно или нет, снизил до денежных взаиморасчетов. В конце 80-х люди лезли на стену, когда ставился вопрос о целесообразности сохранения СССР, теперь они начали его обсуждать, хотя раздвоение сознания длилось еще долго. У нас в Украине, судя по итогам референдума 17 марта 1991 года, большинство людей проголосовали одновременно и за Украину, входящую в состав Союза Суверенных Государств на началах Декларации о государственном суверенитете (80,2%), и за сохранение «обновленного» СССР (70,5%), не сознавая, что голосуют за разные формы государственного устройства. К концу 1991 года уже не только элиты республик хотели убежать от так называемого Центра (который и был Россией), но и элиты России хотели убежать от республик. Неразрешимая задача бескровного роспуска Союза ССР была решена неожиданно гениальным образом, и в этом состоит одна из главных удач мировой истории в XX веке.

На эту удачу можно смотреть как на случайность, но у каждой удачи есть отец, даже если он не всегда поддается выявлению. В данном случае, похоже, выявить его можно. Один очень сведущий историк убедил меня, что кровавого сценария мы все избежали потому, что почти семьдесятю(!) годами раньше, в 1922 году, председатель украинского Совнаркома Христиан Георгиевич Раковский сумел склонить Ленина к принятию такой модели Союза, куда Россия вошла бы «вместе и наравне» с прочими республиками.¹²⁷ Проект союза формально равных республик возник на основе сделанных еще до 1914 года разработок австрийских марксистов об устранении национальных противоречий в будущей социалистической Австро-Венгрии. По проекту же Сталина (и секретаря ЦК КП(б) Украины Мануильского!) все национальные республики, возникшие на обломках Российской империи,

должны были стать автономиями России. Какими в конце XX века могли быть последствия, показывает пример Чечни...

Дискуссия в большевистской верхушке 1922 года могла показаться абстрактным теоретизированием, но время доказало, что это не так. Общество безмолвствовало подо льдом диктатуры не только в начале двадцатых, но и еще целых шесть десятилетий, вплоть до середины восьмидесятых (кухонные споры не в счет), но идея Раковского, внесенная в торжественные государственные документы, ждала своего часа. Когда во времена хрущевской оттепели наш Левко Лукьяненко попытался, ссылаясь на конституцию СССР, поставить вопрос о возможности выхода Украины из Союза, его судили за «измену Родине», приговорили к расстрелу.

Само устройство СССР было завязано на Коммунистической партии. С распадом этой партии распалась и вся конструкция. Партия же распалась, когда она была отделена от государства, и отделена не кем-нибудь, а генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачевым в процессе его конституционной реформы. Диктатуру партии ликвидировал, как ни странно, человек, для которого ее сохранение было вопросом дальнейшего пребывания во главе государства. Заключалась ли причина такого шага в его слепоте или каком-то личном капризе? Конечно же, нет. Генсек упразднил эту диктатуру в момент, когда структурный кризис коммунизма вышел на поверхность. Отчаянная мера Горбачева чем-то напоминала тот способ лечения туберкулеза, который практиковался в первой трети XX века: у больного удаляли ребро за ребром. Иногда это помогало. Удаление обручей коммунистической диктатуры уже ничему помочь не могло. Кризис коммунизма был слишком длительным и слишком далеко зашедшим. Этот кризис начался еще в 1953 году и развивался в вялотекущем режиме попутно с постепенным упразднением системы массового террора.¹²⁸

В середине 80-х кризис вошел в острую фазу, и советский коммунизм умер, так и не будучи никем побежден, он прожил весь свой срок и скончался от старости, от невозможности кормить и содержать страну при сложившейся структуре производства и сопутствующем политическом устройстве — достаточно вспомнить вечно неразрешимую продовольственную проблему.

Помня об этом, я едва ли соглашусь с теми, кто утверждает, что именно Ельцин решающим образом ускорил конец коммунизма в СССР. Но и без того заслуги Ельцина перед своей родиной в судьбо-

носные 1989—1991 годы огромны. Помимо всего прочего, увеличив заряд антикоммунизма в настроениях своих сильно политизированных к тому времени российских сограждан, он помог уберечь Россию от последующего возвращения коммунистов к власти. Это возвращение, по убеждению многих, в условиях свободных выборов было так же неизбежно, как приход ночи после дня. Ведь в России отсутствовала мотивация национального освобождения, окрылявшая массы в других республиках. Русский народ числился «первым среди равных» и верил в это. Большинство русских привыкло ощущать общественное устройство, сложившееся после 1917 года, своим изобретением, своим вкладом в мировой прогресс. Ельцин очень много сделал для перелома этих настроений, особенно на первом этапе, пока не вступили в действие уже совсем другие мотивы.

Утверждают, что команда Ельцина не просчитала огромные социальные издержки преобразований 90-х годов. Но подобные «просчитывания» всегда подводят к одному выводу: социальные издержки неизбежны, а посему никаких преобразований не должно быть, все следует оставить как есть. Более того, когда все прогнило и падает, просчитать что-либо, как в уравнении со всеми неизвестными, просто невозможно. Теперь даже внешнему миру стало понятно, что в России, вопреки утверждениям левых, все время оглядывались именно на возможные социальные издержки и большой зуб тащили медленно. При взгляде из Украины все это воспринималось как «шоковая терапия» (каковой она не была). Как люди впечатлительные, мы в результате протянули и с нашими реформами, потеряв больше трех лет.

Виновата, впрочем, не только наша впечатлительность. Нельзя сбрасывать со счетов и такой фактор, как систематическое обескровливание интеллектуальных ресурсов Украины. Сперва Сталин 25 лет бил по мозгам в прямом и переносном смысле, затем Хрущев и Брежнев, будучи родом из Украины и хорошо зная местные кадры, в массовом порядке перетаскивали и переманивали толковых людей. Кадровый голод 1991 года сегодня даже трудно себе представить. Именно он в значительной мере предопределил наше запаздывание с реформами. Мы потеряли непростительно много времени — достаточно вспомнить, как ломался наш колхозный строй. К счастью, в последнем «комсомольском поколении» Украины появились люди, из которых время уже могло лепить государственных деятелей.

Осенью 1993 года Ельцин решился на шаг отчаянной ответственности — роспуск и разгон Верховного Совета. Говорить, что Ельцин мог поступить как-то иначе, может лишь тот, кто наблюдал происходящее по телевизору из прекрасного далека. Во всяком случае, не из бывшего СССР и не из бывшего соцлагеря. От попытки реставрации коммунизма, которая могла бы очень быстро обернуться утверждением русского нацизма, Россию отделял тогда один шаг. Само собой, эта попытка через какое-то время потерпела бы крах, но о том, каких бы новых потерь это стоило России и, скорее всего, не только России, страшно даже подумать. Не сомневаюсь, что большинство защитников московского Белого дома были чистые люди, уверенные, что защищают свободу. Увы, они ошибались, а прав был Ельцин. Наверное, и в Москве когда-нибудь появится мемориал жертв октября 1993 года — подобный мемориалу коммунаров в Париже. Сегодня люди несут коммунарам цветы, не задумываясь о том, что было бы — какой бы был ужас! — продержись Коммуна не 71 день, а хотя бы 71 месяц.

Нелюбовь к Ельцину всегда мешала оппозиционерам предвидеть его шаги — прямо скажем, достаточно логичные. Даже после выборов в Госдуму 19 декабря 1999 года (в последние 12 дней его правления) оппозиция и ведущие журналисты ничего не поняли и продолжали твердить, что Ельцин «власть не отдаст», «пойдет на третий срок» и даже «снимет Путина, испугавшись его популярности». А все почему? А потому, что у Ельцина, видите ли, «патологическая жажда власти». Откуда они ее взяли? Политик борется за власть, ради власти выставляет свою кандидатуру на выборах, таковы правила игры, но в случае Ельцина не было абсолютно ничего патологического. То, что пишущие о Ельцине постоянно попадали пальцем в небо и были к нему вопиюще несправедливы, сильно разочаровало меня в российской журналистской братии. Я еще не знал, что мне придется столкнуться с подобными же вещами дома, в Украине, и по отношению к себе самому. Но ничто не заставит меня покуситься на свободу прессы. Кстати, мы с Ельциным не раз говорили на эту тему, и я хорошо помню его слова: «Приходится терпеть, Леонид Данилович, приходится терпеть. Ничего не поделаешь. Послушная пресса куда опаснее». Говорил он и совсем прямо: «Меньше читай, что про тебя пишут, и меньше слушай!»

Подлинное величие Ельцин проявил в 1996 году. Во имя своей родины он был обязан победить на вторых президентских выборах. Приход в Кремль Зюганова стал бы ее величайшим позором. Весь мир по-

жал бы плечами: никто, мол, и не сомневался — это же Россия! Ельцин отверг все предложения своих помощников отменить выборы. Имея в марте предельно низкий рейтинг, он решил идти на выборы и победил в июле. Величие было и в том, в каком физическом состоянии он пошел на эти выборы. Иногда нас пытаются кормить баснями, будто Ельцин на самом деле проиграл. Желаящие имеют право конструировать для себя свой собственный, виртуальный, как теперь говорят, мир, если им в нем веселее жить. Не дороже стоят и утверждения типа: Ельцин победил потому, что банки вложили страшные деньги в «политические технологии». Наверное, вложили (как будто это что-то новое под Луной и при всех условиях предосудительное, как будто в США, например, выборы ничего не стоят). Но могли и не вкладывать. Результат был бы тот же самый, потому что Россия голосовала не за Ельцина (личное отношение россиян к нему если и изменилось, то незначительно), а против возвращения коммунистов. Судьбу России решило на этот раз чувство самосохранения людей, которые точно знали, что именно они не хотят потерять. В том-то и состоит величайший подарок судьбы, что люди, которым есть что терять (далеко не в одном лишь материальном смысле и даже главным образом не в материальном), впервые с 1917 года вновь составляют большинство населения России. И появились они во многом благодаря Ельцину.

Итоги выборов в Украине показывают почти полное совпадение нашего расклада голосов с российским. Именно в этом отношении Россия и Украина оказались близки, как, возможно, ни в каком другом. Поэтому, говоря о факторе под названием «люди, которым есть что терять», я говорю также и об Украине. Миф, будто все решают политические технологии, создали и тщательно поддерживают, по понятным причинам, сами «политтехнологи». Но голодному невозможно внушить, что он сыт, и в кабине для голосования человек все равно наедине с собой. Никакие политтехнологии не в силах проконтролировать, против чьего имени он ставит галочку в бюллетене. Что ни говори, а демократия держится на тайном голосовании и альтернативном выборе.

Есть еще одна причина, почему для меня пример Ельцина — один из самых красноречивых в истории. При этом он достаточно типичен. Сперва с лидером связывают непомерные надежды, приписывают ему обещания, которых он не давал (и расширительно толкуют те, которые давал), а затем платят ему ненавистью за невыполнение

невыполнимого. Чем больше были надежды, тем сильнее ненависть. Ценить или даже замечать сделанное ни у кого желания нет.

Ельцин — непростая личность, с ним многие чувствуют себя неуютно. Но у меня с ним установились хорошие, достаточно доверительные отношения еще со времени моего премьерства, буквально с первого знакомства. Ведь известно, что с одним человеком почему-то возникает контакт, а с другим нет. К счастью, с Ельциным возник. Я не испытывал дискомфорта в общении с ним, возможно, еще и потому, что видел его уважение к Украине. Он очень обаятельный собеседник — из тех, кто все схватывают на лету. В последний год перед отставкой эта способность ослабла из-за болезни, но не исчезла. Даже ослабевший Ельцин все равно оставался российским политиком номер один. Не будь проблемы «Ельцин и Чечня», Борис Николаевич вошел бы в историю как один из самых великих деятелей ушедшего века.

Считал бы нечестным не воздать должное первому президенту России за то, что он сделал для нашей страны. Он как-то сказал, что Россия вела «не совсем правильную политику» по отношению к Украине. Я скажу так: в тех случаях, когда она была «не совсем правильной», это не была политика Ельцина. Замечая подобное, он обычно исправлял положение. Многих в России Ельцин остановил от каких-то жестких по отношению к Украине шагов. Не потому, что он такой уж украинофил, скорее в силу врожденного чувства справедливости.

Если бы не Ельцин, не знаю, подписали бы или нет мы «Большой договор», главный из договоров Украины с Россией. Конечно, этот документ следует рассматривать в очень широком контексте постсоветского пространства, Европы и особенно такого фактора, как НАТО, но это не умаляет личной роли Ельцина. Я знаю, какие силы пытались этому помешать. Но Ельцин не только подписал договор, но и добился его ратификации 25 декабря 1998 года.

ВОКРУГ «НУЛЕВОГО ВАРИАНТА»

И вот теперь — вопрос, вынесенный в заголовок этой главы: является ли Украина «историческим должником»?

Речь не о газовом долге, не о долгах перед МВФ и другими западными кредиторами. Любое государство мира имеет внешние финансовые обязательства, у США они измеряются тысячами миллиардов.

Так живет человечество, и это нормально. Я сейчас о другом. В России некоторые политики (правда, второстепенные) и публицисты любят намекнуть, что Украина — должника иного рода. Речь идет о том, что за Украиной числится какой-то «исторический долг» или «долги» (а историческим для нас является все, что предшествует 24 августа 1991 года).

Чтобы этот долг выглядел нагляднее, кто-то даже нарисовал карту нынешней Украины с наложенными на нее контурами Украины Богдана Хмельницкого. Эту карту напечатала несколько лет назад московская «Независимая газета». Нет, российская общественность не стала размахивать этой картой как знаменем — чего не было, того не было. Но кому-то пояснения к карте наверняка показались убедительными, и это печально.

Рассуждения о том, что Украина в громадном долгу перед Россией, всплывают время от времени по разным поводам. Будто бы мы задолжали за стратегические аэродромы, за Ильичевский порт, за что-то еще. Главным поводом, впрочем, так и остался территориальный — стонущим от российского безземелья авторам не дают покоя Донбасс, Новороссия, Крым.

Верно, современная Украина много больше той, которая «воссоединилась» в 1654 году с Россией. Однако Россия увеличилась по сравнению с тем же годом гораздо сильнее, чем Украина, невозможно даже сравнивать. Есть все основания утверждать, что она смогла это сделать лишь усилившись за счет Украины. И империей, и великой державой Россия стала благодаря тому, что приросла Украиной. Освоить и заселить новоприобретенные территории ей удалось также благодаря живейшему украинскому участию.

Возможно, сторонники гипотезы о «задолжавшей Украине» искренне не понимают, что нельзя сопоставлять Россию царя Алексея Михайловича и Украину гетмана Богдана Хмельницкого. Первая уже включала в себя все без исключения земли великорусского народа, вторая же — лишь часть земель украинского народа. Собрание украинских земель нельзя рассматривать как «территориальное расширение» Украины. Таким расширением с натяжкой можно признать лишь выход Украины к морям. Но любой третейский арбитр, не знающий о наших странах ничего, просто сравнив украинские и российские приращения, скажет, что наш выход к Азовскому и Черному морям можно рассматривать как плату Украине за ту огромную роль, ко-

торую она сыграла в утверждении империи на тех же морях, а также на Балтике и Тихом океане, да еще и удивится нашей скромности. На этом можно было бы и закрыть тему, но не все считают ее закрытой. А раз так, приходится вести этот разговор, хоть он для меня и не очень приятен.

Даже на вышеупомянутой карте из «Независимой газеты», и то было видно, что Украина Богдана Хмельницкого не только прирастала. Один ее кусок остался за нашими современными пределами. Этот кусок — север бывшей Черниговской губернии, и ее жемчужина, Стародубщина, край дубовых и грабовых (реликтовых в этих краях) рощ. До 1917 года в принадлежности этих мест никто не сомневался. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона (том 76) о стародубском выступе сказано так: «Историческое образование северной и восточной границ [Черниговской губернии] относится к XVII веку, когда между Литовско-Польским государством и Московским с одной стороны и возникшею на левой стороне Днепра малороссийскою республикою были установлены рубежи, не изменившиеся до настоящего времени». Под «малороссийскою республикою» здесь несомненно понимается держава Хмельницкого. В соответствии с Брестским миром 1918 года Стародубщина признавалась частью Украинской народной республики. Подписав Брестский мир, ленинская власть фактически признала и УНР, и ее границы. Вполне официально признала она и Украинскую державу гетмана Скоропадского, принадлежность к которой Стародубщины также не ставилась под сомнение. Но в декабре 1918 года эта держава пала. А вот Украинскую Директорию Москва не признала ни в каком виде, да Директория и не обладала властью над всей территорией Украины. После же утверждения в Киеве большевиков Стародубщина не успела оглянуться, как оказалась в составе Гомельской губернии РСФСР. Затем, 6 декабря 1926 года, президиум ВЦИК СССР постановил, что основная часть этой губернии передается Белоруссии, а Стародубщина присоединяется к Брянской губернии. Сегодня она — часть Брянской области Российской Федерации. Из всей Стародубщины Украине была возвращена в 20-е годы лишь одна Семеновская волость (ныне Семеновский район) — я уже упоминал об этом, когда рассказывал о своих родных краях.

За нашими восточными границами остались и другие территории, осваивавшиеся и заселявшиеся украинцами на протяжении почти трехсот лет — начиная с конца 1630-х годов и вплоть до Первой

мировой войны. Когда в 1923—1928 годах производилось исправление и уточнение поспешно проведенной границы между УССР и РСФСР, Украинская Академия наук представила в ЦИК СССР две тщательно выполненные справки, освещавшие данный вопрос. Самые имена авторов этих справок исключали подозрения в научной недобросовестности или политической конъюнктуре. Первую из них, под названием «Историко-этнографические и лингвистические материалы, касающиеся северной границы УССР и РСФСР», составил академик Дмитрий Иванович Багaley, авторитетный историк не только Украины, но и России. Вторая, под названием «К вопросу о восточных границах Украины», принадлежала перу самого Михаила Сергеевича Грушевского, только что вернувшегося из эмиграции. Строго говоря, ученые лишь разясняли и подкрепляли факты и без того известные, попавшие в дореволюционные справочники и энциклопедии. Они показывали, что удельный вес украинцев в Воронежской и Курской губерниях вполне позволяет привести границы в соответствие с этническими реальностями.¹²⁹

Украина граничила также с бывшей Областью войска Донского, где перед революцией проживало свыше 700 тысяч украинцев. В отличие от курского и воронежского случаев, здесь еще в 1920 году был произведен достаточно заметный переключением границ в пользу УССР. Правда, сделано это было по причинам, которые удивили бы академическую науку. Москва была в тот момент обеспокоена слабостью «классовой базы» украинских большевиков и постаралась сделать так, чтобы в состав Украины вошло как можно больше пролетарских районов, как украинских по составу населения, так и не совсем. Расширить ряды своих единомышленников в Украине Москва считала в тот момент важнее любых других задач. Впрочем, уже через несколько лет Украина вернула России не только Шахтинско-Донецкий округ с почти сплошь русским населением, но и Таганрогский округ (в городе Таганроге преобладали русские, но по округу в целом украинцы составляли 71,4% населения!).

Что же касается населенных украинцами частей Курщины и Воронежчины, тут дело выглядело совершенно бесспорным и никаких приводящих классовых резонансов в нем не просматривалось. Что же помешало целиком передать их Украине? Теперь мы знаем, что: три больших буквы — КМА, да-да, именно она, Курская магнитная аномалия. Лишь в 90-е годы увидели дневной свет документы, объяснив-

шие дело.¹³⁰ Кое-какие изменения границ в пользу Украины все же были сделаны. Если до этих изменений Россия (Курская губерния) начиналась на десятой версте железной дороги к востоку от Конотоп, то теперь до нее надо было ехать по той же железной дороге 90 километров. К Украине отошли Путивль и Мирополье, граница была спрямлена в нашу пользу в районе известной станции Хутор Михайловский и еще в ряде мест (где на волость, где на пол-волости). Но все это никак нельзя было назвать полномасштабным этническим размежеванием Украины и России. Если бы рекомендации Грушевского и Багалея были выполнены, в Украине стало бы примерно на миллион украинцев больше. Нам совсем не помешали бы эти люди. Миллион — это совсем немало, если учесть, что по переписи 1926 года в республике жило 29 миллионов человек, из которых украинцы составляли 23 миллиона.

Когда сегодня познакомишься с итогами только что упомянутой переписи населения 1926 года, видишь, что в Северо-Кавказском крае РСФСР в то время вполне могли быть образованы один, а то и два украинских эксклава (то есть частей государства, расположенных отдельно от ее главной территории; аналог — Калининградская область РФ). Северо-Кавказский край простирался в то время от Воронежской области до Дагестана, он состоял из 15 округов и 6 автономных национальных образований.¹³¹

Могла ли Украина обрести в послереволюционные годы более адекватные границы? Ведь сразу после гражданской войны большевики еще были готовы на смелые, принципиальные и даже прорывные (то есть истинно революционные) решения. Они признавали, что губернское деление до 1917 года не соответствовало этническому, попирало интересы освобожденных народов, видели необходимость перемен.

В свое время я ознакомился с историей вопроса. Оказалось, что Украину с самого начала прямо предупреждали, чтобы она не принимала свою суверенность слишком всерьез. На III съезде Коммунистической партии Украины в начале марта 1919 года гость из Москвы Яков Свердлов сказал: «Здесь нужно с полной определенностью подчеркнуть, что то, что сегодня в силу международных обстоятельств мы выделим в отдельную республику, — Украину, быть может, завтра, с изменением международной обстановки, снова войдет в качестве

равноправной части в общероссийскую республику». Фраза корявая и рассогласованная, но смысл ее сомнений не вызывает.

Через две недели в Москве на VIII съезде РКП(б) одним из выступавших был Георгий Пятаков, только что избранный секретарем ЦК КП(б)У (а с октября 1918 года он возглавлял Временное рабоче-крестьянское правительство Украины). Вот что сказал этот «украинский гость» и уроженец Киевщины: «Раз мы экономически объединяем, строим один аппарат, один высший совет народного хозяйства, одно управление железными дорогами, один банк и т. д., то все это пресловутое “самоопределение” не стоит выеденного яйца. Это или просто дипломатическая игра, в которую в некоторых случаях надо играть, или это хуже, чем игра, если мы берем это всерьез». (Этот Пятаков еще в 1917 году был автором платформы Киевского комитета РСДРП, где говорилось: «при социалистической организации хозяйства независимость наций совершенно невозможна, да и никому не нужна», а право наций на самоопределение «играет на руку мелкобуржуазной реакции».)

И все же в начале двадцатых годов имелось, как говорят сегодня, «окно возможностей». Обстановка в те годы складывалась своеобразная. 22 сентября 1922 года Сталин писал Ленину в связи с предстоящим заключением союзного договора: «За четыре года Гражданской войны, когда мы ввиду интервенции вынуждены были демонстрировать либерализм Москвы в национальном вопросе, мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимовцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах и расценивающих вмешательство ЦК РКП(б) как обман и лицемерие со стороны Москвы. Мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, Конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно принимая слова о независимости за чистую монету и так же упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик». Откровеннее не скажешь.

Со своей стороны, Ленин продолжал утверждать: «Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне входим с ними в новый союз, “Союз Советских Республик Европы и Азии”». Подразумевалось, что члены Союза могут и должны исправить унаследованные ими от Российской империи границы. Это

блестяще удалось Белорусской ССР. Она началась с шести уездов бывшей Минской губернии, но ее руководители, и прежде всего энергичный Александр Григорьевич Червяков (знаковое сочетание имени и отчества для Белоруссии!), добились между 1921 и 1926 годами полного объединения белорусских земель в пределах тогдашнего СССР.

Не стой у руля Украины в те годы «интернационалисты» вроде Мануильского (даже Сталин, и тот называл его «липовым украинцем»), Чубаря, Квиринга и им подобных, объединение украинских земель СССР, включая создание украинских эксклавов на Северном Кавказе, не было бы такой уж невозможной задачей. Но увы, в тогдашнем высшем большевистском руководстве Украины не просто не было людей необходимого масштаба, но не было и носителей твердого национального сознания, политической воли, ответственности перед своим народом. Такие люди имелись во втором эшелоне — Скрыпник, Шумский, Гринько и еще несколько человек, но на первые роли их не пропустили.

Почему я вспомнил об этих землях, так и не ставших украинскими? Не для того, разумеется, чтобы сегодня вновь ставить вопрос об их принадлежности, а с целью показать: мы недосчитались таких больших пространств, освоенных и заселенных украинцами — вероятно, полтора или два Крыма по площади, что больше никаких территорий никому не должны. Принцип неизменности границ принят Украиной раз и навсегда и закреплен во всех подписанных нами международных договорах. Наверное, почти любая страна была бы не прочь исправить свои границы. И обычно она готова предоставить гору документов, доказывающих ее право сделать это. Но заинтересованные страны-соседи всегда предоставят гору контр-документов, и ничем хорошим дело кончиться не может. Украина останется такой, какой она была на момент обретения независимости, не больше — но и не меньше. Мы уже не кредиторы, зато не должники.

Но может быть, Украина имеет исторические долги перед Россией (либо перед кем-то еще) по каким-то другим статьям? Скажем, известно, что в боях за освобождение украинской земли сложили головы и получили ранения 3,5 миллиона воинов Красной Армии, и понятно, что большинство из них были русские. Я склоняю голову перед памятью всех павших, Украина никогда не забудет эти исполненные жертвы.

СССР понес колоссальные потери в Великой Отечественной войне, и распределились эти потери между республиками Союза неравномерно. Таджикистан или Армения, к примеру, понесли человеческие потери, но их земля, слава Богу, не становилась в годы войны полем сражений. Иное дело Украина. Она, как и еще шесть республик, была оккупирована полностью. Украина вместе с Белоруссией стали главными жертвами Великой Отечественной войны. Подсчитано, что всего под фашистскую оккупацию, хотя бы на короткое время, попало примерно 75 миллионов жителей СССР, из них почти 40 млн — в Украине, 9 млн — в Белоруссии, 6 млн — в Прибалтике, 2,7 млн — в Молдавии, 0,5 млн — в Карело-Финской ССР, 17 млн (15,6% населения) — в РСФСР.

Из общей убыли гражданского населения СССР от тяжелых условий оккупации на долю Украины пришлось больше половины (1,5 миллиона человек). То же самое относится и к прямым жертвам оккупационного режима (2,5 миллиона человек). Наконец, из Украины было больше всего угнано в Германию молодежи (по некоторым подсчетам, до 3 миллионов человек). Война дважды прокатилась по Украине — сперва с запада на восток, а затем с востока на запад. Оказалось разрушено около половины ее жилого фонда, были уничтожены электростанции (в частности, оккупанты взорвали плотину Днепрогэса), металлургические, машиностроительные и сахарные заводы, затоплены шахты, поголовье скота сократилось в несколько раз. Вдобавок некоторых своих предприятий Украина лишилась потому, что они были эвакуированы в 1941 году на восток и остались на новых местах.

Украина в годы Великой Отечественной войны дала Красной армии семь миллионов воинов. Это небывалый в истории случай. Считается, что нация способна выставить в годы войны каждого десятого. В Украине на 22 июня 1941 года насчитывалось неполных 42 миллиона человек населения, значит, мы выставили каждого шестого. Но даже эта пропорция нуждается в уточнении. Западные области оккупировали так быстро, что мобилизацию в них провести не успели. С учетом этого обстоятельства историки говорят, что под ружье у нас был призван каждый пятый. И это без партизан.

В мае 2000 года, когда мы праздновали 55 годовщину Победы, участники торжественного заседания в Национальном дворце «Украина» смогли увидеть Знамя Победы. Оно было доставлено из Москвы

в Киев по договоренности между президентами Украины и России и внесено в зал как символ нашей общей и неразделимой победы. У меня в этот момент на глаза навернулись слезы. Примерно три миллиона человек из тех семи, которых Украина дала в годы войны Красной армии, не вернулись домой. Среди них был мой отец. Он сражался под Новгородом и похоронен на берегу реки Мста — на древнем пути наших предков из варяг в хазары. Кто сосчитает могилы таких, как он, от Москвы до Берлина? Я не зря говорю «примерно три миллиона человек» — назвать точную цифру до сих пор не может никто. Число сирот, оставшихся в Украине в результате войны, равно населению средней европейской страны.

Я уже не раз возвращался в этой книге к тому, какую мощную человеческую подпитку давала Украина России на протяжении трех с половиной столетий. Одного этого фактора вполне достаточно, чтобы признать: Россия — наша должница. Не в каком-то юридическом смысле, но в моральном. В конце концов, это то, что привязывает нас друг к другу, а не разобщает. И все-таки это долг, никуда не денешься. Мне кажется, осознание этого долга не заключает в себе ничего оскорбительного для России. Признание этого долга, наоборот, возвысит Россию. Справедливость и великодушие никогда и никого не унизили.

Уже после войны украинцы переселялись в Калининградскую и Мурманскую области, на Сахалин и Камчатку, в Кузбасс и на Дальний Восток, участвовали в освоении российских (наряду с казахскими) целинных земель, в освоении и разработке тюменских нефтегазовых месторождений, строительстве БАМа и грандиозных сибирских электростанций. Всесоюзная перепись населения 1989 года показала, что доля украинцев в населении Чукотки равна 16,8%, Ямало-Ненецкого округа — 17,2%, Магаданской области — 15,4%. Для любого, кто в курсе украинской проблематики, эти цифры очень понятны. За ними — люди, переселившиеся по оргнабору, на стройки и предприятия в 50—80-е годы, соблазненные когда-то легендой о «длинном рубле», да так и осевшие в этих мало похожих на Украину местах. Попади эти люди туда в более ранние времена, они бы уже «превратились» в русских, как мы это видим на примере Краснодарского края, где та же перепись обнаружила всего 3,9%(!) украинцев.

Вплоть до 1991 года Украина подпитывала весь СССР в своем знаменитом качестве «кадрового резерва». Главным образом, это бы-

ла подпитка России. Шел, конечно, и обмен — частью управляемый, частью стихийный обмен выпускниками вузов, но всегда не в нашу пользу. О выпускниках же школ и говорить нечего. Печально большое количество нашей молодежи десятилетие за десятилетием поступало в российские вузы, но по их окончании двое из троих не возвращалось домой. Мы продолжаем подпитывать Россию даже сегодня: там работают десятки тысяч граждан независимой Украины, главным образом строителей, туда нередко продолжают уезжать наши выпускники.

Начиная с 1991 года общесоюзное бремя Чернобыля, а это миллиарды долларов, было целиком переложено на Украину.

Вопрос о том, остались ли за Украиной какие-то «исторические долги», на этом можно было бы и закрыть. Для полноты картины упомяну лишь о несомненных встречных задолженностях.

Мы согласились на «нулевой вариант» практически по всем статьям. Мы смиренно посчитали, что такова наша плата за мирную и бескровную независимость. Лишь в некоторых пунктах, где «нулевой вариант» означает «нуль» только для Украины, мы пытаемся найти более гибкое и справедливое решение. В частности, в вопросе о зарубежной собственности бывшего СССР. Времена средневекового майората, когда старший сын наследовал все, прошли. К тому же, не существовало старшего и младших сыновей. Это был просто поэтический образ — вроде «общей колыбели» или «советского человека». От Российской империи, а затем от СССР за рубежом осталась огромная недвижимость, часть из нее используется плохо или совсем не используется, попросту пропадает. По нашим прикидкам, коэффициент использования этой собственности равен 50 процентам. Некоторое понимание с Россией в этом вопросе поначалу было. Наши правительства подписали решение о передаче украинской стороне 36 объектов зарубежной собственности, по согласованию. К сожалению, это решение пока не выполняется. Но нет и причин думать, что оно не будет выполнено. Жизнь — это процесс.

Неприложим «нулевой вариант» и к вопросу о возврате культурных ценностей. Этот вопрос настолько сложен — и юридически, и исторически, — что я не стану сейчас в него углубляться. Отмечу лишь, что добрая воля и желание работать с нами с российской стороны есть. Не сомневаюсь, что возвращение Украине в 2001 году фресок Михайловского Златоверхого собора, вывезенных в 30-е годы

в Ленинград — это только начало процесса. Европейский и мировой опыт учит, правда, что процессы такого рода занимают не годы, а десятилетия. Но, как говорят китайцы, даже дорога в десять тысяч ли начинается с первого шага.

Увы, актуальнее для нас сегодня проблема вкладов населения Украины, 83,4 миллиарда советских рублей, хранившихся в Сбербанке СССР до 31 декабря 1991 года, то есть до условной даты конца юридического существования СССР. В процессе ликвидации институтов союзного государства депозиты Сбербанка УССР были перечислены в 1992 году на счета Сберегательного банка СССР. Неясность механизмов «государственного развода» сыграла с нами в то время злую шутку. Во многом вина за это ложится на тогдашний непрофессионализм украинской стороны. Я до сих пор поражаюсь, как можно было не подписать совместное решение, не распределить ответственность. По состоянию на 21 ноября 1996 года украинское государство признало задолженность перед владельцами этих вкладов как свою, определив ее в размере 131 миллиарда 960 миллионов гривен. Из этой умопомрачительной суммы на протяжении 1997—2000 годов удалось выплатить всего 260 миллионов гривен или 0,2%. Ясно, что нам самим этот долг не погасить. В связи с этим одно из поручений, лежащих на нашем правительстве — это продолжение переговоров с правительством Российской Федерации по урегулированию вопроса о сбережениях граждан Украины до 1992 года.

После всего сказанного судите сами, является Украина «историческим должником» или нет.

Новые времена

КРИЗИС КРИЗИСУ РОЗНЬ

Наверное, любая страна и любой народ время от времени проходят в своем развитии полосу «новых времен». Долго-долго, порой много поколений, тянется «обычное» время, а потом вдруг (на самом деле, совсем не вдруг) приходит «новое». Новое потому, что насыщено большими переменами. Оно никогда не бывает простым, особенно для простых людей. В утрированной, но незабываемой форме это показал Чарли Чаплин в своем знаменитом фильме «Новые времена». На мой взгляд, наиболее символический момент в картине тот, когда несчастного Чарли затягивает в какой-то огромный механизм. Правда, в соответствии с жизнеутверждающим замыслом, он выпал из этого механизма живым, а не раздавленным, тем не менее символ был понятен: может быть, «новые времена» все обновят, расставят по местам и наладят, однако в процессе — берегись! — очень даже легко угодить между зубцами шестеренок.

Но мы не для того зажглись идеей независимости, чтобы, обретя ее, все сохранить по-старому. Даже те, кто остался под действием коммунистических чар и в августе 1991 года голосовал, как ему казалось, за «независимость в условиях развитого социализма», к декабрю поняли, что менять придется очень многое. Украина представляла собой в те месяцы огромный дискуссионный клуб. Всем хотелось понять нашу дорогу в будущее, и я не составлял исключения. В отличие от «чистых» гуманистариив, я хорошо знал, насколько сложна хозяйственная система современного производства и как опасно ломать что-то действующее и работающее. Страна — не дом, из которого можно временно отселить жильцов, провести капитальный ремонт с перепланировкой, а потом вселить их обратно. Тут больше подходило другое сравнение: нам требовалось на лету переделать дирижабль в самолет. Для этого надо было хотя бы хорошо представлять себе устройство того и другого.

Мне хотелось додумать до конца, ничего не упрощая, — как и почему социалистический способ производства, который долго казался достаточно разумным, забрел в тупик. Между прочим, продолжаю ду-

мать об этом до сего дня. Большевики взяли власть, не имея внятного плана, и первые годы постоянно импровизировали — упраздняли деньги, вводили их вновь, отменяли всякую собственность и право наследства, потом отменяли отмену, создавали тресты и синдикаты, чтобы затем их ликвидировать. Тем не менее, за 10—12 лет они пришли к достаточно безотказной командно-административной модели управления — по крайней мере, в промышленности. Конечно, это была мобилизационная модель, наиболее приспособленная для обороны, для чрезвычайных обстоятельств, для войны. В рыночной, конкурентной экономике вскоре обнаруживалось, что эта модель движется по встречной полосе. Но в СССР она работала почти 60 лет, порой неплохо. Я сам был ее частью, и могу заверить, что срок между решением о создании изделия и его выпуском в докомпьютерную эпоху был у нас короче, чем на Западе, при высочайшем качестве и великолепных технических решениях. Другими словами, система директивного промышленного планирования и производства, созданная большевиками-марксистами, при всех оговорках, несла в себе специфический, но довольно мощный потенциал. Начиная примерно с 1930 года ей отдали должное многие. Тогда, на фоне всемирного кризиса (да еще с большого расстояния), она, а заодно и вся советская система, какое-то время выглядела, видимо, вполне убедительно. Недавно стали известны сказанные в 1935 году слова тогдашнего президента США Ф. Рузвельта о том, что «будущее принадлежит идеалу, который будет представлять собой нечто среднее между капитализмом США и коммунизмом СССР». Конечно, знай Рузвельт что-либо о колхозах и ГУЛАГе, он скорректировал бы свое высказывание, но он не знал. Слова американского президента объясняются тем впечатлением, какое на него произвел индустриальный рывок СССР.

Конечно, новое время — новые песни. Сегодня можно услышать, что реанимация советских предприятий — это пустая трата капитала и времени, что советская промышленная модель в целом годна только на слом. Мне понятна логика тех, кто так говорит и думает, я сам видел в газетах объявления типа: «Производится набор персонала в новую гостиницу. Лиц с опытом работы в советских гостиницах не принимаем». Но данная аналогия улавливает лишь одну сторону сложного явления. Экономика вообще загадочная вещь. Казалось бы, будучи создана людьми, она должна быть им хорошо понятна. Но нет, существует, как мы знаем, множество экономических теорий, и каж-

дая опровергает остальные. Да и деньги вроде бы не природное явление, однако о том, как они действуют, тоже нет согласия — монетаристы спорят с номиналистами, а тех высмеивают кейнсианцы и так далее. Центральные банки одних стран сжимают денежную массу, в других считают необходимым ее наращивать.

Но самое главное, существует практика, и она, похоже, живет отдельно от теорий. Я вижу, как заводы, прожившие долгую жизнь в условиях нерыночного хозяйства и завязанные на нерыночных смежниках, после периода адаптации входят в рынок, словно всегда были на нем. Вижу, как выживают и становятся на ноги предприятия, давно приговоренные экспертами. Как у нас верили экспертам, особенно в начале 90-х! С нашей стороны очень естественно верить людям, приезжающим из стран, экономика которых работает успешнее и эффективнее нашей. Но почему-то (я уже говорил об этом в главе «От СССР к Украине») эти люди дружно советовали нам отказаться от самого успешного и эффективного из того, что достигли мы. Сейчас увлечение экспертами и аналитиками прошло. Индийский премьер-министр Морарджи Десаи подарил человечеству в 70-х годах такой афоризм: «Эксперты выражают совершенно объективное мнение. А именно свое личное». Я бы добавил: и это еще в лучшем случае.

Говорят, выход из СССР погрузил нас в кризис. Как будто к моменту выхода из СССР мы и без того не были в глубоком кризисе! Но дело еще сложнее. Я уже приглашал своих читателей поразмыслить над тем, что такое кризис. Мировой опыт учит: кризисы — важная и даже необходимая стадия в развитии любой страны. Государства выходят из кризисов с возросшей сопротивляемостью, обновленными, нарастив запас внутренних сил. Соединенные Штаты стали тем, чем они стали, во многом после кризиса 30-х годов, который в этой стране называют Великой депрессией. Приходится, правда, слышать и такое: 30-е годы в США — дом отдыха по сравнению с сегодняшней Украиной (и Россией). Так ли это? В США поры Великой депрессии безработица в своем пике охватывала, если считать вместе с иждивенцами, треть населения страны, были голодные марши на Вашингтон, общественные работы, трудовые лагеря, куда еще и не брали вторично. От 1,5 до 4 миллионов бездомных — оценки расходятся — скитались по стране, строили на городских пустырях «гувервили» (первые 39 месяцев кризиса у руля страны стоял президент Гувер) из фанеры и жести, то в одном, то в другом округе страны вводилось военное по-

ложение. Поразительный факт: в то время не менее миллиона американцев готовы были выехать в СССР при условии обеспечения их там работой.

Главным в преодолении кризиса оказался даже не подъем производства — бурный подъем (не простой возврат утерянных высот) начался в Америке лишь в 1943-м, на тринадцатом году кризиса, когда сказались мощные заказы на вооружение, — а перелом настроений в стране, обозначившийся в 1935 году. В тот год еще продолжались банковские крахи, выдалась небывалая засуха, свирепствовали пыльные бури, шло массовое разорение фермеров, безработица даже усилилась, но большинство американского народа уже почувствовало, что вопреки всему оно победило судьбу. Что же переломило настроения в Америке 30-х? Установка на положительные ценности, на оптимизм и патриотизм. В этом были едины все: церковные проповедники, газеты, радио (телевидения еще не было), Голливуд. Оппозиция не превращала социальный протест в сознательное раскачивание лодки.

Как бы нам, украинцам, усвоить этот урок? Да и россиянам он не повредил бы. Опасное — и при этом совершенно сознательное! — раскачивание ситуации не раз имело место и в Украине, и в России. Государственно мыслящие люди никогда не станут подвергать свою страну риску хаоса. Чтобы никто не подумал, что мною движут какие-то личные чувства, воздержусь от украинского примера, приведу только российский. В мае 1998 года, когда шахтеры в российской части Донбасса перекрывали рельсы, шатался и трещал рубль, а профсоюзы проводили массовые демонстрации, один журналист поражался поведению своих коллег: «Как по команде они заговорили о ситуации в России и о перспективах российских финансов в терминах катастрофы, краха, провала, преддверия гражданской войны, стали рисовать, забыв о чувстве реальности, чудовищный образ гибнущей нации. Их голоса слились в единый экзальтированный хор, вошли в какой-то мазохистский раж: пусть будет еще хуже — и за это мы возненавидим власть еще больше! Они подталкивали свою аудиторию к мысли, что любые действия в отношении этой власти оправданны, а любые действия власти по самозащите или хотя бы по защите общественного порядка — недопустимы и аморальны». По-моему, это очень хорошее описание болезни под названием «гражданская безответственность».

Ни одно общество не может жить, не меняясь, а любые перемены, заслуживающие этого названия, носят характер скачков и встрясок, даже если растянуты на долгие годы и именуются эволюционными. Что уж говорить о том броске из одной «общественно-исторической формации» (как говорят марксисты) в другую, который совершаем мы! Это уже кризис по определению!

Какими бы назревшими и перезревшими ни были перемены, они всегда повышают внутреннюю конфликтность общества, способствуют росту антисоциальных настроений. Общества переходного типа, как наше, и без того повышено конфликтны, нередко опасно конфликтны, это их отличительная черта, спросите у социологов. У масс возникает чувство, будто кто-то злонамеренно меняет законные и исконные правила игры. Множество людей оказываются выбитыми из привычных ниш, и пока они не найдут себе новое место в обновляющихся социальных структурах, их состояние именуется неприятным словом «маргинальное».

Раз уж маргинализация (как и встречный процесс — демаргинализация) есть неизбежный признак переходного состояния общества, разумная власть старается смягчать последствия процесса. Правда, именно в такие периоды она, как назло, редко располагает необходимыми средствами. И все же любые пособия по безработице, льготы предпринимателям, создающим новые рабочие места, поощрение переподготовки рабочей силы и тому подобные меры помогают людям приспособиться к обновлению жизни.

Люди, уверенные, что им нечего терять, могут становиться силой зла. Многие помнят, как в 1968 году американские маргиналы сожгли значительную часть столицы США, города Вашингтона, целые кварталы Детройта и других американских городов. Такое могло случиться лишь по одной причине: те, кто считает себя (справедливо или нет) брошенным на произвол судьбы, начинают ненавидеть существующее общество, власть и порядки настолько, что готовы их опрокинуть даже ценой разрушения своей страны. На какое-то время они становятся бесчувственными к ее ценностям и святыням — если не были бесчувственны к ним всегда. На людей находит какое-то ослепление, это типичная революционная ситуация. Святая задача власти — воздействовать на ситуацию так, чтобы не допускать этого.

Всякая ускоренная модернизация неизбежно меняет и устоявшееся расслоение общества, перемешивая его слои. Нелепо думать, буд-

то в советское время расслоение отсутствовало, оно было очень значительным, хотя его неуклюже пытались маскировать. Но то было привычное расслоение, сложившееся за 70 лет. Новое расслоение долго еще будет сильнейшим социальным раздражителем.

Повышенная конфликтность обновляющегося общества начинает снижаться по мере того, как люди начинают ощущать блага перемен. В начале XX века с опасно быстрой скоростью модернизировались сразу несколько стран. В России (в границы которой тогда входила и Украина) ситуацию резко обострила война. Число выбитых из колеи людей резко выросло, удесят�ерилась преступность. Вчерашним крестьянам и рабочим, привыкшим к крови, стало казаться, что терять им нечего, пропади все пропадом, исправить несправедливый мир может только винтовка. События развивались по-разному, но и там, и там вскоре произошел тоталитарный срыв.

Но обострить ситуацию и даже пустить страну под откос, так бывало в истории, могут также амбиции и безответственность политиков, общественных деятелей, прессы. В наши дни будущее и Украины, и России не только в руках парламентов, правительств, партий, оно во многом в руках СМИ. По плечу ли им ответственность в первую очередь перед теми миллионами людей, которых в наших странах называют «протестным электоратом»? Не являются ли источником повышенной опасности авторы капризные, самодовольные, истеричные, легкомысленные?

Третья в истории попытка создания независимого украинского государства начиналась в условиях совершенно небывалого общественного единства. Наверное, в учебниках об этом будут говорить так: «Новейшая история независимой Украины открывается моментом уникального общенационального согласия». Это согласие отразил всеукраинский референдум 1991 года. Когда в декабре 2001 года мы вместе с Л. М. Кравчуком осматривали Национальный музей истории Украины и затронули в разговоре тему об этом референдуме десятилетней давности, мне особенно запомнились слова Леонида Макаровича, что «если бы не было референдума 1 декабря 1991 года, то не было бы и независимости Украины, потому что этот референдум отменил результаты референдума о сохранении СССР, проведенного в марте 1991 года. Только после 1 декабря 1991 года Украину признал мир».

И действительно, в том состоянии революционного подъема, в котором мы прожили осень 1991 года, мы постоянно забывали, что

мир наблюдает за происходящим без нашего воодушевления и даже с некоторым скепсисом: мол, если этот народ в марте в подавляющем большинстве хотел сохранить СССР, вряд ли он сильно изменит свое мнение через восемь с половиной месяцев. Конечно, наблюдателям со стороны не было видно, что для нас иная неделя равна году, но ход их мыслей был, в общем-то, не лишен логики. Иногда и нас, депутатов, брало сомнение, особенно когда мы слышали: провозгласили же независимость другие советские республики и не стали назначать референдумы, посчитали, что парламентского решения достаточно, а вам что, больше всех надо? Не дай Бог, голоса разделятся практически поровну или большинство окажется незначительным, что тогда?! Не знаю, как у других, но у меня подобные сомнения были очень мимолетными. Убежденность, что только сам народ вправе решить свою судьбу, всякий раз брала верх. 90,32% голосов за независимость при небывало высокой явке — это был результат, которого не ждал почти никто. Большинству даже самых пылких сторонников независимости в мечтах рисовалась меньшая цифра. Я рад, что украинским политикам хватило мужества вынести вопрос о независимости на референдум. Теперь никто и никогда не сможет оспорить тот факт, что выбор сделал сам народ.

Хотел бы я, чтобы жители Украины были столь же единодушны всегда и во всем? Разумеется, нет. Для демократического общества такая сплоченность возможна (и характерна) лишь в условиях судьбоносного выбора, подобного тому, какой стоял перед нами 1 декабря 1991 года. Практически по любому другому вопросу в стране существуют, что совершенно нормально, разные мнения. Но всякая крайность опасна. Опасен и мировоззренческий раскол, вскоре разделивший Украину на лагеря, которые не могут, да и, если приглядеться, не хотят, найти общий язык, предпочитая обмениваться любезностями типа «янычары», «галицийские фашисты», «имперские лакеи», «гауляйтеры МВФ» и так далее, не хочется продолжать. По какой-то причине им комфортнее враждовать, чем искать объединяющее начало. Такие вещи не проходят без последствий. Что такое очередная драка в Верховной Раде? Это не просто маленькая рукопашная нескольких разгоряченных депутатов, она символизирует собой бездарную аннигиляцию духовных сил общества. Подобные зрелища подрывают веру простых людей в будущее страны, усиливают социальный и политический пессимизм. Надо ли удивляться мучительной судьбе каждого

важного законопроекта, если депутаты смотрят, в первую очередь, не хорош ли он, а кто его внес? Надо ли удивляться низкой инвестиционной (да и всякой другой) привлекательности Украины в глазах внешнего мира? Как следствие, наше движение вперед происходит словно в вязком киселе, оно куда медленнее, чем могло и должно быть. Поневоле снова и снова с завистью вспоминаешь единодушие десятилетней давности. Мы тогда думали, что за бархатным обретением государственности в Украине последуют такие же бархатные шаги к новой экономике и новой жизни.

Хочу быть правильно понятым. Я не рисую себе идеал прохладной политической сцены, на которой царит снисходительная и вялая беспристрастность. Такое возможно лишь в обществе, которое постепенно погружается в равнодушное всепрощение. Американский политолог Фукуяма не так уж давно объявлял «конец истории». Уверен, что в ближайшие сто лет нам это не грозит. Речь о другом. Я говорю о политиках, которые даже не стараются переубедить своих оппонентов, их доводы обращены к заранее с ними согласным единомышленникам, они любят себя, они стараются «врезать» оппоненту хотя бы на словах. Уровень демократии (а не только культуры) в обществе определяется человеческим отношением к политическим противникам. Без этого невозможно уважение к политическому процессу, невозможны компромиссы и общественное согласие.

Если приглядеться, можно заметить, что чуть ли не половина внутриукраинских политических противостояний связана с нашей одержимостью отечественной историей. Призываю отделять нашу работу по воплощению в жизнь новой и прекрасной Украины, по строительству государства, нации, общества, культуры, от сведения счетов с прошлым. Общественные деятели и политики как бы довоевывают какие-то войны и тяжбы прошлого, подсознательно пытаясь это прошлое изменить, чем усиливают конфликтность общества. Меня все время мучает мысль: как бы прекратить эту бесплодную борьбу внутри нашей страны? Может быть, придумать какой-то пакт примирения и всем его подписать? Чтобы этот пакт накладывал на подписавшихся определенные обязательства, в том числе — не сводить счета с прошлым.

Потому что когда политики предаются этому занятию, последствия бывают только негативные. Я имею в виду не только внутриукраинские счета. Сплошь и рядом это счета с Российской империей и с СССР. Но этих государств больше нет! Борьба за собственное го-

сударство не имеет ничего общего с мезтью государствам бывшим. Конечно, прошлое — очень жестокая вещь, оно присутствует в сознании людей, отравляя его. Но груз прошлого не должен переноситься на нынешние поколения. В свое время Богдан Горынь высказал в львовской газете «Высокий замок» очень правильную мысль: «В истории отношений между Украиной и Россией было немало мрачных, я бы сказал, трагических страниц. Но пусть это будет достоянием историков. Мы, политики, должны исходить из реалий сегодняшнего дня, а не из страниц истории, ибо такой подход может завести нас в тупик».

Эти слова можно отнести и к тем российским политикам и общественным деятелям, чьи заявления о «произвольных ленинских границах», которые неплохо бы подправить, или о неизбежности нашего с Россией нового воссоединения в единое государство отражают ту же самую одержимость историей, желание переиграть ее и задним числом «улучшить» на свой вкус. Не хочется, но придется сказать здесь и об излишне злопамятной, на мой взгляд, позиции Русской православной церкви, представители которой, ссылаясь на историческую память, возражали против визита Папы Иоанна-Павла II в Украину. Пусть память остается памятью, но разве она должна подталкивать православных к самоизоляции и мешать их примирению с католиками, такими же христианами, как и они сами?

Кто-то может сказать мне: но ведь и у вас чуть ли не половина этой книги так или иначе связана с историей. Это верно, однако я твердо придерживаюсь программы, которую сам себе определил в предисловии: ни в одной фразе не воевать с прошлым.

Почему же так получилось: единодушно проголосовав за независимость, народ Украины тут же разделился на группы, с трудом слышащие друг друга? Вот у наших соседей поляков абсолютно не было разногласий в стратегическом выборе. Они сразу решили: в Евросоюз, в НАТО, в либеральную рыночную экономику и частную собственность, в демократию западного типа. У нас же, как и в России, почему-то кто в лес, кто по дрова. И у нас, и в России до сегодняшнего дня многие все еще хотят вернуться в политический и экономический Советский Союз, не понимая, что это не просто нелепо, но и невозможно даже в теории. Конечно, другую страну всегда видишь в более упрощенном и обобщенном виде. В Польше тоже нет полного единодушия, но оно там бесспорно много выше, чем у нас.

Наше настроение в значительной мере связано с тем, что мы мало умеем ценить то, что имеем. Не устаю повторять: да, надо помнить про жертвы и муки нашего народа, про своих героев, но давайте помнить и о том, какой мы счастливый и удачливый народ! Давайте помнить, что Бог нас любит, а значит, все у нас получится. Мы едва успели проводить двадцатый век — век, в котором Украина вернула себе независимость, а нам уже начинает казаться, что независимость была единственно возможным итогом нашей предшествующей истории. Думая так, не обесцениваем ли мы Божье чудо, дарованное нам? Стоит лишь представить себе начало предшествующего века, как сразу становится ясно, что нам ничего не было гарантировано.

Что же касается последнего десятилетия, польский президент Квасьневский не раз говорил мне: Украина не должна недооценивать свои достижения этого периода, она вправе и должна гордиться ими.

Давайте взглянем на эти достижения.

Сейчас все реже вспоминаются скептики, которые пророчили, что наша независимость ненадолго, на несколько месяцев. И уж совсем забыты те российские политики (их было, правда, немного), которые предрекали, что Украина сама «приползет» обратно. Это напоминание не России, а тем, кто говорил подобное. Даже сегодня независимость Украины не всем нравится, но с тем, что она стала окончательно свершившимся фактом, не спорит больше никто. Для тех наших граждан, кому сегодня двадцать и меньше, независимость Украины естественна как воздух.

Задача, с самого начала стоявшая перед нами, была головоломнее, чем осознавало украинское общество. Мы вышли из состава другого государства, но не из России, а из СССР. Утверждение независимости Украины было связано с ее выходом из состава государства, которое тут же перестало существовать. Наша задача с самого начала заключалась в отработке оптимальных отношений с Россией как правопреемницей уже не существующего государства. Но и Россия формально сама вышла из того же государства. Вышли вместе, а правопреемница одна. Это порождало массу трудностей, и мы еще не прошли весь путь размежевания до конца. Следуя путем разумного компромисса, осознавая и уважая трудности и реальные права друг друга, Украина и Россия когда-нибудь будут приводиться в качестве примера цивилизованного, конструктивного взаимодействия.

Несмотря на отсутствие единства в нашем обществе, мы сумели порвать с прошлым, с системой тоталитарного социализма, бесповоротно демонтировав его основные устои. В спорах, политической борьбе и трудных компромиссах мы создали новую государственную систему, наша жизнь определяется конституцией, соответствующей самым высоким демократическим и либеральным образцам. Мы окончательно определились со своим будущим. Это рыночная экономика и европейский путь развития, приверженность Украины общечеловеческим ценностям, идеалам свободы и гарантированной демократии. Сомнений относительно исторического и цивилизационного выбора Украины ни у кого быть не должно.

Украина сумела преодолеть продолжительный экономический кризис, начавшийся во времена заката советской системы. Из десяти лет независимости этот кризис терзал нас почти восемь. Но он же и закалил нас. Невозможно научиться плавать, не погрузившись в воду. Мы обучались жизни в условиях рыночной экономики, как учатся плаванию, мы прошли это обучение и не утонули. Мы даже вошли во вкус, и это только начало.

Не могу удержаться от одного напоминания: к моменту, когда я был избран президентом первый раз, годовая инфляция равнялась 10 700 (десяти тысячам семистам!) процентам, ВВП упал за 1994 год на 25%, а вместо денег ходили бумажки под названием купоны. Семь последующих лет принесли такой результат: сегодня более половины нашего валового продукта производится частным сектором, в экономике страны наблюдается устойчивый рост, экономисты начинают горевать из-за того, что гривна излишне укрепляется. Излишнее укрепление гривны — это, конечно, тоже проблема, но о таких проблемах семь-восемь лет назад я не мог мечтать даже в сладких снах.¹³²

И все это несмотря на то, что после распада СССР Украина оказалась в самом невыгодном положении! 40% наших мощностей — это было производство комплектующих для союзного военно-промышленного комплекса. Сегодня это почти не востребовано, причем, насколько я вижу, кое-кто испытывает острое желание, чтобы эти мощности развалились совсем. Наша общая с Россией ошибка с самого начала состояла в том, что конверсией следовало заниматься вместе, вместе продавать военную технику. Тему высоких технологий я уже затрагивал выше, там тоже все очень и очень непросто. Невероятно болезненный удар по нашей экономике нанес Чернобыль. Убыточна, и долго еще бу-

дет оставаться убыточной угольная отрасль. А металлургия! Будучи директором «Южмаша», я поездил по всем нашим металлургическим заводам, это трудно даже описать. Мы за годы независимости сделали в этой области, наверное, не меньше, чем было сделано за все годы советской власти. Сейчас металлургия во многом кормит нас.

Прошу заметить, что все эти годы наш парламент, с которым я, вообще-то, всегда старался и стараюсь ладить, был в глухой оппозиции реформам. (Причем это не была правая оппозиция, назначение которой — противостоять коммунизму, как говорится, в большом и малом. Украинская трагедия состоит в том, что у нас фактически не было и нет подлинно правой оппозиции. Все играют в популизм. Объединение в единый лагерь остатков некогда весомой, отнюдь не левой, политической силы Народный Рух Украины с левыми — с коммунистами и социалистами — не случайность. Сказалось отсутствие на правом фланге принципиальной политической силы, которая уравнивала бы «красные» настроения.)

Украина заняла важное место в системе международных и, прежде всего, европейских отношений. Мы имели, скажу мягко, проблемы с нашими соседями — с Россией, Польшей и Румынией, и нам удалось уладить эти проблемы цивилизованным путем. Не устану напоминать, какой трудный путь восстановления взаимного доверия на государственном уровне мы прошли с Россией. Но мы его прошли, мы подписали «Большой договор», решили проблемы Черноморского флота. Украинская сторона действовала абсолютно корректно, всесторонне учитывая интересы России. Что же до мелких трений, они неизбежны, это естественный процесс притирки. Кто их вспомнит через 50 лет?¹³³

Не сбылось ни одно из пессимистических (и злопахательских) пророчеств, недостатка в которых мы не испытывали все десять истекших лет. Украина всякий раз оказывалась устойчивее, мудрее, тверже, чем опасались ее друзья и надеялись недруги. И это тоже одна из красноречивых оценок пройденного нами пути.

То, что положение дел в Украине постепенно улучшается — объективный факт, хотя многие воспринимают (или делают вид, что воспринимают) этот факт скептически. Очень важно, что поворот к луч-

шему у нас не «завязан», как в России, на экспорт энергоносителей. В нашем случае мы в гораздо более чистом виде имеем дело с исцеляющим воздействием рыночной экономики как таковой — я уже говорил об этом в главе «От УССР к Украине». Но и те, кто признает улучшение наших показателей важным достижением, нередко досадуют на то, что путь к нему был слишком долгим. Часто можно услышать слова о потерянных восьми (варианты: «семи», «девяти») годах. Мне эти годы не кажутся потерянными, без них перелом к лучшему не был бы возможен. В течение этих лет в нашей экономике шли естественные процессы поиска более жизнеспособных форм, самоорганизации на новых началах, притирки и пригонки. Конечно, в теории, этот путь мог бы быть более коротким. Я и сам нахожу, что он был длинноват. Но иногда меня берут сомнения, так ли уж это однозначно плохо. Попробую объяснить эту мысль.

Перемены в Украине были слишком уж радикальны, для привыкания и приспособления к ним требовалось значительное время. Сейчас обратным зрением видишь, что в советскую эпоху большинство людей у нас жили в каком-то противоестественном режиме. Некоторые вообще всю жизнь спали, уверенные, что бодрствуют. Ситуация, когда от человека мало что зависит, когда круг его возможностей предельно сужен, не воспитывает по-настоящему самостоятельные характеры.

Взросление, увы, неминуемо должно было пройти через тяжелые этапы, особенно в начале. Злые языки называли их «шоком без терапии», что, конечно, не очень справедливо. Но у вчерашних советских людей достало мудрости правильно оценить происходящее и не поставить знак равенства между демократией и рынком с одной стороны и дороговизной, инфляцией, задержками пенсий и зарплат — с другой. На свободных и демократических выборах Украина отвергла возврат в прошлое.

Вообще становление демократии — зрелище не для слабонервных. Как обличали, как поносили свое общество искренние и честные американские писатели и публицисты в начале истекшего века! Они находили его безнадежным. Конечно, они сгущали краски, но их критика не прошла даром. Главное, что обсуждение было открытым, и это урок для всех молодых демократий. Этап становления надо пройти, его невозможно перепрыгнуть.

Сегодня, после одиннадцати лет украинской независимости, общее мнение таково, что жизнь стала интереснее. Это чистая правда,

но точку на этом не поставишь. Жизнь стала интереснее для бодрых, предприимчивых, бедовых, полных сил, не боящихся жизни и так далее. Но ведь не все такие. Есть работники кризисных предприятий. Есть люди застенчивые, не слишком активные, трудно адаптирующиеся, не очень здоровые, готовые довольствоваться малым и даже совсем малым — лишь бы не делать резких движений, лишь бы не выйти за рамки привычного. И, наконец, есть просто пожилые и старые. Всякие есть люди, и все имеют право на жизнь. Я не приемлю такого социального дарвинизма: пусть выживают сильнейшие.

Мне пишут люди из разных концов Украины. Я вижу, что самые острые проблемы — не в больших городах. В маленьком городке или поселке человек может быть и одарен от природы, и боек, и даже легок на подъем, но все это может оказаться без пользы. Работал он, к примеру, на местном градообразующем предприятии, и жена где-то работала, и им хватало. Но вот предприятие рухнуло, жена получает гроши. Рискнуть сорваться с места он не может, потому что связан — дети-школьники, старики, дом. Никакая новая работа не светит, к предпринимательству надо иметь талант, а он имеется, говорят, у 4—5% населения. В крупных городах есть выбор, есть масса возможностей, в селах же и поселках выбора почти нет. Целый ряд наших новых законов — об инвестиционном режиме, о технопарках, так или иначе, прямо или косвенно, но должны помочь этим людям.

Не подлежит сомнению, что жизнь стала сложнее. А это одновременно хорошо и плохо. С одной стороны, теперь она разнообразнее. Исчезли многие нелепые запреты, сковывавшие людей раньше. Появились неведомые раньше возможности — например, увидеть зарубежные страны, появились новые соблазны в виде разных благ цивилизации, открылся целый мир новых вещей и услуг. А соблазны — это одновременно стимулы. Стимулы стараться, соображать, действовать, не лежать на диване. С другой стороны, более сложная жизнь — всегда более жесткая. Это непривычная для многих необходимость делать самостоятельный выбор, усложнившиеся «правила игры», это более настырные требования, которые предъявляет жизнь (одни налоговые декларации чего стоят). Многие воспринимают все это как отчетливый дискомфорт и ухудшение жизни.

В связи с этим я, в отличие от многих, не так уж сильно горюю, что реформы у нас несколько растянуты. Многим это досадно, говорят, мол, топчемся на месте. Да не топчемся, капитальный ремонт

страны идет, на четверку с двумя минусами (эту отметку мы можем общими усилиями повысить), но идет. Однако очень важно, чтобы у людей было время на привыкание к очередному этапу перемен, на адаптацию. Правильнее говорить не о замедлении реформ, а об амортизации резких толчков. К тому же, я не представляю, чтобы у нас, как в Прибалтике, могли выселить семью из квартиры, если она не уплатила за три месяца. Уж не говоря о том, что сама квартплата там многократно выше — когда мы у себя ее на несколько процентов с трудом решаемся поднять! Короче говоря, я не сомневаюсь, что мы в Украине решим все наши проблемы. Решим пусть медленнее, зато человечнее.

Некоторые обличители «новых времен», сами того не замечая, противоречат себе. Те же люди, которые говорят о всеобщем обнищании, через запятую жалуются, что развелось невыносимо много машин. Конечно, в потоке машин на наших дорогах немало «хорошо поживших» иномарок. Теперь приобретать их по плечу многим. При некоторых минусах подобной ситуации, в целом она — благо. В советские времена считалось само собой разумеющимся, что человек должен горбатиться на машину треть (а то и половину) жизни, за новыми были многолетние очереди, причем в очередь на машину не записывали, пока не принесешь справку, что ты не очередник жилищной очереди. Смысл был такой: если у тебя завелись лишние деньги, ты не вправе рассчитывать на бесплатное жилье, вступай в ЖСК, вместо того чтобы нагло мечтать еще и о машине. Поневоле вспомнишь Гоголя: «Иван Яковлевич хотел бы и того и другого, но знал, что было совершенно невозможно потребовать двух вещей разом, ибо Праксovia Осиповна очень не любила таких прихотей». Всего за какие-то десять последних лет автомобиль стал у нас массовым транспортом, и это важнейший прорыв. И психологический, и социальный. Автомобиль добавляет свободы. Даже старый, лишь бы ездил.

Еще раз повторю: у меня нет тоски по ушедшему времени как таковому — только по работе и ракетам. Какие-то преимущества в этом времени я вижу, но лишь одно невосполнимое — мы были тогда моложе. Остальные восполнимы. Из этих преимуществ больше всего хотелось бы вернуть уровень порядка, существовавший тогда. Понятно, что порядок был совсем не таков, как теперь многим кажется — не было гласности, и главные безобразия тщательно замалчивались, но все равно поверхность жизни выглядела более упорядоченно и благонрав-

но, чем сегодня. В переходные периоды у власти на всех уровнях всегда оказывается довольно много людей без малейшего опыта управления. А это примерно то же самое, что посадить за руль автомобиля человека, ни минуты не обучавшегося ни вождению, ни правилам движения, ни устройству машины. За эти годы мы наблюдали это и в Украине, и в России, но в Украине в большей степени. В Москве было полно людей, привыкших принимать решения в условиях реальной государственности, они естественным образом перешли работать из союзных структур в российские. В Киеве такого быть не могло, мы столкнулись с дефицитом кадров, намного превышавшим московский.

Поневоле вспомнишь время революции. Кто тогда оказался у власти? Люди с нулевым административным опытом. До революции ни один из них никогда никем и ничем не руководил. Ленин до 47 лет был кабинетный публицист, бесконечно далекий от пролетариата, интересы которого он якобы выражал. Первый верховный главнокомандующий у большевиков Крыленко имел воинское звание прапорщика. Кстати, у Николая Васильевича Крыленко было целых два высших образования — он окончил сперва историко-филологический, а потом юридический факультет, но это ничего не меняло: он тоже никогда никем не руководил и не управлял. Первый нарком по военным и морским делам Дыбенко был до 1917 года унтер-офицером. Другой организатор Красной армии, Николай Ильич Подвойский, сын священника (и сам готовился им стать), в армии не служил вообще, до 1917 года работал в журнале «Вопросы страхования». А кто были Грушевский, Винниченко, Петлюра? Историк, писатель, журналист. У Симона Васильевича Петлюры был такой опыт руководства: он был бухгалтером в московской конторе страхового общества «Россия» и по совместительству редактором русскоязычного журнала «Украинская жизнь». Наверное, руководил секретарем редакции и машинисткой, если она была, вряд ли кем-то еще — журнал был маленький. Единственное исключение — генерал-лейтенант Скоропадский, он командовал на момент Февральской революции 34-м армейским корпусом. Так что в нашем феномене нет ничего принципиально нового.

Что еще хочется восполнить? Пока что восполнимы (подчеркиваю — пока, хотя времени остается все меньше) научные и технологические потери. Самое опасное — растерять кадры, не обеспечить преемственность в этот тяжелый переходный период. Если люди уехали

за границу и продолжают там работать по специальности, это полбеды. Они не теряют квалификацию, и даже повышают ее. Многие из них вернутся, да еще обогащенные чужим опытом, почти все так или иначе связаны с коллегами на родине. Несчастье — это когда научные работники становятся челноками или, к примеру, менеджерами по продаже лапши быстрого приготовления. Они сравнительно быстро утрачивают профессиональную пригодность.

Но среди ставших вдруг мало востребованными уникальных специалистов немало таких, кто настолько уважает свое мастерство, свою профессию, что не может себе позволить заняться чем-то более простым. Они до последнего не увольняются из своих институтов и предприятий, по мере сил продолжают уже не финансируемые или плохо финансируемые темы и разработки. Сегодня многое держится на таких энтузиастах, они даже в этих условиях умудряются развивать технологии и совершать открытия. Если бы это зависело только от меня, я бы пошел и на внерыночные меры, лишь бы каким-то образом сберечь эти кадры. Беда в том, что я не располагаю убедительными рецептами, как это сделать, и даже не знаю, как объективно выявлять таких людей. Потому что рядом с энтузиастами делают вид, что работают, те, кому просто некуда деться, кого уже никуда не возьмут.

Очень болезненной оказывается утрата выдающихся производственников, — бывшие коллеги-директора меня поймут. Каждый из них знает, что когда речь идет об особо ответственных штучных узлах, расточку клапанов (условно) надо поручать Всеволоду Евгеньевичу (условно), лучше него никто с этим не справится. Уход таких Всеволодов Евгеньевичей — это тоже удар по уникальным производствам.

У России проблемы с точно таким же человеческим контингентом. Наши страны способны вместе решить хотя бы часть этих проблем, возобновляя сотрудничество бывших партнеров по внутрисоюзному разделению труда. Медленно, но верно оно реанимируется. Впереди, что совсем не удивительно, военные. Люди в погонах украинского и российского образцов пока что договариваются легче, чем гражданские. Именно договариваются! Решения, к которым они приходят, выгодны обеим сторонам. В 2001 году Украина поставила для российского военного судостроения продукции на несколько миллиардов рублей. Это газотурбинные агрегаты для установки на экспортных фрегатах типа «Талвар», строительство которых ведется на Бал-

тийском заводе для ВМС Индии, а также для малых десантных кораблей на воздушной подушке типа «Зубр», заказ на которые российская судостроительная фирма «Алмаз» выполняет для ВМС Греции. В Запорожье делают элементы для российских ракетных комплексов С 300, на заводе имени Артема в Киеве делают подвесное вооружение для авиации, на «Арсенале» — пусковые установки и системы наведения огня.

Договоренности, к которым мы пришли с российским президентом Путиным во время встречи в Харькове 14 декабря 2001 года (в частности, по самолету XXI века Ан-70 — я очень болею за этот проект), хочу надеяться, ощутимо усилят кооперацию такого рода, причем не только в сфере ВПК.

Я постоянно слежу за успехами запорожского завода «Мотор-Січ», в частности, за его сотрудничеством с российскими компаниями. «Мотор-Січ» выполняет первый в Украине проект лицензионного производства продукции двойного назначения — создание и выпуск в Украине нового вертолета Ка-226 разработки российской фирмы «Камов». Еще в 1997 году он заключил с таганрогским АНТК имени Бериева долгосрочный контракт на поставку двигателей Д-436 для бипланов-амфибий Бе-200. Это многоцелевые машины с коммерческой нагрузкой 8 тонн и дальностью полета 1,1 тысячи километров, их делают в противопожарном, грузопассажирском и пассажирском вариантах в Иркутском авиационно-промышленном объединении. Акционерный коммерческий промышленно-инвестиционный банк Украины участвует в СП «Бетаир», созданном под таганрогский проект самолета-амфибии, способного за одну заправку топлива сбросить 360 тонн воды на горящий лес. На очереди замечательный самолет Бе-132МК: все те же «Мотор-Січ», таганрогский АНТК, иркутское АПО и петербургский завод имени Климова договорились совместно разработать «региональный самолет» для грузопассажирских перевозок на расстояние до полутора тысяч километров.

Перечислять можно довольно долго, но все равно на фоне взаимодействия советских времен нынешние объемы пока достаточно скромны. Долгим бывает и процесс принятия решений. Возьмем один из последних примеров. Бе-132МК — самолет, который нужен на рынке. Полторы тысячи километров — идеальная дальность для сообщения внутри основных европейских стран, включая Украину, и между соседними. Нельзя сказать, что эта ниша не заполнена, но

этот самолет, по всем своим показателям, будет востребован. Я долго ждал, когда же наши запорожские моторостроители сговорятся с российской стороной делать новый самолет, ждал, отслеживал ситуацию, а потом забыл, отвлекся на другое, и тогда на мой стол легло сообщение, что контракт подписан. (Замечено, что нетерпеливо ожидаемое событие произойдет тогда, когда о нем забудешь: если на чайник выжидающе смотреть, он не закипит никогда.) Но контракт подписан пока не на выпуск самолета, а на разработку бизнес-плана и ТЭО проекта, проведение маркетинга. Вспоминаю советские времена. Мы на «Южмаше» просто получали указание о выпуске такого-то изделия, и точка — какие там маркетинги, что за бизнес-планы? Совершенно так же решалась судьба и сугубо гражданской продукции.

Я сейчас как бы размышляю вслух: понятно, что подобный способ принятия хозяйственных решений неэффективен и мог сойти за эффективный только если не сталкивался с конкуренцией на рынках. Я с этим не спорю, но прошу обратить внимание: СССР удавалось успешно поддерживать паритет с Соединенными Штатами, которым этот паритет обходился, к тому же, раз в десять дороже.

Конечно, Америка платила своим людям совершенно другую, многократно более щедрую зарплату — такую, какой она должна быть по справедливости, тогда как у нас платили «на выживание». Но в пересчете на затраченную денежную единицу разрыв был не так велик, ведь и производительность труда у американцев значительно выше. Тем удивительнее, почему Советскому Союзу его паритет обходился дешевле. Не говорит ли этот факт о том, что советская промышленная модель содержала в себе нечто, достойное пристального, я бы сказал, научного изучения? Может быть, это «нечто» совместимо с рыночной экономикой, может быть, оно еще скажет свое слово? Но для этого надо понять его суть и, поняв, сохранить.

«Новые времена» породили не только печальную проблему избыточных специалистов. Все чаще заявляет о себе и нехватка кадров. В быстро растущей пищевой промышленности сейчас большой дефицит инженеров, технологов, заведующих цехами. Их разыскивают по всей Украине, и это тот случай, когда старые советские кадры вполне устраивают работодателей. Порой их не смущают даже расходы на решение квартирного вопроса. Кстати, еще недавно частный сектор редко брал на работу людей старше 40 лет и практически никогда — старше 50.

Крупные предприятия востока Украины организуют свои филиалы в Киеве и городах центральной части страны, что также увеличивает спрос на рабочую силу. В Киеве уровень зарегистрированной безработицы снизился сегодня до 0,7%. Непрерывно растет спрос на строителей. В кадровых агентствах на одну заявку по бизнес-персоналу приходится 10 заявок на строительные специальности. Сейчас в Киеве больше 70% строителей — приезжие, причем львиная их доля — жители западных областей Украины.

Киевские газеты пестрят объявлениями о поиске главного бухгалтера, хотя и безработных среди людей этой профессии предостаточно. В 2000 году 4,4% трудоспособного населения Украины состояли на учете в центрах по трудоустройству, и еще совсем недавно эксперты пророчили скорый рост этого показателя до уровня 6—8%. На деле же он снизился до 3,7% (это 1073,3 тыс. человек) на 1 сентября 2001 года. В Украине неизмеримо выше «скрытая» безработица — это когда работники госпредприятий продолжают числиться в штате, фактически уже давно будучи безработными. Таких работников сейчас активно увольняют (и они увольняются сами) по всей стране. Однако мало кто из них регистрируется в качестве безработных. Люди в основном приспособились к новым условиям и к увольнению были готовы. «Скрытая» безработица, охватывавшая в 2000 году примерно треть населения в трудовом возрасте, за короткое время снизилась до одной четверти.

Конечно, остается проблема шахтеров. В угольной отрасли было занято около полумиллиона человек. Отрасль держится в основном за счет государственных субсидий, и многие шахты придется закрывать. Но куда деваться шахтерам? Государство не может сделать вид, что это их личное дело. Подобные проблемы не решаются с помощью единственного лекарства, лекарств должно быть много. Одним из них является целенаправленное привлечение инвестиций в регион, где много свободной и неплохо образованной рабочей силы, дешевая недвижимость и такая земля, что посади оглоблю — вырастет телега. Я буду сильно удивлен, если изрядная часть этих инвестиций не придет из России. Опасения, что людей в шахтерских регионах особо трудно переучивать, что они особо негативно относятся к предпринимателям, совершенно беспочвенны.

Не надо, правда, думать, что люди от безвыходности пойдут сейчас работать на любое производство, — отрицательный опыт уже есть.

Народ стал более мобильным, разборчивым и, как говорится, «ушлым». Политика создания новых рабочих мест должна быть очень и очень осмысленной. Необходимо иметь хорошее социологическое зрение, заранее видеть тех, кому предназначены рабочие места.

Интересно, что «новые времена», вопреки некоторым прогнозам, выявили полное сходство украинского и российского социумов по очень важному параметру. Как обнаружилось в ходе тестирования, жителям как Украины, так и России присуща стихийная, но при этом достаточно сильно выраженная приверженность к либеральным ценностям. Опрошенные отвечали на вопросы вроде бы совсем о другом и в большинстве даже не знали таких слов, ведь в советской школе их не учили либеральным понятиям, но смысл их ответов сомнений не оставляет.

Характерно, что и в постсоветское время нашим людям до самых простых вещей приходится доходить своим умом — как детям в ханжеских семьях до тайн деторождения. Спросите у иного либерала: для чего нужна частная собственность, чем она лучше общественной, социалистической? Скорее всего (проверено!), последуют умные и тонкие рассуждения на эту тему, но мало шансов услышать необходимый и достаточный ответ: «частная собственность — основа свободы личности, гарантия раскрытия ее способностей и свободного выбора». Можно добавить, что лишь при соблюдении прав собственности формируется созидательная социальная среда, так называемый средний класс. Я истолковываю социологические данные так: властные структуры как Украины, так и России должны помогать реализации того, к чему наши страны внутренне уже явно готовы.

Почему-то у нашей публики сложилось мнение, будто хороший инвестор — это зарубежный инвестор. А кое-кто вообще решил, что инвестор и иностранец — синонимы. Но это совсем не так, и если бы при прочих равных условиях мне пришлось выбирать между нашим и зарубежным инвестором, я скорее выбрал бы нашего. Мы с ним, по крайней мере, говорим на одном языке. Хотя не это главное. Главное — чтобы украинские деньги не уплывали за рубеж, а вкладывались в самой Украине, работали на ее развитие, на ее благо.

Правда, у иностранцев есть и некоторые плюсы. Они более законопослушны, менее склонны к трюкам с «черным налом», исправнее платят налоги. И вообще, пусть меня не поймут неправильно. Я двумя руками «за» иностранцев, если с их помощью у нас что-то строится,

реконструируется, появляются новые рабочие места, если они приходят с современным оборудованием, с последними разработками.

Многие за последнее время слышали, что не все приходящие в страну зарубежные инвестиции на самом деле являются зарубежными, что часть из них — это деньги, в свое время вывезенные из Украины и теперь возвращающиеся обратно. Я говорю не о тех деньгах, которые вернулись благодаря моему указу 2000 года о финансовой амнистии. Есть разные хитроумные схемы, и возвращаются деньги не в связи с тем, что их владельцев замучила совесть, а по более прозаической причине: инвестировать в Украину (кстати, и в Россию тоже) все выгоднее и выгоднее, особенно на фоне почти всеобщего спада. У меня не юридическое и не финансовое образование, так что я не взялся бы на этих страницах обсуждать алгоритм возврата беглых сумм, пусть это делают правоведы и Верховная Рада. Не как у президента, а как у гражданина Украины, просто на уровне здравого смысла, ощущение у меня такое: капитал заведомо ввозится так же, как и вывозился — с использованием лазеек в нашем законодательстве, с использованием его несовершенства, однако те, кто сегодня ввозит деньги в страну, не усугубляют свою былую вину перед обществом, а уменьшают ее.

Впрочем, будем помнить: Украина заинтересована далеко не во всяком инвестиционном проекте, и я не исключаю, что часть денег-репатриантов ввезена в Украину не ради полезной деятельности, а с прицелом, например, на хищническое использование ее ресурсов. Если не прямо на деятельность, предусмотренную Уголовным кодексом.

Давно известно, что любая реформа может осуществиться лишь частично. Не только реформы меняют отжившее, но и отжившее меняет реформы, заставляет реформы приспособливаться, «редактирует» их, а порой (случается и такое) обращает в свою противоположность. Так было и будет, пока существует человечество. Бывает, однако, и так, что поставленная цель достигается в более или менее задуманном виде, но вместо радости приносит разочарование. Как сказал один шутник: ничто так не вредит цели, как попадание. Люди говорят: мы на самом деле хотели совсем не этого, нас не так поняли. И сами начинают верить, что реформаторы их не поняли. В истории постоянно воспроизводится одна и та же ситуация: мыслители, публицисты, поэты и прочие властители дум громко мечтают о «новом человеке» («новом» в разных смыслах), зовут его, горюют, что им не дожить до

его прихода, и, увлекшись, не замечают, что он уже пришел. Тогда они обижаются, не хотят его признавать, говорят, что он неправильный. Но все эти огорчения никогда не заставят людей отказаться от реформ, ибо такой отказ был бы равнозначен прекращению жизнедеятельности общества. Реформа — это всегда еще и великое искушение.

УДАР СУДЬБЫ

Украинские «новые времена» принесли нам проблему, которая могла потрясти нас до основания, а может быть, и растрясла необратимо, если бы мы проявили чуть меньше здравого смысла и сдержанности. Проблема труднейшая, прямо затронувшая миллионы людей — и в то же время другие миллионы ее словно не заметили, и тем самым, между прочим, невольно способствовали ее смягчению. Атеистическое равнодушие тоже, оказывается, может, при определенных обстоятельствах, дать ту толику добра, без которого не бывает худа. Я говорю о церковно-религиозной борьбе в Украине и о спокойствии, с каким за нею наблюдала атеистическая или «не определившаяся» часть населения. Будь эта часть меньше (а насколько меньше — кто это может знать?), дело могло дойти до настоящей религиозно-гражданской войны, как бывало не только в нашей истории.

Вопрос ли это жизни и смерти, говорит современный атеист, а иной раз и верующий, — поминать Духа Святого, в одном случае, как исходящего «от Отца и от Сына», а в другом — как «от Отца исходящего, со Отцем и Сыном спокланяема»? Может быть, мол, дело просто в переводе? Скажем, греки понимают это место Символа веры как «через Сына». Или спор о том, креститься двумя или тремя перстами, которой разделил и истощил Россию. Или вопрос о признании «главенства» Папы Римского. Здесь давно уже не осталось никакой политики, это лишь формула уважения к авторитету Папы. Стоят ли эти скромные различия такой долгой вражды миллионов людей, многовекового разделения народа, не только нашего?

Я тоже примерно так думал, пока мне не объяснили, почему эти «мелочи» становились вопросами, без преувеличения, жизни и смерти, особенно — жизни после смерти, спасения во Христе. Это важнейшее уточнение надо, оказывается, сделать, если мы хотим правильно понять наших предков и не слишком задирать носы. Когда людей

вдруг стали заставлять креститься тремя пальцами, они так яростно сопротивлялись не просто потому, что были привержены старине как старине. Дело в том, что трехперстное знамение, по их мнению, не могло защитить от беса, а как жить, если ты не можешь быть защищен от него? В этом и причина вражды между людьми одного и того же православного обряда, чуть по-разному произносящими Символ веры. Для христианина главное в этой жизни — спастись для жизни вечной. А как спасешься, если тебя заставляют произносить молитву, которая не подействует, не дойдет до Адресата, а не подействует молитва, не дойдет в том случае, если ты изменишь в ней хотя бы одно слово, одну букву — будешь, например, говорить не «Исус», а «Иисус»!

Помню, сам я впервые узнал о существовании этой проблемы не из живой жизни, а из «Истории моего современника» любимого мною Короленко. Я читал ее в десятом классе. Короленко вспоминает, что на Волыни, где прошло его детство (в Житомире и Ровно) и где его отец занимал должность уездного судьи, было «три веры (не считая евреев): католическая, православная и между ними — униатская, наиболее бедная и утесненная. Поляки в свое время считали ее верой низшей; резали униатов набегавшие казаки и гайдамаки, потом их стали теснить и преследовать русские... Таким образом религия, явившаяся результатом малодушного компромисса [это мнение Короленко — Л. К.], пустив корни в сердцах нескольких поколений, стала гонимой и потребовала от своих последователей преданности и самоотвержения. Я вспоминаю одного из этих униатских священников, высокого старика с огромной седой бородой, с дрожащею головой и большим священническим жезлом в руках. Он очень низко кланялся отцу, прикасаясь рукой к полу, и жаловался на что-то, причем длинная седая борода его тряслась, а по старческому лицу бежали крупные слезы. Он говорил что-то мне непонятное, о Боге, которого не хочет продать, и о вере предков. Мой отец с видимым уважением подымал старика, когда он пытался земно поклониться, и обещал сделать все, что возможно. По уходе старика отец долго задумчиво ходил по комнатам, а затем, остановившись, произнес сентенцию:

— Есть одна правая вера... Но никто не может знать, которая именно. Надо держаться веры отцов, хотя бы пришлось терпеть за это».

Прошло еще лет двадцать, прежде чем мне пришлось убедиться, что прочитанное в юности не есть достояние одной лишь седой стари-

ны. И еще через двадцать — участвовать в преодолении наследия вражды, стараясь отдавать себе отчет в том, что в религиозных делах все так трудно, остро именно потому, что это дела веры, дела спасения.

Если бы я не был гражданином Украины и президентом и если бы церковная жизнь в независимой Украине иногда не сопровождалась драками на папертях и стычками с милицией, если бы все с самого начала ограничивалось только спорами, пусть и жаркими, да пусть и перебранками, но не рукоприкладством и вандализмом, я сказал бы, наверное, только то о ней, что эта жизнь исключительно интересна. Ну, и если бы я всегда держал в голове, что на свете нет ничего более старого и жестокого, чем распри на церковно-религиозной почве, если бы в памяти всегда были свежи все крестовые походы, религиозные войны, «охоты на ведьм» и тому подобные «веселые» страницы из истории человечества...

За годы советской власти мы привыкли, что все религиозное в стране, как и нерелигиозное, находится в подчинении или под присмотром государства, что там, в общем, наведен «порядок», отдельные нарушители которого не в счет. Поэтому когда, при первых же «перестроечных» послаблениях, возобновились старые, чтобы не сказать: древние, вечные церковные распри, для многих это было непривычно, страшно, будто наступил конец света, кому-то захотелось назад, во времена, когда над всеми была одна «церковь» — КПСС. Потребовались годы, чтобы привыкнуть жить в условиях, когда борьба за верующих ведется непрерывно, открыто, порой слишком шумно.

В Украине сейчас три православные церкви. Одна каноническая — Украинская православная церковь, это та, что не порвала с Московским патриархатом, сокращенно — УПЦ МП, в народе ее называют «московской». Две — не канонические, это Украинская православная церковь Киевского патриархата, сокращенно — УПЦ КП, ее называют «филаретовской» по имени ее создателя и патриарха, и Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ), я буду называть ее «галичанской», поскольку ее приходы находятся в Галичине. Канонической, как известно, является та церковь, которая признана православными «церквями-сестрами», из коих главной продолжает считаться Константинопольская во главе со Вселенским Патриархом. Фактически же главной давно стала Русская Православная церковь, хотя «по чести» она остается пятой среди пятнадцати. «Неканонических» церквей больше, чем канонических, и не каждая

из них страдает по этому поводу. Но в глазах большинства людей, в том числе и «воцерковленных» (если только они не принадлежат к той или иной из неканонических церквей) слово «неканоническая» означает и, наверное, еще долго будет означать «неистинная», «неправильная» и вообще плохая, тут уж ничего не поделаешь.

В Западной Украине существует греко-католическая церковь, УГКЦ, ее еще называют униатской. Почти треть религиозных организаций в Украине — это протестантские, самая большая из них — Баптистская церковь.

Все это ворвалось в 1994 году в мой кабинет — в президентский кабинет... Сводки происшествий, ложившиеся на мой стол по утрам, напоминали иногда сводки с театра военных действий. В сражении участвовали больше тысячи церковных приходов! Горели дома священников, штурмом брались не только храмы, а целые села, временами казалось, что это война всех со всеми, хотя каждый хорошо знал своего противника. Продолжали делить храмы и приходы... Не прошло и года, как меня стали обвинять (или констатировать), что я потерял контроль над религиозно-политической ситуацией, будто я или мой предшественник имел этот контроль и будто это прямая обязанность главы светского демократического государства — контролировать церковную жизнь. Трудно объяснить некоторым людям, что я и не пытался, и не мог пытаться контролировать религиозно-политическую ситуацию, я стремился и стремлюсь контролировать нечто другое — общественный порядок, чтобы не нарушался закон, чтобы не было членовредительства, и это была такая забота, что меня просто не могло бы хватить еще и на то, чтобы налаживать межцерковные отношения, управлять церковно-политическими делами.

Много говорится о трудностях в российско-украинских отношениях, называются разные причины, приводятся разные факты. Среди этих причин, этих фактов есть кое-что действительно существенное, чего я не ожидал в 1991 году. Да, я не предвидел, что именно церковно-религиозная жизнь в Украине, прежде всего в Западной, борьба греко-католиков за возвращение отнятых у них после войны храмов станет довольно заметным камнем преткновения между Киевом и Москвой.

Началось это еще при советской власти, при Горбачеве, как раз при нем украинцам приписали преследования православных в Западной Украине (а его обвиняли в попустительстве). Как только «мы»,

мол, перестали преследовать униатов, тут же они, при поддержке своих агентов во властных структурах, принялись преследовать «нас», православных. К сожалению, это звучало логично, это было слишком похоже на все, что в таких случаях делается всегда и везде: гонимые становятся гонителями. Многие поверили, что так обстоит дело и в этом случае.

А между тем, это было, к счастью, не так. Да, с 1946 года униаты были не просто гонимы, а запрещены. Одних уничтожили, других поместили за колючую проволоку, десятки тысяч просто изгнали в Сибирь, храмы, все до единого униатские храмы, стали советскими православными храмами, и бывшие прихожане-униаты вольны были превратиться в прихожан-православных, хотя не скрывалось, что лучше всего им податься в атеизм. Что же произошло дальше? А произошло нечто почти невероятное. Униатство не пропало. Может быть, если бы уния отменилась снизу, в результате естественного внутреннего процесса в самой этой церкви, все было бы иначе. Но ее отменяла «московская» власть, действуя крайне жестоко, в духе худших старинных примеров, и это сделало униатов безусловными противниками Москвы и горячими сторонниками демократии и независимости Украины.

Важную роль сыграло и то, о чем уже как-то забылось: унию упраздняла не просто светская власть, а власть одновременно идеологическая, атеистическая, безбожная, власть, которая преследовала всякую религию, власть, которая разгромила Русскую православную церковь, унизила ее, подчинила себе то, что от нее осталось, и в этот остаток насильно влила их, греко-католиков. В виду такого издевательства и в самом деле можно одно из двух: или потерять веру в Бога, или обрести ее. Униаты свою веру не потеряли, а укрепили.

Несмотря на всю мощь тоталитаризма, несмотря на то, что в Западной Украине были созданы самые могущественные органы КГБ, несмотря на то, что карательная машина работала безостановочно и ни в чем не испытывала недостатка, униаты продолжали существовать — в подполье. Люди тайно собирались молиться в частных домах, на квартирах, в нежилых помещениях. Были даже подпольные монастыри. Властями эти «осиные гнезда» выявлялись, людей лишали работы, ссылали, судили, но подполье продолжало существовать. В восьмидесятые годы насчитывалось около 800 униатских священников-подпольщиков! Среди них, естественно, епископы...

Ссыльные галичане, поколениями жившие на поселении в Сибири, крестились, венчались, причащались, исповедовались (и, думаю, чаще, чем кто бы то ни было в тогдашнем СССР). И все это обеспечивали подпольные, нелегальные священники, причем по авторитету с ними не мог сравниться никто. Они были настоящими пастырями в том смысле, что на протяжении нескольких десятилетий (кстати, немного греша против истины, можно сказать, что в течение сорока лет, как и Моисей) вели свой народ, заброшенный на чужбину, дорогой духа. После того как ссыльные возвращались на родину, память об этих пастырях не исчезала. Недавно мне рассказывали о двух молодых людях, украинцах, родившихся и выросших в Сибири. Им лет по 35, их крестили подпольные униатские священники. Так вот, в честь этих священников молодые люди назвали своих детей. Как тут не сказать, что эти священники были хранителями не только униатской веры, но и украинской души?

Большинство обычных верующих ходили в православные храмы, имели дело с православными священниками, но в душе оставались униатами, в таком духе воспитывали детей. Этих людей оказалось огромное количество. Их оказалось так много, что все, за малым исключением, православные приходы Галичины в одночасье перестали быть православными, и сразу вспыхнула борьба за храмы: униаты стали требовать себе свои храмы, отобранные у них после войны, стали самовольно их захватывать, и к 1992 году в Западной Украине из трех тысяч православных храмов осталось двести, остальные вернулись по прежней принадлежности. Были примеры и мудрого, благородного поведения православных иерархов. Отмену Унии в 1946 увенчали торжественной передачей храма Святого Юра во Львове Русской православной церкви. Последним из православных, кто в ней служил, был митрополит Андрей. Он-то и вернул — добровольно, спокойно — ключи прежним хозяевам.

Мы обязаны отдать должное униатам: ни одного не своего храма они не захватили. Все храмы, которые были построены православными или для православных, не были тронуты, остались за православными. Все! Когда об этом сообщают своим читателям россияне из беспристрастных авторов, они обязательно называют, прежде всего, два объекта и пишут так: «Ни на красивейшую Свято-Георгиевскую церковь во Львове, построенную в 1916 году [австрийцами — Л. К.] для русских военнопленных, ни на роскошную епархиальную рези-

денцию в Ужгороде, возведенную перед войной чешским правительством для епархиального [православного — Л. К.] архиерея, покушений со стороны прихожан и клириков УГКЦ не было».

Кто бы мог подумать в гетманские времена, что греко-католическая церковь, которую так ненавидели казаки, будет когда-нибудь считать себя самой, так сказать, казацкой — украинской из украинских, и что некоторые ее иерархи даже поставят грандиозную, хотя, наверное, фантастическую цель: создание украинской христианской церкви, которая будет не православной и не католической, а как бы преемницей той церкви, которая существовала до раскола единой христианской церкви на православную и католическую в 1054 году! Тарас Бульба, правда, вряд ли приветствовал бы такое дело, ведь оно означало бы, что он должен отказаться от православия: католичество, сказал бы, нам без интереса, мы не католики, а от православия отказываться не желаем. Но то, что греко-католическая церковь оказалась истовой хранительницей и проводником украинства, церковью-мученицей за украинство, это поразило бы казаков в самое сердце.

Людей из московского патриархата, которые до сих пор говорят о бесчинствах западных украинцев, о разгроме православия в Западной Украине, о захватах храмов и о других происках и проявлениях украинского национализма (некоторые по старинке даже употребляют словосочетание «буржуазный национализм»), можно понять. Бывшие униатские православные приходы Западной Украины ведь представляли собою пятую часть всех приходов Русской православной церкви в Украине, из Западной Украины вышло огромное количество православных священников, их можно еще и сейчас встретить и в Москве, и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Массовое возвращение западных украинцев в униатство было тяжелым ударом по русскому (московскому) православию, очень тяжелым, но я бы сказал, что это был удар судьбы, а не какой-то злой силы.

О судьбе думается еще и потому, что одновременно был нанесен другой удар. Вдруг расширилась, набрала известную силу, стала серьезным явлением украинской жизни крошечная зарубежная Украинская автокефальная православная церковь. В Галичине ей «ни с того, ни с сего», как говорят ее недруги, досталось 600 бывших «московских» приходов. До последних лет перестройки о ней мало кто слышал даже из верующих галичан, а она оказалась самой что ни на есть родной сестрой униатской церкви: та же глубокая преданность укра-

инству, украинской независимости. На какой еще почве можно сойтись предельно близко, как не на этой, во времена становления государственной независимости!

Этому породнению, этой вспышке или просто обнаружению родственных чувств предшествовали трагические обстоятельства упразднения унии в 1946 году.

С униатской церковью в Западной Украине покончили, как обычно при советской власти: постарались по возможности соблюсти видимость законной процедуры. Был устроен Собор для отмены Брестской (Берестейской) унии 1596 года. Мероприятие курировали офицеры госбезопасности. Кто-то из них, быть может, даже искренне считал, что делается доброе дело, что так оно будет воспринято если не всеми, то многими верующими. Ведь в свое время уния была действительно навязана православным этого края. У священников был выбор: или погибнуть, или подчиниться папе римскому, тем более, что им все-таки обещали уважать их богослужебные традиции и привычки. Они не захотели безнадежной борьбы и почти верной гибели...

Может быть, памятью об этом унижении руководствовались и некоторые из тех униатских священников, которые вошли в группу Гавриила Костельника, взявшего на себя роль инициатора Собора 1946 года. Как предполагают знатоки вопроса, было и это, но также кое-что более интересное. Тайной целью Костельника и его единомышленников, как говорят, было увести униатов в православие, чтобы потом, при первом же случае, оторвать их от Москвы. Они шли «в Москву», чтобы в ней отсидеться и уйти, как только улучшится погода. Они, согласно этой версии, не видели другого пути сохранить христианство в Западной Украине, сохранить христианский дух, явно более сильный, чем в Восточной Украине. Они знали цену христианству своих прихожан, знали стойкость их христианского духа. Им важно было, чтобы сохранился этот дух — пусть и под присмотром Москвы. Эта тайная цель открылась, как полагают, в 1989 году, когда униатская церковь вышла из подполья.

Одновременно с униатами почувствовали себя свободными и православные. Речь идет, прежде всего, о «настоящих» православных общинах — о тех, которые существовали и до советской власти. Их набралось более тысячи, они составляют около 40% всех верующих христиан в Западной Украине. Это украинцы, которые приехали

в Западную Украину из других районов Украины и других республик Советского Союза, это те украинцы, что до войны жили в Польше, потом были переселены сюда, это, наконец, и те из бывших униатов, которые остались в православии после восстановления униатской церкви. Перед этим воистину «неподдельным» православием Западной Украины встал вопрос: куда идти? Ответ на этот вопрос дал протоиерей Димитрий Ярема, один из участников группы отца Костельника. Отца Костельника убили вскоре после Собора 1946 года украинские националисты, а Димитрий Ярема не только уцелел, но и дожил до самой «перестройки». Этот человек сумел, несмотря на свое участие в том Соборе, на свое «предательство», завоевать большой авторитет во Львове, стать одним из лидеров борьбы за независимость Украины. Когда была восстановлена греко-католическая церковь, он поступил совсем не так, как от него ожидали, как должен был бы, казалось, поступить: он не вернулся в униатство, а остался в православии, но увел свою общину из Московского патриархата. Его примеру последовали другие. Так был дан повод для разговоров о том, что Димитрий Ярема осуществил тайный замысел, который возник у него с Костельником еще в 1946 году. Ушел же он со своими прихожанами и последователями под крыло пребывавшей в эмиграции Украинской автокефальной православной церкви.

Так в Западной Украине объявилась не каноническая, но крепкая и крепнущая, уверенная в себе, очень спокойная и глубоко украинская, глубоко национальная православная церковь. Я с удовлетворением наблюдаю, как развиваются отношения между нею и Константинопольской патриархией, от которой зависит канонизация этой церкви. Частично это уже, можно сказать, произошло. Поместным собором этой церкви руководил представитель Константинополя.

Исключительно интересна, для многих неожиданна история появления Украинской православной церкви Киевского патриархата. Может быть, самое примечательное в этой истории то, что она произошла всего через пять недель после провозглашения Украиной своей независимости. 1—3 ноября 1991 года Поместный собор Украинской православной церкви (УПЦ) под председательством митрополита Филарета (М. А. Денисенко) провозгласил автокефалию этой церкви. Архиерейский собор Русской православной церкви не только отказался предоставить ей полную каноническую самостоятельность, о чем просил Филарет, но и отправил его в отставку (с выражением

благодарности за многолетнюю беспорочную службу). Собор Украинской православной церкви, в свою очередь, тоже отстранил Филарета от дел. Тогда усилиями Филарета и его единомышленников был созван Всеукраинский Православный Собор. На этом соборе состоялось объединение Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ) и части Украинской православной церкви (УПЦ) Московского патриархата. Так образовалась Украинская православная церковь Киевский патриархат (УПЦ-КП). Стали говорить, что эта церковь не новая, что она ведет свою родословную от времен Украины-Руси, то есть Киевской Руси...

За Филаретом, который совершил это дело, пошли далеко не все священники, многие приходы остались под началом Московского патриархата. Оставшиеся верными Москве епископаты объединились, их союз получил название «Украинская православная церковь Московского патриархата». Эти две церкви тоже не смогли спокойно поделить храмы и приходы, были стычки, жаркие словесные и не только словесные схватки. Да, синод «филаретовской» церкви 22 августа 1992 года отменил анафему гетману Мазепе...

Честно говоря, в самом начале я не придавал особого значения этим событиям, едва ли даже как следует заметил их — мне было не до них по ряду обстоятельств, среди которых не последнее то, что я, подобно большинству людей моего круга, был совершенно нерелигиозным человеком. Я испытывал подспудную робость человека, который не очень сведущ в предмете, но знает, что предмет деликатный и острый. Украинское народное православие не позволило украинцам опоялчаться, оно вдохновляло их на сопротивление туркам. Оно не поддержало в свое время Ивана Мазепу в его борьбе с Петром I, казачко-мужицкое большинство предпочло остаться в одном государстве со своими русскими единоверцами. А Филарет вот предпринимает разрыв! Невольно поежишься...

Дело и детище Филарета между тем выглядело все серьезнее и серьезнее. Вот уже и президент Кравчук появляется в Софийском соборе на богослужении в связи с годовщиной независимости Украины. Служит Филарет, уже Блаженнейший митрополит... Вот архиерейский суд РПЦ лишает его всех степеней священства за неблагоприятное поведение (в том числе в быту)... Тут я стал смотреть на Киевский патриархат примерно так: с обретением государственной независимости что-то такое должно было появиться. Вопросом, отно-

ситься ли мне к этому положительно или отрицательно, я, пожалуй, не особенно затруднялся. В общем, моя позиция представляла собою скорее нейтрально-опасливое любопытство. И самое главное для меня было то, что Филарет ушел «из-под Москвы» по горячим следам провозглашения независимости Украины. Для этого нужно было обладать не совсем рядовым характером. Можно, наверное, сказать, что на церковном уровне это было в чем-то сродни уходу Ельцина из КПСС, — он ведь тоже увел за собою часть партии — демократическую часть, не успевшую, правда, оформиться в отдельную.

История Филарета, теперь уже митрополита Киевского и всея Руси-Украины, а Святейшего патриарха (с 1995 года), и его ближайших соратников деликатная, большинство участников живы, страсти не остыли, это заставляет меня взвешивать каждое слово, не всех обстоятельств касаться. Говорят, например, что Михаилом Антоновичем Денисенко двигала обида — он, мол, рассчитывал стать московским патриархом, а избран был другой. Думаю, все не так просто. В большой политике участвует народ закаленный, личные чувства там имеют место, играют роль, но чаще — подчиненную. Вряд ли было что-нибудь личное с чьей-либо стороны и в том, что РПЦ в конце концов предала Филарета анафеме, хотя в этом проявились, как можно судить по высказываниям российских православных священников, не только церковно-религиозные мотивы, но и сильные мирские — государственнические, великорусские, великодержавные — страсти. С другой стороны, нельзя исключить, что какую-то роль в судьбе Филарета, в том, как он ею распорядился, сыграло и его украинство: в свое время он был первым экзархом Украины украинского происхождения.

Меня упрекают, что я (и вместе со мною государство, государственный аппарат) симпатизирую той части церковного православия в Украине, которая не с Филаретом, которая враждует с Киевским патриархатом. Называют это предательством Украины. Я отношусь к этим обвинениям как к продолжению церковной борьбы. Это борьба не со мной, а именно продолжение борьбы церковей между собою. Да, меня чаще видят не с Филаретом, а с главой епископатов Русской православной церкви Московского патриархата, но здесь нет, по моему, ничего странного, так бы поступал глава любого государства, ведь большинство христиан в Украине принадлежит к этой церкви. К Украинской православной церкви Московского патриархата отно-

сятся две трети православных приходов — неужели я не должен этого учитывать? Было бы странно, было бы проявлением предвзятости, если бы рядом с президентом чаще видели главу церкви, чьи приходы в меньшинстве: было бы очевидно, что президент хочет ускорить превращение меньшинства в большинство.

Правда, чтобы не облегчать свое положение, я должен упомянуть и позицию тех, кто говорит: но ведь не только православные живут в Украине, есть униаты, есть католики, много протестантов — если учесть всех, то «московские» православные не составят весомого большинства, и, стало быть, нет, наверное, особой необходимости так часто показываться на людях именно с их лидером. Может быть, не знаю... В конце концов, наслушавшись упреков и требований со всех сторон, насмотревшись на перипетии церковной борьбы, я решил дать один ответ, выразить одно пожелание: как можно скорее увидеть в Украине единую поместную православную церковь. Я заявил об этом в 2000 году.

Мне как-то пришлось прочитать о себе: «Леонид Кучма нуждается в солидарности Церкви и государства, и ему приходится преодолевать глубокие церковные расколы и немыслимые канонические препятствия, дабы Украинское государство имело свою национальную церковь, свободную и от Рима, и от Москвы». Самое верное здесь — «глубокие расколы» и «немыслимые канонические препятствия». Я, конечно, сплю и вижу солидарность церкви и государства, но не одной церкви, а всех, и мне хотелось бы, чтобы ушли в прошлое расколы, но неверно то, что преодолевать их приходится государству и мне как президенту страны, это просто невозможно, преодолевать расколы — дело не государства, тем более демократического, а самих верующих, самих церквей. Читатель не ждал от меня других высказываний и может понимающе ухмыльнуться, но я говорю не для порядка, не потому, что мне положено так говорить. В том-то и дело, что церковная жизнь в Украине сегодня, как никогда, самостоятельна, как никогда, свободна от государства, отделена от государства. В другой статье (российского, кстати, эксперта) об этом говорится: «Линия разделения все более становится традиционно религиозной и постепенно теряет свою политическую окраску». Если бы у нас полностью доминировала одна конфессия, она могла бы попытаться стать фактически государственной, ведь именно это кое-где происходит. Я рад, что Украине это не грозит.

Я как-то сказал, что мы достигли больших успехов в «склеивании» западной и восточной частей Украины. Я имел в виду совершенно очевидный процесс преодоления противоречий между частями нашей страны, рост связей и понимания между ними. Мое утверждение подверглось критике. Авторы, склонные видеть лишь межконфессиональные конфликты и ничего больше, говорили: какое понимание, какое «склеивание»? Хотя я не сомневаюсь в своей правоте, для полноты картины отчасти соглашусь и с критикой. И добавлю: дело осложнили как раз политики. Люди атеистического воспитания, они увидели в противостоянии церковей исключительно политическую борьбу внецерковных сил, маскирующихся под церковные, стали участвовать в этих делах, наживать политический капитал. Но в целом, особенно сегодня, церковно-религиозная борьба в Украине — это действительно церковно-религиозная борьба, это не политика под личной религии. Государству это создает известные неудобства, иной раз мне, может быть, и хотелось бы, чтобы в этих делах присутствовало чуть больше выгодной стране светской политики, но чего нет, того нет, и это в конечном счете хорошо, это и есть демократия.

Я, кстати, замечаю, встречаясь с государственными деятелями России, что не всем из них это легко понять, чувствуется скептицизм. Это естественно, мы ведь столько жили при порядках, когда церковное дело было частью «общепартийного дела», и не так легко осознать, что может быть иначе. С этой трудностью, я чувствую, как-то связана та ошибка многих православных иерархов в Украине, которую специалисты по церковным вопросам называют главной: осторожные или упрямые батюшки «запоздали» с признанием украинской независимости, не поддержав ее с самого первого дня. Конечно, им это было нелегко сделать. Они ведь дети церкви, для которой государство — русское, российское государство — всегда было высшей ценностью (одни считают, что за это ей положена вечная благодарность, другие скорбят по этому поводу, но сейчас разговор о другом), они принимали как должное, что церковное дело в России является частью общегосударственного дела. А тут повернулось так, что их церковное дело должно было стать, как они на свой лад поняли, частью общегосударственного дела в другой стране, в Украине! Ошибка понятная, но с украинской государственной точки зрения непростительная. Нехорошо, когда некоторые иерархи крупнейшей (и уже только поэтому глубоко мною уважаемой) церкви в Украине не скры-

вают своего огорчения в связи с самим существованием этого государства.

В августе 2000 года Архиерейский собор Русской православной церкви рассматривал вопрос о предоставлении автономии Украинской православной церкви Московского патриархата, чтобы она стала автокефальной канонической, в отличие от «галичанской» — автокефальной, но неканонической, хоть к ней и благосклонен Константинополь. Это не было сделано. Церковная Москва продолжает надеяться на объединение всех украинских православных церквей в лоне единой церкви, каковой считается как раз та, об автономии которой я хлопотал. В свою очередь, сторонникам Киевского патриархата желательно, конечно, чтобы именно их церковь, с помощью государства, стала морем, в которое влились бы все православные реки Украины. Но ведь и каждая из этих рек хотела бы играть роль моря. Так что скорее всего им всем суждено слиться в новое море, образовать море, а не влиться в одну из рек, предварительно договорившись считать ее морем. Хотя процесс слияния будет трудным.

Уверен, зная моих читателей, что для многих из них будет новостью, если я скажу, что только с одной из наших православных церквей, с «московской», имеет дело Ватикан. Он ставит на одну доску «церковь Филарета» и «галичанскую» — то есть не признает обоих, а имеет дело с одной «московской», только с нею разрешает поддерживать отношения греко-католикам, подчиняющимся, напомню, Риму, поскольку пока только она, мол, является канонической. Уважение, которое тем самым демонстрирует католицизм к русскому православию, стремление всячески избегать трений, соперничества, уклоняться от всего, что могло бы вызвать нарекания и подозрения Москвы, показательны, я это лучше понял во время визита в Украину папы Иоанна Павла Второго.

Приходится, естественно, слышать (от москвичей главным образом), что Ватикан хочет победить «третий Рим», то есть Русское православие, своим миролюбием, убаюкать его своей кротостью... Ведь главное, в чем упрекает Русская православная церковь католиков — это прозелитизм, то есть вербовочная, пропагандистская деятельность, «переманивание» православных. Вот этим Ватикан, дескать, как раз избегает заниматься, считая, что нет нужды форсировать события, он рассчитывает, что православные сами постепенно уйдут из не желающей реформироваться, обновляться церкви, отсюда его кро-

тость. Чем бы, однако, ни объяснялось миролюбие, тактичность, благожелательность в отношениях, будь то церковных или мирских, государственных, — это все-таки лучше, чем грубость и напор, во всяком случае, на мой вкус.

КРЫМСКИЙ УЗЕЛ

Наши «новые времена» — это и конфликты в Крыму, напряжение вокруг Крыма.

В основе национально окрашенных конфликтов, как говорит конфликтология и наблюдения свидетелей, да отчасти и участников, есть, конечно, материальная заинтересованность, но не меньше, а часто и больше — предрассудков, обид, часто надуманных, мстительности. Сказывается неосведомленность или (и) невежество людей, легковерие в сочетании с богатым воображением.

До начала 1999 года я не задумывался о том, как родилась басня о Никите Хрущеве, который будто бы по пьяному делу, в приступе щедрости и в связи с трехсотлетием воссоединения Украины с Россией, одним росчерком пера подарил Украине Крым. Мне было достаточно знать, что это одна из тех выдумок, без которых не обходится общественное мнение, когда бывает сильно задето каким-нибудь серьезным событием. Я ведь имел некоторое представление о том, как такие дела делаются в жизни, а не в устном народном творчестве, знал о советских управленческих процедурах — сколько, например, согласований требуется по неизмеримо более мелким вопросам, для чего создаются межведомственные и прочие комиссии, включаются эксперты, какую роль играли научно-исследовательские учреждения, как много во многих случаях зависело от точки зрения местных властей и учреждений, от низовых настроений, я знал, как трудно бывало даже первому лицу государства, даже такому тирану, как Сталин, «пробить», «пропихнуть» иное свое решение, довести до конца какое-то дело, если оно не по душе бюрократическому аппарату. Не случайно уже в наше время стали употреблять выражение «политическая воля» — чтобы сдвинулось что-то с мертвой точки и не остановилось перед самым финишем, нужна, мол, политическая воля высшего руководства, президента прежде всего. Подразумевается, что ты должен не только высказать пожелание или согласие, дать поручение, подпи-

сать указ, выдвинуть законопроект, но лично проследить исполнение, каждый этап, каждую ступеньку, «давить» и «давить», «продавливать»... А если учесть, что требующих твоей «политической воли» дел не одно-два, а несколько больше, а в сутках только 24 часа, и существует «текучка»...

Как для всякого человека, входившего в руководящую обойму, для меня само собою разумелось, что принятию решения о передаче Крыма (или, допустим, Таймыра — это все равно) из одной союзной республики в другую предшествовали долгие разговоры на местах, вызревало номенклатурное, и не только номенклатурное, общественное мнение, писались справки и докладные, в центр шли письма из райкомов-исполкомов, а также от активных граждан. Так действительно и было — писали люди в Киев и Москву, выдвигали мотивы. Мотив, собственно, был один, и не могло быть тогда другого: удобство управления, то есть, географическое положение Крыма. Крымское руководство, крымское чиновничество считало, что будет удобнее решать хозяйственно-административные вопросы с Киевом, чем с Москвой.

Как раз начиналось послевоенное хозяйственное восстановление, а точнее сказать, освоение полуострова, он ведь, за исключением узкой прибрежной полосы, был, в общем, пустынен, это была целина. Крымскую целину поднимали примерно тогда же, когда и казахстанскую, сибирскую, алтайскую, только без восточной романтики. В то время даже на Кубани были нетронутые земли. Все, что требовалось Крыму для жизнедеятельности, поступало из Украины. Без днепровской воды и донбасского угля он и сегодня не мог бы существовать. Была предпринята попытка заселить степной Крым в организованном порядке. Существовало специальное ведомство по набору рабочей силы и переселению... не народов, конечно, принудительным переселением народов занимались другие ведомства, а это имело дело с добровольцами, их на казенный счет доставляли туда, где в них была потребность — в Донбасс, Сибирь, в северные районы, помогали с жильем, давали средства на обзавод — примерно так, как была поставлена деятельность переселенческого ведомства при Столыпине, только с поправкой на советские реалии.

Так вот, в конце сороковых — начале пятидесятых годов проводился большой «оргнабор» для заселения Крыма, и взоры вербовщиков, естественно, обратились в первую очередь в сторону Украины, на

ее относительно густонаселенные районы. Я помню, что несколько семей поехали в Крым и из моего села, писали, как там трудно — кругом голая степь, не хватает воды, водоснабжение было одной из тех главных социально-хозяйственных проблем, решение которых имели в виду местные крымские власти, когда ходатайствовали перед Москвой и Киевом о переподчинении Крыма Украине.

Все это я мог легко представить, даже не зная никаких конкретных фактов и подробностей, а я их все-таки знал, поэтому и не придавал значения разговорам про Хрущева, который-де «за счет русского народа» продемонстрировал перед Украиной широту своей души. Но в начале 1999 года мне попалась на глаза статья из газеты «Московские новости», и я, как говорится, присвистнул. Статья несколько удивила меня грубым тоном, тем более, что говорилось в ней не о ком-нибудь, а об Александре Исаевиче Солженицыне. В подзаголовке стояли слова Геббельса: «Чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной». Далее утверждалось, что Солженицын, «сей мифотворец», хорошо знал «вышеуказанный геббельсовский принцип», когда на страницах своей книги «Архипелаг ГУЛАГ» «запустил утку» о том, что «Хрущев одним росчерком пера подарил Крым Украине». Автор статьи показывал, что «бедный Никита Сергеевич» никак не мог этого сделать хотя бы по той причине, что тогда, сразу после смерти Сталина, не имел такой власти, что решение о передаче Крымской области Украине «было коллективным решением всего тогдашнего руководства СССР», что были соблюдены все положенные по советской конституции формальности — был издан акт Президиума Верховного Совета СССР (коллективный президент страны) за подписью председателя Президиума К. Е. Ворошилова. В статье говорилось о том также, что исследователи не пришли до сих пор к единому мнению, была ли вообще подпись Хрущева на какой-либо из бумаг, относящихся к этому делу, — было ли, например, постановление Президиума ЦК КПСС.

Ну, что тут скажешь? Первое, что я подумал, — Александр Исаевич не устоял перед своим писательским воображением. Оно нарисовало ему эффектную картину: тучный раскрасневшийся Хрущев в украинской вышитой рубашке, отодвинув бутылку «горилки з перцем», достает толстую самописку и одним росчерком решает судьбу Крымского полуострова с «городом русской славы» Севастополем (основанным, кстати, украинцами), с Ливадийским дворцом и «царской

тропой»... Писателю, наверное, так понравилась эта картина, что он побоялся ее разрушить наведением справок. Чтобы не оказаться в похожем положении, я попросил помощника найти в «Архипелаге ГУЛАГ» соответствующее место. Я читал эту бессмертную книгу году в девяностом, она меня потрясла, но место о Хрущеве и Крыме почему-то не запомнил. Помощник внимательно, по его словам, просмотрел все три тома, но такого места не нашел. Более того, он обратил мое внимание на такие высказывания писателя, против которых у нас не могло быть особых возражений. Его тогдашнее понимание дела в главном настолько мне близко, что соответствующий отрывок я приведу здесь, не отправляя его в примечания.

«Мы давно не говорим — “украинские националисты”, мы говорим только “бандеровцы”, и это слово стало у нас настолько ругательным, что никто и не думает разбираться в сути. (Еще говорим — “бандиты” по тому усвоенному нами правилу, что все в мире, кто убивает за нас — “партизаны”, а все, кто убивает нас — “бандиты”, начиная с тамбовских крестьян 1921 года.) А суть та, что хотя когда-то, в Киевский период, мы составляли единый народ, но с тех пор его разорвало, и веками шли врозь и вкось наши жизни, привычки, языки. Так называемое “воссоединение” было очень трудной, хотя может быть и искренней чьей-то попыткой вернуться к прежнему братству. Но плохо потратили мы три века с тех пор. Не было в России таких деятелей, кто б задумался, как свести дородна украинцев и русских, как сгладить рубец между ними. (А если б не было рубца, так не стали бы весной 1917 года образовываться украинские комитеты и Рада потом)... Едва только пали немцы перед Антантой (что не могло иметь влияния на принципы нашего отношения к Украине!), за ними пал и гетман, а наших силенок оказалось побольше, чем у Петлюры (вот еще ругательство: “петлюровцы”. А это были украинские горожане и крестьяне, которые хотели устроиться жить без нас) — мы сейчас же перешли признанную нами границу и навязали единокровным братьям свою власть... Правда, еще 15—20 лет потом мы усиленно и даже с нажимом играли на украинской мове и внушали братьям, что они совершенно независимы и могут от нас отделиться, когда угодно. Но как только они захотели это сделать в конце войны, мы объявили их “бандеровцами”, стали ловить, пытаться, казнить и отправлять в лагерь. (А “бандеровцы”, как и “петлюровцы”, это все те же украинцы, которые не хотят чужой власти. Узнав, что Гитлер не несет им обе-

щанной свободы, они и против Гитлера воевали всю войну, но мы об этом молчим, это так же невыгодно нам, как Варшавское восстание 1944 г.) Почему нас так раздражает украинский национализм, желание наших братьев говорить и детей воспитывать, и вывески писать на своей мове? Даже Михаил Булгаков (в “Белой гвардии”) поддался здесь неверному чувству. Раз уж мы не слились до конца, раз уж мы разные в чем-то (довольно того, что это ощущают они, меньшие!) — очень горько! но раз уж это так, раз упущено время и больше всего упущено в 30-е и 40-е годы, обострено-то больше всего не при царе, а после царя! — почему нас так раздражает их желание отделиться? Нам жалко одесских пляжей? черкасских фруктов?»

С годами Солженицын изменил многие свои мнения, и в позднейших его вещах мы, к сожалению, без труда обнаружили все и даже больше того, чего не нашлось в «ГУЛАГе».

Мы, оказывается, соблазнились на ленинский «отравленный подарок: радостно приняли фальшивые ленинские границы Украины (и даже с крымским приданым от самодура Хрущева)» и тем самым стали «на ложный имперский путь». В другой статье: «Хрущев внезапно проявил сохраненный с комсомольской молодости большевицко-интернациональный накал... Именно он вдруг издумал сумасбродный “подарок” Крыма — тот соблазн, который черт подсовывает, чтобы совратить душу, в данном случае — государственное сознание Украины». Отход Севастополя к Украине писатель называет «государственным воровством» с нашей стороны. Он словно забыл, как американцы уговаривали нас не возобновлять нашу историческую жизнь, и клеймит их за то, что они смирились, когда мы к ним не прислушались. «Вашингтон дарит Севастополь Украине, а мы молчим», — выговаривает Солженицын своему народу.

Таковыми речами властители дум в бывших югославских республиках поднимали своих читателей, зрителей и слушателей на борьбу за национальные «исторические права» — на войну всех со всеми, которая длилась десятков лет и унесла тысячи человеческих жизней... Так что никто — в том числе и читатель этой книги — не дождется от меня участия в споре о том, кому же «на самом деле» должен принадлежать Крым: татарам, украинцам, русским или, может быть, грекам, которые основывали там колонии еще до нашей эры. Или караимам и крымчакам (не путать их с крымскими татарами) — их там очень мало, но они самые коренные... Этот спор лишен смысла, потому что

для истории нет никакого «на самом деле». Цивилизация наших дней не случайно осуждает ссылки на «исторические права» того или иного народа. С культурно-педагогической точки зрения такие ссылки являются признаком задержки в развитии. Идея «исторических прав» рождает такие чувства, которые владеющий собою современный человек должен в себе подавлять. Некоторые же политики не только не подавляют этих чувств в себе, но стараются заразить ими население.

Один из них — самый известный из высокопоставленных российских «борцов за Крым» — называет проявлением украинского «жлобства» нашу приверженность территориальной целостности Украины. Я несколько раз слышал эти его речи и высказывания, видел его на экране. Трудно отделаться от впечатления, что он находится в эти моменты в особом эмоциональном состоянии — в таком, которое обычно не позволяет взвешенно решать вопросы. Он возбужден, он заводит сам себя. Конечно, у него есть определенный, с его точки зрения, рациональный расчет — это расчет на избирателей, на «человека с улицы», на патриотизм низшего порядка, но расчет расчетом, а «пунктик» тоже явно имеется. Каждая такая речь, такой выкрик — это, кажется, что-то вроде припадка, после которого человеку должно быть не по себе. Один мой старый товарищ, далекий от политической кухни, как-то спросил меня: «Вот вы с ним встречаетесь время от времени... Вот были в Москве, ездили с ним по городу. Перед этим он в очередной раз “отбирал” у вас Крым. Вы говорили с ним об этом? Спрашивали его, почему он никак не уймется? В глаза ему смотрели?» Мой товарищ удивился, когда я ему ответил, что мы с этим человеком о Крыме вообще никогда не говорим, что нет и быть не может такого пункта в повестке наших встреч. Крым принадлежит Украине, какой тут может быть предмет для обсуждения? Но глаза он, конечно, отводит. Он все-таки, видимо, боится, что я вдруг скажу: «Слушай, долго ты еще будешь дурака валять?»

Я не удивлюсь, если с такими людьми в начавшемся веке будут обращаться все строже и строже. Сепаратизм ведь, видно по всему, будет оставаться одной из болезней этого века, и роль внешнего фактора в этих процессах будет значительной, они могут развалить не одно государство. Хотя, к слову сказать, Швейцария, несмотря на свой образцовый федерализм, останется все-таки Швейцарией, потому что там, кроме федерализма, существует достаточно высокий удельный вес здравого смысла. Вернее, кроме «конфедерализма». Швейца-

рия ведь является формально конфедерацией, а фактически — одним из наиболее сплоченных государственных образований. Что такое отдельный альпийский кантон Швейцарии без самой Швейцарии? Горы и пастбища. И именно так будет он выглядеть в глазах всего мира, если попробует существовать самостоятельно (хотя, естественно, и пробовать не станет).

Разговор о том, кому «на самом деле» должен принадлежать Крым, непозволителен не только политику, но и всякому человеку, который хочет, чтобы его не считали дремучим. Скажу еще раз: я считаю политически неправильным заниматься каким-то особым обоснованием принадлежности Крыма даже Украине. Есть конституция страны, есть так называемый «Большой договор» с Россией — и все, и точка. Разговор на эту тему возможен в приличном, так сказать, обществе только в одном случае, под одним соусом — в порядке анализа мифа об особых «исторических правах» России на Крым. Не опровергать миф, а исследовать его. Опровергнуть какой-либо миф невозможно — он может или умереть своей смертью, или быть вытесненным другим мифом.

Говоря о том, почему Крым в этом мифе фигурирует не просто как русская земля, а как «священная» русская земля, пришлось бы обратиться к военной истории России, и тогда оказалось бы, что и тут не обошлось без мифа, в данном случае — военно-морского, героем которого выступает Черноморский флот как носитель «русской славы»... Я так смело говорю об этом, потому что и к подлинной славе, и к мифу о ней имеют прямое отношение украинцы: личный состав Черноморского флота в царское время набирался в малороссийских губерниях — ближе было везти новобранцев. Еще интереснее в своем роде попытка противопоставить российскому «крымскому» мифу наш, украинский, миф о таких же «священных» правах Украины на огромные куски России (Уссурийский край, например, Кубань...), поскольку они, мол, осваивались украинцами не в меньшей степени, чем Крым — русскими. Я не буду анализировать эти мифы, это уже сделано специалистами. Мотивы всегда и во всех случаях одни: самовозвеличивание и самооправдание, обида, зависть. Многие россияне восприняли развал Советского Союза не совсем адекватно с демократической точки зрения — не как благо, не как историческую удачу, а как беду, как поражение, и поражение именно России, как позор России. Это ошибка, это не соответствует действительности. Россия

избавилась от большой обузы, избежала краха, подлинного поражения — голода, войны всех со всеми, России удалось благополучно завершить важнейший этап своей истории, тут радоваться надо, благодарить Господа, но часть людей кинулась проклинать... да не только судьбу, а выдуманных виновников, внутренних и внешних, и, чтобы утешиться, стала вспоминать про славу русского оружия, про завоевания и приобретения. Не подвернулся бы Крым — кто-то сражался бы за что-нибудь другое: например, тоже по подсказке Солженицына, — за Северный Казахстан.

Интересно, что попытка некоторых моих соотечественников оформить мифом наши «исторические права» на Уссурийский край, Кубань, Стародубщину не удалась. Этот миф, я замечаю, не пошел гулять, не увлек украинские массы, не стал важной темой застольных разговоров. Это, во-первых, потому, я думаю, что идея украинской государственности не утвердилась еще достаточно прочно в массовом сознании, государственнический патриотизм еще не поднялся на ту высоту, с которой он уже начинает посматривать вдаль, на другие края (и недоброжелатели это сделают за нас: «Но как только идея украинской государственности прочно утвердится, вот тогда уж...» и т. д.). Во-вторых, сама идея украинской независимости изначально не предполагала собирания земель. Для идейных отцов нашей независимости само собою разумелось, что наша земля у нас под ногами, что ее нам хватит, что нам не надо ничего приращивать, прихватывать. Изначально подразумевалось все то же: Украина — не Россия.

В отношении Крыма чаще всего задают два вопроса: как украинцы допустили превращение своей обыкновенной, рядовой Крымской области в Крымскую автономную республику и как все же сумели избежать кровопролития потом, когда эту республику попытались оторвать от Украины (мало кто помнит, что первый и последний президент Крыма, например, предоставил банку автономии право эмиссии денег — выпускать их столько, сколько захочет; это, я вам скажу, нечто похлеще фальшивых «чеченских авизо», не говоря уже о других проявлениях воинственного сепаратизма и о таких провокациях, как убийства, одного за другим, известных крымских деятелей).

Основные явления и события новейшей крымской истории, всего, что там происходило с конца восьмидесятых годов, — это явления и события, можно сказать, стандартные, типичные, они ложатся на те страницы всемирной истории, где описываются революционные вре-

мена. Все бурлит, прежние законы уже не действуют, а новые еще не появились или не обрели достаточной силы, люди руководствуются не правом, а своими желаниями и порывами, считаются не с реальностью, а с утопией, ведут себя с таким сознательным или бессознательным расчетом, чтобы мир оказался перед свершившимся фактом. Это — социально-политическое творчество низов и новых, обычно недолговечных, верхов. Нередко это подлинное творчество, как Украинская Центральная Рада, например, или объединение Восточной Украины и Западной (Злука) после краха Российской и Австро-Венгерской империй.

Все началось 20 января 1991 года, более чем за полгода до провозглашения независимости Украины. В Крыму состоялся референдум о новом статусе полуострова в Советском Союзе, точнее, о восстановлении довоенной Крымской автономной советской социалистической республики. Горбачев изо всех сил пытался этот процесс ввести в рамки. Что это за рамки, напоминать не надо: рамки Советского Союза и «социализма с человеческим лицом». Он надеялся на новый Союзный договор. Советский Союз был создан в принудительном порядке, это уже признавалось Кремлем, по крайней мере, Горбачевым; теперь решено было оставить прежние рамки, но наполнить их новым, подлинно демократическим, содержанием, сделать так, чтобы в союзе опять оказались все, но на сей раз по-настоящему добровольно. В связи с этим Москва уже не могла себе позволить противостоять таким инициативам, как крымский референдум, тем более, что все понимали, что на деле речь идет о выходе из Украинской Советской Социалистической Республики, а не из Советского Союза — ничего, дескать, страшного. Рассмотрение итогов референдума Верховным советом Украины было одним из первых крупных обсуждений в демократическом духе. Спор был острым, закончился судьбоносным решением: восстановить Крымскую автономию, но — в составе Украины.

Так вот вопрос: почему Верховному Совету было позволено заложить эту «мину» сепаратизма? Почему украинская «номенклатура» допустила сам этот референдум — именно украинская, киевская в частности? На мой взгляд, потому что на дворе был уже 1991 год. Народно-Советского Союза бредили, если можно так сказать, демократией. Покушение на демократию в той атмосфере уже вряд ли удалось бы. В то время уже громко звучали голоса за выход Украины из СССР,

в Западной Украине — особенно, уже существовал «Рух», он открыто требовал независимости для Украины, а значит и для всех в Советском Союзе, для всех желающих, это подчеркивалось. Нельзя было выступать за независимость Украины и против какой-либо автономии Крыма. Такой двойной стандарт в той атмосфере был невозможен, чем и воспользовались устроители референдума.

Как удалось избежать кровопролития и силового решения потом, когда крымский кризис докипел до такой точки, как избрание президента, объявившего своей целью выход Крыма из Украины? Самый острый момент пришелся как раз на начало моего первого президентского срока. Сразу скажу: я не только предполагаю, но и точно знаю, какую роль в этом сыграли российские «красно-коричневые», да это знают и обычные люди, поскольку эти силы действовали, в основном, открыто, разве что деньги на подрывную работу направляли тайно. Причем, целью было именно физическое, вооруженное столкновение в Крыму, драка, участников которой разнимала бы потом Россия, вернее, Россия-2. Россия-1 — это демократическая Россия, Россия-2 — это Россия Макашовых-Жириновских. Они и тогда говорили об этом достаточно прозрачно, а сегодня — не только прозрачно, но и научным языком: о создании на пространстве бывшего Советского Союза конфликтов для последующего их разрешения российскими посредническими усилиями, каковые усилия приводят к закреплению посредника в той или иной форме на территории, где восстановлен мир. Примерно так.

В Крым стали возвращаться крымские татары — сосланный Сталиным народ. Это не понравилось многим жителям полуострова, они без раздумий выражали свое недовольство, татары отвечали им тем же, местная власть не могла достаточно решительно урезонить и тех, и других. К этому добавилось напряжение, связанное с новым статусом Украины. До сих пор население Крыма, в общем, не чувствовало, что оно живет в Украине, не придавало этому значения, теперь же людям вдруг пришлось убедиться, что принадлежность Крыма Украине — не формальность, что они оказались в отдельном государстве, которое воспринимает себя всерьез и намерено добиваться того же от всех внутри страны и за ее пределами. Для многих это оказалось неприятной неожиданностью. 30 января президентом Крыма становится Юрий Мешков. Он переводит часы на московское время, про банковские новации я уже говорил, к лету появляются военизированные

отряды «крымского казачества», борьба между исполнительной и законодательной властями Крыма все ожесточается, в сентябре кризис обострился до предела.

Что делает Киев? Это вопрос и о том, что делаю я, новый президент страны. Мы не вмешиваемся в противостояние крымских властей. Действительно не вмешиваемся! Это была моя принципиальная линия. Меня как бы несла волна только что прошедших президентских выборов, на которых я победил с трудом, а это только подчеркивало, что борьба была в общем и целом благородная. Мне хотелось, чтобы так все делалось и впредь. Я собрал «силовики» и поставил перед ними задачу (и не скрывая этой задачи, а наоборот, оглашая ее на всех перекрестках!): не вмешиваться в политику на полуострове, думать только об одном — как не допустить кровопролития. Было выпущено совместное заявление Генеральной прокуратуры, МВД, госбезопасности, в котором это было подчеркнуто. Все называлось своими именами. В политику не вмешиваемся, но безобразий не допустим! Стоит ли говорить, что для определенной части личного состава госбезопасности это была не совсем привычная установка, но отнюдь не огорчительная, насколько я мог понять. Люди в погонах все-таки инстинктивно не любят, когда их используют не по назначению. Для уважающего себя офицера госбезопасности нет ничего желаннее, как работать на обеспечение именно государственной безопасности, а не безопасности какой-то политической силы, пусть она сегодня и у власти. Я понимал это, когда повторял им и повторял, что их дело одно-единственное: не допустить кровопролития.

А по другой линии — никакой двусмысленности. Верховный Совет потребовал к 1 ноября привести крымское законодательство в соответствие с конституцией и законами Украины.

Это требование не было выполнено, более того, крымский парламент заявил, что устранить противоречия в конституциях Крыма и Украины невозможно, и в связи с этим выступил с дерзким предложением «начать переговоры о заключении широкомасштабного договора между Крымом и Украиной». После бурных дискуссий Киев дал ответ, который все наблюдатели сочли самым мягким. Мягкость его заключалась в том, что мы не ввели чрезвычайное положение на полуострове, не изолировали главных бунтовщиков, не закрыли ни одного учреждения, но при этом отменили все крымские правовые акты, противоречащие украинской конституции, и — самое интересное

и практичное — объявили о прекращении финансирования тех учреждений Крыма, которые будут действовать в соответствии с отмененными актами.

Государственная Дума России, где тон задавали, к сожалению, не демократы, очень хорошо поняла, что это значит: прекращение финансирования. В ее постановлении осуждался наш «язык ультиматумов и блокады». В печати появились выкладки: какие потери понесет население Крыма в случае безоглядного следования курсом «от Украины» и сколько времени потребовалось бы в таком случае для восстановления даже того невысокого уровня хозяйственной жизни, на котором она тогда находилась, — от пяти до десяти лет. Тем не менее, сепаратисты продолжали свое, и мы терпели их разрушительную деятельность аж до 17 марта 1995 года, повторяя и повторяя при этом свое требование привести конституцию и законодательство Крыма в соответствие с украинскими. 17 марта решением парламента и президентскими указами мы отменили целиком конституцию Крыма, институт президентства и противоречащие украинским крымские законы.

После этого обстановка в Крыму еще не раз обострялась, но в целом нормализовалась.

Мы никогда не забудем, какую роль в этом сыграл Борис Николаевич Ельцин. Он не допустил вмешательства в крымские события и раньше, в мае 1994 года, когда Украина была на грани вспышки вооруженного конфликта между крымскими и центральными властями, и в сентябре того же года, когда возникло острое политическое противостояние между крымским президентом и крымским парламентом, и многие политики на полуострове с нетерпением ждали и всячески приветствовали бы подключение России. В марте 1995 года, несмотря на призывы спикера крымского парламента С. Цекова, с одобрением воспринятые частью российской Думы, взвешенная позиция Ельцина не позволила конфликту выйти за пределы правового поля Украины.

В это время, вспомним, Россия уже вела безуспешные боевые действия в Чечне, и люди разных взглядов, а значит и с разными чувствами, задают вопрос: что было бы, если бы «маленькая победоносная война» в Чечне оказалась действительно маленькой и победоносной, то есть была бы закончена к марту 1995 года? Откликнулся бы Ельцин на призыв Цекова? Двинул бы «русскую силу» на Крым? Уверен, что нет. В мае и сентябре предыдущего года он не был занят

в Чечне и, однако же, не подумал о чем-то таком. Другое дело, что могли попытаться «двинуть» другие, но для этого им пришлось бы сначала «сдвинуть» его самого, а это, как он к тому времени наглядно показал, очень непросто. Воздам должное ему — от противного — словами того же А. И. Солженицына: «Сколько русских с негодованием и ужасом пережили эту безвольную, никак не оспоренную, ни малейше опротестованную, по дряблости нашей тогдашней дипломатии, в 24 часа отдачу Крыма — и предательство его при каждом потом крымском конфликте!» Вот какие речи приходилось выслушивать Борису Николаевичу, вот какие настроения части населения преодолевать!.. Ввиду таких речей (а они ведь продолжают в российском обществе) не перестаешь восхищаться русским народом, который в целом проявляет должную устойчивость, невосприимчивость к этому яду.

Я бы мог еще долго говорить о приметах «новых времен», так сильно изменивших нашу жизнь. Эту тему трудно исчерпать, и я не буду пытаться это делать. Однако не могу не сказать об одном большом разочаровании. Может быть, от того, что стало больше соблазнов, многие люди сегодня легче, чем раньше, переступают закон и совесть. Я не ждал такого от своих земляков. Поддельная водка, кража цветных металлов, пиратские компакт-диски стали явлением обыденным, как дождь или изморозь. Мне пришлось выступить со специальным заявлением по поводу того, что у нас вдруг оказалось много больше участников войны, чем их могло быть даже в теории. Ведь это не просто подлог, а подлог в сфере святого! Однако есть явление еще более печальное, хоть и менее частое. Появились люди, слабо отождествляющие (а то и вовсе не отождествляющие) себя со своей родиной. Нет, они не говорят такого вслух, да скорее всего и не размышляют по этому поводу, как незначительному. Но их поведение красноречивее слов. Они не на стороне Украины. Не то чтобы против, нет. Они просто не болеют за нее, она на сто каком-то месте среди их приоритетов. Это у них получается так же естественно, как у птицы пение. Журналисты, чиновники, предприниматели и даже политики демонстрируют, не всегда сами это замечая, что личный интерес для них куда выше интересов страны, где они родились и живут.

А этот тон вечного скепсиса и насмешки, эта привычка из всех версий всегда выбирать худшую, эти заголовки-вопросы, эти обоб-

щения! Никогда не напишут, например: «переход Украины к демократии оказался длительным и трудным процессом». Напишут: «проект демократической Украины потерпел сокрушительный крах». В таких фразах спрятано утверждение, осознанное или нет, что у нас никогда и ничего не получится, что в Украине должно потерпеть крах более или менее все. А между тем еще не вечер, и трудности преодолеваются.

Не хотелось бы заканчивать на этом. Выздоровление страны с неизбежностью увеличивает и будет дальше увеличивать долю оптимистов в обществе. Те же, кто не на стороне Украины, внутренне чужие ей люди, перестанут восприниматься как нечто значительное, имеющее вес и влияние. А кто-то из них, пожалуй, изменит свое отношение, эта дорога никому не заказана, безнадежных людей нет. Но пока я вижу в них что-то вроде белых кровяных телец, по наличию которых судят о кризисах в организме. Потом болезнь отступает, и белые кровяные тельца куда-то деваются. И никто об их исчезновении не горюет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Всегда немного жаль расставаться с работой, которой отдано много душевных сил — будь то ракета, диссертация, Конституция или книга. «Украина — не Россия» писалась урывками более четырех лет, и все же мне трудно забыть, как с самых первых дней я непроизвольно, но постоянно сворачивал от темы, обозначенной в заглавии, к теме «Украина», просто «Украина». Теперь книга об Украине и ее чарах, о самых разных ее уголках, будет моей мечтой. Суждено ли ей сбыться?

Вполне вписалась бы в книгу — более того, могла бы занять в ней центральное место — глава под названием «Мое открытие Украины», задуманная на ранней стадии работы. Это был бы рассказ о личном опыте человека, воспитанного преимущественно на русской культуре и всю сознательную жизнь открывавшего для себя отдельную от «советской родины» Украину, открывавшего ее неповторимые и особенные черты; рассказ о том, как он продолжает их открывать до сего дня, о радости и счастье постижения родной страны. Но и от этого замысла пришлось отказаться, ибо глава сразу же стала непомерно разрастаться, требовать все больше и больше места — одно «открытие» заставляло вспомнить о другом, и каждое было поучительным и важным.

Признаюсь, легче всего мне было писать о родном селе, о Черниговщине, о «Южмаше», о наших исторических парках и антиисторических водохранилищах. Как-то за одно воскресенье я наговорил на магнитную ленту столько всего о Чайкине и Новгороде-Северском, что при расшифровке это составило больше 40 страниц текста, считая на добрые старые машинописные. Большинство из этих мемуарных кусков (а еще больше связанных с Днепропетровском) я, в конце концов, не без сожаления удалил, поскольку они не имели отношения к главной теме. Но сохранил, и, быть может, им еще найдется применение. Найдется, конечно, лишь в том случае, если я сумею осуществить еще одно свое давнее желание: рассказать о замечательных людях, знакомство с которыми мне дарила судьба, начиная с детских лет.

Ну а что касается той книги, которая у меня в итоге получилась и которую вы держите в руках, пусть о ней судят по тому, что она содержит, а не по тому, что в нее не попало. Мне же пора переходить к выводам.

В мире, Европе, России и уж конечно в Украине становится все меньше людей, полагающих, что Украина — исторически неотъемлемая часть России, отколовшаяся по какому-то странному недоразумению или даже чудачеству. Со временем подобные взгляды станут и вовсе экзотическими, хотя, допускаю, не исчезнут совсем: ведь и сегодня существуют общества изобретателей вечного двигателя и приверженцев постулата о плоской Земле. Едва ли это произойдет в ближайшее время; скорее всего, потребуется смена поколений, потребуется немалая работа. В связи с этим нужно и полезно констатировать, напоминать и разъяснять, что Украина — не продолжение и не филиал России и вообще не Россия. Я призываю своих читателей делать это во всех уместных случаях, особенно за границей.

Ключевым в данной книге могло бы стать слово «асимметрия», поскольку Украина и Россия мало в чем являются зеркальным отражением друг друга. У двух стран разные исторические судьбы, разный национальный опыт, разное самоощущение, совершенно несхожие культурно-языковые ситуации, принципиально различные отношения с географическим и геополитическим пространством, неодинаковая ресурсная база, разный политический вес в мире, несоизмеримые возможности для взаимовлияния.

В России отсутствуют параллели к целому ряду специфически украинских проблем — таких как не преодоленный пост-окраинный синдром, незавершенность формирования национального сознания, борьба вокруг государственного языка, последствия Чернобыля, напряженность между греко-католиками и православными, раскол в православии, резкое несходство западных и восточных регионов, продолжающееся выяснение отношений с прошлым (включая далекое прошлое), проблема ветеранов УПА, энергозависимость, поддержание необходимой частоты в электрических сетях.

Украина, в свою очередь, не знает, что такое рвущие внутренний рынок расстояния, зона рискованного земледелия, обезлюдившее село в историческом ядре страны, нуждающиеся в освоении, но непригодные для жизни пространства, «китайская диффузия», Чечня, фантомные боли империи, Калининградский эксклав, реликтовые (да и новые) обязательства в разных углах мира, необходимость содержать атомные подлодки, ядерное оружие и прочие дорогостоящие атрибуты сверхдержавы. Часть внешних проблем, с которыми сталкивается Россия, порождена недоброжелательст-

вом в ее адрес, сохраняющимся у значительной части населения посткоммунистических стран, особенно Восточной Европы. Пусть это и не слишком справедливо по отношению к современной России, надо признать очевидность: множество людей в Восточной Европе, да и в бывшем СССР тоже, не могут забыть, как их многие десятилетия держали за горло. Россия бы только выиграла, перестав игнорировать эти чувства. Украина не сталкивается или почти не сталкивается с подобным недоброжелательством, оно не входит в реестр наших проблем.

Одна из самых главных и самых досадных наших асимметрий: Украина и Россия по-разному воспринимают друг друга. В Украине традиционно слышат все, что имеет сказать Россия — так уж устроено наше информационное пространство. Украине же достаточно трудно докричаться до российского общественного мнения.

Иностранец, прочтя приведенные перечни, пожалуй, решит: исключительное несходство, тотальное несовпадение, ничего общего. Как бы не так! На фоне всех этих несовпадений — почти полное социальное, экономическое, демографическое, образовательное и культурное подобие, целый ряд совпадающих болячек: убыль населения, «новые бедные», анахроничная промышленная структура с преобладанием базовых отраслей, старение основных фондов, острый дефицит инвестиций и так далее — как говорится, «см. выше». И Украина, и Россия в равной степени стоят перед необходимостью решать сто проблем одновременно, ибо ни одна из этих проблем не терпит отлагательства, ни одну нельзя засунуть на дальнюю полку, чтобы она там подождала, пока решаются другие. И Украину, и Россию запугивают их проблемами, но и там, и там «глаза боятся, а руки делают». И сделали уже очень много.

Всего за десять лет обе наши страны стали в значительной степени другими, и продолжают находиться в процессе становления. Я бы назвал это державотворчеством. Стартовые позиции у нас были неравны: устоявшаяся государственность в Москве и наследие 70 лет «полугосударственности» в Киеве. Правда, это открывало перед нами и больше возможностей — по крайней мере, так казалось поначалу. Мол, создавая новое, нам не потребуется так уж много ломать. Но жизнь не всегда подтверждает правдоподобные теории.

XX век дал человечеству огромный опыт возродившихся и вновь созданных государств, и почти для каждого из них решающим с точ-

ки зрения державотворчества был первый год, иногда первые два-три года. Созданное в это время редко затем подвергалось кардинальным переделкам. Новая Украина, прямо скажем, не в должной мере воспользовалась этим решающим периодом. До конца 1991 года для нас не была закрыта возможность подтвердить конституцию Украинской народной республики от 29 апреля 1918 года. Пусть эта конституция была не слишком приспособлена к реалиям 1991 года, пусть ее сразу же пришлось бы исправлять и дополнять, однако такой акт обеспечил бы нам совершенно уникальную преемственность от выдающихся украинских государственников начала XX века, нас никто бы не обвинял, справедливо или нет, в том, что мы копируем Россию.

Но мы не пошли по пути преемственности, и чем дальше, тем эта возможность становилась прозрачнее, пока не исчезла совсем. Да, мы создали новое, но не принципиально новое государство. Очень многое следовало бы оставить в советском времени, однако у нас не хватило решимости и политической воли сделать это. Говорю «мы» и «у нас», потому что сам был в это время депутатом Верховной Рады, одним из четырехсот пятидесяти. Впрочем, наше державотворчество не остановилось на месте, и лучший тому пример — Конституция Украины, принятая 28 июня 1996 года.

Нам еще многое предстоит сделать. Нашим законодателям необходимо помнить о том, что в силу несходства Украины и России державотворчество в наших странах, хочешь не хочешь, должно ощутимо различаться. Теоретически это вроде бы всем понятно, но на практике мы нередко сталкиваемся с проблемой контрпродуктивного для нас копирования России, то неосознанного, то сознательного. Копируя, мы будем обрекать себя на вторичность, чтобы не сказать на второсортность.

Любят спрашивать: «Идем ли мы в Европу вместе с Россией или нет?». Из-за размытости вопроса на него можно ответить и «да», и «нет». Вне конкретики этот ответ, как и вопрос, ничего не стоит. Политики обычно с чистой совестью отвечают положительно, потому что в этом случае можно ограничиться односложным «да». Ответив «нет», политик должен будет долго объяснять, что мы идем в одном направлении, но слово «вместе» может быть неверно истолковано и злонамеренно использовано некоторыми «силами», и так далее, и так далее.

Что значит «идем в Европу вместе»? Это не лозунг и не заклинание, это констатация факта в самом его общем виде. Того факта, что

и Украина, и Россия ясно обозначили совпадающий европейский выбор. Для Украины он полностью органичен, это ее цивилизационный выбор, сделанный в глубокой древности и, как говорится, никогда никем не отмененный. Мотивы России не столь очевидны, поскольку ей куда менее присуще чувство принадлежности к Европе. Русские мыслители достаточно ревниво относятся к этому вопросу, многие из них склонны видеть в своей родине отдельную цивилизацию, любят говорить о «евразийстве», «третьем пути», самобытности. Они постоянно напоминают, что Россия — это такая величина, которая не может быть (и не нуждается в том, чтобы быть) частью чего бы то ни было.¹³⁴ Тем ценнее этот громко заявленный выбор, и то, что российское общество, пусть и не со стопроцентным единодушием, но принимает его. А значит, хотя бы на уровне декларации о намерениях, мы движемся в одном направлении. Так что, если мне будет задан такой вопрос, я скорее всего отвечу «да» и сделаю это с чистой совестью.

Но я могу и растолковать свой ответ. Что вообще стоит за словами «быть в Европе»? Мы ведь и без того в Европе, и даже ее географический центр, по вычислениям географов, находится на украинской территории. Что же касается России, она и вовсе занимает 42% территории Европы. Понятие «быть в Европе» не есть нечто неуловимое, зависящее от настроений, симпатий или антипатий каких-то тайных судей. «Быть в Европе» — значит отвечать нескольким десяткам вполне формальных критериев. Эти критерии имеются у Европейского совета, у Европейского союза, у НАТО и других известных организаций. Невозможно считать себя страной европейской во всех смыслах, а не только в географическом, не отвечая этим требованиям. Среди них законодательное принятие и соблюдение общепринятых прав и свобод, неприменение смертной казни, альтернативная воинская служба, информационная открытость, согласование промышленных и военных стандартов, отсутствие торгового протекционизма, отсутствие такого понятия, как «прописка», выполнение определенных норм по охране окружающей среды и еще многое другое. Особенно трудно выполним блок экономических требований, каждое из них требует отдельной работы, сплошь и рядом многолетней. Естественно, что у одной страны раньше получится одно, у другой — другое, никаких согласованных графиков нет. В этом смысле можно сказать, например, что мы идем в Европу вместе с Болгарией и Румынией. Тем более, что конечная, пусть и неблизкая, цель Украины та же, что и у этих стран — вступле-

ние в Евросоюз, члены которого предоставляют друг другу свободу нестесненного передвижения «идей, людей и капиталов», тогда как Россия, насколько мне известно, не выражала такого желания. И все же, взвесив все, скажу: мы идем в Европу вместе с Россией в большей степени, нежели с Болгарией и Румынией — просто в силу нашей куда более сильной взаимозависимости. Благодаря нашему сходству-несходству мы в состоянии помочь друг другу двигаться в нужном направлении. Особенно важны совместные экономические проекты с участием Украины, России, евроструктур и отдельных стран — членов ЕС. Назвать это политикой? Или чистой экономикой? Вопрос слишком схоластический, чтобы тратить на него время.

Ну, а что же за горизонтом? Хотя мы сейчас и несколько отстаем, но на долгой дистанции, я уверен, Украина не будет позади России по главным показателям на душу населения и по качеству жизни, и это — в худшем для себя случае. Дело вовсе не в минусах российской географии (ее плюсы не слабее) и в других мифических или действительных изъянах нашей великой родственницы (покажите, кто без изъянов?), а совсем в другом. Еще в школьном курсе химии нам объясняли понятие «валентность». Это способность атома присоединять другие атомы, приобретая новые качества. Поскольку понятие валентности применяется и в других отраслях науки (например, в языкознании), его можно, вероятно, распространить и на человеческие сообщества. За долгую жизнь я пришел к убеждению, что украинцы более валентны, и это обязательно сыграет свою роль в том поступательном движении Украины, которое по-настоящему только начинается, в каждой ячейке жизни, в больших и малых начинаниях. Мы исключительно восприимчивы к новым идеям. Наша элита двуязычна, а это гарантия ее большего универсализма и гибкости. Парадокс, но эти качества есть наша награда или компенсация за века безгосударственности.

Один журналист как-то написал, что если бы управление кадров ЦК КПСС в 70-е годы перевело Кучму Л. Д. на один из уральских, сибирских или московских заводов, через двадцать лет он (то есть я) вполне мог бы оказаться на месте Ельцина, стать президентом России, тогда как Ельцин ни при каких обстоятельствах не мог бы стать президентом Украины. По отношению конкретно ко мне такое заключение ошибочно, но мысль журналиста совершенно понятна. Он явно имел в виду то качество украинцев, которое я назвал здесь высокой валентностью.

С юных лет увлекаясь историей, я совершенно не соотносил ее с той современностью, которая меня окружала. История была сама по себе, а Чайкино, Караси, Костобоброво, Днепропетровский университет имени 300-летия воссоединения Украины с Россией, целинные совхозы, конструкторское бюро «Южное», завод «Южмаш» и даже Байконур были сами по себе. Происходили какие-то события, сменялись генсеки и футбольные чемпионы, заполнялись водохранилища, но это не было историей. Меня окружал полностью законченный мир под названием СССР. В него входили достаточно условные Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан. Замечательная советская родина!

Но с самого детства что-то порой просвечивало. Я старался понять, где именно через костобобровский овраг проходит граница, чтобы стать одной ногой в Украине, а другой в России, и мне было досадно, почему граница никак не обозначена. Помню, меня радовала мысль, что я нахожусь именно здесь — пусть и на самом краю украинской земли, но все же в Украине. Мысль о границе никогда не переставала будоражить меня вплоть до окончания школы, и долгое время я был твердо убежден, что для взрослых это тоже игра: они договариваются о границах, чтобы не так скучно было жить. Но попутно с этим я не раз представлял себе, как граница становится настоящей, Украина отделяется от СССР, становится самостоятельной, у нас появляются пограничники в серых мундирах и серых суконных кепи с прямым козырьком (в каком фильме я углядел такую форму?), а на российской стороне все остаются в советской форме. Пусть это была игра, но ведь была же какая-то причина, почему у такого сознательного комсомольца возникали подобные видения? Я никогда не задумывался об этой причине всерьез, но странный образ границы был отчего-то всегда рядом.

Пока отшагаешь девять верст по пути в школу или из школы, какие только картины (конечно, книжного происхождения) не промелькнут перед тобой! Я часто представлял себе чубатых казаков Стародубского полка. Им некуда было торопиться, их было трое или четверо. Спешившись, они вели коней под уздцы, покуривая люльки, за поясами и из седельных сумок торчали длинные кремневые пистолеты. Один конь был лишний, его покрывала ковровая попона. Подарок или военный трофей? И это тоже было где-то рядом.

Виделись мне и московские люди. Они были в красных кафтанах, бородатые, кажется с алебардами, теперь уже не помню, на лосня-

шихся, сытых лошадях, вид имели важный и надменный. Они напрягались в Чернигов проводить там перепись.

На стыке 80-х и 90-х, когда, вероятно, каждый почувствовал, что Украину подхватил и несет поток истории — об этом многие тогда начали писать и говорить, — мне вдруг стало ясно, что на самом деле мировая история совершалась всегда, каждый день. Одной из главных, хотя и скрытых ее пружин в XX веке были отношения России и Украины. Ни та, ни другая сторона не оставалась неподвижной, и там, и там под толстым слоем льда происходили большие перемены. Даже в годы, кажущиеся теперь совсем вялыми, случалось много важного. Теперь понятно, что обе страны, еще того не подозревая, вовсю двигались к 1991 году. Надо было сделать исключительно много, чтобы к решающему мигу все было готово. Уверен, что я не составлял исключения, уверен, что даже в самые глухие времена миллионам людей без всяких видимых причин и вне всякой связи с тогдашней действительностью являлся образ независимой Украины. Кого-то он даже пугал, но все равно являлся.

Читая разного рода прогнозы, я не перестаю удивляться тому, как легко оракулы обращаются со словами «всегда» и «никогда». У них на глазах целый мир к востоку от Одера полностью переменялся за какие-то 10—12 лет, жизнь сотен миллионов людей стала совершенно другой, но оракулов это ничему не научило, они по-прежнему лишены воображения и продолжают твердить: «страна Y отныне всегда пребудет отсталой», «страна Z никогда не достигнет европейских стандартов». Мне смешны эти камлания. Я с уверенностью смотрю в будущее Украины.

Наша дорога не так гладка, как хотелось бы. Подъем бывает крут, ноги часто увязают в песке. Но я хорошо помню, как в дни юности, стоило мне одолеть долгий песчаный косогор, сразу показывался крест дальней церкви, и идти становилось намного легче. Пока что мы не увидели столь же ясного ориентира. Или уже увидели? Может быть, наш главный ориентир — Европа?

Я твердо знаю, что поколение моей дочери, я уж не говорю о поколении внука, увидят «вступление» в Европу и Украины и России, но повторяю: по главным показателям на душу населения и по благосостоянию народа Украина не будет позади России. Мои предвидения до сих пор сбывались.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1959 году русские составляли 54,6% населения СССР, в 1970 — 53,3%, в 1979 — 52,4%, а в 1989 — уже 50,8%.
2. В 1959 году на 100 русских в СССР приходилось 33 украинца, а в 1989-м — уже только 30. Почему? Куда делись эти трое? Смертность среди украинцев в течение этого тридцатилетия оставалась такой же, как среди русских, да и рождаемость была никак не ниже, но почему-то число русских в СССР за этот период выросло на 27%, тогда как украинцев — только на 19%. При получении паспорта дети из смешанных семей гораздо чаще записывались русскими, чем украинцами. То же самое нередко делали и дети двух украинских родителей, если семья жила за пределами Украины.
3. Перепись 1989 года насчитала 6,8 млн украинцев за пределами УССР. Только время покажет, какая часть из них потеряна для украинства навсегда. Хотя, естественно, пусть будет хорошо всем этим людям, каким бы ни оказался их выбор. Согласно переписи 1989 года, 8,4 млн украинцев во всем СССР (почти каждый пятый) не считали украинский язык родным, причем 4,6 млн из этого количества проживало в самой Украине! В 1989 году свыше 18 млн жителей Украины не считали украинский язык родным, а 11,8 млн (23%, близко к четверти населения республики) и не владели им. Как видно, не испытывали потребности, сама тогдашняя жизнь не подталкивала к овладению украинским. Мало кто сомневается, что это число на самом деле было больше: люди во время переписей сплошь и рядом дают не столько правильные, сколько «политкорректные» ответы. Особенно это верно для переписи 1989 года — года, когда пробуждение украинского национального самосознания уже заявило о себе в полный голос и расписываться в том, что ты, по сути, отвергаешь культуру титульной нации, стало «неудобно». Приуменьшенные или нет, эти цифры давали пищу для самых мрачных предчувствий.
4. Заманчивы и другие наши воднотранспортные возможности. 26 ноября 2001 года рабочие группы Украины, Белоруссии и Латвии подписали договор по проекту «Транзитный путь Днепр — Западная Двина». Речь идет о строительстве канала, который соединит две реки, обеспечив Украине выход в Рижский залив Балтийского моря. Дело это, конечно, не завтрашнего дня, поскольку такой канал обойдется более чем в два миллиарда долларов. Никакого государственного каналопопательства не планируется. Пусть частники-акционеры взвешивают выгоды своего участия в проекте, оценивают возможные грузопотоки. Называют цифру 120 млн тонн грузов в год.
5. Склоняя голову перед памятью погибшего в годы сталинского террора С. Л. Рудницкого, невозможно подписаться под всеми его идеями. Так, «мировое политическое значение Украины» он видел в том, чтобы «она своей большой и широко распростертой территорией останавливала бы экспансию России к Адриатическому и Эгейскому морям, к Передней Азии и Египту, сделала бы невозможной ее экспансию к Индии». Выходит, Украина должна

была бы сделать своей основной жизненной целью не решение собственных задач, а постоянное противодействие другому государству. И чем? Своим большим телом. Для этого Украине следовало стать не просто «широко распростертой», а очень широко распростертой, то есть самой заняться территориальными захватами. Загородить от России Индию Украина во времена Рудницкого могла бы, лишь сомкнувшись с Китаем. Значит, Украине пришлось бы расширяться — через Астрахань, Новоперовский форт и Орск (потому что это шевченковские места?..) — до Семиречья (так как там обитало много выходцев из Полтавщины?!) и границы с Китаем. Впрочем, в книге Рудницкого («Чому ми хочемо самостійної України». Львів, 1994) можно найти куда более скромные планы. Если уж не независимость, пишет он, то автономию Украины в составе России можно «сильно поставить». Не за здоровье, так за упокой... Впрочем, мысль о значении географии представляется исключительно интересной и верной.

6. По размерам территории идущие вслед за Украиной страны располагаются так: Франция занимает 552 тысячи кв. км, Испания — 505 тыс., Швеция — 450 тыс., Норвегия — 387 тыс., Германия — 357 тыс., Финляндия — 337 тыс., Польша — 313 тыс., Италия — 301 тыс., Великобритания — 244 тыс., Румыния — 237 тыс.
7. Накладывая сетку должностей в руководстве современной Украины на государственное устройство УНР, видим, что в качестве председателя Центральной Рады Грушевский был фактически президентом республики с ноября 1917 года. Именно поэтому о Грушевском часто говорят как о первом президенте Украины.
8. У Гоголя в девятой главе «Мертвых душ» сказано об «ученых рассуждениях» подобного рода: «Сперва ученый подлезжает в них необыкновенным подлецом [то есть вкрадчиво], начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднему времени? или: не нужно ли под этим народом разуместь вот какой народ? Цитует [цитирует] немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им вопросы и сам даже отвечает на них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, — и рассуждение заключено словами: так это вот как было, так вот какой народ нужно разуместь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет! Потом во всеуслышанье с кафедры, — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников».
9. Как выяснили архивисты, впервые такое разделение греки ввели в 1292 году. Важно было и то, что присылаемый из Константинополя митрополит Руси—России пребывал в Киеве, главном городе Малой (то есть главной) Руси—России.

Однако в 1299 году митрополит киевский Максим перенес митрополичью кафедру в ту самую новоназванную «Великую Россию», в город Владимир, а в Киеве не оставил даже епископа. Митрополит Максим не считал, что переезжает в другую страну. Он просто переехал из одного города Русской земли в другой, подальше от орд хана Ногая, которые вскоре, в том же году, так разорили Киев, что в нем вообще не осталось жителей (как утверждает Лаврентьевская летопись, разбежались все до единого). Преемник же Максима, митрополит Петр, в свою очередь перенес (в 1325 году) митрополичью кафедру, на сей раз в Москву, где она уже и осталась. Это сыграло со временем важную роль в возвышении Москвы. Для людей Средних веков город, где пребывает митрополит, был заведомо важнее всех княжских столиц. Князей много, а митрополит один. Но — внимание! — находясь в Москве, митрополит Петр и еще несколько его преемников продолжали считаться митрополитами Киевскими и всея Руси (позже Киевскими и Московскими и всея Руси), а их митрополия у константинопольских патриархов именовалась просто Русской — или, на греческий лад, Российской. Здесь исток великой путаницы с названиями. В следующем столетии произошла ссора Москвы с Константинополем, после чего митрополиты московские сложили с себя каноническую зависимость от константинопольских патриархов. Так началась московская автокефалия. В ответ константинопольский патриарх в 1458 году посвятил особого митрополита с кафедрой в Киеве для православных Великого княжества Литовского и вообще для всех «русских» епархий, не находящихся под митрополитом Московским. С этого времени Русская митрополия константинопольского патриархата разделилась на Киевскую («и всея Руси») и Московскую («и всея Руси»). Этот факт окончательно закрепил, в глазах греков, понятия: «Великая Россия», сиречь Великое княжество Московское, и «Малая Россия» — митрополия Киевская (позже Киевская и Галицкая). Постепенно эти понятия стали усваивать и те, к кому они прилагались. Стали писать «Русия», а затем и «Россия». Самое интересное, что и «великороссы», и украинцы начали это делать одновременно.

Этот вопрос прояснил еще в девятнадцатом веке наш замечательный ученый Михаил Александрович Максимович. Приведя два десятка свидетельств того, что это было именно так, он добавляет, что таких свидетельств неизмеримо больше. Вот некоторые. Еще в 1591 году православное Львовское братство издало в своей типографии «Граматику» «в наставление многоименитому российскому роду» (то есть народу). В грамматике упомянуто «пришествие» патриарха Иеремии «в страны Российскойя», а митрополит Киевский и Галицкий Михаил (Рагоза) именуется «архиепископом всея России». Да и сам Михаил Рагоза, начиная с 1590 года, стал писать в своем титуле то «всея Росии» (с одной «с»), то «всея России».

Чтобы мы все вконец запутались: резиденция митрополита Киевского и Галицкого больше ста лет находилась в Вильне, нынешнем Вильнюсе.

Наши предки не возражали против названия «Малая Россия». Максимович цитирует послесловие знаменитого киевского книжника и лексикографа Памвы Берынды к книге «Анфологион, с Богом содержащий церковную службу» (1619): «се убо приносит ти... мать твою в России Малой». В «Октоихе» (1630) львовского издания сказано: «в граде Леондополи [Львове] Малыя России».

Но главные свидетели и судьи тут, конечно, казаки. В Белоцерковском универсале 1648 года Богдан Хмельницкий пишет: «вам всем обще Малоросияном о том доносим... о уволенню от бед лядских всего народа Малороссийского... Кому з вас любима целость отчизны нашей, Украины Малороссийской...» Обратите внимание: «Украины Малороссийской». Украины! Запорожцы тоже ничего не имели против названия «Малая Россия». 3 января 1654 года они пишут Хмельницкому: «А замысл ваш, щоб удатися и буди зо всем народом Малороссийским... а бысте того дела не оставляли и оно кончили, як ку найлутшой ползе отчизны нашей Малороссийской...».

Против слова «Россия» не стали возражать и в Москве. Уже в 1586 году патриарх московский Иов стал писать в своем титуле: «и вся России».

10. Чешский ученый, великий педагог Ян Амос Коменский включил в свою знаменитую книгу «Мир чувственных вещей в картинках» карту «главнейших государств Европы», составленную в 1650-х годах. На этой карте отдельно показана «Московия», а севернее и восточнее ее — «Россия». Граница между ними не проведена. Украина представлена на этой карте «Подоліей» между низовьями Дуная и Днепра. Подолия граничила, согласно книге Коменского, с «Фракией», Венгрией, Польско-литовским государством и «Тартаріей».
11. Слово «украинец» имело хождение задолго до Петра Первого, иначе, например, в России не могла бы появиться фамилия Украинцев. Емельян Игнатьевич Украинцев (1641—1708) был в 1689—1699 годах главой российского Посольского приказа, по-нынешнему, министром иностранных дел.
12. Патриарх Никон находил, что «малороссияне потеряли веру и крепость добрых нравов; покой и честь их прельстили, они своему чреву работают [служат], и нет у них постоянства». Некоторые духовные книги из Киева вызвали в Москве переполох. О распятии Христа в них говорилось: «пригвоздили до креста». Московские грамотеи увидели здесь ересь, говорили, надо, мол, писать «ко кресту». Такие «ереси» они находили везде, где только встречали непонятное для них значение слова, например, «речь» в значении «вещь» и так далее. (Правда, это не помешало последовавшему вскоре «большому призыву» украинских книжников и ученых в Москву.) Здесь можно вспомнить и большие обрядово-литургические различия. У украинцев детей при крещении не окунали в купель, а обливали святой водой, и московское духовенство всерьез ставило вопрос, не являются ли «обливанцы» еретиками. И это при том, что много десятилетий предстоятелями русской православной церкви были как раз украинцы, то есть «обливанцы».

13. После переселения запорожцев на новое место правительство войска (теперь уже, правда, Черноморского, а не Запорожского) издало «Порядок общественной пользы», в котором «вспоминая первобытное войска под названием запорожцев состояние», постановило: «Быть в сем войске [Черноморском] войсковому правительству из кошевого атамана, войскового судьи и войскового писаря... ради войсковой резиденции воздвигнуть град, наименовав его в честь всемилостивейшей государыни Екатеринодар... ради собрания войска, установления довлеемого порядка и прибежища бездомных козаков выстроить в Екатеринодаре сорок куреней...» (38 из них получили те же названия, что были в Сечи); все войско расселить куренными селениями по жребию и в каждом курене ежегодно 29 июня выбирать куренного атамана; «для заведения и утверждения во всей войсковой земле благоустроенного порядка» разделить ее на пять округов и завести окружные начальства; окружное правление должно состоять из полковника, писаря, есаула и хорунжего, в чьи обязанности входит «чинить непременное и немедленное исполнение» письменных распоряжений войскового правительства, иметь попечение об экономических нуждах населения, разбирать устно споры и драки, заботиться об исправном и своевременном вооружении казаков, о дорогах и мостах, о благоустройстве и чистоте в куренных селениях, о пожарной части, о преследовании воров и разбойников, о мерах против эпидемий и эпизоотий; функции же «расправы и наказания впадающих в погрешности в войске» оставлялись за войсковым правительством; «...старшинам и козакам на вечно спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лесами, виноградными и рыболовными заводами владение выдать открытые листы с тем, чтобы до оногo, кроме хозяина и законного их наследия ко владению никто права не имел, да и землей не утеснял; старшинам, яко вождям, наставникам и попечителям об общих сего войска благах, в отменное воздание их заслуг позволить селить при своих хуторах родственников и вольножелающих людей», но с тем, чтобы старшины не считали поселенных в их хуторах людей своими подданными, и чтобы этим людям вольно было уходить со старшинских хуторов на войсковые земли, куда пожелают, «кроме долгов, коими ежели кто будет обязан, не имеет воли выйтить, донеже долг хозяину не возвратит».
14. В послевоенной Германии философ Г. Плеснер написал книгу «Опоздавшая нация». В ней он доказывал, что немцы проявили неспособность к усвоению своего духовного опыта и поэтому являются опоздавшим народом, возможно навсегда. Единственный шанс для опоздавшего народа — еще раз пройти, как двоечник и второгодник, курс основ современного свободного общества. К чести немецкой интеллигенции, она не обиделась на Плеснера, а отнеслась к его диагнозу с пониманием. Это свидетельствовало об уровне разумной самокритичности в обществе. Но свою роль сыграло, подозреваю, и то, что человек, столь уничтожающе оценивший исторический опыт Германии, носил обычную немецкую фамилию. Если бы книгу написал представитель страны-победительницы, да и вообще любой, ощущаемый чужим, не вполне

доброжелательным наблюдателем, немецкое сознание отвергло бы его критику как предвзятую и потому не заслуживающую внимания. Я очень хочу, чтобы кто-нибудь умный написал о недостатках украинского характера, образа жизни и восприятия мира, но будет лучше для дела, если автором такой книги окажется тот, кто знает наши недостатки изнутри, кого не проведешь на мякине, но поэтому и вызывающий у нас доверие — то есть «ширый» украинец. Я не обязательно с ним соглашусь, но обязательно обдумаю даже самые суровые выводы, если он к ним придет.

15. Может быть, «склонность к меланхолии», упоминаемая этнопсихологами применительно к украинцам, описывает как раз те состояния человека, когда он — отдавая себе в этом отчет или нет — вспоминает о существовании необъяснимых явлений и вопросов, не имеющих ответа? Перечитывая «Историю моего современника» Короленко, я наткнулся на несколько мест, почему-то не отмеченных сознанием в юные годы, когда я читал замечательную исповедь впервые. Сегодня эти фрагменты мне кажутся очень красноречивыми. Вот один из них. Отец автора (и героя) привез из Киева «старинную большую книгу в кожаном переплете». Это был «Печерский патерик», сборник об истории Киево-Печерского монастыря и первых его подвижниках. Даю слово Владимиру Галактионовичу Короленко: «Это произведение, исполненное глубочайшего невежества и суеверия, но вместе и глубокой искренности, на всех своих страницах испещрено чертями и чертенятами, которые являлись пещерным подвижникам. Аляповатые лубки изображали их в виде маленьких смешных полуобезьян, с хвостами крючком и с птичьими ножками, и всюду они представлялись только проказниками, то прячущимися в рукомойники, где их монахи закрепляют и запирают, то принимающими вид девиц, то являющимися в виде свиней, больших ящериц, змей или собак. Они устраивают монахам всякие козни, но иногда и монахам удается изловить их; тогда они их наказывают, заставляют таскать бревна и, по странной снисходительности, опять отпускают на волю. Мне кажется, что эта почтенная книга, по которой впоследствии я выучился славянскому чтению, сильно уронила в наших глазах грозную репутацию черта, и мы, допуская его существование, потеряли к нему всякое уважение и страх».

По словам комментария, сказочно-фантастический мир видений, знаменитый и чудес имеет в «Патерике» реальную историческую основу, вот так прямо и сказано. На пенсии с удовольствием разберусь, что имеется в виду, попробую понять, почему наши предки так спокойно жили рядом с нечистой силой, не особо пытаясь с ней бороться. В России другие отношения человека с потусторонним миром, своя поэтика страшного, не похожая на нашу. Подлинная эта история или выдуманная, она — в том виде, в каком ее до нас донес автор — могла произойти (или быть выдумана) только у нас, в Украине.

Другой отрывок из Короленко, совершенно гоголевская история. «Наша кухарка рассказывала разные случаи из своего детства... Отец ее в старые годы “чумаковал”, то есть ходил с обозами в Крым за рыбой и солью, а так как

мать ее умерла рано, то отец брал ее с собою... Таким образом, ее детство прошло в чумацких валках, в странствованиях по степям на скрипучих возах, с ночлегами в степи. При этом она видела “своими очима” много таинственного и чудесного.

...Отстали от табора и ночью должны были переезжать через болота по длинной гребле, в конце которой стояла мельница. Ночь была ясная, как день, а на мельницах и в бучилах, как это всем известно, водится нечистая сила... Девочка не спала на возу и, взъехав на греблю, увидела, что стороной за возом бежит что-то маленькое, “як мыша”.

— Тату, — сказала она задремавшему отцу, — вот за возом “мыша бежит”.

Отец оглянулся и тотчас же стал креститься.

— “Говори, доню, отче-нашу”...

Оба стали молиться, а мыша выросла в крысу, потом стала, как кошка, потом, как лисица, как волк, и наконец, как медвежонок. Медвежонок вырос в медведя и все продолжал расти, так что когда они подошли к концу гребли и поравнялись с мельницей, то он был уже выше мельничной крыши. Но тут оказалось, на счастье путников, что чумацкая валка расположилась ночевать на лугу за мельницей, так что оттуда слышались уже говор, песни и крики. Нечистый, увидев огни и такую силу крещеного народа, вдруг поднялся на дыбы, что-то “загуло”, как ветер, и медведь кинулся в омут...

Отец присоединился к табору и попросил, чтобы его с возом пустили в середину. Чумаки, видя, что с человеком случилось такое происшествие, признали его требование справедливым, раздвинули возы и очистили ему место. Отец, кроме того, был человек “знающий” и потому, прежде чем лечь спать, обвел круг кнутовищем около своей телеги, закрестил его и заговорил заговорами. Ночью кто-то, очевидно, искал среди спящего табора именно его и его дочку. Наутро весь табор оказался в полном беспорядке, как будто невидимая сила перетрясла его и перешвыряла так, что возы оказались перемешаны, хозяева очутились на чужих возах, а иных побросало даже совсем вон из табора в степь... На один из таких рассказов вошла в кухню моя мать и, внимательно дослушав рассказ до конца, сказала:

— Вот ты, Будзиньская, старая женщина, а рассказываешь такие глупости... Как тебе не стыдно? Перепились твои чумаки пьяные, вот и все...

Будзиньская очень обиделась:

— Я еще век не лгала, — ответила она с большим достоинством, — а паны, дело известное, ничему не верят».

В конце неожиданная подробность. Старая кухарка «признавала, что в последнее время народ стал хитрее и поэтому[!] нечисти меньше». Ну, не прелесть ли? Для меня очевидно, что все здесь, до малейшей подробности, до разговора кухарки с матерью, очень украинское.

16. То, что в формировании наших народов велика роль других этносов, свидетельствует, насколько наши славянские предки были разумнее нынешних расистов-любителей. Уже тысячу лет назад они понимали, что приток свежей

крови есть благо. Результат этого понимания вещей налицо: нигде в мире вы не встретите в уличной толпе столько красавиц, как в Днепропетровске и Петербурге, Киеве и Москве. Украинцы и русские вполне могут гордиться всеми своими предками без исключения.

17. Когда-то община была социальным тормозом, но ее полное исчезновение — большая потеря. Община — это гражданское общество в миниатюре. На современном Западе общинная жизнь в масштабе улицы, квартала, предприятия, этнических и религиозных групп всячески поощряется государством. Английский премьер-министр Блэр в речи по случаю наступления 2000 года, ставя Англию в пример всему миру, говорил, что и другим нациям для успеха в следующем тысячелетии необходимо «развивать общинные узы». Он пояснил это так: «люди нуждаются в общинах, нуждаются в чувстве принадлежности». Я считаю, что эти слова адресованы, в том числе, украинцам и русским.
18. Довоенная Молдавская АССР в составе Украинской ССР была непомерно велика, гораздо больше нынешней непризнанной Приднестровской республики. Ее площадь составляла 8288 кв. км (Приднестровская республика занимает 4163 кв. км). В таком виде она была образована по большевистскому произволу в октябре 1924 года, ее границы были проведены вполне волевым образом — отчасти лично «героем гражданской войны» Григорием Котовским, надевшимся встать во главе республики. Она включала в себя значительную часть нынешней Одесской области с городами и поселками Кодыма, Балта, Котовск (Бирзула), Ананьев, Красные Окны, Ширяево, Слободка, Песчаная.
19. Еще шесть-семь лет назад никому не надо было объяснять, что это за географические названия в окрестностях Киева, Минска, Москвы, Ленинграда, а сегодня, пожалуй, уже надо — для молодежи, по крайней мере. В 30-е годы это были места расстрелов и массовых захоронений жертв коммунистического режима.
20. Павел Ефимович Дыбенко, украинец, из крестьян, в дни Февральской революции был избран председателем Центробалта, в октябре возглавлял «тройку» по подготовке восстания на флоте. Командовал Красной Гвардией, остановившей наступление Краснова на Петроград. Вошел в Совнарком (первое советское правительство) как нарком по морским делам, был инициатором и организатором разгона Учредительного собрания.

Были и другие «ключевые» украинцы в дни свержения Временного правительства и установления большевистской диктатуры.

Николай Васильевич Крыленко руководил захватом важнейших объектов Петрограда, после переворота — член Совнаркома, Верховный главнокомандующий.

Николай Алексеевич Скрыпник, столько сделавший затем для украинского культурного возрождения, внес свой вклад и в захват большевиками власти. Именно он переломил настроение колебавшихся членов ЦК РСДРП на судьбоносном заседании 16 октября 1917 года о вооруженном восстании. Он отдавал приказы большевистским «фабзавкомам» на предприятиях Петрогра-

да, а его правой рукой был Влас Яковлевич Чубарь, будущий председатель Совнаркома Украинской ССР и член политбюро ЦК ВКП(б).

На случай каких-то непредвиденностей был создан «запасной штаб вооруженного восстания» во главе с еще одним нашим земляком, Михаилом Михайловичем Лашевичем. Этот штаб не бездействовал, Лашевич руководил захватом телеграфа, почты, госбанка, Павловского военного училища.

21. Кто, помимо Подвойского, Коцюбинского и других названных выше «героев Октября», был крушителем Центральной Рады, гетманской Державы, Директории, кто, не жалея сил, а порой и жизни, уничтожал вторую украинскую государственность? Украинцы Балицкий, Блакитный, Боженко, Буденный, Гринько, Думенко, Еременко, Жлоба, Затонский, Карпенко, Ковтюх, Костюк, Котовский, Крапивянский, Лапчинский, Любченко, Мануильский, Пархоменко, Петровский, Таран, Терлецкий, Федько, Шахрай, Шумский, Щаденко, Щорс. Конечно, это лишь половина списка. Он не полон без таких неукраинцев (или не совсем украинцев), как Аралов, Артем, Бубнов, Железняк, Квириг, Косиор, Лацис, Межлаук, Муравьев, Орджоникидзе, Примак, Пятаков, Уборевич, Фрунзе, Якир... Согласен, и те и другие выполняли указания Ленина из Москвы. Согласен, к ним надо добавить еще украинца Нестора Махно, добавить деникинских генералов и Пилсудского...

22. Я заметил, что наших людей недостаточно убеждают факты из собственной истории. Вот когда ссылаешься на европейские примеры — другое дело. Поучительна, хотя и не исключительна, судьба Ирландии. В XII веке она была завоевана англичанами, и, сколько ирландцы ни восставали, вернуть свою независимость они смогли только через 750 лет. Большое восстание XVII века, совпавшее, между прочим, с восстанием Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой, закончилось для ирландцев особенно печально. Ирландские историки говорят, что, после того как солдаты Кромвеля подавили восстание, в стране уцелело не более одной шестой ее населения. Правда, английские историки говорят, что убито было никак не больше трети жителей страны. То, что шесть тысяч ирландских детей после восстания были проданы в рабство в Вест-Индию, на этом фоне выглядит просто мелкой деталью.

Увы, все это было в духе нравов своего времени. В Тридцатилетнюю войну 1618—1648 годов погибло больше половины населения Южной Германии, причем особенно свирепствовали в ней шведы, миролюбивейший ныне народ. Трудно судить прошлое, исходя из сегодняшних мерок и представлений. Что же до ирландцев, им и после кромвелевской резни все время приходилось несладко — вплоть до восстания 1916 года и национально-освободительной войны 1919—1921 годов. Был у них и свой великий голод, когда умерло около миллиона человек. Самое интересное, что, когда ирландцы наконец, добились в 1921 году независимости, англичане обиделись на них за это. В молодые годы я прочел путевые заметки Карела Чапека. Путешествуя по Англии (дело было в 20-е или 30-е годы), писатель решил заодно посетить Ирландию. Он обратился за советом к английским знакомым, но те стали говорить ему,

что лучше съездить в деревню, где родился Шекспир. Сами вопросы об Ирландии были его собеседникам неприятны. Даже ирландцу Бернарду Шоу. Тогда Чапек решил купить хотя бы путеводитель по Ирландии, но и таковых не оказалось. Везде ему отвечали: «Наши туда не ездят». Вот это отчуждение! После стольких веков совместной (никуда не денешься!) истории... Я заглянул в энциклопедию и узнал, что Ирландия добилась независимости от Англии всего за несколько лет до поездки Чапека. И у меня мелькнула тогда мысль: если когда-нибудь Украина станет независимой, Россия тоже обидится и не захочет больше нас знать. (Удивительно устроен человек — я искренне верил в то время в коммунистический бесклассовый и безнациональный идеал, но мысль о независимости Украины все равно была где-то рядом.)

23. Говорят, что СССР рухнул потому, что советская экономическая система оказалась неэффективной, и это верно. Если вспомнить хотя бы, что 150 миллиардов долларов государственных капиталовложений в сельское хозяйство СССР в течение 1976—1985 годов дали нулевой прирост сельхозпродукции, если вспомнить, что, производя зерноуборочных комбайнов в 12 раз больше, чем США, Советский Союз собирал зерновых меньше, станет понятно, что слово «неэффективная», пожалуй, еще слишком слабо описывает положение дел. Но вместе с тем я настаиваю, ответ тут неоднозначен и вовсе не прост. В целом экономическая модель СССР была, безусловно, тупиковой, но когда на тему о советской неэффективности берутся рассуждать люди, не имеющие понятия ни об экономике вообще, ни о промышленном производстве в частности, мне становится смешно. Уж я-то знаю, как действовал этот механизм, и знаю его не только слабые, но и очень сильные стороны. Что важно, это не был механизм односторонней перекачки ресурсов и ценностей от периферии к центру.

Да, наше Дашавское газовое месторождение было истощено, причем часть газа ушла в Москву и Минск, а другая — в Киев и области Украины. Но точно так же были истощены Саратовское и другие газовые месторождения в самой России. Потребности Украины в газе были восполнены за счет новых больших российских месторождений; при этом расценки за газ для наших хозяйственных и коммунальных объектов были те же, что и в соседних российских областях.

Да, количество замкнутых производственных циклов в Украине было относительно невелико — благодаря системе общесоюзного разделения труда. Но точно так же множество российских производственных циклов не были замкнуты внутри России — их связи находились в Армении, Белоруссии, Узбекистане, Украине, Литве. Так работает и мировая экономика. На «Южмаше» мы выпускали конечную продукцию, но это не значит, что мы там делали все от начала и до конца, такое просто невозможно.

24. Украинско-канадский историк Орест Субтельный (его книга «История Украины» в 90-е годы несколько раз выходила в Киеве и по-украински, и по-русски) пишет: «К концу XVII в. все население Украины [включая Волинь, Гали-

чину, Закарпатье и Буковину. — Л. К.] составляло около 4 млн чел... Территория Левобережья было освоена незадолго до восстания 1648 года и ко времени самого восстания оставалась малонаселенной... К 1700 году население Левобережья составляло уже 1,2 млн человек. Благодаря сохранению в этом регионе независимой и хорошо организованной системы казацкого управления и массовому притоку беженцев из Правобережья, сюда фактически переместился центр политической и культурной жизни Украины».

25. Гетманщина, пишет О. Субтельный, «давала украинцам больше самостоятельности, чем они имели когда-либо со времен Галицко-Волынского княжества... На протяжении почти целого столетия Гетманщина была центром политической жизни Украины. Хотя московские, а затем и петербургские цари не только контролировали ее внешние связи, но и постоянно вмешивались во внутренние дела, однако гетманская администрация, суды, финансы, армия, социально-экономическая политика — все это создавалось, осуществлялось и поддерживалось самими украинцами. Самоуправление способствовало появлению новой украинской дворянской элиты. Новое дворянство было предано своим традициям и гордилось ими. Даже на закате Гетманщины представители казацкой старшины, делегированные в имперскую законодательную комиссию, были искренне убеждены в превосходстве своих законов и обычаев над всеми прочими — и с этих позиций открыто отвергли екатерининские реформы. Значение Гетманщины как исторического прецедента украинского самоуправления поистине трудно переоценить... Гетманщину не только не забыли — память о ней помогла начать новую эру в украинской истории. Многие украинские интеллигенты, формировавшие национальное самосознание начала XX века, вышли именно из потомков казацкой старшины. Гетманщина — ключевой компонент истории Украины, ее национальный миф, важный исторический пример, вдохновляющий и современных украинцев к укреплению своей государственности».
26. Не только для сирийского араба Москва того времени была непростым местом. Несколько веков практически изолированного бытия выработали у русских достаточно тяжелый характер. Свидетельства иностранцев поры Алексея Михайловича расходятся мало. Дипломат Адольф Лизек писал, что русский простой народ «в делах торговых хитер и оборотлив, презирает все иностранное, а все свое считает превосходным». Шотландец Патрик Гордон, проведенный на русской службе 38 лет, находил русских надменными, высокомерными и «ценящими себя выше всех народов». Дословно того же мнения австрийский посол барон Августин Мейерберг, называющий русских «высокомерными от природы» и ставящими себя «в любых смыслах превыше всех на земле». Уже упомянутый Павел Алеппский пишет: «Торговля московитов деспотичная, торговля сытых людей, ибо не требует издержек, не взимается с них ни податей, ни каких-либо поборов... Говорят они мало, как франки. Один еврей (принявший христианство), состоявший переводчиком при врачах царя, говорил нам, что евреи превосходят все народы хитростью и изворотливостью,

- но что московиты и их превосходят». Никто не пишет о русской широте и открытости, как принято писать сегодня.
27. Более других авторов можно верить Юрию Крижаничу, хорвату и католику, прожившему в России времен Алексея Михайловича 17 лет и увидевшему ее от западных границ до Тобольска. Он осуждает расточительность русского простолюдина: «Люди даже низшего сословия подбивают соболями целые шапки и целые шубы... а что можно выдумать нелепее того, что даже черные люди и крестьяне носят рубахи, шитые золотом и жемчугом?» Сравнениям Крижанича, изъездившего всю Европу, можно верить: «На Руси, по Божьей милости, все люди, как самые бедные, так и самые богатые, едят ржаной хлеб, и рыбу, и мясо. Так что крестьянам и бедным рукодельцам живется на Руси много лучше, нежели во многих местах Греческой, Испанской и других подобных земель, в которых где мясо, а где рыба слишком дороги, а дрова продаются на вес, и люди, живущие в этих теплых странах, в зимнее время страдают от мороза больше, чем страдают жители Руси. Ибо там спят в студеных жилищах без печей и без огня, а здесь живут в топленых избах... Хотя в богатых странах более зажиточные люди живут удобнее и роскошнее, чем на Руси, однако при всем том крестьяне и убогие горожане, кормящиеся рукоделием, живут на Руси намного лучше и удобнее, нежели в тех пребогатых странах. Ни в одном королевстве простые черные люди не живут так хорошо».
 28. Целых 12 лет, от Азовских походов Петра I до украинской кампании Карла XII, близким сподвижником русского императора был не кто иной, как гетман Иван Мазепа. Если бы не Мазепа и казаки Якова Лизогуба, Россия едва ли уже в 1696 году утвердилась бы на Азовском море. Казацкие полковники шутили: «цар скоріше не повірить ангелові, ніж Мазепі». Уже в 1674—1690 годах Патриархом Московским и всея Руси был Иоаким, питомец Киево-Могилянской коллегии. Много украинцев были поставлены митрополитами в петровское время.
 29. Цари отпускали деньги и на Киево-Могилянскую академию. Если в 1685 году в ней училось около 240 человек, то в 1715-м — 1100, а в 1801-м — уже 1780. Значительная часть ее выпускников также не оставались дома, они разъезжались по всей империи.
 30. Феофилакт Лопатинский, Платон Малиновский, Стефан Прибылович, Феофил Кролик, Гедеон Вишневский, Иннокентий Кульчицкий, Гавриил Бужинский, Иван Томилович, Иван Козлович, Георгий Щербацкий, Владимир Каллиграф (Крыжановский, друг нашего великого странствующего философа Сквороды), Софроний Мегалевич, Порфирий Крайский...
 31. Вспоминая Разумовского, иногда говорят, что в XVIII веке украинцы, мол, не были настоящими действующими лицами на политической сцене Российской империи, ограничиваясь ролями царедворцев-любовников, придворных бандуристов, ловких искателей выгод и приключений. Это не так. Скажем, весьма влиятельным лицом был духовник Елизаветы Петровны и Екатерины II украинец Федор Дубянский. До того как стать императрицей, Екатерина,

которой угрожала высылка за границу, не раз прибегала к его покровительству. Напротив, митрополит Арсений Мацеевич, родом волынянин, был неприимым и бесстрашным врагом императрицы. Он не признавал прав Екатерины на престол и его не устроили казематы Ревельской крепости. Мало кто знает, что в молодые годы Мацеевич еще и принимал участие в исследованиях Камчатки и низовьев Оби. А разве был «искателем случая» отважный поручик Василий Минович, поплатившийся головой за то, что пытался свергнуть Екатерину и возвести на престол шлиссельбургского узника Ивана Антоновича?

Не только как фаворит Екатерины вошел в историю граф Завадовский: он стал позже министром просвещения, учредил университеты в Харькове, Казани и Дерпте, показал себя истинным просветителем, открыл сотни школ и училищ, Главный педагогический институт.

Совершенно исключительна роль канцлера Безбородко. Много лет он был единственным докладчиком царицы по вопросам внутренней и внешней политики, от ее имени подписал около 10 тысяч государственных актов. Он составитель всех манифестов Екатерины за период своего канцлерства и автор 400 указов Сенату, он заведовал всеми дипломатическими делами. При его участии заключено несколько мирных договоров и договор о признании Турцией присоединения к России Таврии и Крыма. Он был и историком — в частности, написал «Краткую летопись Малая России».

А разве был паркетным шаркуном генерал-фельдмаршал, герой русско-турецких войн граф Гудович? Да и с Разумовскими не все так однозначно. Кирилл Разумовский, возможно, был плохим президентом Академии наук, но он кое-что сделал для своей родины, гетманом которой он являлся на протяжении 14 лет. Он начал свое гетманство с отмены таможен на малороссийских границах, и его эпоху историки зовут «золотой осенью Гетманщины».

32. А если что-то вдруг начинали энергично, по команде сверху, внедрять, знающие люди ждали беды. Помню, еще в днепропетровские времена слышал сетования, что колхозам и совхозам приказывают в обязательном порядке закупать белковые корма, произведенные по передовой, прямо-таки «революционной» технологии на специально построенных, самых больших в мире заводах. Всем хороши были корма, лучших (по химическому составу) не существовало на свете, одна незадача — несознательная скотина отказывалась их есть.
33. К моменту распада Советского Союза Российская Федерация (взятая отдельно) обеспечивала 12% мирового производства нефти, 13% редких и цветных металлов, 16% калийных солей, 28% природного газа, 55% апатитов и т. д.; российский экспорт на 80% состоял из продукции добывающих отраслей или первично переработанных полезных ископаемых. О состоянии внутреннего рынка говорят такие факты: вывозилось 90% производимого алюминия, 80% меди, 72% минеральных удобрений, 43% сырой нефти. Как говорится, все на продажу, все за валюту.

34. Украина выпускала в 1980-е годы от 17 до 20% всей промышленной продукции СССР и от 21 до 25% сельскохозяйственной. При этом доля ее населения в населении СССР равнялась в 1991 году примерно 18%. В 1990—1991 годах на долю Украины, чье население составляло чуть менее одного процента населения мира, приходилось: 4% мировой добычи каменного угля, 10% — железной руды, 24,5% — марганцевых руд, 8,4% — ртуты, 4,1% — каолина, 14,8% — природной серы, 5% — каменной соли, 9% — торфа, 9,5% — мирового производства сахара, 20% — выплавки чугуна, 7% — стали, 2,3% — производства электроэнергии. Все 80-е годы УССР по многим позициям фактически дотировала менее развитые союзные республики. Правда, совершаясь расчеты в СССР по мировым ценам, оказалось бы, что РСФСР очень серьезно дотирует Украину поставками нефти и газа. В этом случае баланс в межреспубликанском обмене получался бы в пользу Украины, что делало ее дотационной республикой. Но по мировым ценам в СССР никто ничего не считал, и наше донорство под сомнение не ставилось.
35. Можно привести соответствующие оценки Центрального разведывательного управления США. Они не добыты нашими «бойцами невидимого фронта» — ЦРУ имеет свой интернетовский сайт, и на нем размещает массу интересного, в частности, «Книгу фактов ЦРУ». Согласно оценкам этой «Книги», ВВП Украины составлял в 2000 году 189,4 млрд долларов или 3850 долларов на душу населения, России — соответственно 1120 млрд и 7700 долларов. Дальше — данные о ВВП географически близких к Украине стран в пересчете на душу населения в долларах: Венгрия — 11200, Словакия — 10200, Польша — 8500, Белоруссия — 7500, Литва — 7300, Турция — 6800, Болгария — 6200, Румыния — 5900, Молдавия — 2500. Убывание величин идет вокруг Украины более или менее по часовой стрелке.
36. Иудаизм и еврейство кажутся неотделимыми друг от друга, как КПСС и советы, но исключительно в силу привычки. В этническом отношении Хазарский каганат был связан с евреями Ближнего Востока и средиземноморской диаспоры примерно так же, как государство Владимира — с греками Византии, давшими ему «греческую веру». В вопросах исповедания у евреев и хазар также были отличия. Хазары признавали исключительно Тору, игнорируя более позднюю еврейскую традицию.
37. Был в этом и минус. В католических землях духовенство должно было знать латынь, в связи с чем возник особый тип церковной учености. Через церковную латынь началось постепенное, растянувшееся на века, приобщение к умственному наследию Древнего Рима, возродились «семь свободных искусств», возникли университеты, появились науки.

Может показаться, что перед нами типичный в мировой истории случай, когда какое-то первоначальное преимущество с ходом событий оборачивается изъяном. Кто, однако, перед лицом Божьего Промысла возьмет на себя смелость судить, что изъян, а что благо? Мировая история не окончена, как бы нас ни уверял в обратном многомудрый профессор Фукуяма.

38. В числе потомков Ярослава мы видим выдающихся князей Галичины Ярослава Осмомысла (то есть Восьмиумного, если только это не описка в летописи — некоторые историки уверены, что дело обстоит именно так), Мстислава Удалого, Романа Великого, Даниила Галицкого. Прямыми потомками Ярослава были также князья Юрий Долгорукий (правнук), Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской, московские цари Иван III, Василий III, Иван Грозный.
39. В Московской Руси того времени практически не было людей, получивших образование за границей, а за рубеж ездили только дипломаты, духовные лица и купцы, что сильно напоминает Советский Союз.
40. В «Летописи Самовидца» мы читаем: «...костели палили, обваліовали, ксіонзов забіяли, двори зась и замки шляхецкіе и двори жидовські пустошили, не заставаючи жодного цілого. Рідкий в той криві на тот час рук своих не умочил и того граблення тих добр не чинил».
41. Устно же Хмельницкий добавил послам: «Я теперь единовладец и самодержец русский. Весь черный народ поможет мне. Не пойду войною за границу; не подыму сабли на турок и татар; будет с меня Украины, Подолии, Волыни; довольно достаточно нашего русского княжества по Холм, Львов, Галич. Не останется ни одного князя, ни шляхтишки на Украине; а кто из вас хочет с нами хлеб есть, тот пусть войску запорожскому будет послушен».
42. Современным людям трудно помнить и, может быть, еще труднее понимать, что это было столкновение не просто двух славянских народов, поляков и украинцев, а вражда двух вер, каждая из которых представляла себя единственно правильной: католической и православной. Веротерпимость обе стороны считали грехом, православных католики гневно называли раскольниками (это и значит «схизматики»).
43. Орест Субтельный пишет: «Быть может, Хмельницкий, многие его полковники и реестровые казаки хотели улучшить долю крестьянства, но и в мыслях не держали полной отмены крепостного права. Для казацкой элиты, не исключая и гетмана, любое посягательство на институт крепостного права означало бы подрыв системы, в которой они сами занимали выгодное и почетное место».

Если бы Хмельницкий дал всем крестьянам волю (а ему бы не позволили это сделать в первую очередь казаки), он был бы величайшим социальным реформатором своего века. Он не был величайшим, он был просто великим социальным реформатором. Не отменяя крепостное право как институт, он сделал свободными огромное количество конкретных людей.

Гетман пополнял «реестр», набирая новых казаков в самых богатых магнатских имениях. Обращаемые такими казаками земельные участки также отходили от панов. Гетман отбирал у крупных землевладельцев целые волости, как незаконно захваченные в прошлом. Он насаждал новый тип земледельца, более всего приближающегося к фермеру. Каждый казак становился владельцем своего участка, был за это обязан нести военную службу,

но был освобожден от всех других поборов. Разве это не было великой реформой?

40 тысяч записанных в реестр — это 40 тысяч казачьих семейств (а Хмельницкий записал еще и «с гаком»). Кроме того, он позволил всем желающим идти, сверх реестра, в «охочие» казаки.

Многие паны, вернувшись в свои имения, должны были немедленно бежать из них, имения оставались безхозными. Богатые же возвращались с военными командами, затевали месть и расправу, но в любом случае панское землевладение было подорвано, ибо никакой надежды на прежние доходы уже не было.

44. Российское правительство было радо «черкасам», — так здесь называли украинцев (любой царский воевода уже тогда видел, что это другой народ — не чужой, но все-таки отдельный). Им разрешали селиться слободами. «Слобода» — это вариант слова «свобода», жители слобод были свободны от податей, могли «безоброчно» владеть землями и всякими угодьями. За это они обязаны были держать оборону от вторжений турок, крымцев и ногайцев в российские земли. Украинские переселенцы создали здесь «вторую Украину». Они воспроизвели на новом месте полковую казацкую организацию, заложили здесь такие города, как Сумы, Харьков, Ахтырка, Изюм, Лебедин и другие, а также входящие ныне в состав России Острогожск, Богучар, Суджу, Калач.
45. Вскоре после этого Ислам-Гирей был отравлен украинкой из своего гарема, мстившей за горе родной страны, — еще один шекспировский сюжет.
46. В Москве были и противники такого решения. Западник и сторонник союза с Польшей боярин Афанасий Ордин-Нащокин отговаривал царя вплоть до самого Собора. Против соединения с Украиной были все Милославские, родственники жены царя. Но никто не сумел ослабить его решимость и благочестивое рвение.
47. Такую цель мог иметь только человек, знающий историю, — а Хмельницкий, как мы помним, был ее знатоком и любителем, ему были известны подробности падения Рима, он имел свою точку зрения на ругов-русов, и уж конечно знал историю княжеской Руси не только по польским книгам Бельского и Стрыйковского. Человеку, лишенному исторических представлений или равнодушному к истории, подобная цель вряд ли пришла бы в голову. В этом Хмельницкий предвосхитил XIX век, когда именно историки пробудили многие «молодые» народы Центральной, Восточной и Южной Европы, став отцами национального возрождения. В этом парадоксальное, как может показаться, родство Хмельницкого с первым руководителем Украины и ее великим историком Михаилом Сергеевичем Грушевским.
48. Делались и попытки их осуществления — князем Федором Бельским в 1481 году, князем Михаилом Глинским в 1508 году.

В 1558 году запорожский гетман Дмитрий Вишневецкий (Байда) специально пошел на службу к Ивану Грозному в надежде склонить царя к походу

в Причерноморье. План Байды — уничтожение крымской орды и выход Московского государства на берега Черного моря — разбился о близорукое упорство царя.

В 1593 году другой запорожский гетман, Криштоф Косинский, руководитель мощного казацкого восстания против Речи Посполитой, объявил себя подданным царя Федора Ивановича.

В 1620 году отправлял в Москву атамана Петра Одинца с посольством, ходатайствуя о принятии украинского казачества в российское подданство, не кто иной как гетман Петр Сагайдачный, всего двумя годами ранее вместе с польским королевичем Владиславом штурмовавший Москву.

В 1624 году митрополит киевский Иов Борецкий посылал в Москву своего представителя, луцкого епископа Исаакия Борисковича с просьбой к царю о принятии Украины под его высокую руку. Слухи об этом вызвали тогда волнение униатов, не хотевших «под Москву».

В 1625 году просил Москву взять казаков под свое покровительство запорожский гетман Марко Жмайло.

Все эти просьбы и проекты рождались, естественно, не от хорошей жизни в Речи Посполитой.

В Россию уходили и потерпевшие поражение повстанцы против польского владычества.

49. Знаменитый украинский летописец Самойло Величко писал: «Всемогущий Бог... послал им яко Моисея того... Богдана Хмельницкого, и дал ему смысл и розум, через который он смог бы от тяжкого ига лядского вольный малорусский народ вызволить...»
50. По его мнению, украинский народ, «попав вследствие исторических условий в состав Польского государства, глубоко уважал авторитет государственной власти, который сосредоточивался в его глазах в лице короля; при столкновениях с шляхетским сословием, все казацкие посольства, протесты и даже восстания признавали всецело авторитет короля и желали лишь, чтобы он употребил свою власть для обуздания всесильного дворянства». Более всего наши предки дорожили собственным жизнеустройством («основными чертами своего общественного быта»). Оно воплощалось для них в автономии, которая, согласно народному идеалу, «и должна была состоять под верховной опекой глубоко им [народом] уважаемой предрержащей власти». При сохранении такой автономии идея независимого государства вообще не возникала.

Однако, «не стремясь к государственному обособлению... народ требовал равноправности всех граждан перед законом, не признавал деления на сословия, протестовал против крепостного права и требовал возможного экономического уравнивания путем равномерного распределения поземельной собственности. Эти деизидераты выразились в общей формуле: все должны быть записаны в казаки. К осуществлению этой формулы стремился и Хмельницкий... Народ требовал права свободного умственного и духовного развития, которое в то время исключительно сосредоточивалось в устройстве церкви

и насаждении ею культурных учреждений (свобода исповедания, церковное самоуправление, братства и школы), что было поставлено Хмельницким как главное условие в его договорах с поляками. Эти два мотива составляли в руках Хмельницкого тот всеильный рычаг, которым он двигал общественные массы».

51. Вообще освободительная борьба в Украине середины XVII века неотделима от социальной войны. Невозможно сказать, где кончалась одна и начиналась другая. Втягивание в нее сотен тысяч бывших крепостных и феодально-зависимых крестьян, не желавших возвращаться в прежнее состояние, ощутило меняло соотношение социальных сил.

Глубоким, по сути революционным переменам подверглась структура аграрных отношений: огонь освободительной войны ликвидировал на обширных пространствах крепостничество и барщинно-фольварковую систему; не декретом или универсалом, а явочным порядком уничтожались крупное и даже среднее землевладение (исключая монастыри); утверждалась, как я уже сказал, мелкая казацкая собственность на землю.

Казацество стало руководящей силой державы. В его руках сосредоточилась не только политическая власть, но и огромные материальные ценности, в первую очередь земельные. Казацкое хозяйство сразу же обнаружило склонность развиваться по хуторскому типу. Этим же путем, возможно, пошло бы и крестьянское хозяйство.

Свободные казацкие земли, тысячи личных участков, розданных Богданом, были чем-то невиданным на фоне океана феодальных крепостных поместий Европы к западу и востоку от Украины. Казацкое землевладение создавало мощную социальную базу единения и консолидации украинского народа. Как истинный гений, Хмельницкий опередил свое время на столетия, начав продвигать хлебосеяние в область наших «прерий» — на черноземный юг Украины.

52. В России дворяне тоже не сразу стали помещиками, то есть, владельцами наследственных поместий. Лишь со временем слово «помещик» стало синонимом слова «дворянин».
53. Прогрессивный характер имели шаги гетмана и в других сферах. Он уделял большое внимание городам — освобождал их от постоев, военного тягла, защищал от своевольников и самоуправцев военного времени, расширял городские привилегии, заступался за горожан, терпевших несправедливости за границей, заботился о торговле. Знакомство с европейским опытом натолкнуло его на мысль позаимствовать у ганзейских купцов принцип свободной торговли. Всевозможные льготы, данные им купцам и ремесленникам, стимулировали товарооборот и поддерживали рост, несмотря на войну, украинского экспорта.

Богдан поддерживал наименьшие импортные тарифы во всем Старом Свете, он создал принципиально новую налоговую систему с гибкими налоговыми ставками, благодаря чему имел, несмотря на военные расходы, бездефицитный бюджет. Сегодня мы говорим про выгодное геополитическое рас-

положение Украины, а три с половиной столетия назад Хмельницкий не говорил о нем, он его просто использовал, пополняя бюджет транзитными сборами.

54. Кстати, на примере городов магдебургского права хорошо видно, что Богдану не было присуще стремление к единообразию, мечта подстричь всех под одну гребенку и прочие желания, отличающие деспотов, диктаторов, любителей строить и равнять. Есть гораздо больше признаков того, что он был природный, стихийный демократ. Система городских прав, называемая магдебургской, пришла в ряд украинских городов, бывших тогда в составе Великого княжества Литовского, еще в XV—XVI веках. Она предусматривала самоуправление, собственный городской суд, право сбора городских налогов и решения земельных вопросов в пределах города, освобождение от многих феодальных повинностей. В военное время велик соблазн покуситься на вольности (и богатства!) городов, однако ничего подобного за Богданом не наблюдалось. Напротив, он даже расширил полномочия таких городов.
55. В. Б. Антонович писал о Хмельницком как о военном лидере следующее: «Он умел всегда составить хороший план битвы и организовать армию; у него не было недостатка в продовольствии и боевых припасах; способ приобретения им припасов остается невыясненным; отряды Хмельницкого, расположенные на значительном расстоянии друг от друга, всегда имели между собой связь и были достаточно снабжены провиантом, тогда как польские отряды страдали от недостатка съестных припасов и оставались в полном неведении относительно своих и неприятельских войск. Хмельницкий отличался и финансовыми дарованиями: несмотря на отсутствие правильной податной системы, он никогда не нуждался в деньгах, и у него всегда оказывалось заготовленным вперед жалованье для войска». (О, как мы способны сейчас оценить этот последний пункт!)
56. Видимо, в знак особого уважения к Украине имя гетмана на общесоюзном ордене имело не русское, а украинское написание, с мягким знаком: Богдан Хмельницкий. С лета 1943 года советское руководство приняло ряд знаменательных для того времени решений: о создании национальных воинских частей, о разрешении союзным республикам иметь внешнеполитические связи (министерства иностранных дел появились, а связи — нет), об отдельном от СССР членстве Украинской ССР и Белорусской ССР в ООН. В Украине даже появился наркомат (министерство) обороны во главе с генералом Василием Филипповичем Герасименко. Наркомат ликвидировали осенью 1945 года, вскоре после окончания военных действий против Японии. Насколько далеко могла пойти сталинская «ласка», если бы война затянулась?
57. Самойло Величко, ехавший через Правобережную Украину через полтора десятка лет после Руины, свидетельствует: «Я видел многие города и земли безлюдные и пустые валы, некогда трудами людскими, как горы и холмы насыщенные, а теперь только приютом диким зверям служащие. Стены Константинова, Бердичева, Збаража, Сокаля, которые встретились на нашем походе,

- одни бедны жителями, другие пусты, развалились, заплесневели и поросли травой; только змеи и разные гады в них. Я видел пространные поля тогобочной [Правобережной] Украины, широкие долины, леса, обширные сады, красные дубравы, реки, пруды и озера запустевшие, поросшие мхом и тростником. Не всуе поляки в своих университетах называли тогобочную Украину раем польского света; перед войной Хмельницкого она была, как вторая обетованная земля, медом и млеко текущая. Я видел по разным местам много костей человеческих, иссохших, обнаженных и только небо покровом себе имеющих».
58. Распределяя земли и села среди казацкой старшины, Самойлович чаще, чем его предшественники, упоминает в своих универсалах, что «державцам» должно принадлежать и «послушество» тяглых людей. Помещик вправе использовать крестьян на работах «до правованя гребли [починки плотины], до воженя дров, до кошениа и прятаня сена и до иных своих потреб». Кроме того, крестьяне должны были платить денежный чинш, отдавать «осепшину» (часть собираемого хлеба) и десятину от скота, платить налог на помол. Крестьяне жаловались: «Гетман пороздавал старшине маетности, а старшина, поделившись нашою братьею, позаписывала себе и детям своим в вечность». Самойлович прилагал особые старания, чтобы сделать невозможным переход крестьян в казаки. При нем дошло до того, что впервые началось обратное переселение из Левобережья в Речь Посполитую — люди побежали от своего властителя к ляхам! Выждав время, Самойлович предпринял военную экспедицию на правый берег, сжег все строившиеся села и перегнал народ обратно.
59. Костомаров пишет: «Чтобы положить начало родовой аристократии в Малороссии, Мазепа создал новый класс, отличный почетом и преимуществами, — бунчуковых товарищей, куда попадали сыновья козацких старшин, по указанию гетмана; они, вместе с выделившимися еще прежде из массы козачества знатными и войсковыми товарищами, составили первый зародыш наследственного дворянства в Малороссии».
60. Мазепа делал все, что было в его силах. При его помощи и казацком участии в 1696 году была взята турецкая крепость Азов, Россия вышла к Азовскому морю. В 1697—1698 годах он водил казаков вместе с великорусским войском к Очакову. Выполняя царское распоряжение, казаки Мазепы строят городки и крепости в низовьях Днепра, в Причерноморье. За свое усердие и заслуги Мазепа становится в 1700 году вторым в России (после генерал-фельдмаршала Федора Головина) кавалером ордена Святого Андрея Первозванного, позже, в 1707 году, по личному ходатайству Петра, австрийский император жалует Мазепу титулом князя Священной Римской империи. С началом Северной войны (Украине совершенно ненужной) в 1700 году Мазепа, по требованию Петра, посылает казаков к Пскову, в Лифляндию и другие места для соединения с великорусскими частями.
61. Мотивы Мазепы были на первом месте у всех, кто писал про него. Пушкин в своей поэме «Полтава» решил эту головоломку просто. Он придумал (или

повторил чью-то выдумку), будто за 12 лет до того, во время осады Азова, царь, разозлившись на что-то, схватил Мазепу за ус, и Мазепа затаил на него за это злобу.

Так обо мне воспомяненье
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье.
Я терн в листьях его венца:
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова, как во дни былые,
Держать Мазепу за усы...

Немного бы стоил в наших глазах поступок Мазепы, если бы дело действительно было в этом.

62. Костомаров так характеризует точку зрения Москвы при заключении Андрусовского мира: «Хмельницкий соединял с Московиею свободный народ, добывший себе кровавыми трудами независимость и свободу, а московское правительство имело в виду не народ, а области, случайно приобретенные, которые, при случае, можно было продать, поменять, подарить, когда будет выгодно».
63. Гетман говорил, что надеялся «получить свободу не войною, а миром, через трактат... всякими способами склонить шведского короля к такому миру с царским величеством». Он делился со своим писарем: «Напишу царскому величеству благодарственное письмо за его протекцию, да в нем же пропишу все наши прежние и теперешние обиды, отнятие прав и вольностей, крайнее разорение и приготовленную пагубу всему нашему народу, а на конец приложу, что мы, как добровольно, ради единого восточного православия отдались под царскую руку, так и теперь, будучи свободным народом, добровольно отходим, благодарствуем царскому величеству за протекцию, не хотим рук наших простирать на кровопролитие и будем ожидать под протекцией шведского короля совершенного нашего освобождения».
64. Поскольку легенда о «предателе Мазепе» никак не стоит на ногах, живое воображение людей ищет не просто правдоподобные, но еще и обязательно эффектные объяснения. Почему бы не уподобить Мазепу гроссмейстеру Тевтонского ордена Конраду Валленроду, герою одноименной поэмы Мицкевича? Валленрод был (по крайней мере, по убеждению польского поэта) тайным литовцем, который вступил в орден и сделал в нем большую карьеру с единственной целью подорвать орден изнутри, мстя за разорение любимой отчизны. То же самое кто-то написал в 1991 году про М. С. Горбачева. Не помню, за кого мстил, по этой версии, Горбачев (не был ли его дед раскулачен?), но вся деятельность нашего последнего Генерального секретаря истолковывалась повалленродовски. О Ленине тоже еще при его жизни говорили, что он затеял революцию, чтобы отомстить царскому роду за казнь брата.

65. Вот краткий итог обрусения Кубани. По переписи 1926 года на Северном Кавказе, куда входили четыре губернии (еще сохранялось губернское деление), жило почти два миллиона украинцев. Распределялись они так: в Кубанской губернии их доля составляла 47% (первое место в населении губернии), в Черноморской 35,4%, в Ставропольской — 33,8%, в Терской — 14%. В целом по региону доля украинцев составляла 30,5% всего населения. Характерно, что уже тогда лишь ненамного больше половины из них (56,4%) назвали родным языком украинский. И тем не менее, вопреки постоянному притоку русских переселенцев (в середине XIX века доля украинцев на той же территории составляла 44%, а родной язык у украинцев был почти поголовно украинский) и более чем вековому отрыву от Украины, это все еще была «Украина на Кубани». В условиях поощрения национальной культуры процесс денационализации мог быть остановлен и обращен вспять. Но это менее всего устраивало Сталина. Шедшая с 20-х годов «украинизация» районов компактного проживания украинцев Кубани была в 1932 году грубо остановлена. Когда вслед за тем в СССР были введены паспорта с пунктом «национальность», большинство украинцев Северного Кавказа почли за благо записаться русскими. 63 года спустя, в 1989 году, на этой территории числилось всего 308 тыс. украинцев или 2,5% всего населения (в Краснодарском крае — 3,9%). В целом по Российской Федерации в 1926 году, согласно переписи, числилось 6 миллионов 876 тысяч украинцев, по мере же введения в СССР паспортной системы их число стало стремительно таять: перепись 1939 года фиксирует в РСФСР лишь 3 миллиона 204 тысячи украинцев, то есть, в два с лишним раза меньше. Не следует забывать и о том, что в голодные годы между двумя переписями погибло не меньше миллиона кубанцев всех национальностей.
66. Орест Субтельный пишет: «Эпоха Кирилла Разумовского — золотая осень Гетманщины... Глухова коснулся дух Европы. Столицу Гетманщины украсили изящные дворцы с английскими парками, в театре сменяли друг друга итальянские оперные труппы, и местная знать, одетая по последней парижской моде, заполняла многочисленные кофейни... Элите в Гетманщине дышалось при нем [Разумовском] необычайно легко. Сбывалась, наконец, ее заветная, еще с конца XVII века, затаенная мечта о превращении в “нормальное” дворянство».
67. Некоторые исследователи довольно сурово оценивают этот язык. Михаил Грушевский прямо называл его «макароническим». Этим словом обозначают прием, когда текст пересыпается не употребляемыми в родном языке иностранными словами или словами, составленными либо переименованными на иностранный манер.
68. Любая революция в культурной сфере — это не только приобретения, но и потери. Эмигрантский историк Иван Лысяк-Рудницкий охарактеризовал происшедшее так: «Для просвещенного общества все, что старше Котляревского, лежит, по сути, за пределами интеллектуального горизонта. Ведь наш современный литературный язык — продукт, в лучшем случае, XIX века. В отличие от русских, у которых развитие современного литературного языка шло через

вливание народных элементов в церковнославянские рамки, унаследованные от предыдущих веков, основатели украинского “литературного возрождения” сознательно ограничили книжный язык разговорной речью надднепрянских крестьян. Следствием же стало, среди прочего, то, что мы загубили созданную в предшествующих веках украинскую научную терминологию (юридическую, политическую, богословско-философскую), так что чуть ли не до революции 1917 года даже в “украинофильских” кругах господствовало убеждение, будто украинский язык пригоден разве что для лирической поэзии или для пьес из народной жизни, либо для популяризаторских брошюр, но не для серьезной научной или публицистической продукции».

69. «Политическая подоплека украинской политики имперских властей, — пишет Мирослав Попович, — исчерпывающе выражена в тайном докладе III Отделения Николаю I по поводу Кирилло-Мефодиевского общества и творчества Шевченко: “С любимы стихами в Малороссии могли посеяться и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастье возвратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства”. Это на другом жаргоне могли бы сказать и Жданов, и Суслов... Вопреки бытующим предрассудкам, ни Валуевский циркуляр 1863 г., ни Эмский акт 1876 г. не запрещали украинского языка. Они “всего лишь” ограничивали его сферу действия таким образом, чтобы высокая культура оставалась русскоязычной... В сущности, речь шла о придании украинской культуре крестьянского характера и растворении профессиональной украинской культуры в общеимперской. В общем, “малоросс” в культурный обиход допускался, но только в виде эдакого Шельменко-денщика, провинциального Санчо Пансы».
70. Петру Струве возразил еврейский публицист (в будущем один из основателей сионизма) Владимир Жаботинский. Он писал: «Если бы вместо указа о воспрещении украинской культуры явился в 1876 г. указ о разрешении вести на украинском языке преподавание в гимназиях, то уважаемому публицисту вряд ли пришлось бы теперь так победоносно констатировать, что в Киеве без русского языка нельзя быть культурным человеком». Жаботинский куда проныцательнее, чем его русский оппонент, заглянул в суть дела: «Украинский народ сохранил в неприкосновенности то, что есть главная, непобедимая опора национальной души — деревню. Народу, корни которого прочно и густо впились на громадном пространстве в сплошную родную землю, нечего бояться за свою племенную душу, что бы там ни проделывалось в городах над бедными побегами его культуры, над его языком и его поэтами. Мужик все вынесет, все переживет, всех переупрямит и медленно, шаг за шагом, но неуклонно и непобедимо со всех сторон втиснется в города, и то, что теперь считается мужицким говором, будет в них через два поколения языком газет, театров, вывесок — и еще больше».

Выступая как представитель русской интеллигенции, Жаботинский приходил к такому заключению: «Мы допускаем грубую, непростительную поли-

тическую ошибку: вместо того, чтобы движение, громадное по своим последствиям, развивалось при поддержке влиятельнейших кругов передового общества и привыкало видеть в них свою опору, своих естественных союзников, — мы заставляем его пробиваться своими одиночными силами, тормозим его успехи замалчиванием и невниманием, раздражаем и толкаем в оппозицию... Роста движения это не остановит, но... самые тяжелые последствия для будущих отношений на огромном юге России могут родиться, если мы вовремя не спохватимся, не поймем и не учтем всей громадности этого массового феномена».

71. В обращении «К населению Малороссии» Деникин изложил свои взгляды на данный вопрос следующим образом: «Стремление отделить от России малороссийскую ветвь русского народа не оставлено и поныне. Былые ставленники немцев Петлюра и его соратники продолжают и теперь совершать свое злое дело создания самостоятельной “Украинской державы” и против возрождения единой России... В основу устройства областей Юга России будет положено начало самоуправления и децентрализации при неперменном уважении к жизненным особенностям местного быта. Объявляя государственным языком на всем пространстве России язык русский, считаю совершенно недопустимым и запрещаю преследование малорусского языка. Каждый может говорить в суде по-малорусски. Частные школы, содержащиеся на местные средства, могут вести преподавание на каком угодно языке».
72. Современный украинский учебник истории для старших классов рисует все эти перемены так: «Каждый политический режим, утверждавшийся в Украине, стремился вести собственную линию в области культуры. Каждый из них опирался на социально и национально близкие ему слои населения, в том числе на интеллигенцию, деятелей культуры, просвещения, искусства, всячески поддерживая их, оставаясь при этом безразличным, а то и непримиримо враждебным к другим».
73. В 1927 году в Москве вышла книга «О национальной культуре», автор которой В. А. Ваганян (Тер-Ваганян) доказывал, что все языки СССР, кроме русского, являются отклонением от «языка Октябрьской революции», «проявлением национального каннибализма», контрреволюционного буржуазного национализма и свидетельствуют об ориентации их носителей (национальной интеллигенции) на буржуазную культуру Запада.
74. Каганович был именно «Генеральным секретарем» компартии Украины. Ожидая его приезда, Центральный Комитет КП(У) выпросил у Москвы повышение статуса то ли такого важного первого лица, то ли первого лица в такой важной союзной республике. Должность генерального секретаря сохранялась в Украине до 1934 года, когда Сталин, видимо, решил, что не стоит дальше рисковать, продолжая терпеть высокий статус — будь то статус первого лица или республики.
75. Современный украинский историк Станислав Кульчицкий пишет: «Прививка тоталитарных властных структур общественному организму Украины со-

проводилась заметным культурным подъемом — национальным возрождением 20-х годов. Представители национальной интеллигенции, начиная с М. С. Грушевского, которые в прошлом строили демократическую государственность украинского народа, нашли применение своим силам в новых условиях. Благодаря их усилиям были получены весомые результаты в развитии образования, науки, литературы и искусства... Можно утверждать, что за 20-е годы советская власть в Украине была вполне коренизована».

76. «Пока Сталин боролся за власть, — пишет Кульчицкий, — он был лучшим другом национальных республик. В борьбе с соперниками он остро нуждался в поддержке крупнейшей национальной республики — УССР... В период “коллективного руководства” Сталину важно было обеспечить себе общественную и аппаратную поддержку со стороны УССР, и он добился своего. После этого на первый план вышел иной фактор — потенциальная угроза сепаратизма, какую могла ощущать Москва из-за самого факта существования мощного регионального центра ее собственной власти... Когда Сталин достиг абсолютной власти, его политика по отношению к Украине кардинально изменилась, [но] прекращение политики украинизации в УССР никогда официально не провозглашалось».
77. Именно этот факт и порождает сложности в оценке 20-х годов. Часто говорят (и, видимо, это верно), что если бы в 1917—1920 годах большевизм не втянул Украину в свою роковую орбиту, Украина пошла бы по социал-демократическому пути или даже по своеобразному пути Скоропадского, но в любом случае не по тоталитарному, она развивалась бы как государство с либеральной экономикой. Но так же часто слышишь в ответ: а сумело бы либеральное государство действовать сугубо волевыми методами? Сумело бы оно бросить нужное количество сил и средств на решительное внедрение и материальное обеспечение национальной школы и высшего образования, на национальную науку, национальное искусство, на подготовку учителей и других необходимых кадров, на выработку и внедрение терминологии, издание словарей, дотирование книгоиздания, театра, кино, радиовещания — то есть на убыточную (по либерально-капиталистическим меркам) государственную украинизацию? А главное, не предоставило бы оно дело, в духе демократии, «вольному соперничеству языков и культур», как говорили многие и при Грушевском, и при Скоропадском? А если бы предоставило, то по какому сценарию развивалось бы такое соперничество в условиях доминирования русскоязычной интеллигенции (плюс миллионы беглецов из большевистской России) и крайней малочисленности тогдашней украинской? На все эти и подобные «сумело бы?» тоже есть веское соображение. Мы знаем и не перестаем поражаться, как много для украинизации было сделано в очень короткий, самый сложный, почти сплошь военный период между февралем семнадцатого года и окончательной победой советской власти в Украине. А если представить себе, что украинская демократическая власть осуществляет свои стратегические культурно-политические программы в мирных условиях, на базе рыночной

- экономики? Неужели было бы сделано меньше? Подумаешь-подумаешь, да и скажешь себе: хуже нет, чем гадать о том, что могло бы быть. Есть главное — в XX веке Украина стала свободной и независимой, пусть наш путь к свободе и был тяжок и извилист. Поблагодарим Бога за такой результат и склоним головы в память обо всех, кто помогал Украине стать Украиной.
78. Но и ограничивать ввоз книг в Украину не считаю правильным. В 2000 году в России издано больше (по числу названий) книг, чем когда-либо в ее истории. Ясно, что это не одни детективы и дамские романы — издается ценнейшая литература по всем отраслям знаний, справочники, руководства, словари, атласы, пособия, вузовские учебники и многое, многое другое, нужное в Украине, расширяющее наши информационные горизонты.
79. Торжествующая в эфире, на кассетах и дисках русскоязычная попса (в ее многоголосице достойно представлены бывшие киевляне), регулярные «рейтинговые» московские телепрограммы и сериалы, московские толстые еженедельные газеты с местными приложениями, гляцевые журналы про «шикарную жизнь» и «про это», разлитое море дамских романов, серийных детективов и каких-то фантазий про друидов на звездолетах — все это создает такое устойчивое информационно-идейное единство всего постсоветского населения, такой новый универсализм, о каком Сулов с Брежневым не могли даже мечтать. Легко ли на этом культурном фоне вести капитальный ремонт нашей национальной культуры? А ведь есть еще польская попса и масс-культура, есть западная. Их влияние несопоставимо с русскоязычной, но они тоже присутствуют в нашем культурном пространстве и тоже тянут в свою сторону. И вот, зная все это, каково выслушивать жалобы, что на Украину не транслируется из Москвы (просто изуверство!) какая-нибудь трехсотсерийная мыльная опера?
80. Вот маленький образчик из «Истории русов или Малой России»: «Черкасами называли и писали всех почти Малоросиян, а не одних Козаков. . . по главному их городу Черкасу, состоящему при реке Днепре, где гетманы Руские резидовали и были верховными трибунами сей земли. . . Когда же спрашивают еще, почему город Черкасск назван Черкасом? то уже тонкость сия будет так нерешительна, как бы и о многих других в свете городах, не имеющих сведения о начале своего названия».
81. К слову сказать, они замечательно писали. Когда их читаешь, невозможно оторваться. Жаль, что современные историки так не могут. Я имею в виду работы Дмитрия Бантыш-Каменского, Николая Маркевича, Михаила Максимовича, Владимира Антоновича, Аполлона Скальковского, Александра Лазаревского, Ореста Левицкого, Александры Ефименко, Ивана Лучицкого, Дмитрия Багалея, Дмитрия Яворницкого (Эварницкого). Их исторические труды — наше национальное сокровище. Их можно и нужно переводить на украинский (у меня на полке стоят два прекрасно изданных тома «Истории запорожских казаков» Яворницкого в украинском переводе), но надо помнить, что корифей нашей исторической науки, в духе их знаменитых европейских коллег Томаса

Маколея, Ипполита Тэна и других, относились к своим текстам как к произведениям литературы, а произведения литературы лучше читать на том языке, на котором они написаны.

82. Огромен объем работ и источников по украинской истории, напечатанных на русском языке такими изданиями, как «Киевская старина», «Архив Юго-Западной России», «Акты Юго-Западной России», «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», «Записки Одесского общества любителей истории и древностей», «Чтения в Обществе истории и древностей российских», «Русский архив», «Русская старина» и еще множеством других. Это воистину наше драгоценное достояние, именно там фундамент наших представлений о былой Украине.
83. Это полтора десятка выдающихся деятелей науки, состоявших между собой в близком или дальнем родстве: исследователь Донбасса (и министр народного просвещения Российской империи), зоолог и эмбриолог, исследователь Африки, палеонтолог, социолог, исследователь производительных сил России, правовед, ученый-ветеринар, педагог, химик, биолог (основатель морской биологической станции в Севастополе), психиатр, музыковед и математик, историк. Вдобавок, жена одного из них, палеонтолога Владимира Онуфриевича Ковалевского, Софья Ковалевская, была первой женщиной-математиком. Пятеро из этой плеяды были академиками Российской Академии наук. Все они связаны с Украиной семейными узами, большинство родом из Харьковщины, некоторые были выпускниками Харьковского университета.
84. После Вернадского обязанности президента ВУАН недолго исполнял историк Николай Прокофьевич Василенко. 27 марта 1922 года на этот пост был избран историк Орест Иванович Левицкий, один из лучших специалистов по эпохе Освободительной войны, к сожалению, умерший в мае того же года. Из-за мимолетности сроков Василенко и Левицкого не всегда даже упоминают среди президентов Украинской Академии.
85. Украинцем по матери был Некрасов, украинские корни были и у А. К. Толстого, и у Достоевского, и у Чехова. Александр Блок был потомком Григория Сковороды (они и лицами схожи).
86. Такой принцип, территориальный, повсюду является общепринятым. Вот, к примеру, академик Владимир Андреевич Стеклов, украшение мировой математики. Русский и нижегородец, он окончил Харьковский университет (в 1887 году) и был питомцем харьковской математической школы Ляпунова, другого великого математика. Главное, что совершил Стеклов в математике, он сделал до 1906 года — года, когда он покинул Харьков ради Петербурга. Следовательно, мы вправе гордиться им как украинским ученым. Другой пример: чудесный исцелитель Владимир Петрович Филатов, офтальмолог и хирург, спасший зрение огромного числа людей. Неважно, что он родом русский и пензяк. Достаточно того, что с 1911 года и до конца жизни он работал в Одессе. Это делает его украинским врачом, так принято определять принадлежность ученых во всем мире.

87. Уроженец Диканьки князь Виктор Павлович Кочубей, правая рука двух императоров (Александра I и Николая I) и правнук легендарного Василия Кочубея, казненного Мазепой, говорил в 1828 году ходатаям из малороссийских губерний следующее: «Хоть я по рождению и хохол [не только по отцу; его мать была урожденная Безбородко], но более русский, чем кто другой — и по моим принципам, и по моему положению, и по моим привычкам. Мое звание и занимаемый мною пост [Кочубей был в это время председателем Кабинета министров и председателем Государственного совета] ставят меня выше мелких соображений; я смотрю на дела ваших губерний с точки зрения общих интересов нашей страны. Микроскопические виды — не мое дело». Кочубей, как видим, хотя бы признает, что «хохол» и русский — не одно и то же, тогда как многие его земляки категорически отвергали и это.
88. В Киеве жила академическая семья Кистяковских. Александр Федорович Кистяковский (родился в 1833 году, умер в 1885) был не только известным криминалистом, основателем Киевского юридического общества, но и «проявлял сильнейшие украинские симпатии»: участвовал в журнале «Основа», издал памятник украинского законодательства времен Гетманщины «Права, по которым судится малороссийский народ».

Его старший сын, Владимир, был крупным физико-химиком, жил в Петербурге, затем в Москве, стал академиком, уважаемым советским ученым: возглавлял институт, получил два ордена Ленина (оставаясь беспартийным) и умер в возрасте 87 лет, в 1952 году. Никакого «украинского измерения», как сейчас выражаются, в его жизни не просматривается.

Другой сын Александра Федоровича, Богдан, был юристом и социологом, членом кадетской партии и участником знаменитого сборника «Вехи». Начиная с 1890 года в Украине он бывал редко, но в 1917 году переселился в Киев, принял участие в создании Украинской Академии наук, однако преждевременно, в мае 1920 года умер, не дожив до 52 лет. Богдан всегда помнил, что он украинец, и в 1915 году даже полностью рассорился с лидером кадетской партии Петром Струве на почве разных взглядов на украинский вопрос.

Младший сын, Игорь, стал известным адвокатом, одним из лучших «цивилистов» России, автором многих работ, жил в Москве. Но и его позвала Украина: в 1918 году он уже министр внутренних дел у Скоропадского, а позже эмигрировал в Югославию. (Винниченко изображает Игоря Кистяковского «наглым негодяем», тайным сторонником «единой и неделимой», коварным врагом украинской государственности, но Винниченко вообще мало для кого нашел доброе слово; мы здесь в это вникать не будем.)

И, наконец, сын Богдана Кистяковского, Георгий. Он был ровесником века, участвовал в Гражданской войне, но не в одной из украинских армий, а в белой армии. В 1920 году эвакуировался из Крыма в Турцию, учился в Германии и США, стал крупным ученым. Он был разработчиком взрывателей для атомных бомб, специальным советником по науке президентов США, ви-

це-президентом Национальной Академии наук США в 1965—1969 годах, автором книги «Ученый в Белом доме».

Так вот, для российских справочных изданий «Кистяковский А. Ф. — русский юрист», «Кистяковский Б. А. — русский публицист». А что тут скажешь? Все, что осталось после них — книги, статьи, судебные речи — все на русском языке. Далее, «Кистяковский В. А. — советский [естественно!] физико-химик» и даже «Г. Б. Кистяковский — русский ученый-эмигрант». Последний попал и в энциклопедию «Русское зарубежье», хотя ученым стал уже за рубежом и ни с русской, ни с советской наукой никак не был связан.

Константин Дмитриевич Ушинский, основоположник научной педагогики в России, родом был из новгород-северских дворян, умер в Одессе, похоронен в Киеве. Он прожил всего 46 лет, но сделал исключительно много. Собрание его сочинений издано в 11 томах, да еще выпущено четыре тома «Архива Ушинского». Вправе ли Украина называть его своим, гордиться его наследием? По правде сказать, он был типичный великодержавник, но многие из разработанных им принципов создавались словно бы специально для нас. Так, признавая желательность использования достижений других народов, Ушинский настаивал, что оно «оказывается безвредным только тогда, когда основания общественного образования твердо положены самим народом».

Лисянский — русский кругосветный мореплаватель. Пржевальский — русский исследователь Внутренней Азии и Тибета. Федченко — русский естествоиспытатель, исследователь Тянь-Шаня и Памира. В семье Пржевальских рассказывали, что их фамилия украинского происхождения, но подверглась, как и многие другие украинские фамилии, полонизации в шестнадцатом веке. Зарудный — русский орнитолог и путешественник. Миклухо-Маклай (правнук казака Миклухи, героя взятия Очакова) — русский антрополог и путешественник, исследователь Новой Гвинеи. Булатович — русский исследователь Эфиопии. Остроградский — русский математик. Малевич, творец «Черного квадрата», один из самых дорогих в мире художников — русский авангардист. Родченко — русский художник, один из пионеров дизайна. И так далее, до бесконечности.

В эмиграции — во Франции, США и так далее — продолжали считаться русскими потомки славных казацких родов художник Давид Бурлюк (знаменитый футурист) и всемирно известный дирижер Игорь Маркевич. Считались (и считаются) русскими явные украинцы, киевляне Игорь Сикорский (один из самых известных авиаконструкторов XX века), великий танцовщик Сергей Лифарь, великий генетик Феодосий Добржанский. Вот Архипенко — живописец-авангардист и скульптор, тот в эмиграции объявил себя украинским художником. Да и он время от времени попадает в русские.

89. Еще на Сенатской площади в 1825 году (восстание декабристов) Петр Каховский, отпрыск рода Нечуй-Каховских, стреляет в героя войны 1812 года графа Милорадовича, представителя черниговского дворянства. Среди других вождей декабристов мы видим Муравьева-Апостола, праправнука гетмана

- Апостола, а также Рылеева, пылкого украинофила. Список декабристов, а их несколько сот, пестрит украинскими фамилиями.
90. Публицистика А. В. Никитенко, С. С. Громеки, М. М. Стасюлевича, Д. Л. Мордовцева, А. М. Скабичевского, В. Г. Авсеенко, Г. К. Градовского (это он написал в газете «Голос» в связи с судом над Верой Засулич: «Мне чудится, что это не ее, а меня, всех нас — общество судят!»), М. М. Ковалевского, М. И. Туган-Барановского, И. И. Янжула, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, и других наших земляков внесла свой вклад в пробуждение российского общественного сознания, в распространение передовых для своего времени идей, в том числе социально-экономических, была важной частью русской публицистики.
91. Увы, это Петрункевич выдвинул роковой для демократии лозунг: «У нас нет врагов слева», и этого лозунга кадеты придерживались затем непозволительно долго. ЦК кадетской партии изобилует людьми украинского происхождения. Это известный публицист и правовед С. А. Котляревский, крупный историк И. В. Лучицкий, Н. П. Василенко (в 1918 году — министр просвещения и искусств, затем и. о. председателя Совета Министров Украинской Державы гетмана Скоропадского), Г. Б. Быховский, Д. Н. Григорович-Барский, Я. К. Имшенецкий, Л. А. Петражицкий, Н. В. Тесленко (впоследствии член деникинского Особого совещания и Национального Центра), М. П. Чубинский (выдающийся правовед и криминалист, сын автора нашего гимна, в 1918 году был министром юстиции у Скоропадского), С. Н. Прокопович (в 1917 году член российского Временного правительства, а после большевистского переворота — глава подпольного Временного правительства), ну и конечно В. И. Вернадский. Список далеко не полон.
92. О том, какое обилие украинцев было среди видных большевиков первого призыва, в этой книге уже говорилось, хотя многие и не упомянуты, как не связанные с Украиной. А были и такие. Например, Крестинский (член политбюро ЦК ВКП(б) при Ленине), Курский, Луначарский, Семашко, Майский, Подбельский, Цюрупа, Вышинский, Бонч-Бруевич.
93. Листая наугад: граф Вронченко, Федор Павлович, министр финансов при Николае I, содействовал развитию фабричной промышленности, непомерно увеличил государственный долг. Гамалея, Платон Яковлевич, моряк, автор работ по морской практике, навигационной астрономии и кораблевождению, за 4-томный труд «Вышняя теория морского искусства» избран в 1801 году почетным членом Академии наук. Гапон, Георгий Апполонович, знаменитый и загадочный «поп Гапон». Григорович, Дмитрий Павлович, один из пионеров гидроавиации, в 1915 году построил первый в мире гидросамолет с пушечным вооружением. Генерал Засядко, Александр Дмитриевич, создатель (в 1815 году) первых боевых пороховых ракет. Генерал Кованько, Александр Матвеевич, возглавил первую воздухоплавательную команду в России, совершил в 1885 году перелет Петербург — Нижний Новгород, исследовал верхние слои атмосферы. И так далее, и так далее.

94. Будучи «заинтересованным лицом», не буду цитировать «ляпы», касающиеся меня лично. Совершенно фантастические вещи можно прочитать о Путине. В итальянской газете «Коррера делла сера» утверждалось, что в России культ личности Путина не уступает культу личности Сталина.
95. Уже упоминался такой статистический источник, как «Книга фактов ЦРУ» за 2001 год. ВВП Китая, исчисленный по паритету покупательной способности, определен в ней по состоянию на 2000 год в 4,5 триллиона долларов США, тогда как у пятнадцати стран бывшего Советского Союза совокупный ВВП, также исчисленный по паритету покупательной способности, был равен в том же году, согласно этому источнику, 1,7 триллиона долларов. Конечно, такого рода оценки грешат неточностью. Так, ежегодник Всемирного банка за 2000 год определяет ВВП Китая, исчисленный по паритету покупательной способности, в 3848 миллиардов долларов. Правда, это показатель 1998 года, но рост на 652 миллиарда за два года невероятен, дело явно в разных методиках оценки. Но то, что Китай более чем вдвое обошел страны бывшего СССР вместе взятые, сомнению не подлежит.
96. Этими новыми качествами были: высококипящие компоненты топлива, позволявшие ракете долго пребывать в заправленном состоянии, полностью автономная помехозащищенная система управления и более высокая стратегическая дальность стрельбы.
97. Были решены и другие крайне сложные технические задачи. С помощью «ампулизации» обеспечено пребывание заправленных жидким топливом ракет в пусковой установке в течение всего срока их эксплуатации (до 15 лет), ракеты были оснащены средствами преодоления систем противоракетной обороны того времени, а ракете SS-18 придана устойчивость к поражающему воздействию высотных и наземных ядерных взрывов.
98. Собственно, к разработке космических ракет-носителей КБ «Южное» приступило еще с конца 1950-х годов, причем в качестве первых ступеней этих ракет были использованы свои же боевые ракеты. Так, на базе ракеты SS-4 был создан носитель SL-7 «Космос». С его помощью начала проводиться в жизнь обширная одноименная программа научных исследований околоземного пространства. Эта ракета эксплуатировалась до 1977 года и вывела на орбиту 150 спутников различного назначения. Ракета SS-5 послужила основой для носителя SL-8 «Интеркосмос». В ее активе более четырех сотен пусков, она и до настоящего времени используется для запуска спутников с российских полигонов Капустин Яр и Плесецк.

Боевая ракета Р-36 стала прародительницей двух модификаций носителя «Циклон» 70—80-х годов: «Циклон-2» (SL-10/11) — аналога глобального варианта этой ракеты, запускаемого с Байконура, и «Циклон-3» (SL-14) — трехступенчатого носителя со стартовой позицией в Плесецке. Ракеты-носители «Циклон» отличаются полной автоматизацией цикла (весьма короткого) предстартовой подготовки и высокой надежностью. Ракета «Циклон-2» была одним из главных звеньев системы противоспутниковой обороны СССР.

«Циклон-2» выводил на орбиту спутники-разведчики, спутники-мишени, истребители спутников. Его запускала с Байконура военная часть 46180. Однажды за три дня мы провели три пуска. В итоге среди космических носителей наш «Циклон-2» стал мировым лидером по надежности, за четверть века его эксплуатации (с августа 1969) проведено более ста пусков — и ни одного неудачного! Из 219 пусков ракеты-носителя аварийными были только четыре, а это значит, что по показателю надежности наша ракета-носитель превзошла все аналоги, какие только есть в мире.

99. Из 25 спутников «Интеркосмос» 22 разработаны в КБ «Южное». Впервые в СССР изготовление спутников было поставлено на поток на «Южмаше». Это стало возможным благодаря тому, что конструкторы КБ «Южное» положили в основу работы принцип предельной унификации конструкций обслуживающих систем, использование единого корпуса, общей схемы управления бортовой аппаратурой, единой системы энергопитания. Вначале это было осуществлено при выпуске серии малых унифицированных спутников для ракеты «Космос», а к концу 70-х годов созданы автоматизированные универсальные орбитальные станции в модификациях с ориентацией на Землю и на Солнце, с активным сроком существования до нескольких лет.

Деятельность КБ «Южное» в сфере изучения природных явлений началась с создания оригинального спутника с аэрогироскопической системой ориентации («Космическая стрела»), предназначенного для оптического зондирования атмосферы с целью совершенствования методов прогнозирования погоды. Затем последовала совместная с московским институтом ВНИИЭМ разработка метеорологического спутника «Метеор», первые серийные образцы которого изготавливались «Южмашем» и легли в основу создания в СССР космической метеорологической системы.

По инициативе КБ «Южное» в СССР развилось новое перспективное направление работ по созданию средств для дистанционного зондирования и исследования Мирового океана из космоса.

100. Послевоенный опыт Англии, США, Канады показал, насколько трудна задача конверсии военной экономики даже в условиях, когда все рыночные механизмы исторически отлажены и четко действуют, сколько лет она занимает. Советская же послевоенная конверсия была чисто командной, а к самому этому слову в нашем обществе за время гласности успела возникнуть аллергия.
101. 11 ноября 1989 года канцлер Коль говорил Горбачеву: «Мы, немцы, отдаем себе отчет в том, что такое глазомер — он означает и чувство меры, и способность при планировании действий учитывать наши возможности объединить Германию — пусть не сейчас, а спустя много лет».
102. Не могу не упомянуть, что Юрий Сергеевич Алексеев однажды тронул меня, как, наверно, ни один другой человек в мире. Став премьером правительства Украины 13 октября 1992 года, я, естественно, покинул пост генерального директора «Южмаша». Премьером я был почти год (без трех недель). Уйдя с по-

ста премьеры, я сразу же физически ощутил возникший вокруг меня и моей семьи вакуум: почти все из тех, кто демонстрировал любовь и преданность премьеру Кучме, от Кучмы-отставника отвернулись. И вот в такое время гендиректор «Южмаш» Юрий Алексеев, занявший это место с моим переездом на премьерскую должность в Киев, сам предложил мне вернуться в директорское кресло! Я отказался, но благородный порыв Юрия Сергеевича буду помнить всегда.

103. «Океан-О» — это весьма совершенный комплекс многоспектральной измерительной аппаратуры для проведения климатологических, океанографических и гляциологических исследований, прогноза состояния и загрязнения океанов и морей, контроля состояния и загрязнения атмосферы. Разработка, запуск и эксплуатация «Океана» — результат реализации Межгосударственной программы Украины и России по дистанционному зондированию поверхности Земли. С его помощью, среди прочего, могут быть получены данные для поиска нефтяных и газовых месторождений.

104. А ниже они потому, что ни одна боевая ракета в мире не переделывается с такой легкостью в ракету-носитель для вывода спутников и космических станций на низкоорбитальные (200—900 км, а с дополнительной ступенью — до 3000 км) круговые и эллиптические орбиты. Нужно лишь изменить один блок в системе управления и создать средства интеграции полезной нагрузки с ракетой. Техническая политика «южмашевцев» — как можно меньше отступать от тех технических решений, которые определили надежность ракеты SS-18. В отличие от других программ, в данном случае не требуются масштабные работы по созданию или глубокой реконструкции сооружений на космодромах.

Есть и еще одна причина, снижающая себестоимость запусков: у «Днепра» нет западного партнера. Западный партнер одним своим присутствием автоматически увеличивает цену. «Днепр» — сугубо украинско-российский проект. «Thiokol Propulsion» является маркетинговым партнером, работающим на контрактной основе.

105. Это ракета малого класса, мощности которой позволяют выводить на низкую орбиту (600—800 км) до 4 тонн полезного груза при весе спутника на борту в пределах 1—1,5 тонн. «Циклон-4» входит в число популярных в настоящее время на космическом рынке малогабаритных ракет и по степени надежности ее прототип превосходит все существующие в мире аналоги. Ракета оснащена головным обтекателем, она обладает увеличенным объемом для полезной нагрузки, может работать в режиме многоразового включения двигателей, имеет более точные и надежные системы управления и телеметрических измерений. В числе конструктивных преимуществ «Циклона-4» — наличие третьей ступени, что обеспечивает увеличение запаса топлива на 30%. При запуске с экватора ракета может вывести на орбиту гораздо больший полезный вес, чем это было бы возможно при запуске с космодрома Байконур или Плесецк. Участники проекта — ГКБ «Южное» и ПО «Южмаш», ОАО «Хартрон» (Харьков), итальянская компания «Фиат-Авио», рос-

сийское ЦКБ транспортного машиностроения (Тверь). Строительство общей инфраструктуры стартового комплекса космодрома осуществит бразильская компания «Infraego». К проекту проявляют интерес ряд иностранных фирм, в том числе американские. Партнеры рассчитывают осуществлять до шести запусков в год.

106. Всего один пример. По соглашению между Российской Академией наук и Национальной Академией наук Украины о совместной программе фундаментальных исследований Солнца и соответствующему соглашению между Росавиакосмосом и Национальным космическим агентством Украины, 31 июля 2001 года трехступенчатая ракета-носитель «Циклон-3» вывела с российского космодрома Плесецк на околоземную орбиту космический аппарат АУОС-СМ-КФ весом 2260 кг. Космический аппарат создан в ГКБ «Южное» на базе универсальной орбитальной станции с ориентацией на Солнце. Головной организацией по созданию бортовой научной аппаратуры выступил Институт земного магнетизма и распространения радиоволн Российской АН. Аппарат предназначен для изучения солнечных вспышек, и с этой целью он наблюдает параметры плазмы, в том числе в области перехода короны в солнечный ветер, эволюцию «коронарных дыр», выявляет токовые слои, ведет измерение ускоренных электронов и протонов. С целью прогнозирования явлений солнечной активности и их воздействия на магнитосферу и ионосферу Земли аппарат исследует внутреннее строение и динамику Солнца, включая вращение его внутренних слоев, фиксирует вариации потоков коротковолнового и корпускулярного излучений Солнца на фазе максимума 11-летнего цикла его активности.

Это был 119-й пуск ракеты-носителя «Циклон-3». 114 из 119 были успешными. Подчеркну еще раз: речь идет вовсе не о простом коммерческом запуске. Запуск АУОС-СМ-КФ — это совместный научный проект двух национальных академий, это часть российско-украинской программы исследований Солнца.

107. Согласно тендерным предложениям, спутник массой до 100 кг будет создан на основе микротехнологий. Полезной нагрузкой космического аппарата станет многоспектральный сканер с высоким пространственным разрешением в видимом диапазоне длин волн, а также аппаратура передачи сообщений, работающая в режиме так называемого «электронного почтальона». Спутник будет эксплуатироваться на гелиосинхронной орбите высотой 668 км. Его запуск на орбиту предполагается осуществить упомянутой выше конверсионной ракетой-носителем «Днепр-1».
108. Михаил Васильевич Хруничев, выдающийся организатор авиационной и ракетно-космической промышленности СССР, он ведь тоже нашенький — родился в 1901 году на Шубинском руднике в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии. Работал с 13 лет, был рассыльным, почтальоном, молотобойцем, после службы в Красной Армии учился в Украинской промакадемии. В 28 лет — помощник директора на заводе имени Артема в Луганске. В 30-е го-

ды был заместителем директора завода № 69 в Луганске, а в мае 1938-го стал заместителем наркома оборонной промышленности СССР. Во время войны руководил эвакуацией авиационной отрасли, строительством новых заводов. В январе 1946 года стал министром авиационной промышленности СССР. Умер в 1961 году на посту заместителя председателя Совета министров СССР. Кстати, другой великий советский ракетчик, Владимир Николаевич Челомей, тоже из наших. Он родился на Холмщине в 1914 году, был питомцем Киевского авиационного института. Можно было бы еще многих назвать.

109. «Попередження» — это экспериментальный космический комплекс, состоящий из основного спутника и двух субспутников по имени САМ и СЭМ (САМ — спутник активного мониторинга, СЭМ — спутник электромагнитного мониторинга). Субспутники должны находиться в строго определенном положении относительно основного космического аппарата, это достигается при помощи встроенных двигательных установок.
110. Наблюдая за сейсмическими областями с высоты 600 км, можно понять, каким образом в системе «литосфера—атмосфера—ионосфера—магнитосфера» просходит обмен энергией и веществом, можно проверять существующие теории атмосферно-ионосферных связей. Поскольку бортовая аппаратура может искажать показания датчиков, их устанавливая на выдвижных элементах на удалении до 10 м от корпуса спутника. Основной спутник и субспутники будут выведены на орбиту одной ракетой-носителем «Циклон-3».
111. В 2003 году исполняется 70 лет Киевскому международному университету гражданской авиации. Он создан в 1933 году на базе авиационного факультета Киевского машиностроительного института и сперва назывался Киевским авиационным институтом, затем Киевским институтом инженеров гражданской авиации. Со временем институт открыл свой филиал в Москве, и на базе этого филиала в 1971 году создан Московский институт инженеров гражданской авиации. (Кстати, выглядит ли эта история типичной для отношений колонии и метрополии?) Так вот, то, что выпускники КИИГА и МИИГА всегда легко найдут общий язык, и технический, и человеческий, — само по себе капитал, который надо ценить. Особенно на нынешнем суровом и скудном переходном этапе.
112. В. М. Глушков страстно интересовался, болел общественными проблемами, хотел реформировать советскую экономическую систему, но — в сторону еще большей «советскости»: отменить деньги, а централизованное планирование всего и вся не заменить свободным рынком, но многократно усилить компьютеризацией. Он был уверен, что компьютер быстрее и точнее наладит «правильные» отношения между спросом и предложением, чем свободная хозяйственная инициатива миллионов людей. Будучи непревзойденным специалистом в своей области, он, подобно многим крупным ученым, инженерам, изобретателям, предпринимателям, имел самые фантастические представления о других областях, о той же экономике, о ее законах, о своих возможностях преобразовать, революционизировать все вокруг себя.

113. Петр Александрович Румянцев за годы своего генерал-губернаторства хорошо узнал свободолюбивых украинских дворян. Они, говорит Румянцев, «при всех науках и в других краях обращения остались казаками», питающими горячую любовь к «сладкой отчизне» и к «своей собственной нации» (губернатор Малороссии тем самым признает, что «малороссы» — отдельная нация). «Эта небольшая частица людей, — писал Румянцев в шестидесятых годах восемнадцатого века, — иначе не отзывается, что они из всего света отличные люди, и что нет их сильнее, нет их храбрее, нет их умнее, и что нигде нет ничего хорошего, ничего полезного, ничего прямо свободного, чтоб им годиться могло, и все, что у них есть, — то лучше всего». Если выбирать между двумя крайностями, то такая установка выглядит предпочтительнее философии самоуничтожения, имеющей известное распространение в интеллектуальных кругах современной Украины.
114. Более двухсот лет назад петербургский издатель Василий Рубан (тоже наш земляк), отмечал широчайшую известность рукописной книги киевского «пешеходца» Василия Григоровича-Барского о святых местах: «В Малой России и в окружающих оную губерниях нет ни одного места и дома, где бы не было ее списка... люди из духовных и мирских состояний за великие деньги доставали оную».
115. Киевский историк Александр Оглоблин, оказавшийся после Второй мировой войны на Западе, идет, пожалуй, дальше всех: «“История Русов” постепенно приобрела такое мощное и непобедимое влияние на украинскую политическую мысль, такой авторитет в делах украинского национального сознания, такую вдохновляющую силу в украинской государственной идеологии, как никакое другое аналогичное произведение. “Отреченная книга” украинской исторической науки стала настольной книгой украинской политической мысли, учебником украинской национальной философии, программой национально-освободительной борьбы... “История Русов” как декларация прав украинского народа осталась вечной книгой Украины».
116. Ничем нельзя оправдать появление на Волге в 1941 году немыслимого по площади Рыбинского водохранилища (4580 кв. км, больше «Приднестровской республики») с его 800-километровой береговой линией и чудовищным объемом воды (25,4 куб. км — в 7,7 раз больше, чем объем водохранилища, которое подпирает Днепрогэс). При таких сокрушительных масштабах ждешь, что у Рыбинской ГЭС и мощность будет непревзойденная. Нет, она равна 330 Мвт, это меньше, чем у любой ГЭС Днепровского каскада. Сталинские теоретики объясняли, что зато, благодаря плотине Рыбинской ГЭС, у волжских судов появилась возможность подниматься до Углича (а дальше они поднимаются благодаря следующей плотине). Если бы за всем этим стоял малейший хозяйственный расчет, Рыбинское море никогда не появилось бы на карте, из воды не торчали бы колокольни церквей. Было переселено 130 тысяч человек, затоплено свыше 600 сел и деревень, множество родовых поместий. На дне осталась и могила исследователя и первооткрывателя «Слова

о полку Игоре́ве» графа Мусина-Пушкина. При заполнении водохранилища были уничтожены два города, Вьсьего́нск и Моло́га, а также (частично) город Пошехо́нь. Считается, что первый из названных городов «перенесен» и как бы продолжает существовать, Молога же исчезла бесповоротно. А это был почтенный волжский город, где до конца XVI века была важнейшая ярмарка в России, съезжались немцы, поляки, литовцы, греки, итальянцы, армяне, татары, турки, персы, хорезмийцы, и при Иване III с торговцев каждый год поступало в казну 180 пудов серебра. В сухие годы Молога появляется над поверхностью вод словно Китеж, и старики-уроженцы приезжают на лодках оплакать свой город. Об этом был фильм, еще по всесоюзному ТВ, году в 1990 или 1991-м.

117. Из первого тома «Истории запорожских козаков» Яворницкого (тогда Эварницкого), вышедшего в 1892 году:

«Запорожские козаки занимали пространство степей, прилегающих к обоим берегам Днепра в его нижнем течении, от восточной границы польско-литовского королевства и южной окраины владений малорусского и слободского козачества до реки Буга с одной стороны и вдоль правого берега речки Конки и до речки Калмиуса, впадающей в Азовское море, с другой.

Днепр — священная и заветная для запорожцев река; в козацких думах он называется “Дніпром-Славутою”, в козацких песнях — “Дніпром-братом”, на лощманском языке — “Козацьким шляхом”. Всех порогов в нем при запорожских козаках считалось девять — Кодацкий, Сурской, Лоханский, Звонецкий, Ненасытецкий, Волниговский, иначе Внук-порог, Будиловский, Лишний и Вильный.

Самый большой и страшный из всех порогов — Ненасытец. Это — родоначальник и всем порогам порог, Дид-порог. Река Днепр, дойдя до этого порога и встретив несокрушимые препятствия в виде лав, скал, гряд и мысов, с непостижимой силой ударяется в разные стороны, бешено бросается с одного камня на другой, вследствие этого страшно волнуется, высоко вздымает огромные валы пены, разбивается неисчислимыми миллионами водяных брызг; разлетается в разные стороны целыми потоками водяной пыли, выкручивает между скал бездонные пучины и всем этим производит страшный шум и стон, поглощая и крик птиц, и голоса людей, и всякий другой звук. Тут всякая мысль человека замирает от трепета, а все чувства застывают от страха. Самая холодная душа и та невольно почувствует потребность в молитве и невольно ощутит близость всемогущего Творца. Издали кажется, будто семьсот тысяч огромных водяных мельниц непрерывно стучат и переливают воду через свои колеса. Особенно величественным и особенно чарующим кажется Ненасытец с высоты птичьего полета правого берега реки в большой разлив воды, когда вся поверхность его засеребрится белой жемчужной пеной, а громадные, из-под воды торчащие камни покроются множеством гнезд местных птиц кричковых, беспрестанно снующих над порогом. Без сомнения здесь, у этого заветного порога, в виду его огромных скал, в живописном беспоряд-

ке разбросанных и по самому руслу, и по берегам Днепра, в виду высоких могил, поднимающихся в степи с обеих сторон реки и невольно наводящих на многие о прошлых судьбах человечества грустные думы; здесь, в виду этого грозного, дикого и заветного порога, часто сиживали и часто любовались с высокого мыса на мчавшиеся по скатам скал и на кипящие волны реки истинные ценители красот природы, мечтатели в душе, поэты в речах, художники в песнях, запорожские козаки, всегда жившие с природой душа в душу, лицом к лицу.

От порогов отличаются в Днестре заборы. Заборы — те же гряды диких гранитных скал, разбросанных по руслу Днепра, как и гряды порогов, но только не пересекающие реку сплошь от одного берега до другого, а занимающие часть ее, по преимуществу с правого берега реки, и таким образом оставляющие с другого берега свободный для судов проход. Всех забор считалось в Днестре в пределах запорожских козаков 91, но из них больших, искони известных забор, было шесть — Волошинова, Стрельчья, Тягинская, Воронова, Кривая и Таволжанская.

От забор отличаются камни, одиноко торчащие то там, то сям среди реки или у берегов ее; из множества камней, разбросанных по Днестру, самых известных было семь — Богатыри, Монастырько, Корабель, Гроза, Цапрыга, Гаджолла и Разбойники.

Между порогами и заборами, далеко выше и далеко ниже их, на всем Днестре в границах земли запорожских козаков, считались 265 больших и малых островов, из коих самых известных было 24 — Великий, Романов, Монастырский, Становой, Козлов, Ткачев, Дубовый, Таволжанский, Перун, Кухарев, Лантуховский, Гавин, Хортица, Томаковка, Стукалов, Скарбный, Скалзуб, Коженин, Каир-Козмак, Тавань, Бургун, Тягинка, Дедов и Сомов.

Почти все береговое пространство Днепра одето было роскошными и едва проходимыми плавнями, доставлявшими запорожским козакам и лес, и сено, и множество дичи и зверей. Плавни эти представляли собой, как и теперь представляют, низменность, покрытую травяною и древесною растительностью, изрезанную в разных направлениях речками, ветками, ериками, заливами, лиманами, заточинами, покрытую множеством больших и малых озер. Из всех плавен в особенности знаменита была плавня Великий Луг, начинавшаяся против острова Хортицы, и кончавшаяся, на протяжении около 100 верст, против урочища Палиивщины, выше Микитина Рога. Для запорожца, не знавшего в среде суровых товарищей своих “ні неньки рідненької, ні сестри жалібненької, ні дружини вірненької”, всю родню составляли Сечь да Великий Луг: “Січ — мати, а Великий Луг — батько, от там треба й умирати”; запорожец в Великом Лугу чувствовал себя что в необозримом море: тут он недоступен был “ні татарину-бусурманину, ні ляху поганому”.

В конце своего течения Днестр имел едва исчислимое множество островов, покрытых такою густой травой, таким непролазным камышом и такими вы-

сокими деревьями, что неопытные моряки издали принимали огромные деревья реки за мачты кораблей, плавающих по днепровским водам, а всю массу островов за один сплошной, огромной величины остров».

118. В 1988 году впервые в мире была выполнена полностью автоматическая посадка по-самолетному прямо с околоземной орбиты. Начав спуск при скорости 28 тысяч километров в час за 22 тысячи километров до точки посадки, «Буран» приземлился на аэродроме с точностью до первых метров, несмотря на сильнейший ветер. Эта посадка и сегодня остается мировым рекордом.
119. Не характерно ли, что вслед за этим последовал отказ США от создания американской орбитальной станции «Фридом»? Франция и Англия заморозили работы по своим челнокам «Эрмес» и «Хотол». Западные немцы тоже остановили проект своего челнока. Дело просто в том, что все три челнока разрабатывались для одной «Фридом», точнее, к европейскому модулю «Коламбус». Считать деньги, как выяснилось, богатые умеют лучше бедных. Может, потому они и богатые.
120. Летом 1991 года в газете «Московские новости», которая много сделала для демократического воспитания своих читателей, можно было прочитать следующее заявление: «Сегодня все осознают, что эпоха “великих космических свершений” закончилась вместе с породившей ее системой». Подразумевалось, следовательно, что полеты в космос — нечто очень плохое, вполне под стать системе, породившей ГУЛАГ, коллективизацию, «железный занавес», цензуру и т. п. В это самое время тысячи советских граждан впервые открыто читали книгу А. И. Солженицына «В круге первом», в которой есть эпизод: в сорок шестом году заключенные инженеры рассуждают «на шарашке», кто первым полетит на Луну, и один из них уверенно предсказывает: американцы. Это писалось до пилотируемых космических полетов.
121. В 1999 году в Киеве возникло Украинское молодежное аэрокосмическое объединение «Сузір'я» («Созвездие») во главе с народным депутатом Украины Олегом Петровым, которое нашло, по-моему, правильное решение: отмечать все памятные даты советской космонавтики 1957—1999 годов как одновременно и украинские, и российские (помня о том, что они также казахские, белорусские и так далее), пропагандировать достижения советской космонавтики, изучать их, собирать информацию, воспоминания участников, устраивать встречи космонавтов, разработчиков, конструкторов и изготовителей ракетной техники и космических аппаратов, готовить публикации. Когда меня попросили стать почетным президентом объединения, я с радостью согласился.
122. Здесь не случайно написано «50-миллионный народ», а не «40-миллионный», что примерно соответствовало бы количеству украинцев в тогдашней УССР. Это было бы в корне неверно. В цивилизованных странах исповедуются принцип: «Твоя родина — это страна, где ты живешь, чье гражданство у тебя в паспорте, ее интересы тебе ближе всего». Этот принцип сегодня актуален

для любой многонациональной страны — а мононациональных в мире уже практически не осталось.

123. Свидетельство человека, работавшего в эти годы в России — книга главного конструктора ракетно-космической системы «Энергия» Бориса Ивановича Губанова «Триумф и трагедия “Энергии”». Поскольку я сейчас не частное лицо, мне удобнее сослаться на объективного свидетеля, чем делиться очень похожими (уж поверьте) воспоминаниями самому. Всего один маленький эпизод. «Наш министр (пишет Б. И. Губанов, не называя министра общего машиностроения СССР Олега Николаевича Шишкина) в конце 1990 года, при смене руководства КБ “Южное”, сказал: “Было бы тебе известно, что в дальнейшем днепропетровский куст мы развивать не собираемся. Сочувствую тому руководителю, который будет свидетелем гибели этого КБ”. Речь идет, подчеркиваю, о союзнме, а не о российском министре! И если Станиславу Николаевичу Конюхову, генеральному конструктору — генеральному директору «Южного», не пришлось быть свидетелем гибели своего КБ, заслуга в этом принадлежит независимой Украине.

124. Примерно за год до этих событий я завел специальную книгу для записей. События громоздились одно на другое, и я подумал, что их стоит хотя бы самым кратким образом фиксировать — не хранить же горы газет. Почему-то я не догадался, что эти события уже очень скоро будут изучать историки. Перелистываю свои записи, начатые 3 июня 1989 года. Последняя страница заканчивается на дате 14 августа 1991 года. Среди записей едва ли не преобладают тревожные. Листаю наугад.

4 июня 1989. На перегоне Челябинск—Уфа из-за утечки и взрыва газа сгорели два пассажирских поезда, погибли сотни людей, около половины из них — дети, ехавшие в Крым на отдых.

Съезд народных депутатов освистал и захлопал академика Сахарова.

5 июня 1989. В Узбекистане кровавые столкновения между узбеками и турками-месхетинцами, убито больше ста человек. Рафик Нишанович Нишанов объяснил: все произошло из-за миски клубники.

6 июня 1989. На Съезде народных депутатов писатель Валентин Распутин («Прощание с Матерой» и др.) грозил остальным республикам: Россия, мол, выйдет из состава СССР, зачем России такой балласт?

17 июня 1989. Беспорядки и кровопролитие в Новом Узене (Казахстан). Местные жители гремят приезжих кавказцев, требуют их выселения.

6 июля 1989. Активисты «Руха» приехали в Полтаву протестовать против празднования 280-летия победы в Полтавской битве над шведами. Их перехватила милиция.

11 июля 1989. В Армении уже целую неделю всеобщая забастовка.

17 июля 1989. Крупные забастовки в Донбассе.

Во Львове создан городской рабочий комитет.

19 августа 1989. 50 русскоязычных предприятий Эстонии бастовали девять дней. Республика поставлена в тяжелое положение.

24 августа 1989. Забастовки в Тирасполе и Бендерах против молдавского закона о государственном языке.

26 августа 1989. Самовольные захваты земель в Бахчисарайском районе Крыма.

Уже две недели идут грузино-абхазские столкновения в Сухуми.

21 сентября 1989. Брежнева посмертно лишили ордена «Победа».

1 октября 1989. Участники праздника украинской песни во Львове избиты милицией.

8 октября 1989. На Запорожском трансформаторном освоено выпуск супер-трансформаторов единичной мощностью до 2,5 млн кВт.

15 октября 1989. В Хмельнице разогнано учредительное собрание областного отделения «Руха».

14 февраля 1990. Массовые беспорядки в Душанбе, много жертв.

25 февраля 1990. Демонстрация под антикоммунистическими лозунгами в Москве. Бакатин сказал, что участвовало 250—300 тысяч человек. Ситуация чудом не вышла из-под контроля.

17 апреля 1990. Горбачев объявил экономическую блокаду Литвы.

15 мая 1990. «Интерфронтовцы» пытались штурмовать Верховные советы Латвии и Эстонии.

7 июня 1990. Председатель российского Христианско-Патриотического союза призвал к гражданской войне.

12 июня 1990. Российская Федерация объявила о своем государственном суверенитете.

15 июня 1990. Первый съезд шахтеров СССР в Донецке решил провести 11 июля всесоюзную политическую забастовку.

14 июля 1990. Столкновения узбеков и киргизов с крупными жертвами.

16 июля 1990. Сегодня мы приняли в Верховном Совете Декларацию о государственном суверенитете Украины!.. Правда, документу не придан статус конституционного закона.

29 июля 1990. Бездомные захватили номенклатурный дом в Донецке.

1 августа 1990. Прибалты объявили, что не будут участвовать в подготовке нового Союзного договора.

2 сентября 1990. Приднестровье объявило себя республикой в составе СССР.

5 сентября 1990. Учащаются нападения на склады боеприпасов. Вчера это случилось в Узбекистане.

12 сентября 1990. В Харькове волнения из-за перебоев с сахаром.

16 сентября 1990. Толпа разгромила грузинский КГБ.

1 октября 1990. В Киеве 100-тысячная демонстрация за независимость Украины.

2 октября 1990. Студенты в Киеве разбили палаточный городок и начали политическую голодовку. Они требуют немедленной отставки В. А. Масола, а также права для призывников из Украины на отказ от службы за пределами УССР.

16 октября 1990. Ельцин в своей речи в Верховном совете РСФСР объявил недоверие правительству СССР и фактически провозгласил выход России из подчинения центру.

Горбачеву присуждена Нобелевская премия мира.

28 октября 1990. Закончился 2-й съезд «Руха». Новый курс: добиваться полной независимости Украины.

19 ноября 1990. УССР и РСФСР подписали межгосударственный договор.

10 декабря 1990. Южная Осетия объявила о выходе из Грузии.

15 января 1991. Ельцин подписал в Таллине с руководством прибалтийских республик заявление о том, что Россия, Литва, Латвия и Эстония впредь будут строить отношения на основе норм международного права, а не как республики СССР.

17 января 1991. Письмо маршалов и генералов в «Красной звезде» с обвинениями в адрес Ельцина.

21 января 1991. Референдум в Крыму. Большинство — за восстановление Крымской АССР.

29 января 1991. Указы Горбачева о борьбе с экономическим саботажем (слово из лексикона ежовщины) и о совместном патрулировании городов нарядами МВД и милиции.

10 марта 1991. 300-тысячный митинг в Москве за суверенитет России.

2 апреля 1991. Резкое повышение розничных цен (до трех- и четырехкратного).

24 апреля 1991. В Белоруссии три недели не прекращаются забастовки против дороговизны.

На пленуме ЦК КПСС объявлено, что за 1990 год из КПСС вышло 1,8 млн чел., за первый квартал 1991 — 587 тыс. чел.

27 апреля 1991. Конгресс коммунистов Литвы, Латвии и Эстонии в Риге совещается, как не допустить независимости своих республик.

29 апреля 1991. Части Советской армии взяли штурмом армянское село Геташен в Нагорном Карабахе. 37 человек убито.

7 июня 1991. Предприятия союзного подчинения на территории Украины (включая «Южмаш»!) переходят под юрисдикцию УССР.

12 июня 1991. Ровно через год после провозглашения своего суверенитета Россия избрала президента, им стал Борис Ельцин.

Ленинград снова стал Санкт-Петербургом.

28 июня 1991. СЭВ и Варшавский договор распущены.

19 июля 1991. Внешний долг СССР достиг 70 млрд долларов. Горбачеву не удалось договориться в Лондоне с «Большой семеркой» о кредитном соглашении.

24 июля 1991. В Ново-Огареве согласован текст Союзного договора. В новый Союз войдут: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Азербайджан, Туркмения, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан. Не войдут: Молдавия, Армения, Грузия, Литва, Латвия, Эстония. Молдавия еще может передумать. Дата подписания не назначена.

3 августа 1991. Расширенное заседание Совета министров СССР с участием руководителей правительств союзных республик. Обсуждалось «Экономическое соглашение между Союзом ССР и суверенными республиками».

8 августа 1991. «Демократическая Россия» требует от министра внутренних дел СССР Бориса Пуго расформировать отряды милиции особого назначения, действующие на территории Прибалтики.

14 августа 1991. ТАСС опубликовал текст Союзного договора. Русский язык не именуется в нем «государственным». Он будет языком «межнационального общения». Это уступка Украине.

Из сверхважных событий сюда еще просятся события в Риге и Вильнюсе — захваты ОМОНа телецентров, вообще — бесчинства этих подразделений, танки, выходы «наших», «павловская» денежная реформа, конфискационный обмен купюр...

125. Сам Леонид Макарович рассказывал потом: «У меня была одна цель: не взбудоражить людей до такого состояния, до такой степени, что они выйдут на улицу. Потому что тогда — всё. Генералам такая ситуация только и нужна. Выйдут люди на улицу, а военные дадут в Москву телеграмму: на Украине начались беспорядки, необходимо ввести военное положение. Бывшие помощники председателя Верховного Совета утверждают, что своими призывами к сохранению спокойствия Л. М. Кравчук ублажал бдительность путчистов «в такой мере, что даже многоопытный Крючков не смог разгадать его истинных ориентаций».
126. Когда были обнародованы результаты референдума по вопросу об Акте независимости и оказалось, что за него подали голоса 28 миллионов 804 тысячи 71 человек, то подумалось: как интересно, как хорошо, что эта цифра оканчивается на единицу. Каждый проголосовавший за независимость, глядя на эту цифру, говорит себе: «Вот он, я. Без меня на конце был бы ноль».
127. Даже после образования СССР Раковский готов был идти дальше. На двенадцатом съезде РКП(б) в апреле 1923 года он предложил «отнять от союзных комиссариатов девять десятых их прав и передать их национальным республикам», за что был обвинен Сталиным в «конфедерализме» и три месяца спустя смещен со своего поста в Украине.
128. Спорная и не поддающаяся проверке, но имеющая право на существование, мысль: советская система была абсурдной и неспособной конкурировать с рыночной экономикой, но именно она смогла победить немецкий фашизм, ибо фашизм, нацизм — это такая же лазерная концентрация ресурсов нации, это тоже в высшей степени мобилизационная система. Такая концентрация достигается лишь на коротком — два-три десятилетия — отрезке времени, но как раз в эти десятилетия с ними, фашизмом и коммунизмом, очень трудно бороться демократическим системам. Трудно победить спортсмена, напичканного допингами, но это не означает, что возможна жизнь на допингах.
129. В Воронежской губернии, в пограничных с Харьковской губернией уездах, дело в канун революции обстояло так: в Острогожском уезде (всего 360 тысяч

жителей) было 91% украинцев, в Богучарском уезде — 407 тысяч жителей и 82% украинцев, в Валуйском уезде, при населении в 250 тысяч человек, украинцы и русские распределялись почти поровну (48 и 51%). Доля украинцев была высока и в уездах «второго ряда», не граничивших с Харьковской губернией: в Бирючинском уезде (201 тысяча жителей) она равнялась 70,2%, в Павловском украинцы составляли половину 170-тысячного населения. Всего же в губернии жило около миллиона украинцев, 27,3% ее населения. В своей записке в ЦИК СССР М. С. Грушевский показывал, что украинцы живут в Воронежской губернии не чересполосно с русскими, а занимают сравнительно легко вычленимую цельную территорию. Чуть ниже (22,3%) доля украинцев была в Курской губернии. Здесь их жило перед революцией 712 тысяч человек. Грайворонский уезд (всего 236 тысяч жителей) был «малороссийским» на 60%, Путивльский (166 тысяч) — на 52,5%, Суджанский (152 тысячи) — на 45%, Рыльский (221 тысяча) — на 31%, Корочанский (227 тысяч) — на 26%, Белгородский (219 тысяч) — на 21%. Эти шесть уездов примыкали к Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниям, к границам которых и тяготело подавляющее большинство украинских сел.

130. Секретарь ЦИК (Центрального исполнительного комитета) СССР Амель Енукидзе втолковывал непонятливым украинцам: «Мы, как республики единого Союза, не можем базироваться только на национальном признаке. В общих интересах Союза огромное, даже первенствующее значение имеет экономический фактор, так что из-за чисто национального признака, часто сомнительного, неясного, мы не можем экономически ослабить важнейший район, который имеет значение для всего Союза... Украина, как мощная сама по себе республика и мощная нация, совершенно не нуждается в том, чтобы непременно выдергивать украинское население из великорусских областей и экономически ослабить этим и РСФСР и УССР». Что же такого «важнейшего» было в этих сугубо аграрных краях? Кто-то полагал, что Россия не хотела лишиться большей части своей сахарной промышленности (хотя в едином Союзе — что за разница, у кого эта промышленность?). Оказывается, Курская губерния уже тогда увидела многообещающую перспективу развития горного дела «в силу залегания в ней области магнитной аномалии и месторождения белого писчего мела... Граница залегания этих полезных ископаемых совпадает примерно с существующей ныне южной административной границей... Отчленение южных уездов Курской губернии нарушит целостность этого района, отделивши малоизвестные залежи от их естественного продолжения в Воронежскую губернию».

Дело было, конечно, не в писчем меле, а в Курской магнитной аномалии.

131. Про тогдашнюю «Украину на Кубани» (Кубанский округ примерно с 900 тысячами украинцев) знают все, но мало кому известно, что, скажем, в Донском округе (центр — Ростов-на-Дону) украинцев и русских было в то время практически поровну (соответственно 44 и 46% при населении 1 миллион 133 тысячи жителей); в Донецком округе (Миллерово) украинцев было 55%, русских

42%, всего жителей 375 тысяч человек; в Сальском округе — соответственно 44 и 52% на 472 тысячи человек. Острова украинского заселения тянулись на восток к Самаре, Саратову, Астрахани.

132. Страны успешного «догоняющего развития» (это выражение можно считать устоявшимся в научной литературе и публицистике), в первую очередь Китай, привлекают инвестиции тем, что поддерживают у себя курс доллара на уровне 20—40 процентов от паритета его покупательной способности (ППС). То есть на один доллар США в этих странах можно купить в 2,5—5 раз больше товаров и услуг, чем в самих Соединенных Штатах Америки. Мы могли на примере более близкой к нам России убедиться, что укрепление национальной денежной единицы на фоне ее инфляции — обуза для экономики. С января 1994 года по середину 1995-го покупательная способность доллара в России была снижена более чем вдвое, а к середине 1997 года — еще вдвое. В этом и выражалось укрепление национальной денежной единицы по-российски. Накануне обвала 1998 года покупательная способность доллара в России была всего в полтора раза ниже, чем в США! Это подрывало экспортные доходы российских предприятий, сводило на нет относительную дешевизну рабочей силы: слишком мало долларов они зарабатывали, чтобы их пример, их доходы могли привлечь иностранных владельцев капитала, инвесторов. Повторю: исчезал важнейший, с точки зрения инвестора, плюс России — низкие издержки на заработную плату, а минусы никогда не девались. Дефолт 1998 года как бы поправил дело, но его обвальнй характер сделал россиян ощутимо беднее, что слишком сжало внутренний рынок. Неизвестно, что хуже. Ведь мотором хозяйственной жизни в стране является, в первую очередь, отечественный платежеспособный спрос, кошельки ее граждан. Казалось бы, наблюдая все это, мы должны были мотать себе на ус. Мы и мотали, но, как видно, не очень усердно. Правда, валютное регулирование, «работа с инфляцией» — это ювелирной тонкости искусство, им надо долго овладевать.
133. Джордж Робертсон, генеральный секретарь НАТО, выступая 4 июля 2001 года, сказал: «Вклад Украины в европейскую безопасность за десять лет с момента обретения независимости является выдающимся. Ее согласие на уничтожение своего ядерного оружия и ее присоединение к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве неядерной страны позволили создать опору для стабильности в период после холодной войны. Ее последовательно проводимая политика хороших отношений с соседями, включая входящие в НАТО Польшу и Венгрию, приносит пользу Европе в целом. Разрешение проблем Крыма и Черноморского флота сделало возможными хорошие партнерские отношения с Россией. Непосредственно после распада Советского Союза только немногие могли бы предсказать столь спокойный переход. Развитие отношений с НАТО способствует усилению суверенной, независимой, демократической и ориентированной на рыночную экономику Украины. Руководители Украины ясно заявили о том, что хотят ин-

тегрировать свою страну в Европу. Независимая Украина вступила на этот путь десять лет назад и, каким бы тяжелым он ни был, это сегодня единственный путь, которым следует идти. Организация Североатлантического договора готова помогать Украине завершить полностью переход к своей европейской судьбе».

134. Каждая страна свободна в своем самоотождествлении. В девятнадцатом веке шли споры, относить ли себя к западной цивилизации, как это сегодня странно ни звучит, даже среди испанцев и немцев.

Литературно-
публистическое издание

Леонид КУЧМА

Украина — не Россия

Редактирование и корректура
Алла Гладкова, Татьяна Тимакова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Изд. лиц. № 00985 от 17.02.2000
Подписано в печать 10.07.2003.
Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 56,76.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 446.

Издательский Дом «Время».
113326 Москва, ул. Пятницкая, 25.
Телефон (095) 231 1877.
<http://www.vremya.ru>
e-mail: books@vremya.ru

Отпечатано на ГИПП
«Уральский рабочий»
620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

ISBN 5-94117-075-0

9 795941 170752

Скифская баба. Скифы — древние полукочевые племена, населявшие Причерноморье (между Дунаем и Доном).

Золотая пектораль (металлическое нашейное украшение) жрицы богини плодородия Деметры из кургана Большая Близница на Таманском полуострове. IV в. до н. э.

Развалины Херсонеса Таврического — античного города в Крыму. В Херсонесе принял крещение великий князь Киевский Владимир.

Саркофаг Ярослава Владимировича (Мудрого), 978–1054, великого князя киевского с 1019 года.

Анна Ярославна. Ок. 1024–1075. Дочь Ярослава Мудрого, с 1049 — жена французского короля Генриха I. Французская миниатюра.

Храм Святой Софии в Киеве. Главный православный храм домонгольской Руси. Был заложен в княжение Ярослава Мудрого на месте победной битвы киевлян с печенегами, освящен в 1032 году. Средневековая западноевропейская гравюра.

Успенский собор. 1239. Чернигов.

Данила Романович (Галицкий). Ок. 1201–1264.
Князь волынский, с 1238 — галицкий.

Корона Данилы Галицкого.

Михайловский Златоверхий монастырь. 1108–1113.
Перестроен в XVII–XVIII вв. Рисунок первой половины XIX века.

Святые Борис и Глеб. Младшие сыновья киевского князя Владимира Святославича. В междоусобной борьбе были убиты по приказу их старшего брата Святополка (Окаянного). Икона XIII в.

Оранта (молящаяся Богоматерь). Икона Покрова. Фреска в киевском Софийском соборе.

Княжеский Киев. Реконструкция.

Литовский князь Дмитрий Иванович Вишневецкий («Казак Байда») — гетман, основатель Запорожской сечи. Погиб в турецком плену в 1564.

Богдан-Зиновий Хмельницький (1595–1657), гетман войска Запорозького с 1648 г., основатель Казацкой державы. Возглавил Переяславскую раду (1654), провозгласившую соединение Украины с Россией.

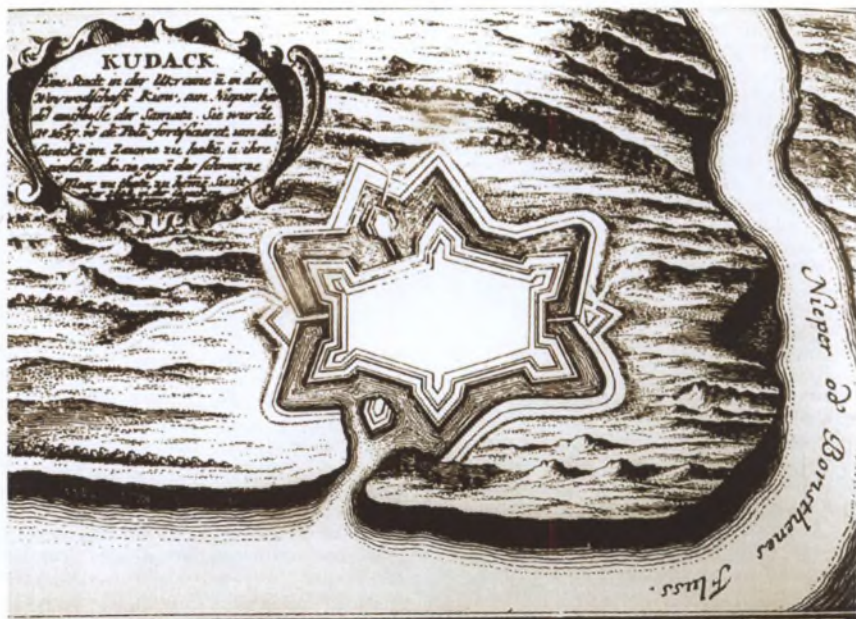
Княжеский Киев. Реконструкция.

Казацкое поселение. Средневековая гравюра.

Кодак. Крепость XVII–XVIII вв. План. Село Старые Кайдаки близ Днепропетровска.

Петр Сагайдачный (Конашевич-Сагайдачный).
1570–1622. Гетман украинского реестрового
(правобережного) казачества с 1614.

Казачья атрибутика и символика. Надпись на
печати: «Печать славного войска запорожского
низового».

Данило Апостол. 1654–1734.
Гетман Левобережной Украины с 1727.

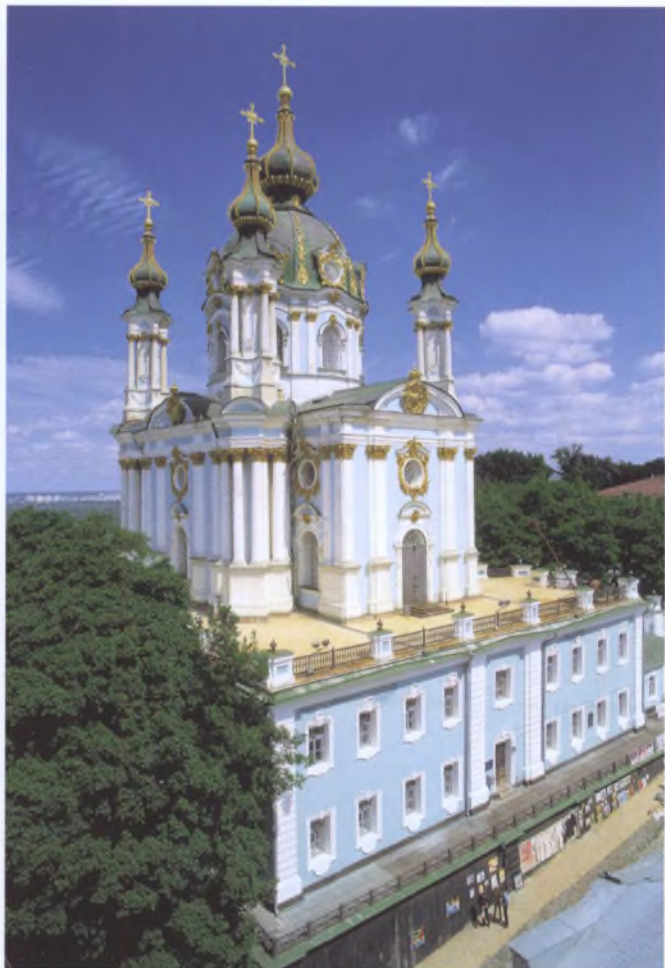

П. Л. Полуботок. 1660–1723.
Наказной гетман Левобережной
Украины в 1722—1723.

Филип Орлик. 1672–1742. Соратник гетмана
Мазепы, Генеральный писарь Гетманщины
(с 1707), гетман (в изгнании, после смерти
Мазепы) Войска Запорожского, соавтор
«Конституции прав и вольностей Войска
Запорожского» — первой украинской
конституции.

К. П. Разумовский. 1728–1803.
Граф, последний гетман
Левобережной Украины
(1750–1764).

Андреевская (святого Андрея)
церковь в Киеве. Построена
в 1747–1753 по проекту
Б. Ф. Растрелли.

Запорожцы пишут письмо турецкому султану. 1878–1891. И. Е. Репин.

Владимирский собор в Киеве. Построен в 1862–1882. Фото конца XIX века.

Колонна-памятник Магдебургскому праву в Киеве. 1802–1808.
Архитектор А. Меленский. Привилей на Магдебургское право, дарованный Киеву в конце XV века, освобождал горожан «от прав полских и литовских и русских», а также «от всякого права и моци и от насилья всих подданных Литовского княжества, от воевод, судей и других должностных лиц, от всих посполите врядников наших».

Г. С. Сковорода. 1722–1794. Украинский странствующий философ, поэт, музыкант, педагог.

И. П. Котляревский. 1769–1838.
Украинский писатель, автор
«Энеиды» – первого
произведения новой украинской
литературы.

Г. Ф. Квитка-Основьяненко. 1778–1843.
Украинский писатель, один из основателей
Харьковского профессионального театра.

Н. В. Гоголь. 1809–1852.

Т. Г. Шевченко. 1814–1861. Автопортрет.

И. Я. Франко. 1856–1916. Украинский писатель, ученый, общественно-политический деятель Западной Украины времен Австро-Венгерской империи, писал на украинском, польском и немецком языках.

Вера Холодная
(Полтава, 1893 — Одесса, 1919).

В девичестве
Вера Васильевна Левченко.
Одна из популярнейших актрис
украинского происхождения,
«королева» российского кино
1910-х годов.

М. К. Заньковецкая. 1860–1934.
Выдающаяся украинская актриса,
народная артистка Украинской ССР.
Участвовала в создании первого
украинского стационарного театра
в Киеве (1906).

Первый киевский театр. 1856. Архитектор И. Штрoм.

Киевская набережная. Начало XX века.

Герб Української Держави (1918) гетьмана П. П. Скоропадського.

Печать и варианты герба Украинской народной республики (УНР, 1917).

Украинские денежные знаки 1918–1920.

В. К. Винниченко. 1880–1951. Украинский писатель, политик, государственный деятель. Один из организаторов Украинской Центральной рады (1917), председатель Директории Украинской народной республики (1918–1919).

С. В. Петлюра. 1879–1926. Публицист, один из руководителей Украинской Центральной Рады (1917), генеральный секретарь по военным делам, организатор Гайдамацкого Коша Слободской Украины для вооруженной борьбы с большевиками (1918), член Директории и Главный атаман Армии Украинской народной республики (1918).

П. П. Скоропадский. 1873–1945. Генерал-лейтенант российской армии, гетман Украины (1918).

М. Грушевский. 1866–1934. Историк, член академии наук УССР и СССР. В 1917–1918 председатель Центральной Рады Украины.

Герб Богдана-Зиновия Хмельницкого (1595–1657), гетмана войска Запорожского.

Н. И. Махно. 1888–1934. Анархист, вождь украинского крестьянского повстанческого движения (махновщины) против немецкой оккупации, гетманата, Директории, Белой и Красной армий (1918–1921).

Х. Г. Раковский. 1873–1941.
Председатель Временного революционного правительства Украины (1918), председатель Совета народных комиссаров Украины (1919–1923).

Н. А. Скрыпник. 1872–1933. Один из организаторов коммунистической партии Украины, в 1927–1933 годах – народный комиссар образования, проводил политику украинизации.

Г. И. Петровский. 1878–1958.
Председатель Всеукраинского
Центрального исполнительного
комитета в 1919–1938.

Одна из жертв голодомора в Украине
(1932–1933).

Лесь (Александр Зенон) Курбас. 1887–1937.
Режиссер, актер, драматург. Крупнейший
украинский театральный деятель.

В. И. Вернадский. 1863–1945. Геолог, философ, создатель теории ноосферы. Один из основателей и первый президент Украинской Академии наук.

Учащиеся рабфака (сокращенное название существовавших в СССР в 1920–1930-е годы рабочих факультетов — общеобразовательных учебных заведений для взрослых).

Великая Отечественная война (1941–1945).
Советские войска ведут бой в окрестностях
Киева.

Киево-Печерская лавра в годы
немецкой оккупации (1941–1943).

После боев. Украина. Великая Отечественная война (1941–1945).

Крещатик, главная улица Киева, в начале немецкой оккупации (1941) разрушена советскими подрывниками (одна из крупнейших советских диверсий в тылу немецких войск на территории СССР).

Объявление (на украинском языке)
в еврейском гетто Луцка во время
немецкой оккупации.

«Объявление. Выходить жидам
на улицы за территорию, населенную
жидами, наистрожайше запрещено.

Исключения: жидам со свидетельством,
на обороте которого имеется
соответствующая отметка, позволено
проходить боковыми улицами в период
от 6.30 час. – 8.30 час.; 12.00 час – 14.00
час.; 17.00 час. – 18.30 час.

Передвигаться по главным улицам
(Ковельской, Главной, Северной,
Киевской) позволено только до
ближайшей боковой улицы.

Сопровождаемым жидовским рабочим
колоннам позволено передвигаться
указанным выше способом в течение
всего дня вне общезапрещенных часов.

Остановливаться запрещено. Жида,
которые нарушат это распоряжение,
будут наказаны смертью. Луцк, дня
13.XII 1941 г. Комиссар округа
Линднер».

ОГОЛОШЕННЯ

Виходити ЖИДАМ на вулиці поза діль-
ницю, яка замешкана жидами, найсуворіше
заборонено.

Винятки:

**Жидам з посвідками, на обороті
яких мається відповідна помітка,
вільно проходити бічними вулицями
в часі від**

6,30 год. — 8,30 год.

12,00 год. — 14,00 год.

17,00 год. — 18,30 год.

**Проходити головними вулицями (Ковель-
ською, Головною, Північною, Київською)
вільно тільки до найближче положеної
бічної вулиці.**

Провадженні жидівськими робітничими колонами віль-
но проходити вулицями в указаний вище спосіб про-
тягом цілого дня поза годинами загально забороненими.
Зупинятися заборонено.

**Жида, які порушать це розпорядження,
БУДУТЬ ПОКАРАНІ СМЕРТЮ.**

Луцк, дня 13.XII.1941 р.

Комісар Округи
ЛІНДНЕР.

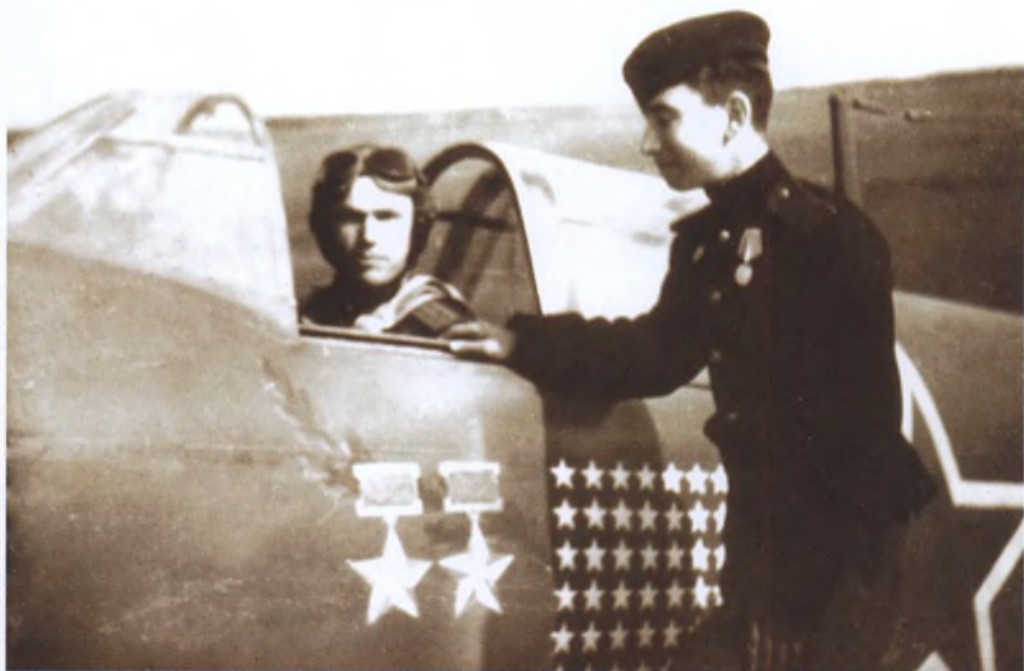

Степан Бандера. 1909–1959. Украинский политик,
один из ведущих деятелей ОУН (Организации
украинских националистов), много лет провел
в польских тюрьмах и в фашистском лагере смерти
Заксенхаузен. Убит на территории Германии
советским агентом.

С. К. Тимошенко. 1895–1970. Маршал Советского Союза, нарком обороны СССР (1940–1941).

И. Н. Кожедуб. 1920–1991. Советский маршал авиации (1985), летчик-истребитель времен Второй мировой войны, сбил 62 немецких самолета. Трижды Герой Советского Союза.

Ялтинская (Крымская) конференция (1945) лидеров трех союзных государств во Второй мировой войне — США, СССР и Великобритании — Ф. Д. Рузвельта, И. В. Сталина и У. Черчилля в Ялте, где были приняты основные решения по послевоенному разделу Европы.

На советском военном заводе. 1941–1945.

Киев освобожден. Пленные немцы на Софийской площади.

Перед отгрузкой на фронт. Готовая продукция одного из советских военных заводов. 1941–1945.

Антирелигиозная беседа в сельском клубе. Стенд с надписью по-украински: «Наука и религия – несовместимы». Начало 1960-х.

Е. О. Патон. 1870–1953. Украинский ученый, вице-президент Академии наук УССР (1945–1952).

О. К. Антонов. 1906–1984. Авиаконструктор, член Академии наук Украинской ССР. Создал более 60 самолетов и планеров типа «Ан».

Н. С. Хрущев. 1894—1971. Первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964). В 1938–1949 — Первый секретарь Центрального Комитета компартии Украины.

П. Е. Шелест. 1908–1996. Первый секретарь ЦК компартии Украины (1968–1972).

В. В. Щербицкий. 1918–1990. Первый секретарь Центрального Комитета компартии Украины в 1972–1989.

Л. И. Брежнев. 1906–1982. Первый (1964–1966) и Генеральный секретарь ЦК КПСС. В 1946–1950 — первый секретарь Запорожского, Днепропетровского обкомов компартии Украины.

В. М. Чорновил. 1938–1999. Украинский политик, журналист, соучредитель Украинской Хельсинской группы, политический заключенный в 1967–1987. Народный депутат Украины, в 1990–1992 — председатель Львовского областного совета, с 1992 — председатель Руха.

Василий Стус. 1938–1985. Украинский поэт, правозащитник, политзаключенный. Умер в советской тюрьме.

Олимпийский огонь в Киеве. Валерий Борзов. 1980.

В. Ф. Борзов. Украинский спортсмен, двукратный чемпион и призер Олимпийских игр по бегу (100, 200 м).

В. В. Лобановский. 1939–2002. Великий украинский футболист, тренер, Герой Украины.

Серж (Сергей Михайлович) Лифарь. 1905–1986. Французский артист балета украинского происхождения, выдающийся хореограф.

Андрей Шевченко. 1976. Украинский футболист, один из самых дорогих футболистов мира, любимец Украины.

С. Н. Бубка. 1963. Украинский легкоатлет, олимпийский чемпион по прыжкам с шестом (1988), пятикратный чемпион мира.

Чернобыльская атомная электростанция после аварии. 1986.

Президент Украины Л. Д. Кучма подписывает акт о закрытии Чернобыльской атомной электростанции.

«Мрия» («Мечта») с «Бураном». Советский космический корабль многоразового использования «Буран» на транспортном самолете украинского производства Ан-225 («Мрия»), одном из крупнейших в мире.

Очередной запуск украинской ракеты-носителя «Зенит» с морской платформы в рамках международной ракетно-космической программы «Морской старт».

Экипаж «Колумбии», американского космического корабля многоразового использования.
В составе экипажа – первый космонавт независимой Украины Л. К. Каденюк.
Полет совершен 19 ноября — 5 декабря 1997.

Украинский орден Княгини Ольги.

Украинский орден Ярослава Мудрого.

Украинский орден Богдана Хмельницкого.

Михайловский собор в Киеве. 1108–1113. Перестроен в XVII–XVIII вв. Разрушен в 1935, восстановлен в 1998. Современный вид.

Живая цепь «Украинская волна», выстроившаяся в 1990 году от западной границы Украины до восточной. Участники провозглашали антикоммунистические лозунги и требовали независимости Украины.

Национальный университет «Киево-Могилянская академия». Главный корпус.

Княжий знак (трязуб) святого
Владимира, герб современной
Украины.

Президентский штандарт современной Украины.

Из семейного альбома.

В колхозе «Нива». Харьковская область, 1945.

Первый президент Украины Леонид Кравчук принимает атрибуты государственности правительства (в изгнании) Украинской народной республики. Киев, 1992.

Премьер-министр Л. Д. Кучма, Л. М. Кравчук, народный депутат В. М. Пилипчук. 1992.

Президент и премьер. Весна 1993.

Во Дворце «Украина».

На Тарасовой горе. Канев.

Николаев.

Рукопожатие.

С президентом США Биллом Клинтон и государственным секретарем США Мадлен Олбрайт. 2000

Запуск американского космического корабля с украинским космонавтом Л. Каденюком на борту. Мыс Канаверал.

На военно-морском параде.

24 августа — День провозглашения
независимости Украины.

На Запорожском алюминиевом заводе.

Компрессорная станция газопровода «Дружба».

Киевское авиаремонтное предприятие.

На могиле матери. Село Чайкино.

Зальцбург. 2000.

На встрече в верхах лидеров стран
Центральной и Восточной Европы.
Ливадия, 2000.

С папой Иоанном Павлом II.

Встреча глав государств ГУУАМ.

Встреча руководителей стран СНГ. Сочи, 2001.

В Косово.

Севастополь, 2001.

На Харьковском авиационном заводе. 2001.

2003.

В Запорожье.

В Павловске.

Из семейного альбома.

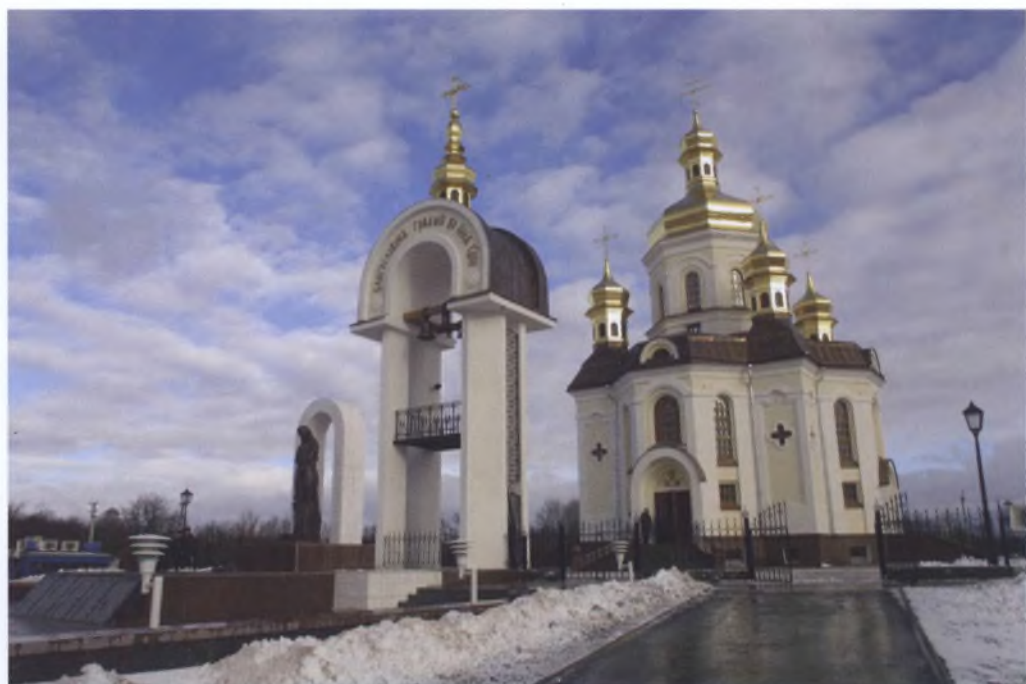
В мастерской скульптора.

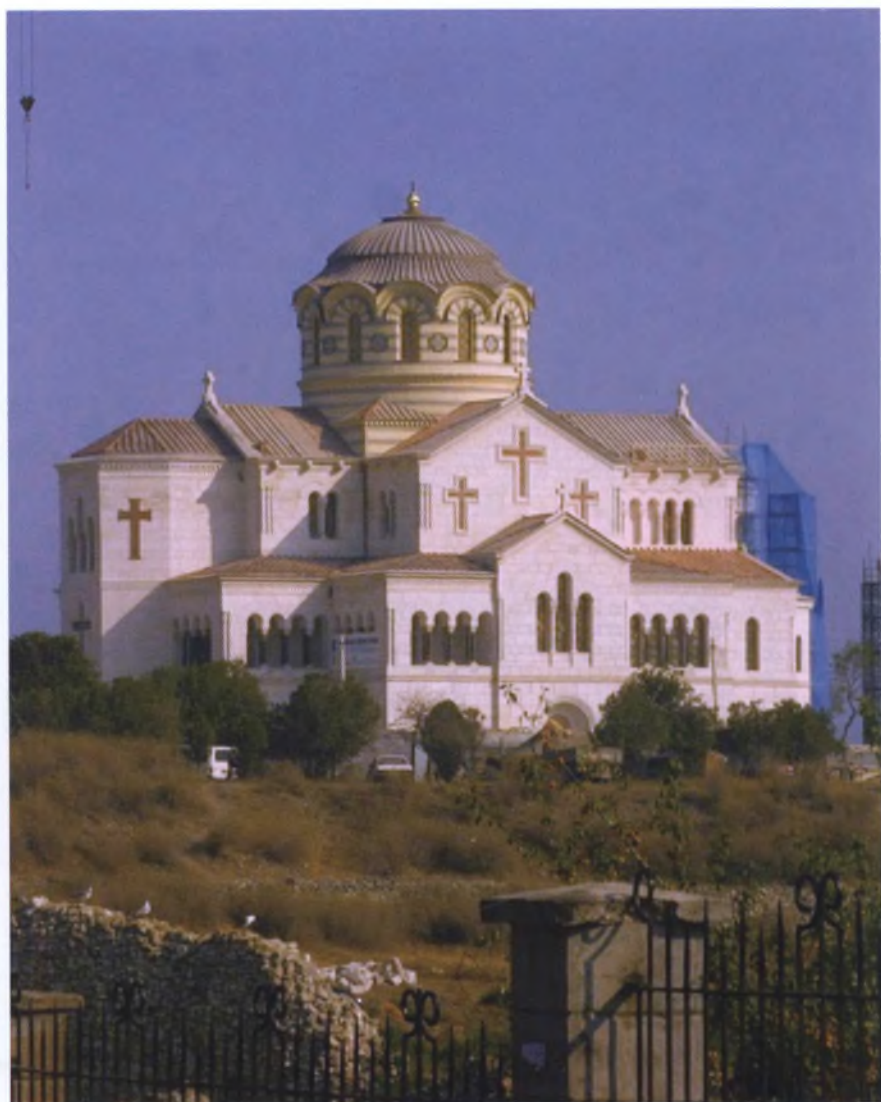
Воспитанники Киевской детской академии искусств.

Строятся церкви.

Херсонес.

«Таврийские игры», 2002.

В Карнатах.

Киевское «Динамо» — обладатель Кубка Украины по футболу, 2003.

Памятник великому князю Киевской Руси Владимиру Святославичу. Открыт в 1853 году на нижней террасе Владимирской горки в Киеве.

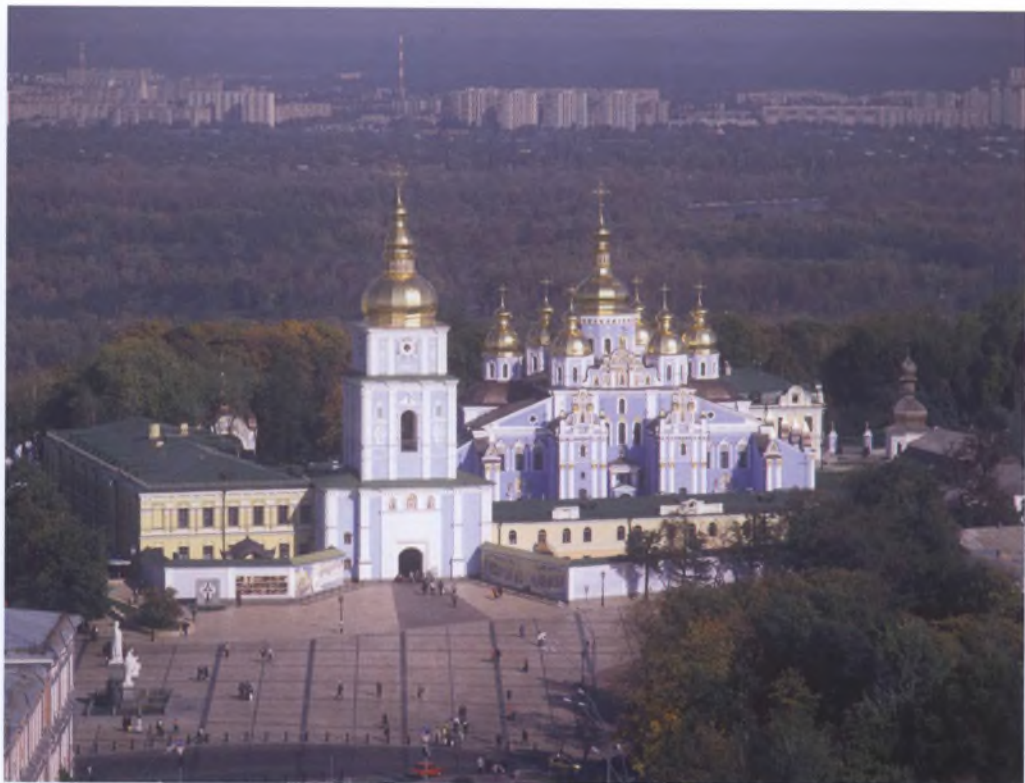
Вид на начало киевской улицы Ярославов вал со стороны Золотых ворот. Во II веке здесь находился защитный вал города.

Пешеходный мост через Днепр.

Киевский Политехнический институт.

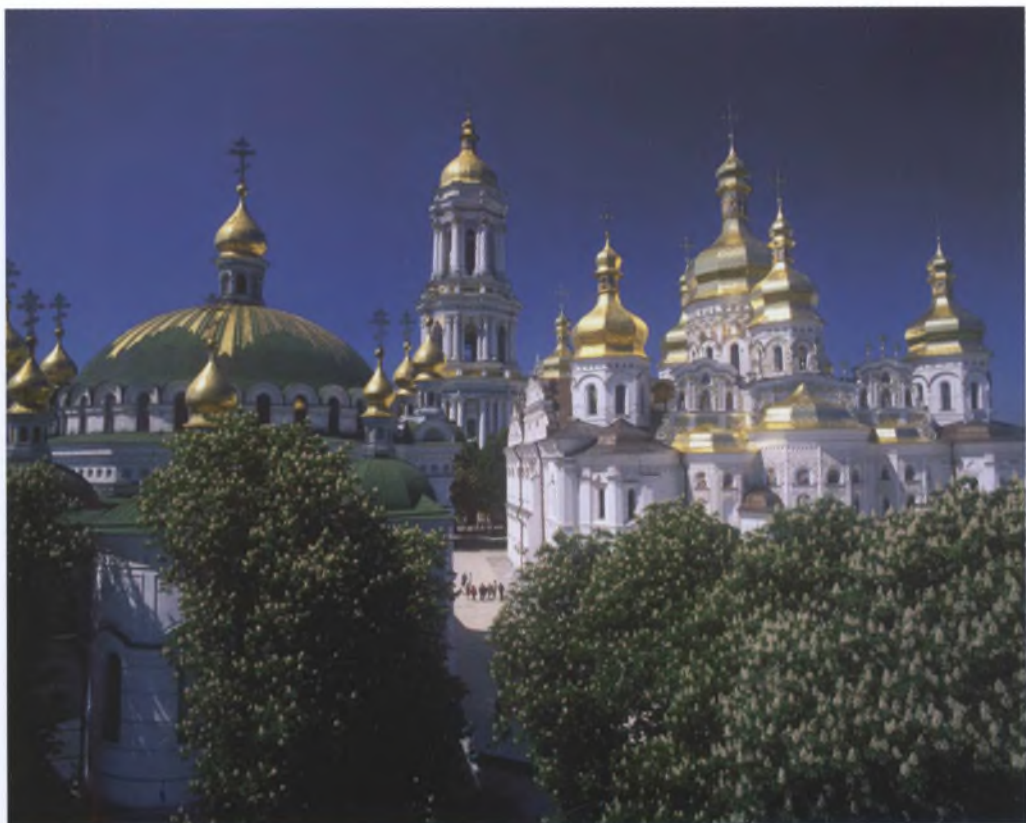
Михайловский собор в Киеве.

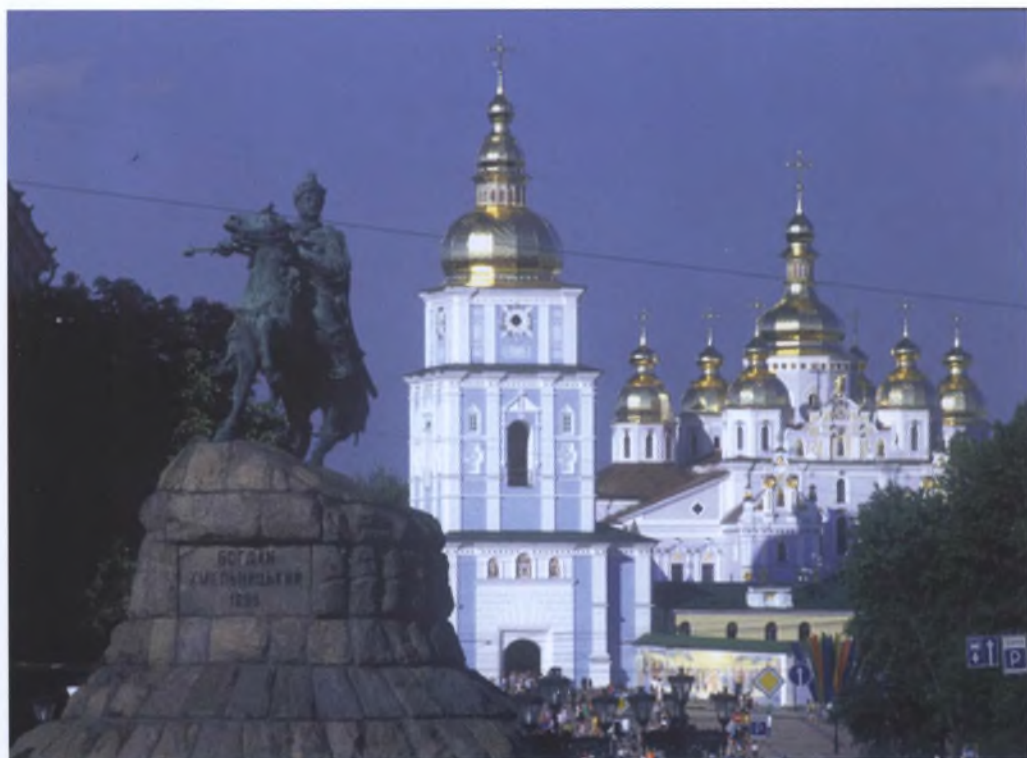
Архистратиг Михаил на фронтоне Михайловского собора.

Успенский собор Почаевской Лавры (г. Почаев
Тернопольской области. 1771–1783).

Киево-Печерская Лавра. XI–XIX.

Памятник Богдану Хмельницкому. 1888.

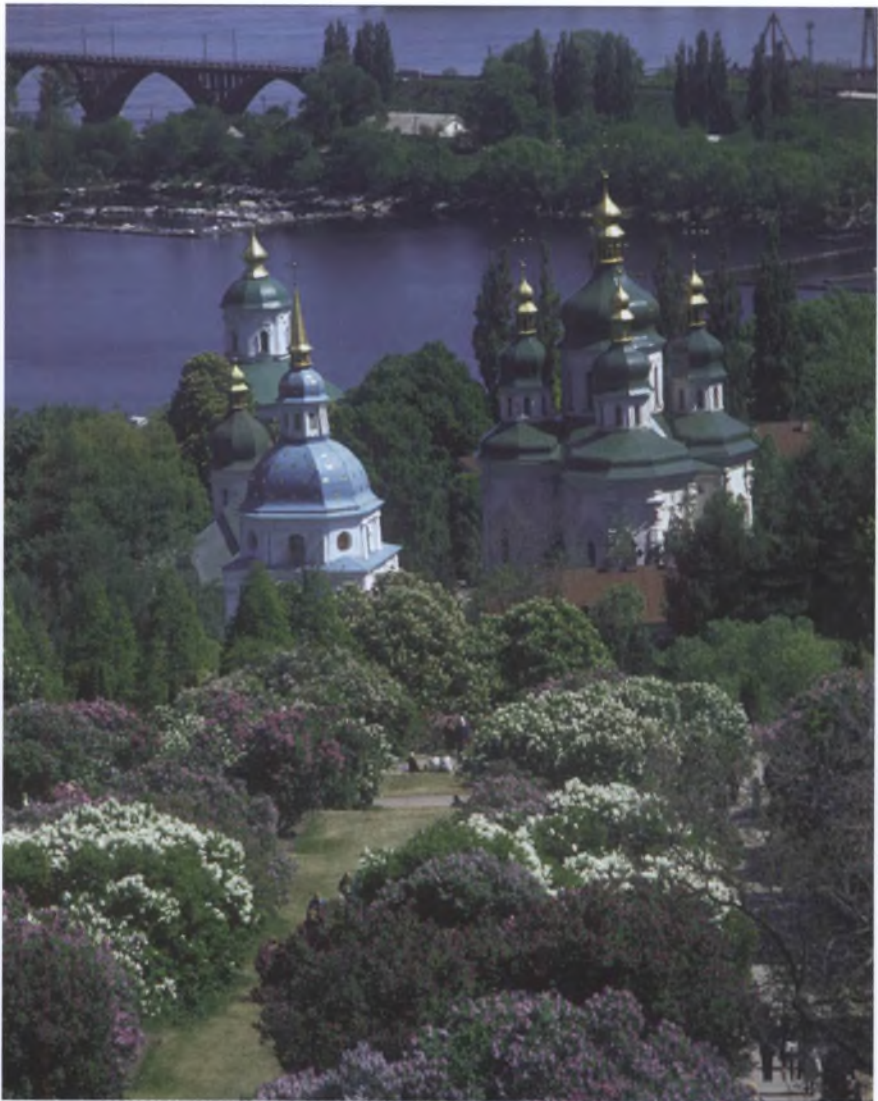
Каменец-Подольский Хмельницкой области.
XI–XVII.

Одесский порт.

Фонтан «Змея» в дендропарке «Софиевка».
1796–1800. Черкасская область.

Выдубицкий монастырь. XI–XVIII. Киев.

Борисоглебский собор в Чернигове. XII.

Хотинская крепость. XIII–XVIII.
Черновицкая область.

Усадьба Лопухиных. 1787.
Корсунь-Шевченковский Черкасской области.

Зачарованная Десна под Новгородом-Северским.

Горный Крым вблизи Ай-Петри.

Дендропарк Тростянец в Черниговской области.

Заповедная роща сосны Станкевича.
Новый Свет, Крым.

Ласточкино гнездо. Крым.

Вышгород (в 18 километрах от Киева). Впервые упоминается в летописи в 946 году.

Слобожанские леса. Харьковская область.

Яблоницкий перевал в Закарпатье.

Косули Прикарпаття.

Река Прут. Яремча, Прикарпатъе.

Трембиты на Празднике полонины.
Рахов Закарпатской области.

Рождественская елка на Площади Независимости в Киеве.

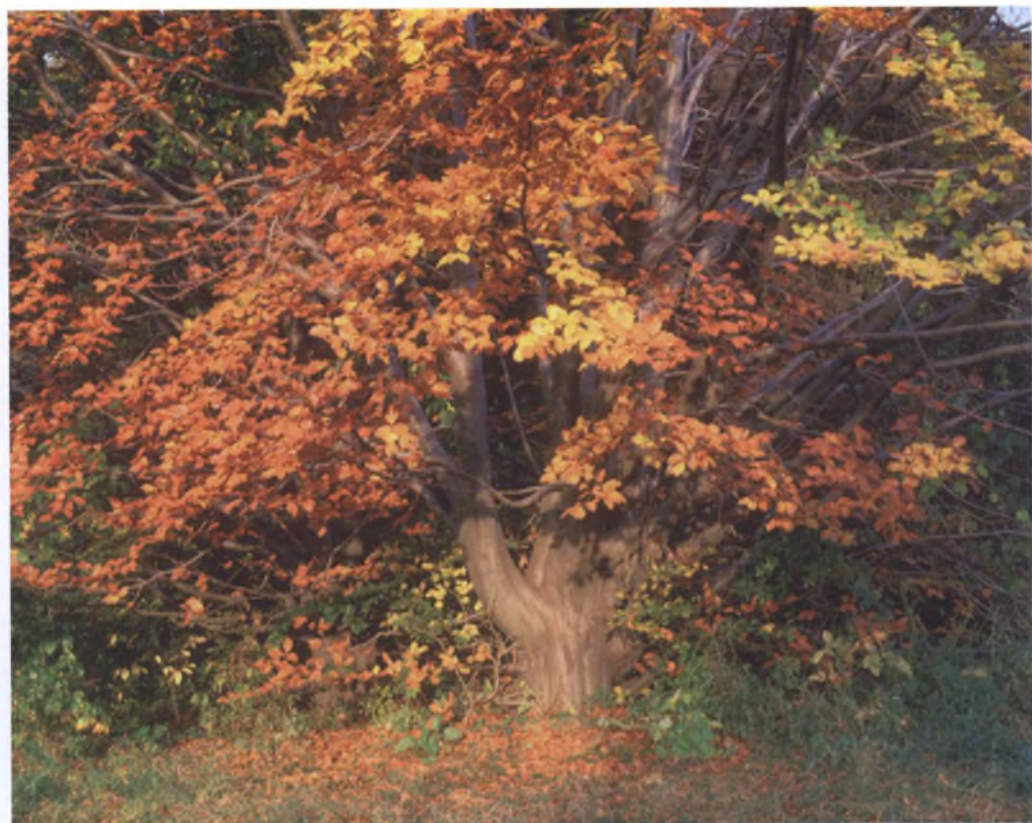
Киев осенью.

Музей и памятник А. Довженко.
Черниговская область.

Гостинный двор на Подоле в Киеве.

Буковые леса Украины. Черновицкая область.

